ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 3 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2025

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
канд. ист. наук *М.Ш. Галимова*

Редакционная коллегия номера:

Бессуднов А. Н., к.и.н., доц. (Липецк); **Галимова М. Ш.**, к.и.н. (Казань); **Жилин М. Г.**, д.и.н. (Москва); **Колесник А. В.**, д.и.н., проф. (Ростов-на-Дону); **Королев А. И.**, к.и.н., доц. (Самара); **Мартинез Фернандез Г.**, д-р, проф. (Гранада, Испания); **Мосин В. С.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Павлик А.**, д-р, проф. (Кесон-Сити, Филлипины); **Разгильдеева И. И.**, к.и.н., доц. (Чита); **Чаиркина Н. М.**, д.и.н. (Екатеринбург).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2025
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**

Editorial board:

Bessudnov Alexander N., Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Lipetsk); **Galimova Madina Sh.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Zhilin Mikhail G.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Kolesnik Alexander V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Rostov-na-Donu); **Korolev Arkady I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Samara); **Martínez Fernández Gabriel,** PhD, Prof. (Granada, Spain); **Mosin Vadim S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Pawlik Alfred,** PhD, Associate Prof. (Quezon-City, Philippines); **Razgildeeva Irina I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Chita); **Chairkina Natalia M.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие*

Chen Wei *(Beijing, China)* The Silk Road as a Skilled Practice: taking the two tea roads as cases 8

Eregzen G. *(Ulaanbaatar, Mongolia)* About the Xiongnu aristocratic tomb: structures, findings, associated chronology, evolution and changes 24

Васильев Д.В. *(Астрахань, Россия)* Вновь к вопросу о кочевой и оседлой ставках в степных империях (на примере Хазарии и Золотой Орды) 39

Майнагашева Н.С. *(Абакан, Россия)* Традиционная культура хакасов: ее значимость для развития художественной литературы 50

Гмыря Л.Б. *(Махачкала, Россия)* Назидательная арабская надпись на керамическом сосуде с территории Рубасского архитектурного комплекса VIII–IX вв.: определение нравственной направленности данной традиции 56

Лихачева О.С. *(Барнаул, Россия)* Изображения кинжалов в ножнах и без ножен на «оленных» камнях (по материалам Монголии) 64

Актуальные вопросы археологии Волго-Уралья: от палеолита до позднего средневековья**

Никитина Т.Б. *(Йошкар-Ола, Россия)* Е.П. Казаков об истории и культуре поволжских финнов в эпоху средневековья 71

Васильева И.Н., Королев А.И. *(Самара, Россия)* Итоги технико-технологического изучения керамики позднего энеолита стоянки Большая Раковка II 80

Черных Е.М. *(Ижевск, Россия)* Комплексы «коминтерновского типа» в Балезинском могильнике поломской культуры на Севере Удмуртии 94

Недашковский Л.Ф., Волков И.В., Шигапов М.Б. *(Казань, Россия)* Древнерусская керамика с Багаевского селища 106

Курманов Р.Г., Русланов Е.В., Проценко А.С., Русланова Р.Р., Савельев Н.С., Овсянников В.В. *(Уфа, Россия)***, Кадыров И.Ф.** *(Кушнаренково, Россия)* Отражение средневекового климатического оптимума в спорово-пыльцевых спектрах отложений археологических памятников Южного Предуралья 121

Руденко К.А. *(Казань, Россия)* Особенности формирования культурного слоя Остолоповского селища конца X – XII вв. в Татарстане и его топографическая хронология .. 134

Археология Урало-Поволжья в свете новых исследований***

Житенёв В.С., Анисовец Ю.Д., Литвинова Е.В., Кожарина М.Г., Малышева Я.А., Виноградова Е.А., Статкус М.А. *(Москва, Россия)* Стена и пол пещеры как культурный слой: особенности методики изучения палеолитических художественных практик 148

Лычагина Е.Л., Смертина Н.С., Демаков Д.А. *(Пермь, Россия)* Характерные черты камской неолитической культуры (на основе комплексного анализа посуды стоянок Хомутовское болото I–II) 161

Андреева О.В. *(Самара, Россия)* Итоги технико-технологического анализа посуды новоильинской культуры памятников Нижнего Прикамья 171

Анкушев М.Н. *(Миасс, Россия)***, Файзуллин И.А.** *(Оренбург, Россия)* Металлургические шлаки и металлообработка поселений позднего бронзового века Оренбургского Предуралья 181

---

* *Материалы Международной конференции «История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие*

** *Материалы круглого стола «Актуальные вопросы археологии Волго-Уралья: от палеолита до позднего средневековья» к 90-летию Евгения Петровича Казакова*

*** *Материалы IX Халиковских чтений*

Купцова Л.В., Медникова М.Б. *(Оренбург, Россия)* Население Оренбургского Приуралья в конце среднего – начале позднего бронзового века по данным изотопных исследований....196

Алаева И.П., Молчанов И.В. *(Екатеринбург, Россия)* Новые памятники абашевской культуры в степях Южного Зауралья 210

Овсянников В.В. *(Уфа, Россия)* Опыт палеоэкологического изучения поселений эпохи железа в Предуралье 224

Русланов Е.В., Савельев Н.С., Курманов Р.Г. *(Уфа, Россия)* Динамика освоения горно-лесной зоны Южного Урала в эпоху бронзы – Нового времени по данным междисциплинарных исследований в приустьевой части р. Кана.....239

Лещинская Н.А. *(Ижевск, Россия)* Ременные гарнитуры Тат-Боярского могильника VI–VIII вв. в бассейне р. Вятки.....258

Сабирова Т.М. *(Ижевск, Россия)* Состав цветного металла Варнинского могильника на примере датированных погребальных комплексов 272

Руденко К.А. *(Казань, Россия)* Жилые постройки и печные устройства Остолоповского селища конца X – XII вв. в Татарстане.....281

Мифтахов М.М., Недашковский Л.Ф. *(Казань, Россия)* Особенности лука и стрел регионов Золотой Орды 298

Макласова Л.Э. *(Казань, Россия)***, Васильев Д.В.** *(Астрахань, Россия)* Головной убор из погребения 70 грунтового могильника Маячный бугор II: анализ, реконструкция, интерпретация 309

Пашина Е.В., Мирсияпов И.Ю. *(Казань, Россия)* Проектная деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ по сохранению объектов археологического наследия (на примере города Казани) 320

Кольченко В.А. *(Бишкек, Кыргызстан)***, Зиновьева А.А.** *(Казань, Россия)* Керамика из раскопок 2023 года на городище Кен-Булун (Кыргызстан) 331

Список сокращений.....350

Правила для авторов.....351

CONTENT

History and culture of peoples Steppe Eurasia: traditions and interaction

Chen Wei *(Beijing, China)* The Silk Road as a Skilled Practice: taking the two tea roads as cases (in English) 8

Eregzen G. *(Ulaanbaatar, Mongolia)* About the Xiongnu aristocratic tomb: structures, findings, associated chronology, evolution and changes (in English) 24

Vasiliev D.V. *(Astrakhan, Russian Federation)* Once Again to the Question of Nomadic and Sedentiary Headquarters in Steppe Empires (on the example of Khazaria and Golden Horde) 39

Mainagasheva N.S. *(Abakan, Russian Federation)* Traditional Khakass Culture: its significance for the development of fiction writing 50

Gmyrya L.B. *(Makhachkala, Russian Federation)* Homiletic Arabic Inscription on a Ceramic Vessel from the Rubas Architectural Assemblage of the 8th-9th Centuries 56

Likhacheva O.S. *(Barnaul, Russian Federation)* Depictions of Daggers in Scabbards and without Scabbards on Deer Stones (based on materials from Mongolia) 64

Current issues of the archaeology of the Volga-Urals: from the Paleolithic to the Late Middle Ages

Nikiina T.B. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation)* E.P. Kazakov on the history and culture of the Volga Finns in the Middle Ages 71

Vasilyeva I.N., Korolev A.I. *(Samara, Russian Federation)* The Results of the Technical-Technological Study of Ceramics from the Late Eneolithic Campsite of Bolshaya Rakovka II 80

Chernykh E.M. *(Izhevsk, Russian Federation)* "Comintern-Type" Complexes in the Balezino Burial Ground of the Polom Culture in the Northern Udmurtia 94

Nedashkovsky L.F., Volkov I.V., Shigapov M.B. *(Kazan, Russian Federation)* Ancient Russian Pottery from Bagaevka Settlement 106

Kurmanov R.G., Ruslanov E.V., A.S. Protsenko, Ruslanova R.R., Savelyev N.S., Ovsyannikov V.V. *(Ufa, Russian Federation)*, **Kadyrov I.F.** *(Kushnarenkoov, Russian Federation)* Reflection of the Medieval Climatic Optimum in the Palynological Spectra of Deposits of Archaeological Sites of the Southern Urals 121

Rudenko K.A. *(Kazan, Russian Federation)* Formation Peculiarities of the Cultural Layer at the Ostolopovo Settlement of the Late X–XII Centuries in Tatarstan and its Topographic Chronology 134

Archaeology of the Ural-Volga Region in the light of new research

Zhitenev V.S., Anisovets Yu.D., Litvinova E.V., Kozharina M.G., Malysheva Ya.A., Vinogradova E.A., Statkus M.A *(Moscow, Russian Federation)* Cave Wall and Floor as a Cultural Layer: Specifics of the Methodology for Studying Paleolithic Artistic Practices 148

Lychagina E.L., Smertina N.S., Demakov D.A. *(Perm, Russian Federation)* Characteristics of the Kama Neolithic Culture Pottery (based on a comprehensive analysis of wares from Khomutovskoe Boloto I-II campsites) 161

Andreeva O.V. *(Samara, Russian Federation)* Results of the Technical and Technological Analysis of the Wares from the Novoilyinskiy Culture Sites of the Lower Kama Region 171

Ankushev M.N. *(Miass, Russian Federation)*, **Faizullin I.A.** *(Orenburg, Russian Federation)* Metallurgical Slags and Metalworking of the Orenburg Fore-Urals Late Bronze Age Settlements . 181

Kuptsova L.V., Mednikova M.B. *(Orenburg, Russian Federation)* The Orenburg Urals Population from the End of the Middle to the Beginning of the Late Bronze Age based on Isotopic Research 196

Alaeva I.P., Molchanov I. V. *(Ekaterinburg, Russian Federation)* New Abashevo Culture Sites in the Steppes of the Southern Trans-Urals 210

Ovsyannikov V.V. *(Ufa, Russian Federation)* The Experience of Paleoecological Study of Iron Age Settlements in the Forest-Steppe Fore-Urals 224

Ruslanov E.V., Savelev N.S., Kurmanov R.G. *(Ufa, Russian Federation)* Developing Dynamics in the Mountain-Forest Zone of the Southern Urals from the Bronze Age to the Early Modern Time, based on Interdisciplinary Research at the Mouth of the Kan River..... 239

Leshchinskaya N.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* Belt Sets from Tat-Boyary Burial Ground of the VI–VIII Centuries in the Vyatka River Basin..... 258

Sabirova T.M. *(Izhevsk, Russian Federation)* Composition of Non-Ferrous Metal from the Varni Burial Ground on the Example of Dated Burial Assemblages 272

Rudenko K.A. *(Kazan, Russian Federation)* Residential Buildings and Stoves of the Ostolopovo Settlements (late X – XII Centuries) in Tatarstan 281

Miftakhov M.M., Nedashkovsky L.F. *(Kazan, Russian Federation)* Features of the Bow and Arrows of the Golden Horde Regions..... 298

Maklasova L.E. *(Kazan, Russian Federation)***, Vasiliev D.V.** *(Astrakhan, Russian Federation)* Headdress from Burial 70 of the Mayachny Bugor II Burial Ground without Mounds: analysis, reconstruction, interpretation 309

Pashina E.V., Mirsiyapov I.Yu. *(Kazan, Russian Federation)* Project works by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences on preserving archaeological heritage sites (case study of Kazan) 320

Kolchenko V.A. *(Bishkek, Kyrgyzstan)***, Zinovyeva A.A.** *(Kazan, Russian Federation)* Pottery from the 2023 Excavations at the Ken-Bulun Settlement (Kyrgyzstan) 331

List of Abbreviations..... 350

Instructions for Authors..... 351

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ: ТРАДИЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.8.23

THE SILK ROAD AS A SKILLED PRACTICE: TAKING THE TWO TEA ROADS AS CASES[1]

2025, CHEN Wei

The Silk Road, an ancient network of trade and cultural exchange, has been a subject of significant scholarly interest, particularly in China, Russia, and Mongolia. This paper delves into the skilled practice that underpinned the operation of two major tea roads, emphasizing the continuity of the Silk Road's legacy. It argues for a new approach to the study of cross-cultural exchanges by examining the knowledge systems that supported the movement, adaptation, and exchange of goods and ideas across the Eurasian continent. The author introduces two conceptual tools: "Silk Roadness" to describe the aspects of knowledge reflected in the Silk Road's operation, and "Silk Road+" to denote the transformation that the Silk Road brought to knowledge systems. The paper posits that the Silk Road facilitated the formation, selection, and evolution of knowledge, endowing it with specific functions and creating specialized spaces for its practice. The study focuses on the Eurasian Tea Road ("万里茶道") and the Tea-Horse Road ("茶马古道"), examining the commercial cities, transportation methods, and the specialized skills that evolved along these routes. The author conducted field research in key locations such as Zhangjiakou and Qixian in the Eurasian Tea Road, and in Pu'er and Ya'an along the Tea-Horse Road, gathering information on historical sites, documents, artifacts, and traditional crafts. The paper highlights the distinct roles of Zhangjiakou and Qixian in the Eurasian Tea Road, where Qixian was a hub for Shanxi merchants, and Zhangjiakou served as a critical junction for trade between agricultural and nomadic regions. The author also discusses the Pu'er, Ya'an and Kangding in the Tea-Horse Ancient Road, which was key to the distribution of Yunnan and Sichuan teas to Tibet. The author identifies several key areas of skilled practice along the Silk Road, including commercial practical skills, transportation methods, trade infrastructure, communication and interaction skills, and product packaging and sales strategies. These skills were essential for the successful operation of the trade routes and for adapting to the diverse environments and cultural contexts encountered along the way. The paper concludes by emphasizing the importance of understanding the intricate relationship between the Silk Road and traditional knowledge systems. It calls for continued interdisciplinary research that incorporates the concepts of "Silk Roadness" and "Silk Road+" to build a more comprehensive framework for understanding the Silk Road as a vibrant network of knowledge evolution.

Keywords: practical skills, the Eurasian Tea Road, the Tea-Horse Road, Silk Roadness, Silk Road+

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ПРАКТИКА: НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ЧАЙНЫХ ПУТЕЙ[2]

ЧЭН Вэй

Великий Шелковый путь, древняя сеть торговых и культурных связей, является предметом пристального интереса ученых, особенно в Китае, России и Монголии. Данная статья посвящена изучению торговли, которая лежала в основе функционирования двух основных чайных маршрутов, подчеркивая преемственность наследия Шелкового пути. Обосновывается необходимость нового подхода к изучению межкультурных связей путем изучения систем знаний, которые способствовали перемещению, адаптации и обмену товарами и идеями по всему Евразийскому континенту. Автор вводит два концептуальных инструмента: "Шелковый путь" для описания аспектов знаний, которые находили применение при функционировании Шелкового пути, и "Шелковый путь+" для обозначения изменений и дополнений, которые Шелковый путь привнес в систему знаний. В статье утверждается, что Великий

[1] Supported by International Partnership Program of Chinese Academy of Sciences (Grant No. 131C11KYSB20190035).

[2] Работа выполнена при поддержке Международной партнерской программы Академии наук Китая (грант № 131C11KYSB20190035).

Шелковый путь способствовал формированию, отбору и эволюции знаний, наделяя их определенными функциями и создавая специализированные пространства для их применения на практике. Основное внимание в исследовании уделяется Евразийскому чайному ("万里茶道") и Конно-чайному ("茶马古道") путям. Рассматриваются торговые города, способы транспортировки и специальные навыки, которые формировались во время функционирования этих маршрутов. Автором были проведены полевые исследования в таких ключевых местах, как Чжанцзякоу и Цисянь. находившихся на Евразийском чайном пути, а также в Пуэр и Яань на Конно-чайном пути, собраны сведения о древних пунктах, документах, артефактах и традиционных ремеслах. В статье подчеркивается особая роль Чжанцзякоу и Цисяня на Евразийском чайном пути, где Цисянь был центром торговли Шаньси, а Чжанцзякоу служил важным торговым узлом между сельскохозяйственными и кочевыми регионами. Также определенное внимание уделяется Пуэр, Яань и Кандин, располагавшихся на Конно-чайном пути, который сыграл ключевую роль в распространении юньнаньских и сычуаньских чаев в Тибете. Автор выделяет несколько ключевых направлений деятельности на Шелковом пути, которые охватывают практические коммерческие навыки, методы транспортировки, торговую инфраструктуру, навыки коммуникации и взаимодействия, а также обеспечение сохранности товаров и сырья во время транспортировки и планирование продаж. Эти навыки были необходимы для успешного функционирования торговых маршрутов и адаптации к различной культурной среде и условиям, с которыми приходилось сталкиваться на этих маршрутах. В заключение подчеркивается важность понимания сложной взаимосвязи между Шелковым путем и традиционными системами знаний. Указывается необходимость продолжения междисциплинарных исследований, включающих концепции "Шелкового пути" и "Шелковый путь+", по созданию более всеобъемлющей основы в понимании Шелкового пути как динамичной сети эволюции знаний и навыков.

Ключевые слова: практические навыки, Евразийский чайный путь, Конно-чайный путь, Шелковый путь, Шелкового пути+

Fig. 1. The Eurasian Tea Road and the Tea-Horse Road
Рис. 1. Евразийский чайный путь и Конно-чайный путь

The Eurasian Tea Road is highly valued by scholars from China, Russia and Mongolia as a historical network of cultural and economic exchange. With the emphasis on transnational and interdisciplinary approaches to cooperation, it is worthwhile to think deeply about how to explore in depth the cultural heritage that is interconnected and at the same time profoundly localized in various places along the Eurasian Tea Road. There has been much discussion among scholars about the Eurasian Tea Road, most of which focuses on the history of commerce and material culture in the pre-modern and early modern periods, as well as on seeking opportunities to promote contemporary cultural exchanges on the basis of history. Figures who were active on this trade route have also been the centerpiece of some of these discussions[1]. However, scholars have often not paid sufficient attention to the foundational fact that cross-cultural exchange was first and foremost in antiquity a desire and a dream to overcome the conservative ideology of settling down. From this perspective, exotic goods were not only the driving factor, but also the content and result of exchange. Behind the strong motivation to move from generation to generation across the immensity of the Eurasian continent and into other cultures was

a set of knowledge and skills. This set of skills was initially derived from certain occurrences in the general body of knowledge, which was then passed on through repeated practice and transmission to specific groups of people, and eventually led to specialization and the formation of spaces for the concentrated practice of this specialization. This implies a new approach to the study of intercultural communication, which focuses on the characteristics of the Eurasian Tea Road (or the Silk Road in general) as a contact zone (Pratt, 1991, p. 33-40)[2], such as anticipation of a distant place, movement, adaptation, and communication, and to explore the knowledge system that constitutes these characteristics at the dimensions of intangible and daily behaviors.

In an earlier paper (Chen Wei, 2023, p. 95–98), I proposed two instrumental concepts. First, I use the term Silk Roadness to refer to those aspects within the knowledge system that embody and support the characteristics mentioned above. On the other hand, Silk Roads were also engaged in the formation of knowledge, filtering existing knowledge, stimulating the proliferation and evolution of related knowledge, giving it a clear function, and bringing it together to form a new system. I employ the term "Silk Road+" to refer to this mutation of knowledge brought about by the Silk Road. Obviously, this perspective also leaves the room for interpretation from an environmental point of view. Silk Road+ is very prominently manifested in so-called "caravan cities" (Rostovtzeff, 1932) or "trade ports" (Polanyi, 1963, p. 30–45). These locations sometimes sprang from earlier political or military centers (not necessarily located in the same place), but ultimately flourished more than the original settlements, and the knowledge systems that operated in the old and new locations evolved in very different directions.

At the same time, it should be noted that Silk Roadness and Silk Road+ are prevalent in different variants of the Silk Road. This is not to say that the knowledge systems along the Silk Road in different times and different types had gone through the exact same evolution, but it is possible to look at Silk Roadness and Silk Road+ in different places through comparative studies. On this basis, we can make a better description of the Silk Road from the perspective of "knowledge economy" (Renn, 2020, p. 145)[3]. In the case of the Eurasian Tea Road, the Tea-Horse Road (Fig. 1), located in southwestern China and with outward connections to Southeast and South Asia, is the best comparison, both for its era and for the materials that mainly flowed along it. By examining relevant sites, documents (especially oral histories), relics and traditional crafts, as well as talking with local scholars, we have obtained a great deal of information on the knowledge of these regions since the Ming and Qing dynasties, which largely supports the previous research idea. For the Eurasian Tea Road, we obtained the richest information in Zhangjiakou张家口 (Hebei Province) and Qixian 祁县(Shanxi Province), and for the Tea-Horse Road, I have so far mainly conducted a short research in Pu'er普洱 (Yunnan Province) and Ya'an雅安 (Sichuan Province), but have collected a lot of relevant information. In the following, I will take the above locations as the core and use the previous two instrumental concepts to briefly describe the interaction between the knowledge system and the Tea Route from a comparative perspective.

I. Caravan Cities along the Two Tea Roads

Zhangjiakou and Qixian both played a very important role in the Eurasian Tea Road, their functions were very different but interconnected. Located in the Taiyuan Basin in central Shanxi Province, Qixian was the most important birthplace of the active *Jin* merchants on the Eurasian Tea Road, and is the centerpiece of the Chinese section of the Eurasian Tea Road. Today Qixian is famous for the grand mansions left behind by *Jin* merchants, and numerous documents have been left here, a significant portion of which have been compiled and published[4]. The majority of these documents are account sheets, purchase orders, deeds, tax clearance certificates, letters, etc., of daily operations, and a few are various manuals on business skills, which deal with business math, knowledge about commodities, business geography, and cross-linguistic communication, skills that are crucial to the development of a qualified merchant.

Compared to Qixian, where knowledge was constantly deposited in texts and even hidden in wealth, Zhangjiakou's "Silk Roadness" was more pronounced in both its physical and commercial geography. Physical geography, as the Silk Road key places rather than today's administrative division of Zhangjiakou is located in the Yongding River tributary of the Yanghe River valley at the northern end, about 800 meters above sea level, also known as the "under the dam" 坝下. Not far from here are the military

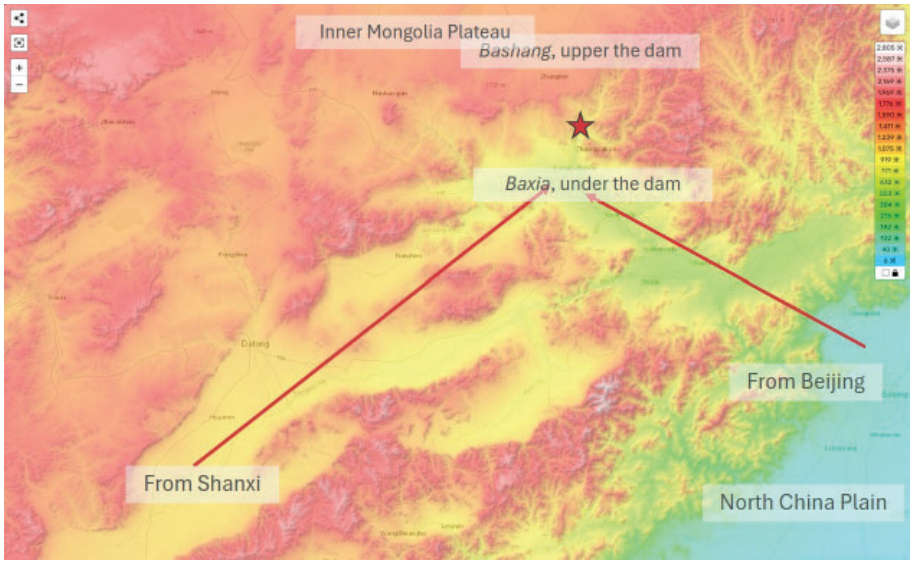


Fig. 2. Zhangjiakou (illustrated by the star) in the Eurasian Tea Road
Рис. 2. Чжанцзякоу (обозначен звездой) на Евразийском чайном пути

fortifications of Wanquan and Xuanhua set up by the Ming Dynasty, and Zhangjiakou originally originated from Zhangjiakou Fort, a subordinate military fort under the jurisdiction of the town of Xuanfu[5]. The "kou" in Zhangjiakou's name implies the nature of the passage at the end of the North China Plain. Zhangjiakou can reach Beijing through Xuanhua and Huailai in the southeast, and in the southwest through Tianzhen to the Datong Basin in the northwestern part of the mountains, and further south to Qixian and other places. To the north of Zhangjiakou are the Damaqun Mountains of the Yinshan Mountain Range, which separate the northern counties belonging to Zhangjiakou City to form the Upper the Dam坝上 Plateau, the southern edge of the Inner Mongolian Plateau. The landscape, climate, livelihoods, and population densities of the area under and upper of the dam are very different, and Zhangjiakou is such a major gateway from the North China Plain into the Inner Mongolian Plateau (Fig. 2).

In terms of commercial geography, Zhangjiakou was the easternmost of a series of government-run marketplaces between farming and nomadic areas after the Ming Dynasty, and was also known as "Dongkou". For hundreds of years, this was the area where the Han Chinese and Mongolians coexisted in close contact. After the Qing Dynasty and Russia signed the Treaty of Nerchinsk and the Treaty of Chakotu, the Eurasian Tea Road was officially opened. The *Jin* merchants reached out from the "heart" of Qixian to the "throat" of Zhangjiakou, where a large percentage of Zhangjiakou's inhabitants made their living in commerce and trade-related businesses from the mid-19th century to the early 20th century. Most of the firms here were branches of Shanxi firms, and while Shanxi merchants mainly played the role of "desk-side" managers, Zhangjiakou locals were more likely to be engaged as transporters and "venture traders" (Larsen, 2015, 72), working in business related to the caravans traveling to Mongolia. Some were personally involved in the *Zhangku* Route张库大道, the transportation from Zhangjiakou to Kulun 库伦(also known as Dakulue大囵圇, present-day Ulaanbaatar), while others were engaged in services such as caravanarais, or provided technical services in the form of raising livestock and repairing vehicles. In fact, commercial managers and actual traders occupied distinct areas even in Zhangjiakou. Institutions such as firms and managers' residences were located further south in Zhangjiakou Fort (which can be considered the CBD of Zhangjiakou). The actual trading business was centered around the Dajingmen大境门 (the open gate of the Great Wall), and the customs and markets adjacent to it. Outside the Dajingmen, there was a settlement of Russian merchants. To the north of Zhangjiakou, passing through Kulun to Maimaicheng买卖城 on today's Mongolia-Russia border, was the area where tea was transported across the steppe. From Chaktu, tea entered Russian territory and was mainly transported and sold by Russian merchants. The main Eurasian Tea Road spread out across the steppe like a canopy,

with Zhangjiakou being the starting point of the bifurcation. Here, the mode of transportation was converted from the short-distance sectional relay in the mainland China to the long-distance across Mongolian Plateau. A series of traditional technologies had to be transformed here to adapt to the new environment and the way transport was organized.

The name of Pu'er, thousands of miles away, is even closely related to the tea trade. The Tea Road in southwest China originated from the silk- and tea-horse trade between the Central Plains and the local authorities in Yunnan during the Tang and Song dynasties. During the Qing Dynasty, Pu'er tea became a tribute tea enjoyed by emperors, and road transportation became more established. During the Ming and Qing dynasties, Pu'er Prefecture was set up along the Mekong River in the southernmost part of Yunnan, including part of today's Pu'er City and Xishuangbanna, which became the origin and distribution center of tea in southwestern Yunnan. After the founding of the People's Republic of China, this area was divided into Simao Prefecture and Xishuangbanna Dai Autonomous Prefecture. With the popularity of Pu'er tea, Simao City was renamed Pu'er City in 2007 (the main source of Pu'erh tea is located in the tea mountains of Xishuangbanna). Tea leaves were picked and processed from the tea mountains and then transported. The Pu'er area was a distribution center for tea in all directions, and was the center of the Tea-Horse Road's outward radiation. Transported to the tea, cotton and other commodities of the horse caravans (mainly mules) in the Simao city around the balking, the early 20th century Simao city of the tea folk up to thousands of people, used to transport tea mules, donkeys, horses and other livestock up to 20,000 to 30,000 heads.

The caravan cities along the Tea-Horse Road were far more than just Pu'er, and the culture of tea trade was also prevalent in cities in western Yunnan, such as Dali and Lijiang. Prior to the export of tea from Yunnan, western Sichuan was the main producing area for tea to Tibet and other places. Tea from Yunnan and Sichuan was fermented, extruded, packaged, and transported from today's Ya'an to Kangding (formerly known as Dajianlu打箭炉) located in western Sichuan. Ya'an was both a tea-producing area famous for its Mengding green tea and a place of transit by land and water. Tea from other parts of Sichuan was also transported here by water to be blended with locally produced black tea and shipped to Tibetan areas. Rivers west of Ya'an are seldom navigable, only the tea through Luding county town to take the mountain road to Kangding. The transpotatioin on foot from Ya'an to Kangding took about 12 days, but involved an altitude difference of more than 1,500 meters (Fig. 3). In terms of the geography of the tea route, this place had a status and function similar to Zhangjiakou, a hub for transporting goods from the Sichuan plain to Tibetan Plateau. Here, the name, mode of transportation, and packaging of tea were dramatically transformed, and thus it was a key area for knowledge reassembly, and thus for changes in the knowledge system.

II. The Silk Roadness of the Tea Roads' Skills

As we have already mentioned, Silk Road knowledge needs to contribute to mobility, adaptation and exchange, and knowledge that serves this purpose and is widely utilized along the Silk Road in its various forms can be considered as having Silk Roadness. In turn, this means that there are differences in the specific ways in which knowledge is presented in different geographies or along different routes, but it needs to be of a similar character. With the help of a comparison of similar techniques on the two tea routes, it helps to perceive the embedded Silk Roadness.

1. Practical Commercial Skills in the Center of the Tea Roads

The rise of *Jin* merchants, who played a leading role in the commercial trade of the Eurasian Tea Road, was linked to the salt monopoly system that had been practiced in China since ancient times (Adshead, 1992, p. 6–7). By providing logistical services for military campaigns in Northwest China in exchange for licenses to sell salt, they gradually built up a network of commercial and financial services from the source of salt to the area of consumption. Within this network, Qixian, as well as neighboring Taigu and Pingyao, saw the emergence of many merchant investors whose managers, bookkeepers, and fellows came from various places along the Tea Route. During the long period of commercial practice, the merchants accumulated a lot of experience in keeping their business going, which involved both basic education in literacy and letter-writing, as well as ethical dogma, and technical knowledge. This knowledge was most concentrated in places such as Qixian, but also radiated to other areas along the Eurasian Tea Road, such as Zhangjiakou.

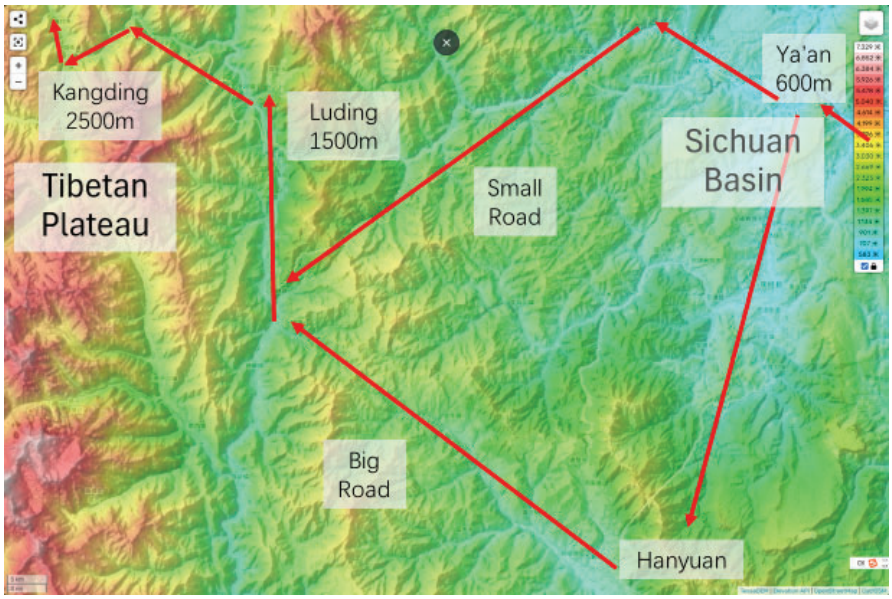


Fig. 3. The route between Ya'an to Kangding along the Tea-Horse Road
Рис. 3. Маршрут из Яаня в Кандин по Конно-чайной пути

Among them, the technical knowledge can be roughly summarized as follows:

A) Transport geography. In the historical sources of the *Jin* merchants, there is a category of road protocol-type manuals used to record information about places along commercial routes in order to guide merchants in their travels. These manuals generally listed in detail, in text rather than in map form, the names of taxing places, towns, villages, bazaars, and ferry ports that were distributed along a certain section of the route, and labeled their mode of transportation, size, topography, road conditions, availability of livestock and means of transportation, lodging facilities, folkways, places of interest, shortcuts and shortcuts, as well as distances to the next location. The manuals also recorded the customary expenditures for taxes, vehicles, boats, packaging, labor, and other expenses, so that the user can understand the approximate cost of transporting goods and the process of carrying out each matter (Fan Weiling, 2017). These manuals usually ended with a date taboo, a continuation of the tradition of the Road taboo day book, which had existed since the pre-Qin period. The transportation manuals used by merchants are clearly different from the transportation routes in the officially compiled square books. The former had a denser network than the latter (there were many secret trails that did not make it into writing in actual operation) and recorded more information. This can probably be attributed to the different ways in which merchants and officials traveled.

B) Merchandise knowledge. In order to set up a store, it is necessary to know the origin, grade and price of commodities and necessary raw materials. Compared with the common daily-use books of the Ming and Qing dynasties, this kind of commodity science obviously had a distinctive perspective of the salesman. The content of the specific knowledge depended on the business scope of the merchants. For example, in addition to being well versed in the quality of tea, tea merchants also needed to understand the specific use, type, amount, and price of paper, gimlets, twine, and other items needed for packaging tea. Merchants trading in general goods needed to be clear about the units of measurement, quality evaluation standards, and places of origin of famous products for various types of goods, including medicinal herbs, foodstuffs, timber, minerals, spices, and handicrafts. The manuals used were generally divided by province and list the goods that were specialty products of that province's region, which in addition to domestic provinces also included foreign countries such as Goryeo, Luzon, Siam, and Flower flag (i.e., the U.S.A.). Another type of merchants, pawnbrokers needed to know the categories of goods with re-entry value, such as furs, cloths, garments, jewelry, gold, silver, metal utensils, and in a few cases, antiques. The knowledge of such specialized manuals focused on the identification

of good and bad authenticity, as well as valuation based on quality specifications. If we compare the commodity science manual of the pawn business (*dangpu*当谱) with the records of tribute or the history of royal merchants in the Ming and Qing dynasties[6], we can observe the close connection of the relevant commodity categories, which suggests the direction of the flow of distribution of prestigious commodities from the noble classes downward penetration.

C) Numismatics. During the Ming and Qing dynasties, silver was used as the main currency, and in actual circulation, the quality and quantity of silver were unstable. The actual weight and actual silver amount (collectively known as *pingse*平色) per unit weight (i.e., 1 *liang*两) of silver circulated by the government and in different local markets varied, and the ratio of exchange with copper coins also fluctuated. With the expansion of the business network of Shanxi merchants, the promissory notes (*yinpiao*银票) issued by exchange shops also assumed the function of currency and circulated widely. The material characteristics of silver currency and the rapid expansion of the currency exchange business required merchants to familiarize themselves with Numismatics knowledge. The knowledge of identifying silver was summarized in separate manuals with titles such as the "Book of Identifying Silver" (*Bianyinpu*辨银谱), as well as in chapters included in business textbooks. This knowledge was mostly in the form of easy-to-remember rhymes, which included the colors and patterns of fresh cuts of silver of different purities. Another type of handbook *Pingmakuanshi*平码款式mainly contained the silver exchange relationship between official rate and market rate, as well as the interest rates corresponding to different regional standards. Monopolizing this type of knowledge could help merchants obtain additional exchange fees.

D) Commercial mathematics. The development of Chinese abacus was inextricably linked to commercial practice, and apprentices entering the trade were strictly required to practice it. The textbooks of commercial mathematics preserved in Qixian and Taigu are all based on abacus. The system of mathematical knowledge and the format of sample questions and answers were in line with the tradition of ancient Chinese mathematical works, but usually set currency exchange, price calculation, and interest rate calculation, which were commonly encountered in trade activities, as the primary content of the sample questions. The content could be traced back to the commercial arithmetic books of the Ming and Qing dynasties. The textbooks also contained some interesting abacus problems. In general, commercial mathematics paid much more attention to training the "hand" of the abacus operators than to the "brain" to solve mathematical problems. In addition, in the commercial field, merchants commonly used the Suzhou numerals, which were simple to learn and easy to write in, to keep accounts. From the point of view of accounting practice, Suzhou numerals were more convenient than Arabic numerals.

The commercial techniques used by the *Jin* merchants were not unique on the Silk Road, as many such books appeared in the commercial city-states of Italy during and after the Mongol Empire. Within China, similar works were circulated by the Huizhou merchants, who were equally important in the commerce of the Ming and Qing dynasties as the *Jin* merchants. If we turn our attention to the Tea-Horse Road, we could find that although the commercial centers here did not leave as many documents as the *Jin* merchants, the merchants here nevertheless had to be able to accurately and quickly identify the authenticity, color, and place of origin of the goods they dealt with, such as tea, bear gall bladders, musk, rhinoceros horns, musk, and so on. Merchants also had a clear perception of the potential risks of engaging in trade in different types of commodities[7]. After Southeast Asia became a French colony, traders in Pu'er and other places such as Laos and Vietnam would also accept paper money issued by French Indochina Bank (referred to as French paper) when trading, and the local exchange shop would exchange the French paper for silver dollars at a lower exchange rate, and then go to Kunming to exchange the French paper for silver dollars at a higher exchange rate, thus making a profit in foreign exchange (Duan Jinlu and Yao Jide, op. cit. pp. 366–367). Traders on the Tea-Horse Road also circulated relatively simple books of trade routes, while less educated backpackers passed down mountain songs (*kouliuzi*口溜子) by word of mouth, which contained a wealth of information about distances traveled, topography, infrastructure, supply facilities, and the natural environment, making them a more folkloric form of geographic writing and knowledge creation.

2. Transportation mode as the foundation of moving technology

Both tea routes were typically overland silk routes. Although a significant portion of the Eurasian Tea Road was waterborne within China, such as Hubei and Henan, this most economically efficient mode of transportation was rarely used once it entered the plains of northern China. Camels and carts became the primary mode of transportation, and R. W. Bulliet has discussed at length the phenomenon of cartage once being carried by camels in many parts of Eurasia (Dali Bai, 2020, pp. 301–305; Duan Jinlu, Yao Jide, eds., 2002, p. 369–371). In the practice of the Tea Route, one can also see the co-existence of the "backward" pack transport and the more "advanced" cart transport from a modern standpoint. Oxcarts, horse-drawn carts and camels were the main means of transportation moving eastward from the Black Sea, as documented in the 13th century in Pegrotti's *Pratica della mercatura*. The mixed tradition of transportation along the Tea Route helps to understand earlier transportation techniques.

Around Qixian, both camels and wagons were used for transportation. Compared to the Mongolian plateau, Shanxi was still a densely populated area with easy access to supplies along the way. Most camel and wagon teams here walked to the next caravansarai, unloaded their goods and returned, rather than traveling long distances. This was the norm for transportation in the ancient post road system[8], and a true reflection of how the Silk Road trade unfolded section by section, rarely traveling thousands of miles.

From Zhangjiakou, the caravans would soon enter the grasslands and even more inhospitable deserts where supplies were scarce, and therefore needed to be better adapted to long-distance transportation. The camel was still an important means of transportation, and it was no longer paired with a horse-drawn wagon, but with an ox-cart. Camels were used since ancient times on the Silk Road in the Northwest, and Zhangjiakou local merchants originated from the retail sale of various types of goods to Mongolia (*suixiao*碎销), and then gradually solidified and evolved into the use of traditional Han Chinese ox-drawn carts (*laoguanche*老倌车). Oxcarts and camels carried basically the same amount of freight, about 300 kilograms. The ox carts could travel 30-40 *li*(15-20 kilometers) per day, while the camels could reach a speed of 50-60 *li* (25-30 kilometers) per day. The two modes of transportation coexisted for the important reason that their travel seasons were exactly complementary. The camels shed their hair in the spring, making them unsuitable for long journeys, so the oxcart teams left in the second month of the lunar calendar, and the teams that end in Kulun return half a year later. At this time the camels were also rested and ready to go. The relationship between the two was like the monsoon on the ocean, allowing trade between North China and the Mongolian plateau to take place throughout the year. Furthermore, oxcarts were mostly operated by Han Chinese, while camels were mostly bred by Hui people, creating a distinct difference in the technical knowledge between peoples. The oxcarts carried smaller loads and more slowly, while camel caravans carried larger loads, so the two also complemented each other functionally.

Traveling for more than half a year and across thousands of miles in the grasslands, where technical services were lacking, required the oxcart to have a greater load capacity and durability than the average vehicle, and it had to be easily repairable. The manufacturing process was therefore different from that of the plank carts commonly found in the Chinese hinterland and the lele carts commonly found in the Mongolia Plateau. For example, its size was wider than that of a normal oxcart, its body was light but its axle was solid, its wheels had a large diameter, and its spokes tended to be more in the style of two horizontally and one vertically than radial spokes. (Fig.4) Hemp oil for lubrication was carried with the cart. The oxen pulling the carts were also fed with special fodder such as grain and wine dregs, and during leisure time were dispersed to each family and then centralized at the time of departure.

The Tea-Horse Road combined horse or oxen pack transport with the more primitive-looking human pack transport. Horse caravans usually had about 120 horses, with a leader (*maguotou*马锅头), two deputy leaders (erguotou二锅头) and general grooms. Oxen caravans could be as large as more than 200 head of oxen. The traveling speed of oxen caravan was approximately one-third that of horse caravan; however, oxen did not require much fodder[9]. The routes, the methods for sale and pack bundling taken by the horse caravans needed to be based on the nature of the goods transported to decide. For example, pack tea and

Fig. 4. The oxcart in Zhangjiakou (Photoed by the author)
Рис. 4. Повозка, запряжённая волами, в Чжанцзякоу (фото автора)

pack salt or groceries were tied in different ways, and if they got it wrong, it was easy to crush the horse's back and raise sores. Bells tethered to the livestock were widely used as an effective livestock information transmission tool on the tea roads. Different positions of the livestock wearing bells sounded different, these bells could serve as a hint to the surrounding there would be a caravan go through, but also allowed people to know the different positions of the livestock whether to fall out of line, the bells ring at night when resting could also be alarmed. These bells were generally supplied by blacksmiths along the way.

Whether on the Eurasian Tea Road or the Tea-Horse Road, the most important role in a caravan was the leader of the caravan. In Zhangjiakou, this role was called the *lingfangren* 领房人, and the route of the caravan was usually decided by them. Within the caravan, the *lingfangren* guided the carters, who were also drivers, repairmen, and livestock breeders, to ensure that each carter managed the one or two dozen oxcarts under his charge. In terms of external communication, the *lingfangren* knew Mongolian or Russian languages, which allowed them to deal with bandits on the way, in addition to trading. They usually knew simple veterinary skills and were able to treat swollen and inflamed camel paws, skin ringworm, and bloated cow bellies. They also carried blacksmith's carpentry tools, such as bellows and saws, to accomplish livestock care tasks such as mending camel hooves and nailing the paws of cattle[10]. This role on the Tea-Horse Road was known as the *maguotou*. The purchase and distribution of goods for the horse caravan, the contacting of business, and the sharing of food in the field camps were all decided by the *maguotou*. The *maguotous* were familiar with the customs along the way, clear which places are prone to danger should pay attention to guard, could decide in the horse caravans on the way to the residents on the way to trade, these transactions were often used in his arm around the ring-shaped abacus to calculate. The *maguotou* also carried with him an easy and efficient set of tools that allowed him to treat his animals or change the horse's shoes whenever needed. Malaria and other diseases (often attributed to "miasma") were common in the southwest China, and there was no shortage of remedies for malaria along the Tea-Horse Road. The caravans also had some knowledge of health care as they traveled through snow-covered mountains on their way to Tibet (Cunzhao, 2007, p. 16–17, 23). The leaders of horse caravans or porter teams could also give some advice on the choice of medical treatment. It could be said that the leaders of the caravans were the most knowledgeable people in the caravans.

From Ya'an to Kangding in Sichuan Province, porters played a more important role in transportation than horsemen. The equipment of a porters was very simple, the most important thing was the T-shape walking stick to support the body, as well as the back brace to hold the tea bags on their backs, and the sweat scraper. Although the porters seemed more primitive than the horsemen, they were better suited to the geography of this section of the road. The black tea was pressed into blocks or cakes and packed into strips weighing 16 *jin* (about 10 kilograms). On the flat ground, each horse could carry 12 strips of tea, but along the route from Ya'an

to Kangding, the gradient is usually 20°-30°, often encountering steep slopes of 45°, with the steepest section up to 65°, and only 2-3 *chi* (about 0.7-1 meter) wide at the same time. On such steep trails, a horse could only carry two tea strips and needed to be watched over by human. In contrast, a man could carry at least 12 tea bags and up to 19 to 20 bags, or more than 300 pounds. Even women could carry 7-10 tea bags. If the weather conditions were good and the porter was strong, he could reach Kangding in 12 days, not more than 16-17 days. After arriving at Kangding, the tea was changed to be transported to Tibet by oxen teams, and the livestock used was not the yak commonly found in Tibet, but the dzos, hybrid offspring of the yak and the cattle, which were stable and docile in nature, tall and powerful in size, and adaptable to the environment of the plains at a lower altitude (Sun Jiansan, 2012, p. 193–197).

3. Road rehabilitation, selection, and rest stops as components of trade infrastructure

In much of Eurasia, paved roads were rare outside of cities, which was an important reason why vehicular transportation was not widely available for so long and had to be carried by animals. In ancient China, the postal road system was relatively more sustainable, and road facilities were better built (especially near towns and cities). It should be noted, however, that the roads used for commercial transportation did not necessarily follow the post roads, both because they generally followed the principle of shortest distance and also because the smaller roads often allowed for the avoidance of taxes.

The oxcart caravans travelling in summer and autumn often set off at dusk, taking advantage of the cooler nights to follow smoother river routes, or taking the shortest route rather than a mountainous one, resting at intervals of about 20 kilometres in places where water and grass are abundant. The riverbed terrain was relatively flat and it was easy for livestock to find water. Using the riverbed as a road had been the practice of long-distance vehicle transportation on the Silk Road since Roman times (Young, 2001, p. 132). The caravanserais also followed this pattern. Often covering thousands of square meters, the caravanserais provided lodging, simple meals, and cattle herding, although they usually did not play a role in guarding against the bandits that frequented them. Caravans generally relied on hired bodyguards to deal with bandits. Caravans might also stay in tents if caravansarais are not available. Camels, which traveled about one and a half times as many miles per day as oxcarts, had simpler accommodation requirements. However, although camels could subsist on their own stores of nutrients or eat plants that are rougher or even more thorny than oxen, they must be replenished with salt, so in grassland or desert areas salt pans must be included in route planning, or the caravan could carry its own salt blocks, which sometimes were used to pay for lodging at the caravansarai[11].

In the Zhangbei area of the mountainous terrain with dramatic elevation rise, the vehicle could not be climbed by oxen alone. At this time, the nearby villagers would drive the horse beside the vehicle to help push, called *labiantao*拉边套. Climbing section of the caravan only went about 5 kilometers a day. Climbing the grassland upper the dam, the original caravans according to a certain road forward were divided, to their respective sales areas to go forward, not gathering again until before crossing of the desert. During this period, the distance the caravan traveled each day varied with the distribution of water sources, the *lingfangren* with experience in traveling to Mongolia are able to plan ahead for the day's departure in order to reach the water source at rest.

Along the Tea-Horse Road, there were many mountains, and in order to promote trade and transportation, roads, bridges and other infrastructure were built on a larger scale. Such as the Ming Dynasty in western Sichuan to build post roads, to 1845-1850 years Pu'er area built from Simao to Yiwu tea horse stone post road, 530 *li* (about 265 kilometers) long, the main body for the width of 3-5 *chi* (1-1.3 meter) of the stone board. Other places were paved with hand-beaten stones and gravel, lime stone and red sandstone. Bridges were also built mainly of strips of lime stone, with a binder between the stones made of crushed bark of trees unique to the region, mixed with steamed glutinous rice, cow dung, chaff, dried pine needles, and lime[12]. However, in many places such as Dali and Lijiang, the roads outside the towns are were mainly earthen. Tea transporters did not always take the official roads, and many chose the closer paths. The Ming Dynasty imposed a state monopoly on the tea-horse trade, which was strictly regulated, but it was difficult to eliminate smugglers, and many of the small roads leading to Lhasa in history were opened by smugglers.

From Ya'an to Kangding there were options of North Road and South Road. The North Road seemed closer on the map, but the route was very steep and rugged and lacks supplies, so it was not as good as the South Road, which was farther away but had better supply facilities. Therefore, the North Road was also known as the "Little Road" and the South Road was also known as the "Big Road". The porter's requirement for the road was relatively low, but the porter, in turn, also participated in the formation of the road. The porter rest on the T-shape thong crutch, the end of which was an iron pier. While resting the porters would pestle the crutch against a solid rock a few times, chiseling out small pits to prevent slipping. The porters behind would often continue to pound in the small pits chiseled out by the person in front of him, allowing the pits to become deeper and deeper, thus creating imprints on the trail the backpacker had traveled (Li Xidong.2012, p. 158–159)[13]. On the mountain road along the Eurasian Tea Road, the pits to the hoof of the horse could often be seen. In public historiography, they are often simply categorized as having been stepped on by horses passing through the road over a long period of time, but some scholars believe that the hoof pits were intentionally cut out by caravans to allow the horses to step on them, which also served as a non-slip feature. Early Mediterranean mountains also had "pole paths" for pedestrians to climb with hiking poles, and the phenomenon of building ruts for vehicles to drive on instead of roads (Casson, 1994, p. 68–70), as well as China's Qin dynasty also famously standardized the axle spacing of vehicles across the country. Ruts were also formed when iron wrapped wheels run over the pavement. These could be attributed to an early form of track pavement different from paved roads.

The flora and fauna along the Tea-Horse Road were abundant, and the horse caravans were easily supplied, and the distribution of the post stations or caravansarais was not as regular as along the Eurasian Tea Road. However, various facilities were often clustered around the post stations, forming towns and cities. The caravansarais were able to accommodate about 300 horses and have both rooms and stables to supply feed for the horses. However, the horse caravans could still only camp in many cases, and this was when the *maguotou* will choose a place on high ground, sheltered from the wind. The ground was covered in turn with leaves, palm blankets, blankets, etc. to sleep on. Around the campsite, a burning fire was built, in which grass fruits were placed, and made smoke to drive away wild animals. Stakes were nailed to the campsite to tie the horses, and experienced horsemen usually cut the stakes into triangles; a quadrilateral or rounded cross-section indicated that the horseman was a novice, and that he might attract thieves (Dali Bai, 2020, p. 381–382).

4. Proficiency in communication and exchange for intercultural mobility

In addition to delivering tea and other goods to Mongolia, the oxcart caranvan also undertook other transportation operations. For example, salt and alkali were transported back from many salt ponds in Inner Mongolia. The carts travelled slowly, the contact between them and the firms in the back mainly went through the Qing Dynasty postal system. An important type of information in commercial correspondence was the price list of goods in various places. Some of these price lists were printed forms with blanks at the corresponding goods for traders to fill in the prices. Keeping abreast of price changes was obviously of paramount importance in deploying the sale of goods. In order to keep commercial secrets, most of the firms had a system of passwords that were changed from time to time, especially the representation of dates and numbers.

In addition to using the post system, people also trained animals such as pigeons to carry out the task of delivering messages. A particularly interesting legend is that of a team of oxcart who were stranded in the snow and unable to return, so they sent a large black dog that had accompanied the team to deliver a message. Sled dogs were used to deliver messages in Alaska and the Canadian Arctic at the end of the 19th century, but at other times, dogs that could deliver messages were mostly regarded as lucky charms, like the legendary black dog in Zhangjiakou's legend. However, when I was conducting research in Zhangjiakou, I heard that some people still keep dog collars that can hold letters. Whether the black dog messenger is just a legendary case remains to be further investigated.

There is a saying in Zhangjiakou: "The legs of a big black dog, the mouth of Li Yuxi." Li Yuxi, who was as famous as the black dog, was a famous commercial translator in the late Qing Dynasty. He was good at English, Russian, Japanese, Italian, German, French and other foreign languages, and

had served as a representative of the company and the Qing government in foreign negotiations. In addition to such outstanding figures, there were many more talented people on the Eurasian Tea Road who were proficient in foreign languages. Due to frequent trade with the Mongols and Russians, cross-language communication was a common business practice for the caravans. Among the various manuals for merchants, there is a category of Chinese-Mongolian and Chinese-Russian translation manuals that merchants carried with them or used for learning. This type of manual has been studied from a linguistic perspective by Russian sinologists I. F. Popova (Martynyuk, 2017), but has not yet been examined in detail from a knowledge history perspective. Most of these manuals were bilingual, with Chinese characters indicating the pronunciation of other languages. It is clear that this pidgin language would leave a strong Chinese trace in the pronunciation and grammar for the learners. The content of language learning materials placed a high priority on trade. For example, an 1889 Chinese-Russian dictionary began with a list of cardinal numbers, and then went on to list more than ten categories of goods, including colors, textiles, tea, furs, and miscellaneous goods, as well as common terms used in transactions, such as sizes and units of measurement (Huai De Tang Hui Zi Hua…, 2018, p. 481–516)[14]. Other translation manuals included common expressions for greeting and bargaining. They all showed the attribute that such books are specifically for business transactions. The content of the Chinese-Mongolian and Chinese-Russian manuals differed greatly. For example, the Chinese-Russian manuals were much richer in terms of vocabulary about tea categories than the Chinese-Mongolian manual. This can be used to illustrate the deployment and growth of knowledge in the face of different trading partners.

The merchants on the ancient Tea-Horse Road in Yunnan also attached great importance to keeping business secrets. For important goods mentioned in letters, they usually used code names, and they also created coded messages internally. When sending telegrams, they would often reverse the order of the words to hide the content. For example, if the market was rising, it would be said to be bullish, but if it was falling, it would be said to be bearish. In the cutthroat private business of that era, all major firms had such a system. Each had its own code, which was known only to insiders and was not to be divulged. It was used as a confidentiality system in the formulation of regulations. Although most of the caravan routes were markets within China, merchants were still required to know Naxi and Tibetan when traveling to Lijiang and Tibet. When trading with Southeast Asia, they needed to learn English, Burmese,

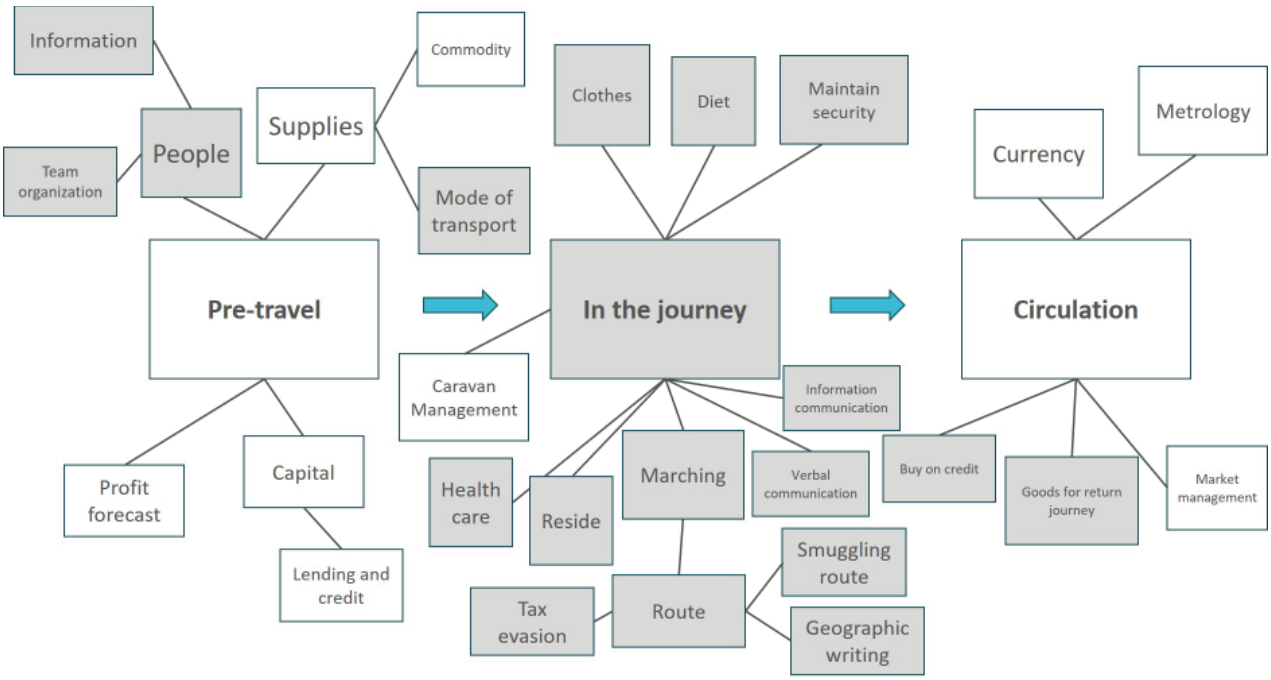


Fig. 5. The framework of Silk Road's practical skills
Рис. 5. Структура практических навыков Шелкового пути

Indian and Southeast Asian languages, with English as the main language (Dali Bai, 2020, pp. 304–305).

5. Commodity packaging and distribution for international markets

Whether the Eurasian Tea Road or the Tea-Horse Road, tea had to be transported over long distances from their place of origin to the consumer market, which was different from the traditional tea consumption habits in hinterland China. In most cases, only tea that had undergone the fermentation process could maintain its taste during long-distance transportation, and even added a special flavor under the action of mold. Long-distance transportation inevitably experienced wind and rain, cold and heat, so tea processing and packaging were obviously important skills in the tea trade to ensure product quality. In addition to processing in the tea-producing areas, tea underwent a repackaging process at various transit hubs.

Zhangjiakou's tea warehouses were concentrated in Caochang Lane and Xihuozi in the old town. Tea bricks transported by horse-drawn carts were repackaged here. The number of tea bricks in each box had more common specifications, such as 24, 27, 36, etc., and were named after the number of pieces, such as a package of 27 tea bricks called "*Erqi* Tea." Different specifications of tea were favored by different markets.

After the caravans and porters on the Tea-Horse Road transported the tea to Kangding, it had to be repackaged to adapt to the environment and transportation conditions in the Tibetan area. In Kangding's pot village, people sawed the striped tea bags carried by the porters into two pieces, wrapped six pieces of tea in a fresh yak skin just slaughtered, and used fresh yak skin strips as thread to tightly sewn. During the drying process, the yak leather packaging would shrink with each step, and after drying, it would be completely waterproof and airtight. It would not be damaged evne if it fell into a ravine hundreds of meters away, or get wet if it fell into a rapid stream. Each package of Tibetan tea weighted about 60 *jin*. During the year-long journey to various Tibetan regions, the "Tibetan tea" was further mellowed in the new packaging. By the time it arrived at its destination, the tea color, tea flavor, and tea taste were all more mellow and authentic (Sun Jiansan, 2012).

In order to promote their sales, each merchant had to create a unique trademark and adapt their advertisements to the destination market. Tea merchants in Yunnan had a strong sense of brand awareness and often printed their trademarks on the packaging, the paper inside the packaging, and even on the tea cakes themselves. In addition to the trademark, the inside label also contained information about the origin of the tea, its high quality, the address of the tea shop, and contact information[15].

6. Knowledge systems serving as the foundation for Silk Road+ specialization

The knowledge system of the Silk Road trading network at the transcontinental level was formed after a special filtering and development process that I call "Silk Road +," which led to the formation of independent interpersonal networks and geographical spaces. There was always a close interaction between practical skills and traditional knowledge systems along the Silk Road.

The commercial knowledge that supported long-distance trade was a special development of domestic commercial trade. Whether it was business ethics, commodity science or commercial geography, it was largely part of the existing commercial knowledge system. The encyclopedias of daily knowledge since the Ming and Qing dynasties also provided a knowledge base for ordinary readers, allowing a wider class of citizens to be psychologically prepared to accept foreign goods or go out to make a living. Of course, doing business was not praised in traditional Chinese society and culture, and it was necessary to create a good atmosphere in certain areas. The caravan cities along the tea roads were obviously areas that were conducive to business development.

The traditional craftsmanship in the Zhangjiakou area strongly supported the caravan trade. When the caravans returned, they brought back a large number of animal skins and fur, which helped Zhangjiakou develop a prosperous fur processing industry. In addition to producing various types of high-quality fur products, fur craftsmen also provided the caravans with clothing such as fur coats, felt boots, and felt hats to help them adapt to the cold climate of northern Mongolia. In addition, the containers for liquids such as water, wine and vinegar on the ox carts were often made of paper inner body covered

with felt, which reduced weight and increased durability.

As mentioned earlier, the transportation and sale of salt was the basis and an important part of long-distance trade, whether it was the Eurasian Tea Road or the Tea-Horse Road. It provided tea merchants with caravan organization, transportation routes, financial services, trading skills, and even the preparation of physical currency. It can be said that the tea trade is an extension and upgrade of the salt trade on the scale of the Silk Road.

III. Conclusion

It is challenging to provide a comprehensive and detailed promotion of the practice skills that have persisted the Silk Road active in an introductive article. This paper attempts to point out the rich aspects of the skills that supported the operation of the Silk Road from multiple perspectives. As a form of the Silk Road that is closer to the contemporary period, a detailed examination of the Tea Road can help us more reasonably speculate on the actual operation of the ancient Silk Road. This paper mainly focuses on the collection of data along the Tea Road, mainly in China, while also referring to existing discussions on ancient long-distance trade. We expect to adhere to a cross-cultural comparative approach, cooperate with scholars with a richer cultural background, and conduct research along the Tea Road from a technical anthropology perspective, focusing on the concepts of "Silk Road" and "Silk Road +", to construct a more complete framework for the practice of Silk Road skills (Fig.5), and to examine the close interaction between the Silk Road and traditional knowledge and skill systems, thereby complementing previous research on the Silk Road and understanding how the Silk Road is a vibrant network of knowledge evolution.

Acknowledgement

Many thanks for the opportunity to participate in the "Symposium on the history and Culture of the Eurasian Steppe" in Kazan in March 2024. Thanks to Prof. Ganbat Nyamdag for the joint research, and to Liu Zhenying, Li Xianyun, Zhang Weidong, Tian Jian, Chen Shuqian, etc. for providing valuable information on the Tea Roads.

Notes:

[1] The Eurasian Tea Road is still a fairly new topic in Chinese academia, and the opportunity for its introduction was the joint application of the World Cultural Heritage by the countries along the route. Its academic foundation is the study of the *Jin* merchants晋商, resulting in the fact that the history of commerce, the history of the people, and the history of tea are still the most fruitful aspects of the field. Due to space constraints, it is not possible to provide a comprehensive list of related works here, but readers may refer to Ping Yingzhi and Huang Boquan, "A Review of Research on the Eurasian Tea Road since the 20th Century," Agricultural Archaeology, Vol. 5, No. 5, 2020.

[2] Contact zone is a concept developed by M.L. Pratt to refer to a social space where two or more cultures exchange and negotiate shared histories and power relations. See Pratt M L. Arts of the Contact Zone, *Profession*, 1991: 33-40.

[3] "Knowledge economy" here refers to the collection of social practices and institutions for the production and reproduction of knowledge, see Renn J. The Evolution of Knowledge: Rethinking Science for the Anthropocene. Princeton: Princeton University Press, 2020, p. 145.

[4] The largest collection of materials available is Liu Jianmin ed., The Collection of Historical Sources on the *Jin* Merchants (The Commercial Press, 2018), and the documentation in the category of commercial skills ("protocols") can be found in volumes 67-75.

[5] For the transformation of border military cities such as Zhangjiakou into commercial cities, see He Yimin and Fu Juan. From Military Town to Commercial City: the Transformation of Military Border City in the Qing Dynasty: Taking Tengchong and Zhangjiakou as Examples, *Collection Papers of History Studies*, 2014, (6).

[6] The material culture of the Qing elite can be found in Lai Huimin, Qianlong's Treasure Chest: Qing Palace Treasures and Capital Fashion, Xinbei: Baqi Culture, 2023.

[7] An interesting example is that of a fledgling merchant in Ya'an who made his "first bucket of gold" by peddling salt, but was advised by his more experienced elders to stop because the market price of salt fluctuates so much that it can easily turn one into a pauper. See Chinese People's Political Consultative Conference, Sichuan Province, Hanyuan County Committee, ed. The Hymn of Porters, Sichuan Nationalities Publishing House 2015, p. 35.

[8] Owen Lattimore and many other scholars have noted this in travel, see Lattimore O. High Tartary. Boston: Little, Brown & Co. 1930, p. 16.

[9] Pu'er Municipal Association, ed. Pu'er Tea-Horse Road, Kunming: Yunnan Science and Technology Press, pp. 225-226.

[10] Interview with Yang Zhaode by Liu Zhenying, July 30, 2009, to be published.

[11] Interview with Zhang Yingjie and Zhao Caixia by Liu Zhenying, October 19, 2009, to be published.

[12] Pu'er Municipal Association, ed. op. cit. pp. 225–226.

[13] Li Xidong. The Historical Role and Relevance of Backpackers on the Tea-Horse Road, in Ya'an Municipal People's Government, Sichuan Provincial Administration of Cultural Relics, Proceedings of the Border Tea, Hidden Horses: Symposium on Protection of the Cultural Heritage of the Tea-Horse Road (Ya'an), Cultural Relics Publishing House, 2012, pp. 158-159.

[14] Unknown author. Huai De Tang Hui Zi Hua in the 16th year of Guangxu, in Liu Jianmin, ed., The Collection of Historical Sources on the Jin Merchants. Beijing: The Commercial Press, 2018, vol. 72, pp. 481-516.

[15] Pu'er Municipal Association, ed. op. cit. pp. 252.

REFERENCES

Adshead, S A M. 1992. *Salt and Civilization*. Houndmills: Palgrave.

Bulliet, R W. 1990.*The Camel and the Wheel*. New York: Columbia University Press.

Casson, L. 1994. *Travel in the Ancient World.* Baltimore: The John Hopkins University Press.

Chen Wei. 2023. The Silk Road as a Skilled Practice In Mukhtarova, G. R. (ed.) *Talgar and Kayalyk hillforts as Components of Silk Roads: The Chang'an-Tianshan Corridor - The Chang'an-Tianshan Corridor. -Tianshan Corridor - The International Seminar*. Almaty: Z-Print, 95–98.

Chinese People's Political Consultative Conference, Sichuan Province, Hanyuan County Committee, ed. The Hymn of Porters, Sichuan Nationalities Publishing House 2015, p. 35.

Dali Bai Autonomous Prefecture Archives, ed., Selected Historical Materials from the Archives of Dali Modern Native Industry and Commerce, Kunming: Yunnan People's Press, 2020, pp. 301-305.

Duan Jinlu and Yao Jide, eds., Selected Materials on the Economy and Trade of the Hui People in South China, Kunming: Yunnan Nationalities Press, 2002.

Fan Weiling, Treasures of Qixian Tea Merchants, Taiyuan: Beiyue Literature and Art Press, 2017.

He Yimin and Fu Juan. From Military Town to Commercial City: the Transformation of Military Border City in the Qing Dynasty: Taking Tengchong and Zhangjiakou as Examples, *Collection Papers of History Studies*, 2014, (6).

Lai Huimin. 2023.Qianlong's Treasure Chest: Qing Palace Treasures and Capital Fashion, Xinbei: Baqi Culture.

Larsen, M T. 2015.*Ancient Kanesh: A Merchant Colony in Bronze Age Anatolia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lattimore, O. 1930. High Tartary. Boston: Little, Brown & Co..

Li Xidong. The Historical Role and Relevance of Backpackers on the Tea-Horse Road, in Ya'an Municipal People's Government, Sichuan Provincial Administration of Cultural Relics, Proceedings of the Border Tea, Hidden Horses: Symposium on Protection of the Cultural Heritage of the Tea-Horse Road (Ya'an), Cultural Relics Publishing House, 2012, pp. 158-159.

Ma Cunzhao, ed. The Ringing Bells of the Tea-Horse Road: An Oral History of the Yunnan Horse Gang Horse Pot Heads, Kunming: Yunnan University Press, 2007, pp. 16-17, 23.

Martynyuk, V. I. (ed.)., Popova, I. F., Takata Tokyo (transl.). 2017. *Slovari kyakhtinskogo pidzhina (Dictionaries of the Kyakhtin Pidgin).* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

Polanyi, K. 1963. Ports of Trade in Early Societies In *The Journal of Economic History*, 23(1), 30–45.

Pratt M L. Arts of the Contact Zone In *Profession*. 1991, 33-40.

Pu'er Municipal Association, ed. Pu'er Tea-Horse Road, Kunming: Yunnan Science and Technology Press, 225–226.

Renn, J. 2020. The Evolution of Knowledge: Rethinking Science for the Anthropocene. Princeton: Princeton University Press.

Rostovtzeff, M. 1932. *Caravan Cities*. Oxford: Clarendon Press.

Sun Jiansan. Sun Mingjing's .1939. Video Examination of the Tea-Horse Road, in Ya'an Municipal People's Government, Sichuan Provincial Administration of Cultural Relics, "Border Tea, Hidden Horses In Proceedings of the Symposium on Protection of the Cultural Heritage of the Tea-Horse Road (Ya'an)", Beijing: Cultural Relics Press, 2012, pp. 193-197.

Unknown author. Huai De Tang Hui Zi Hua in the 16th year of Guangxu, in Liu Jianmin, ed., The Collection of Historical Sources on the Jin Merchants. Beijing: The Commercial Press, 2018, vol. 72, pp. 481-516.

Young, G. K. 2001. *Rome's Eastern Trade.* London: Routledge.

About the Author:

CHEN Wei, The Institute for the History of Natural Sciences, Chinese Academy of Sciences, Beijing, chenwei@ihns.ac.cn.

Информация об авторе:

ЧЭН Вэй, Институт истории естественных наук Китайской академии наук (г. Пекин, Китай); chenwei@ihns.ac.cn.

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.24.38

THE XIONGNU ARISTOCRATIC TOMBS: STRUCTURE, ARTIFACTS, CHRONOLOGY AND EVOLUTION

© 2025, G. Eregzen

Almost 100 years have passed since the first excavations of the Xiongnu noble tombs by the expedition of P.K. Kozlov in the Noin-Ula Mountains. Since then, 13 archaeological sites of the Xiongnu elites have been discovered and in 4 places excavations have not yet been carried out, such as Borbulag, Khyalganat, Ovoono Khar and Orgoiton, and in the rest, research work was carried out. At present, a total of 28 Xiongnu elite tombs have been excavated in Mongolia, Baikal and Tuva. Research work is also being carried out in 4 places, such as Noin-Ula, Duurlig Nars, Gol mod-II and Belkhin am. This article discusses the structural features of the tombs and the relationship of the discovered artifacts, the results of radiocarbon analysis, the date range of the tombs and the circumstances of the creation of large square-shaped tombs for the Xiongnu elites. In other words, this article is intended to raise the question of the evolution of large tombs of the highest rank of the Xiongnu.

Keywords: Xiongnu, large elite tombs, rectangular tombs with dromus.

ХУННСКИЕ ЗНАТНЫЕ КУРГАНЫ: СТРУКТУРА, АРТЕФАКТЫ, ХРОНОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Г. Эрэгзэн

Прошло почти 100 лет со времени первых раскопок хуннских знатных курганов экспедицией П.К. Козлова в горах Ноин-Улы. С тех пор было обнаружено 13 археологических памятников хуннских элитов, в 4 местах, таких как Борбулаг, Хялганат, Овооно хар и Оргоитон, еще не проводились раскопки, а в остальных велись исследовательские работы. На данный момент в Монголии, Забайкале и Туве раскопано в общей сложности 28 хуннских знатных курганов. Также исследовательские работы ведутся в 4 местах, таких как Ноин-Ула, Дуурлиг Нарс, Гол мод-II и Бэлхийн ам. В данной статье рассмотрены особенности строения курганов и взаимосвязь обнаруженных артефактов, результаты радиоуглеродного анализа, датовый диапазон могилы и обстоятельства создания больших курганов квадратной формы для хуннских элитов. Иными словами, данная статья призвана поднять вопрос об эволюции крупных захоронений высшего сословия хуннов.

Ключевые слова: Хунну, большие знатные курганы, курганы прямоугольная форма с дромусом.

Introduction

In the past, archaeological sites related to the Xiongnu—such as ruins of settlements, tombs and funerary sites, and rock and parietal art—have been discovered and studied in various places. These studies provided a sizable amount of information on their lives and lifestyles. Among these, the artifacts and findings discovered from tombs and funerary sites are counted as important tools in the study of the Xiongnu's material culture.

Currently, more than 15,000 burial and funerary sites have been identified in the widespread regions of Mongolia, the Republics of Buryatia and Tuva of the Russian Federation, the Inner Mongolian Autonomous Region of the People's Republic of China (PRC), the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC, and the Qinghai Province in the PRC. These tomb sites can be generally categorized into those of nobility (aristocratic) and common small-sized ones. The tombs of nobility and the aristocratic notably differ from the small circular common burials as they are much larger, with visible soil mounds protruding from the ground, a rectangular complex at the edges made of stone fencing, and a long trapezoidal dromos at the south side.

There are ten funerary sites of the nobility and the Aristocratic in the Mongolian region, including the Noyon Uul, Gol Mod, Gol Mod-II, Duurlig Nars, Bor Bulgiin Am, Takhiltiin Khotgor, Selbiin Am, Khyalgant, Yamaan us, and Ovoono Khar sites. In contrast, three aristocratic funerary sites—Ilmiin Am (Suuj), Tsaram, and Orgoiton—have been discovered and studied in the Southern Baikal Region in the Republic of Buryatia; the Bai Dag-II site has been discovered and studied in the Republic of Tuva.

This paper aims to use the latest research results to present the author's hypothesis on the composition of Xiongnu aristocratic tombs, the interrelationship of the artifacts found within Xiongnu tombs, the relevant dates associated with the tombs and artifacts, the dates associated with the evolution of the rectangular-shaped tombs, and the conditions that permeated the development of such rectangular shaped tombs.

The Features of the Form and Structures of the Xiongnu Aristocratic Tomb

In terms of external and internal form, the majority of the Xiongnu aristocratic tombs discovered in Mongolia, as well as the Southern Baikal and Tuvan regions, exhibit significantly homogenous. Externally, they feature low rectangular-shaped mounds called "ovoolgoi" protruding from the topsoil, surrounded by a stone fence-like dam, and a long trapezoidal-shaped dromos at the front. The internal structure, or underground section, similarly shows uniform characteristics. These tombs descend in level, with the circumference decreasing as they descend. At the lowest point or base, the tombs feature a fenced area made from large logs, within which intricate wooden caskets hold the deceased. Moreover, the accompanying funerary items are placed within the casket following set funerary customs.

In the following section, this paper aims to further elucidate the external and internal features of Xiongnu aristocratic tombs.

External Structure. The Xiongnu aristocratic tombs mentioned above feature a protruding external stone cover structure atop undisturbed topsoil. These 'ovoolgoi' mounds are constructed directly over the centre of the pit. The external structures consist of two sections: the 'ovoolgoi' cover stones and the dromos to the south that connect it. If the main cover stone section is rectangular in shape, the dromos widens towards the northern section and narrows towards the southern section in a trapezoidal shape. Stones dams are laid out in a border formation around the main "ovoolgoi" stone cover section and the dromos. It is also interesting to note that certain tomb sites mimic the layout and structure of the Tomb 20 of the Gol Mod site wherein additional straight intersecting almost columnal stone dams are laid and piled out across and around the dromos from north-south (Yerööl-Erdene, Gantulga, 2008, p. 150). Similar stone dams are found within the internal structure (burial pits) of the majority of Xiongnu aristocratic tombs with certain tombs creating these layouts using wood instead of stone. Thus, we can presume that these stone dam pilings were made during the construction of the tombs, especially the levels, thus they connect to the internal structure rather than being created specifically as an external structure and formation. The fact that these stone dams are occasionally seen visible atop the tomb and sometimes not can thus be connected to this.

Based on observations during archaeological excavations, the main section of rectangular-shaped tombs with dromuses typically measures 5-8 meters for smaller tombs, 10-20 meters for average or medium-sized tombs, and over 30 meters for larger tombs. However, large tombs are infrequent among the Xiongnu aristocratic tomb sites we are aware of, so a comprehensive statistical understanding of them may be incomplete. mong the larger tombs we have studied, notable examples include Tomb 1 of the Gol Mod-II site (Main Structure: 48×42 meters, Dromos: 37.5 meters), Tomb 160 of the Duurlig Nars site (Total length including the Dromos: 88 meters), and Tomb 61 of the Gol Mod site where conservation and cleaning efforts were conducted.

Internal Structure. The internal structure, or the tomb pit, comprises and is divided into two: the tomb pit and the tomb chamber.

Xiongnu aristocratic tombs are unique for their exceptionally deep pits. If the shallowest of the known tombs, Tomb 64 of Takhiltiin Khotgor measures 5.5. meters in depth (Bayarsaikhan, Egiimaa, 2008, 188), of the Duurlig Nars site, Tomb 5 measures 7 meters in depth, Tomb 2 measures 8 meters in depth, and Tomb 1 measures 15 meters in-depth, of the Tsaram site, Tomb 7 measures 17 meters in-depth, of the Noyon Uul site, Tomb 20 measures 18 meters in-depth, of the Gol Mod site, Tomb 20 measures 18.3 meters in depth, and of the Gol Mod-II site, Tomb 1 measures 22 meters in depth which is currently the deepest depth known to us (Eregzen et al, 2011, 2015; Miniaev, Shakharovskaia, 2006, p. 49, Tseveendorj et all, 2007, p. 290, Yerööl-Erdene 2015, 50, Erdenebaatar et al, 2015, p. 33). Thus, it was imperative to carve such depths carefully and systematically in a well-planned manner. Tombs such as 20 and 24 of the Noyon Uul site and 1, 2, and 5 of the Duurlig Nars site are clear examples of the Xiongnu using levels and creating the depths of the tombs carefully and

systematically where they began from the surface digging in rectangular increments that descended in downwards in a terrace. For example, the 2nd Tomb of the Duurlig Nars site excavated between 2006-2007 by the joint Mongolian-Korean "Mon-Sol" project revealed the tomb to have a depth of 8 meters and that the tomb depth was made in several levels (referred to as levels of the tomb or lot(s)). Below surface level, the first lot of this tomb measured 10×8 meters at 2 meters deep, the second lot measured 9×7 meters at 2 meters deep, the third lot measured 8×6 meters at 1.5 meters deep and the fourth lot measured 7×5 meters at 2.5 meters deep. Each lot was divided into levels with a 0.5-meter width. Moreover, the 3 stone border dams along the outermost section of the external structure were laid out along and parallel to the first lot of the tomb pit (Eregzen et al, 2008, 158). The dromos was built in a manner that it slanted and began from the southern edge of the tomb side and steepened as it encroached and descended towards the main section of the tomb pit. The dromos typically extended towards the topmost section of the tomb's wooden structure. Additionally, excavation processes have proved them to have a practical purpose wherein they served to assist in the removal of earth and soil as the tomb was constructed and dug towards deeper depths. They seem to also have served the purpose of helping move funerary items into the main site during the funerals of the Xiongnu aristocratic.

The tomb chamber, especially the base and lowermost point of the tomb pit features fenced areas made and designated out of large and thick logs. These wooden (log) fences are made either in singular or double layers. Of these, the single wooden (log) fencing resembles a box that surrounds the casket. They feature 4 walls and are rather small in terms of size. Smaller Xiongnu aristocratic tombs, such as Tomb 1 and 2 of the Takhiltiin Khotgor site (Navaan 1999), Tomb 64 (Bayarsaikhan, Egiimaa 2008), Tomb 2 and 5 of the Duurlig Nars site (Eregzen et al 2008; 2009) all feature these single wooden (log) fences. To specify, the fencing of Tomb 61 of the Takhiltiin Khotgor site measures 2.6×1.2 meters, Tomb 2 of the Duurlig Nars site measures 3.6×1.9 meters, and Tomb 1 of the Takhiltiin Khotgor site measures 4×1.8 meters.

Table 1. Measurements of the Internal and External Structures of the Tombs of the Xiongnu

№	Tomb Site / Number	External Structure Measurements					Fencing Measurement		Burial Pit Depth
		Length	Width	Height	Dromos				
					Length	Width	External	Internal	
1	Gol Mod-II, Tomb-1	48	42	3.7	37.5	22×8	8×5	-	22
2	Noyon Uul, Ballod	35	35	3.5	9.4	10.8×8	5.87×3.8	4.27×2.14	-
3	Gol Mod, Tomb-20	34	31.5	1	23	14×4	4.4×2.94	3.45×2.1	18.3
4	Gol Mod, Tomb-1	34	26	1.6	36	15×6	5.4×4.4	-	16
5	Tsaram, Tomb-7	32	32	1	20	-	6.1×4.2	4.1×2.4	17
6	Noyon Uul, Kondratyev's Tomb	26	26	1.3	17.5	-	5.32×3.71	3.75×2	-
7	Noyon Uul, Tomb-6	24.5	24.5	1.95	22.5	9.2×	5.34×3.99	3.31×2.23	-11.03
8	Duurlig Nars, Tomb-1	23.5	22	1.5	32	14×3	4.7×3.2	3.4×2.6	15
9	Noyon Uul, Tomb-1	21.9	21.9	1.73	21	9×4.5	4.61×2.9	3×1.55	-10.1
10	Noyon Uul, Tomb-20	19	18	1	17	9×3	4.8×3.2	-	18.35
11	Ilmiin Am, Tomb-54	19	18	1.5	14	8×2	3.9×2.2	-	8.5
12	Noyon Uul, Tomb-23	19	17	1.4	17.5	8.2×5	4.31×3	2.98×2	-10.2
13	Noyon Uul, Simukov's Tomb	17	15	-	14	5×	-	-	
14	Noyon Uul, Tomb-24	16	14	1.5	12	5×	4.1×2.7	3.16×1.65	9/-7/
15	Takhilt, Tomb-1	16	13	-	-	-	4×1.8	single	12-
16	Takhilt, Tomb 2	16	13	-	8	-	3.4×1.5	single	11-
17	Noyon Uul, Dorjsuren's Tomb	14	14	1.1	10	8×3	-	single	-7
18	Gol Mod, Tomb-79	12	10	0.4	8	4×2.5	3×1.7	single	7
19	Duurlig Nars, Tomb-2	11	9	0.4	15		3.6×1.9		8
20	Duurlig Nars, Tomb-5								
21	Takhilt, Tomb-64	8.27	7.8	0.4	7.1	3.3×1.75	2.6×1.2	single	5.5

Beyond the single (log) fence that surrounds the casket, double (log) fences denote the presence of a second layer of wooden rectangular walls beyond the first that is likewise covered with wood. If we use Tomb 6 of the Noyon Uul site as an example, the eastern and western sections of the double (log) fence layer measure 5.35 meters in length and the northern and southern section's measure 4 meters in length. The walls were erected using 7 thick logs and as a result it stretched 1.98 meters in height. The second layer of the wooden (log) fence comprises over 20 logs placed horizontally, covering the casket. The first wooden (log) fence layer measures 3.31 meters in length, 2.23 meters in width and 1.66 meters in height and likewise has its own cover. As the second wooden (log) fence layer was erected directly parallel to the first layer, a narrow crevice a person can fit was created between the two (along the wester, eastern, and northern sides). This crevice measures 0.98 meters along the northern side and 0.64-0.75 meters in width along the eastern and western sides (Rudenko, 1962, 19).

These double wooden (log) layers are most commonly found within large tombs where the external structure's walls measure 20 meters or more in length. Large tombs that feature an external structure that measures 30 meters or more include Tomb 1 of the Gol Mod-11 site (Erdenebaatar et al, 2015, 35), the Ballod Tomb of the Noyon Uul site (Dorjsuren 1961; Rudenko 1962), Tomb 1 and 20 of the Gol Mod site (Erdenebaatar, Yerööl-Erdene 2001; Yerööl-Erdene 2015, 51), and Tomb 7 of the Tsaram site (Miniaev, Sakharovskaia 2006). Moreover, these sites feature double wooden (log) fences that measure over 5 meters. However, tombs with external structure walls that measure 16 meters but are rather small in terms of size, include Tomb 24 of the Noyon Uul site (Dorjsuren 1961). This tomb's double wooden (log) fence is rather small, measuring 4.1×2.7 meters.

Artifacts Discovered within the Tombs of the Xiongnu Aristocratic

All the tombs of the Xiongnu aristocratic that have been excavated thus far have all been looted at one time or another, thus most of their valuable artifacts have been lost, with the majority of the tombs significantly damaged. However, regardless of this fact, artifacts are found either left behind or remain intact unseen by the looters. Using these artifacts, it is possible to reconstruct and comprehend the organization and layout of the casket and burial areas. The items and artifacts found within Xiongnu aristocratic tombs are largely homogenous in terms of make, shape, and use. This fact is not only visibly discernible but evident from their placement within the tombs which likewise are extremely similar to one another. For example, discovered placed on top of the wooden tomb fencing cover of the Takhiltiin Tomb 64 and the Duurlig Nars Tomb 5, which are considered to be the smaller size of Xiongnu aristocratic tombs, were horse chariots made in the Han style as well as the remains of horses placed to the north of chariots. Xiongnu aristocratic tombs often contain 1 chariot as well as their associated parts and sections. However, the excavation and research process of Tomb 1 of the Gol Mod-II site revealed that the chariot sections and parts discovered within it belonged to approximately 15–17 chariots (Erdenebaatar et al, 2015, p. 116). The chariots discovered within Xiongnu aristocratic tombs are most commonly painted with black and red qi lacquer paint, crafted with intricate designs, and had two wheels making them most likely the remnants of ceremonial chariots. Currently, the existence of a chariot with four wheels has been discovered in the tombs of the Xiongnu aristocratic excavated from the site called Chikhertiin Zoo (Eregzen et al, 2020).

Within the wooden fencing of the internal structure of the tomb site, we often find wooden caskets adorned and inlaid with gold, silver, and bronze where the deceased is interred. The casket is placed either in the centre of the wooden fence or pushed along to one of the sides. Intricate necklaces and necklace sections are often found inside the casket within the vicinity of the deceased, regardless of their gender. This indicates that leaving accompanying jewellery and ornaments was part of Xiongnu funerary customs. Gold and gilt bronze ornaments with images of horses used to adorn clothing are also frequently found within the vicinity of the casket. Round disc-shaped jade as well as square, crescent shaped and fan-shaped jade were discovered within the Noyon Uul Tomb No1, the Duurlig Nars Tomb No2, and the Gol Mod Tomb No1. The presence of these items, which are widespread amongst the funerary goods of Eastern cultures proves that the Xiongnu also held similar worship beliefs and practised similar funerary customs wherein they used jade to fill

and cover the deceased's orifices and placed disc-shaped jade on top of the deceased chests which symbolized their soul reaching heaven. Of all the jade items discovered within Xiongnu aristocratic tombs, the disc-shaped jape with the images of horned mythical creatures (Erdenebaatar et al, 2015, p. 149), the only one of its kinds, which was found within the Gol Mod-II Tomb No1, is the most intricately crafted and in turn the most famous.

One of the most significant artifacts discovered within a Xiongnu aristocratic tomb is the felt carpet discovered from the Noyon Uul Tomb 6. This woollen carpet, trimmed with twilled silk, depicts a pair of applique predatory animals engaged in a fight. The carpet lined with silk and felt further features embroidered and applique images and patterns and was discovered well preserved within the Noyon Uul Tomb 6. Moreover, the presence of images of human likenesses and horse-mounted warriors is quite like the tomb murals and paintings found widespread among contemporary Chinese and Korean cultures. As a result, it is presumed that this carpet was similarly used within the interior of the wooden fencing. In other words, this carpet was most likely spread across the interior wall of the wooden fencing to resemble the tomb murals and paintings created within stone tombs. Moreover, the images created using applique and embroidery present on this carpet may have been featured to specifically denote and chronicle the deceased person's past and awaiting life (Eregzen, 2004). In 2006, during the excavation of the Noyon Uul Tomb 20, a woven felt fragment was discovered. This fragment featured the embroidered images of mounted hunters shooting arrows at fleeing deer and game. Similar images are found widespread amongst the "hunting" scenes on the murals of the stone tombs of Goguryeo and Northeastern Chinese cultures which further corroborates our suppositions of these images.

A variety of vessels, vases, and containers such as vessels filled with ceremonial and worship foods and drinks, clay vases, containers with qi lacquer paint, and plates are found in spaces such as the northern section of the casket and the crevice between the two wooden (log) fences. The clay vessels are generally similar to those found in smaller tombs. They often feature thin necks, and furling openings that are either open or sealed and hollow. Clay vessels not typical in smaller tombs include especially large vessels that measure 1 meter in height and feature holes above the base that have circumferences a human finger can comfortably fit. The almost guaranteed presence of such clay vessels in larger tombs is unique. The large clay vessel found within the Duurlig Nars Tomb 2 was discovered with a well-preserved wooden stopper still intact within the hole above the base (Duurlig Nars, 2009, p. 64). The containers within Xiongnu aristocratic tombs that contained lacquer paint were all made in Han styles with the majority having two "ears" (handles). Several well-preserved two "eared" bowls have been found within the Noyon Uul Tombs 5, 6, and 20. These bowls were made in a present-day Sichuan province production section that operated under the direct purview of the Han emperor and featured images of a pair of birds sitting facing one another and Chinese characters on the base. Moreover, a similar bowl, adorned with patterns and floral images was found within the Noyon Uul Tomb 23 (Dorjsuren 1961, p. 65; Chistyakova, 2009, p. 65). A circular container with animal images containing qi lacquer paint was further found within the Noyon Uul Tomb 25 (Umehara, 1960, p. 33) and a square-shaped container with black patterns featured on a red surface likewise containing qi lacquer paint was found within the Duurlig Nars Tomb 2. While rare and unique qi lacquer paint was found within these vessels, unfortunately in terms of their condition, the containers were poorly preserved.

In addition to vessels and containers that contain worship and offering foods and drinks, a variety of vessels, cauldrons, platters, teapots, and bronze mirrors are found within the tomb sites purposefully left broken and shattered. For example, a bronze circular platter, an intricately made bronze teapot, and a "TLV" shaped bronze mirror were found purposefully broken and shattered within the Duurlig Nars Tomb 2, outside the south section of the wooden (log) fence. In addition to being shattered and broken, melted bronze remnants have been found alongside them, indicating they were burned in the fire. As there were no signs of a fire being lit near the southern section of the wooden (log) fence, it can be presumed that they were broken, shattered, and burned in a fire outside the tomb pit before their placement within the tomb (Eregzen, 2009, p. 227). Other Xiongnu aristocratic tombs also feature signs of similar funerary customs being observed and carried out. For example, shattered fragments of a bronze mirror and a cauldron

base were found within the Noyon Uul Tomb 6, shattered fragments of a bronze mirror were found within the Noyon Uul Tomb 25 (Rudenko, 1962, p. 65), shattered fragments of a bronze platter, a bronze teapot's nozzle, and a bronze mirror was found within the Gol Mod Tomb 1 (Erdenebaatar, Yerööl-Erdene 2001), shattered fragments of a bronze teapot's main body and nozzle, sections of the square metal platter, fragments of a bronze mirror, and fragments from a bronze cauldron's side section was found within the Gol Mol Burial 20 (Yerööl-Erdene, Gantulga, 2008, p. 159), and shattered fragments of an intricate bronze teapot was found within the Takhiltiin Khotgor Burial 2 (Navaan, 1999, p. 27).

Artifacts found most abundantly from Xiongnu aristocratic tombs are equine equipment and their parts. Of the known excavated and studied Xiongnu aristocratic tombs, only the Noyon Uul Tomb 24 and the Takhiltiin Khotgor Tomb 62 did not contain equine equipment and related artifacts which is most likely due to the fact the tombs belonged to women. Within tombs that contain double wooden (log) fences, equine equipment and related artifacts are found within the crevice between the two fences, whereas within tombs that only contain a single wooden (log) fence, they are found either outside the eastern or northern walls of the casket. The equine equipment found within Xiongnu aristocratic tombs can generally be divided into two categories, the mouthpieces and the saddle pieces. The mouthpieces comprise the bit, bridle, "zuuzai" bit rings, "tovruu" (knobs), the circle strap connectors, buckles and forehead cover (browbands). The saddle pieces comprise the saddle, the girth strap, and the crupper. The horse mouth bits found within Xiongnu aristocratic tombs are mainly made from thin metal and are plain in terms of design. Horse bits found in Xiongnu aristocratic tombs are no different than those found in tombs belonging to common people, the only distinguishing aspect being more numbers of bits being found within the aristocratic tombs. However, the bridles found within the aristocratic tombs, along with their "tovruu", buckles, and forehead covers (browbands) are much more intricate and come in different forms and styles. For example, the bit rings found within the aristocratic tombs are axe-shaped on the two ends and made from layered metal. Such bit rings are not found within the common people's tombs, but rather bit rings that are circular shaped on the two ends. The metal bit rings found within the Ilmiin Am Tomb 54 were made with circular ends in terms of shape and were coated with gold (Konovalov 2008, 33). The "Tovruu" knobs found within the aristocratic tombs are most often made from gilt bronze with instances of even gilt metal "tovruus" being found. The forehead covers (browband covers) are typically only found within aristocratic tombs and come in two types, those made from bronze and those made from metal. If a patternless boat-shaped gilt bronze forehead cover was found from the Noyon Uul Tomb 25 (Umehara, 1960, 79), a perforated patterned gilt metal forehead cover was found from the Noyon Uul Tomb 20 (Tseveedorj et al, 2007, p. 303), a thin gold coated metal forehead cover was found from the Ilmiin Am Tomb 54 (Konovalov, 2008, p. 34), and a plain metal forehead cover was found from the Duurlig Nars 2 Tomb (Duurlig Nars, 2009, p. 38).

Thus far, physical saddle sections have only been found from the Noyon Uul Tomb 6. However, saddle pieces, such as silver crupper and girth strap ornaments have been found in the larger Xiongnu aristocratic tombs. These silver crupper and girth strap ornaments are extremely fine and intricate. They are generally circular, or petal (leaf) shaped and were affixed onto the leather straps of the crupper and girth straps. These silver ornaments also often feature embossed images of prosperity, such as antelope, yak, ibex, deer, and dragons. Silver ornaments with images of symbolic antelope were found from the Gol Mod Tomb 20 (Yerööl-Erdene, 2007, p. 249), silver ornaments with images of symbolic antelope, ibex, and dragons were found from the Noyon Uul Tomb 20 (Tseveendorj et al, 2007, p. 293), silver ornaments with images of yak and deer were found from the Noyon Uul Tomb 6 (Rudenko, 1962, p. 36, 37), and silver ornaments with images of ibex were found from the Tsaram Tomb 7 (Miniaev, Sakharovskaia, 2007, p. 53). Discovered from the Gol Mod-II sites Tomb 1 was a bridle with images of symbolic antelopes, 4 silver girth strap ornaments, a crupper with the image of a single-horned mythical animal, and 2 golden girth strap ornaments (Erdenebaatar et al, 2015, p. 140). These artifacts are regarded as remarkable and unrepeatable in terms of their make and aesthetics.

One of the more unique artifacts found within Xiongnu aristocratic tombs are lamp (candle) bases. They are categorized according to the material they were made from, either as clay or

bronze lamp bases. The clay lamp bases have flat bases and plate-like shapes with slanted walls. Such lamp bases have been found in the Takhiltiin Khotgor Tomb 1 (Navaan, 1999, p. 22) and Tomb 64 (Bayarsaikhan, Egiimaa, 2008, p. 189) as well as the Ilmiin Am Tomb 54 (Konovalov 2008, 39). The bronze lamp bases have a circular-shaped main body, long handles on the sides, and 3 small legs. Such lamp bases have been found in the Duurlig Nars Tomb 2 (Duurlig Nars, 2009, p. 79) and the Noyon Uul Tomb 25 (Rudenko, 1962, p. 7).

In addition to the aforementioned artifacts, rare and unique artifacts are also frequently found in Xiongnu aristocratic tombs. These include clothing made from silk and different textiles, such as 2 types of deels, pants, and hats which have been found in the Noyon Uul Tomb 6 (Rudenko, 1962, p. 10–11, 15–17), a funeral doll made from the skull bones of an infant which was found from the Tsaram Tomb 7 (Miniaev, Sakharovskaia 2007, p. 51–52), and a boat toy which was been found from the Gol Mod Tombx 20 (Yerööl-Erdene, 2007, p. 1).

The Structure of the Xiongnu Aristocratic Tomb and Comparisons of the Findings

The aforementioned Xiongnu elite's tombs feature wooden (log) fences (tombs) situated in the main tomb area. These fences are erected in two types, either in single or double layers. Tombs with single wooden (log) fences have thus far been discovered within the Takhiltiin Khotgor site's Tombs 1, 2, and 64, the Gol Mod site's Tomb 79, and the Duurlig Nars site's Tombs 2 and 5. Of these tombs, the Takhiltiin Khotgor Tomb 1 has the largest single wooden (log) fence which measures 5 meters in length and 1.8 meters in width. Whereas the single wooden (log) fence within the Takhiltiin Khotgor Tomb 2 measures 3.4 meters in length and 1.5 meters in width (Navaan 1999, 17, 24), the one in the Duurlig Nars Tomb 2 measures 3.6 meters in length and 1.9 meters in width (Eregzen et al, 2008, p. 159), the one on the Duurlig Nars Tomb 5 measures 3.5 meters in length and 1.5 meters in width (Eregzen et al, 2009), and the one on the Gol Mod Tomb 79 measures 3 meters in length and 1.7 meters in width (Erdenebaatar, Yerööl-Erdene, 2001). Of these sites, the smallest single wooden (log) fence has thus far been discovered in the Takhiltiin Khotgor Tomb 64, measuring 2.6 meters in length and 1.2 meters in width (Bayarsaikhan, Egiimaa 2008, p. 188). If the Takhiltiin Khotgor site's Tombs 1 and 2 have pits that have depths of 11–12 meters, the average depth of Tombs 2 and 5 of the Duurlig Nars site, Tomb 79 of the Gol Mod site, and the Noyon Uul tomb excavated by Dorjsuren measure 7 to 8 meters in depth. Moreover, the Takhiltiin Khotgor site's Tomb 64 has a single wooden (log) fence that measures 2.6 meters in length and 1.2 meters in width while the pit measures 5.2 meters in depth. Such statistics indicate how when the size of the wooden (log) fence increases, the size of the tomb pit increases in correlation. Additionally, even the size of the external structure and stone dam is seen to be congruous with the size and depth of the tomb pit. For example, the external structure of the Takhiltiin Khotgor site's Tomb 1 and 2 measures 16×13 meters, the external structure of the Duurlig Nars site's Tomb 2 measures 11×9 meters, the external structure of the Gol Mod site's Tomb 79 measures 12×10 meters and the Takhiltiin Khotgor site's Tomb 64 measures 8.27×7.8 meters.

Xiongnu aristocratic tombs with double wooden (log) fences have thus far been discovered within the Noyon Uul's sites Tombs 1, 6, 20, 22, 31, 23, 24, and 25 as well as Ballod's Tomb, Kondratiev's Tomb, and Simukov's Tomb (Rudenko, 1962; Dorjsuren, 1961; Tseveendorj et al, 2007). They have also been found within the Gol Mod site's Tombs 1 and 20 (Erdenebaatar, Yerööl-Erdene, 2001; Yerööl-Erdene, Gantulga 2008), the Tsaram site's Tomb 7 (Miniaev, Sakharovskaia, 2006), and the Ilmiin Am's Tomb 54 (Konovalov, 2008). Of these tombs, the largest include the Gol Mod-II site's Tomb 1, the Tomb excavated by Ballod in the Noyon Uul site, Tomb 7 excavated in the Tsaram site, and Tombs 1 and 20 of the Gol Mol site. These tombs not only have dromuses and external structures as large as 35 meters but also have tomb pits that measure 16-22 meters in depth. The tombs that come after the aforementioned tombs in terms of size are located in the Noyon Uul site. They include the tomb excavated by Kondratiev and Tomb 6. The tomb excavated by Kondratiev has an external structure of 26×26 meters while Tomb 6 has an external structure that measures 24.5×24.5 meters and a pit that measures 11.3 meters in depth. Tomb 54 of the Ilmiin Am site and Tombs 1, 23, and Simukov's Tomb of the Noyon Uul site come next in terms of size. They have external structures that measure 21.9–17 meters in length and 21.9–15 meters in width with a tob pit measuring 10 meters in depth. However, the

smallest tomb with a double wooden (log) fence is the Noyon Uul site's Tomb 24. This tomb has an external structure that measures 16×14 meters and a tomb pit that measures 9 meters in depth. Based on these statistics, we can see that Xiongnu aristocratic tombs with the presence of double wooden (log) fences likewise directly dictate the size of the tomb. As the double wooden (log) fences increase in size, so does the size of the tomb's external structure and pit.

To reiterate, the size of the Tomb's double wooden (log) fence directly correlates with the size of the tomb's external structure and pit depth. For example, the double (log) wooden fence of the Ballod Tomb measured 5.87×3.8 meters, the double (log) wooden fence of the Gol Mod Tomb 1 measured 5.4×4.4 meters, the double (log) wooden fence of the tomb excavated by Kondratiev at the Noyon Uul site measured 5.32×3.71 meters, the double wooden (log) fence of the Noyon Uul Tomb 1 measured 4.61×2.9 meters, and the external wooden (log) fence of the Noyon Uul Tomb 23 measured 4.31×3 meters. From these tombs, the smallest double wooden (log) fence was found within Tomb 24 of the Noyon Uul site and measured 4.1×2.7 meters.

From all the statistics inputted in the table that reflect the tombs of the Xiongnu aristocratic, we can see that the size of the wooden (log) fence that surrounds the casket, the depth of the tomb pit, and the size of the external structures are all congruous with one another. In addition to this, one interesting detail we have observed is the fact that the relatively smaller tombs of the Xiongnu aristocratic, those that measure up to 16 meters in length in terms of their external stone dams, are always discovered to have caskets surrounded by single wooden (log) fences. Whereas, toms that have external stone dams larger than 16 meters in length always unearth caskets surrounded by double wooden (log) fences. Additionally, if the tombs were discovered to have external structures that measured over 10 meters, their single wooden (log) fences would measure over 3 meters in length. Furthermore, if toms were discovered to have external structures that measured lower than 10 meters, their single wooden (log) fences would likewise measure lower than 3 meters in length. Similarly, if we use the length measurements of the tombs that contain double wooden (log) fences, we can categorize them into two, (1) tombs with double wooden (log) fences that measure 4-5 meters and (2) tombs with double wooden (log) fences that measure over 5 meters. Tombs with smaller 4-5 meter double wooden (log) fences are found within tombs that have external structures that measure 16-23 meters while tombs with over 5 meter double wooden (log) fences are found within tombs that have large external structures that measure 24-35 meters.

The tombs of the Xiongnu aristocratic, in addition to sharing analogous similarities in terms of their external and internal structures, it is observable that they also share similarities through the artifacts discovered within, especially in regards to how they affect the size of the tombs. In other words, it is discernible that larger tombs unearth the highest number of artifacts which are the most intricate and valuable, while smaller tombs unearth fewer numbers of artifacts that are of lower quality and value. The biggest corroboration of this is the metal ornaments that adorn the exterior panels of the casket. For example, the casket of the Takhiltiin Khotgor Tomb 64, which is considered the smallest of the Xiongnu aristocratic tombs excavated thus far, features a metal strip, which measures 1–1.5 cm in width, affixed onto the exterior walls of the casket. Affixed within each eyelet are floral ornaments with 3–4 petals (Bayarsaikhan, Egiimaa, 2008, p. 188-189, Figure 8). Tombs that are larger than the Takhiltiin Khotgor Tomb 64, such as the Duurlig Nars Tomb 5, have unearthed the same floral casket ornament but made from gilt bronze (Eregzen et al, 2009). Within the Gol Mod Tomb 79, which is larger than the aforementioned tombs, the casket has a silver strip that measures 1 cm in width and golden 4-petaled floral ornaments affixed onto the strip's eyelets (Erdenebaatar, Yerööl-Erdene, 2001). The casket ornaments of Tomb 2 of the Duurlig Nars are all made from thin gold (Eregzen et al, 2008, p. 159). Such ornaments found within the Tomb with double wooden (log) fences are all made from gold. However, they become more fine and intricate, featuring embossed patterns and inlays of stone. For example, the gold casket ornaments found within the Noyon Uul Tomb 6 feature patterns created through embossing and a wooden base (Rudenko, 1962, p. 34) while the golden floral-shaped casket ornaments found within the Gol Mod Tomb 20 feature embossed patterns, a very intricate base, and inlays of turquoise between the patterns (Yerööl-Erdene, Gantulga, 2008, p. 162).

Similar conclusions on the size of Xiongnu tombs and their correlations can also be drawn from other artifacts. For example, if smaller aristocratic tombs such as Tomb 64 of the Takhiltiin Khotgor site and Tomb 5 of the Duurlig Nars site are not accompanied by chariots, tombs larger than them do. However, the quality and make of chariots placed in accompanying tombs change as the tomb sizes progress. For example, the chariot found within Tomb 1 of the Gol Mod-II site features intricate cloud patterns made using red, white, and black paint, gilt ornaments, and 15-17 accompanying sections deliberately broken apart and placed within the tomb (Erdenebaatar et al, 2015, p. 116). The chariots found in the tombs of the aristocratic with main structures measuring over 20 meters, such as the Noyon Uul site's Kondratiev's Tomb and Tombs 20 and 25, the Gol Mod site's Tomb 20, and the Tsaram site's Tomb 7, have bronze umbrella end ornaments with fine details such as embossed patterns and a lower section that adjoins to the ends that bear the shape of a hook. Even the body features bronze ornaments, some patterned. Their wheel covers are likewise made from bronze and gilt with gold. However, Chariots discovered in tombs with main structures measuring up to 20 meters, such as the Duurlig Nars Tomb No2 and the Takhiltiin Khotgor Tomb No1, have plain, patternless bronze umbrella end ornaments and bronze ornaments on the body. Moreover, they have wheels covered only with metal. Such examples show how chariots found within tombs with double wooden (log) fences are more intricate in terms of making and larger than those found within tombs with single wooden (log) fences.

Based on all the aforementioned, the tombs of the Xiongnu aristocratic share many similarities in terms of structure, composition, and shape. Even the accompanying artifacts found within the tombs are similar in terms of type and shape. This attests to how the size of the tomb was determined by changes within the internal structure, the number of artifacts placed inside, and make.

The Associated Chronology of the Xiongnu Aristocratic Tomb

Many artifacts which were crucial to date the tombs were found from the excavations of the Xiongnu aristocratic Tombs in Mongolia, and the Southern Baikal area of the Russian Federation. This included lacquered objects of southern origins with inscriptions that could indicate their place of origin, creator and associated chronology, a bronze mirror of which the time of production could be determined by comparing to the above visual designs and silks and textiles adorned with hanzi characters. For example, from the edge of Tomb 6 at Noyon Uul, a lacquered cup with two ear-like handles or 'wings' was found. The two hanzi characters "上林" were found carved with a sharp pointed object into the underside of the cup. The 17 characters of "建平五年九月 工王 潭經 畫工獲壺 天武省" are also inscribed around the outer perimeter of the foot of the cup. Additionally, a lacquered cup inscribed with the 67 characters, "建平五年 蜀郡西工,....", was also excavated by Simukov from the same site. Judging from these inscriptions the two cups were made during the 5th year of the Tsianping (II BCE). Based on the inscription, N.W. Bernshtam interpreted the cup found in Tomb 6 as a gift to Wuzhuliuruodi Chanyu when he visited the Shanglinyuan Palace of the Emperor of the Han Dynasty and considered the burial to be the tomb of said Chanyu who died in XIII CE. On the other hand, Ts. Dorjsuren, taking into account other historical facts, explained that Tomb 6 should be dated from the I BCE to the I CE (Dorjsuren, 1961, p. 59-62). From Tomb 20 of Noyon Uul, which was excavated in 2006, three lacquered cups were found and the base of one of the cups had a 46-character inscription. The four characters in the middle of this inscription, "元延四年", clearly indicate this cup was made in IX BCE (Chistyakova, 2009, p. 65). These objects indicatee that the aforementioned three tombs were made not earlier than IX BCE and II BCE. The base of the lacquered wooden plate found from Tomb 20 of Gol Mod features 30 hanzi characters. Based on these characteristics the plate can be dated to XVI BCE (Yeröөl-Erdene 2015, p. 118). Researchers who have deciphered the inscriptions on the lacquered cup found from Tomb 7 of the Tsaram site have determined it to be dated between VIII BCE-IV CE.

Several silk fragments with the hanzi characters, "新神靈廣成壽萬年", were found in Tomb 1 and 6 at the Noyon Uul site. These silk fragments date back to the reign of Wang Man, who briefly overthrew Han and reigned at the end of the Western Khan Dynasty. Thus, seeing as the dates of these silks and lacquered objects generally overlap, there is a high probability that these tombs were made circa the I CE.

Table 2. Objects found from the tombs of the Xiongnu aristocratic used to determine the associated chronology

№	Tomb Number	Lacquered Objects	Bronze Mirror	Radiocarbon Dating	Estimated Date
1	Tomb 6, Noyon Uul	II BCE			I CE
2	Simukov's Tomb, Noyon Uul	II BCE			I CE
3	Tomb 25, Noyon Uul		I BCE-I CE		I CE
4	Tomb 20, Noyon Uul	IX BCE			I CE
5	Tomb 1, Gol Mod		I CE	78-81 CE	I CE
6	Tomb 20, Gol Mod	XVI BCE	I CE		I CE
7	Tomb 79, Gol Mod			82 CE	I CE
8	Tomb 2, Duurlig Nars		I CE		I CE
9	Tomb 54, Ilmiin Am			30 BCE- 50 CE	I CE
10	Tomb 6, Tsaram	VIII BCE-IV CE	I BCE-I CE	30-120 CE	I CE

Fragments of bronze mirrors were found from Tomb 25 of Noyon Uul, Tomb 1 and 20 of Gol Mod, Tomb 2 of Duurlig Nars and Tomb 7 of Tsaram. From the above images, it can be seen that the bronze mirrors which were found in Tomb 20 of Gol Mod and Tomb 2 of Duurlig Nars, are of the "TLV(規矩鏡, Guī jǔ jìng)" shape, renowned amongst researchers, the ones found from Tomb No25 of Noyon Uul and Tomb No7 of Tsaram were of the "四乳四神鏡 (Sì rǔ sì shén jìng)" and the ones from tomb one of Gol Mod were fragments of "雲雷連弧文鏡 (Yún léi lián hú wén jìng)". Based on the study of Han Dynasty mirrors, the TLV mirrors are categorized into 四神規矩鏡 (Sì shén guī jǔ jìng), 鳥獸規矩鏡 (Niǎo shòu guī jǔ jìng), 幾何文規矩鏡 (Jǐ hé wén guī jǔ jìng) and 簡化規矩鏡 (Jiǎn huà guī jǔ jìng) (孔祥星, 劉一曼 2003, 156-170). The mirror fragments found from Tomb 2 of Duurlig Nars and Tomb No20 of Gol Mod can be categorized as 鳥獸規矩鏡 (Niǎo shòu guī jǔ jìng). The 鳥獸規矩鏡 (Niǎo shòu guījǔ jìng) mittot can be dated to the early Eastern Han Dynasty. The two similar mirrors found from Tomb No25 of Noyon Uul and Tomb No7 of Tsaram are both of the 四乳四神鏡 (Sì rǔ sì shén jìng) variety and can generally be dated to the end of the Western Han Dynasty and the early Eastern Han Dynasty (Eregzen 2009, 185). French researchers compared the mirror found in Tomb No1 of Gol Mod to objects of Chinese origins and have dated it to the I CE (Le premier…2003, 257). According to these findings, the five tombs where bronze mirrors were found can also be dated to the I CE.

In recent years, samples have been taken from the organic materials, such as wood and bone, of the tombs of the Xiongnu aristocratic and have been dated using radiocarbon dating. In particular, radiocarbon dating has been conducted on samples from the tombs of the Xiongnu aristocratic and other accompanying tombs from numerous sites including Duurlig Nars, Gol Mod, Gol Mod-II, Noyon Uul, Takhiltiin Khotgor, Ilmiin Am and Tsaram. In 2015 Ch. Yeröol-Erdene published a compilation of the results of radio-carbon dating studies made on a total of 32 tombs. The resulting dates of these studies mostly ranged between the I BCE to the I CE (Yeröol-Erdene, 2015, p. 122).

The objects with determinable chronology such as the Han style lacquered objects, bronze mirrors and the results of radio-carbon dating studies made on samples of wood and bone all in general date to similar periods. Thus it is possible to surmise that most of the tombs of the Xiongnu aristocratic spread through the Mongolian and Southern Baikal Region were created during the I CE.

The Conditions in which the Rectangular Tombs with Dromuses of the Xiongnu Aristocratic were Created and their Potential Associated Chronology

The term "the Xiongnu aristocratic tombs" mentioned in this article refers to the tomb structure with a surrounding rectangular stone complex upon the topsoil, a pit dug in the ground gradually decreasing in size and at its base the deceased laid in a wooden casket surrounded by single and double layered wooden fences. This particular structure is seen commonly amongst tombs at sites excavated several hundreds to several thousands of kilometres apart. For instance, the Duurlig Narse site is located in the eastern region of Mongolia whereas the Noyon Uul and Belkhiin Am sites are located in the

central region of Mongolia near Ulaanbaatar city. The Gol Mod and Gol Mod-II sites are also located in the central region of Mongolia about 500 km to the west of Ulaanbaatar. However, the sites of Takhiltiin Khotgor and Ovoono Khar are located in the western region of Mongolia, over 1000 km away from the capital city. Therefore there are about 2000 km between Duurlig Nars in the east and Takhiltiin Khotgor in the west. Although these sites are far from each other, the external form, inner structure, and accompanying objects all being similar and all also being dated to similar periods show that there was a unified form and fixed customs for the burial of the aristocratic during the Xiongnu period.

According to Chinese sources and documents the Xiongnu Empire reigned for over 300 years, from the III BCE to the I CE. The Xiongnu were very powerful during the first part of the empire, or the 70 years between the reigns of Modu Chanyu and Junchen Chanyu. During this time they levied tributes from their southern neighbour, the Han Dynasty, kept the city-states following the oasis of today's Xinjiang region under their control and gained much profit from the trade route connecting east and west. After this, after Emperor Wudi of the Han Dynasty ascended to the throne, the Xiongnu entered a 40-year-long battle with their southern neighbour and with their power depleting, during the I BCE they were greatly weakened due to internal struggles. Further, around 30 BCE, the Xiongnu reached the point where Huhanye Chanyu had to receive help from the Han Dynasty. Even when the Xiongnu regained power, taking advantage of the Han Dynasty's state crisis, from around the year 40 of the I CE they split into factions of north and south and were on the road to their downfall.

When compared to the chronology recorded in historical sources, it is clear that the Tombs of the aristocratic we are considering belong to the end of the Xiongnu Empire. It can be observed that the way the pits are dug in these rectangular tombs with dromuses of the Aristocracy are similar in some ways to the Tombs of the Han Dynasty and the previous Qin Dynasty. Thus researchers believe that some cultural influences of the Han Dynasty exist in the tombs of the Xiongnu aristocratic and use a large number of artifacts of Chinese origins including the lacquered utensils, bronze mirrors and lacquered chariot as evidence for this. However, when observing in detail the contents and composition of the rectangular tombs with dromuses of the aristocratic it can be seen from the inner structure, or the form of the wooden fences, that the traces of the funerary rites have preserved traits that are more similar to the traditions of the previous period. The way the tomb pits have been dug does seem to showcase influences of the Han Dynasty but the external structure seems to have been a completely new occurrence. Even in terms of findings and artifacts it cannot be said that they are all of Chinese origin as many of the tombs included objects of foreign origins from places such as Central Asia, Greco-Bactria, Rome and Egypt in addition to the objects of their make and culture make it a multifaceted matter. These occurrences exhibit that the Xiongnu aristocratic had extensive relations with the major nations of the world at that time, were able to obtain and utilize objects of foreign origins and created and developed their culture upon the crossroads of many others.

One of the most noteworthy issues related to the large rectangular tombs with dromuses is the matter of why they were created during the end of the Xiongnu Empire and the circumstances in which this form of tomb was created in the first place. According to developmental patterns, tombs this large are usually made during the period of most power. There are several sources which could elucidate this matter. As of now, amongst the tombs of the Xiongnu aristocratic which have been excavated, there is not a single one which was not subject to the past destruction of looters. Besides this, it can be determined from the outside of un-excavated graves whether they have been looted and destroyed in the past. In the "Book of Han" there are records of the tombs of the Xiongnu Chanyus being looted by the Wuhuan. This occurrence happened after the period in which the Chanyu's residence was moved to the north of the Gobi so in the first half of the I BCE (Eregzen, 2009). Thus, the looting and destruction of the tombs of the aristocratic had become a pressing issue for the Xiongnu and led them to look for preventative measures against the looters. The excavations revealed that the tombs of Xiongnu aristocratic had very deep pits, which was a method to ward off looters. In addition, when filling the tomb pits, many layers of stone barriers were used, seemingly as another preventative measure against looters. The tomb with the deepest pit known so far is Tomb 1, excavated at the Gol Mod-II site, the depth of

which reached 22 meters. At the Gol Mod site, Tomb 20's pit measures 18 meters and at Noyon Uul, Tomb 20's pit measures 18.3 meters. When digging a pit of such depths many factors had to be taken into account, including the possibility of soil collapse and the conditions in which to move such amounts of earth and stone. In other words, engineering calculations would be needed. In terms of the Xiongnu, they would often employ sedentary peoples such as the Chinese, who either entered their service by way of capture or submission, to undergo the building of buildings or earthwork. Thus, there is a high possibility that they were also used in the making of the tombs. This may be the reason why, as mentioned above, the form of the tomb pits of the Xiongnu aristocratic and the methods used to dig the pits echo those of the Chinese Qin and Han Dynasties.

Another notable matter is that the rectangular tombs with dromuses of the aristocratic are mostly located in places with sandy soil. Only the Noyon Uul and Belkhiin Am sites are located in places with hard, rocky soil. Another feature is that the tombs of the sandy soil are located on the flat land to the north of the mountains, while the tombs of Noyon Uul and Belkhiin Am are located on the southern slopes of the mountains. The small circular Xiongnu tombs have all been found on the southern slopes of mountains and thus it can be surmised that the tombs of the aristocratic at Noyon Uul and Belkhiin am have preserved the more traditional placements of tombs.

Excavations have been conducted this year at the Belkhiin Am site and as of right now, the results of detailed dating studies have yet to come out. In contrast, the chronology of the tombs at the Noyon Uul site has become clearer. The artifacts which could be dated that were found from the Noyon Uul site such as the Han-style lacquered utensils, silks and textiles can be dated to the end of the I BCE and the first half of the I CE. Radiocarbon dating studies further indicate this timeframe. Judging from these results, among the rectangular tombs with dromuses of the aristocratic, the tombs at Noyon Uul can be considered some of the earliest. In terms of the selection of tomb locations, these large tombs with dromuses were most likely initially made at places like Noyon Uul and Belkhiin Am. This fact becomes more probable with further observations from excavations and studies. The soil at Noyon Uul and Belkhiin Am is quite hard and rocky, making it quite difficult to dig deep at these locations. In comparison, the soil at sites such as Duurlig Nars, Gol Mod and Gol Mod-II are located at places with sandy soil and judging from the characteristics of the soil, it is much less difficult to dig deep in. From this it seems that the rectangular tombs with dromuses and deep pits of the Xiongnu were initially made in places such as Noyon Uul and Belkhiin Am, at the southern slopes of mountains, to keep in line with the location selection tradition. However, it seems that because the southern slopes of the mountains have more rocks and hard soil, later on, places with flat ground to the north of the mountains with sandy soil began to be chosen. This seems to align with the chronology of the sites as well.

From when the Noyon Uul site was first discovered it has been considered the tomb of Huhanye Chanyu based on the inscriptions found on the Han-style lacquered artifacts, silks and textiles. There are many sources which document that Huhanye Chanyu visited the Han Dynasty in 33 BCE signed a treaty to become a vassal state and received the hand of a lady of the Emperor of the Han Dynasty's court. The Chanyus of his lineage until the reign of Wang Mang, also visited the Han Dynasty and received Chinese princesses and large amounts of imperial gifts. It is clear that from this period the influence of the Han Dynasty on the Xiongnu Empire increased and the probability that this also influenced the structure and form of tombs and funerary practices is quite high. Since the tombs of Noyon Uul are found to be the earliest instance of rectangular tombs with dromuses, it is assumed that the Xiongnu began to build rectangular tombs with dromuses during the reign of Huhanye Chanyu.

If this is, in fact, the case, the question of what shape and structure the tombs of the Xiongnu took before the rectangular tombs with dromuses can be raised. We recently conducted an excavation which could answer this question. In 2016-2017, the Mongolia-Korea joint expedition conducted excavations at the Chikhertiin Zoo site in Bayantsagaan soum, Töv Province, Mongolia. The Chikhertiin Zoo site is located at the border between the Gobi and the steppe, in the central region of Mongolia. Over 300 tombs are spread throughout this site. In terms of the external structure, the tombs are characterized by circular stone structures, which have come to be considered the norm for smaller Xiongnu Tombs but these are comparatively larger. The largest stone structure measures 50 meters in diameter and there are

many other larger ones with an average diameter of 20 meters. The aforementioned research unit excavated three tombs at this site and the remains of a large wooden fence and a four-wheeled chariot were found placed atop it buried at a depth of 12 meters in a 20-meter diameter circular tombs excavated in 2017. To the east of this tomb are two surrounding smaller tombs. The bronze arrowheads found from the two surrounding tombs are similar in shape to those found from early Iron Age sites, thus dating these tombs to an earlier period. Although the 20-meter diameter tomb was looted and destroyed to a great degree, judging from the size of the wooden fence in addition to the accompanying lacquered four-wheeled chariot, it can be determined as the tomb of nobility. A sample taken from this tomb was determined to be dated to the end of the II BCE and the first half of the I BCE (Eregzen, et al., 2020, p. 382-383).

The Chikhertiin Zoo site has the earliest dating Xiongnu tombs excavated in Mongolia thus far. It also contributed significantly to research as it indicated that the external structure of the tomb of the Xiongnu aristocratic can be in a circular formation. Besides this, the structure of the large wooden fence at Chikhertiin Zoo shows similar traits to those of the burials of the Pazyryk Culture. Moreover, the fact that a four-wheeled chariot was buried in tandem shows that the practices of the early Iron Age burials of the steppe were preserved, making this a traditional form of burial.

Based on the above, it is possible to gain a general understanding of the developmental patterns of the tombs of the Xiongnu aristocratic. In particular, the earlier tombs of the Xiongnu aristocratic had a circular external stone structure similar to that of common smaller tombs and they had large wooden panel enclosures or chambers buried in deep pits. From the reign of Huhanye Chanyu, the method of digging the tomb pits changed and with the pits for the tombs becoming rectangular, very deep and graduated, the external structures also changed accordingly. However, the inner structure of the tombs has remained following traditional forms. The earlier tombs with dromuses followed tradition and were placed on the southern slopes of mountains with lots of sunlight. It can be assumed that the area north of the mountains with sandy soil was chosen for the tombs later on in consideration of the ease of digging the deep pits. In terms of the tombs of the aristocratic, as of now they can be classified into three periods, the first being before middle of the I BCE (the Chikhertiin Zoo site), the middle being from the end of the I BCE to the first half of the I CE (the Noyon Uul site) and the last period being from the middle to the end of the I CE (sites such as Duurlig Nars, Gol Mod, Gol Mod-II). This hypothesis can be further confirmed by in-depth research made to determine the exact dating of the tombs investigated in the future.

Conclusion

According to the above, the Tombs of the Xiongnu aristocratic are located in places quite far in distance but share many features including having their external structures being built on the topsoil, having tomb chambers similar in composition buried deep in the ground and even the accompanying objects and artifacts share a great many similarities. These instances show that the Xiongnu had fixed practices and funerary rites when burying their aristocratic and these were followed whether they were in the centre part of the empire or at the border regions. In other words, the tombs of the Gol Mod and Noyon Uul sites in the Arkhangai and Töv Provinces and the Takhiltiin Khotgor, Duurlig Nars, Ilmiin Am and Tsaram sites were found quite a distance away in the Altai and Khentii Mountain Ranges and the Southern Baikal Region, all share similarities in terms of structure, composition and accompanying objects. This evinces that these tombs all followed and enacted the same funerary rites.

The tomb chambers buried in the depths of the ground have two variations, having single or double-layered fences. The pits of the tombs with single-layered fences are relatively shallow and the external structures are smaller whereas the ones with double-layered fences have very deep pits and the external structures are rather large. Moreover, it has been observed that as the size of the tombs increases, the accompanying artifacts become more varied and their quality improves, ranging from bronze to silver to gold. All the excavated tombs were built in the same time range, and there are no local differences between the tombs, so it is possible to conclude that the size of the tombs of the Xiongnu aristocratic is related to the position in society and the rank of the deceased.

The excavated rectangular tombs with dromuses of the Xiongnu aristocratic have been dated to the latter half of the I BCE to the I CE

through the associated chronology of the artifacts and radio-carbon dating studies. However, taking into account the geographic location and traits of the surrounding environment of the rectangular tombs with dromuses, they can be divided into two periods. In particular, the Noyon Uul and Belkhiin Am sites can be considered to have preserved tradition and are located on the southern slopes of the mountains whereas the Duurlig Nars, Gol Mod and Gol Mod-II sites are located to the north of the mountains in places with sandy soil. When considering the associated chronology, it can be observed that the earlier tombs fell in line with the location selection traditions of choosing places to the southern slopes of the mountains to place the tombs of the aristocratic and this later changes to placing the tombs to the flatter areas to the north of the mountains with sandy soil for the ease in digging deeper pits.

According to historical sources, from the reign of the Huhanye Chanyu, the Xiongnu had fostered close relations with the Han Dynasty and the following Xiongnu Chanyus made visits to the Han Dynasty. During this period the Xiongnu were given gifts of lacquered utensils, silks and decorative items made exclusively for the Han Dynasty royalty and nobility. Gifts of this kind were found from the Noyon Uul site and this is further supported by the inscriptions on the lacquered objects. Thus it has come to be assumed that the Noyon Uul site contains the tombs of nobles descended from Huhanye Chanyu.

The Noyon Uul site can be considered the earliest of the rectangular tombs with dromuses of the aristocratic studied so far through the selection of its location, chronology of the found artifacts and radio-carbon dating studies.

Just a few years ago the large Chikhertiin Zoo site was found in the central Mongolian region. The tomb that was excavated at this site has a circular stone external structure similar to those that have been considered smaller and common tombs. However, this tomb was that of nobility as it is larger, and has a very large wooden tomb chamber and a four-wheeled chariot buried in accompaniment. Some of the artifacts discovered at the Chikhertiin Zoo site share traits with those of the early Iron Age and the results of radio-carbon dating studies date this tomb to the end of the II BCE to the first half of the I BCE. Therefore the Chikhertiin Zoo site shows that the earlier form of the tombs of the Xiongnu aristocratic were similar to that of the smaller tombs with circular stone external structures.

Based on the above, it is possible to approximate the development pattern of the tombs of the Xiongnu aristocratic. The author proposes to categorize the tombs of the Xiongnu aristocratic into three periods based on the structure, chronology and location selection. The first stage would be before the middle of the I BCE (the Chikhertiin Zoo site), the middle being from the end of the I BCE to the first half of the I CE (the Noyon Uul site) and the last being from the middle to the end of the I CE (sites such as Duurlig Nars, Gol Mod, GolMod-II).

REFERENCES

Amartuvshin, Ch., Yerööl-Erdene, Ch., Batbold, N., Jargalan B. 2009. *Research Report of the Archaeological Exploration and Survey Research of the Selbe River Basin*. UB (in Mongolian)

1994.*A report on the joint investigation under the Mongolian and Japanese 'Gurvan gol' Historic relic project*. Tokyo (in Japan)

Batsaikhan, Z. 2004. Xiongnu (Archaeology, Ethnology, History). UB: MUIS-iyn khevlekh (in Mongolian).

Bayarsaikhan, J., Egiimaa, Ts. 2008. The Results of the Excavation of Tomb 64 of the Takhiltiin Khotgor site In *Empires of the Steppe-Xiongnu Symposium proceeding* (in Mongolian)

Chistyakova, A. N. 2009. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 39 (3), 59–68 (in Russian).

Dorjsuren, Ts. 1961. *The Northern Xiongnu*. AS,. Volume 1, Book 5, UB (in Mongolian).

Erdenebaatar, D., Yerööl-Erdene, Ch. 2001. *Field Report of the Mongolian-French joint Archaeological Expedition*. UB (in Mongolian).

Erdenebaatar, D., Yerööl-Erdene, Ch., Batbold, N., Francis, A., Miller, B. 2002. Research of the Tombs of the Northern Xiongnu Aristocratic *In Journal of History*, Volume 3, Book 3 (in Mongolian).

Erdenebaatar, D., Iderkhangai, T., Mujiddorj, E., Orgilbayar, S., Batbold, N., Galbadrakh, B., Maratkhaan, A. 2005. *Research of the Xiongnu Aristocratic Tombs at Gol Mod-2*. UB. (in Mongolian).

Eregzen, G. 2004. About the Research of Felt Items Disocvered in the Xiongnu Noyon Uul tombs In *Mongolian-Korean joint symposium proceedings*. Seoul (in English).

Eregzen et al - Eregzen, G., Batbold, N., Bazargur, D., Aldarmönkh, P., Jan Unjon, Huanbao Chanso. 2008. A Study of the Xiongnu Duurlig Nars Site In *Empires of the Steppe: the Xiongnu Symposium proceedings* (in English).

Eregzen, G. 2009. *Research on Mongolian Xiongnu tombs*. Doctoral Dissertation. Seoul: Seoul National University (in Korean).

Eregzen et al 2011, 2015. The Xiongnu Tombs 1 and 2 of the Duurlig Nars Site. The Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences, the National Museum of Mongolia, the National Museum of South Korea, Seoul (in Korean).

Eregzen, G., Enkhbold, C., Aldarmönkh, P., Chu Sangi, U Je jin, Im Dun je, An je pil. 2020. *Chikhertiin Zoo and the Bayantsagaan stie*. UB (in Mongolian).

Konovalov, P. B. 2008. *Usypal'nitsa khunnskogo knyazya v Sudzhi (Il'movaya pad', Zabaykal'e) (Elite tomb of the Xiongnu in Sudzhi).* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS (in Russian).

Konovalov, P. B. 2008. *The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il'movia Pad', Transbaikalia).* Bonn. (in English)/

Miller, Bryan K., Allard, Francis, Erdenebaatar, Diimaajav, Lee, Christine. 2006. A. Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 cemetery, Mongolia (2002-2005) In *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology* 2 (in English).

Miniaev, S. S., Sakharovskaia, L. M. 2006. Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaraam Valley In *The Silk Road* (4/1) (in English).

Miniaev, S. S., Sakharovskaia, L. M 2007. Investigation of a Xiongnu Royal Complex in the Tsaraam Valley Part 2: The Inventory of Barrow No. 7 and the Chronology of the Site In *The Silk Road* (5/1) (in English).

Navaan, D. 1998. *The Culture and Heritage of the Xiongnu*. UB. (in Mongolian)

Polosmak, N. V., Bogdanov, E. S., Tseveendorzh, D., Erdene-Ochir, N. 2008. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 34 (2), 77–88 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1962. *Kul'tura khunnov i noinulinskie kurgany (Hun culture and Noynula kurgans).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Sukhbaatar, G. 1980. *The Ancient Ancestors of the Mongols*. UB (in Mongolian).

Umehara, Sueji 1960. *Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia*.. Tokyo: The Toyobunko (in Japan).

Tseveendorj, D., Polosmak, N. V., Batbold, N., Erdene-Ochir, N., Tsengel, M. 2008. Research of Tomb 20 of the Xiongnu Noyon Uul site In *Archaeological Studies*, Volume 24, Book 20 (in Mongolian).

Yerööl-Erdene, Ch. 2007. About the Silver Embossed Ornament with the Image of "Belegt Göröös" Discovered in Tomb 20 of the Gol Mod Site In *Archaeological Studies*. Volume 24, Book 17 (in Mongolian).

Yerööl-Erdene, Ch. 2007-1. The Boat Toy found within a Xiongnu Tomb In *Archaeological Studies.* Volume 24, Book 24 (in Mongolian).

Yerööl-Erdene, Ch. 2015. *Research about the Tombs of the Xiongnu Aristocratic*. UB. (in Mongolian)

Yerööl-Erdene, Ch., Gantulga, Ts. 2008. About a Tomb of a Northern Xiongnu Aristocratic In *Archaeological Studies.* Volume 26, Book 9 (in Mongolian).

2001. The Ancient Culture of Nangnang. National museum of Korea (in Korean).

2003. *Le preimier Empire des Steppes*. Actes sud. (in France).

2003. 孔祥星, 劉一曼(安京淑 譯). 中國古代銅鏡. 주류성 (in Chinese).

2009. *The Xiongnu Tombs of Duurlig Nars. Exhibition Catalog*. (in Mongolian)

About the Author:

Gelegdorj Eregzen Candidate of Historical Sciences, Director of the Institute of Archaeology of Mongolian Academy of Sciences. Building-I of Mongolian Academy of Sciences, Peace Avenue, Ulaanbaatar-13330, Mongolia; eregzen@gmail.com

Информация об авторе:

Гэлэгдорж Эрэгзэн, кандидат исторических наук, директор Института археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия); eregzen@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 930.27 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.39.49

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ СТАВКАХ В СТЕПНЫХ ИМПЕРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ХАЗАРИИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)[1]

©2025 г. Д.В. Васильев

В статье приводятся результаты сравнительного исследования роли кочевых ставок в жизни двух кочевнических государств Восточной Европы – Золотой Орды и Хазарского каганата. Название золотоордынской стационарной столицы – города Сарай – является полной калькой или переводом на персидский язык монгольского термина «орда», более понятного кочевой аристократии Улуса Джучи. Именно кочевая ставка, а не оседлая столица является местом концентрации власти города же были лишь более-менее стационарными пунктами, в которых (или рядом с которыми) ставка пребывала в определенное время года в ходе процесса перекочёвки. Высказывается предположение, что все города, в названии которых есть слово «Сарай», являлись в какой-то момент ставками правителя. В Северном Прикаспии таковыми являются Сарай, Сарай ал-Джадид, Ак-Сарай, Сарайчик, а также Гюлистан лис-Сарай. По расположению этих городов можно вычертить маршрут перекочёвки ханской ставки. В хазарскую эпоху наблюдается схожая картина, за исключением того, что городская жизнь находится на несравненно более низком уровне. Правитель государства кочует установленному маршруту от Низовий Волги до Переволоки, далее по Дону до Азовского моря, затем на Тамань, а оттуда, вдоль Кубани и Маныча – обратно на Нижнюю Волгу. Это почти круглогодичное перемещение можно назвать «полюдьем» – основным способом осуществления власти в раннефеодальном государстве. Предполагается, что хазарские «замки» – небольшие крепости с неразвитым культурным слоем – являются своеобразным аналогом «погостов» - мест сбора дани и временных стоянок царской дружины.

Ключевые слова: археология, история, Улус Джучи, Хазария, Сарай, орда, ставка, кочевье, город, замок

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF NOMADIC AND SEDENTIARY HEADQUARTERS IN STEPPE EMPIRES (ON THE EXAMPLE OF KHAZARIA AND GOLDEN HORDE)[2]

D.V. Vasiliev

The article presents the results of a comparative study of the role of nomadic headquarters in the life of two nomadic states of Eastern Europe – the Golden Horde and the Khazar Khaganate. The name of the Golden Horde stationary capital - the city of Sarai – is a complete copy or translation into Persian of the Mongolian term “horde”, more understandable to the nomadic aristocracy of the Ulus of Jochi. It is the nomadic headquarters, and not the sedentary capital, that is the place of concentration of power. Cities were just more or less stationary places in which (or near which) the headquarters stopped at certain times of the year in the process of further movement. It is assumed that all the cities with the word “Sarai” in their names were at some point the residence of the ruler. In the Northern Caspian region these are Sarai, Sarai al-Jadid, Saraichik, Ak-Sarai as well as Gulistan lis-Saray. According to the location of these cities it is possible to lay out the migration route of the Khan's headquarters. In the Khazar period there is a similar picture, only urban life is at an incomparably lower level. The ruler of the state moves along the established route from the Lower Volga to Perevoloka, then along the Don to the Sea of Azov, then to Taman, and from there along the Kuban and Manych - back to the Lower Volga. This almost year-round movement can be called “polyudye” – the main way of exercising power in the early feudal state. It is suggested that Khazar “castles” - small fortresses with an undeveloped cultural

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-10086 «Город Саксин – столица неизвестной страны в дельте Волги (комплексные археологические исследования на Самосдельском городище)»

[2] This work was prepared as a part of the Russian Science Foundation (РНФ) project No. 23-28-10086 "The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga Delta (comprehensive archaeological research at the Samosdelka settlement)"

layer – are a kind of analogue of “pogosts” (“guest yards”) – places for collecting tribute and temporary camps for the royal squad.

Keywords: archaeology, history, Ulus of Jochi, Khazaria, Sarai, horde, headquarters, nomad camp, city, castle

Г.А. Фёдоров-Давыдов, говоря об организации власти в Улусе Джучи, фиксирует двойственность его государственно-политического устройства, описывая оседлую ставку в городе и кочевую ставку – Орду (Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 63-67).

Слово «орда» или «орду», является общим для тюрко-монгольских языков и считается исконным в словаре этих языков. Его исходное значение—«юрта», «дворцовая юрта», из которого выросло новое значение — ставка, резиденция хана, правителя (Юдин, 1992, с. 22; Древнетюркский словарь, 1969, с. 370; Севортян, 1974, с. 470–472).

Рядом с ханской ставкой (ордой) постоянно присутствовали купцы, мастера различных специальностей, слуги с семьями и обширным хозяйством. Перемещаясь по степи, эти люди представляли собой кочевой город. Такие кочевые города назывались орда-базар, буквально «орда-рынок». Рынок являлся не только торжищем, но и местом производства разнообразных товаров. В войнах кочевых владетелей орда-базар бывал нередко причиной степной кампании и ценным трофеем, который уводили на далекие расстояния, исчисляемые сотнями и тысячами километров (Юдин, 1992, с. 22). Так, в Устюжском летописном своде содержатся сведения о том, что в 1481 году хан Ивак (Ибак) напал на лагерь хана Ахмата, убил его и «ордабазар» его увёл с собой в Тюмень (Устюжский летописный свод, 1950, с. 93–94). Так неожиданно в отдаленных местах вдруг возникали города, которых раньше там не было. Из кочевых они могли превращаться в обычные города оседлых жителей.

В своё время я уже писал о том, что название города Сарая персидского происхождения, оно является полной калькой (переводом) тюрко-монгольского термина *орда* или *орду*, обозначающего «кочевая ставка», «местопребывание правителя», а также о том, что именно термин «ставка», а не «столица» более корректен для политических реалий Монгольской империи и Улуса Джучи (Васильев, 2023, с. 83–91). Именно кочевая ставка, а не оседлая столица являлась центром концентрации власти в государстве. Я бы усилил акцент на том, что лишь кочевая ставка, место пребывания правителя государства являлась источником власти, города же были лишь более-менее стационарными пунктами, в которых (или рядом с которыми) ставка пребывала в определенное время года в ходе процесса перекочёвки. При этом само наличие городов не было обязательным для существования государства. Мы можем говорить об этом, исходя из того факта, что после падения городской культуры на пространстве Улуса Джучи в результате походов Тимура в 1390-х гг. и приостановки торговли по северному маршруту Шёлкового пути, сама политическая власть не рухнула – она продолжала сохраняться в кочевых ставках, и Улусу Джучи ещё предстояло пройти долгий путь к политическому распаду и агонии государственности.

Собственно говоря, нас ничто не ограничивает в возможности предположения, что все города Золотой Орды, в составе названий которых есть слово *Сарай*, в тот или иной момент времени являлись ставками хана. Таких городов в Улусе Джучи довольно много, и часть из них располагается в Нижнем Поволжье.

Это, прежде всего, город Сарай или Старый Сарай, это Новый Сарай или Сарай ал-Джадид, это город Ак-Сарай, располагающийся предположительно на месте городища у пос. Комсомольский (Пачкалов, 2007, с. 136–139), это Сарайчик к северу от современного Атырау. Более того, даже город Гюлистан, который локализуется на месте Царёвского городища, на монетах упоминается с эпитетом «лис-Сарай», то есть «Присарайский» или «Расположенный в области Сарай» (Сагдеева, 2005, с. 73). По поводу Гюлистана мы можем быть уверенными, что значительную часть времени центр власти, то есть ставка правителя, находилась именно там. В частности, 11 февраля 1354 г. царица Тайдула (жена Джанибека) выдала ярлык митрополиту Алексию для беспрепятственного проезда в Царьград, когда «орда кочевала на Гюлистане» (Рудаков, 1999, с. 92–120). Местоположениями центральной ставки выступают города Сарай (Старый Сарай), Сарай ал-Джадид и Сарайчик. Из материалов раскопок известно о наличии нескольких крупных дворцовых

зданий на территории городища у пос. Комсомольский (остатки города Ак-Сарай) (Зиливинская, 2019, с. 130–133). Е.М. Пигарёв даже выдвинул предположение о возможности локализации на этом городище Старого Сарая (Пигарёв, 2017, с. 287–291; Пигарёв, 2018, с. 160–165).

Интересную мысль высказал В.В. Трепавлов, написав, что даже в эпоху распада Золотой Орды борьба между представителями наиболее сильных кланов велась за обладание «тронами Саин-хана», которые локализуются в разных местностях, но в целом – в границах улуса Сарай: «Символичность нескольких вышеупомянутых «тронов Саин-хана» выглядит очевидной на фоне действительного нахождения одной из резиденций Бату в стольном Сарае» (Трепавлов, 2016, с. 156). Более того, отмечает В.В. Трепавлов, «места расположения столиц и кочевых ханских ставок превращались в общезначимые места, осененные присутствием магической харизмы (*фарн, кут*), которая давала божественным избранникам власть над народом. При этом нужно учитывать и обратную связь явлений: столицы, ставки и могильники могли устраиваться в районах, которые до того уже имели репутацию священных мест, а кочевая ставка, возле которой совершалось погребение хана, превращалась в своеобразный мемориал – *курук*. Вероятно, общеджучидскую символическую ценность сохраняли такие династические некрополи-*куруки* в районе города Сарайчика на Яике и в горах Улутау (Центральный Казахстан)» (Трепавлов, 2016, с. 156).

В настоящее время в качестве возможного местонахождения города, основанного Бату в XIII веке и являвшегося зимней ставкой Улуса Джучи в Поволжье, рассматривается локация в окрестностях райцентра Красный Яр примерно в 40 км к СВ от Астрахани, на северо-восточной границе дельты (Пачкалов. 2010, с. 333-341). Здесь располагается крупное Красноярское городище. Возможно, что первоначально Сарай представлял собой кочевой лагерь – ставку-орду, поэтому его остатки следует искать на довольно обширной территории в окрестностях современного села Красный Яр в Астраханской области. Лишь на рубеже XIII–XIV вв., судя по наличию компактного могильника на Маячном бугре, оформилось оседлое городское ядро.

Г.А. Фёдоров-Давыдов, рассуждая о причинах переноса столицы Улуса Джучи, допускает, что возможно старый Сарай был основан на месте города Саксина. Поэтому у ханов Золотой Орды долгое время сохранялись воспоминания о подчинении старых городов, завоёванных монголами, контролю имперского управления. Это вызывало неприятные ассоциации, потому что доходы с этих земель делились между всеми чингизидами Возможно, старый Сарай именно потому, что возник на месте домонгольского Саксина, сохранял тоже какие-то элементы статуса старых городов, завоёванных Чингизидами. Г.А. Фёдоров-Давыдов выдвинул гипотезу, что перенос столицы в Новый Сарай при Джанибеке или в конце правления Узбека был вызван именно желанием Джучидов окончательно избавиться от пережитков XIII в. и иметь совершенно независимый, свой исключительно «ханский», «джучидский» город (Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 79–80).

По прошествии полувека с момента написания этих строк мы можем утверждать, что город Саксин не имеет ничего общего с Сараем, его остатки обнаружены и идентифицированы на Самосдельском городище в дельте Волги (Васильев, 2015, с. 189–267).

Судя по результатам исследований в дельте Волги в течение последних 25 лет, решение о переносе города Сарая могло быть вызвано не стремлением правителей Золотой Орды порвать с традициями домонгольского времени, а подъёмом уровня Каспийского моря и затоплением традиционных бродов и мест установки лагеря ханской ставки. Судя по результатам исследований И.В. Иванова и И.Б. Васильева, море достигло отметки -24 м к середине XIV в. (Иванов, Васильев, 1995, с. 10). С.Ю. Скисов считает, что этого недостаточно для затопления территории города, который был расположен в окрестностях Красноярского городища (Скисов, 2010, с. 376-385), однако средняя величина отметок местности здесь составляет -25-26 м. Судя по картам XIX века, когда трансгрессия Каспия достигала сопоставимых пределов, Красный Яр находился на морском берегу. В целом, центральная и восточная части дельты Волги гораздо более низинные по сравнению с западной, и подвержены затоплениям. Для существования большого города даже незначительный подъём воды может пред-

ставлять угрозу, так как усложнит снабжение и логистику. Город в дельте, к которому регулярно походила ханская ставка, стал недоступен для кочевников, поэтому, видимо, было принято решение о переносе столицы на левый берег реки, причём значительно севернее.

Весьма вероятно, что столица из окрестностей Старого Сарая была перенесена не сразу. Вторым местопребыванием зимней ставки мог стать город Ак-Сарай, который располагался на левом берегу Ахтубы около вершины волжской дельты и обслуживал один из самых удобных маршрутов переправы на правый берег в район Хаджи-Тархана. Косвенным доказательством этому служит наличие золотой монеты XIII века в одном из погребений мавзолея №2 у пос. Комсомольский (Васильев, 2009, с. 20). Однако, у современного пос. Комсомольский непосредственно к Волго-Ахтубинской пойме подступают подвижные пески, неудобные для скотоводства. По этой причине, а также с дальнейшим подъёмом воды ставка могла быть перенесена ещё выше, туда, где сейчас располагается Селитренное городище.

Можно реконструировать путь ханской ставки в Нижнем Поволжье XIII – начала XIV вв., соединив все упомянутые пункты единым маршрутом от Гюлистана вниз по левому берегу Ахтубы через Сарай ал-Джадид и Ак-Сарай к Старому Сараю (возможно, что в середине XIV века, после переноса столицы в Новый Сарай смысл переправы через реку Кигач для посещения ставкой дельты Волги был утрачен). Маршрут далее пролегает по границе между дельтой и песчаными массивами Рын-песков и выходит на низовья реки Яик с посещением города Сарайчика, который расположен как раз на правом берегу реки. Далее маршрут сворачивает к северу и имеет общую тенденцию к обратному выходу к Волге в районе Укека (в пределах нынешнего Саратова).

Не так давно Д.З. Сагидуллаевым была защищена диссертация, посвящённая исторической географии Северо-Восточного Прикаспия в эпоху Золотой Орды (Сагидуллаев, 2023). В ней автор перечисляет все населённые пункты региона и описывает их вклад в экономическую систему Золотой Орды в целом, в том числе и поселение Жалпактал междуречье рек Большой Узень и Малый Узень, обнаруженное Д.В. Марыксиным, рядом с крупным комплексом разрушенных сырцовых мавзолеев (могильник «Мокринский-1»), содержащим элитные захоронения (Марыксин, 2009, с. 246–273; Марыксин, 2010, с. 312-317; Марыксин, 2011, с. 221–226; Марыксин, 2012, с. 111–119). К сожалению, ни самим Д.В. Марыксиным, ни Д.З. Сагидуллаевым не предприняты попытки объяснения возникновения большого населённого пункта золотоордынской эпохи в этой местности. Между тем, близость захоронений могильника «Мокринский» и погребений, обнаруженных в Астраханской области на могильнике «Маячный бугор» была отмечена автором раскопок (Марыксин, 2010, с. 312–317).

Между тем, именно прохождение маршрута перекочёвки ханской ставки по данной местности может служить объяснением возникновению города на месте поселения Жалпактал. Надо оговориться, что в своё время С.Ю. Скисов предполагал, что через данную местность проходил торговый маршрут от Сарая ал-Джадида до Сарайчика через Чапчачи (Скисов, 2010, с. 376–385). Возможно, что этот торговый маршрут возник с опорой на уже существовавший город, либо он послужил дополнительным фактором для возникновения города. Тем не менее, нет сомнений, что от Жалпактала маршрут перекочёвки ханской ставки пролегал в сторону кочевья Лисья Балка на берегу реки Большой Карамкан в Саратовской области, в 55 км к востоку от Укека (Баринов, 1997, с. 183–185).

Разумеется, это лишь очень общий и предположительный контур маршрута кочевания ханской ставки, он претерпевал значительные изменения со временем. Так, известно, что к началу 30-х гг. XIV века Узбек изменил традиционный маршрут перекочевки ханской ставки вдоль Волги на маршрут Нижнее Поволжье – Пятигорье Северного Кавказа (Скисов, 2010, с. 376–385). Неизвестно, как соотносится с маршрутом перекочевки Гюлистан, возникший в 1350-х годах. Тем не менее, можно утверждать, что левобережье Ахтубы в XIII – начале XIV вв. в любом случае входило в этот маршрут.

В.Л. Егоров в своё время писал о том, что торговля была одной из причин возникновения городов в Улусе Джучи, но на первое место он ставил именно причины политические или военные (Егоров, 2010, с. 78). Итак, мы видим ситуацию, в которой центральная

власть базировалась в кочевой ставке, городская ставка (дворец в черте или на окраине города) носила временный и вспомогательный характер.

Вполне вероятно, что сходные процессы происходили в другом кочевническом государстве, существовавшем в Восточной Европе в VII–X вв., а именно в Хазарском каганате.

В.С. Флёров в своей монографии «Города и замки Хазарского каганата», констатировал непроработанность в целом понятия «средневековый город» вообще и понятия «средневековый город» для степного региона в частности (Флёров, 2010).

Он проанализировал ряд критериев, предложенных разными авторами для определения известного по письменным или археологическим данным поселения в качестве города и не принимает в полной мере ни одно из определений. Не подходят, по его мнению, для населённых пунктов Хазарии термины «протогород», «первогород» (Флёров, 2010, с. 16-17), из-за недостаточной методологической разработанности. Также вызывают сомнения определения хазарских населённых пунктов как раннефеодальных городов или феодальных замков именно ввиду неизученности вопроса о степени развития феодализма в Хазарии (Флёров, 2010, с. 208–212).

Не формулируя окончательно критерии выделения хазарских (и вообще степных) городов, В.С. Флёров, тем не менее, утверждает: «… на мною же поставленный вопрос я отвечаю твёрдо: городов в Хазарском каганате не было» (Флёров, 2010, с. 10).

В.С. Флёров формулирует только два описательных критерия хазарских городов – архитектурно-планировочный облик (имеется в виду, что в нём отражаются социальная структура городского населения, его состав и организация, тип и структура расположения жилищ горожан с их образом жизни и занятиями), а также структура (имеется в виду – наличие укреплённого центра и примыкающих к нему «посадов») (Флёров, 2010, с. 27), следуя по тексту за его рассуждениями, мы можем выделить ряд значительных параметров, которыми должен обладать город и которые В.С. Флёров анализирует: 1. Город должен обладать укреплениями; 2. Город должен являться военным центром; 3. Город должен являться центром торговли (здесь должны наблюдаться нередкие находки дорогостоящих импортов, монет, весов и гирек (Седов, 1989, с. 43)); 4. Город должен являться ремесленным центром (средоточием ремёсел (Седов, 1989, с. 43)); 5. Город должен являться центром культуры; 6. Город должен являться религиозным центром; 7. Население города должно быть этнически неоднородным (Седов, 1989, с. 43) 8. Город должен являться центром концентрации политической власти.

Ни один «город» Хазарии, по мнению В.С. Флёрова, не соответствует в полной мере всем вышеописанным критериям. Пожалуй, только для Итиля автор делает исключение (Флёров, 2010, с. 224).

Ещё больше вопросов возникает по отношению к так называемым «замкам», которые в силу своих небольших размеров не могли являться опорными пунктами обороны населённой округи, а практически полное отсутствие культурного слоя внутри крепостных стен позволяет говорить о них скорее как о временных убежищах (Флёров, 2010, с. 55–58). Речь идёт о рассмотренных В.С. Флёровым Маяцкой, Верхне-Ольшанской, Верхне-Салтовской крепостях.

Таким образом, и в Хазарии мы видим вторичность оседлых населённых пунктов по отношению к кочевым ставкам правителей. Неразвитые «протогородские центры» не могли являться центрами концентрации власти.

В своё время я уже писал ранее о причинах возникновения хазарского городского центра в дельте Волги и выдвинул предположение, что главным побудительным мотивом для возникновения городского центра в Нижнем Поволжье стал перенос столицы Халифата из Дамаска в Багдад и возникновение новых торговых маршрутов через Каспий, а также возникновение оседлости в Среднем Поволжье (на месте будущей Волжской Булгарии) (Васильев, 2024, с. 64–69). В связи с этим стало необходимым создание перевалочного пункта на торговом пути именно в дельте Волги – для перевалки товаров на речные суда с морских. До этого момента торговые пути пролегали от Дамаска на север, к побережью Чёрного моря, а далее водным путём через Чёрное море, Керченский пролив, Азовское море в Нижнее Подонье, а далее – на Оку через Дон или через Переволоку на Волгу (Дубов, 1989, с. 214). Конечным пунктом Волжского торгового пути была Балтика – через Среднее Поволжье

или (по окскому маршруту) через Верхнее Поволжье. Только с начала X века возникает потребность в осуществлении перевозки товаров через Каспий по Волго-Каспийскому пути, включая Прикаспийский его участок, до той поры выключенный из системы торговых путей. Эта «выключенность» Прикаспийских областей из торговли раннехазарского периода наглядно демонстрируется наличием обходных путей из Багдада в Среднее Поволжье через Хорезм (Чичко, 2016).

В уже упомянутой работе я реконструировал маршрут движения ставки хазарского царя, исходя из данных письма царя Иосифа к Хасдаю ибн Шапруту. В начале весны он выходит из пределов острова и отправляется «путешествовать», а в начале зимы возвращается обратно. Очевидно, весной хазарская орда, переправившись через Волгу по весеннему льду, отправлялась вверх по Волге и достигала места максимального сближения Волги и Дона, затем переходила на Дон и спускалась по нему до Приазовья, откуда заходила на Тамань, поворачивала к востоку, и вдоль Кубани и Маныча возвращалась к исходной точке – на правый берег Волги около зоны подстепных ильменей. Перейдя в дельту по льду, хазарская ставка спускалась вниз по дельтовой реке Болде до географического центра дельты (до недавно обнаруженн**ых кочевнических стоянок в составе комплекса памятников** в окрестностях сёл Семибугры и Бараний бугор), где и оставалась на зиму (Васильев, 2024, с. 64–69).

Я связываю эту отправную точку маршрута в дельте Волги со ставкой кагана, которая известна нам под арабским наименованием *ал-Байда*, что означает «белая» и обосновываю её перенос в X веке на место городища Самосделка, где возникает ставка под названием «Сарыгшин», содержащая в названии корень *сары*, что в переводе означает «жёлтый». Тождество жёлтого и белого цветов в тюркском языке и обозначение этими цветами Запада в тюркской цветовой дифференциации сторон света (Хисамитдинова и др., 2019, с. 140–159; Кононов, 1975, с. 159–179) позволяет говорить о наличии некой Западной ставки, расположенной в дельте Волги. Думаю, что её уместно связать с западной ставкой Тюркского каганата и тем самым предположить понимание хазарами продолжения Хазарией государственной традиции Тюркского каганата. Ту же самую Западную ставку мы наблюдаем в Подонье, где располагалась крепость Саркел (*Сары кала*) – «Жёлтая крепость». Таким образом, мы видим «блуждающее название» Западной ставки, встречающееся в разных частях государственной территории. Именно перемещением царской ставки можно объяснить феномен встречаемости «Белой» или «Жёлтой» ставки в Поволжье и Подонье.

Если предположить, что сезонная перекочёвка ставки царя Иосифа представляла собой некую форму объезда в течение года всей подвластной территории, то мы получаем в итоге два основных вывода: во-первых, кочевание Иосифа являлось «полюдьем», то есть формой личного присутствия сюзерена на подвластных территориях путём объезда по маршруту, утверждённому обычаем, с осуществлением властных функций – сбора дани и суда. Во-вторых, именно Нижнее Поволжье, степи Калмыкии, Подонье, Северное Предкавказье представляли собой основу государственной территории Хазарии. Личное осуществление властных полномочий царём Хазарии укладывается в теорию раннефеодального государства (Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 39–49) или экзополитарного способа хозяйствования номадов (Крадин, 1994, с. 62–72). Я в данном случае не стремлюсь вступить в дискуссию о «кочевом феодализме» и примкнуть к какой-либо из сторон в споре об экономической сущности кочевого государства. Тут важно другое – на ранней стадии развития, при неоформленности правовой системы, при отсутствии многоступенчатой «вертикали власти», развитого чиновничьего аппарата и тесных внутриэкономических связей внутри государства единственным способом осуществления правителем своих властных полномочий, которые сводились именно к сбору дани и осуществлению суда (представлявшего собой преимущественно поощрение или наказание должностных лиц), было личное присутствие в подвластных общинах или населённых пунктах.

Думаю, что многие населённые пункты Хазарии, известные в Подонье, представлявшие собой небольшие крепости с тонким культурным слоем и юртообразными жилищами внутри, могли служить для кратковременных стоянок царской ставки, осуществлявшей перемещение по территории подвластных

племён. Именно кратковременностью обитания крепости в течение года может объясняться слабая скорость накопления культурного слоя. Возможно, что после ухода дружины царя большую часть года эти крепости стояли пустыми, незаселёнными, или использовались для складирования товаров, поступавших в виде ежегодной дани. Вот, например, что пишет о сходных явлениях и событиях в Древней Руси С.М. Соловьёв: «Обычай полюдья сохранился и после, при тогдашнем состоянии общества это был для князя единственный способ исполнять свои обязанности относительно народонаселения, именно суд и расправу; разумеется, что для этого князь не мог останавливаться при каждом жилье: он останавливался в каком-нибудь удобном для себя месте, куда окружное народонаселение и позывалось к нему для своих надобностей. Естественно, что для большего удобства эти места княжеской стоянки, гощения, эти погосты могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжие приказчики (тиуны), и, таким образом, эти погосты могли легко получить значение небольших правительственных центров и передать свое имя округам...» (Соловьёв, 1851, с. 136). Таким образом, мы можем решить вопрос с интерпретацией «замков» на территории Хазарии – они выполняли роль «погостов» - пунктов сбора дани и временного размещения военного отряда царя во время его ежегодного посещения подвластной территории. Помимо «замков» к местам временной дислокации кочевой ставки можно отнести Саркел – кирпичную крепость, выстроенную по царскому приказу, а также Семикаракорское городище – согласно идее В.С. Флёрова, эта крепость с кирпичной цитаделью имела явное отношение к царской власти и являлась, возможно, резиденцией царя в регионе (Флёров, 2020, с. 326–330).

Очевидно, что сама специфика кочевого общества не сильно изменилась со времён хазарских ко временам золотоордынским. О практическом отсутствии прогресса в технике и в общественных отношениях у кочевников писал Н.Н. Крадин (Крадин, 1994, с. 62–72). Налицо сходство ситуаций в разные исторические эпохи и наличие кочевой ставки, доминирующей в политическом отношении при вспомогательной роли оседлых населённых пунктов. Хотя необходимо признать, что городская культура в Золотой Орде по уровню развития далеко опережает оседлость в Хазарском каганате.

Итак, необходимо сделать общие выводы по проделанной работе:

1. Власть в средневековых кочевых государствах Северного Прикаспия концентрировалась в кочевой ставке;

2. Город или оседлый населённый пункт являлся временным местом пребывания ставки;

3. Именно термин «ставка», а не «столица» более корректен по отношению к центру власти в Хазарии и Улусе Джучи;

4. Вопрос о множественности «столиц» или переносе «столиц» не может быть решён без учёта фактора подвижности ставки;

5. Города Хазарии и Золотой Орды не соответствовали в полной мере критериям города (не являлись центрами власти).

ЛИТЕРАТУРА

Баринов Д.Г. Золотоордынское кочевье Лисья Балка // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау / Отв. ред. И.И. Дремов. Саратов: СГПИ, 1997. С. 183–185.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 178 с.

Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2 (12) С. 189–267.

Васильев Д.В. О наименовании ставки правителей Улуса Джучи // Кочевой мир Центральной Евразии в древности и средневековье (II-III Мажитовские чтения) / Отв. ред. Д. Гайнуллин. Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2023.С. 83–91.

Васильев Д.В. О причинах возникновения хазарского города в дельте Волги // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 64–69.

Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М, Щербаков Л.: Наука, 1969. 676 с.

Дубов И.В. Великий волжский путь. Л.: ЛГУ, 1989. 256 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. М.; Казань: АН РТ, 2019. 353 с.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.

Крадин Н.Н. Кочевые общества в контексте стадиальной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 62–72.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 159–179.

Марыксин Д.В. Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2010. С. 312–317.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–273.

Марыксин Д.В. Новые погребения в сырцовой оградке на территории Западного Казахстана // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конфереии, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 221–226.

Марыксин Д.В. Комплекс сырцовых оградок у аула Айдархан // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 111–119.

Пачкалов А.В. Города Нижнего Поволжья в XV веке // Золотоордынская цивилизация. 2006. №1. С. 58–70.

Пачкалов А.В. Сведения о золотоордынском населённом пункте, располагавшемся в пос. Комсомольском (Аксарайском) Астраханской области // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конфереии 11 апреля 2007 г. / Ред. Д.В. Васильев, А.М. Липчанский, А.В. Сызранов. Астрахань: АГУ. С. 136–139.

Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2010. С. 332–340.

Пигарёв Е.М. Дельта Волги в XIII−XV вв. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: АлтГУ 2017. С. 287−291.

Пигарёв Е.М. Улус, область, округ Сарай // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 160–165.

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. Вып. 7 / Отв. ред. Ф.С. Хакимзянов. Казань: ТГГУ, 1999. С. 92–120

Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Каталог-определитель. М.: Горячая линия – Телеком, 2005. 80 с.

Сагидуллаев Д.З. Историческая география Северо-Восточного Прикаспия в эпоху Золотой Орды. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Казань. 2023. 32 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.

Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города / Ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1989. С. 6–55.

Скисов С.Ю. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2010. С. 375–384.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Книга первая. Т. 1-V. Второе издание. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851. 1726 с.

Трепавлов В.В. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И.М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 148–157.

Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец) / Ред. К.Н. Сербина. М.; Л.: АН СССР, 1950. 130 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 181 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. 1976. № 8. С. 39–49.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.

Флёров В.С. Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: ИД ЯСК, 2020. 376 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Муратова Р.Т., Ягафарова Г.Н., Валиева М.Р. Цветообозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 140–159.

Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI – первая половина IX вв.). Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2016. 24 с.

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Отв. ред. Б.А. Ахмедов. Алма-ата: Гылым, 1992. С. 14–56.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, старший научный сотрудник Астраханского музея-заповедника (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

Barinov, D. G. 1997. In Dremov, I. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze and Early Iron Ages in the History of the Ancient Tribes of the Southern Russian Steppes)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 183–185 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2009. *Islamizatsiia i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and Funerary Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189–267 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2023. In Gainullin, D. (ed.). *Kochevoy mir Tsentral'noy Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (II–III Mazhitovskie chteniya) (Nomadic world of Central Eurasia in ancient times and the Middle Ages (II–III Mazhitov's readings)).* Ufa, 83–91 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2024. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 64–69 (in Russian).

Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbakov, A. M. (eds.). 1969. *Drevnetyurkskiy slovar' (Ancient Turkic dictionary)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dubov, I. V. 1989. *Velikiy volzhskiy put' (The Great Volga Way).* Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Egorov, V. L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th –14th Centuries).* Moscow: "KRASAND" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. *Arkhitektura Zolotoy Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil architecture).* Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Ivanov, I. V., Vasil'ev, I. B. 1995. *Chelovek, priroda i pochvy Ryn-peskov Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia v golotsene (Man, Nature and Soils of the Ryn Desert on the Volga-Ural Interfluve in the Holocene).* Moscow: "INTELLEKT" Publ. (in Russian).

Kradin, N. N. 1994. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (1), 62–72 (in Russian).

Kononov, A. N. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tyurkologicheskii sbornik 1975 (Collected Papers on Turkic Studies 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 159–179 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2010. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries)*.Astrakhan: Astrakhan State University, 312–317 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2009. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 246–273 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 221–226

Maryksin, D. V. 2012. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 111–119 (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2006. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* (1), 58–70 (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2007. In Vasiliev, D. V., Lipchanskiy, A. M., Syzranov, A. V. (eds.). *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki (On the Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 136–139 (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2010. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries).))* Astrakhan: Astrakhan State University, 332–340 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2017. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21th) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* II. Barnaul: Altai State University, 287−291 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2018. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 160–165 (in Russian).

Rudakov, V. G. 1999. In Khakimzyanov, F. S. (ed.). *Uchenye zapiski Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo instituta*. *(Scientific Bulletin of the Tatar State Humanitarian University)* 7. Kazan: "TGGU" Publ., 92–120 (in Russian).

Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy. Katalog-opredelitel'. (Silver Coins of the Golden Horde Khans. Catalogue Search Guide)*. Moscow: "Goriachaia liniia – Telekom" Publ. (in Russian).

Sagidullaev, D. Z. 2023. *Istoricheskaya geografiya Severo-Vostochnogo Prikaspiya v epokhu Zolotoy Ordy (Historical geography of the Northeastern Caspian region during the Golden Horde period).* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Sevortyan, E. V. 1974. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye). (Etymological dictionary of Turkic languages: (Common-Turkic and inter-Turkic vowel bases)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sedov, V. V. 1989. In Sedov, V. V. (ed.). *Stanovlenie evropeyskogo srednevekovogo goroda (The formation of a European medieval city).* Moscow: "Nauka" Publ., 6–55 (in Russian).

Skisov, S. Yu. 2010. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries).))* Astrakhan: Astrakhan State University, 375–384 (in Russian).

Solov'ev, S. M. 1851. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen (History of Russia since Ancient Times).* Book one. Volume I-V. Second edition. Saint Petersburg: Partnership "Public Benefit" Publ. (in Russian).

Trepavlov, V. V. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii (The Golden Horde in World History).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 148–157 (in Russian).

Serbina, K. N. (ed.). 1950. *Ustyuzhskiy letopisnyy svod: (Arkhangelogorodskiy letopisets) (Ustyug chronicle code: (Arkhangelsk chronicler)).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* (*Social order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 8, 39–49 (in Russian).

Flerov, V. S. 2011. *«Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaia real'nost' ("Towns" and "Castles" of Khazar Khaganate. Archaeological Reality)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

Flerov, V. S. 2020. *Fortifikatsiya Khazarskogo kaganata na Nizhnem Donu. Semikarakorskoe gorodishche (Fortification of the Khazar Khaganate on the Lower Don. Semikarakorsk settlement).* Moscow: "YASK" Publ. (in Russian).

Khisamitdinova, F. G., Muratova, R. T., Yagafarova, G. N., Valieva, M. R. 2019. In *Voprosy onomastiki (Issues of onomastics)*.Vol. 16, no. 1, 140–159 (in Russian).

Chichko, T. V. 2016. *Vostochnaya torevtika v sisteme kul'turnykh svyazey i voenno-politicheskoy istorii naseleniya Prikam'ya i Priural'ya v rannem srednevekov'e (konets VI – pervaya polovina IX vv.) (Eastern toreutics in the system of cultural relations and military-political history of the population of the Kama region and the Urals in the early Middle Ages (late 6th - first half of the 9th century)).* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).

Yudin, V. P. 1992. In Akhmedov, B. A. (ed.). *Utemish-khadzhi. Chingiz-name (Genghis-name)*. Alma-Ata: "Ғylym" Publ., 14–56 (in Russian).

About the Author:

Vasiliev Dmitry V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; Astrakhan Museum-Reserve. Sovetskaya str., 15, Astrakhan, 414000, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 9 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.50.55

ТРАДИЦИОНАЯ КУЛЬТУРА ХАКАСОВ: ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2025 г. Н.С. Майнагашева

В статье представлены результаты исследования о влиянии жанра народного эпоса *алыптых нымаха* как важнейшей части традиционной культуры хакасов на развитие художественной литературы (на примере поэмы). Автором представлен анализ поэм хакасских писателей, классиков литературы А.М. Топанова, Н.Г. Доможакова, М.Е. Кильчичакова, в чьем литературном творчестве поэтика фольклора играет существенную роль. В хакасской литературе нашего времени жанр *алыптых нымаха* может рассматриваться как отдельный жанр, что связано с появлением авторского алыптыг нымаха «Хан Тонис» М. Р. Баинова в 1994 г. Если в творчестве предыдущих авторов наблюдается творчески-инициативное использование сюжетов, мотивов, фрагментов, речевых оборотов фольклора, то «Хан Тонис» М.Р. Баинова – это образец функционирования авторского *алыптых нымаха* в литературе.

Ключевые слова: хакасский героический эпос алыптыг нымах, поэма, жанр фольклорный, жанр литературный, хакасская литература, А.М. Топанов, Н.Г. Доможаков, М.Е. Кильчичаков, М.Р. Баинов

TRADITIONAL KHAKASS CULTURE: ITS SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF FICTION WRITING

N.S. Mainagasheva

The article presents the results of the study on the influence of the folk epic genre *alyptyg nymakh* - as the most important part of the Khakass traditional culture-on the development of fiction writing (using the example of a poem). The author has made an analysis of poems of Khakass writers, classics of literature A.M. Topanov, N.G. Domozhakov, M.E. Kilchichakov, in whose literary work the folklore poetics plays an essential role. In modern Khakass literature, the genre *alyptyg nymakh* can be considered a separate genre, which is related with the appearance of the author's alyptyg nymakh "Khan Tonis" by M. R. Bainov in 1994. In the previous authors' works, there is a creatively proactive use of plots, motifs, fragments, speech patterns of folklore, but M.R. Bayinov's "Khan Tonis" is an example of the functioning of the author's *alyptyg nymakh* in literature.

Keywords: Khakass heroic epic alyptyg nymakh, poem, folklore genre, literary genre, Khakass literature, A.M. Topanov, N.G. Domozhakov, M.E. Kilchichakov, M.R. Bainov.

Хакасский народ создал богатейший многожанровый фольклор. «Он явился создателем по-своему великой устной литературы, вложил в нее свои идеалы и чаяния, нравственные и мировоззренческие представления» (Майногашева, 1997). Никто из ученых не может сказать точное время зарождения этого богатства – устной поэзии народа. Нельзя здесь не упомянуть о художественных традициях хакасов, существовавших в средневековье. Известный археолог, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Л. Р. Кызласов, которому нынче со дня рождения исполняется 100 лет, отмечал, что письменность, книги, литература на территории Саяно-Алтая существовали наряду с устным народным творчеством. Предполагается, что имелась и переводная литература и, в целом, можно говорить о существовании определенной художественной традиции в литературе (Кызласов, 1970, с.132). Историко-культурная самобытность хакасского народа получила наиболее яркое отражение в самом крупном жанре его фольклора, героическом сказании *алыптых нымах*. Так как алыптых нымах является одним из самых древних жанров фольклора, в нем заложены те предания, в которых описываемые факты для их создателей были исторически достоверными (Майногашева, 1997, с. 16). Также В.Е. Майногашева, ссылаясь в своей работе на древний текст средневекового персидского историка, отмечает: «По-видимому, часть мотивов преданий и легенд, вошедших в хакасские алыптых нымахи и в эпосы других тюрков Сибири, восходит к периоду древней кыргызско-тюрко-

монгольской общности (эпоха до нашей эры) и ее постепенного размежевания» (Майногашева, 1997, с. 16).

В эпосе хакасов представлены воинские подвиги богатырей во имя защиты своих владений – *ада чирі* (земля отца), *ине чирі* (земля матери). Это воспевание подвигов богатырей во имя свободной жизни на своей земле. По мнению фольклориста В. Е. Майногашевой, не случайно в содержании большинства хакасских сказаний, созданных в раннее время, важнейшее место отводится теме защиты своего *чурта* (владений), народа и скота от различных захватчиков, как подземных существ, так и иноземных богатырей (Майногашева, 1988, с. 496). Тема защиты родной земли, своего народа получила развитие и в творчестве первых авторов поэм в литературе XX века, например, в творчестве А.М. Топанова, являющегося автором, впервые создавшим поэму на эту тему (поэма «Кин богатырь», 1941–1942) (Топанов, 2003), а также Н. Г. Доможакова («Ах тигей», 1962) (Доможаков, 1960) и М.Е. Кильчичакова («Ожившие камни», 1979) (Кильчичаков, 1980). В этих поэмах достаточно активно используется поэтика алыптыг нымаха. В героическом эпосе герои-богатыри зачастую борются с врагами за свободу своего народа, передается борьба с различными захватчиками, в том числе с богатырями подземного мира. Как видим, этот фольклорный сюжет неизменно продолжает жить в национальной литературе. В такой напряжённой борьбе представляется возможным полно раскрыть, например, характер драматического героя. Так, герои А.М. Топанова, Н.Г. Доможакова, М.Е. Кильчичакова ведут борьбу с завоевателями. Их герои уподобляются богатырям, народным героям, живущим и действующим ради общих интересов. В текстах поэм, созданных ив первой половине XX в., в отличие от эпоса, указаны конкретные исторические события, как присоединение хакасских земель к Российской империи у Н.Г. Доможакова и М.Е. Кильчичакова, события первой мировой войны и второй мировых войны в поэме А.М. Топанова.

А.М. Топанов изобразил, как представители трех поколений богатырей ведут борьбу с сильным и коварным врагом, что тесно связывает поэму как жанр с народным эпосом, где важную роль играет эмоционально-смысловое начало. Богатырь Кин алып и его сыновья Чарых Чылтыс и Молат, а также его внук Тимир Мирген имеют общие черты с богатырями из алыптыг нымаха. Например, их рождение предзнаменовано особо ярким светом солнца, что может свидетельствовать об их избранности. И для них наказ отца об освобождении родных владений от врага – самый главный наказ, для выполнения которого они готовы посвятить свою жизнь .

Несомненно, А. М. Топанов относится к той категории хакасских поэтов, которые по специфике творческой психологии очень близки к хайджи. Им свойственно особое творческое восприятие мира, человека, предметов и явлений окружающей действительности. В содержании поэмы Топанова наблюдаем не просто цепь событий богатырской жизни, прежде всего это события, связанные с реальными героями и героями вымышленными (три поколения богатырей), и описываемые реальные события (первая мировая война и вторая мировая война), в которых они являются участниками. Согласно народной эпической традиции, в поэме дела старшего поколения богатырей завершают их потомки: победу над врагом одерживает Тимир Мирген. Сила его аналогична силе эпических богатырей: *Там, где ступала нога богатыря, / Образуется большая долина. / Там, где богатырь опирался рукой, / Широкая ложбина остаётся.*

Происхождение богатырей в поэме А.М. Топанова такое же необычное, как и в эпосе: *Их острый глаз / Достаёт до другого края земли. / Голос их, как ветер с громом, / Доносится за семь гор. / Помня обо всем прошлом, / Знают будущее.* Они обладают неимоверной физической силой и достойно держатся в схватке с врагом несколько дней и ночей, как и в алыптыг нымахе.

А.М. Топанов, характеризуя героев своей поэмы, показывая их положительные качества, использует традиционные фольклорные эпитеты: *светлый взор*, *крепкое сердце, неимоверная сила, великий ум* и др. Возвеличивая ум и мудрость Кин Алыпа, сравнивает их с высокими горными вершинами, проводя аналогию между высотой горных вершин и человеческой мудростью.

Творчески-инициативное использование поэтом Топановым сюжетов, мотивов, фрагментов, речевых оборотов фольклора воплощаются в реминисценциях и интертекстуаль-

ности поэмы, и в них же прослеживается, как автор, сохраняя традиционные мотивы, образы, речевые обороты, придает им новые черты. Так, первые строки поэмы «Кин алып» напоминают фрагменты зачина героического сказания, но в то же время это не копия зачина алыптыг нымаха. Если в зачине эпоса наблюдаем неопределенность места действия, то А.М. Топанов, используя стиль эпоса указывает на конкретное место действия – город Берлин. Поэт, заимствуя словесные формулы эпоса, при этом создает некий подтекст, указывая на Берлин, в котором прочитывается ироническое отношение автора к врагу. Если в зачине эпоса сказывается о месте жительства ханов-богатырей, как указывают исследователи М. А. Унгвицкая и В. Е. Майногашева (Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 45) , у Топанова же в зачине поэмы обрисовано место жительства врага – кайзера Вильгельма. Тем самым автор показывает, с каким непростым врагом придется столкнуться его герою – Кин Алыпу. Автор поэмы преднамеренно противопоставляет их земли: у врага это равнина без леса, с колючими кустарниками, у Кин Алыпа – степи, окруженные горными вершинами, т.е. почитаемые места хакасов.

В целом, сюжет поэмы А.М. Топанова един с сюжетом алыптыг нымаха, и в конце наблюдаем описание восстановившейся справедливости и наступившей мирной жизни.

Наиболее часто встречающимся образом, символизирующим набег, нашествие врага является опрокинутый очаг, а мир символизирует вновь разгорающийся очаг говорящий о восстановлении мира и возвращении богатырей в свои владения.

Таким образом, хакасская поэма строилась на основе поэтических средств алыптыг нымаха. Уже на страницах одной из первых поэм видим ориентир на поэтические традиции фольклора и наблюдается преемственность в художественной словесной традиции. Также в структуре и содержании поэмы А.М. Топанова органично вплелись авторские *тахпахи*[1], построенные по всем законам фольклорной поэтики. *Тахапахи* в тексте поэмы автором вложены в уста героев, это их монологи. Через эти короткие лирические тексты они выражают свою волю и устремления.

Использование Н. Г. Доможаковым и М. Е. Кильчичаковым поэтики хакасского героического сказания в литературных произведениях происходит на разных уровнях: от сюжетно-композиционной структуры до поэтических средств. Так, имена героев близки к именам эпических героев, и, как и в эпосе, многосоставны*: Кун Сузы, Алтын Ызырга, Умай пиг, Хан Хылыс, Ирнат матыр, Хартыга матыр* и др. Функциональность традиционных эпитетов ярко проявляется и широко используется в поэмах: народ не иначе как *народ-труженик, подданный народ;* лучшие качества как *лучший из птиц, лучший из мужчин* и др. А для выражения женской красоты, например: *красная-прекрасная дева, красивые девушки* [с лицом] *яснее луны* и др.

Необходимо отметить, что Топанов, Доможаков и Кильчичаков широко используют традиционный фольклорный эпитет *ах* (белый). В фольклоре хакасов, как и многих других народов, эпитет *ах – белый* связан с понятиями добра, света, всего лучшего, поэтому меч, подаренный Арчолу его матерью, также имеет белый цвет («Ожившие камни»). О. В. Субракова отмечает, что «в эпосе прилагательное *ах* ′белый′ относится к идеальным предметам и обозначает не столько цвет, сколько какой-то постоянный признак светлого, возвышенного, положительного» (Субракова, 2007, с. 24).

Хакасскими авторами в текстах указанных произведений многократно используются сложные слова, которые сочетают в себе семантически однородные слова, – это приём, широко используемый в эпосе: *ігір-пағыр чоллар / кривые-изогнутые дороги, алып-күлүктер / богатыри-молодцы, сырып-сарып чалҷылар / незначительные-мелкие слуги, илбір-салбыр / неряшливый-неаккуратный*, *өкіс-чабыс / сирота-беспризорник* и др. Использование таких сложных словсочетаний позволяет наиболее точно передать характеристику предмета или явления, позволяет передать отношение говорящего к ситуации. Традиционные формулы народной поэзии обогащают язык поэмы, придают выразительность. Речь литературных героев приближена к речи эпических героев. Так, например, персонажи М. Е. Кильчичакова при обращении к человеку, занимающему высокое социальное положение, часто говорят: *пиглернің пигі – князь князей*, *пиглер пазы – глава князей*, *хыйғаларның хыйғазы – мудрейший из мудрейших* и др. Как и в эпосе, при встрече с незнакомцами герои поэмы М.

Кильчичакова обращаются с расспросом о реке, о земле, откуда они прибыли, кто их мать и отец. Хартыга, встретив Арчола и Албана, спрашивает: *В каком краю ваши земля и дом? Чьи вы потомки, / К какому роду себя относите?*

В поэмах М. Кильчичакова и Н. Доможакова встречаются обращения героев к объектам окружающего мира, как к живым. Подобный прием обращения человека к природе, как к человеку, в литературу также пришло из фольклора. Горы, реки, солнце, птицы, звери – все они могут обрести черты и качества человека. Например, Арчол в поисках своей матери, попавшей в плен к врагам, обращается к березе: *Самые красивые из всех деревьев, белые березы, Не видали ли мою дорогую мать?*

А мать Арчола, пытаясь передать весточку сыну, свое обращение адресует горам и рекам, зверям и птицам: *Слушайте меня, горы-реки, / Слушайте меня, птицы, звери!*

Подобное обращение к птицам Н. Доможаков вкладывает в уста Солбанаха, ищущего успокоения души на чужбине в пении коростели: *Не устающая голосить, птица коростель, / Мою тревогу приглуши, / Не прекращающая петь перепелка, / Угнетенную [мою душу] развей.*

Этот прием нередко встречается в эпосе, и некоторые богатыри понимают язык птиц, как, например, в сказании «Алтын Арыг» (Алтын Арыг, 1988). Пичен Арыг обращается к орлу не иначе как *лучший из птиц* с просьбой доставить её послание богатырю Саатай Мирген.

В сюжетно-композиционной структуре поэм Н. Доможакова и М. Кильчичакова важная роль отводится женским образам, образам матерей, благословляющих богатырей на подвиги, смелые поступки и храбрость, а в целом же это образ матери-земли, родины. Женские образы высоко поэтизированы (Кун Сузы и Алтын Ызырга у Н. Доможакова; мать Арчола, Иртен у М. Кильчичакова). Они, хранительницы домашнего очага, олицетворяющие собой мудрость, несущие свет и добро, являющиеся помощницами и берегинями героев, вдохновляют их на подвиги.

Н.Г. Доможаков и М.Е. Кильчичаков прибегают к эпическому мотиву, когда герой-богатырь попадает в сети женщин-демонов, традиционных персонажей эпических сказаний, стремящихся женить на себе хана или наследника престола. Например, в поэме Н. Г. Доможакова стремление Улуг Хунчуй женить на себе Солбанаха, и с этой целью похитившей его детей, придает драматизм этому поэмному повествованию. Подобный мотив присутствует и у М. Е. Кильчичакова: в Арчола влюбляется Абахай, дочь врага, которая желает его освободить из плена, но с условием, что он останется с ней.

Завязкой в композиции поэм вышеупомянутых авторов служит инициация героя, порой напоминающая элементы типических мест героического сказания. К таким можно отнести взросление героя и вступление его в путь борьбы за свой народ. Так, в драме М. Е. Кильчичакова «Ожившие камни» мать, благословляя сына и говоря ему напутственные слова, как и в эпосе, вручает меч (*дорогой стальной меч, белый стальной меч* и говорит о письменном послании отца (*завещание написано на том стальном мече*).

Если трагические войны богатырей с враждебными ханами становились основой героических сказаний, то эпическое описание исторических событий трехсотлетней давности, а также первой мировой войны и Великой Отечественной войны легло в основу поэм хакасских авторов, явившись благодатным материалом для крупного поэтического жанра.

Примеры использования поэтики алыптых нымаха в хакасской поэме не ограничиваются этими тремя поэмами, но именно они выступают как самые яркие образцы продолжения эпических традиций в литературе.

В 1994 г. М.Р. Баинов опубликовал алыптыг нымах «Хан Тонис» под своим авторством. Ранее при публикации сказаний вопрос определения жанра не возникал, так как записанные от сказителей тексты относились к народному творчеству, и традиции складывания текста алыптыг нымаха были налицо. «Хан Тонис» же выходил за рамки этих традиций, так как он отличался от эпоса своим объемным зачином и многими другими качествами. Это самое объемное произведение М.Р. Баинова, он посвятил этому произведению около 10 лет. Как он сам говорил, с детства слышал исполнение эпоса среди родственников. И многие сюжеты он помнил на память и говорил, что помнит несколько сказаний. На основе этих сказаний он создал новое произведение – «Хан Тонис». Причем

это богатырское имя упоминается и в других сказаниях. Как отмечено А.А. Чертыковой, хакасский поэт М. Баинов «разложил сказания, известные ему от сказителей, на отдельные фрагменты и составил из них собственный сюжетный рисунок» (Чертыкова, 2009). Сюжет поэмы не отличается от сюжета хакасского героического эпоса. М. Баинов так же, как и в алыптыг нымахе, изложил сказание о Хан Тонисе, активно используя народные поэтические средства, например, ассимиляцию и ассонанс, «сознательно ограничивая себя жанровым каноном, хорошо знакомым и автору, и читателям, и исследователям народного творчества» (Ахпашева, 2008). Но все же Баинов создал не типичный алыптых нымах, а показал образец новой формы эпоса в литературе на основе фольклорных традиций. Поэтический опыт М. Баинова, обогащенный сказительским даром, позволил создать ему произведение, богатейшее по форме и содержанию. Сюжет «Хан Тониса» традиционный и состоит из подвигов богатыря, ездящего на темно-сивом коне размером с ребро. Как и в алыптыг нымахе, здесь без труда наблюдается традиционная форма зачина: в благословенном краю, где нет греха и беды даже величиной с мелкое зернышко, возле Белого моря живет правитель Пулай Хан с женой Пулай Арыг, дочерью Пулай Пурхан и сыном Хан Тонисом. Горюет Пулай Хан, что состарился он со своим конем и передает он власть своему сыну Хан Тонису, который пока еще молод и увлечения его связаны с охотой и играми молодецкими. Но вот предстоит ему исполнить волю богов: объявили верхние боги – Чайаны – состязание, кто сможет согнуть железный столб, выросший до самого неба на девяти перевалах и заслонивший солнце. Богатыри со всего света пытались его согнуть, но только Хан Тонису хватило сил исполнить волю Чайанов. И не поддается он влиянию чар представительницы подземного мира Тараспах Хуу Хат, которая всеми силами пытается околдовать его и женить на себе. Но он знает, есть у него суженая Чарых Пурхан, дочь небесного Чайана. В поисках своей суженой он проходит через множество испытаний: бесконечные схватки с врагами, поход в подземный мир. Хан Тонис отправляется на родину своей невесты получить благословление ее родителей на брак. Но застает приготовления к свадебному пиру, переодевается в больного пастуха (распространенный мотив переодевания в хакасском фольклоре), изгоняет гостей и жениха-самозванца. Просит у родителей своей нареченной Кун Арыг руки их дочери, справляет свадьбу и отправляется домой.

М. Баинов, оставаясь верным традиционному эпическому сюжету, с получением благословления родителей суженой, схватку с женихом-самозванцем и свадьбой, преднамеренно усилил типические места по своему усмотрению.

Таким образом, эпическая поэма-алыптых нымах «Хан Тонис» создана на основе народного эпоса, с ритмикой эпического стиха и классического сюжета алыптых нымаха с целенаправленным выделением, усилением всех сколько-нибудь важных вещей в поэтике алыптых нымаха, тем самым укрепив позиции этого фольклорного и теперь литературного жанра, открывая ему дороги в новых социокультурных условиях. На протяжении всего XX в. алыптыг нымах обогащал и продолжает обогащать и ныне национальную литературу не только сюжетами, мотивами и образами, но и новыми формами традиционного жанра.

Примечание:

[1] *Тахпах* – народная лирическая песня-импровизация хакасов, состоящая из четырех и восьми строк, построенная с помощью аллитерации, ассонанса и параллелизма.

ЛИТЕРАТУРА

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / запись и подготовка текста, статья, перевод и комментарии В. Е. Майногашевой. М.: Главная ред. вост. литературы, 1988. 591 с.

Ахпашева Н.М. Национальный эпос и становление хакасской литературы // Вестник Бурятского университета. 2008. № 10. С. 207–210.

Доможаков Н.Г. Людям о человеке. Стихи на хак. яз. Абакан, 1960. 96 с.

Кильчичаков М.Е. Ожившие камни. Драма на хак. яз. // Ах тасхыл. 1979. №27. С.63–84.

Кильчичаков М.Е. Ожившие камни. Драма на хак. яз. // Ах тасхыл. 1980. №28. С. 99–127.

Кызласов Л.Р. О литературе и фольклоре средневековых хакасов // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. 1970. Вып. XIV. С. 130–137.

Майнагашева Н.С., Субракова В.В., Чаптыкова Ю.И. и др. Современный хакасский фольклор: особенности бытования // Российская тюркология. 2019. № 1–2(22–23). С. 161–171.

Майногашева В.Е. О хакасском героическом эпосе и алыптых нымахе «Ай Хуучин» // Хакасский героический эпос: Ай Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступит. ст., примеч. и коммент., прил В.Е. Майногашевой / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16 / Отв. ред. Х.Г. Короглы. Новосибирск: Наука, 1997. С. 11–47.

Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2007. 182 с.

Топанов А.М. Кин Алып // Топанов А.М. Хакасияның ӱні. Абакан, 2003. 66 с.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1972. 311 с.

Информация об авторе:

Майнагашева Нина Семеновна, кандидат филологических наук, директор, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Абакан, Россия).

REFERENCES

Mainogasheva, V. E. 1988. (ed.). *Altyn-Aryg. Khakasskiy geroicheskiy epos (Altyn-Aryg. Khakass heroic epic).* Moscow: “Glavnaya red. vost. Literatury’ Publ. (in Russian).

Akhpasheva, N. M. 2008. In *Vestnik Buryatskogo universiteta (Bulletin of the Buryat University)* 10, 207–210 (in Russian).

Domozhakov, N. G. 1960. *Lyudyam o cheloveke (To people about a man)*. Abakan (in Russian).

Kilchichakov, M. E. 1979. In Akh taskhyl (*Akh Taskhyl)* 27, 63–84 (in Russian).

Kilchichakov, M. E. 1980. In Akh taskhyl (*Akh Taskhyl)* 28, 99–127 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1970. In Uchenye zapiski Khakasskogo NIIYaLI (*Scientific Bulletin of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History)* 14, 130–137 (in Russian).

Mainagasheva N.S., Subrakova V.V., Chaptykova Yu.I. et al. 2019. In *Rossiyskaya tyurkologiya (Russian Turkology)* 22–23 (1–2), 161–171 (in Russian).

Mainogasheva, V. E. 1997. In Korogly, Kh. G. (ed.). *Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay Khuuchin (Khakass heroic epic: Ai Khuuchin).* Novosibirsk: “Nauka” Publ., 11–47 (in Russian).

Subrakova, O. V. 2007. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa (The Khakass heroic epic language).* Abakan: “Khakasskoe knizhnoe izd-vo” Publ. (in Russian).

Topanov, A. M. 2003. In Topanov, A. M. *Khakasiyanyң ӱni (Khakasiyans).* Abaka (in Ossetian).

Ungvitskaya M.A., Mainogasheva V.E. 1972. *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo (Khakass folk poetry).* Abakan: “Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva” Publ. (in Russian).

About the Author:

Mainagasheva Nina S., Candidate of Philological Sciences, Director of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Shchetinkin, 23 str., Abakan, 655017, Russian Federation

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.56.63

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ АРАБСКАЯ НАДПИСЬ НА КЕРАМИЧЕСКОМ СОСУДЕ С ТЕРРИТОРИИ РУБАССКОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА VIII–IX ВВ.[1]

© 2025 Л.Б. Гмыря

В статье анализируется содержание арабской надписи, помещенной на керамическом кувшине, обломки которого были обнаружены в 2014 г. при проведении разведочных раскопок архитектурного комплекса VIII–IX вв. на р. Рубас в Южном Дагестане. Надпись представляет собой цитату из айата (стиха) суры Корана. Содержание надписи носит назидательный характер. Автором рассматривается нравственная направленность этой традиции. Данный вопрос поднимается в научной литературе впервые. Сложность интерпретации факта нахождения фрагментов керамического сосуда с арабской надписью состоит в несовпадении датировок самого строительного объекта и сосуда с арабской надписью, датируемого XI–XII вв.

Ключевые слова: археология, Рубасский архитектурный комплекс VIII–IX вв., арабская надпись на керамическом сосуде XI–XII вв., нравственная направленность надписи.

HOMILETIC ARABIC INSCRIPTION ON A CERAMIC VESSEL FROM THE RUBAS ARCHITECTURAL ASSEMBLAGE OF THE 8TH-9TH CENTURIES[2]

L.B. Gmyrya

This paper deals with the content of an Arabic inscription placed on a ceramic jug, fragments of which were discovered in 2014 during exploratory excavations of an 8th-9th century architectural assemblage on the Rubas River in Southern Dagestan. The inscription is a quotation from an ayah (verse) of a Quranic surah and is homiletic in nature. The study considers the moral orientation of this tradition of inscribing vessels with religious texts. This aspect is raised in the scientific literature for the first time. The difficulty in interpreting the fact of finding fragments of a ceramic vessel with an Arabic inscription lies in the discrepancy between the dating of the architectural structure itself (8th–9th centuries) and the vessel bearing the inscription, which dates to the 11th–12th centuries.

Keywords: archaeology, Rubas architectural assemblage of the 8th–9th centuries; Arabic inscription on pottery, regarding to the 11th–12th centuries; moral orientation of the inscription.

Рубасский архитектурный комплекс находится в 20 км к югу от г. Дербента на р. Рубас. Раскопками 2014, 2016–2018, 2020, 2022 и 2023 гг. исследовано шесть разнотипных построек (Гмыря, 2014, с. 139–161; 2023, с. 1056–1073).

1. Состав архитектурного комплекса на р. Рубас: 1) Сооружение арочной конструкции (рис. 1: 1); 2) Стена № 1 (рис. 1: 2); 3) Магистральная стена № 2 (рис. 1: 3); 4) Сооружение № 6 ступенчатой конструкции (рис. 1: 6); 5) Стена № 3 прямолинейной формы с веерообразной пристройкой (рис. 1: 4); 6) Сооружение в виде платформы с наклоном в 22,5° (рис. 1: 5). Каждый строительный объект имеет индивидуальную конструкцию, особый вид кладки, своеобразный состав строительных материалов, определенное место в комплексе, обусловлен(ное) его функциональным назначением.

2. Типологическая интерпретация объекта

Полученные в результате первичных раскопок данные легли в основу интерпретации исследованного комплекса сооружений как военно-технического, оборонительной

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20368 , https://rscf.ru/project/25-28-20368/

[2]The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-20368, https://rscf.ru/project/25-28-20368/

Рис. 1. Рубасский архитектурный комплекс VIII – IX вв.: 1 – сооружение арочной конструкции; 2 – стена № 1; 3 – стена № 2; 4 – стена № 3; 5 – сооружение № 5 (платформа); 6 – сооружение № 6 (пристройка). Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом 2023 г.

Fig. 1. Rubas architectural assemblage of the VIII – IX centuries: 1 – arched structure; 2 – wall No. 1; 3 – wall No. 2; 4 – wall No. 3; 5 – building No. 5 (platform); 6 – building No. 6 (annex). Aerial photography by an unmanned aerial vehicle in 2023

направленности. Его датировка определялась в пределах VI в. (Гмыря, 2014, с. 139–161; 2023, с. 1060). Все объекты этого комплекса наделены признаками монументальности. Строительные объекты отличаются прочностью, несмотря на наличие подпочвенных вод в их основании.

Однако значительная часть технологических показателей Рубасского архитектурного комплекса, открывшихся в процессе многолетних исследований, свидетельствует о ином функциональном назначении этого объекта. Анализ материалов показал, что, вероятнее всего, он являлся гидротехническим сооружением, предназначавшимся для накопления речной воды и ее использования для нужд населения (Гмыря, 2023, с. 1056–1073).

3. Хронология архитектурного комплекса

По данным письменных источников, инициатором строительства гидротехнического сооружения на р. Рубас являлся правитель Арабского халифата халиф Гарун аль-Рашид. Данный объект был возведен в период его пребывания в Дербенте (790–797 гг.) (Гмыря, 2023, с. 1064–1065).

Этот проект можно определить как гуманитарный. Его осуществление способствовало использованию воды из р. Рубас через канал Рубас – Дербент, как отмечается в источниках, для полива садов, огородов и виноградников, а также работы мельниц, располагавшихся в районе южной оборонительной стены города. В письменных источниках указывается также, что обводнена была и территория степи в месте прокладки канала (Козубский, 1906 (2015), с. 31).

Пребывание халифа Гаруна аль-Рашида в этот период в Дербенте и его инициатива по реконструкции строительных объектов этого города подтверждается надписью на каменной плите с указанием даты ее создания – 176 г. х./792–793 гг. (Гаджиев и др., 2005, с. 196–202; Гаджиев, 2014, с. 124–126; Гаджиев, 2021, с. 7–21). Плита с надписью была обнаружена на старинном сельском кладбище с. Митаги, через которое проходит начальный участок Горной стены Дербентского оборонительного комплекса. Она установлена в вертикальном положении в качестве надмогильной стелы на одной из могил.

Рис. 2. Рубасский архитектурный комплекс до начала раскопок 2014 г. Вид с юга.
Fig. 2. Rubas architectural assemblage before the start of excavations in 2014 View from the south.

Рис. 3. Рубасский архитектурный комплекс до начала раскопок 2014 г. Вид с юга.
Fig. 3. Rubas architectural assemblage before the start of excavations in 2014 View from the south.

Плита имеет значительные размеры – 154×73×10 см. Объект ее первоначального нахождения пока не установлен, предполагается, что это была Горная стена. Надпись подобного содержания, в которой прославляется строительная деятельность в районе Дербента двух выдающихся правителей Востока – царя Ирана Хосрова Ануширвана и халифа Арабского Халифата Гаруна аль-Рашида, по всей вероятности, должна была находиться в непосредственной близости от Дербента. Селение Митаги, где была обнаружена плита с надписью, находится в 10 км к юго-западу от Дербента.

Способы крепления плиты с надписью к Горной оборонительной стене авторами публикации не отмечены. Был ли это скрепляющий раствор, не известно. Места установки скрепляющих скоб на нижнем основании плиты также не обозначены. Дата установки этой плиты в оборонительную стену не определена, хотя в надписи указано имя мастера, наносившего надпись – Мухаммад сын Абдаллаха, и дата ее создания (написания) – 176 г. хиджры (792/3 г.).

4. Фиксация Рубасского архитектурного объекта

Данный археологический объект был обнаружен жителем с. Коммуна Дербентского района РФ в феврале 2014 г. при обработке сельхозучастка, расположенного на берегу р. Рубас, в 2 км к югу от селения. Более 30 крупных каменных блоков длиной 1,0–1,8 м были им извлечены из выявленных построек и перемещены в с. Коммуна. Часть блоков подверглась распиловке на мелкие фрагменты, предназначавшиеся для строительства дома (Гмыря, 2014, с. 139–161).

На месте выборки строительных блоков образовался котлован размером 7,5×9,0 м и глубиной более 3,0 м, заполненный бутовым камнем разного размера и перемещенным пахотным слоем грунта. Выемка каменных блоков из сооружения осуществлялась местным жителем ковшом экскаватора с дальнейшей погрузкой на грузовой транспорт.

Рис. 4. Место обнаружения фрагментов керамического сосуда с арабской надписью. 2014 г.
Fig. 4. The location of the ceramic vessel fragments with an Arabic inscription. 2014

С западной и северной стороны котлована были зафиксированы крупные скопления выбранного с территории объекта пахотного грунта с включением необработанных камней разного размера (рис. 2–4).

5. Разведочные раскопки Рубасского архитектурного объекта

В августе 2014 г. на данном археологическом объекте были проведены разведочные раскопки (открытый лист № 1141 Минкультуры РФ). На верхнем уровне северной стороны котлована были выявлены в непотревоженном состоянии небольшие участки двух сооружений – стены № 2 и пристройки к стене № 3 веерной конструкции. На заложенном в 2014 г. к западу от котлована разведочном раскопе № 1 был раскрыт верхний уровень двух объектов – сооружение арочной конструкции и стены № 1 (рис. 5).

6. Сведения о сосуде с арабской надписью

Как отмечалось, на территории сельхозучастка, прилегающего к котловану с севера и запада, находились сбросы выбранного из разрушенных построек поверхностного пахотного грунта с включением необработанных камней разного размера (рис. 2–4). Целые блоки были вывезены землепользователем в селение.

В процессе разведочных раскопок 2014 г. при разборе наиболее крупного скопления грунта и мелких камней, находившихся к западу от котлована (рис. 4), было выявлено помимо мелких каменных плиток 16 крупных фрагментов керамического сосуда светло-желтого цвета, включавших стенки тулова и обломок донца (рис. 7). Три обломка тулова сосуда имели рельефное изображение, похожее на растительный орнамент (рис. 6: 1, 2; 7: 1, 2). Поверхность других была заглажена. При реставрации сосуда выяснилось, что обнаруженные обломки являются передней частью тулова сосуда шаровидной формы. Верхний уровень тулова был украшен рельефным изображением, нижний – тщательно заглажен (рис. 6: 1, 2; 7: 1, 2). Обломок донца этого сосуда и еще один гладкий фрагмент тулова не подошли к реставрации (рис. 7: 2). На нижних гладких участках тулова сохранились налёты чёрного цвета, свидетельствующие о нахождении сосуда в месте воздействия огня (рис. 6: 1, 2).

7. Сведения о надписи на сосуде

Анализ рельефного изображения на сосуде показал, что на его тулове была оттиснута посредством штампа надпись, выполненная буквами арабского алфавита. Она сохранилась не полностью – не достает части на утраченной противоположной стороне сосуда.

Полный текст надписи восстановлен и переведен на русский язык научными сотрудниками ИИАЭ к.и.н. Ш.Ш. Шихалиевым и м.н.с. М.Г. Шехмагомедовым (Гмыря, Шихалиев, Шехмагомедов, Кузеева, 2015, с. 31, рис. 1–2).

Авторами перевода подробно отмечены особенности почерка надписи, технологии ее нанесения на сосуд, а также некоторые обусловленные сложности этого процесса: 1) надпись написана арабскими буквами почерком «насх» с элементами более старого почерка «куфи» в некоторых фрагментах

Рис. 5. Рубасский архитектурный комплекс до начала раскопок 2014 г. Вид с юга.
Fig. 5. Rubas architectural assemblage before the start of excavations in 2014. View from the south.

букв; 2) имеется наличие следов дорисовок нечетко оттиснутых арабских букв и потертостей, что свидетельствует о подготовке текста вручную; 3) часть текста написана в зеркальном отображении.

Исследованиями установлено, что арабская надпись на сосуде представляет собой айат (стих) суры Корана (Сура «Муравьи», 27; стих 40). Сохранился только фрагментарный текст, поэтому недостающие фразы восстановлены исходя из контекста этой надписи:

[لِيَبْلُوَنِي أَأَشْكُرُ أَمْ أَكْفُر] هَٰذَا مِنْ فَضْلِ رَبِّي

Перевод: «Это – из милости Господа моего, [чтобы испытать меня – буду ли я благодарен или не] верен» (Гмыря, Шихалиев, Шейхмагомедов, Кузеева, 2015, с. 31).

Подобный сосуд с арабской надписью, нанесенной на его поверхность посредством оттиска штампа, на территории Республики Дагестан найден впервые.

8. Ареал фиксации сосудов с арабскими надписями

Подобная керамика со штампованным геометрическим и растительным орнаментом была широко распространена в городах Средней Азии и Закавказья в X–XIII вв. (Исмизаде, Ибрагимов, 1983; Достиев, 1999; Лунина, 1962; Сайко, 1982). На территории современного государства Азербайджан выявлена весьма значительная коллекция штампованной керамики, которая была получена специалистами из нижних культурных слоев знаменитой цитадели «Ичери-шехер» в Баку, они датируются X–XIII вв. Здесь же были найдены части сосудов с оттисками арабских надписей, выполненных в основном почерком «куфи» и «насх».

Штампованными изображениями в средневековом Баку украшались разнообразные виды керамических изделий. Наиболее характерным типом кувшинов со штампованными изображениями были сосуды с шаровидным туловом, узким донцем с невысоким поддоном, высокой горловиной – узкой в нижней части и расширенной в виде раструба у венчика. Ручка крепилась у основания раструбообразного расширения горловины и к плечикам кувшина. Основание горловины обычно отделялось от тулова рельефным валиком.

Подобные сосуды изготовлялись из местной апшеронской глины, отличавшейся не только высокими технологическими качествами, но и особым цветом. Глина была желтого цвета, а сосуд после обжига приобретал светло-бежевый оттенок.

Стоит отметить, что сосуды, изготовленные в средневековом Баку, украшались штампованными изображениями только в верхней части тулова – по плечикам. Оттиск изображения производился с помощью специального приспособления – галиба. Получить четкий отпечаток надписи на плечевой части кувшина было очень сложно.

Сосуды с арабскими надписями выявлены и на территории Татарстана (гор. Сарай XIV в.; Билярское III селище XIII–XIV вв.). Причем надпись располагалась в верхней части шаровидного тулова, но при этом дополнительно

Рис. 6. Керамический кувшин с оттиском арабской надписи.
Fig. 6. Ceramic jug with Arabic inscription impression.

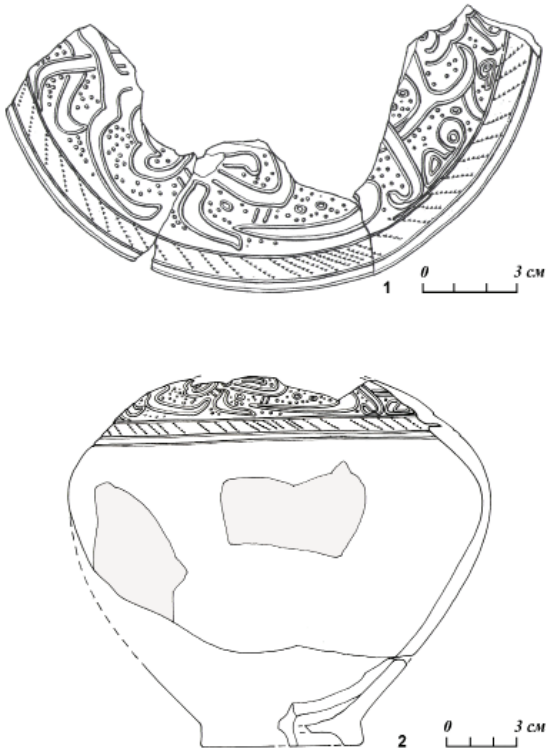


Рис. 7. Керамический кувшин с оттиском арабской надписи.
Fig. 7. Ceramic jug with Arabic inscription impression.

орнаментом покрывались горловина и нижняя часть тулова (сосуд из Билярского селища) или только нижняя часть тулова (Измайлов, 2009, рис. на с. 61; Валиулина, 2009, рис. на с. 201).

В публикациях Татарстана не представлены переводы арабских надписей, размещенных на этих сосудах. Причем в подписях к рисункам этих сосудов употреблено словосочетание «Кувшин со штампованным орнаментом».

9. Определение нравственной направленности традиции помещения цитат из Корана на керамических сосудах

Анализ данных о сосуде с территории Рубасского архитектурного комплекса: особая форма сосуда (узкогорлый кувшин с шаровидным туловом и выраженным поддоном); обусловленный цветовой выбор материала его изготовления (глина светло-бежевого цвета); использование текста Корана в декоре этого изделия посредством помещения цитаты с определенной смысловой нагрузкой – дают возможность сделать некоторые выводы:

1) к XII в. арабский язык получил широкое распространение среди населения Восточного Кавказа, что позволяло использовать его на бытовых изделиях;

2) образованная часть населения была знакома с письменностью на арабском языке, что давало возможность помещать текст на этом языке на бытовых изделиях;

3) данные надписи в виде цитат из Корана наносились на сосуды с целью сникания их собственниками Божьего благословения и благодати;

4) эстетика керамического сосуда: светлый оттенок керамики; изящество его формы; продуманная система расположения текста на округлой поверхности сосуда с узким диаметром у основания горловины и широким на верхней части тулова; художественная нагрузка на стиль надписи – свидетельствуют о придании бытовому предмету (кувшин для воды) неординарного значения (священный экспонат);

5) содержание текста надписи – назидательное: вода как благодать Господа!

6) использование цитаты из Корана супоминанием Господа придает данному сосуду степень священности бытового атрибута;

7) возможно, исходя из обнаружения «священного сосуда» в пределах монументального инженерного сооружения на р. Рубас специального назначения (ирригационный объект), обладателем данного реквизита придавалось особое значение как самому объекту, так и месту его расположения.

Остаётся открытым вопрос об обстоятельствах нахождения обломков этого уникального сосуда XI–XII вв. на территории гидротехнического сооружения VIII–IX вв. Возможно, данный объект посещался паломниками из Азербайджана. Для своего времени комплекс сложных гидротехнических сооружений на р. Рубас, видимо, являлся чудом техники.

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И. Биляр и его округа // История татар с древнейших времен в семи томах Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 200–202.

Гаджиев М.С. Археологические исследования в зоне Дербента // Научные экспедиции РГНФ. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014. С. 124–126.

Гаджиев М.С. Эпиграфические памятники Дербента: открытия XXI века (к 300-летию изучения) // Эпиграфика Востока. 2021. XXXVI. С. 7–21.

Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р. Сведения Дербенд-наме о Харун ар-Рашиде и новооткрытая официальная арабская надпись 176 г. хиджры // Древности Кавказа и Ближнего Востока / отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 196–202.

Гмыря Л.Б. Раскопки нового монументального архитектурного сооружения сасанидского Ирана в долине р. Рубас // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3 (39). С. 139–161.

Гмыря Л.Б. Архитектурный комплекс раннего средневековья на р. Рубас (Южный Дагестан): новые данные о структуре, конструкции и функциональном назначении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 9 (102). Т. 13. С. 3659–3673.

Гмыря Л.Б. Проблемы интерпретации раннесредневекового комплекса инженерных сооружений на р. Рубас (Восточный Кавказ): оборонительный объект или гидроузел // История, археология и этнография Кавказа. 2023. № 4. С. 1056–1073.

Гмыря Л.Б., Шихалиев Ш.Ш., Шейхмагомедов М.Г., Кузеева З.З. Керамический кувшин с оттиском текста айата Суры Корана из Южного Дагестана (XII в.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 56. С. 28–35.

Достиев Т.М. Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX – середина XIII века). Баку: Бакинский ун-т, 1999. 154 с.

Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку: Элм, 1983. 108 с.

Измайлов И.Л. Вещественные источники // История татар с древнейших времен в семи томах Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 60–62.

Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. (2015). 486 с.

Лунина С.Б. Гончарное производства в Мерве в X – начале XIII вв. // Керамика античного и средневекового Мерва / Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XI / Ред. М. Е. Массон. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1962. С. 217–418.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 212 с.

Информация об авторе:

Гмыря Людмила Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала, Россия); Lgmyrya@mail.ru

REFERENCES

Valiulina, S. I. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes.*

Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 200–202 (in Russian).

Gadzhiev, M. S. 2014. In *Nauchnye ekspeditsii Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Scientific Expeditions of the Russian Foundation for Humanities)*. Moscow: Russian Foundation for Humanities, 124–126 (in Russian).

Gadzhiev, M. S. 2021. *Epigrafika Vostoka (Oriental Eipgraphy)* XXXVI, 7–21 (in Russian).

Gadzhiev, M. S., Shikhsaidov, A. R. 2005. In Mamaev, M. M. (ed.). *Drevnosti Kavkaza i Blizhnego Vostoka (Antiquities of the Caucasus and the Middle East)*. Makhachkala: "Epokha" Punl., 196–202 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2014. In *Vestnik instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography)* 39 (3), 139–161 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2023. In *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy (Issues of National and Federative Relations).* Vol. 13, no 9 (102), 3659–3673 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2023. In *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* 4, 1056–1073 (in Russian).

Gmyrya, L. B., Shikhaliev, Sh. Sh., Sheikhmagomedov, M. G., Kuzeeva, Z. Z. 2015. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN (Herald of the Daghestan Scientific Center)* 56, 28–35 (in Russian).

Dostiev, T. M. 1999. *Srednevekovye arkheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydzhana (IX – seredina XIII veka) (Medieval Archaeological Sites of North-Eastern Azerbaijan (9th – Mid-13th Century))*. Baku: Baku State University Publ. (in Russian).

Ismizade, O. Sh., Ibragimov, F. A. 1983. *Khudozhestvennaya shtampovannaya keramika srednevekovogo Baku (Artistic stamped ceramics of medieval Baku)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 60–62 (in Russian).

Kozubsky, E. I. 1906. (2015). *Istoriya goroda Derbenta (History of Derbent)*. Temir-Han-Shura (in Russian).

Lunina, S. B. 1962. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 217–418 (in Russian).

Saiko, E. V. 1982. *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Sredney Azii v istoricheskom razvitii (Technique and technology of ceramic production in Central Asia in historical development).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Gmyrya Lyudmila B., Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia); Lgmyrya@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 903.22 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.64.70

ИЗОБРАЖЕНИЯ КИНЖАЛОВ В НОЖНАХ И БЕЗ НОЖЕН НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОНГОЛИИ)[1]

© 2025 г. О.С. Лихачева

В статье представлены результаты изучения изображений кинжалов на «оленных» камнях Монголии. Были проанализированы данные по 202 выбивкам, позволившие определить основные критерии разграничения того был ли продемонстрирован данный вид оружия в ножнах или без них. Среди наиболее очевидных признаков того, что кинжал помещен в ножны, выступает наличие бутероли, а также орнамент на клинковой части изделия. Как правило, указанные признаки встречаются совместно. Косвенным показателем можно считать наличие ремешка для крепления к поясу. Данный элемент указывает на то, что изделие приготовлено «к транспортировке», а значит, скорее всего, помещено в защитный футляр. В пользу этого говорит также то, что в случаях, где наличие ножен очевидно, подобные ремешки располагаются абсолютно аналогичным способом. Вероятно, в данном случае представлены максимально простые ножны без декора и полностью повторяющие форму клинка. В рассмотренной выборке кинжалы, изображенные в ножнах, составляют подавляющее большинство. Помимо выделения указанных критериев, в статье приводится статистика по расположению изображений короткоклинкового оружия в ножнах и без них на плоскости «оленного» камня. При обработке материала учитывались следующие показатели: грань, на которой выбито изображение; расположение на этой грани; положение относительно пояса.

Ключевые слова: археология, «оленные» камни, Монголия, оружие ближнего боя, клинковое оружие, кинжалы, ножны.

DEPICTIONS OF DAGGERS IN SCABBARDS AND WITHOUT SCABBARDS ON DEER STONES (BASED ON MATERIALS FROM MONGOLIA)[2]

O.S. Likhacheva

The article presents the results of studying the dagger depictions on the deer stones in Mongolia. Data on 202 depictions were analyzed, which made it possible to determine the main criteria for distinguishing whether this type of weapon was demonstrated in scabbards or unsheathed. Among the most obvious indicators that the dagger is placed in a scabbard is the presence of a chape, as well as an ornament on the blade part of the item. Typically, these features occur together. An indirect indicator can be considered the presence of a strap for attaching to the belt. This element suggests that the item is prepared "for transportation", which means, most likely, it is placed in a protective case. This is also supported by the fact that in cases where the presence of a scabbard is obvious, such straps are positioned in an absolutely identical way. Probably, in this case, the most simple scabbard is presented without decoration and completely repeating the shape of the blade. Within the examined sampling, daggers depicted in scabbards constitute the overwhelming majority. In addition to highlighting these criteria, the article provides statistics on the location of depictions of short-bladed weapons in scabbards or unsheathed on the surface of the sculpture. During data processing, the following indicators were taken into account: the facet on which the image is carved; its location on that facet; its position relative to the belt.

Keywords: archaeology, deer stones, Mongolia, melee weapons, bladed weapons, daggers, scabbards.

«Оленные» камни, представляющие собой монументальную скульптуру антропоморфного характера, являются одним из наиболее важных источников по изучению военного дела племен Центральной Азии (Кубарев, 1979, с. 3; Тишкин, 2013а, с. 51). Среди изображен-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

[2] The work financially supported by the Russian Academy of Sciences, project No. 22-18-00470 "The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy".

ных на них предметов вооружения наибольшее количество составляет короткоклинковое оружие, в частности кинжалы (Савинов, 1994, с. 97; Тишкин, 2016, с. 118; Лихачева, 2022, с. 35). Данный вид оружия является показательным во многих отношениях: четко проработанные особенности оформления навершия, перекрестия и клинка могут лечь в основу классификации и типологии, поиска аналогий среди вещественных источников. Это, в свою очередь, должно помочь в уточнении датировки изваяний. Но подобная работа требует предварительных методических уточнений: разграничения кинжалов и боевых ножей на изображениях, а также выявления признаков, по которым можно определить, выбит кинжал в ножнах или без них. Последнее необходимо для того, чтобы понять, может ли быть учтена в исследовании форма клинка или на выбивке мы имеем дело с конструкцией ножен, тогда как боевая часть, по сути, скрыта от зрителя.

Одним из первых к описанию ножен обратился В.Д. Кубарев (1979). Автор констатирует без указания конкретных признаков, что кинжал находится в ножнах и в качестве аналогий общей форме изделия приводит находки из памятников пазырыкской культуры (Кубарев, 1979, с. 59–62).

Д.Г. Савинов дает описание формы рассматриваемого элемента снаряжения и указывает, что в ножнах изображено большинство кинжалов на «оленных» камнях первого типа (имеющих стилизованные изображения оленя). В качестве аналогий изображениям рассматриваются части ножен из памятников Минусинской котловины (Савинов, 1994, с. 99).

Признаки, по которым определяется наличие ножен на изображении, указывают Ю.С. Худяков и Н. Эрдэнэ-Очир (2011). Авторы отмечают, что они показаны «сплошным силуэтом… в виде удлинено-треугольной фигуры с треугольным расширением на нижнем конце» (Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 60). Далее дается ссылка на те же находки, которые приводит в своей монографии Д.Г. Савинов.

К проблеме интерпретации изображений на «оленных» камнях через вещественные аналогии обращается А.В. Поляков (2021). Он подчеркивает, что «трапециевидные расширения» в нижней части сопровождают «большую часть» изображений короткоклинкового оружия. Статья сопровождается прорисовками известных на сегодняшний момент бронзовых рамок от ножен, что позволяет провести сопоставление вещественных и изобразительных источников (Поляков, 2021, с. 635, рис. 1).

Таким образом, на текущий момент в исследованиях просто констатируется как таковое наличие ножен на изображениях, частично выделены некоторые их признаки, а также отмечено, что изображения короткоклинкового оружия в большинстве случаев представлены именно в них. Иногда авторы просто ограничиваются описанием формы бутероли, оставляя интерпретацию под вопросом (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2021, с. 10). Кроме того, нет статистических данных по какой-либо выборке, позволяющей более точно судить о соотношении изображений в ножнах и без них. Отсутствует подробное описание вариаций форм данного элемента снаряжения на «оленных» камнях. Не уделено внимание имеющимся данным по декору. Важным, на наш взгляд, является и расположение кинжалов в ножнах и без них на плоскости «оленного» камня: на какой из граней, в какой ее части. Привязка к другим реалиям, особенно поясу, если он имеется на изваянии. Все указанные моменты делают представленную работу актуальной.

При работе нами использовалась выборка из 202 изображений кинжалов на «оленных» камнях с территории Монголии. Все использованные выбивки сформированы в базу данных, представляющую собой таблицу в программе Excel, что позволило достаточно эффективно провести статистический анализ имеющихся на настоящий момент данных (Свидетельство о государственной регистрации № 2023621733). За единицу информации в базе данных было взято отдельное изваяние с изображением кинжала. Состав таблицы дает исчерпывающую информацию по изображению кинжала, представленного на нем, и другим отображенным реалиям (Лихачева, 2023). При сборе материала использовались публикации и материалы, полученные в ходе ряда российско-монгольских экспедиций (Волков, 2002; Тишкин, 2013б; Тишкин, Шелепова, 2014). Привлекались материалы по изваяниям, изданные монгольскими коллегами (Культура оленных камней Монголии и сопредельных регионов).

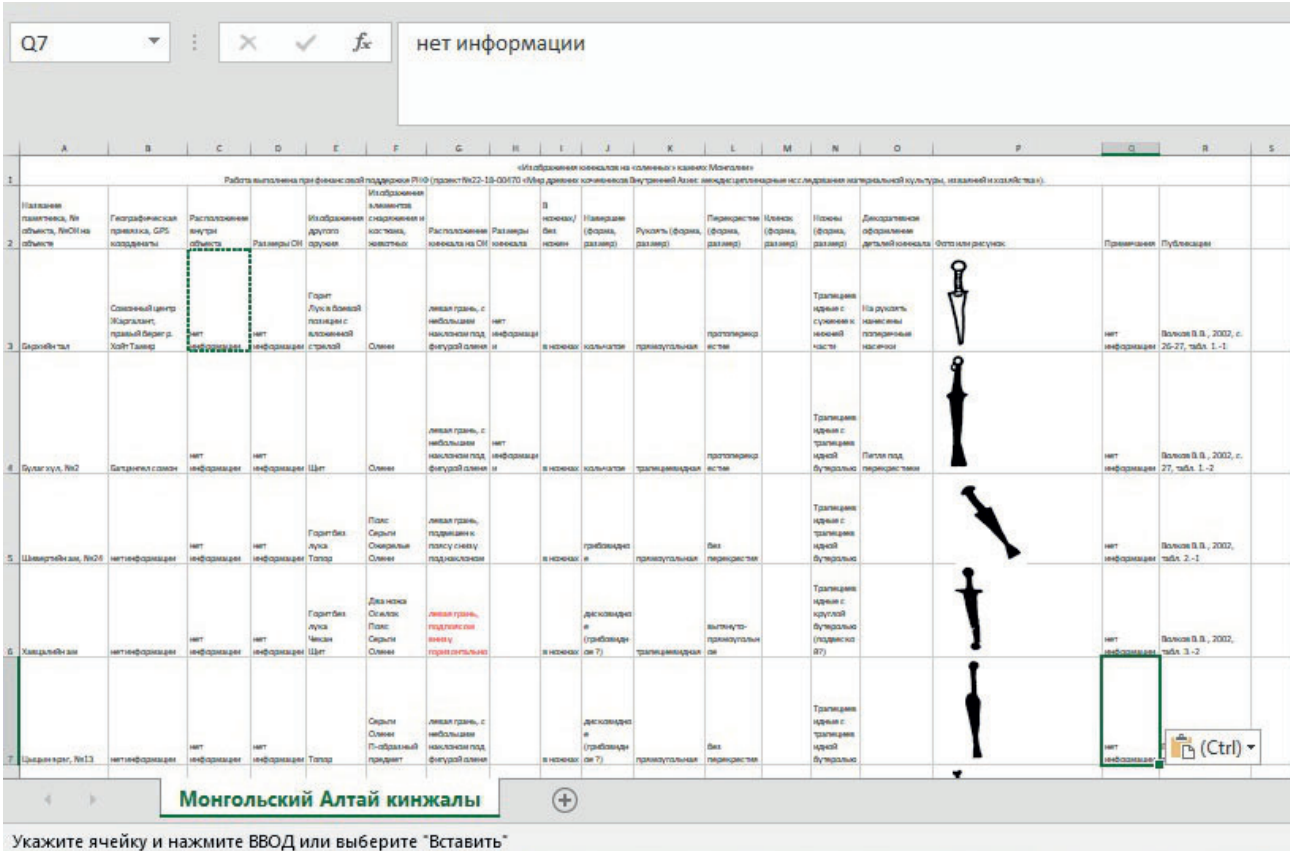


Рис. 1. Структура таблицы базы данных по кинжалам с «оленных» камней Монголии.
Fig. 1. The structure of the database table on daggers from the deer stones in Mongolia.

По ряду признаков нами было выделено три категории изображений кинжалов: «в ножнах», «без ножен», «в простых ножнах». Остановимся подробно на каждой из выделенных групп и их подробной характеристике.

Главным и бесспорным признаком того, что изображенный на «оленном» камне кинжал помещен в ножны является наличие бутероли. Из 202 изображений она фиксируется у 104. Можно выделить пять абрисов, которыми представлена данная деталь: трапециевидный, видимо производный от него треугольный, круглый, пятиугольный и в форме полумесяца. Наиболее распространенным является трапециевидный абрис бутероли, он встречается у 85 экземпляров из рассмотренных 104. Вторым по распространённости является круглый, зафиксированный на 13 изображениях. Треугольный отмечен четыре раза, по одному известны пятиугольный и в форме полумесяца (рис. 1: 1–5).

Дополнительным критерием могут выступать: орнамент, проработанный на ножнах (фиксируется на пяти изображениях), а также показанная, вероятно в некоторых случаях металлическая, рамка ножен (у семи кинжалов). Орнамент в рассмотренной серии представлен тремя вариантами: по одному разу встречаются «елочка», а также четыре распложенных вертикально друг над другом треугольника, развернутых вершинами вниз. В остальных случаях это вытянутая фигура треугольного или каплевидного абриса, расположенная по центру клинковой части.

Немаловажным показателем для интерпретации реалий является их положение на плоскости «оленного» камня и относительно других реалий. В первом случае нами рассматривалось расположение на гранях изваяния, во втором – относительно пояса. Последний является важным элементом воинского снаряжения, предназначенного в том числе для крепления оружия.

По имеющемуся материалу точное положение на плоскости изваяния известно по 63 объектам. Преобладающим положением кинжалов, изображенных в ножнах, является

левая грань; фиксируется 41 раз. Положение на правой грани можно отметить в 15 случаях, на лицевой – в семи.

Привязка к поясу хорошо читается у 61 изображения из 104. Наиболее стандартная, когда кинжал находится под поясом. Такая взаимосвязь этих элементов встречается в 43 случаях. При этом фиксируется разный угол наклона: от вертикального положения, то есть кинжал находится под углом 90º по отношению к плоскости пояса, до горизонтального, при котором эти две реалии параллельны друг другу. Между этими крайними позициями есть большое количество вариаций разной степени наклона. Важно отметить, что в 25 случаях хорошо читается ремешок, которым оружие прикреплено к поясу. Можно выделить три варианта крепления. Наиболее часто встречающееся – в виде линии, идущей от пояса к кинжалу. Реже – в виде дуговидной фигуры (петли) или дуговидной фигуры и идущей от нее к кинжалу линии. Стоит отметить, что точка соединения с кинжалом может быть разнообразна и, вероятно, отмечалась совершенно произвольно: на рукояти, на перекрестии, на клинковой части. Рассмотренный тип изображений абсолютно соответствует действительности и не вызывает вопросов. Более сложным с точки зрения интерпретации является положение кинжала над линией пояса. Такая картина наблюдается на 18 изваяниях, причем в пяти случаях так же, как и в нижней позиции, проработан ремешок, предназначенный для крепления. Аналогичны и вариации расположения этих предметов относительно друг друга: перпендикулярно, параллельно и с разной степенью наклона.

Итак, рассмотренная выше выборка дает основной набор интересующих нас критериев.

Следующая группа изображений обозначена нами как кинжалы «без ножен». Она включает 83 изображения. По имеющимся данным, положение на гранях изваяния можно определить у 61 кинжала. Преобладающими являются выбивки на лицевой грани, которые встречаются 27 раз. Распределение между левой и правой гранями примерно одинаково и составляет соответственно 16 и 18 единиц. Положение относительно пояса фиксируется у 44 изображенных изделий этой серии. Положение снизу и сверху от пояса примерно одинаково по количеству: 21 и 23 соответственно.

В 15 случаях кинжалы расположены хаотично среди других реалий. Особо стоит отметить несколько интересных композиций: четыре раза кинжал наложен поверх пояса, перекрывая его, один раз он скрещен с топором, при этом клинок повернут окончанием вверх (рис. 1: 5–8). Для группы кинжалов «без ножен» выделяется еще одна, нехарактерная для изделий в ножнах локация: в верхней части лицевой грани, сразу под линией ожерелья или тремя полосами, при этом кинжал находится под небольшим наклоном. Такое расположение, так же как и некоторые другие варианты (среди остальных реалий поверх пояса), показывает, на наш взгляд, что клинковое оружие находится в боевой позиции (Лихачева, 2023, с. 115). Подобная трактовка кажется нам вполне вероятной, поскольку для других видов оружия четко фиксируется боевое и небоевое положение. В частности, это ярко читается по лукам, которые могут быть представлены как помещенными в горит, то есть приготовленными к транспортировке, так и с натянутой тетивой и вложенной на нее стрелой (Волков, 2002, рис. 4.-1; 13; 14; 15; 22; 31.-1; 34.-2).

Кроме уже указанных, была выделена третья группа, которую можно обозначит как кинжалы «в простых ножнах». В нее входят изображения кинжалов без бутероли, но находящиеся снизу или сверху от пояса и «прикрепленные» к нему ремешком (рис. 1: 9–10). Типы крепления, их расположение полностью аналогичны тем, что фиксируются в первой группе. Таким образом, на наш взгляд, изделия явно продемонстрированы в момент транспортировки, а значит, находятся в ножнах. Но, по всей вероятности, они имеют максимально простую форму, повторяющую клинок кинжала. Всего таких изображений зафиксировано 14. Относительно граней «оленного» камня информация есть по 10 изображениям. Равномерно распределение между левой и правой гранями – по четыре раза. Два раза кинжалы расположены на лицевой грани.

Для наглядности приведем полученные данные в таблице:

Таким образом, на основании проанализированного материала могут быть выделены следующие критерии, позволяющие опреде-

Таблица. 1. Группы изображений кинжалов на «оленных» камнях Монголии.
Table 1. Groups of dagger depictions on the deer stones in Mongolia.

Всего учтено изображений	202
Кинжалы «в ножнах»	104
Кинжалы «без ножен»	83
Кинжалы в простых ножнах	14
Изображение плохо читается из-за повреждений	1

лить наличие или отсутствие ножен у кинжалов с «оленных» камней:

Наиболее показательным является наличие на изображении бутероли, являющейся конструктивной частью ножен.

Орнаментация клинковой части кинжала. Как показывают вещественные источники, для рассматриваемого периода и территории не характерна традиция украшения боевой части клинкового оружия. Следовательно, орнамент представлен на футляре, в который помещен кинжал.

Изображение ремешка, при помощи которого кинжал крепится к поясу. Данный элемент указывает на то, что изделие находится в позиции для транспортировки, а значит, помещено в ножны.

В свою очередь, свободная локация кинжала среди других реалий, особенно размещение его в верхней части изваяния под ожерельем или полосами, обозначающими лицевую часть антропоморфа, могут указывать на боевое положение оружия. Соответственно, при отсутствии указанных в п. 1 и

Рис. 2. Кинжалы в ножнах и без ножен, изображенные на «оленных» камнях Монголии.
Fig. 2. Daggers in scabbards and unsheathed ones, depicted on the deer stones in Mongolia.

2 признаков с большой долей вероятности можно говорить о том, что изделие вынуто из ножен.

Стоит отметить следующий момент: в случаях с луками на «оленном» камне могут быть показаны отдельно и сам предмет вооружения, и снаряжение для него. Например, у пояса горит, а в верхней части лук с натянутой тетивой (Волков, 2002, табл. 75.-2; 81.-2). Для клинкового оружия пока такая ситуация, чтобы были отдельно показаны и ножны, и сам кинжал, не зафиксирована. Возможно, это особенность изобразительной традиции.

Проведенный анализ изображений кинжалов на «оленных» камнях показал, что в рассмотренной выборке изделия в ножнах составляют чуть больше половины. Эти данные расходятся с теми, что приводились ранее, когда авторы указывали, что кинжалы «в ножнах» составляют большую часть всех изображений (Савинов, 1994, с. 99; Поляков, 2021, с. 635). Возможно, с увеличением корпуса источников данный показатель еще будет колебаться. На основании анализа материала приведены критерии разграничения изображений. При их выделении учитывались не только особенности иконографии самого предмета, но и его положение на гранях изваяния и относительно других реалий. Последнее позволило предварительно установить, что для кинжалов, так же как и для луков, характерно наличие небоевой и боевой позиций. Последняя, в том числе, может демонстрироваться через отсутствие ножен. Кроме двух четко читающихся групп была установлена также еще одна – «в простых» ножнах, принадлежность которой устанавливается по наличию ремешка для крепления к поясу. Все выявленные данные должны помочь при последующей систематизации и интерпретации накопленного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Хар говь, Суртийн дэнж. СПб.: Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, 2021. 160 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Культура оленных камней Монголии и сопредельных регионов. Научный каталог. Том I / Ред. Ц.Турбат. 2-е отред. изд. Уланбатор, 2021. 496 с. (на монг.)

Лихачева О.С. Изучение изображений кинжалов на «оленных» камнях: историографический обзор // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 35–37.

Лихачева О.С. Разработка базы данных о кинжалах, изображенных на «оленных» камнях Внутренней Азии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2023а. С. 258–262.

Лихачева О.С. «Оленные» камни как источник при создании графических реконструкций // Stratum plus. 2023б. № 3. С. 89–96.

Лихачева О.С. Изображения кинжалов на «оленных» камнях Монголии // Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023621733, 29 мая 2023. Заявка № 2023621352 от 15 мая 2023.

Поляков А.В. Аналогии бронзам из Минусинских котловин на оленных камнях Монголии // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 634–642.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 209 с.

Тишкин А.А. «Оленные» камни как отражения культа предков и вождей: результаты изучения археологических комплексов в долине Буянта (Монгольский Алтай) // КСИА. 2013а. Вып. 229. С. 44–56.

Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине реки Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. № 1 (7). С. 73–90.

Тишкин А.А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением меча и панциря // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 117–123.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Об использование «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/1 (84). С. 221–229.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.

Информация об авторе:

Лихачева Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); lihaolga@yandex.ru

REFERENCES

Volkov, V. V. 2002. *Olennye kamni Mongolii (Deer stones of Mongolia)* Moscow: "Nauchnyy mir" Publ. (in Russian).

Kovalev, A. A., Erdenebaatar, D. 2021. *Olennye kamni v rituale drevnikh kochevnikov Mongolii. Har gov', Surtijn denzh (Deer stones in the ritual of the ancient nomads of Mongolia). Khorgov, Surtijn danj)* Saint Petersburg: Saint Petersburg State Museum-Institute of the Roerich Family (in Russian).

Kubarev, V. D. 1979. *Drevnie izvayaniya Altaya (olennye kamni) (Ancient sculptures of Altai (deer stones))* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Turbat, Ts. (ed.). 2021. *Kul'tura olennykh kamney Mongolii i sopredel'nykh regionov. Nauchnyy katalog (The culture of deer stones in Mongolia and neighboring regions. Scientific catalogue)* I. Ulanbator (in Mongolian)

Likhacheva, O. S. 2022. In Molodin, V. I. (ed.). *Izuchenie drevney istorii Severnoy i Tsentral'noy Azii: ot istokov k sovremennosti (Research into ancient history of Northern and Central Asia: from the origins to the present)* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 35–37 (in Russian).

Likhacheva, O. S. 2023. In Tishkin, A. A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktualnyh problem evraziiskoi arheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 3. Barnaul: Altay State University Publ., 258–262 (in Russian).

Likhacheva, O. S. 2023. In *Stratum plus* (3), 89–96 (in Russian).

Likhacheva, O. S. *Izobrazheniya kinzhalov na «olennykh» kamnyakh Mongolii (Images of daggers on the deer stones of Mongolia).* Certificate of state registration of the database No. 2023621733, May 29, 2023. Application No. 2023621352 dated May 15, 2023.

Polyakov, A. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 634–642 (in Russian).

Savinov, D. G. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii (Deer stones in the culture of Eurasian nomads)* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Tishkin, A. A. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 229, 44–56 (in Russian).

Tishkin, A. A. 2013. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 7 (1), 73–90 (in Russian).

Tishkin, A. A. 2016. In *Vestnik TGU. Istoriia* (*Tomsk State University Journal of History*) 42 (4), 117–123 (in Russian).

Tishkin, A. A., Shelepova, E. V. 2014. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4/1(84), 221–229 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Erdene-Ochir, N. 2011. *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.) (Military skills of the ancient nomads in Mongolia (II millennium – III century BC))* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Likhacheva Olga S., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University (Barnaul, Russia); lihaolga@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2025 г.
Статья принята к публикации 01.04.2025 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ: ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.71.79

Е.П. КАЗАКОВ ОБ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

©2025 г. Т.Б. Никитина

В статье обобщены научные выводы и отдельные высказывания Е.П.Казакова о культуре и истории поволжских финнов в эпоху средневековья. По мнению Е.П. Казакова, поволжские народы имели яркую самобытную культуру, отличную от болгарской, и в отличие от угорского населения, не участвовали в этногенезе болгар, поэтому изучались им в контексте взаимодействия с болгарами в области культурной, экономической и торговой сфер в рамках периодизации истории Волжской Болгарии. Ранний этап взаимоотношений поволжских финнов с волжскими болгарами отличается пассивностью. Расцвет взаимоотношений приходится на середину X – начало XIII вв. и связан с развитием ремесла в Волжской Болгарии и с активизацией деятельности болгарских купцов. Торговые контакты имели двусторонний характер: поставляя поволжским финнам значительное количество различного товара, болгары покупали кроме мехов и продуктов, преимущественно охоты, различные украшения. Учитывая, что украшения финно-угорского облика болгарами использовались не по прямому назначению, Е.П. Казаков делает вывод об отсутствии контактов этнического порядка. Исследователь также отмечает, начиная со второго этапа, неоднократные факты переселения финно-угорского населения на территорию Волжской Болгарии. Многие вывода автора подтверждены и дополнены современными исследованиями.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, мордва, марийцы, мурома, мещера, меря, культурные связи, торговые контакты.

E.P. KAZAKOV ON THE HISTORY AND CULTURE OF THE VOLGA FINNS IN THE MIDDLE AGES

T.B. Nikiina

The article summarizes the scientific conclusions and individual statements of E.P. Kazakov concerning the culture and history of the Volga Finns in the Middle Ages. According to E.P. Kazakov, the Volga peoples had a bright original culture different from the Bolgar one, and unlike the Ugric population, did not participate in the ethnic genesis of the Bolgars, therefore they were studied in the context of interaction with the Bolgars in the field of cultural, economic and trade spheres within the the periodization of the history of Volga Bolgaria. The early stage of the relationship between the Volga Finns and the Volga Bolgars is characterized by passivity. The flourishing of these relations occurred from the the X – beginning of the XIII centuries and was linked to the development of crafts in Volga Bolgaria and the increased activity of Bulgar merchants. Trade contacts were bilateral in nature: supplying the Volga Finns with a significant amount of various goods, the Bolgars bought, in addition to furs and hunting products, various jewelry. Considering that the decorations of the Finno-Ugric appearance were not used by the Bolgars for their intended purpose, E.P. Kazakov concludes that there are no ethnic-level contacts. The researcher also notes, starting from the second stage, numerous instances of Finno-Ugric population migration into the territory of Volga Bolgaria. Many of the author's conclusions are confirmed and supplemented by contemporary research.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Mordovians, Mari, Muromians, Meshchera, Meryans, cultural links, trade contacts.

В многогранной палитре научного творчества Е.П. Казакова заметное место заняла тематика по изучению соседних с Волжской Булгарией поволжских и пермских финно-угров.

По мнению Е.П. Казакова, в отличие от угорского населения поволжские финны не участвовали в этногенезе болгар, поэтому они изучались в контексте взаимодействия с

болгарами в области культурной, экономической и торговой сфер.

Интерес Е.П. Казакова к этой теме возник еще в первые годы научной деятельности в контексте изучения материальной культуры ранних болгар. В своей первой публикации, связанной с финно-угорской тематикой, он отмечал незначительное количество вещей поволжских финнов в культуре ранних болгар (Казаков, 1969, с. 133).

Детальный анализ предметов материальной культуры финно-угров в булгарской среде был проведен Е.П. Казаковым в 70-е годы прошлого столетия в связи с началом изучения Танкеевского могильника (Казаков, 1970; 1971, с. 140–146). Несмотря на то, что в первой обобщающей публикации Танкеевского могильника Е.П. Казаков неоднократно использовал аналогии из мордовских древностей, особенно Крюково-Кужновского могильника (бронзовые несомкнутые браслеты с отогнутыми концами, браслет с утолщенными концам, шумящая подвеска круглым щитком и т. д.), исследователь подчеркнул, что в материалах Танкеевки типичных мордовских украшений все же не обнаружено. Аналогичную работу Е.П. Казаков также провел с материалами из памятников Марийского Поволжья и отметил похожую ситуацию. По его заключению, мордовские и марийские племена имели близкую культуру, отличную от булгарской, и не оказали влияния на формирование культуры Волжской Болгарии.

Наиболее активно этой проблемой исследователь занялся с конца 80-х годов XX века, о чем свидетельствуют многочисленные публикации (Казаков, 1985, 1986, 1992, 1992а, 1997, 1999, 1999-а, и др.). Итог работы этого периода обобщен в начале последующего века в монографическом исследовании «Волжские болгары, угры и финны в IX−XIV вв.: проблемы взаимодействия» (Казаков, 2007).

Основные этапы взаимодействия болгар с поволжскими финнами Е.П. Казаков рассмотрел в рамках периодизации истории Волжской Булгарии, в которой выделено три этапа: раннеболгарский, домонгольский, золотоордынский. При этом он учитывал, что на каждом этапе характер контактов зависел от социально-экономических изменений в болгарском обществе и в финно-угорских коллективах, а также от политических событий в регионе.

Для первого этапа, соответствующего раннеболгарскому периоду (вторая половина VIII − первая половина X в. (Казаков 1992, с. 42; 1992а, с. 33)), основываясь на малочисленности найденных финно-угорских вещей в болгарских памятниках, исследователь отметил пассивный характер взаимодействия болгар с поволжскими финнами (Казаков, 1992, с. 43). По его мнению, финское население имело свою, отличную от булгарской культуру с ярко выраженными этномаркерами. Между тем Е.П. Казаков отметил в мордовских памятниках находки предметов болгарского облика, преимущественно связанных с мужской субкультурой, и объяснил большое количество одинаковых вещей тесным контактированием мордвы с населением салтово-маяцкого культурного ареала (Казаков, 1970, с. 256, 1990, с. 62; 1992, с. 43; 1992а, с. 232), «частью которого были и волжские болгары» (Казаков, 2007, с. 80). Мордовские женские этноопределяющие украшения в болгарских памятниках исключительные (единичные случаи в Большетарханском, п. 42 Большетиганского и несколько изделий в Танкеевском), по его мнению, не составляют единых комплексов и использовались не по их прямому назначению (Казаков, 1990, с. 62). Среди мордовских материалов первой половины X в. Е.П. Казаков отметил также поясные наборы, идентичные венгерским (Казаков, 2007, с. 80, 81). Впоследствии эти наблюдения были подтверждены работами современных исследователей (Зеленцова, 2018).

Е.П. Казаков также отмечает отсутствие активных связей болгар с марийским населением, основываясь на слабой заселенности территории Марийского Поволжья в раннеболгарский период и почти полном отсутствии марийских памятников этого времени (Казаков, 1992, с. 43; 1997, с. 34). Появление привозных вещей раннеболгарского облика в марийских памятниках связывается им с влиянием соседей, в том числе и верхнекамских племен (Казаков, 1970, с. 256, 1992а, с. 233). Не исключал Е.П.Казаков и наличие в марийских памятниках салтовских вещей (серьги, перстни, серебряные витые браслеты), которые проникали через болгар по волжской торговой магистрали (Казаков, 1970, с. 256).

Расширение источниковой базы в результате археологических изысканий в последние годы и работа по хронологии погребаль-

ных комплексов из марийских могильников позволили выделить комплексы IX в., рубежа IX–X вв. и первой трети X в.: пп. 3, 5, 10 Веселовского могильника, п. 1 Черемисского кладбища, пп. 10, 23 Кузинских хуторов в верховьях р. Ветлуги, пп. 3–5 Кочергинского могильника на р. Вятке, несколько погребений на Красногорском могильнике на Илети недалеко от впадения в Волгу, пп. 7, 3, 5, жк 13 на могильнике «Нижняя стрелка» и п. 6 на вновь открытом Анаткасинском могильнике на левобережье р. Волги. На Дубовском могильнике погребений ранее X – начала X вв. выделить не удалось. Пояса из погребений Поветлужья и р. Вятки имеют аналогии в материалах Танкеевского и Большетиганского могильников и обнаруживают связи с древностями салтовского круга горизонтов III–V, а также по отдельным элементам с материалами из памятников постсубботцевского типа, которые большинство исследователей связывают с древними мадьярами (Никитина, 2023, с. 165).

Вероятно, в раннеболгарский период на территории, заселенной марийцами, происходили процессы, аналогичные отмеченным Е.П. Казаковым в зоне мордовско-болгарского взаимодействия. Учитывая малочисленность марийских памятников и небольшое количество погребенных на них, процесс этот не фиксируется так четко, как в мордовских материалах.

По периодизации Е.П. Казакова, расцвет взаимоотношений болгар с поволжскими финнами приходится на второй этап культуры Волжской Болгарии (середины X – начала XIII вв.).

Е.П. Казаков отмечает, что со второй половины X в. в результате бурного развития ремесла в Волжской Болгарии и активизации торговли болгарских купцов количество болгарских изделий увеличивается в мордовских и марийских памятниках. В мордовских древностях отмечены такие болгарские изделия: поясные сумочки, коньковые кресала, витые серебряные браслеты, накладки (Казаков, 2007, с. 81). Значительный интерес представляет высказанная Е.П. Казаковым точка зрения относительно возможности существования в XI в. сурских болгар и домонгольского «Сурского княжества» в Пензенском крае со столицей Юловским городищем. Данная сурско-мокшанская группа памятников, по-видимому, оставлена последней волной болгар, не дошедших до р. Волги (Казаков, 1990, с. 65; 2007, с. 82; 2014, с. 231).

Е.П. Казаков отмечал наиболее тесное взаимодействие болгар с марийцами, территория которых располагалась недалеко от центральных районов Волжской Болгарии. Особо выделил две категории вещей, монеты и пояса, которые являются наиболее яркой иллюстрацией активности болгарских купцов. Новые находки и работа по реконструкции поясных наборов последних лет подтвердили, что среди материалов марийских могильников выделяются не только накладки, но и полные поясные наборы с различными типами накладок, в том числе и зооморфными, имеющими аналогии в Волжской Болгарии (Никитина, 2023, с. 174).

Активизация контактов болгар с поволжскими финнами во второй половине X в. связана с появлением постоянных крупных поселений булгар (Старо-Куйбышевское 4, 5, Измерское 1, Семеновские) с развитым ремесленным производством (Казаков, 1985, с. 27–28; 2000, 2002), продукты которых вместе с большим количеством монет являются частыми находками в финских могильниках. Финские вещи, особенно шумящие украшения, в свою очередь, приобретались булгарами.

Этот этап отмечен не только наличием финских вещей в болгарских памятниках, но и проникновением носителей этих вещей, т. е. представителей поволжских финнов, на болгарские земли.

Первое появление окских финнов в стране болгар отмечается во второй-третьей четверти X в. (Казаков, 1995, с. 35; Казаков, 2014, с. 224) или в третьей четверти X века (Казаков, 1994, с. 111; 2003, с. 38; 2007, с. 77).

Е.П. Казакову удалось выделить погребения поволжских финнов на Танкеевском могильнике. Погребения 1044, 1100 и 1101, обнаруженные в 1978 году (Казаков, 1979, 1985, с. 30, 36), стали хрестоматийными объектами, к которым неоднократно обращались и обращаются специалисты, изучающие межэтнические и межкультурные связи в эпоху Средневековья.

В детском погребении 1100 обнаружено два лепных горшка, серьги или височные кольца с напускными бусами, нож, подвеска-уточка и др. изделия совместно с монетой 924/925 гг.

(Беговатов, Казаков, 1990, с. 12–14; Казаков, 1994, с. 111).

Особый интерес представляет женское погребение № 1101. Е.П. Казаков первоначально связал его с муромской культурой, а с 1994 года стал называть мещерским (Казаков, 1994, с. 112).

Е.П. Казаков однозначно прав в том, что погребение связано с поволжскими финнами. На момент определения Е.П. Казаковым культурной принадлежности этого погребения опубликованных обобщающих работ по мурому было мало, а по мещере не было совсем. В результате появления новых материалов и публикаций выделены этнические признаки в культуре каждого из народов поволжско-финской группы: муромы (Бейлекчи, 2005, Гришаков, Зеленеев, 1999), мещеры (Рябинин, 1997, с. 214–235; 1999, с. 67–88;), мордвы (Вихляев, 1977; Вихляев, Петербургский, 1999), марийцев (Архипов, 1973; Никитина, 2002, 2012, 2018).

Сравнение украшений из п. 1101 Танкеевского могильника с материалами из могильников поволжских финнов свидетельствует о сложном составе комплекса. Височные браслетообразные кольца, имеющие на одном конце щиток с отверстием, а на другом – крючок, височные украшения-лунницы из сплошной пластины, ажурные ременные пряжки с шумящими подвесками, пластинчатая гривна с «бахромой» имеют многочисленные аналогии в муромских древностях, где считаются этнодиагностирующими индикаторами (Гришаков, Зеленеев, 1999; Бейлекчи, 2005, Зеленцова, Милованов, 2021).

Классических этномаркеров культуры мещеры (прямоугольные подвески с арочными выступами (1–3) и петлей для подвешивания на центральном выступе и по нижнему краю с кольцами для шумящих привесок (Рябинин, 1999, рис. 2: 18; 3: 1, 3; 4: 25, 27)) в погребении Танкеевского могильника не выявлено. Обнаружены только гривна с «бахромой» и бляха «с дверцей», которые встречаются не только у мещеры, но и у муромы и мордвы (Рябинин, 1999, рис. 3: 9, 10).

Интерес представляют трапециевидные ажурные подвески, выполненные в наборной технике с шумящими подвесками. По форме, характеру использования они соответствуют марийским этноопределяющим украшениям (Никитина, 2002, рис. 24: 7, 8; 27). Подобные украшения иногда встречаются в муромских погребениях, но по способу оформления и места в костюмном комплексе они отличны от марийских. В погр. 143 Малышевского могильника одна подвеска прикреплена к гривне, другая лежала на плече, в погр. 253 Подболотьевского могильника подвеска находилась ниже пояса (Голубева, 1979, с. 51), погребении 57 Поболотьевского также у пояса (Зеленцова, Сапрыкина, 2018, (рис. 3: 19). В погр. 855, 1112 Шокшинского могильника, имеющего связь с муромской культурой, подвески не имеют привесок, найдены у черепа и нанизаны на ремешок, вероятно от ожерелья (Шокшинский могильник, т. 2, рис. 113: 10, 11; 319: 19, 20). В марийском костюме такие подвески носились на груди, попарно, соединенные перекинутым через шею шнуром или цепочкой.

В указанном погр. 1101 Танкеевского могильника они расположены по обе стороны груди, по оформлению и способу ношения соответствуют традициям марийского костюма.

Безусловно, в количественном отношении в комплексе преобладают муромские типы вещей. Остается только сожалеть, что комплекс погр. 1101 Танкеевского могильника не опубликован в полном объеме с детальным описанием погребального обряда и места расположения каждой вещи. Требуют дополнительной проработки с использованием технологических анализов и керамические материалы из финно-угорских погребений Танкеевского могильника.

Учитывая, что в погребении найдены вещи муромского, мещерского и марийского типов, становится очевидным, что костюм женщины из погр. 1101 Танкеевского могильника отражает сложный процесс межэтнической интеграции финно-угорского населения различных групп, проживающих на территории Волжской Болгарии. Такой процесс взаимодействия различающихся между собой по языку и культуре этносов внутри государства или какого-нибудь крупного региона возможен только в результате благоприятных условий для развития этих этносов. Вероятно, именно такие условия существовали в конце X века в Волжской Болгарии. На основании расположения финских погребений на болгарском некрополе Е.П. Казаков также делает заключение о дружественном отношении болгар к переселенцам (Казаков, 1994, с. 112).

Значительный интерес представляет высказанная Е.П. Казаковым гипотеза о том, что в конце XI в. в страну болгар проникают группы мерянского населения (Казаков, 1995, с. 36). Причиной продвижения населения послужили неудачная борьба булгар с Русью за торговый путь по Волге, а также процессы, связанные с христианизацией финнов Верхнего Поволжья (Казаков, 1995, с. 36). Е.П. Казаков неоднократно подтверждал эти свидетельства материалами домонгольских болгарских селищ Западного Закамья (Казаков, 1985, с. 31–32), среди которых фиксировались комплексы волжско-финских вещей. Следствием миграции на восток мерянского населения Е.П. Казаков считает Котловский могильник (Казаков, 1992, с. 48–49; 2024, с. 235). Материалы марийских могильников конца XI – начала XIII вв. (Русенихинский, Выжумские и т. д.) подтверждают тот факт, что на рубеже XI–XII вв. славянизированное финно-угорское население движется в восточном направлении, в том числе частично осваивает Поветлужье (Никитина, 2018, с. 96; 2021, с. 39, 40).

В последующий золотоордынский период связи волжских болгар с поволжскими финнами продолжают развиваться. Е.П. Казаков даже не исключает возможность связей этнического порядка, о чем свидетельствуют отмеченные им группы мордвы на территории Волжской Булгарии (Казаков, 1990, с. 66), оставившие Карташихинский могильник и селище, Муранский могильник и селище (Казаков, 2003, с. 42). Об инфильтрации марийского населения может свидетельствовать керамика славяноидного типа (Казаков, 1985, с. 33).

Таким образом, многие научные гипотезы Е.П. Казакова относительно контактов поволжских финнов с болгарским населением и их развития в сфере влияния Волжской Болгарии в эпоху Средневековья подтверждаются новыми материалами и исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 199 с.

Беговатов Е.А. Казаков Е.П. Птицевидные подвески мери и веси из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Уткин. Иваново: Ивановское областное отделение ВООПИиК, 1990. С. 12–14.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.

Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1999. С. 119–160.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1999. С. 100–113.

Зеленцова О.В. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов правобережья Волги // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6-10 июня 2016 г.) / Ред. Тюрк Аттила, А. С. Зеленков. Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft., 2018. С. 379–301.

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам Подболотьевского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (28). С. 220–237.

Казаков Е.П. О финно-угорском компоненте в культуре ранних булгар // Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений) май-июнь 1969 г. / Ред. В.А. Акцорин, Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Респ. тип., 1969. С. 132–133.

Казаков Е.П. О характере связей поволжских финно-угров с населением ранней Волжской Болгарии // Лингвистика, фольклористика, этнография, археология / Вопросы финно-угроведения. Вып. V / Отв. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1970. С. 253–260.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–155.

Казаков Е.П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 177–178.

Казаков Е.П. О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1985. С. 24–37.

Казаков Е.П. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжским и финнами по археологическим данным // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию рус.-булгар. договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 62−74.

Казаков Е.П. О связях волжских болгар с мордвой по археологическим материалам // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. II. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1990. С. 61–67.

Казаков Е.П. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 42–50.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992а. 335 с.

Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с окскими финнами // Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы научной конференции) / Научн. ред. В.П. Челяпов. Рязань: РГПУ, 1994. С. 111–112.

Казаков Е.П. Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурно-хронологическая специфика этапов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Мат-лы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995. С. 35–37.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997. № 1. С. 33–53.

Казаков Е.П. Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X−XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. и сост. Ф. Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 63−71.

Казаков Е.П. Этнокультурное взаимодействие волжских булгар с населением Марийского Поволжья в X−XI вв. // Finno-Ugrica. 1999а. № 2–3. С. 40–41.

Казаков Е.П. Измери − главный торговый пункт Волжской Болгарии (кон. X−XI вв) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории (11-14 мая 1999. Пушкинские Горы) / Ред. А.Н. Кирпичников, Е.Н.. Носов, А.И. Сакса. СПб: Вести, 2000. С. 87–99.

Казаков Е.П. О волжско-болгарском компоненте в древностях Великого волжского пути // Великий волжский путь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 53–62.

Казаков Е.П. Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX−XIII вв. // Уваровские чтения − V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома / Ред. Т.Б. Купряшина, Ю.М. Смирнов. Муром: Стерх, 2003. С. 38–42.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Хронология Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 222–241.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. №. 3. 240 с.

Никитина Т.Б. Планиграфия могильников Ветлужско-Вятского междуречья X-рубежа XI/XII // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследования» / ред.-сост. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 29–40.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Будапешт: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet, 2023. 228 с.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.

Рябинин Е.А. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1999. С. 67–88.

Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983-1993, 1995 гг. в двух томах. Т. 1 / сост. О. В.. Зеленцова, С. В. Видяйкин, Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин, Ю. В. Григорьев, Р. Е. Головин; ред. Н.А. Макаров и др. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2023. 480 с.

Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983-1993, 1995 гг. в двух томах. Т. 2 / сост. О.В.. Зеленцова, С.В. Видяйкин, Е.Н. Кемаев, А.С. Пронин, Ю.В. Григорьев, Р.Е. Головин; ред. Н.А. Макаров и др. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2023. 480 с.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th–11th Centuries: to the Isuue on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Begovatov, E. A., Kazakov, E. P. 1990. In Utkin, A. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya (Archaeological sites of the Volga-Klyazma interfluve)* 4. Ivanovo: Ivanovo Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, 12–14 (in Russian).

Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti letopisnoi muromy. Pogrebal’nyi obriad i poseleniia (Antiquities of the Chronicles’ Muroma Tribe: Burial Rite and Settlements)*. Murom: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Peterburgsky, I. M. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh’ia i Priural’ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 119–160 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukasheniya finno-ugrov (Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugrians)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grishakov, V. V., Zeleneev Yu. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh’ia i Priural’ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 100–113 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht: Pauker Nyomdaipari Kft., 379–301 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Saprykina, I. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (1), 220–237 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1969. In Aktsorin, V. A., Arkhipov, G. A., Kazantsev, D. E. (eds.). *Vsesoyuznaya konferentsiya po finno-ugrovedeniyu (tezisy dokladov i soobshcheniy) may-iyun' 1969 g. (All-Union conference on Finno-Ugric studies (abstracts and reports) May-June 1969)*. Yoshkar-Ola: “Resp. tip.” Publ., 132–133 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1970. In Galkin, I. S. (ed.). *Lingvistika, fol'kloristika, etnografiya, arkheologiya (Linguistics, folklore studies, ethnography, archaeology)*. Series: Voprosy finno-ugrovedeniya (Issues of Finno-Ugric studies) 5. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 253–260 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh’ia (The Issues on Ethnic genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: “Tatpoligraf” Publ., 94–155 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g. (Archaeological Discoveries in 1978)*. Moscow: “Nauka” Publ., 148 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 24–37 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 62−74 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1990. In *Iz istorii oblasti. Ocherki kraevedov (From the History of the Region. Essays by Local Historians)* 2. Penza: Penza: "Penza book publishing house" Publ., 61–67 (in Russian).

Kazakov, E. O. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 42–50 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1994. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie. Pamiatniki arkheologii Tsentral'noi Rossii: okhrannoe izuchenie i muzeefikatsiya (Historical and Cultural Heritage. Archaeological Sites of Central Russia: conservation study and museification)*. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University, 111–112 (in Russian

Kazakov, E. P. 1995. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Uzlovye problemy sovremennogo finno-ugrovedeniia. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Key Issues of the Modern Finno-Ugric Studies. Proceedings of the First All-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers)*. Yoshkar-Ola: Research Center of Finno-Ugric Studies, 35–37 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1997. In *Finno-Ugrica.* (1), 33–53 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 63−71 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1999. In *Finno-Ugrica.* (2–3), 40–41 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N., Nosov, E. N., Saksa, A. I. (eds.). *Slavyane, finno-ugry, skandinavy, volzhskie bulgary. Doklady mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma po voprosam arkheologii i istorii (11-14 maya 1999. Pushkinskie Gory) (Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bolgars. Reports of the International scientific symposium on archaeology and history (May 11-14, 1999. Pushkinskiye Gory)).* Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 87–99 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2002. In Khuzin, F, Sh. (ed.). *Velikiy volzhskiy put' (The Great Volga Route). Kazan: "Master-Layn" Publ., 53–62 (in Russian).*

Kazakov, E. P. 2003. In Kupryashina, T. B., Smirnov, Yu. M. (eds.). *Uvarovskie chteniya − V. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1140-letiyu g. Muroma (Uvarov readings − V. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 1140th anniversary of Murom).* Murom: "Serkh" Publ., 38–42 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kazakov, E. P. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 222–241 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Nikitina, T. B. 2018. *Rusenikhinskiy mogil'nik (Rusenikhino burial ground).* In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (3) (in Russian).

Nikitina, T. B. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroy poloviny I – nachala II tysyacheletiya n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskiy mogil'nik: 100 let issledovaniya» (Finno-Ugric antiquities of the second half of the I – beginning of the II millennium AD. Proceedings of the scientific seminar "Podbolotye burial ground: 100 years of study").* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–40 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX–XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluga-Vyatka interfluve, IX-XI centuries)*. Budapesht: BTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoport – Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet (in Russian and Hungarian).

Ryabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave drevnei Rusi (Finno-Ugric Tribes as a Part of Ancient Rus)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Ryabinin, E. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 67–88 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Vidyaikin, S. V., Kemaev, E. N., Pronin, A. S., Grigor'ev, Yu. V., Golovin, R. E. (comp.), Makarov, N. A. et al. (eds.). 2023. *Shokshinskiy mogil'nik. Materialy raskopok 1983-1993, 1995 gg. v dvukh tomakh (Shoksha burial ground. Materials of the 1983-1993, 1995 excavations in two volumes)* 1. Saransk: Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

Zelentsova, O. V., Vidyaikin, S. V., Kemaev, E. N., Pronin, A. S., Grigor'ev, Yu. V., Golovin, R. E. (comp.), Makarov, N. A. et al. (eds.). 2023. *Shokshinskiy mogil'nik. Materialy raskopok 1983-1993, 1995 gg. v dvukh tomakh (Shoksha burial ground. Materials of the 1983-1993, 1995 excavations in two volumes)* 2. Saransk: Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.80.93

ИТОГИ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА СТОЯНКИ БОЛЬШАЯ РАКОВКА II[1]

©2025 г. И.Н. Васильева, А.И. Королев

В статье анализируется керамика позднего энеолита стоянки Большая Раковка II (Самарская обл.). Для нее характерно господство прямостенных форм сосудов с округлыми днищами. В орнаменте преобладают оттиски гребенчатых штампов при наличии ямчатых и веревочных вдавлений. На основе морфологического анализа такая керамика была отнесена к чекалинскому типу бассейна р. Сок. Характеристика керамики близка материалам позднего энеолита на сопредельных территориях: от Нижнего Поволжья до лесной полосы Средней Волги и Нижнего Прикамья. Наиболее близкое соответствие такая керамика имеет в токских материалах (бассейн р. Самары). Памятник имеет большое значение для исследования вопросов культурной принадлежности, происхождения, хронологии и периодизации позднего энеолита Среднего Поволжья. Для разработки этих вопросов было предпринято изучение керамики стоянки с помощью технико-технологического анализа по методике А.А.Бобринского. Были выделены массовые традиции использования илистых глин в. качестве сырья, дробленой раковины и органического раствора в формовочной массе. Было выявлено, что керамика чекалинского типа не однородна. Наибольшую разнородность показала группа керамики, орнаментированной гребенчатыми штампами.

Ключевые слова: археология, энеолит, Среднее Поволжье, керамика, стоянка Большая Раковка II, междисциплинарный подход, технико-технологический анализ керамики по методике А.А.Бобринского

THE RESULTS OF THE TECHNICAL-TECHNOLOGICAL STUDY OF CERAMICS FROM THE LATE ENEOLITHIC CAMPSITE OF BOLSHAYA RAKOVKA II[2]

I.N. Vasilyeva, A.I. Korolev

The article analyzes the ceramics of the Late Eneolithic campsite of Bolshaya Rakovka II (Samara region). It is characterized by the complete predominance of straight-walled vessel forms with rounded bottoms. The ornamentation primarily features impressions from comb-shaped stamps, alongside pit and cord impressions. Based on morphological analysis, such pottery were attributed to the Chekalino type of the Sok River basin. The characteristics of ceramics are similar to the materials of the Late Eneolithic in the adjacent areas: from the Lower Volga region to the forest zone of the Middle Volga and the Lower Kama region. The closest parallels for this pottery are found in the Tok materials (Samara River basin). The site is of great importance for the study of issues of cultural affiliation, origin, chronology and periodization of the Late Eneolithic of the Middle Volga region. To develop these issues, a study of the ceramics of the campsite was undertaken using a technical-technological analysis according to the method by A.A. Bobrinsky. This study identified widespread traditions of utilizing silty clays as raw material, crushed shell additives, and organic temper in the molding paste. It revealed that the Chekalino type ceramics are not homogeneous. The greatest variability was observed in the group of ceramics decorated with comb-shaped stamps.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Middle Volga region, ceramics, campsite of Bolshaya Rakovka II, interdisciplinary approach, technical-technological analysis of ceramics according to the method by A.A. Bobrinsky

Введение

В последней трети XX в. в лесостепном Поволжье происходил процесс интенсивного поиска и раскопок памятников позднего энеолита, анализ которых приводил к открытию и выделению новых культурных типов. Работа-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-01638 «Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации».

[2] The research was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01638 "The Eneolithic of the forest-steppe Volga River region: traditions and innovations".

ми И.Б. Васильева, Н.Л. Моргуновой и других исследователей были выделены токский и турганикский культурные типы керамики (Васильев, 1981, с. 51–54; Моргунова, 1989, с. 121–122); материалы волосовской культуры (Васильев, 1990, с. 63; Овчинникова, 1991, с. 89–98; Васильев, Овчинникова, 2000, с. 231–237); керамика с «внутренним ребром» (Королев, Овчинникова, 2009, с. 296–304). Еще одна группа материалов эпохи энеолита была выявлена на стоянке Большая Раковка II (Барынкин, Козин, 1991, с. 94–119), которая впоследствии была отнесена к *чекалинскому типу* (Королев, 2021, с. 116–119). Она и стала объектом нашего изучения. Для самого крупного энеолитического комплекса этой стоянки П.П. Барынкин и Е.В. Козин очертили широкий круг аналогий, в который вошли материалы стоянок Нижнего Прикамья и степного Нижнего Поволжья. Однако в качестве наиболее близких были указаны материалы токского и турганикского типов, а также отмечено присутствие посуды гаринско-борского облика (Барынкин, Козин, 1991, с. 114–116). Выявленная на Чесноковской стоянке керамика третьей группы, аналогичная большераковской, была сопоставлена с волосовской культурой (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 79). Н.Л. Моргунова в керамике этих стоянок отметила токские признаки (Моргунова, 2011, с. 79). И.Б. Васильев локализовал токский тип в бассейне р. Самары (Васильев, 1990, с. 53). А.А. Шалапинин поддержал северную линию аналогий (Шалапинин, 2011, с. 17), а В.В. Ставицкий высказался за южные параллели большераковской коллекции и предположил ее переходный характер от алексеевско-алтатинских к токским древностям (Ставицкий, 2011, с. 231). Многочисленные аналогии и сложность культурной идентификации этой группы керамики во многом обусловлены сочетанием признаков, соответствующих керамической посуде отмеченных культур и типов.

Для решения проблемы культурного определения анализируемой группы керамики был выбран междисциплинарный подход, основанный на сочетании методов морфологического и технико-технологического изучения керамики по методике А.А. Бобринского. Его применение для исследования керамики чекалинского типа с поселения Лебяжинка VI привело к положительным результатам (Васильева и др., 2019; Васильева, 2024, с. 264–276).

Целью данной работы является введение в научный оборот результатов технико-технологического анализа керамики чекалинского типа стоянки Большая Раковка II. В статье приводятся также итоги анализа энеолитической керамики других типов из слоя данной стоянки, которые имеют значение для сравнительного анализа гончарных традиций разных культурных групп населения эпохи энеолита. По нашему мнению, более тщательное изучение «старых» коллекций с использованием современных подходов и методик актуально и необходимо для успешного решения многих вопросов истории Поволжья в эпоху энеолита – важного исторического периода, в рамках которого происходил переход от присваивающих форм хозяйства к производящим.

Источники: для изучения приемов изготовления керамики привлекались развалы, венчики и крупные стенки сосудов, обладающие четкими морфологическими признаками принадлежности к определенным культурным типам керамики стоянки. Всего было проанализировано 112 образцов: из них 82 чекалинского типа; неолитоидного облика – 8 экз.; самарско-хвалынского – 3 обр.; алексеевского – 2; лебяжинского – 3; керамики с «внутренним ребром» (гундоровского типа) – 5; репинского – 9.

Методика: историко-культурный подход к изучению древнего гончарства на основе сочетания морфологической группировки керамического материала (разделения на культурные типы в соответствии с формами венчиков, днищ, орнамента) и технико-технологического анализа керамики по методике А.А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, физическое моделирование) (Бобринский, 1978; 1999). Полученная информация была обобщена и охарактеризована по следующим направлениям: 1) представления гончаров об исходном пластичном сырье (далее – ИПС); 2) традиции подготовки формовочных масс (далее – ФМ); 3) способы конструирования, формообразования и обработки поверхностей сосудов; 4) приемы придания прочности и влагонепроницаемости изделий. Данные об ИПС и ФМ обобщены в статистических таблицах (табл. 1–4) и иллюстрированы микрофотографиями (рис. 1–2).

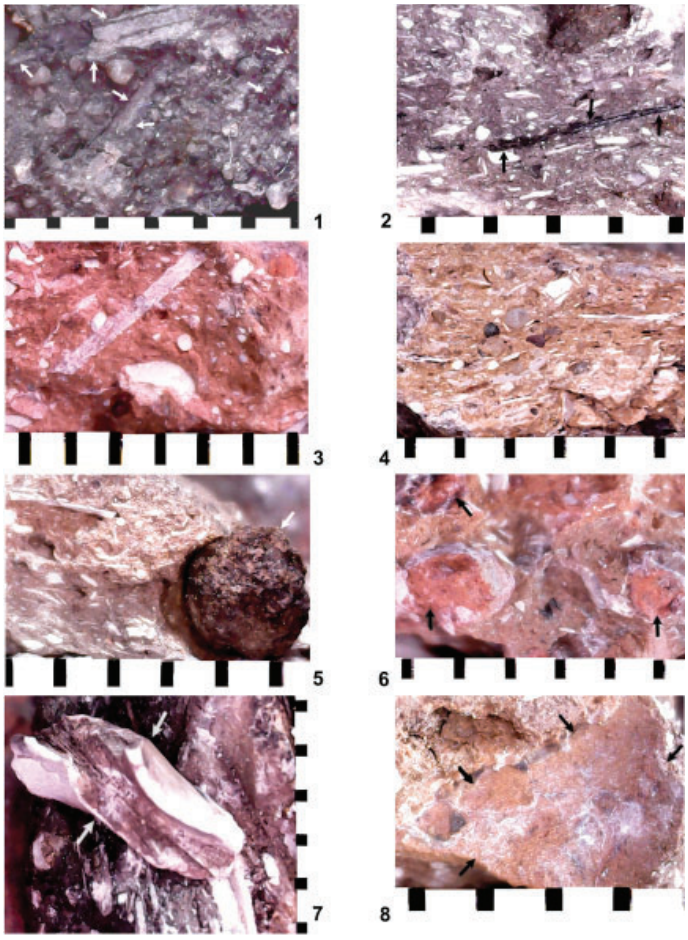


Рис. 1. Стоянка Большая Раковка II. Исходное пластичное сырье керамики (микрофотосъемка): 1 – остатки растительности в илах; 2 – остатки растительности в илистых глинах; 3 – жирная илистая глина; 4 – тощая илистая глина; 5 – оолитовый бурый железняк; 6 - комочки не растворившейся чистой глины; 7 – кость; 8 – отпечаток чешуи рыбы.

Fig. 1. Campsite of Bolshaya Rakovka II. The initial plastic raw materials of ceramics (microphotographs): 1 – vegetation remains in silts; 2 – vegetation remains in muddy clays; 3 – thick muddy clay; 4 – thin muddy clay; 5 – oolitic brown iron ore; 6 – clumps of undissolved pure clay; 7 – bone; 8 – fish scale imprint.

«Представления гончаров об ИПС» являются наиболее устойчивыми звеньями гончарной технологии, которые даже в условиях смешения разных групп населения остаются неизменными очень долгое время, что позволяет обратиться к истории сложения этих трудовых навыков (Бобринский, 1999). По результатам анализа энеолитической керамики стоянки Большая Раковка II зафиксировано использование древними гончарами илов, илистых глин (ИГ) и глин (Г). Описание и обоснование выделения илистых видов ИПС подробно опубликованы в археологической литературе (Васильева, 2015). Отметим, что включения естественного происхождения, характерные для илистых видов ИПС, прослежены и в керамике стоянки Большая Раковка II. К ним относятся следы водных и наземных растений (рис. 1: 1–2); кости и чешуя рыб (рис. 1: 7–8); обломки раковин пресноводных моллюсков (рис. 1: 3), оолиты бурого железняка (рис. 1: 5); окатанные комочки высокопластичной глины (рис. 1: 6). Исследовательская практика и экспериментальные работы указали на необходимость разделения илов на два подвида: 1) *ил 1* – содержит равномерно распределенные крупные остатки водной и наземной растительности в большой и средней концентрации (такой вид ила характерен для неолитического гончарства Северного Прикаспия); 2) *ил 2* – отличается от ила 1 сравнительно меньшей концентрацией, значительной неравномерностью распределения растительных остатков, наличием сгустков водных растений (этот вид ила встречается в археологических материалах и современных водоемах Среднего

Таблица 1. Исходное пластичное сырье энеолитической керамики стоянки Большая Раковка II
Table 1. The initial plastic raw materials of the Eneolithic ceramics of the Bolshaya Rakovka II

Культурные типы керамики	Исходное пластичное сырье					Итого:
	Илы		Илистые глины		Глины	
	тощие	жирные	тощие	жирные	жирные	
1. Самарско-хвалынский				3 (100%)		3 (100%)
2. Неолитоидный		1 (12,5%)		6 (75%)	1 (12,5%)	8 (100%)
3. Алексеевский				2 (100%)		2 (100%)
4. Чекалинский	2(2%)		9(11%)	71(87%)		82 (100%)
5. Лебяжинский				3 (100%)		3 (100%)
6. С внутренним ребром			2 (40%)	3 (60%)		5 (100%)
7. Репинский	2 (22%)		2 (22%)	5 (56%)		9 (100%)
Всего:	4	1	13	93	1	112
	3,4%	0,8%	12%	83%	0,8%	100%

Примечания: единица изучения – образец, отдельный сосуд

Поволжья) (Васильева и др., 2023). В энеолитических материалах изучаемого памятника зафиксирован только ил 2. Основным видом ИПС в производствах бытовой посуды памятника являлись илистые глины. Прием использования природной глины, которая не содержит остатки растений и водной фауны, зафиксирован в материалах изученной стоянки единично. Далее производилась группировка материала по подвидам ИПС: 1) «тощие» (запесоченные и среднезапесоченные) (рис. 1: 4); «жирные» (слабозапесоченные и незапесоченные) (рис. 1: 3). Данная детализация важна для понимания специфики традиций отбора ИПС, распространенных среди гончаров разных культурных групп населения стоянки.

На ступени составления *формовочных масс* (ФМ) основное внимание уделялось особенностям искусственных примесей и рецептуре ФМ. Выявлены следующие искусственные добавки: органические растворы (далее – ОР) (рис. 2: 5); дробленая раковина (далее – ДР) (рис. 2: 2–3); птичий пух (далее – ПП) (рис. 2: 6–8). Процесс непосредственного создания сосуда состоит из конструирования начина и полого тела, придания сосуду окончательной формы (формообразование), а также обработки его поверхностей. Изучение керамики стоянки Большая Раковка II указало на факт широкого использования скульптурной лепки в форме лоскутного налепливания, на плоскости и в формах-моделях. Были выявлены признаки использования форм-моделей и применения зонального лоскутного налепа (Васильева и др., 2015), а также приема выбивания. Изучение следов обработки поверхностей показало использование заглаживания и уплотнения (без лощения) стенок сосудов. Специфика обжига, обеспечившая керамической посуде прочность и водонепроницаемость, изучалась по следам термического воздействия (состояние минеральных и органических элементов) на образцах керамики и цветовой характеристике поверхностей и слоев в изломах фрагментов.

Материалы и их обсуждение

Ниже предлагается краткая характеристика технологии изготовления энеолитической керамики стоянки Большая Раковка II.

Чекалинский тип. Посуда данного типа представлена в культурном слое стоянки наиболее массово (рис. 3: 1–12, 14). Исследовано 82 образца: развалов, фрагментов придонных и верхних частей от разных сосудов. Получена информация, которая свидетельствует о почти полном распространении взглядов гончаров на илистые глины как сырье (98%) (табл. 1). Только два сосуда обнаружили признаки тощих илов. На уровне традиций отбора илистых глин выявлено преимущественное использование жирных подвидов сырья (87%) (табл. 1), хотя зафиксированы и приемы отбора тощих подвидов илистых глин (11%) (табл.1). Илистые глины использовались в естественно увлажненном состоянии. На ступени составления ФМ определены четыре рецепта: 1) Ил+ОР (2,5%); 2) ИГ+ДР (6%); 3) ИГ+ДР+ОР (84,5%); ИГ+ДР+ОР+ПП (7%) (табл. 2). Наиболее

Таблица 2. Формовочные массы энеолитической керамики стоянки Большая Раковка II
Table 2. Molding masses of the Eneolithic ceramics of the Bolshaya Rakovka II

Культурные типы керамики	Формовочные массы					Итого:
	ОР	ДР	ОР+ДР	ОР+ДР+ПП	ОР+ПП	
1. Самарско-хвалынский			3(100%)			3 (100%)
2. Неолитоидный	1(12%)		7(88%)			8 (100%)
3. Алексеевский			2(100%)			2 (100%)
4. Чекалинский	2(2,5%)	5(6%)	69 (84,5%)	6(7%)		82(100%)
5. Лебяжинский			1(33%)	2(67%)		3(100%)
6. С внутренним ребром				2(40%)	3(60%)	5(100%)
7. Репинский	1(11%)		8(89%)			9(100%)
Всего:	4(3,5%)	5(4,5%)	90(80%)	10(9%)	3(3%)	112 (100%)

Примечания: единица изучения – образец, отдельный сосуд; ОР – органический раствор; ДР – дробленая раковина; ПП – птичий пух.

массовым был рецепт: ИГ+ДР+ОР. В ФМ пяти сосудов не зафиксированы признаки введения ОР. Из общей массы выделяются шесть сосудов, отнесенные к чекалинскому типу по морфологическим особенностям, но изготовленные из ФМ: ИПС+ДР+ОР+ПП. Причем птичий пух был введен в ФМ в незначительной концентрации и представлен в основном остевой частью оперения. Корреляция видов и подвидов ИПС с рецептами ФМ показала (табл. 3), что рецепт ИПС+ОР использовался только в тех производствах чекалинской керамики, где в качестве ИП применялся ил (архаичная традиция). Изготовление посуды без введения ОР (только с ДР) было распространено в производствах, где отбирались илистые жирные глины с пылевидным песком (менее 0,1 мм). Именно к этим производствам относится наибольшее количество сосудов, сделанных из ФМ с ДР в средней концентрации. Прием введения ПП был одинаково связан с отбором как жирных (50%), так и тощих илистых глин (50%) (табл. 3).

Для группы керамики чекалинского типа был установлен способ скульптурной лепки сосудов, все проанализированные образцы содержат признаки применения спиралевидного и лоскутного комковатого налепа. Лоскутный налеп с использованием небольших лоскутов (1×2 см, 1×4 см) зафиксирован

Таблица 3. Исходное пластичное сырье и формовочные массы керамики чекалинского типа стоянки Большая Раковка II
Table 3. Initial plastic raw materials and molding masses of ceramics of the Chekalinsky type of the Bolshaya Rakovka II parking lot

Примеси в формовочных массах	Исходное пластичное сырье				Итого:
	Ил 2	Илистые глины			
	тощие	тощие	жирные		
			П<0,1-0,2мм	П<0,5-1мм	
ОР	2(100%)				2(100%)
ДР			5(100%)		5(100%)
ОР+ДР н/к (в небольшой концентрации)		5(42%)	4(33%)	3(25%)	12(100%)
ОР+ДР с/к (в средней концентрации)		2(3%)	41(72%)	14(25%)	57(100%)
ОР+ДРс/к+ПП		3(50%)	2(34%)	1(16%)	6(100%)
Всего:	2(3%)	10(12%)	52(63%)	18(22%)	82(100%)

Примечания: единица изучения – образец, отдельный сосуд; ОР – органический раствор; ДР – дробленая раковина; ПП – птичий пух; н/к – небольшая концентрация, с/к – средняя концентрация.

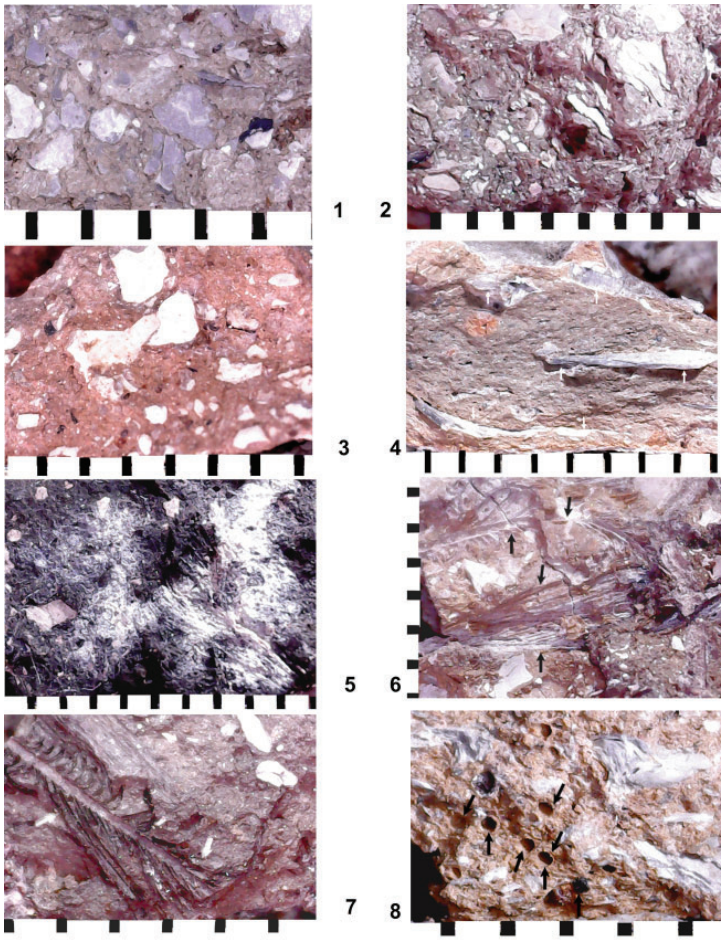


Рис. 2. Стоянка Большая Раковка II. Формовочные массы керамики (микрофотосъемка): 1-4 – дробленая раковина; 5 – органический раствор; 6-8 – птичий пух. Ceramic Molding
Fig. 2. Campsite of Bolshaya Rakovka II. Ceramic molding masses (microphotographs): 1-4 – crushed shell; 5 – organic solution; 6-8 – bird down.

в 11 фрагментах от разных сосудов (13%), высота зон составила 5–6 см. Отмечена доминирующая традиция: около 70% сосудов чекалинского типа изготовлено с использованием колотушки для выбивания стенок (местами до толщины 0,4–0,5 см). Еще один прием моделирования сосудов с применением форм-основ был отмечен на внутренней стороне шести образцов (7%). Следы обработки поверхностей позволили установить, что для заглаживания и уплотнения применялись как твердые орудия, так и мягкие предметы. На внутренней стороне около 30% образцов отмечены следы работы орудием типа гребенчатого штампа, а у четырех образцов они встречены и на внешней поверхности. Отмечено применение разных приемов обработки поверхности, когда она вначале выравнивалась и заглаживалась деревянным ножом и орудием, оставляющим расчесы, и после этого уплотнялась. Прочность и водонепроницаемость сосудов обеспечивалась «холодными» (введение ОР в ФМ) и «горячими» (обжиг) способами. Цвет внешней поверхности проанализированных образцов преимущественно светло-коричневый с серыми пятнами или серый. В изломе полностью преобладает трехцветная керамика с серой или черной сердцевиной. Отмеченная цветность соответствует обжигу на костре с краткой выдержкой при температурах калення 650–700º. Наличие образцов с изломами светло-коричневых оттенков указывает на пребывание части сосудов в окислительной среде в зоне действия температур калення более длительное время. Полученные результаты оказались очень близки ранее полученным данным для соответствующей группы керамики поселения Лебяжинка VI (Васильева и др., 2019, с. 35–36).

Представительность керамики чекалинского типа стоянки Большая Раковка II позволила провести корреляцию данных по гончарной

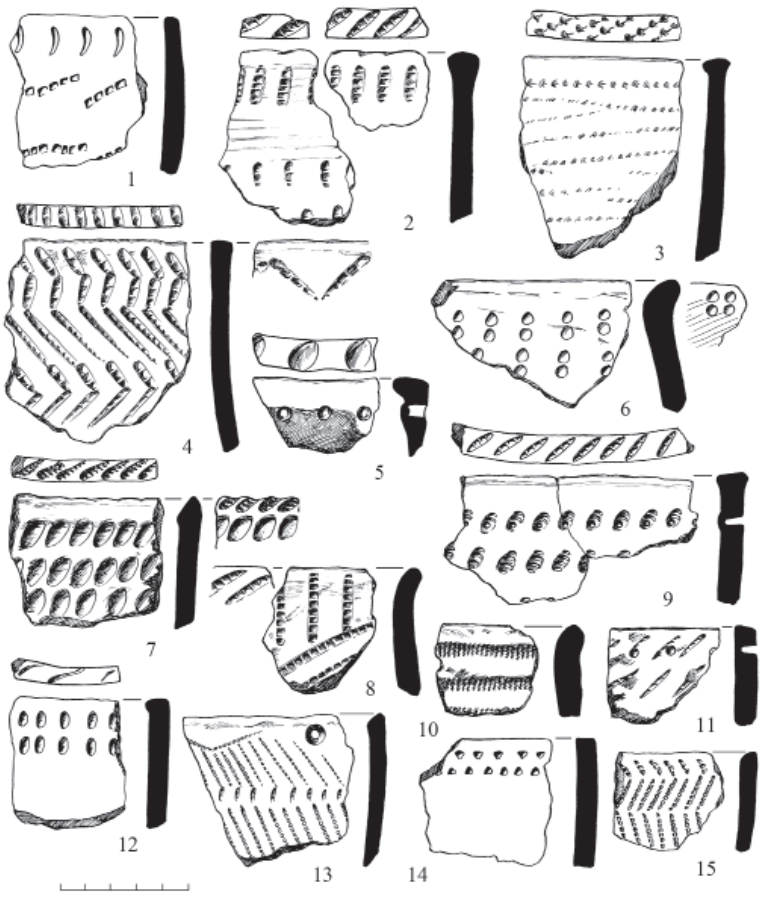


Рис. 3. Стоянка Большая Раковка II. Керамика.
Fig. 3. Bolshaya Rakovka II site. Ceramic.

технологии и технике нанесения орнамента. Для этого были отобраны сосуды с четкими признаками орнаментиров (80 образцов) (табл. 4). Наибольшая часть сосудов была декорирована разными видами гребенчатого штампа – 58% (рис. 3: 2, 4, 8, 11); 22% – веревочным штампом (палочкой, обмотанной нитевидным материалом) (рис. 3: 3, 9, 10); 10% – ямчатым орнаментом (рис. 3: 6, 12, 14); 5% – ямочно-жемчужным пояском под венчиком (постелшанская традиция) (рис. 3: 5, 9, 11). Встречены случаи совместного использования разных орнаментиров при декорировании одного сосуда (рис. 3: 1, 7). Два сосуда не украшены. Для осуществления корреляции были детализированы *технологические группы* керамики чекалинского типа, объединяющие данные по ИПС и рецептам ФМ – всего 10 групп (табл. 4). Эта процедура позволила выяснить, что посуда с гребенчатым штампом изготавливалась в соответствии со всеми десятью выделенными технологическими группами, в том числе и из ила с ОР. Сосуды с веревочным штампом показали взаимосвязь только с двумя технологическими группами, которые характеризуются применением жирных илистых глин и введением примеси ДР в средней концентрации и ОР (в одном сосуде не обнаружены признаки ОР). Эти гончарные традиции в целом являлись самыми массовыми в производствах чекалинской посуды. Керамика с ямчатым орнаментом также может быть отнесена к ним. Сосуды с ямочно-жемчужным орнаментом (4 экз.) практически полностью повторяют взаимосвязи керамики с веревочным и смешанным орнаментом. В целом можно сделать вывод о том, что в среде чекалинского населения в рамках гончарных традиций, получивших распространение в энеолите с приходом южных прикаспийских коллективов, существовали разные орнаментальные традиции (штампование гребенчатым, веревочным, ямчатым и ямочным инструментами, а также их совместное использование на одном сосуде). И только керамика с гребенчатым штам-

пом показала наибольшую разнородность приемов гончарной технологии (применение в качестве ИПС илов, тощих илистых глин и т. д.), которые, по-видимому, были связаны с историей сложения этой группы чекалинского населения. Нами была произведена также корреляция технологических групп керамики с формами сосудов. Были выделены баночные (прямостенные) (около 70%) и горшковидные (с выделенной шеей) (около 30%) сосуды. Она не выявила каких-либо существенных взаимосвязей между этими показателями.

Группа керамики с самарско-хвалынскими чертами. Проанализировано три развала сосудов (рис. 4: 1, 3). Все они сделаны из жирных илистых глин. В ФМ введены искусственные добавки: ДР в средней концентрации, размером менее 3 мм (единично до 4–5 мм) с большим содержанием частиц менее 0,5 мм, а также ОР. Выявлен способ конструирования – зональный лоскутный налеп. Как правило, отдельной зоной была верхняя часть сосуда с воротничком высотой 5–7 см. Предполагается использование форм-моделей, следы которых впоследствии были тщательно заглажены. Существенную роль в формообразовании играл прием выбивания (имеются участки стенок толщиной до 0,4 см). Внешняя поверхность подвергнута тщательному уплотнению, внутренняя – заглаживанию твердым орудием. Можно предполагать длительный период обжига в восстановительной среде при низких температурах и кратковременное пребывание изделий в окислительной среде при высоких температурах.

Группа керамики с неолитоидными чертами. Ее выделение довольно условно, но имеет значение для более точной характеристики керамики чекалинского типа. Изучено восемь сосудов (рис. 3: 13, 15). Выявлены все три вида ИПС: ил 2, илистая глина, природная глина (табл. 1). Основная часть сосудов изготовлена из жирных илистых глин. Сосуд из ила сделан с добавкой только ОР. Рецепт ФМ изделий из глины и илистой глины: ДР+ОР. Раковины пресноводных моллюсков были предварительно подготовлены и введены в ФМ в средней концентрации. Сосуды из всех видов ИПС изготовлены лоскутным налепом с применением приема выбивания. Один сосуд данной группы был сделан посредством зонального лоскутного налепа. Окончательная обработка влажных поверхностей изготовленных изделий (уплотнение и заглаживание) проводилась снаружи мягким материалом, внутри – твердыми орудиями. Два сосуда были заглажены изнутри инструментом типа гребенчатого штампа. Большая часть сосудов обладают трехслойным изломом черепка с осветленными внешними слоями и темно-серой или черной средней частью, что указывает на длительный этап обжига в восстановительной среде при низких температурах и короткое воздействие высоких температур.

Алексеевский тип. Исследовано два сосуда (рис. 4: 4). Оба изготовлены из жирных илистых глин. Рецепт ФМ: ДР+ОР. Примесь ДР добавлена в средней концентрации, размер включений не более 3 мм, с большим содержанием частиц менее 0,5 мм. Способ конструирования: лоскутный налеп, в процессе формообразования применялся прием выбивания. Внешняя поверхность подвергалась заглаживанию гладким орудием, внутренняя – заглаживанию деревянным шпателем и орудием типа гребенчатого штампа. Один сосуд имеет трехцветный излом с осветленными внешними прослоями и темно-серой сердцевиной, излом второго полностью светло-коричневый. Эти факты указывают на распространение различных режимов обжига.

Лебяжинский тип. Представлен двумя развалами и придонной частью сосуда (рис. 4: 5). В качестве ИПС для всех сосудов использованы жирные илистые глины. Два сосуда изготовлены в соответствии с рецептом ДР+ОР+ПП. Один образец (придонная часть сосуда) – без птичьего пуха, только с добавкой ДР и ОР. Дробленая раковина имеет признаки специальной подготовки, введена в условно небольшой и средней концентрации. Птичий пух хорошо выражен и представлен четкими отпечатками. Способ конструирования: лоскутный комковатый налеп, размер лоскутов 3–4 см. Изучение развала крупного сосуда показало использование зонального налепа и вероятность применения формы-основы. В обработке поверхностей сосудов, содержащих добавку ПП, применялся инструмент типа гребенчатого штампа. Отличие выявлено в приемах обжига. Образцы от развалов в изломе двухцветные, снаружи – светло-коричневые, с внутренней – черные. Придонная часть в изломе трехцветная с черной сердце-

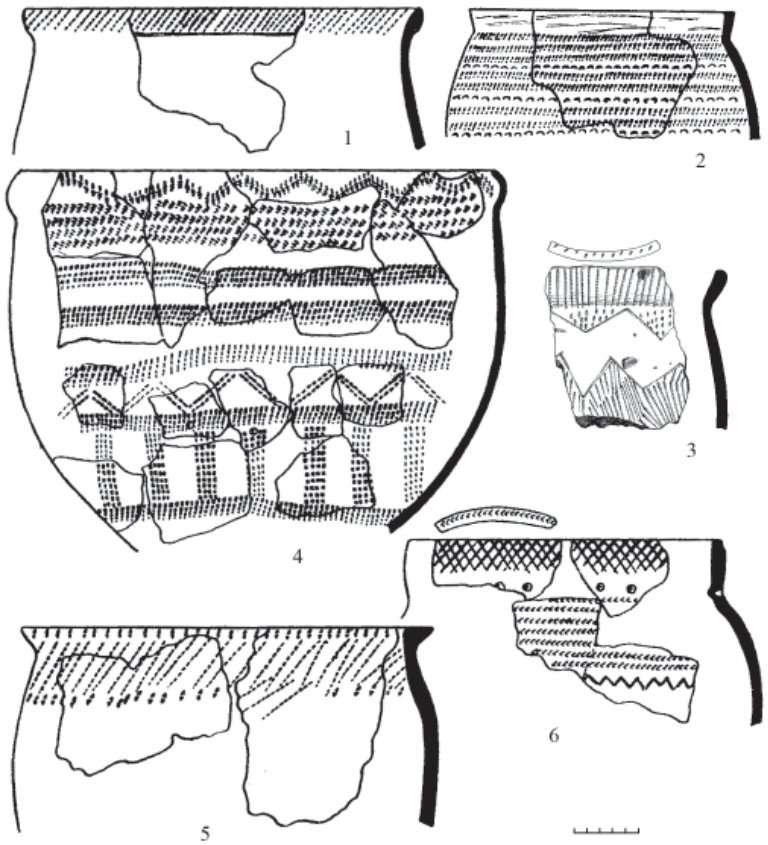


Рис. 4. Стоянка Большая Раковка II. Керамика (1-2, 4-6 – по П.П.Барынкин, Е.В.Козин, 1991).
Fig. 4. Campsite of Bolshaya Rakovka II. Ceramics (1-2, 4-6 – according to P.P. Barynkin, E.V. Kozin, 1991).

виной и коричневыми краевыми прослоями. Эти характеристики соответствуют восстановительному низкотемпературному обжигу и кратковременному пребыванию в зоне нестабильных высоких температур – в кострище.

Группа керамики «с внутренним ребром». Проанализированы фрагменты пяти сосудов (рис. 4: 2). Изделия изготовлены из илистых глин (два из тощих, три из жирных). Рецепты ФМ: 1) ОР+ПП; 2) ОР+ПП+ДР. Все сосуды содержат птичий пух в значительной концентрации. Способ конструирования: лоскутный комковатый налеп в виде многослойного размазывания лоскутков ФМ по форме-основе. Изучение двух сосудов позволило выявить использование зонального налепа. Зафиксирован факт уплощения округлого дна на плоскости после снятия с формы-основы. Поверхность сосудов замыта, на внутренней поверхности двух из них установлено применение орудия типа гребенчатого штампа для заглаживания. Обращает на себя внимание преобладание двухслойных изломов с мощным осветленным прослоем, один сосуд имел сквозной бежевый излом. Лишь у одного сосуда прослежен трехслойный излом со значительной сердцевиной черного цвета. Эти факты указывают на изменение режима обжига изделий, повышение периода их пребывания в зоне действия высоких температур.

Репинский тип. Изучено девять образцов: развалов верхних частей и тулова разных сосудов (рис. 4: 6). Определены два вида ИПС: ил 2 и ИГ (табл. 1). Отбирались тощие илы с кварцевым и цветным песком (менее 0,5 мм), содержащие углефицированные остатки растительности, окатанные комочки чистой глины, мелкие включения раковин, обломки костей рыбы. Один сосуд из ила содержал только ОР. В ФМ второго сосуда из ила фиксировалась искусственная примесь ДР в средней концентрации и ОР. Илистые глины представлены как тощими подвидами (два сосуда), так и жирными (пять сосудов). Все сосуды из илистой глины изготовлены из ФМ ДР+ОР. В качестве способа конструирования предполагается лоскутный налеп с признаками зональности, отмечен прием выбивания при формообразовании. Характерной чертой посуды этого типа являются «расчесы» –

Таблица 4. Результаты корреляции орнаментов и технологических групп керамики чекалинского типа стоянки Большая Раковка II
Table 4. Results of correlation of ornaments and technological groups of ceramics of the Chekalinsky type of Bolshaya Rakovka II site

Технологические группы	Виды орнамента								Всего:
	ГШ	Веревка	ГШ+ веревка	Ямч-атый	Ямч/ веревка	Ямч/ ГШ	Ямч/ жемч	Без орн-та	
1. I (ил)	2/4%								2
II. Илистые глины									
II-1-1	18/41%	12/67%	3/100%	2/40%			2/50%	2/ 100%	39
II-1-2	3/7%			2/40%					5
II-1-3	2/4%	1/5%		1/20%			1/25%		5
II-1-4	3/7%								3
II-2-1	6/14%	5/28%			1/50%	1/100%	1/25%		14
II-2-2	2/4%				1/50%				3
III-1	2/4%								2
III-2	4/8%								4
III-3	3/7%								3
ИТОГО:	45/100%	18/100%	3/100%	5/100%	2/100%	1/100%	4/100%	2/100%	80/100%

Примечания: единица изучения – образец, отдельный сосуд; ГШ – гребенчатый штамп; Ямч.- ямчатый орнамент; жемч. – жемчужный;

рельефные параллельные трассы, оставленные крупным гребенчатым штампом при заглаживании поверхностей сосудов. Изломы сосудов двух-трехслойные с преобладанием прослоев черного цвета. Предполагается обжиг с длительным периодом низких температур и кратковременным этапом нахождения изделий в зоне действия температур каления.

По итогам исследования керамики всех культурных типов можно сделать следующие выводы. Подтвердились ранее полученные данные о домашнем характере гончарного дела в энеолите региона: с ручными способами лепки посуды и использованием кострового обжига. Структура гончарной технологии определяется как *простая*, состоявшая из десяти обязательных и одной дополнительной (орнаментирование) ступеней (Бобринский, 1999, с. 9–11). Распространение навыков отбора илистых глин и их функция как основного компонента, подготовка ФМ с примесью органно-минеральных (ДР) и органических (ПП и ОР) примесей, а также несформированность представлений о термической обработке свидетельствуют о том, что изучаемое гончарство находилось на уровне «архегончарства» (Бобринский, 1999). Следует отметить присутствие в образцах чекалинского и репинского типов единичных примеров использования ила в качестве ИПС, к которым добавлялся только ОР. Эти гончарные традиции были распространены в Среднем Поволжье в эпоху неолита, и их фиксация в керамике неолитоидного облика закономерно отражает участие местного населения в процессе перехода к энеолиту. Получили подтверждение данные о переходе от илов к илистым глинам в энеолите лесостепного Поволжья; о широком распространении традиций введения в ФМ примеси дробленой раковины; появлении ранее неизвестных приемов составления ФМ с птичьим пухом; совершенствовании способов изготовления сосудов и их термической обработки; в целом – эволюционный переход от протогончарного уровня гончарных производств к архегончарному. Совместное сосуществование архегончарных и протогончарных производств энеолитической керамики можно рассматривать как проявление процесса изживания неолитических архаичных гончарных традиций и свидетельство преемственности между неолитическими и энеолитическими группами населения региона (Васильева, 2024). Изучение энеолитической керамики позволило прийти к выводу о том, что новые техноло-

гии в гончарстве появились и получили широкое распространение в Среднем Поволжье с приходом групп населения прикаспийской культуры с территории Нижнего Поволжья, где они «вызрели» в рамках неолитической орловской культуры (Васильева, 2024). На стоянке Большая Раковка II новые гончарные традиции представлены наиболее полно в гончарстве населения самарско-хвалынского и алексеевского типов. Они присутствуют в неолитоидной керамике и получили распространение в группах населения, оставившего керамику чекалинского и репинского типов, у которых, однако, долго сохранялись архаичные неолитические гончарные приемы. Это могло быть результатом их существенной связи с предшествующим неолитическим периодом. В настоящее время не ясен вопрос о появлении особой, неизвестной в неолите, группы населения с традицией ИПС+ПП+ДР. К ней относится керамика лебяжинского типа и посуда с «внутренним ребром». Проблема происхождения этой специфичной традиции и механизма ее распространения в эпоху энеолита на широкой территории является одной из самых актуальных в изучении древнего гончарства.

Заключение

Применение междисциплинарного подхода к изучению керамики эпохи энеолита стоянки Большая Раковка II позволило расширить источниковую базу для решения вопросов происхождения различных групп энеолитических материалов и культурно-хронологического соотношения нео- и энеолитических коллективов Поволжья. Сравнительный анализ данных технико-технологического анализа керамики чекалинского типа стоянки Большая Раковка II и поселения Лебяжинка VI показал совпадение массовых гончарных традиций: навыков отбора ИПС (жирные илистые глины), подготовки ФМ (ИПС+ОР+ДР), способов конструирования, формообразования сосудов и приемов их термической обработки. Таким образом, их принадлежность к одному типу подтвердилась результатами изучения гончарной технологии. Следует подчеркнуть присутствие в коллекции стоянки Большая Раковка II отдельных сосудов, отличных от массово распространенной гончарной технологии керамики чекалинского типа. В случае с керамикой неолитоидного облика это подтверждает выводы о большой роли в процессе формирования материалов чекалинского типа мощного предшествовавшего субстрата – неолитической средневолжской культуры. Наличие чекалинских по внешнему облику сосудов, в которых зафиксирована примесь пуха птиц, несомненно, указывает на существование контактов с представителями иных гончарных традиций, появившихся в Среднем Поволжье в эпоху энеолита. Результаты исследования важны для решения вопроса культурного соотношения керамики чекалинского и токского типов. Полученные данные указывают на близость гончарной технологии керамики чекалинского типа и посуды токского типа Турганикского поселения (Турганикское поселение, 2017, с. 71–73). Общими чертами являются: отбор преимущественно жирных илистых глин; затухание традиции использования илов; массовое распространение добавки в ФМ дробленой раковины; одинаковые приемы конструирования и термической обработки изделий. Имеются и отличия: существование в токских производствах посуды «шамотной» традиции (25% токской керамики), а также единичный рецепт ФМ с тальком. В керамике чекалинского типа на стоянке Большая Раковка II прослежена примесь птичьего пуха, не выявленного в токской керамике. Представляется, что эти факты являются отражением векторов культурного взаимодействия чекалинской и токской групп родственного населения данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СамГПУ, 1991. С. 94–119.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 72–93.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л. А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.

Васильева И.Н. Культурные традиции в гончарстве энеолитического населения Поволжья // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 264–276.

Васильева И.Н., Королев А.И., Шалапинин А.А. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 28–42.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Опыт применения зонального лоскутного налепа в реконструкции способов изготовления крупных сосудов эпохи неолита // СНВ. 2015. № 3 (12). С. 29–36.

Васильева И.Н., Сомов В.В. Керамические комплексы неолитической стоянки Лужки II: морфология и технология (предварительные итоги изучения) // СНВ. 2023. Т. 12. № 3. С. 139–162.

Королев А.И. Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 106–126.

Королев А.И., Овчинникова Н.В. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 296–304.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 118–135.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части России / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. С. 89–98.

Ставицкий В.В. Проблема происхождения гаринской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 229–233.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

Информация об авторах:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru; https://orcid.org/0000 0002 0808 1285

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

REFERENCES

Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 94–119 (in Russian).

Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 72–93. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki I methody izuchenia (East-Evropean Pottery. Sources and Research Methods).* Moscow: "Nauka" Publ. 272 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Studies on the Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (The Eneolithic of the Volga River region (steppe and forest-steppe)).* Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia (Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 52–69 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 216–277 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2015. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16–23 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2024. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes*) 4, 264–276 (in Russian)Vasilieva, I. N., Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e. (Phenomena of cultures of the Early Bronze Age of the steppe and forest-steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the V–III millennium BC)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 28–42 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2015. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Journal of Science).* No. 12 (3), 29–36 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Somov, V. V. 2023. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Journal of Science.* 12 (3), 139–162 (in Russian).

Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 106–126 (in Russian).

Korolev, A.I., Ovchinnikova, N.V. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (7). Tver: "Triada", 296–304 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118–135 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1991. In Archipov, G. A. (ed.). *Pozdniy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy Evropeyskoy chasti Rossii (Late Eneolithic and Early Bronze Age cultures of the forest belt of the European part of Russia)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute, 89–98 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8), I. Tver: "Triada", 229–233 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

About the Authors:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences, Samara State Pedagogical University. M. Gorkogo, st. 65, Samara, 460014, Russian Federation; in.vasil@mail.ru; https://orcid. org/0000 0002 0808 1285

Korolev Arkady I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. Tolstoy St., 47, Samara, 443010, Russian Federation); arkorolev@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК903(470.51)(045) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.94.105

КОМПЛЕКСЫ «КОМИНТЕРНОВСКОГО ТИПА» В БАЛЕЗИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРЕ УДМУРТИИ

©2025 г. Е.М. Черных

В статье представлены некоторые аспекты сравнительного изучения материалов нового раннесредневекового Балезинского могильника в бассейне р. Чепца. Датировка памятника предварительная, в рамках VI–VII вв. В ходе раскопок впервые были получены выразительные факты использования в раннеполомское время двух видов обращения с умершими – ингумация и кремация. Эта особенность позволяет вновь обратиться к проблеме происхождения средневекового населения севера Удмуртии. С появлением в Волго-Камье качественно новых археологических материалов по этому периоду (среди них Коминтерновскому II могильнику отводится особое место), исследователи все чаще обращаются к историко-культурному контексту взаимодействия населения Прикамья и Среднего Поволжья. Хронологическая близость Балезинского могильника с памятниками коминтерновского типа, биобрядность, значимость культов огня и коня в погребальном обряде, а также некоторые параллели в составе погребального инвентаря (сочетание харинских и ранних геральдических гарнитур, украшения-лунницы, наборы бус, в том числе крупных янтарных дисковидной формы) позволяют обратить внимание на существование более тесных связей между двумя регионами.

Ключевые слова: археология, Прикамье, поломская культура, миграционный фактор, биобрядность, кремации, геральдические наборы, украшения-лунницы

"COMINTERN-TYPE" COMPLEXES IN THE BALEZINO BURIAL GROUND OF THE POLOM CULTURE IN THE NORTHERN UDMURTIA

E.M. Chernykh

The article presents some aspects of the comparative study of the new Early medieval Balezino burial ground materials in the basin of the Cheptsa. The preliminary dating of the site is within the VI–VII centuries. During excavations, compelling evidence was uncovered for the first time of two distinct burial practices – inhumation and cremation – being utilized in the early Polom period. This feature prompts a renewed examination of the origins of the medieval population in northern Udmurtia. With the emergence of significant new archaeological materials from this period in the Volga-Kama region (among which the Komintern II burial ground holds particular importance), researchers are increasingly focusing on the historical and cultural context of interactions between the populations of the Kama River area and the Middle Volga region. The chronological proximity of the Balezino burial ground to Comintern-type monuments, biritualism, the importance of fire and horse cults in the burial rite, as well as some parallels in the composition of the grave goods (a combination of Kharino and early heraldic sets, moonlike jevelry, sets of beads, including large amber disc-shaped beads) allow us to draw attention to the existence of closer links between two regions.

Keywords: archaeology, Kama region, Polom culture, migration factor, biritualism, cremation, early heraldic sets, moonlike jevelry

Круглый стол, организованный Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН РТ к 90-летию Евгения Петровича Казакова, был призван продемонстрировать множественный спектр интересов одного из старейшин археологии Волго-Уральского региона. И это в полной мере удалось, что нашло отражение уже в программе мероприятия. «Полевой» багаж Евгения Петровича впечатляет хронологическим размахом и открытиями памятников, занявших бы первые строчки рейтингов, если бы таковые проводились в региональной археологии. Вот и в теме своего доклада я использовала понятие «коминтерновский тип» под безусловным влиянием знакомства с материалами яркого могильника в левобережье Волги, открытого и раскопанного юбиляром.

Рис. 1. Вид на площадку Балезинского могильника. Фото А.Е. Митрякова 2021 г.
Fig. 1. View of the Balezino burial ground area. Photo by A.E. Mitryakov in 2021

Коминтерновский II могильник, датированный VI–VII вв. н. э., выделяется своей обрядностью (сочетанием ингумаций и кремаций) и рядом специфических вещевых наборов (Казаков, 2020). Кремационные погребения содержали в своем составе керамические сосуды именьковского облика, предметы быта и предметы из стекла и металла. Погребения с ингумациями отличаются значительно более ярким составом инвентаря и выразительными признаками погребальных сооружений и погребально-поминальных ритуалов, практикой захоронений частей коня.

В составе женских украшений выделяются парные фибулы оригинальной формы, многочисленные составные украшения из различных по форме пронизок и привесок, ожерелья из крупных янтарных бус. Инвентарь мужских ингумаций представлен наконечниками стрел, деталями седел и конского снаряжения. Поясная гарнитура могильника представлена серией трехсоставных и раннегеральдических пряжек, обладающих диагностирующими признаками, характерными для VI – первой половины VII вв. Оригинальными деталями таких поясов также являются серебряные фигурные накладки, имитирующие «псевдопряжки» (по терминологии Е.П. Казакова), а также использование свастических знаков.

Коминтерновский могильник во многом способствовал оживлению научных дискуссий, касающихся хронологии и культурного контекста раннесредневековых древностей Евразии. В Волго-Камье на излете эпохи Великого переселения народов этнокультурные процессы развивались в общеевразийском контексте, но при этом испытывали и перерабатывали разносторонние влияния. И каждый новый памятник в этом ряду, безусловно, представляет ценность.

Новый могильник, открытый в 2017 году в верхнем течении р. Чепцы (Черных, 2018; 2022; 2023), на мой взгляд, очень удачно вписывается в круг как научных интересов Е.П. Казакова, так и шире – в проблематику раннесредневековых древностей Восточной Европы. На территории Удмуртии, к сожалению, в последние десятилетия выявление и изучение памятников ранних Средних веков приостановилось. И тем не менее те немногие из них (например, Кузебаевский клад), что оказываются в поле зрения ученых, вызывают безусловный интерес.

Балезинский могильник – третий в группе могильников поломской культуры с погребальными комплексами начальной поры формирования этого культурного ареала на Чепце (кон. IV/V–VI вв. н. э.). Поломская АК сформировалась на территории, где до сих пор не выявлены памятники предшествующего времени. Это сказывается на дискуссионности оценок ее начальной даты и происхождения групп населения, принимавших участие в генезисе нового культурного образования (Семенов, 1982, 1989; Генинг, 1980, с. 140–147; Голдина, 1987, с. 17–19; Иванов, 1998, с. 34–43; Гавритухин, Иванов, 1999). Позиции исследователей опираются на материалы двух известных некрополей, в которых

были изучены комплексы V–VI вв. – Поломского I и Варнинского. С открытием Балезинского могильника этот ряд пополнился еще одним ранним памятником, к тому же биритуальным, что, безусловно, ново для севера Удмуртии.

Могильник расположен на правом берегу р. Чепцы, вблизи с. Балезино, занимает участок слабо всхолмленной поверхности на краю первой надпойменной террасы (около 6 м над урезом воды в реке), практически не выраженный в общем рельефе (рис. 1). Раскопками на настоящий момент изучена площадь около 750 кв. м, на ней исследовано около 70 погребений. Изученные погребения датированы предварительно в хронологическом диапазоне VI–VII вв.

К сожалению, приходится констатировать, что информативные возможности нового некрополя катастрофически испорчены вмешательством человека. Это и многолетняя распашка, и грабительская деятельность, как в прошлом, так и в настоящее время. Захоронения на могильнике совершались в песчаном элювии речной террасы, что при последующей активной распашке привело к почти полному разрушению некоторых могил. Этот фактор обусловил интереснейшую ситуацию, которую приходится принимать во внимание в ходе раскопок на могильнике, используя обязательную процедуру просеивания почвенного грунта. Заметим, что на ряде участков количество вещевых находок, извлекаемых из слоев разрушения, превосходит этот показатель в погребениях более чем в 10 (!) раз. Также важным, но пока не до конца понятым является факт частоты встречаемости в межмогильном пространстве кальцинированных костей – следствие ли это особенностей погребальных ритуалов или последствия разрушения могил? Показательно и то, что среди добычи черных копателей (той, что оказалась нам доступна) было немало серебряных вещей, тогда как за время наших раскопок ни в одном из погребений вещи из серебра обнаружены не были.

Довольно частой находкой на могильнике являются зубы и челюсти лошадей, как в погребениях (встречены в засыпке девяти могил (13%)), так и между могил, и за пределами погребального пространства. Периметр погребального поля был определенно ограничен крупными ямами (рис. 2), заполненными костями животных (детальный археозоологический анализ пока не выполнялся, но по предварительному заключению к.б.н. А.Г. Меньшикова (Удмуртский госуниверситет) в абсолютном большинстве случаев это кости коней). В одной из ям (№ 4) зафиксирована регулярная кладка из конских челюстей, в ней же найдена сбруйная накладка. Из двух ям происходят находки глиняных пряслиц (одно битрапецоидное), из ямы 2 – железное кресало. Такой состав находок в ямах определенно свидетельствует в пользу особой значимости при совершении погребальных обрядов на Балезинском могильнике огненных ритуалов и культа коня.

Погребения в центральной части изученного участка Балезинского могильника располагались пятью рядами (рис. 2), вытянутыми полосой с ЮЗ на СВ, под углом к реке. Эта своеобразная устойчивость рядов нарушена в юго-западной части могильника, где в 2024 г. изучен ряд могил, направленный с ЮВ на СЗ. В северо-восточной части порядок рядов вновь нарушен; здесь также можно выделить 3–4 ряда, ориентированные с ЮВ на СЗ. В северо-восточном сегменте могильного поля заметно возрастает и плотность могил; зафиксированы случаи их взаимонарушений. Захоронения совершены в грунтовых ямах (10–50 см от древней поверхности[1]), ориентированных либо С–Ю с некоторым отклонением к З, либо В–З. Напомню, что широтная ориентировка погребенных была известна только в Варнинском и Поломском I могильниках (Семенов, 1991, с. 60).

Могильные ямы имели условно прямоугольную или овальную форму, их длина варьируется в интервале 145–265 см, а ширина в двух интервалах: 56–90 см и 100–137 см. В ряде случаев в стенках могил зафиксированы выступы-ниш и уступы.

Очень заметной является доля захоронений, в которых проявляются признаки кремирования останков умерших (около 70%). Предварительно можно говорить о сожжении умерших на стороне с последующим переносом части остатков для захоронения в яме. Налицо заметная вариативность размеров фрагментов кальцинированных костей – от очень мелких (3–5 мм) до достаточно крупных – 30–40 мм. Значительно варьируются навески костей, собранные из могил – от 4 до 40 г. При предварительном ознакомлении

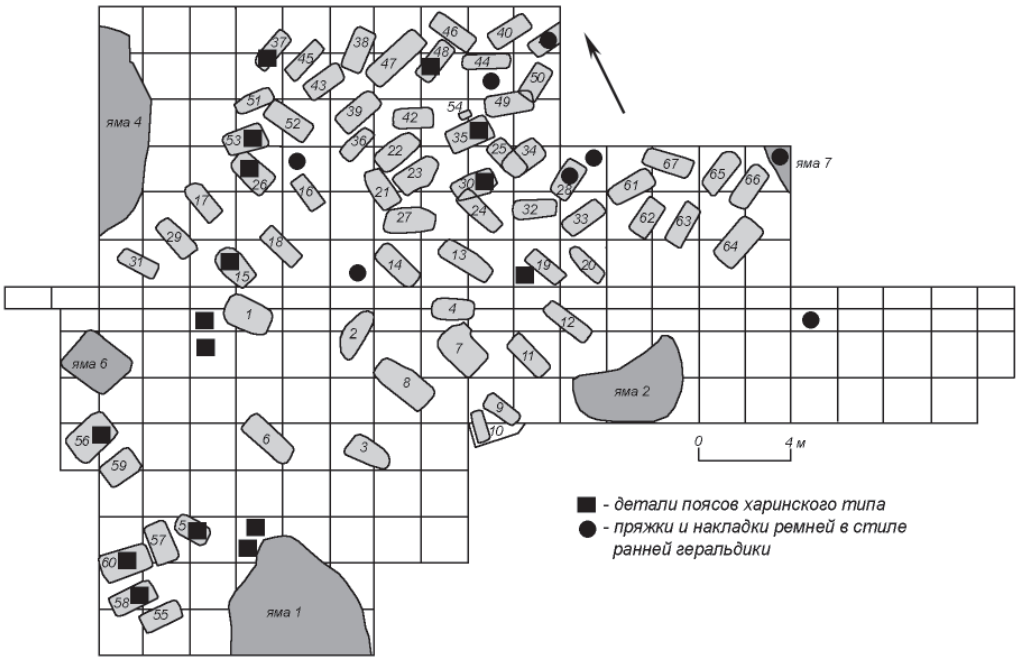


Рис. 2. Сводный план раскопов Балезинского могильника.
Планиграфическая характеристика находок ременной гарнитуры
Fig. 2. Excavation general plan of the Balezino burial ground.
Planographic characteristics of the belt set finds

с костным материалом М.В. Добровольской (ИА РАН) отмечен факт присутствия в выборках, помимо костей человека, еще и костей животных. Фрагменты костей из трех погребений также были изучены под микроскопом И.Г. Широбоковым (МАЭ им. Петра Великого, СПб). Согласно его заключению, размеры гаверсовых каналов позволяют говорить об их соответствии человеческим. Пока же, до проведения специально-научных (биоархеологических) исследований, можно говорить, что остатки кремации ссыпались в могильную яму без особого порядка; кости рассеяны по всей засыпке могилы, но наблюдаются и случаи их кучного размещения, в том числе вместе с остатками погребального костра (угли и зола). Имеются случаи, когда в засыпке ямы встречаются и кальцинированные кости, и зубы умершего (пп. 22, 24, 28). Замечено, что человеческие зубы чаще приурочены к южной части могилы, что вызывает некоторые ассоциации с вятскими погребальными традициями (Лещинская, 2014, с. 21).

Часть могил содержала фрагментированный антропологический материал: в четырех погребениях найдены осколки черепов (погр. 10, 29, 32, 54), в погр. 32 – кости таза и грудины, в погр. 13, 14 – фрагменты обожженных трубчатых костей, в погр. 34 – фаланги пальцев рук. В погребении 32 человеческие кости были сложены грудкой в центре ямы, что свидетельствует о нарушении ингумационного захоронения, скорее всего, еще в древности. В двух погребениях (54 и 30) in situ были зафиксированы женские головные уборы, причем в первом – остатки головного венчика с височными украшениями лежали на полуистлевшем черепе. В этих случаях умершие были уложены головой в восточном направлении.

Инвентарь захоронений демонстрирует значительное разнообразие и выразительность. Большую долю в его составе занимают бусы (более 60% от всех погребений), металлические украшения женского костюма (более 40%), детали поясной гарнитуры (около 40%). 20% погребений содержали в своем составе предметы кольчужного плетения из железа (накосники?). Очень выразительна зооморфная пластика – кони, дикая фауна, водоплавающие. Предметы вооружения и орудия труда в составе погребений представлены железными ножами, бронзовыми деталями ножен, железным шилом с бронзовым грибовидным навершием, наконечниками копья, дротика, стрелы. Имеются детали конского снаряжения

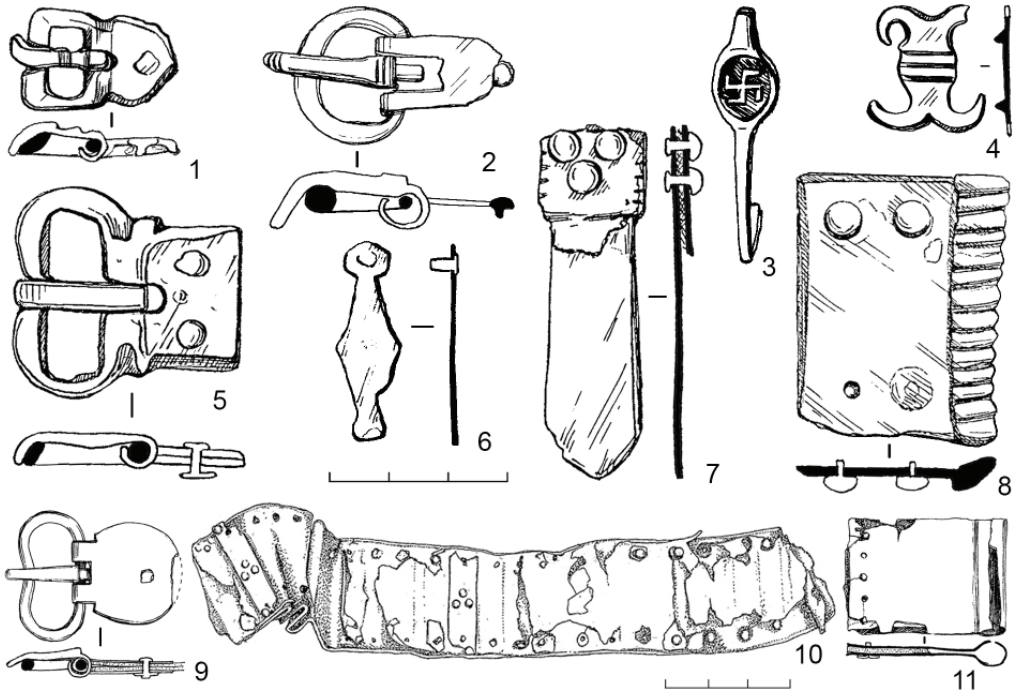


Рис. 3. Балезинский могильник. Поясная гарнитура: 1, 2, 5, 9 – пряжки; 3 – перстень; 4, 6 – поясные накладки; 7, 8, 11 – наконечники ремней; 10 – фрагмент кожаного пояса с накладками. Все – бронза, 10 – кожа и бронза
Fig. 3. Balezino burial ground. Belt set: 1, 2, 5, 9 – buckles; 3 – ring; 4, 6 – belt mounts; 7, 8, 11 – endpiece of a belt; 10 – fragment of a leather belt with mounts. All are bronze, 10 - leather and bronze

(удила), в том числе с ромбовидным завершением грызел. Оригинальный оружейный «заклад» (дротик и длинный нож) был обнаружен на дне погребения 7 в небольшой ямке-нише, в области условного таза умершего.

Глиняные сосуды обнаружены вне погребений, но всегда рядом с могильной ямой. В одном случае сосуд был помещен в боковую нишу (погр. 36). Иногда в засыпке ям встречались мелкие фрагменты керамики. Керамика Балезинского могильника представлена небольшим числом целых форм. Это типично прикамские сосуды низких пропорций, с уплощенным дном, чашевидные с профилированной шейкой или без таковой (миски), украшенные крупногребенчатым штампом и вдавлениями палочки по шейке и плечику. Одна из мисок была декорирована круглым решетчатым штампом, что на столь ранней поломской посуде зарегистрировано, пожалуй, впервые. Вся посуда тонкостенная, светло-коричневого цвета, без видимых примесей в тесте, плохо обожженная; имеет крайне неудовлетворительную сохранность в песчаном грунте.

Инвентарь Балезинского могильника находит тесное типологическое сходство с ассортиментом вещей из верхнекамских могильников харинской и агафоновской стадий ломоватовской АК (Голдина, 1985, с. 124–126, рис. 16) и верхсаинской стадии неволинской АК (Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 322–324, табл. 2–6, 14–16.). Ременная гарнитура представлена харинскими трехсоставными пряжками с овально-округлыми рамками, иногда с утолщением в передней части, прямоугольной или треугольной пластиной и далеко выступающим за рамку язычком-«хоботком». На некоторых язычках выделяется выступ в задней части или поперечные нарезки на конце «хоботка» (рис. 3: 2). Полноту представлений об этой части костюма дает широкий кожаный пояс с крупной пряжкой с округлым щитком и широким В-образным кольцом круглого сечения (близкие аналогии: Верх-Сая, кург. 17/1, 35/1), прямоугольными плоскими накладками, украшенными тремя полугорошинами, и коробчатым наконечником ремня (рис. 3: 9–11). Увы, происходит не из комплекса, а из грабительских сборов. К этому же стилистическому кругу, по-видимому, следует отнести наконечник ремня из двух прямоугольных пластин с выступающей площадкой в верхней части и заостренным концом, скрепленных шпеньками со шляпками-полугороши-

нами (рис. 3: 7), а также литой наконечник с рубчатым утолщением переднего края (погр. 26; рис. 3: 8), аналогичный находке из погр. 78 Коминтерновского II могильника (Казаков, 2020, рис. 61: 8).

В то же время в составе поясной гарнитуры заметно выделяется серия пряжек, знаменующих распространение в регионе нового, геральдического стиля, с аналогиями в погребениях варнинской стадии поломской культуры (Голдина, 2012, с. 401, рис. 5), Петропавловском могильнике, Кузебаевском городище в Южной Удмуртии (Семенов, 1976, табл. II: 5, 6; Останина, 2018, рис. 16: 6), Кушнаренковском могильнике в Башкирии (Генинг, 1977, рис. 7: 8, 19). Это литые полые пряжки с выделенным ложем для язычка на крупной В-образной и мелкой подпрямоугольной рамке, прямоугольной или щитовидной обоймой (рис. 3: 1, 5). Все пряжки данной группы происходят из разрушенных погребений. С этой категорией пряжек типологически соотносятся находки двух Ж-образных накладок (рис. 3: 4) и одного литого гладкого наконечника ремня с двумя продольными гранями.

Пока не проводилась работа по выявлению совстречаемости пряжек с иными категориями вещей из комплексов погребений. Вместе с тем самый общий взгляд на планиграфическое распределение находок ременных гарнитур позволяет говорить о тяготении геральдических пряжек к северо-восточной зоне раскопа (рис. 2). Здесь же, по-видимому, происходит их некоторое наложение на участки погребений с харинскими пряжками. Археологические памятники поломской культуры позволяют фиксировать начало активного заселения бассейна Чепцы V в. (Иванов, 1999, с. 36–38) с дальнейшей интенсификацией миграционных процессов, исходящих из разных региональных центров. Возможно, в Балезинском могильнике были погребения и более раннего периода, о чем свидетельствуют некоторые харинские пряжки довольно раннего облика. Ну и, кроме того, следует иметь в виду, что изучение погребального поля не завершено как в западной, так и в северо-восточной части.

Согласно современным представлениям, совместное бытование позднехаринских и ранних геральдических гарнитур в Волго-Камье приходится на вторую половину VI – нач. VII вв. К этому же времени в недавней работе, выполненной О.С. Белявской на материалах погребальных комплексов из памятников Южного Приуралья, отнесена и ременная гарнитура коминтерновского типа (Белявская, 2023, с. 16–17). Это был период формирования ранних тюркских каганатов, появления на евразийском пространстве новых этнополитических союзов, существенно повлиявших и на конфигурацию культурной карты Восточной Европы и Урала. Импульсы, исходившие из кочевой степи, так или иначе сказывались на стабильности или турбулентности в лесных областях Прикамья.

Среди предметов, маркирующих восточный вектор (Верхнее и Среднее Прикамье) в заселении Чепцы, можно назвать ремни с трехсоставными хоботковыми пряжками, височные подвески – цепи (рис. 4: 16) и в виде колец с крупными привесками-бусами, бубенчиками (рис. 4: 2, 3), зооморфные пронизки-коньки (рис. 4: 10), медведи, утко-лоси (рис. 4: 11), росомахи.

Юго-западный вектор (Вятка и Поволжье) презентуют круглые ажурные бляхи-застежки с шумящими привесками, украшения из мелких двух- и трехсоставных подвесок (рис. 4: 1), длинные пронизи из спирально-витой проволоки с завершениями из колесовидных привесок (рис. 4: 9), наборы украшений из нескольких колец, соединенных через стержневидный литой разделитель с привесками различной формы, пронизки-уточки с крупным колоколовидным туловом и головкой-крючком (рис. 4: 8), объемные пронизки-коньки (рис. 4: 15), обычай сопровождать погребения дарственными наборами. В трех случаях (пп. 15, 47, 68) такие дары были уложены в берестяные емкости (шкатулки/коробочки?) либо завернуты в ткань. Обратим внимание также на аналогии в планировке Балезинского могильника с вятскими пьяноборской эпохи. Так, четкие ряды могил, вытянутые по линии СВ–ЮЗ, наблюдаются на могильниках Тюм-Тюм, Худяковском, Первомайском (Ошибкина, 2010, с. 36–37; Лещинская, 2014, с. 15).

Вслед за А.Г. Ивановым считаем, что некоторые категории украшений отражают южное направление этнокультурных контактов чепецкого населения и, по-видимому, инфильтрации на верхнюю Чепцу отдельных групп населения из бахмутинско-турбаслинско-кушнаренковского ареала. Это, например,

Рис. 4. Балезинский могильник. Украшения одежды: 1, 6-12 – подвески; 2, 3, 13, 16 – височные подвески; 4, 5 – пронизки; 14 – бусы. 1-13, 15-16 – сплав на основе меди; 14 – янтарь, сердолик
Fig. 4. Balezino burial ground. Clothing decorations: 1, 6-12 – pendants; 2, 3, 13, 16 – temple pendants; 4, 5 – beads with holes; 14 – beads. 1-13, 15-16 – copper-based alloy; 14 – amber, carnelian

пронизки с сильно стилизованным изображением медведя на конце длинной трубицы (рис. 4: 4, 5) и пронизки-подвески типа известных в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, табл. 7: 13), оригинальные привески с двумя-тремя овалами в основании (рис. 4: 13), железные накосники кольчужного плетения.

В тесной связи с выявляемыми западными и южными связями хотелось бы обратиться к аналогиям в материалах Коминтерновского II могильника. Я остановлюсь на тех комплексах Балезинского могильника, в которых встречены подвески-лунницы (в Коминтерне – серебряные поясные накладки; Казаков, 2020, рис. 30: 29, 44: 31) в сочетании с крупными янтарными бусами.

Подвески-лунницы (В.А. Семенов, описывая находки из Варнинского могильника, называл их «бельками») найдены парами в двух погребениях (42 и 47). Все балезинские подвески относятся к первому стилистическому варианту (по Н.А. Лещинской, 2018, с. 298), или II подгруппе по Е.П. Казакову (Казаков, 1991, с. 15–17). Это некрупные пластины, изготовленные из медного сплава, с треугольным вырезом внизу и приклепанной петлей вверху (рис. 4: 6, 7, 12). В погр. 42 вместе с ними встречены прямоугольные поясные накладки харинского типа с полушарными заклепками по краям пластины, остатки накосника «кольчужного» плетения, бусы (крупные дисковидные янтарные (рис. 4: 14) и сердоликовая таблетковидная с декором, шаровидные из темно-синего стекла, полихромная (миллефиори) и глазчатая, а также бисер из темно-синего, голубого, бирюзового, желтого, коричневого стекла).

В погр. 47 «лунницы» были уложены в качестве дара в берестяную шкатулку вместе с оригинальной крупной подвеской (прямых аналогий не найдено; но основа украшения – прямоугольная пластина, декорированная «веревочкой» – общей стилистикой прямо отсылает к пьяноборским обувным прогнутым застежкам и требует отдельного анализа). Также в шкатулке находились височная подвеска из колец, соединенных в виде горизонтальной цепи с дополнительными привесками (рис. 4: 16), аналогичная известным по подкурганным погребениям Верх-Саинского могильника (Голдина, Перевозчикова, 2018, с. 99, табл. 351-3), и большое количество бус (золотостеклянные бочонковидные, черные поперечнополосатые, синяя и желтая полиэдрические со срезанными углами, сине-фиолетовые шарообразные, таблетковидные (т. н. «псевдоянтарь»), хрустальная эллипсоидная ребристая и т. д.) и бисера. Второй дарственный комплект из этого погребения содержал детали головного убора типа повязки/шапочки, край которой был украшен крупными полушарными бляшками, а также пару «уточек», подвешенных на длинных кожаных шнурках, обвитых спиральновитыми пронизками (Черных, 2024, рис. 2: 5, 6). Состав бус в обоих балезинских погребениях очень близок составу ожерелья из погр. 29 Концовского могильника, датированного VI–VII вв. (Иванова, 1988, с. 10–13). В неволинских могильниках большинство из перечисленных типов составляют типологические группы VI в., VI–VII вв., IV–VII вв. (Голдина, 2010, рис. 30, 34–35), но не выходят за пределы VII века.

Полагаем, что в ареале формирующейся поломской культуры появление наборов инвентаря, включающих подвески-лунницы, пронизки-уточки, объемные формы пронизок-коньков, ажурные подвески-застежки с шумящими привесками, возможно, серповидные гривны с треугольным сечением и некоторые другие категории вещей (например, уникальный бронзовый перстень с изображением свастики на щитке (рис. 3: 3)), можно связать с расселением азелинских и позднеазелинских (еманаевских) групп на север и северо-восток. Данное направление надежно маркируется сериями находок аналогичных изделий в Концовском (Стефанова, 1982, рис. 3: 19, 21, 22; Иванова, 1988, рис. 4: 8, 8: 1) и Тат-Боярском могильниках (Лещинская, 2018, рис. 1: 2–4), в Марийском Поволжье (Шор-Унжинский, Мл. Ахмыловский (Никитина, 1999)), в левобережье Волги – Новославском II (Валеев, 2018) и Коминтерновском II (Казаков, 2020) могильниках. Допускаем, что тем же путем на Чепцу (Балезино, погр. 35) могли попасть удила с ромбовидными кольцами и дополнительными звеньями к ним, известные в составе тех же коминтерновских комплексов с поясами, украшенными накладками-лунницами (пп. 26, 43). Эта внутрирегиональная подвижность была вызвана активизацией во второй половине VI – начале VII вв. на южных рубежах ареала расселения поволжско-камских финно-угров (Среднее Поволжье и Предкамье) кочевнических групп, яркой иллюстрацией которой явились синкретичные памятники типа Коминтерн II – Новославский II (Казаков, 2021, с. 36–38).

Примечание:

[1] Следует пояснить, что микрорельеф территории могильника характеризуют два валообразных всхолмления, вытянутые вдоль реки (дюны?), и в зависимости от того, на каком участке совершены погребения (склоны дюн или понижение между ними), мощность почвенного слоя существенно различалась.

ЛИТЕРАТУРА

Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2023. 27 с.

Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–160.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. С. 136–151.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.) / МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: УдмГУ, 2010. 264 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИГУ, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 399–414.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 321–375.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск: Монпоражён, 2018. 720 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.

Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6–52.

Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.

Казаков Е.П. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 14–20.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдГУ, 2014. 472 с.

Лещинская Н.А. Подвески-лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. Участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 298–300.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 162 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 5. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Останина Т.И. Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 257–292.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1976. С. 3–50.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1982. С. 43–62.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.

Семенов В.А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 56–75.

Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1982. С. 90–103.

Черных Е.М. Новый памятник раннего средневековья в бассейне Чепцы // Археологические открытия в Удмуртии – 2017 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Монпоражён, 2018. С. 18.

Черных Е.М. Новый могильник VI–VII вв. н.э. на севере Удмуртии (бассейн р. Чепцы): некоторые итоги исследований 2018–2021 гг. // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: КурГУ, 2022. С. 306–307.

Черных Е.М. Новые данные по погребальному обряду поломской культуры // XVI Бадеровские чтения: Материалы Всерос. (с международным участием) науч. конференции, посв. 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 262–265.

Черных Е.М. Изображения водоплавающих птиц в металлической пластике Балезинского могильника VI–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 4. С. 743–753.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru ORCID: 0000-0001-5800-7545

REFERENCES

Belyavskaya, O. S. 2023. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals of the III – the turn of the VII and VIII centuries)*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1), 211–226 (In Russian).

Gavritukhin I. O., Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 99–160 (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals).* Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Gening, V. F. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 136–151 (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatka Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–36 (in Russian).

Goldina, R.D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).

Goldina, R.D., Perevozchikova, S.A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kams-

ko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 321–375 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saja v Kungurskoj lesostepi (Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe).* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Izhevsk: "Monporazhen" Publ. (in Russian).

Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye I ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsa River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanov, A.G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 6–52 (in Russian).

Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–24 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1991. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Archaeological Issues of the Middle Volga Area)*. Kazan: Kazan State University, 14–20 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2020. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogil'nik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Kominternovsky II burial ground).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st — 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 298–300 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).

Ostanina, T. I. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (1), 257–292 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium* (*Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground*). Series: Materialy okhrannykh issledovanii (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Semenov, V. A. 1976. In Vladykin, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Udmurtii (Issues of the Archaeology of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 3–50 (in Russian).

Semenov, V. A. 1982. In Atamanov, M. G. (ed.). *Materialy po etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 43–62 (in Russian).

Semenov, V. A. 1989. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Novye issledovaniia po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 20–33 (in Russian).

Semenov, V. A. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ., 56–75 (in Russian).

Stefanova, I. I. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsa River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2018. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2017 (Archaeological discoveries in Udmurtia – 2017)*. Izhevsk: "Monporazhen" Publ., 18 (in Russian).

Chernykh, E.M. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)).* Kurgan: Kurgan State University, 306–307 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniya (XVI Baderovskie chteniia).* Perm: Perm State National Research University 262–265 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (4), 743–753 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5800-7545

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.106.120

ДРЕВНЕРУССКАЯ КЕРАМИКА С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА[1]

© 2025 г. Л.Ф. Недашковский, И.В. Волков, М.Б. Шигапов

В статье рассматривается древнерусская керамическая посуда с Багаевского селища, располагающегося в Саратовском Правобережье Волги и датирующегося второй половиной XIII–XIV в. Находки древнерусской керамики на раскопе I на Багаевском селище составляют 28,7% от всей керамической посуды. В 19 из 52 всех исследовавшихся ям (почти в трети из них), древнерусская посуда количественно преобладает над золотоордынской. Цвет посуды коричневый, серый или белый. Керамика равномерного обжига количественно несколько уступает керамике, имеющей темную прослойку в средней части излома. Комплекс убедительно свидетельствует о присутствии значительного древнерусского компонента в населении памятника. Приведены статистические данные о массовых находках из раскопок Багаевского селища. Материалы даны в сравнении с аналогичными комплексами синхронных поселений. Морфологическая систематизация материала соответствует классификации М.Д. Полубояриновой для упрощения сравнения с ближайшими регионами. По объективным причинам это не отображает разнообразия всего комплекса. Статистика технологических признаков формализована упрощенно, поскольку учет значительного числа признаков проводился не с самого начала раскопок. Изготовленной на месте можно считать керамику из формовочных масс близких по составу к золотоордынским изделиям. Также местной может быть наиболее распространенная формовочная масса с примесью дресвы. Гончары, производившие местную керамику, скорее всего, происходили с территории Нижегородского княжества и соседних областей. Для части импортной древнерусской керамики с высокой степенью вероятности установлены источники происхождения: Верхний Дон, Ополье, Тверь и Торжок.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, сельские поселения, Багаевское селище, древнерусская керамика.

ANCIENT RUSSIAN POTTERY FROM BAGAEVKA SETTLEMENT[2]

L.F. Nedashkovsky, I.V. Volkov, M.B. Shigapov

The article examines Ancient Russian pottery from the Bagaevka settlement, located on the Saratov right bank of the Volga River and dated to the second half of the 13th–14th century. Finds of Ancient Russian ceramics at trench I at the Bagaevka settlement make up 28.7% of all pottery. In 19 out of 52 of all the pits studied (nearly a third of them), Ancient Russian pottery quantitatively predominates over the Golden Horde ceramic ware. The colour of the pottery is brown, gray or white. Evenly-fired pottery is slightly less common than ceramics with a dark layer in the middle of the fracture. The assemblage convincingly demonstrates the presence of a significant Ancient Russian component in the population of the site. Statistical data on bulk finds from the excavations of the Bagaevka settlement are provided. Materials are given in comparison with similar assemblages from synchronous settlements. Morphological systematization of the material follows the classification by M.D. Poluboyarinova to simplify comparison with the neibouring regions. For objective reasons, this does not reflect the diversity of the entire assemblage. The statistics of technological features are presented in a simplified format, as the recording of a significant number of characteristics was not conducted from the start of the excavations. Pottery from moulding masses similar in composition to the Golden Horde wares can be considered as locally made. Also local may be the most common moulding mass with an admixture of gruss The most common local moulding mass likely contained an admixture of grit. Potters who produced local ceramics most likely came from the territory of the Principality of Nizhny Novgorod and neighbouring regions. For a part of imported Ancient Russian pottery, probable sources of origin are established with a high degree of confidence: Upper Don, Opolje, Tver and Torzhok.

Keywords: archaeology, Golden Horde, rural settlements, Bagaevka settlement, Ancient Russian pottery.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, https://rscf.ru/project/24-28-00024/.

[2] This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant No. 24-28-00024, https://rscf.ru/en/project/24-28-00024/.

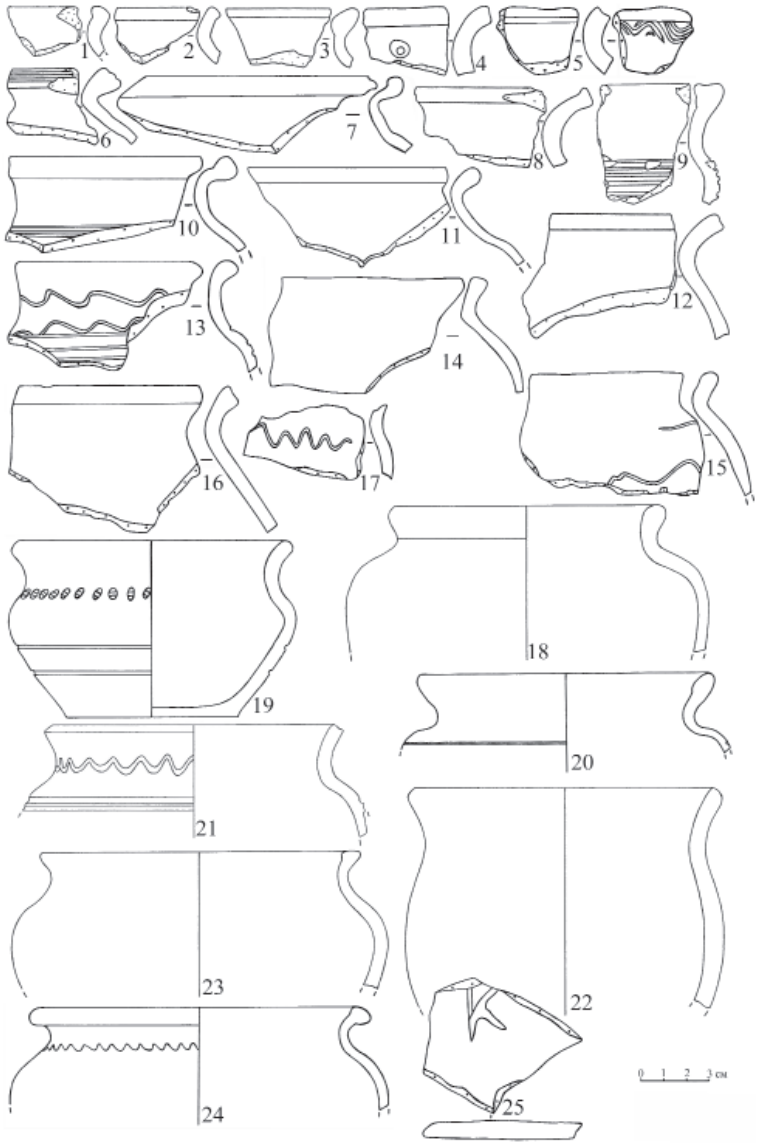


Рис. 1. Фрагменты древнерусской керамики (*1-17,25*) и древнерусские сосуды (*18-24*) с Багаевского селища: *1-4,6,8-9,12* – подъемный материал Л.Ф. Недашковского 1995 г.; *5,7,10-11,13-17* – раскоп I-2009: *5,7,10,13-16* – яма 9, *11,17* – культурный слой; *18,22-23* – раскоп I-2012: *18* – яма 31, *22* – культурный слой, *23* – яма 9; *19* – раскоп I-2016, яма 39; *20* – раскоп I-2007, яма 4; *21* – раскоп I-2011, яма 9; *24* – раскоп I-2008, яма 16; *25* – раскоп I-2021, яма 9.

Fig. 1. Fragments of Ancient Russian pottery (*1-17,25*) and Ancient Russian vessels (*18-24*) from the Bagaevka settlement: *1-4,6,8-9,12* – surface finds by L.F. Nedashkovsky, 1995; *5,7,10-11,13-17* – trench I-2009: *5,7,10,13-16* – pit 9, *11,17* – cultural layer; *18,22-23* – trench I-2012: *18* – pit 31, *22* – cultural layer, *23* – pit 9; *19* – trench I-2016, pit 39; *20* – trench I-2007, pit 4; *21* – trench I-2011, pit 9; *24* – trench I-2008, pit 16; *25* – trench I-2021, pit 9.

В ходе раскопок Багаевского селища золотоордынской эпохи экспедицией Л.Ф. Недашковского в 2002-2003, 2006-2012, 2014-2016, 2020-2022 и 2024 гг. была собрана крупная коллекция древнерусских керамических материалов (рис. 1-9), убедительно свидетельствующая о присутствии древнерусского компонента в населении памятника. Все находки переданы в фонды Саратовского областного музея краеведения. Золотоордынская керамика с селища уже опубликована (Волков, Недашковский, 2024; Недашковский, Волков, Шигапов, 2024).

Древнерусская керамика Багаевского селища представлена сосудами горшковидных форм. Цвет посуды коричневый (рис. 1: 1-8, 10-12, 14-18, 20-23, 25; 2: 1, 5-8; 3; 4: 1, 3-5; 5; 6: 1, 3-6; 7: 1-2, 4-6; 8: 2-5; 9), серый (рис. 1: 13, 24; 2: 2-3; 4: 2; 6: 2; 8: 1) или белый (рис. 1: 9, 19; 2: 4; 7: 3). Керамика равномерного

обжига (рис. 1: 1-2, 4, 6-7, 10-11, 17, 20-22, 25; 2: 4, 6-8; 3: 3-6; 4: 1, 3; 5: 2; 6: 1; 7: 1, 6; 8: 1, 4; 9: 1) количественно несколько уступает керамике, имеющей темную прослойку в средней части излома (рис. 1: 3, 5, 8-9, 12-16, 18-19, 23-24; 2: 1-3, 5; 3: 1-2; 4: 2, 4-5; 5: 1, 3-6; 6: 2-6; 7: 2-5; 8: 2-3, 5; 9: 2-5). Древнерусская керамика имеет примесь дресвы и песка (рис. 1: 2-3, 7-11, 14, 16-25; 2; 3: 1-5; 4; 5: 1-2, 4-6; 6: 1, 4-6; 7-9), только песка (рис. 1: 1, 4-6, 12-13; 3: 6; 5: 3; 6: 2-3), а также шамота и песка (рис. 1: 15) в тесте. Некоторые сосуды (рис. 1: 4, 12; 2: 3; 8: 1) снаружи были сильно покрыты сажей и нагаром, что свидетельствует об их использовании для приготовления и разогревания пищи. Белоглиняная посуда (рис. 1: 9, 19; 2: 4; 7: 3) не закопчена, она являлась столовой.

У некоторых фрагментов сосудов реконструируются диаметры по венчику в 11 (рис. 1: 1), 13 (рис. 1: 2), 15,5 (рис. 1: 6), 16 (рис. 1: 14), 16,5 (рис. 1: 8), 18 (рис. 1: 4, 11-12), 20 (рис. 1: 15), 21 (рис. 1: 9) и 23 (рис. 1: 10) см.

Лишь в трех случаях удалось восстановить полный профиль сосудов (рис. 1: 19; 3: 5; 9: 4).

Типология керамики, приводимая ниже, составлена с опорой на работу М.Д. Полубояриновой, в которой дана характеристика древнерусской посуды Болгарского городища (Полубояринова, 1993, с. 35-57). Отсутствующие в нашем материале типы были пропущены. Это простой вариант морфологической систематизации материала, однажды условно названный «прагматическим» (Кренке, 2020, с. 4-5), но при имеющихся недостатках он позволяет дать краткое и довольно полное предварительное представление о комплексе древнерусской керамики. По тесту представленный в статье керамический комплекс можно разделить на три группы, выделенные М.Д. Полубояриновой: А (86 экз., орнаментированы 36 экз., 42%) - с примесью дресвы и песка (рис. 1: 2-3, 7-11, 14, 16-25; 2; 3: 1-5; 4; 5: 1-2, 4-6; 6: 1, 4-6; 7-9), Б (10 экз., орнаментированы 4 экз., 40%) - с примесью мелкого песка (рис. 1: 1, 4-6, 12-13; 3: 6; 5: 3; 6: 2-3) и В (1 экз., орнаментирован однорядной волной) - с примесью мелкого шамота и песка (рис. 1: 15). Возможен учет значительно большего количества технологических признаков формовочных масс для территориально близких памятников (Васильева, 2013, с. 172-182), но использованная простая схема

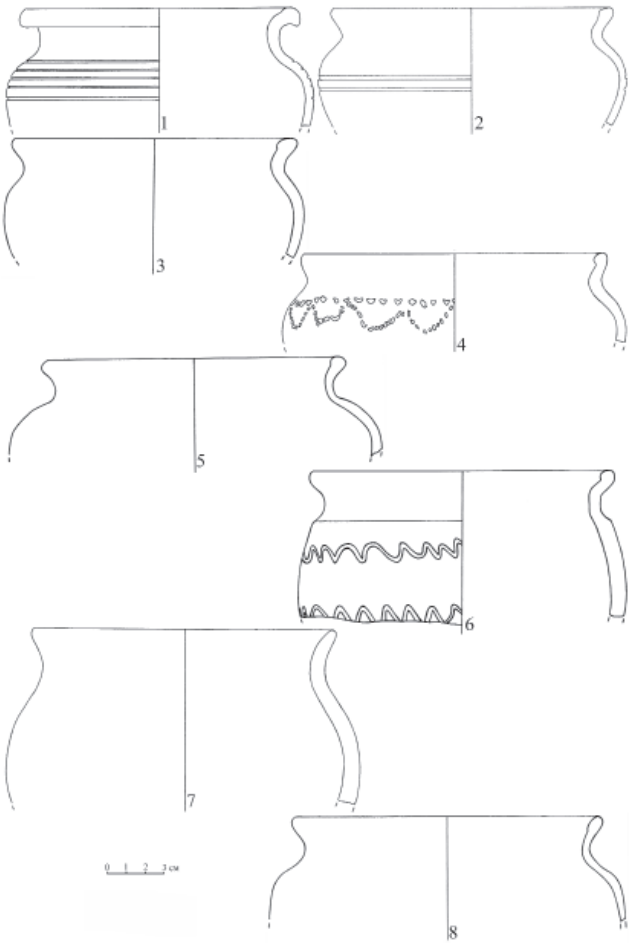


Рис. 2. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1,4,7* – раскоп I-2012: *1* – яма 32, *4* – яма 29, *7* – культурный слой; *2* – раскоп I-2010, яма 9; *3,6* – раскоп I-2008: *3* – яма 12, *6* – яма 16; *5* – раскоп I-2007, яма 4; *8* – раскоп I-2009, яма 9.

Fig. 2. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1,4,7* – trench I-2012: *1* – pit 32, *4* – pit 29, *7* – cultural layer; *2* – trench I-2010, pit 9; *3,6* – trench I-2008: *3* – pit 12, *6* – pit 16; *5* – trench I-2007, pit 4; *8* – trench I-2009, pit 9.

позволила однообразно охарактеризовать весь комплекс и связать составы с формами изделий. Из орнаментированной керамики группы А 18 экз. украшены горизонтальными линиями, 7 экз. – однорядной волной, 3 экз. – многорядной волной, 1 экз. – оттисками палочки, 5 экз. – горизонтальными линиями и однорядной волной, 1 экз. – однорядной волной и оттисками палочки, 1 экз. – многорядной волной и гребенчатым штампом. Из орнаментированной керамики группы Б 2 экз. украшены горизонтальными линиями, 1 экз. – горизонтальными линиями и однорядной волной, 1 экз. – горизонтальными линиями и многорядной волной.

Тип I (19 экз.). С ровным по толщине, отогнутым наружу венчиком и мягко изогнутой шейкой (рис. 1: 11, 13-15, 19, 22; 2: 7; 3: 3; 4: 1, 5; 5: 2, 4, 6; 6: 3; 9: 2). Диаметры венчиков 12,3-23 см, диаметры тулова 12,6-25,6 см. У полностью сохранившегося небольшого белоглиняного сосуда (рис. 1: 19) диаметр днища 7,5 см, а высота 7,7 см. Орнаментированы 6 экз. (горизонтальные линии, однорядная и многорядная волна, оттиски палочки), без орнамента – 9. Аналогии известны с Увекского городища, Хмелевского I селища (Материальная, 2024, с. 54, 209, рис. 19, *6, 8*; Недашковский, 2000, с. 110-112, 120, рис. 31, *4, 7, 15, 17, 30*), Водянского городища, Наровчата, поселения у с. Березовка, Мурзихинского селища, в домонгольских и золотоордынских материалах Болгарского городища, а также на Руси в памятниках XII–XIV вв. (Полубояринова, 1978, с. 91-92, 105, 107, 114-116, 118-119, рис. 23, *V*, 34, *I*, 39-40, 42; 1993, с. 37-38, 42-46, 48-49, 79, рис. 12, *I*, 16, *1, 3*, 17, 18, *1-2*, 19, *1*, 30, *8*; Хлебникова, 1988, с. 34, 52, рис. 16, *12-13*, 32, *1-2, 5*). Именно к этому типу относятся немногочисленные фрагменты белоглиняных горшков без видимых минеральных примесей в формовочной массе, которые можно считать импортом из Верхнего и Среднего Подонья, такая керамика также устойчиво присутствует на Нижнем Дону и в Приазовье (Рязанов, 1994, с. 5-8, рис. 1, *1-2, 13*, 2, *5-6*, 3). При этом фрагменты белоглиняных горшков с формовочной массой, отощенной дресвой и песком, более вероятно связывать с районом Нижнего и Среднего Поочья (Аникин, 2013, с. 165).

Тип II (2 экз.). С коротким венчиком, отвернутым наружу и прижатым к шейке (рис. 6: 2). Диаметр венчика 20,8 см, диаметр тулова 20,4 см. Орнаментирован горизонтальными линиями. Аналогии известны с Увекского, Водянского городищ, селищ Березовка, Печерские Выселки, из материалов Болгарского городища золотоордынского времени и с древнерусских памятников, датируемых концом XIII – XV в. (Недашковский, 2000, с. 107, 111-112, рис. 30, *26*; Полубояринова, 1978, с. 90-91, 105, 107, 115, рис. 22, *IV*, 34, *II*, 39; 1993, с. 38, 42-46, 48-49, рис. 12, *II*, 16, *2-3*, 18, *1*, 19, *2, 4*).

Тип III (17 экз.). С изогнутым наружу и завернутым внутрь венчиком, имеется бороздка в месте примыкания к шейке (рис. 1: 3, 20, 23; 2: 2-4, 8; 5: 1, 3; 8: 1; 9: 3, 5). Диаметры

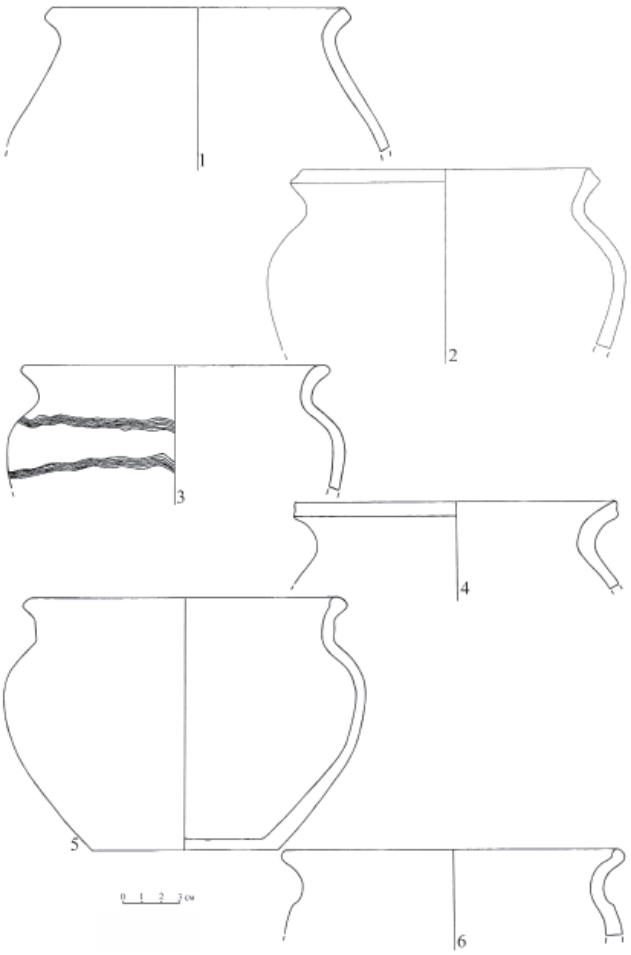


Рис. 3. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1* – раскоп I-2009, яма 9; *2* – раскоп I-2010, яма 9; *3,5* – раскоп I-2008: *3* – яма 16, *5* – яма 9; *4,6* – раскоп I-2007, яма 4.

Fig. 3. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1* – trench I-2009, pit 9; *2* – trench I-2010, pit 9; *3,5* – trench I-2008: *3* – pit 16, *5* – pit 9; *4,6* – trench I-2007, pit 4.

венчиков 13-26 см, диаметры тулова 15-33,5 см. Орнаментированы 5 экз. (горизонтальные линии, однорядная волна, оттиски палочки), без орнамента – 7. Посуда этого типа известна с Увекского и Алексеевского городищ, селищ Болдыревское, Пристанное, с Александровского местонахождения (Недашковский, 2000, с. 110-112, 116-118, 131, рис. 31, *3, 9-10, 18, 23*), из материалов Водянского городища, селищ Березовского, Печерские Выселки, у оз. Рубленое, Тигашевского, Бритвинского II, Старокуйбышевского IV и Лаишевского, Булгара XII – начала XV в. и древнерусских памятников XII-XV вв. (Полубояринова, 1978, с. 89-90, 92-93, 105-108, 115-116, рис. 22, *III*, 23, *VII-VIII*, 34, *III*, 35, *IV*, 39-40; 1993, с. 38-39, 42-49, 79, рис. 13, *III*, 16, 18, *2-4*, 19,

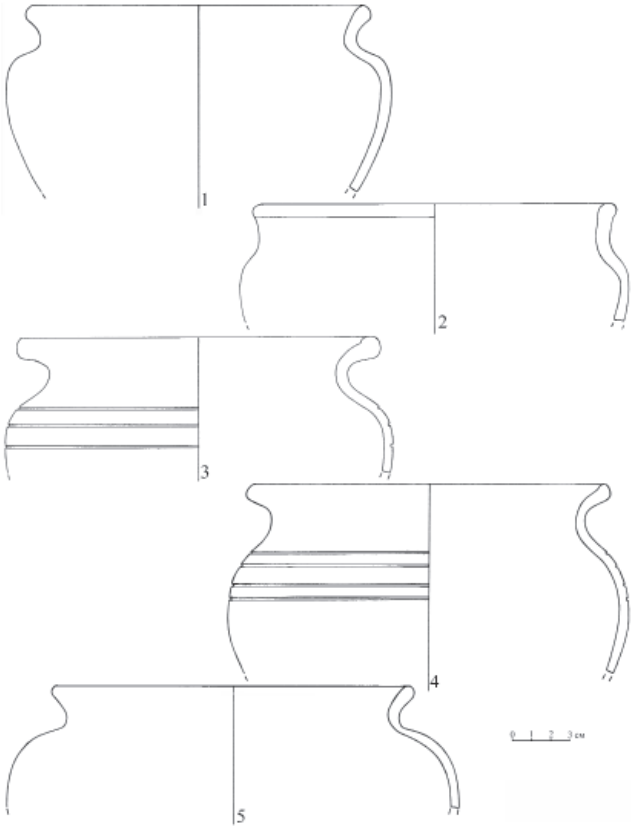


Рис. 4. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1,4-5* – раскоп I-2008: *1* – яма 9, *4* – культурный слой, *5* – яма 16; *2* – раскоп I-2016, яма 40; *3* – раскоп I-2012, яма 32.

Fig. 4. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1,4-5* – trench I-2008: *1* – pit 9, *4* – cultural layer, *5* – pit 16; *2* – trench I-2016, pit 40; *3* – trench I-2012, pit 32.

3, 30, *3-5, 12, 14*; Хлебникова, 1988, с. 34, 36, 52, рис. 16, *4*, 19).

Тип IV (2 экз.). С завернутым внутрь и приплюснутым краем венчика, имеется бороздка в месте примыкания к шейке (рис. 1: 9; 7: 3). Диаметры венчиков 17,2 и 21 см, диаметр тулова хорошо реконструируемой формы сосуда (рис. 7: 3) 16,5 см. Данная белоглиняная столовая посуда орнаментирована горизонтальными линиями. Изделия такой формы известны с Увекского и Водянского городищ, памятников Среднего Поволжья и Древней Руси XII-XV вв. (Недашковский, 2000, с. 110-112, рис. 31, *13, 24, 26*; Полубояринова, 1978, с. 90-91, 105, 107-108, 118-119, рис. 22, *III*, 34, *III*, 42; 1993, с. 37, 39, 42-47, 79, рис. 11, *3-4*, 13, *IV*, 16, *1-2*, 17, *1-2*, 18, *2-3*, 30, *6*; Хлебникова, 1988, с. 34, рис. 16, *5*). М.Д. Полубояринова справедливо отметила частую встречаемость этого типа в Торжке. Поскольку все экземпляры этой формы белоглиняные с примесью дресвы, их можно считать импортом из Торжка и его округи, где они бытовали очень широко (Малыгин, 1991, с. 201, 210-211, рис. 6-7, типы VIII–IX), хотя в разном количестве аналогии присутствуют в Твери (Лапшин, 2009, с. 128, 442-443, рис. 192–193, типы VI-VIII) и Верхнем Поволжье вплоть до Оки (Седова, 1978, с. 90-91, рис. 33, тип IV; Грибов, 2001, с. 160-161, 167, рис. 3, *6-8*; Аникин, 2013, с. 166). При этом по мере удаления от Верхней Волги концентрация таких изделий уменьшается.

Тип V (5 экз.). С коротким краем венчика, отогнутым наружу и прижатым к прямой шейке, образующим усложненные формы (рис. 1: 24; 2: 1; 3: 5; 6: 6; 8: 5). Диаметры венчиков 14,8-22 см, диаметры тулова 16,2–25,2 см. У полностью сохранившегося сосуда (рис. 3: 5) диаметр днища 9,8 см, а высота 13,3 см. Орнаментированы 3 экз. (горизонтальные линии, однорядная волна), без орнамента – 2. В одном случае орнамент нанесен лощилом (рис. 1: 24). Аналогии известны с Увекского и Алексеевского городищ (Недашковский, 2000, с. 107, 110-112, 117, рис. 30, *28*, 31, *5, 12, 25*), селищ Хмелевское I, Широкий Буерак (Материальная, 2024, с. 54, 65, 209, 215, рис. 19, *4*, 28, *4-5*), Березовское, у оз. Рубленое и Старокуйбышевские III-IV, в материалах Болгарского и Водянского городищ, древнерусских памятников второй половины XIII – XV в. (Полубояринова, 1978, с. 89-91, 105, 107-108, 115-116, 118-119, рис. 22, *II*, 34, *III*, 39-40, 42; 1993, с. 39-40, 42-43, 45-47, 49, 79, рис. 14, *V*, 16, 18, *3*, 30, *1, 13*; Хлебникова, 1988, с. 34, рис. 16, *14*).

Тип VII (2 экз.). Со слабо отогнутым венчиком, наружный утонченный край которого оттянут вверх, и изогнутой шейкой (рис. 1: 1, 7). Единственный реконструируемый диаметр венчика 11 см, без орнамента. Аналогии известны с Увекского и Алексеевского городищ, селищ Хмелевского I (Материальная, 2024, с. 54, 209, рис. 19, *5, 7*; Недашковский, 2000, с. 110-112, 117, 121, рис. 31, *1, 20, 39*), у оз. Рубленое и Семеновских I-II, Наровчата и Болгарского городища (Полубояринова, 1978, с. 116, 118-119, рис. 40, 42; 1993, с. 40, 42-43, 45-46, 49, рис. 14, *VII*, 18, *2*, 30, *9-10*).

Тип X (19 экз.). С коротким ровным, округло отогнутым наружу венчиком со срезанным краем и короткой шейкой (рис. 1: 2, 4-6, 8, 12, 16, 21; 3: 1-2, 4; 6: 1, 4; 7: 1, 4; 8: 3; 9: 1,

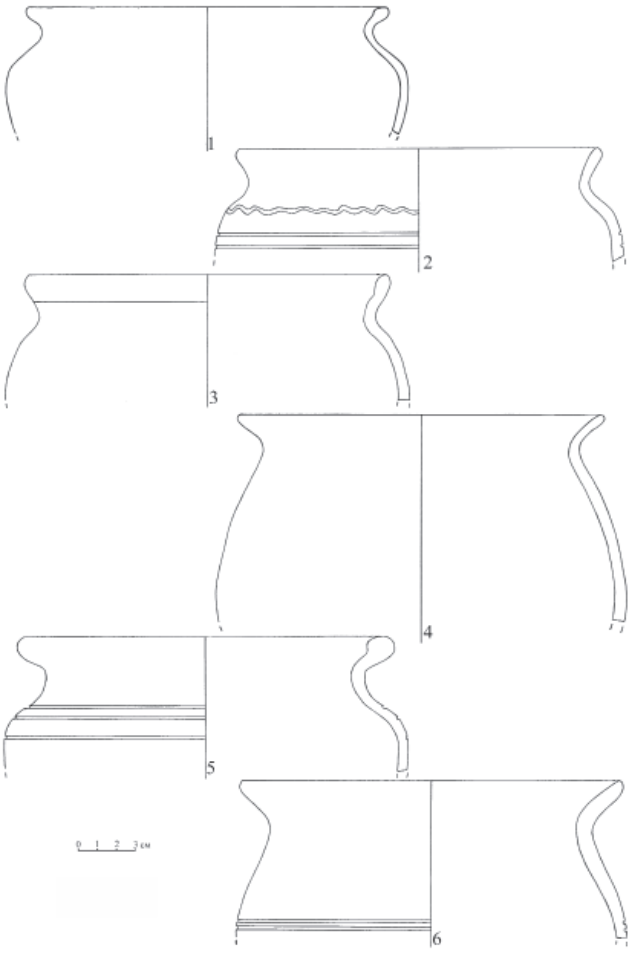


Рис. 5. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1* – раскоп I-2008, яма 8; *2-3,5-6* – раскоп I-2012: *2* – яма 12, *3* – культурный слой, *5-6* – яма 9; *4* – раскоп I-2016, яма 39.

Fig. 5. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1* – trench I-2008, pit 8; *2-3,5-6* – trench I-2012: *2* – pit 12, *3* – cultural layer, *5-6* – pit 9; *4* – trench I-2016, pit 39.

4). Диаметры венчиков 12,4-21 см, диаметры тулова 15-28,2 см. У полностью археологически сохранившегося сосуда (рис. 9: 4) диаметр днища 8,6 см, а высота 23,2 см. У одного из сосудов имеется петлевидная ручка, прикрепленная к плечику и краю венчика (рис. 7: 1), еще у одного есть две плоские ручки на тулове (рис. 9: 4). Орнаментированы 4 экз. (горизонтальные линии, однорядная и многорядная волна, гребенчатый штамп), без орнамента – 14. Аналогии известны с Увекского городища, селищ Широкий Буерак (Материальная, 2024, с. 65, 215, рис. 28, *10*; Недашковский, 2000, с. 110-112, рис. 30, *27*, 31, *5-6, 27-29*), Печерские Выселки, у оз. Рубленое, с Наровчата, Водянского городища, из золотоордынских слоев Болгарского городища и древнерусских материалов XII – первой половины XIII в. (Полубояринова, 1978, с. 90-91, 115-116, 118-119, рис. 22, *IV*, 39-40, 42; 1993, с. 41-42, 44-45, 47, 49, рис. 15, *X*, 16, *3*, 18, *4*; Хлебникова, 1988, с. 52, рис. 32, *4*).

Тип XI (12 экз.). С ровным по толщине венчиком с бороздкой по внутреннему краю и мягко отогнутой шейкой (рис. 1: 10; 2: 5-6; 3: 6; 4: 3; 5: 5; 6: 5; 7: 2, 6; 8: 4). Диаметры венчиков 16-23 см, диаметры тулова 17,2-24 см. Орнаментированы 6 экз. (горизонтальные линии, однорядная волна), без орнамента – 4. Аналогии известны с Алексеевского городища, селищ Хмелевское I, Широкий Буерак (Материальная, 2024, с. 54, 65, 208, 215, рис. 18, *10*, 19, *9*, 28, *6-7*; Недашковский, 2000, с. 110-112, 117, 120-122, рис. 31, *21, 38, 40-42*) и Березовское, в материалах Болгарского городища золотоордынского времени и Новгорода XIV в. (Полубояринова, 1978, с. 105-109, рис. 34, *III, V, VII*; 1993, с. 37, 41-42, 44-47, 49, рис. 11, *2*, 15, *XI*, 16, *1-2*, 17, *2-3*, 18, *1*; Хлебникова, 1988, с. 34, рис. 16, *1-2, 7-11*). Некоторая часть венчиков этого типа обладает массивным утолщением в нижней части, что характерно для керамики района Ополья (рис. 1: 10; 4: 3; 7: 2; 8: 4), их можно расценивать как импорт, или как продукцию переселенцев из этого района (Лапшин, 1992, с. 97, 100, рис. 1, тип VIII). Впрочем, эта же особенность есть и у горшков типа V (рис. 2: 1; 3: 5) и типа X (рис. 6: 1).

Тип XII (3 экз.). С утолщенным краем венчика, подтянутым вверх, изогнутой шейкой и покатыми плечиками (рис. 4: 4; 7: 5; 8: 2). Диаметры венчиков 19-19,8 см, диаметры тулова 18,6-23,4 см. Орнаментированы 2 экз. (горизонтальные линии, однорядная волна), без орнамента – 1. Аналогии имеются из материалов Болгарского городища второй половины XIV – начала XV в. и Березовского селища (Полубояринова, 1978, с. 106, 109, рис. 35, *VIII*; 1993, с. 41-42, 44-46, рис. 15, *XII*, 16, *3*, 18, *2*).

Тип XIV (2 экз.). С очень коротким, слабо отогнутым наружу венчиком, почти без шейки переходящим в широкое тулово (рис. 1: 18; 4: 2). Диаметры венчиков 12,2 и 19 см, диаметры тулова 15,9 и 20,3 см. Изделия не орнаментированы. Аналогии известны с Увекского (Недашковский, 2000, с. 110-112, рис. 31, *2*) и Водянского городищ, Наровчата, из материалов середины XIV – начала XV в. Болгарского

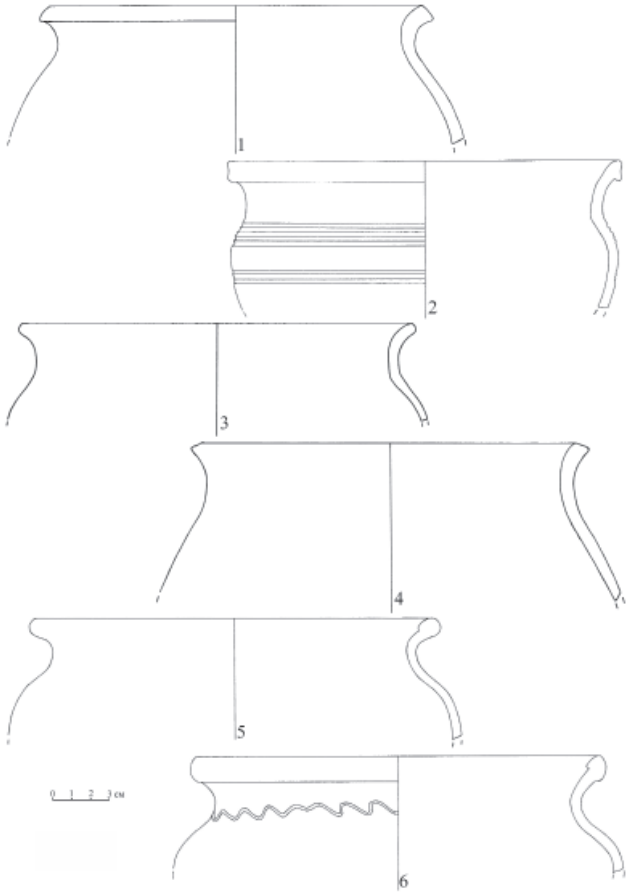


Рис. 6. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1* – раскоп I-2016, яма 42; *2,6* – раскоп I-2010, яма 9; *3* – раскоп I-2007, яма 4; *4* – раскоп I-2008, культурный слой; *5* – раскоп I-2011, яма 9.

Fig. 6. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1* – trench I-2016, pit 42; *2,6* – trench I-2010, pit 9; *3* – trench I-2007, pit 4; *4* – trench I-2008, cultural layer; *5* – trench I-2011, pit 9.

городища, а также из Ярополча XIV-XV вв. (Полубояринова, 1978, с. 93-94, 118-119, рис. 24, *X*, 42; 1993, с. 41-42, 45, рис. 15, *XIV*; Хлебникова, 1988, с. 52, рис. 32, *6*).

Невозможно отнести к какому-либо типу фрагмент без края венчика с орнаментом в виде однорядной волны (рис. 1: 17) и фрагмент днища с клеймом, напоминающим букву К (рис. 1: 25).

На раскопе I был найден 8891 фрагмент древнерусской керамики (табл. 1), из них в слое – 4126 фрагментов (46,4%), в ямах – 4765 фрагментов (53,6%). В первом штыке найдено 1009 фрагментов, во втором – 1697, в третьем – 722, в четвертом – 484, а в маломощном пятом - 11. В первых двух пластах, представляющих собой слой старой пашни, в основном встречается мелко фрагментированная керамика. В третьем, четвертом и пятом штыках крупные фрагменты встречаются значительно чаще. Наличие большего количества фрагментов керамики в первом и втором пластах по сравнению с тремя нижележащими связано с предшествующей распашкой селища.

На раскопе II, заложенном в части селища со слабо насыщенным культурным слоем, найдено 7 фрагментов древнерусской керамики (табл. 2).

Выявлены следующие виды орнамента, в порядке убывания частоты встречаемости (табл. 3): горизонтальные линии (рис. 1: 6, 9-10, 20; 2: 1-2; 4: 3-4; 5: 5-6; 6: 2; 7: 2-3, 6); однорядная волна (рис. 1: 15, 17, 24; 2: 6; 6: 6); многорядная волна (рис. 3: 3); горизонтальные линии и однорядная волна (рис. 1: 13, 21; 5: 2; 8: 2; 9: 3, 5); горизонтальные линии и многорядная волна (рис. 1: 5); горизонтальные линии и оттиски палочки (рис. 1: 19); оттиски палочки (рис. 2: 4); ногтевые вдавления; горизонтальные линии и ногтевые вдавления; многорядная волна и гребенчатый штамп (рис. 7: 1). На раскопе I найдено 1044 фрагмента керамики с орнаментом, что составляет 11,7% всей древнерусской посуды.

Древнерусская посуда встречена в заполнении почти всех (табл. 1) выявленных ям (кроме объектов 17, 23, 25, где отмечены фрагменты лишь золотоордынских сосудов, и ям 43, 47, в которых керамики найдено не было). В ямах 6, 8, 11-12, 14, 16, 18, 24, 26, 30, 37, 39-41, 45 и 49-52, т.е. в 19 из 52 всех исследовавшихся ям (почти в трети из них), древнерусская посуда даже количественно преобладает над золотоордынской. Также следует отметить, что в заполнении большинства крупных ям найдено более 100 фрагментов древнерусской керамики в каждой (ямы 4, 9, 12, 29, 31, 37, 39-40, 42, 44-45 и 50). В яме 9, представляющей собой природное понижение, в южной части которого оборудована полуземлянка, найдено 2256 фрагментов древнерусской посуды, что составляет 25,4% общего количества древнерусской керамики.

На Багаевском селище древнерусские сосуды присутствуют в большем количестве, чем на прочих селищах. Находки древнерусской керамики на раскопе I Багаевского селища составляют 28,7% от всей керамической посуды. На Хмелевском I селище доля древнерусской керамики на раскопах и в шурфе составляет от 0 до 3,7%, на раскопе на селище

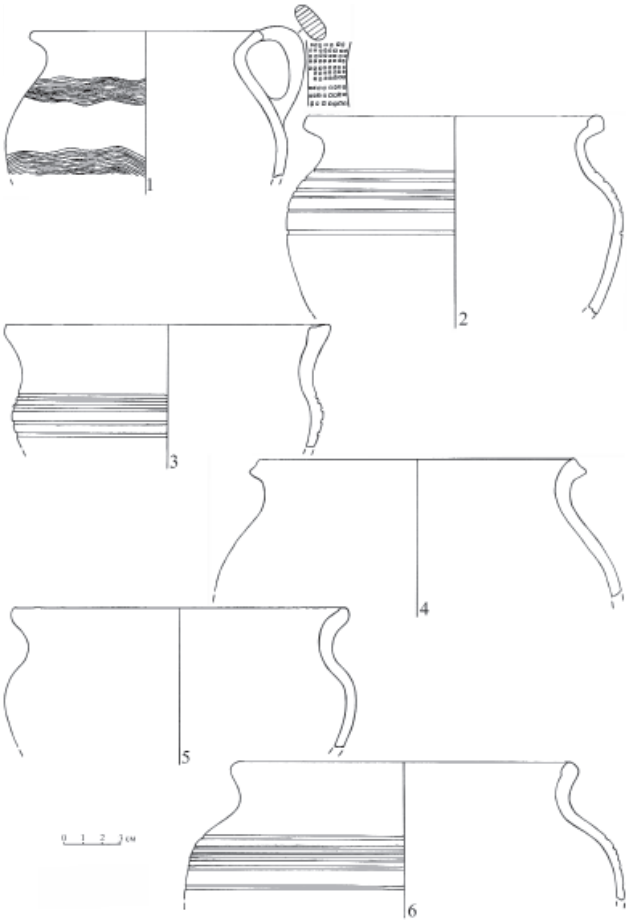


Рис. 7. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1-2,4-5* – раскоп I-2020: *1-2,5* – яма 45, *4* – культурный слой; *3* – раскоп I-2022, культурный слой; *6* – раскоп I-2021, яма 49.

Fig. 7. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1-2,4-5* – trench I-2020: *1-2,5* – pit 45, *4* – cultural layer; *3* – trench I-2022, cultural layer; *6* – trench I-2021, pit 49.

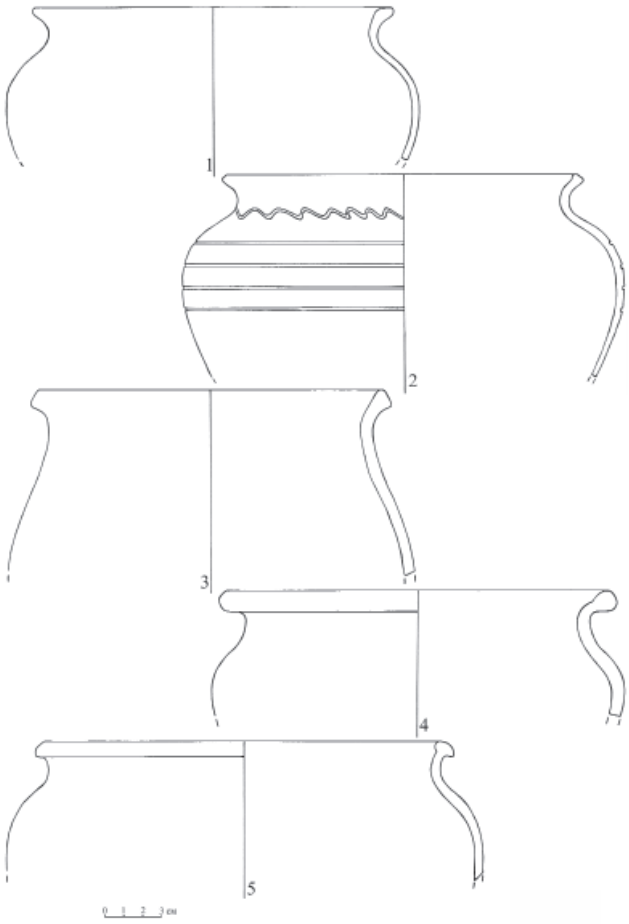


Рис. 8. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1-2* – раскоп I-2020, яма 45; *3,5* – раскоп I-2021, яма 9; *4* – раскоп I-2022, культурный слой.

Fig. 8. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1-2* – trench I-2020, pit 45; *3,5* – trench I-2021, pit 9; *4* – trench I-2022, cultural layer.

Широкий Буерак – 16,4%, на селище Колотов Буерак – 6,9%, на Константиновском селище – 5% (Материальная, 2024, с. 54, 65, 68, 70).

По орнаментации древнерусская керамика Багаевского селища отличается от комплекса Болгарского и Водянского городищ, Березовского селища (Полубояринова, 1978, с. 88, 103; 1993, с. 51, табл. 6) значительно меньшим количеством орнаментированной посуды.

Горшки группы В с примесью шамота, несвойственной древнерусской керамике, возможно изготовлялись по русским образцам мордовскими гончарами. Собственно мордовская лепная керамика (рис. 10) также хорошо известна с Багаевского селища (табл. 1). Обжиг такой посуды однослойный (рис. 10: 1-3, 5, 7-11, 13) или трехслойный (рис. 10: 4, 6, 12). Диаметр венчика реконструирован у восьми сосудов и составляет 12 (рис. 10: 9), 15,2 (рис. 10: 10), 16,2 (рис. 10: 11), 16,8 (рис. 10: 12), 18, 18,2, 18,4 (рис. 10: 13) и 19 см. Наибольший диаметр, который удалось реконструировать у шести сосудов, составляет 16,9 (рис. 10: 10), 19,2 (рис. 10: 12), 21,8, 22,8, 23,4 (рис. 10: 13) и 26 см. Фрагменты мордовской керамики встречены в крупной яме 9, в ямах в ее створе и еще в 6 зерновых ямах (15 фрагментов), в зерновой яме, соединенной с погребом (13 фрагментов), в трех хозяйственных ямах, соединенных с погребами (12 фрагментов), трех хозяйственных ямах (8 фрагментов) и в погребе (7 фрагментов). В ямах с мордовскими материалами были найдены монеты: в яме 4 найдены пулы 731 и 736 гг.х., в яме 9 - серебряные и медные моне-

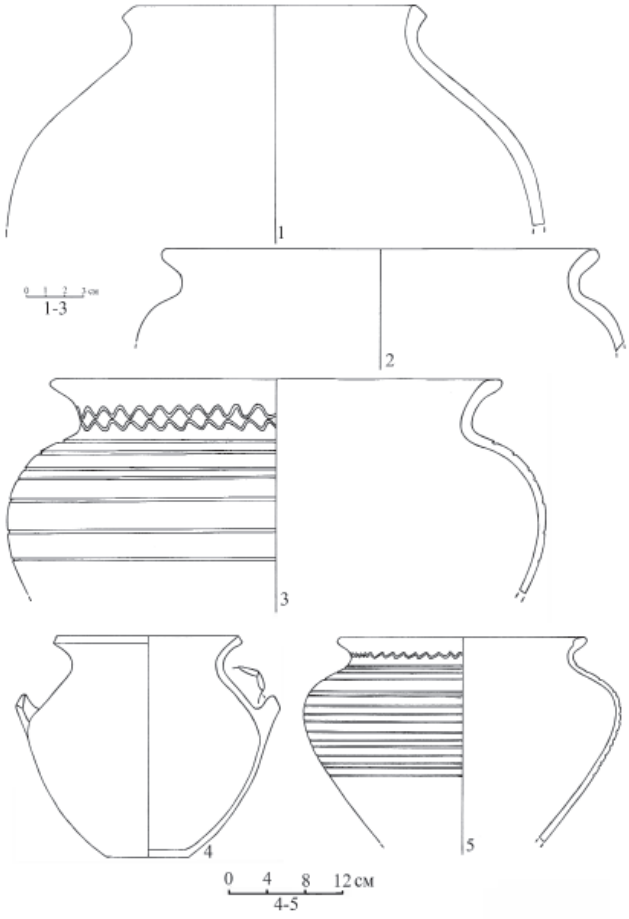


Рис. 9. Древнерусские сосуды с Багаевского селища: *1* – раскоп I-2021, яма 9; *2* – раскоп I-2007, яма 4; *3-5* – раскоп I-2008: *3* – яма 9, *4* – яма 12, *5* – яма 16.

Fig. 9. Ancient Russian vessels from the Bagaevka settlement: *1* – trench I-2021, pit 9; *2* – trench I-2007, pit 4; *3-5* – trench I-2008: *3* – pit 9, *4* – pit 12, *5* – pit 16.

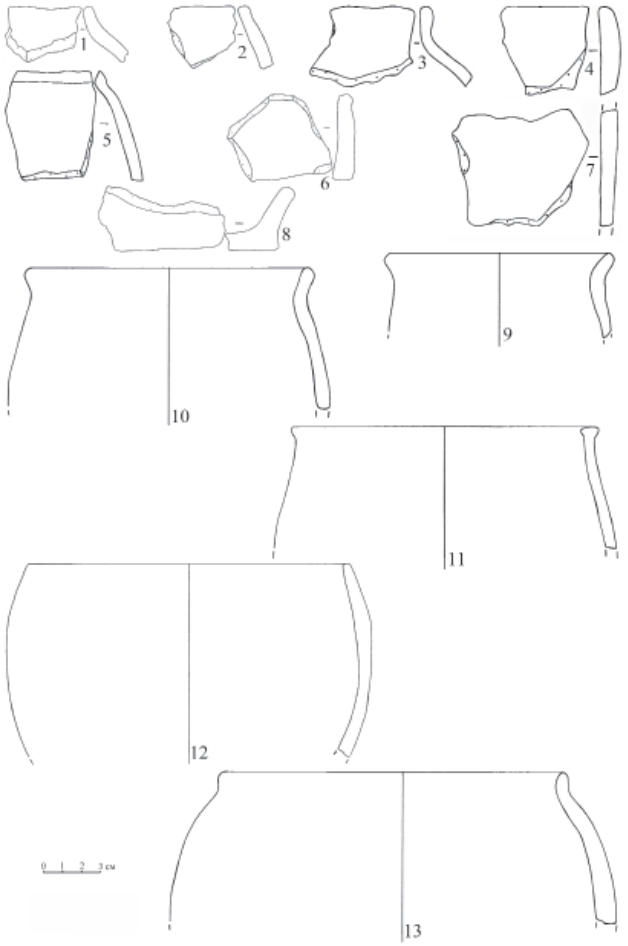


Рис. 10. Фрагменты мордовской керамики (*1-8*) и мордовские сосуды (*9-13*) с Багаевского селища: *1,6, 8* – раскоп I-2010: *1,8* – яма 9, *6* – культурный слой; *2* – раскоп I-2011, культурный слой; *3-5,7, 13* – раскоп I-2009: *3-4,7,13* – яма 9, *5* – культурный слой; *9* – раскоп I-2007, яма 4; *10* – раскоп I-2021, яма 9; *11* – раскоп I-2020, яма 44; *12* – раскоп I-2012, яма 35.

Fig. 10. Fragments of Mordovian pottery (*1-8*) and Mordovian vessels (*9-13*) from the Bagaevka settlement: *1,6,8* – trench I-2010: *1,8* – pit 9, *6* – cultural layer; *2* – trench I-2011, cultural layer; *3-5,7,13* – trench I-2009: *3-4,7,13* – pit 9, *5* – cultural layer; *9* – trench I-2007, pit 4; *10* – trench I-2021, pit 9; *11* – trench I-2020, pit 44; *12* – trench I-2012, pit 35.

ты конца XIII – начала 60-х гг. XIV в., в яме 37 - пул 1340-х гг., в яме 50 - серебряный дирхем Джанибека чеканки Сарая ал-Джедид 746 г.х.

На Багаевском селище есть и древнерусская керамика, производившаяся на месте, и привозная. В некоторых случаях представляется возможным определить, из каких русских земель происходило население, производившее керамику, если она изготавливалась не месте, а также, из какого именно региона керамика происходит, если она привозная.

В настоящее время есть множество классификаций древнерусской керамики по регионам, и даже общее компилятивное руководство по ее обработке. Каждый керамический комплекс представляет собой смесь продукции множества родственных очагов гончарства, в результате выделяются очень разнообразные типы. Общей бедой является фрагментарность материала, оставляющая возможность отдельно классифицировать венчики, донья, орнаменты (а с технологической точки зрения – формовочные массы и другие характеристики, не обязательно присутствующие на каждом фрагменте). В результате, даже если активно используются технологические признаки, на выходе для разных памятников получаются таблицы со сходными наборами «типов», отличающимися количественно, но очень похожими по качественным характери-

Таблица 1. Статистика находок из раскопа I на Багаевском селище
(без золотоордынской неполивной керамики и индивидуальных находок)
Table 1. Statistics of finds from trench I at the Bagaevka settlement (without the Golden Horde non-glazed ceramics and individual finds)

	кашинная кер-ка	люстровая кер-ка	красноглиняная поливная кер-ка	штампованная кер-ка	мордовская лепная кер-ка	древнерусская кер-ка	трапезундские амфоры	трилийские амфоры	амфоры группы клейма SSS	кости	камни	фр-ты глиняной обмазки	фр-ты тандыра	кирпич	керамический шлак	железный шлак	кер-ка эпохи бронзы
шт. 1	5	-	7	1	17	1009	22	1	1	2575	9276	69	8	495	26	3	10
шт. 2	6	1	10	2	73	1697	33	1	-	4523	1994	54	11	206	6	2	10
шт. 3	3	-	6	1	20	722	5	-	2	1475	161	47	3	12	1	37	2
шт. 4	-	-	3	2	11	484	11	-	-	1609	134	28	8	9	3	-	-
шт. 5	-	-	1	-	-	11	-	-	-	49	7	3	1	-	-	-	-
бровки	-	-	2	-	4	203	11	-	-	457	34	33	2	8	-	1	2
всего из слоя	**14**	**1**	**29**	**6**	**125**	**4126**	**82**	**2**	**3**	**10688**	**11606**	**234**	**33**	**730**	**36**	**43**	**24**
яма 1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	5	3	8	-	-	-	-	-
яма 2	-	-	-	-	-	41	-	-	-	445	213	24	3	4	-	3	-
яма 3	-	-	-	-	-	13	-	-	-	139	107	40	2	2	1	-	-
яма 4	-	-	1	-	13	266	-	-	-	664	192	23	-	1	-	-	2
яма 5	1	-	-	-	4	20	-	-	-	447	75	9	1	-	-	-	-
яма 6	-	-	-	-	-	11	-	-	-	15	9	-	-	-	-	-	-
яма 7	-	-	-	-	1	72	-	-	-	77	11	3	-	-	-	-	-
яма 8	-	-	-	-	-	63	1	-	-	65	10	-	-	-	-	-	-
яма 9	2	1	8	1	59	2256	63	2	-	5486	914	140	8	28	15	42	7
яма 10	-	-	-	-	-	5	-	-	-	9	3	-	-	-	-	-	-
яма 11	-	-	-	-	-	9	-	-	-	3	2	-	-	-	-	-	-
яма 12	-	-	-	-	5	143	1	-	-	235	16	23	-	-	-	-	-
яма 13	-	-	-	-	-	1	-	-	-	22	-	20	-	-	-	-	-
яма 14	-	-	-	-	-	6	-	-	-	5	4	-	-	-	-	-	-
яма 15	-	-	-	-	2	15	-	-	-	12	6	-	-	-	-	-	-
яма 16	-	-	-	-	1	79	1	-	-	77	13	19	-	-	-	-	-
яма 17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	-	-	-	-	-
яма 18	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	1	-	5	-	-	-	-
яма 19	-	-	-	-	-	1	-		-	-	2	-	-	-	-	-	-
яма 20	-	-	-	-	-	2	-	-	-	5	2	-	-	1	-	-	-
яма 21	-	-	-	-	-	1	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
яма 22	-	-	-	-	2	10	-	-	-	37	3	1	-	-	-	-	-
яма 23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-
яма 24	-	-	-	-	-	3	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-
яма 26	-	-	-	-	-	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 27	-	-	-	-	-	1	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-

яма 28	-	-	-	-	-	1	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-
яма 29	-	-	-	-	2	114	-	-	-	164	5	13	-	-	-	-	-
яма 30	-	-	2	-	-	11	-	-	-	33	-	-	-	-	1	-	-
яма 31	4	-	4	-	3	264	-	-	-	784	8	19	1	-	-	-	2
яма 32	-	-	-	-	2	67	-	-	-	115	3	5	-	-	-	-	-
яма 33	-	-	-	-	-	21	1	-	-	54	1	12	-	-	-	-	-
яма 34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 35	-	-	-	-	9	29	-	-	-	101	1	4	-	-	-	1	-
яма 36	1	-	-	-	5	38	-	-	-	359	22	2	1	-	-	-	-
яма 37	-	-	1	-	6	252	11	-	-	367	204	51	-	-	-	-	-
яма 38	-	-	-	-	-	15	1	-	-	48	2	-	-	-	-	2	-
яма 39	1	1	2	-	1	143	1	-	-	359	11	3	-	-	-	-	1
яма 40	-	-	1	-	1	160	2	-	-	127	27	-	-	-	-	-	1
яма 41	-	-	-	-	-	16	-	-	-	25	-	-	-	-	-	-	-
яма 42	5	-	1	-	7	144	2	-	-	425	40	1	-	-	-	-	-
яма 43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 44	-	-	-	-	6	139	6	-	-	453	9	5	-	-	-	-	-
яма 45	7	-	-	-	3	160	-	-	-	570	92	17	-	-	-	-	-
яма 46	-	-	-	-	-	1	-	-	-	7	-	1	-	-	-	-	4
яма 48	-	-	-	-	-	2	-	-	-	18	-	-	-	-	-	-	-
яма 49	-	-	-	-	-	10	-	-	-	17	-	-	-	-	1	-	-
яма 50	-	-	-	-	1	127	2	-	-	143	13	39	1	-	1	-	2
яма 51	-	-	-	-	-	17	-	-	-	56	-	7	-	-	-	-	-
яма 52	-	-	-	-	-	6	-	-	-	3	-	-	-	-	7	-	-
всего изям	**21**	**2**	**20**	**1**	**133**	**4765**	**92**	**2**	**-**	**12015**	**2024**	**489**	**22**	**36**	**26**	**48**	**19**
итого	**35**	**3**	**49**	**7**	**258**	**8891**	**174**	**4**	**3**	**22703**	**13630**	**723**	**55**	**766**	**62**	**91**	**43**

Таблица 2. Статистика находок из раскопа II на Багаевском селище
(без золотоордынской неполивной керамики и индивидуальных находок)
Table 2. Statistics of finds from trench II at the Bagaevka settlement (without the Golden Horde non-glazed ceramics and individual finds)

	красно-глиняная поливная	древне-русская	трапезун-дские амфоры	кости	кам-ни	фр-ты глиняной обмазки	фр-ты тандыра	кир-пич	желез-ный шлак	эпохи бронзы
шт. 1	-	2	-	4	125	-	-	7	-	-
шт. 2	2	2	-	98	197	1	-	13	-	15
шт. 3	-	3	-	140	8	-	-	-	-	23
итого	2	7	-	242	330	1	-	20	-	38

Таблица 3. Статистика орнаментированной древнерусской керамики из раскопа I на Багаевском селища
Table 3. Statistics of Ancient Russian ornamented pottery from trench I at the Bagaevka settlement

	горизонтальные линии	многорядная волна	однорядная волна	оттиски палочки	ногтевые вдав-ления	горизонтальные линии и многорядная волна	горизонтальные линии и однорядная волна	горизонтальные линии и оттиски палочки	горизонтальные линии и ногтевые вдав-ления	многорядная волна и гребенчатый штамп
шт. 1	59	14	9	-	1	2	3	2	-	-
шт. 2	170	15	13	-	-	2	10	-	1	-
шт. 3	57	14	10	-	-	-	2	1	-	-
шт. 4	25	5	4	-	-	1	6	1	-	-
шт. 5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
бровки	22	3	6	-	-	-	-	1	-	-
всего из слоя	333	51	43	-	1	5	21	5	1	-
яма 4	13	9	3	2	1	-	-	-	-	-
яма 6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 7	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 8	3	3	2	-	-	2	-	-	-	-
яма 9	195	29	34	1	-	13	10	-	-	-
яма 10	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 11	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 12	17	-	7	-	-	1	2	-	-	-
яма 16	9	2	2	-	-	3	4	-	-	-
яма 20	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 22	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 29	12	-	9	4	-	1	1	-	-	-
яма 30	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 31	10	5	3	-	-	1	-	1	-	-
яма 32	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 33	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
яма 35	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 37	18	4	3	-	-	2	-	1	-	-
яма 38	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 39	16	4	3	-	-	3	-	3	-	-
яма 40	15	-	1	-	-	1	-	-	-	-
яма 41	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-

яма 42	9	1	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 44	6	3	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 45	17	2	2	-	-	-	2	-	-	1
яма 49	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 50	10	2	2	-	-	1	1	-	-	-
яма 51	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
яма 52	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
всего из ям	384	64	74	7	1	28	20	5	-	1
итого	717	115	117	7	2	33	41	10	1	1

стикам. Интерпретация таких данных малопродуктивна.

Именно многочисленность керамики древнерусского происхождения (в сочетании с другими доказательствами) позволяет считать, что часть ее была местной, хотя очевидно, что в домонгольское время древнерусского населения на этой территории не было. Проблема определения источника миграции на Среднюю и Нижнюю Волгу возникла давно (Алихова, 1960, с. 208), причем А.Е. Алихова склонилась к мнению, что на поселении Березовка обитало древнерусское население из северных поволжских областей, что резонно предполагать и для Самарского, и для Саратовского Поволжья.

На собственно русской территории существовали десятки очагов производства во всех крупных городах и более скромное количество по мере уменьшения размера населенного пункта вплоть до единичных очагов в селах. Даже если предположить, что нам будут известны особенности каждого очага гончарства, держать их в памяти и отличать их продукцию по фрагментам едва ли будет возможно. Но при этом, если мы посмотрим на публикации керамических комплексов отдельных городов и сел, то окажется, что везде керамика очень неоднородна (по цвету, составу формовочных масс, декору, формам), и только технологию формовки можно считать относительно общей, когда независимо группирующиеся отдельные технологические признаки также отличаются. При этом в каждом отдельном пункте можно встретить практически все типы, только в разных пропорциях, а полнота представленности зависит в основном от количества полученного материала. Отчасти эта смешанность керамики объясняется перемещениями населения и самой керамической посуды вместе с ним, отчасти – перемещением самих гончаров и производств.

Археологи, долго работающие с керамикой разных древнерусских памятников, все же могут определять продукцию конкретных городов и регионов, но и это всегда делается с определенными допущениями. В дальнейшем возможна более надежная морфологическая классификация с «сильными типами», если удастся надежно выделить дискретные отличительные технологические признаки отдельных очагов гончарства.

Благодарности:
Авторы выражают благодарность за консультации И.С. Аникину и С.В. Шполянскому.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Русский поселок XIII-XIV веков у села Березовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80. М.: АН СССР, 1960. С. 195–209.

Аникин И.С. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Мурома (район села Карачарово) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 152-167.

Васильева И.Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII – XIV века Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 168–192.

Волков И.В., Недашковский Л.Ф. Технологические особенности изготовления золотоордынской неполивной керамики с Багаевского селища // Археология Евразийских степей. 2024. № 5. С. 184–195.

Грибов Н.Н. Керамический комплекс русского селища XIV в. из округи г. Н. Новгорода // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Памяти Василия Ивановича Смирнова / Отв. ред. С.И. Алексеев. Кострома: Центр археологических исследований, 2001. С. 158–169.

Кренке Н.А. Подходы к типологии древнерусской керамики. Смоленский «частный случай» // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / автор-сост. Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2020. С. 4–17.

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Эвтектика, 1992. С. 90–102.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) / Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Малыгин П.Д. Типология и хронология новоторжской керамики XI-XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Ред. В.Л. Янин и др. М.: Черметинформация, 1991. С. 198–216.

Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья / Отв. ред. Л.Ф. Недашковский. М.: Наука; Восточная литература, 2024. 239 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф., Волков И.В., Шигапов М.Б. Золотоордынская неполивная керамика с Багаевского селища // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 223-237.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Рязанов С.В. Неполивная керамика Славянского (Куричанского) поселения близ Таганрога // Краеведческие записки. Вып. 1 / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Тип. НГТУ, 1994. С. 5–18.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Шигапов Марат Баязитович, кандидат исторических наук, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR

(Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 195-209 (in Russian).

Anikin, I. S. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 152-167 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 168-192 (in Russian).

Volkov, I. V., Nedashkovsky, L. F. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 184-195 (in Russian).

Gribov, N. N. 2001. In Alekseev, S. I. (ed.). *Vestnik Kostromskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Bulletin of the Kostroma archaeological expedition)* 1. Kostroma: Centre of archaeological research, 158-169 (in Russian).

Krenke, N. A. 2020. In Krenke, N. A. (comp.). *Smolenskaya keramika VIII–XIX vv. Novye materialy i starye kollektsii (Smolensk pottery of the VIII-XIX centuries. New materials and old collections)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 4-17 (in Russian).

Lapshin, V. A. 1992. In Pletneva, S. A. (ed.). *Drevnerusskaya keramika (Ancient Russian Ceramics).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 90-102 (in Russian).

Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.)* (*Tver in the 13th – 15th Centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, XXX. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University (in Russian).

Malygin, P. D. 1991. In Yanin, V. L. et al. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli. 1990 (Materials on archaeology of Novgorod land. 1990)*. Moscow: "Chermetingormatsiya" Publ., 198-216 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. (ed.). 2024. *Material'naya kul'tura zolotoordynskikh selishch tsentral'noy chasti Saratovskogo Povolzh'ya (Material culture of the Golden Horde settlements of the central part of the Saratov Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ.; "Vostochnaia Literatura" Publ. (In Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Volkov, I. V., Shigapov, M. B. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 223-237 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ryazanov, S. V. 1994. In Raev, B. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 1. Novocherkassk: NSTU, 5–18 (in Russian).

Sedova, M. V. 1978. *Yaropolch Zalesskiy (Yaropolch Zalessky).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7-102 (in Russian).

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Shigapov Marat B. Candidate of Historical Sciences, Povolzhskaya arkheologiya LLC. Nekrasova St., 28, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902/904 561 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.121.133

ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КЛИМАТИЧЕСКОГО ОПТИМУМА В СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВЫХ СПЕКТРАХ ОТЛОЖЕНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВЮЖНОГО УРАЛА[1]

© 2025 г. Р.Г. Курманов, Е.В. Русланов, А.С. Проценко, Р.Р. Русланова, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, И.Ф. Кадыров

В статье приводится палинологическая характеристика средневекового климатического оптимума, полученная для территории Южного Урала. Анализ спорово-пыльцевого состава отложений памятников лесостепной и лесной зоны Южного Предуралья позволил выявить три ключевых индикатора изменения климата: липа и луговое разнотравье – для теплого периода, сосна – для эпохи средневекового климатического минимума и малого ледникового периода. В теплый и влажный период оптимума липовые леса имели широкое распространение в лесной зоне Южного Предуралья и спорадически встречались на водоразделах. На открытых пространствах большой вклад вносили луговые травы. Смена прохладного и умеренно-влажного, местами довольно засушливого, климата раннего средневековья (в эпоху существования кушнаренковской и кара-якуповской культур) на теплую и влажную обстановку позднего средневековья (во время бытования чияликской культуры), вероятно, произошло уже в VIII в. Условия оставались благоприятными до наступления малого ледникового периода в XIV в. На территории горно-лесной зоны маркером потепления в позднем средневековье выступает лещина. Индикатором дальнейшего похолодания является сосна. Ландшафтно-климатические характеристики средневекового климатического пессимума на Южном Урале обозначить не удалось.

Ключевые слова: археология, палинология, средневековой климатический оптимум, чияликская культура, кушнаренковская культура, кара-якуповская культура, золотоордынское время, Южный Урал.

REFLECTION OF THE MEDIEVAL CLIMATIC OPTIMUM IN THE PALYNOLOGICAL SPECTRA OF DEPOSITS OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE SOUTHERN URALS[2]

R.G. Kurmanov, E.V. Ruslanov, A.S. Protsenko, R.R. Ruslanova, N.S. Savelyev, V.V. Ovsyannikov, I.F. Kadyrov

The paper presents the palynological characteristics of the medieval climatic optimum obtained for the territory of the Southern Urals. Analysis of the palynological composition of deposits of monuments in the forest-steppe and forest zones of the Southern Fore-Urals made it possible to identify three key indicators of climate change: linden and meadow herbs – for the warm period, pine – for the era of the medieval climatic minimum and the Little Ice Age. During the warm and humid optimum period, linden forests were widespread in the forest zone of the Southern Fore-Urals and were found sporadically on watersheds. In open spaces, meadow grasses made a major contribution. The change from the cool and moderately humid, sometimes quite dry, climate of the early Middle Ages (during the era of the Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures) to the warm and humid climate of the late Middle Ages (during the existence of the Chiyalik culture) probably occurred already in the 8th century. Climatic conditions remained favorable until the onset of the Little Ice Age in the 14th century. On the territory of the mountain-forest zone, hazel acts as a marker of warming in the late Middle Ages. An indicator of further cooling during is pine. It was not possible to identify the landscape and climatic characteristics of the medieval climatic pessimum in the Southern Urals.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 “Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование”, и государственной бюджетной темы № FMRS-2025–0013 (лабораторные исследования).

[2] The research was supported by Russian Science Foundation, grant No. 23-78-10057 “The dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to its incorporation into Russia (IV century BC – XVI century): interdisciplinary archaeological research”, and state budget theme No. FMRS-2025–0013 (laboratory research).

Keywords: archaeology, palynology, Medieval Climatic Optimum, Chiyalik culture, Kushnarenkovo culture, Karayakupovo culture, Golden Horde era, Southern Urals.

Введение

Средневековой климатический оптимум представляет собой период с относительно теплым климатом, который последовал за климатическим минимумом раннего Средневековья и предшествовал малому ледниковому периоду. Термин был впервые использован Х. Лэмбом для характеристики теплой эпохи в Северной Атлантике и Западной Европе в интервале IX–XIV вв., которая была выделена на основе исторических источников «эпохи викингов», ботанических и метеорологических данных (Lamb, 1965). Полученные выводы были в дальнейшем подтверждены различными методами: данными дендрохронологии (LaMarche, 1974; Hantemirov et al., 2021), находками древесины севернее современной границы леса и выше границы леса в горах (Mann et al., 2009), материалами анализа морских льдов Гренландии (Jensen et al., 2004) и ледников Канадской Арктики (Anderson et al., 2008), данными геотермических реконструкций (Голованова и др., 2012) и итогами исследований инсоляции Земли (Федоров, Гребенников, 2020). Хронологические рамки малого оптимума, согласно различным источникам (Crowley, Lowery, 2000; Neukom et al., 2019), охватывают период с 700 по 1350 гг., однако наиболее общепринятым считается интервал 950–1250 гг. (Mann et al., 2009). Глобальный характер оптимума оспаривается некоторыми исследователями (Folland et al., 1990; Neukom et al., 2019), так как региональные колебания климата не совпадают с общемировым трендом, из-за чего к данной эпохе часто применяется название средневековой климатической аномалии.

Европейские палеоклиматические реконструкции характеризуют это время как теплый и относительно сухой период (Goosse et al., 2005). Хотя результаты некоторых исследований указывают на рост среднегодового количества осадков (Davis et al., 2003). Палеореконструкции для центральных и северо-западных районов Восточно-Европейской равнины показывают, что зимние и летние температуры в течение средневекового теплого периода были близки к современным, а количество осадков – на 25–50 мм ниже (Климанов и др., 1995).

В спорово-пыльцевых спектрах из отложений ряда разрезов центральных районов европейской части России (Хотинский, 1977; Хотинский и др., 1991), относящихся к оптимуму, отмечено повышение доли пыльцы широколиственных пород (дуб, липа, вяз). В Южном Предуралье также выделено кратковременное потепление, максимум которого приходится на 1,0 тыс. л. н. В это время шло увеличение роли липы (Немкова, Климанов, 1988). Для горно-лесной зоны Южного Урала и Зауралья палинологические характеристики осадков позднего Средневековья отсутствуют.

Влажная климатическая обстановка во время средневекового оптимума была выявлена для Горного Алтая (озеро Манжерок) (Blyakcharchuk et al., 2017). Полученная картина оказалась противоположной той, что наблюдалась в тот же период в засушливой Центральной Азии, но схожа с климатической обстановкой восточного Китая (Chen et al., 2015) и юга Приморья (Разжигаева и др., 2019).

Целью нашей работы стала реконструкция растительности и климата Южного Урала в эпоху средневекового климатического оптимума на основе обобщенных археолого-палинологических данных.

На изучаемой территории малый климатический оптимум сопоставим со временем существования чияликской культуры – IX–XV вв. (Казаков, 2007; Гарустович, 2015; Русланов, 2023). Поэтому первостепенной задачей стал анализ спорово-пыльцевого состава культурных слоев этих памятников позднего Средневековья. Отдельное внимание было уделено археологическим памятникам раннего Средневековья, где были обнаружены находки кушнаренковской и кара-якуповской культур (VI–VIII вв.), что позволило охарактеризовать период, предшествующий средневековому климатическому оптимуму.

Методы исследования

К памятникам, где были выделены чияликские культурные слои, относятся Кара-Абызское городище в лесной зоне, селища Ябалаклы-1 и 3 в лесостепной зоне Южного Предуралья (рис. 1).

Кара-Абызское городище расположено в 30 км от г. Уфы, ниже по течению р. Белой, на

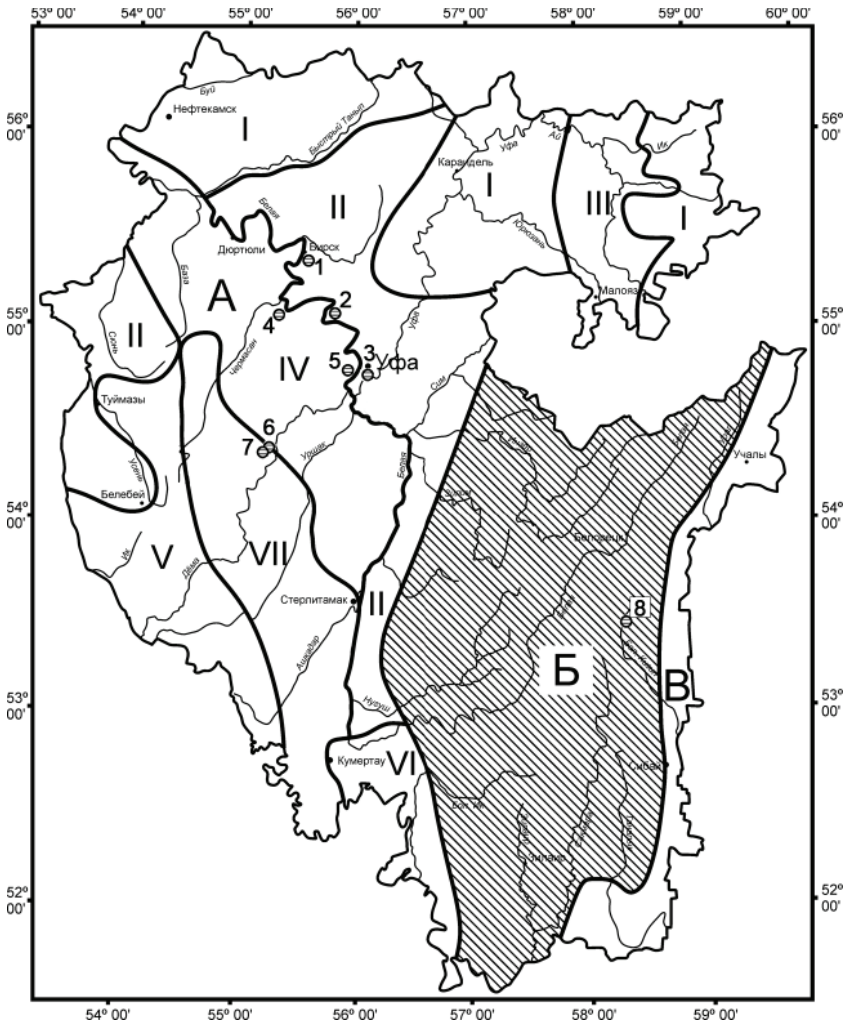


Рис. 1. Расположение изученных археологических памятников: 1 – Бирское поселение, 2 – Кара-Абызское городище, 3 – городище Уфа-2, 4 – Чертово городище, 5 – Романовское-2 поселение, 6 – селище Ябалаклы-1, 7 – селище Ябалаклы-3, 8 –Сейткуловское поселение. Условные обозначения: Зоны: А – Южное Предуралье, Б – горный Урал, В – Зауралье. Современное ботанико-географическое деление: I – районы широколиственно-темнохвойных лесов, II – районы смешанных широколиственных лесов, III – Месягутовская лесостепь, IV – Предбельская лесостепь, V – лесостепной район юго-восточной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, VI – лесостепной район башкирской части Общего Сырта, VII – Давлекановский степной район

Fig. 1. Location of the studied archaeological sites: 1 – Birsk settlement, 2 – Kara-Abyz hillfort, 3 – Ufa-2 hillfort, 4 – Chertovo hillfort, 5 – Romanovskoye-2 settlement, 6 – Yabalakly-1 settlement, 7 – Yabalakly-3 settlement, 8 – Seitkulovo settlement. Legend: Zones: А – Southern Fore-Urals, Б – mountainous Urals, В – Trans-Urals. Modern botanical and geographical division: I – areas of temperate broadleaf -dark coniferous forests, II – areas of mixed broadleaf forests, III – Mesyagutovo forest-steppe, IV – Fore-Belaya forest-steppe, V – forest-steppe region of the southeastern part of the Bugulma-Belebey Upland, VI – forest-steppe region of the Bashkir part of Obshchy Syrt, VII – Davlekanovo steppe region

мысу коренной террасы правого берега реки (высота 40 м). Городище является реперным поселенческим памятником кара-абызской культуры. Самые ранние археологические находки датированы IV/III вв. до н. э., самые поздние – кольцо с овальным щитком и бронзовая подвеска-бубенчик с рельефным орнаментом – XII–XIII вв. (чияликская культура). В 2017 г. палинологическим методом было изучено семь проб из посада городища (шурф № 2). Расчет результатов спорово-пыльцевого анализа производился по группам: пыльца древесно-кустарниковых, травянисто-кустарничковых и споровых растений. Сначала вычислялся общий состав, т. е. процентное соотношение между суммами пыльцы деревьев, трав и спор (за 100% брали сумму всех зарегистрированных пыльцевых зерен и

спор), а затем процент пыльцы и спор каждого вида, рода или семейства (Гричук, Заклинская, 1948).

Селище Ябалаклы-1 находится в 1,13 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы на левом обрывистом берегу р. Демы (высокая пойма). Памятник, судя по насыщенности культурного слоя, является одним из долговременных поселений (зимников) населения чияликской культуры. Полученный в ходе раскопок материал (фрагменты корчаг, кашинная посуда, стремя, части чугунных котлов) позволил датировать селище XIV в. Также был установлен факт in situ залегания на глубине 0,50 м керамики кушнаренковской культуры V–VII вв. н. э., а на глубине 0,60–0,65 м слоя эпохи бронзы (срубная культура, середина II тыс. до. н. э.). Из раскопа 2023 г. отобрано и изучено 23 образца.

Селище Ябалаклы-3 расположено в 2,6 км к юго-востоку от д. Ябалаклы, в 2,1 км к юго-востоку от д. Новые Ябалаклы, на пойменной гриве левого берега р. Большой Удряк. Вещевой комплекс, представленный на памятнике, относится к периоду позднего Средневековья. Наиболее датирующей находкой является фрагмент навесного замка (XIV – первая половина XV вв.). На палинологический анализ в 2023 г. было взято девять образцов (шурф № 2).

К археологическим памятникам, где были получены палинологические характеристики времени бытования кушнаренковской и кара-якуповской культуры, отнесены Чертово (Кушнаренковское) городище и Романовское-2 поселение в лесостепной зоне, городище Уфа-2 и Бирское поселение, находящиеся в лесной зоне Южного Предуралья.

Чертово городище расположено на высоком мысу коренной террасы левого берега р. Белой. Мыс образован краем террасы и глубоким оврагом. Большая часть керамики, полученная с городища, относятся к кара-якуповскому типу (VII–VIII вв.). Для палинологического анализа в 2023 г. отобрано пять проб.

Романовское-2 поселение расположено в Ленинском районе г. Уфы. Памятник занимает небольшой мыс, образованный краем коренной террасы, бортом глубокого оврага и двумя небольшими балками, вытянут в западном направлении на 233 м вдоль склона оврага. Поселение многослойное, фиксируются находки эпохи мезолита, бронзы (абашевская культура), раннего железного века (курмантауская и кара-абызская культура), раннего Средневековья («романовский» тип, бахмутинская, кушнаренковская и кара-якуповская культуры). В ходе исследований 2010, 2019 и 2024 гг. установлено, что культурный слой продолжается в западном направлении вдоль края оврага и относится к двум эпохам. Первый период освоения данного участка связан с кара-абызской культурой (IV–II вв. до н. э.), на втором этапе площадка была заселена населением, оставившим керамику «романовского» типа и кушнаренковской культуры (VI–VII вв.). Здесь в 2024 г. для спорово-пыльцевого анализа было отобрано девять проб.

Городище Уфа-2 находится в историческом центре г. Уфы, на правом берегу р. Белой, на мысу, образованном двумя глубокими оврагами. Культурный слой городища датирован в пределах первой половины II – второй половины – первой половины IX в. (Levchenko, Sungatov, 2013). Он связан с бахмутинскими, турбаслинскими, именьковско-романовскими, кушнаренковскими и кара-якуповскими культурами. Единично в слоях городища встречена керамика чияликской культуры, что говорит о кратковременном заселении площадки памятника в период позднего Средневековья (Гарустович, Овсянников, Русланов, 2018). Палинологически были изучены раскопы 2012 и 2017 гг., всего исследована 71 проба (Русланова и др., 2020; Белявская и др., 2022). Находки с данных раскопов датированы IV/V–IX вв. и V–VIII вв. соответственно. В верхних слоях зафиксирована керамика кушнаренковского типа. Чияликские слои на изученных раскопах не обнаружены.

Бирское поселение находится на западной окраине г. Бирска. Топографически памятник занимает участок узкой долины ручья, зажатой между холмами высокой коренной террасы, высотой 3–4 м над урезом р. Белой. Всего на поселении выделено пять культурных групп керамического материала: межовская, курмантауская, ананьинская, бахмутинская и кушнаренковская (датирована VII в.). В 2017 г. из расконсервированной стенки раскопа 1978 года на анализ было взято 13 проб (Овсянников, Курманов, 2018).

На территории восточного склона Южного Урала был изучен один памятник золото-

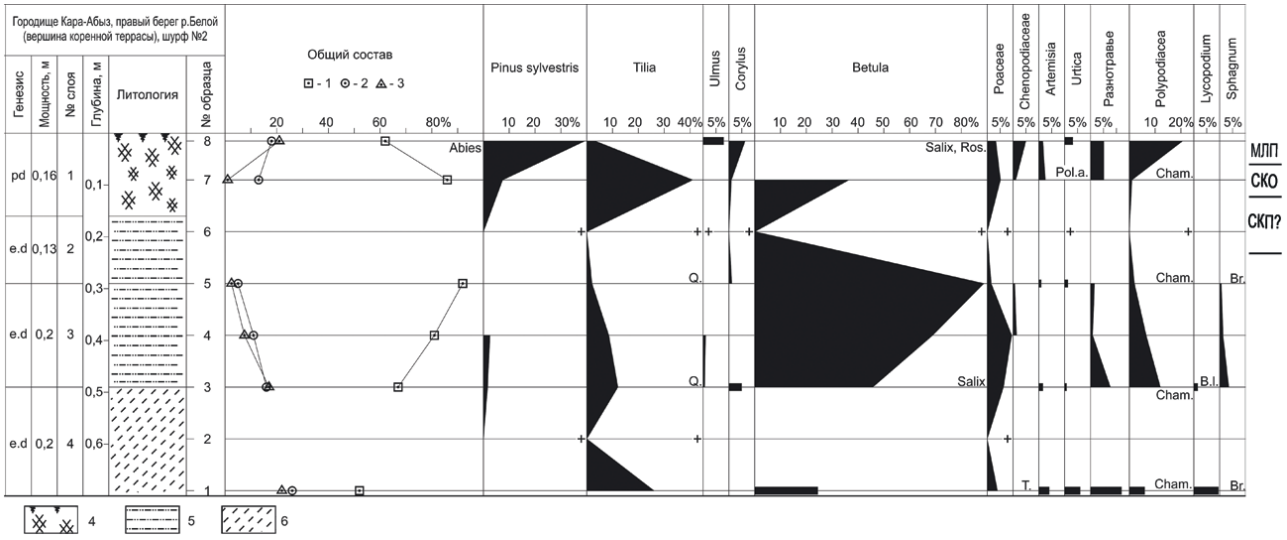


Рис. 2. Разрез голоценовых отложений Кара-Абызского городища. Условные обозначения к рис. 2-7: 1 – древесно-кустарниковая пыльца, 2 – травянисто-кустарничковая пыльца, 3 – споры. 4 – почва, 5 – супесь, 6 – суглинок; СКП – средневековой климатический пессимум, СКО – средневековой климатический оптимум, МЛП – малый ледниковый период.

Fig. 2. Section of Holocene deposits of the Kara-Abyz hillfort. Legend for fig. 2-7: 1 – tree-shrub pollen, 2 – herbage pollen, 3 – spores. 4 – soil, 5 – sandy loam, 6 – loam; MCP – medieval climatic pessimum, MCO – medieval climatic optimum, LIA – little Ice Age.

ордынской эпохи, датированный XIII–XIV вв. – Сейткуловское поселение. Памятник находится в 1 км к югу от д. Саиткулово, на мысу высотой около 5 м над поймой левого берега р. Большой Кизил. В 2022 г. на площадке памятника был заложен шурф № 6. Археологические находки встречались на глубинах от 3 до 13 см от поверхности. Один фрагмент керамики с примесью талька может быть датирован эпохой бронзы, заплата на котел, два фрагмента керамики и кусок обмазки могут быть датированы эпохой позднего Средневековья. Всего на спорово-пыльцевой анализ было отобрано десять проб.

Результаты и обсуждение

Третий этап заселения цитадели Кара-Абызского городища связан с чияликским населением. Палинологические данные из культурного слоя шурфа № 2 (образец СП 7, рис. 2) свидетельствуют о существовании лесных ландшафтов в окрестностях городища в XII–XIII вв. В этот период были широко распространены широколиственные и мелколиственные леса (липа 41%, береза 36%). Климат был теплым и влажным. Условия, предшествующие средневековому климатическому оптимуму, не удалось охарактеризовать – проба СП 6 содержала лишь единичные палиноморфы (сосна, липа, вяз, лещина, береза, злаки, крапива, папоротники), а в более поздний промежуток времени, соответствующий малому ледниковому периоду (СП 8), стали распространяться леса с преобладанием сосны. Содержание пыльцы сосны возросло с 7 до 40%.

Период бытования чияликской культуры на селище Ябалаклы-1 (рис. 3) характеризуют палиноспектры СП 16–22. Смена ландшафтов на протяжении XIV в. проходила в порядке: влажные луга (СП 16–19) – лесостепи (СП 20) – злаково-разнотравные и злаково-полынно-разнотравные степи (СП 21–22). Среди древесной растительности увеличивалась роль сосны (с 8–9% до 18–20%). Доля пыльцы широколиственных пород оставалась невысокой (3%).

До появления селища на изучаемой территории были распространены открытые пространства, занятые злаково-полынно-разнотравными ассоциациями. Климат в это время был теплым и умеренно-влажным, отмечена тенденция к аридизации (СП 14–15), что коррелирует с обстановкой климатического оптимума. Более ранние отложения (СП 13) также характеризуют широкое распространение степных и луговых растительных сообществ. О немного более прохладном и засушливом климате этого периода свидетельствуют

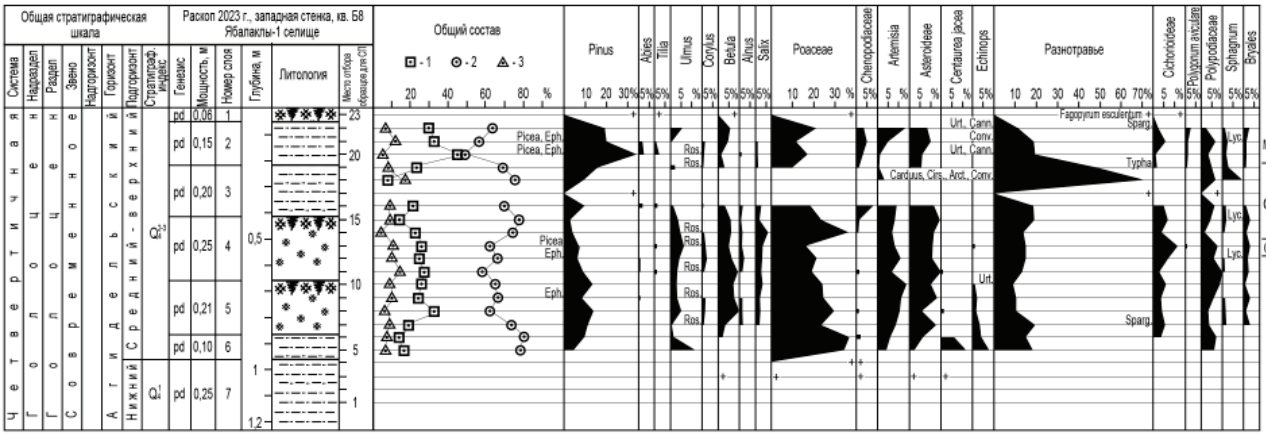


Рис. 3. Разрез голоценовых отложений селища Ябалаклы-1.
Fig. 3. Section of Holocene deposits of the Yabalakly-1 settlement.

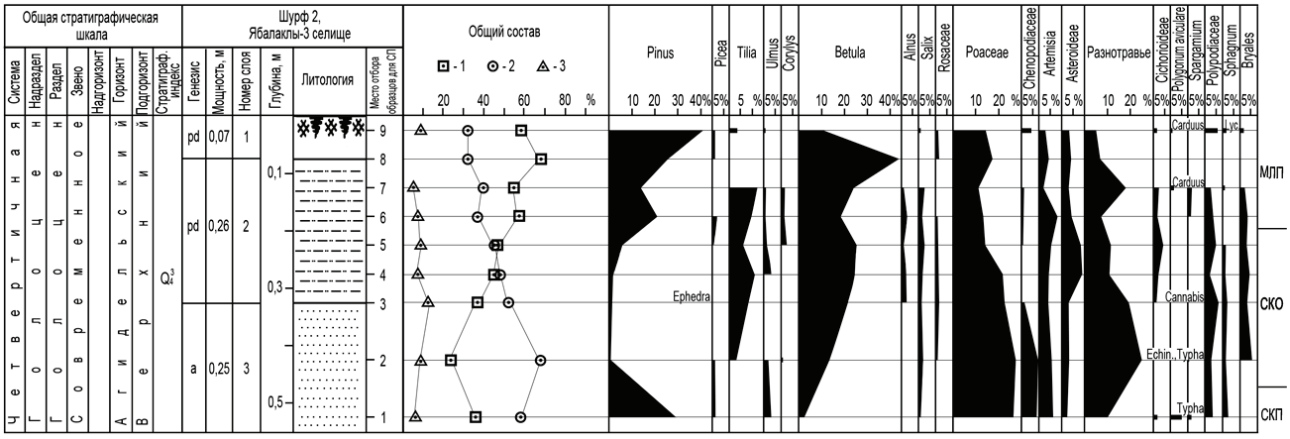


Рис. 4. Разрез голоценовых отложений селища Ябалаклы-3.
Fig. 4. Section of Holocene deposits of the Yabalakly-3 settlement.

содержание пыльцы сосны (7%, что в два раза больше, чем в последующее время) и находки пыльцевых зерен ели и мордовника.

Чияликский культурный слой на селище Ябалаклы-3 (рис. 4) характеризуют палиноспектры СП 3–8. В это время существовали лесостепи (СП 3–7), и лишь в конце залесенность территории возросла (СП 8). Смена пород в лесных массивах происходила в последовательности: березовые и липовые леса (СП 3–4) – березовые, липовые и сосновые леса (СП 5–7) – березовые и сосновые леса (СП 8). Содержание пыльцевых зерен сосны в палиноспектрах увеличивалось от 2 до 21%. Доля пыльцы липы варьировала от 7 до 12%, пока ее пыльцевые зерна полностью не исчезли из спектров в самом конце. Среди растущих на открытых участках растительных ассоциаций, представленных злаками, богатым разнотравьем, полынями и эфедрой (СП 3–4), сначала возрос вклад лугового разнотравья (СП 5–7), а позже увеличилась роль злаков и полыней (СП 8). Таким образом, в период бытования селища (XIV – первая половина XV вв.) теплая и влажная климатическая обстановка средневекового минимума (СП 3–5) медленно сменилась на прохладный и сухой климат малого ледникового периода (СП 6–8).

На более ранних этапах (СП 1 и 2) преобладали открытые пространства, при этом состав травянистой растительности, представленной злаками, разнотравьем и полынями, за этот период менялся незначительно, со временем увеличилось лишь разнообразие представителей лугового разнотравья (СП 2). На залесенных же участках смена доминантных пород была более резкой: сначала были распространены сосновые леса (СП 1), которые сменились березняками, при чем в их составе суще-

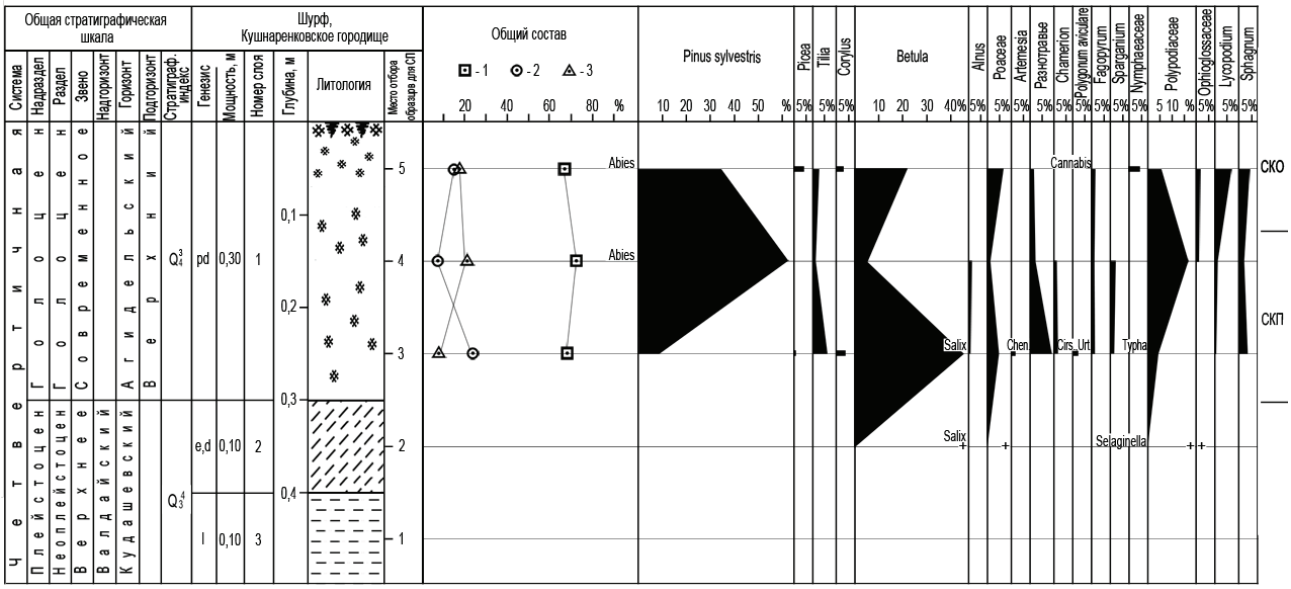


Рис. 5. Разрез верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений Чертова городища.
Fig. 5. Section of Upper Pleistocene and Holocene deposits of the Chertovo hillfort.

ственно возросла примесь и разнообразие широколиственных пород деревьев (липа, вяз, лещина). Таким образом, нижележащие слои (СП 1) отлагались в прохладное время, соответствующее климатическому минимуму раннего Средневековья, а вышележащие (СП 2) – в более теплый период.

Анализ спорово-пыльцевого состава отложений Чертова городища, существовавшего в период VII–VIII вв., позволил выделить особенности ландшафтно-климатических изменений климатического пессимума раннего Средневековья (рис. 5). В начале (СП 3) на изучаемой территории были распространены березняки с примесью хвойных и широколиственных пород (береза 46%, сосна 9%, липа 6%). На открытых участках росло богатое луговое разнотравье и злаки. Позже (СП 4) березняки сменились на сосновые леса (сосна 63%, липа 1%). Разнообразие состава травостоя существенно сократилось. В конце изучаемого периода (СП 5) распространились сосновые и березовые леса (сосна 35%, береза 22%, липа 3%). На открытых участках стала преобладать злаковая растительность. Изменение климата шло сначала от умеренно-теплого и влажного к прохладному и более сухому, а затем вновь к умеренно-теплому, но сухому. Конечная характеристика может быть скоррелирована с началом средневекового потепления.

Растительность в окрестностях поселения Романовское-2 в период бытования населения кушнаренковской культуры (VI–VII вв.) менялась от лесной к лесостепной (рис. 6). Вначале широкое распространение полу-

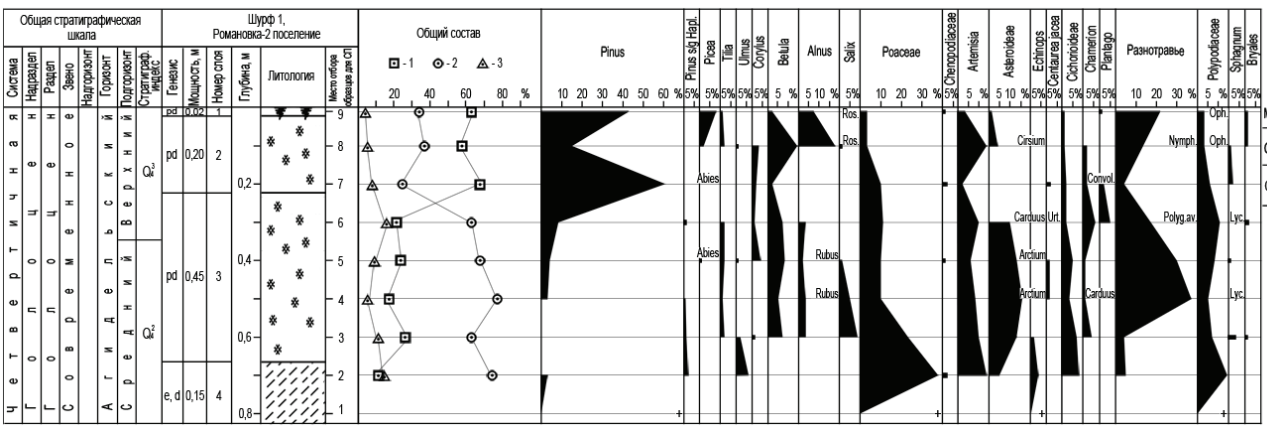


Рис. 6. Разрез голоценовых отложений поселения Романовское-2.
Fig. 6. Section of Holocene deposits of the Romanovskoye-2 settlement.

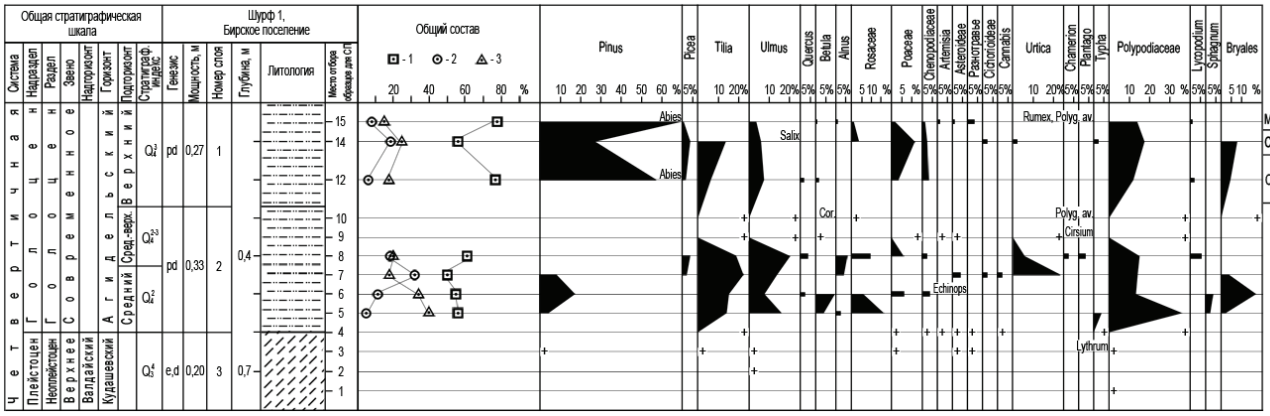


Рис. 7. Разрез верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений Бирского поселения.
Fig. 7. Section of Upper Pleistocene and Holocene deposits of the Birsk settlement

чили сосновые леса (сосна 61%) (СП 7). На открытых участках преобладали злаки. Позже (СП 8) сосняки сменились на ольховые, березовые и сосновые леса (ольха 18%, береза и сосна 15%). Примесь разнообразных широколиственных пород в составе смешанных лесов возросла (лещина, вяз), появилась липа (2%). На открытых пространствах увеличился вклад лугового разнотравья, а также полыни. На завершающем этапе (СП 9) вновь распространились хвойные леса (сосна 43%, липа 1%). Открытые участки заняла луговая растительность. Климатическая обстановка средневекового пессимума (СП 7) была прохладной и довольно аридной. Во время средневекового климатического оптимума (СП 8) стало теплее и увеличилась влажность. С наступлением малого ледникового периода (СП 9) климатические условия сменились на прохладные и умеренно-влажные.

На раннесредневековом городище Уфа-2 получена палинологическая характеристика слоев, содержащих находки кушнаренковской культуры (VII–IX вв.). Палеоклиматическая реконструкция была выполнена в основном по древесно-кустарниковой пыльце из-за сильной насыщенности выделенных спектров пыльцой сорных трав (до 58%). Лесная растительность в окрестностях городища менялась от березовых лесов (СП 42–44, раскоп 2012 г., СП 17, раскоп 2017 г.) к липово-сосновым лесам (СП 45–47, раскоп 2012 г., СП 18, раскоп 2017 г.) и сосновым лесам (СП 19, раскоп 2017 г.). Климат в эпоху пессимума раннего Средневековья менялся от умеренно-прохладного к прохладному и от умеренно-влажного к аридному.

Благодаря палинологическому исследованию культурного слоя Бирского поселения описана климатическая обстановка раннего Средневековья (рис. 7). Бахмутинский и кушнаренковский комплексы (V–VII вв.) характеризовал спектр СП 12, указывающий на существование прохладных условий. Палинологический состав вышележащих осадков, не содержащих археологические артефакты (СП 14), позволил реконструировать умеренно-теплую и умеренно-влажную климатическую обстановку – этот интервал был условно отнесен к средневековому климатическому оптимуму. В это время в окрестностях поселения росли хвойно-широколиственные леса (сосна 27%, липа 14%). На открытых участках доминировали злаки.

В более раннюю эпоху, соответствующую климатическому минимуму раннего Средневековья (СП 12), как и в более позднее время, малый ледниковый период (СП 15), на изучаемой территории были распространены сосновые леса (сосна 57 и 70% соответственно). Вклад широколиственных пород был выше в предшествующий теплой эпохе промежуток времени (липа, вяз, дуб – 15%) (СП 12). В малый ледниковый период (СП 15) встречался лишь вяз (4%).

В целом наиболее полная и непрерывная пыльцевая летопись, охватывающая периоды средневекового климатического пессимума и оптимума, а также малый ледниковый период, была выделена по данным из шурфов селище Ябалаклы-3 и двух поселений – Романовское-2 и Бирское. Материалы с селища Ябалаклы-1 и городища Кара-Абызское отражали последние две эпохи. Данные реконструкций

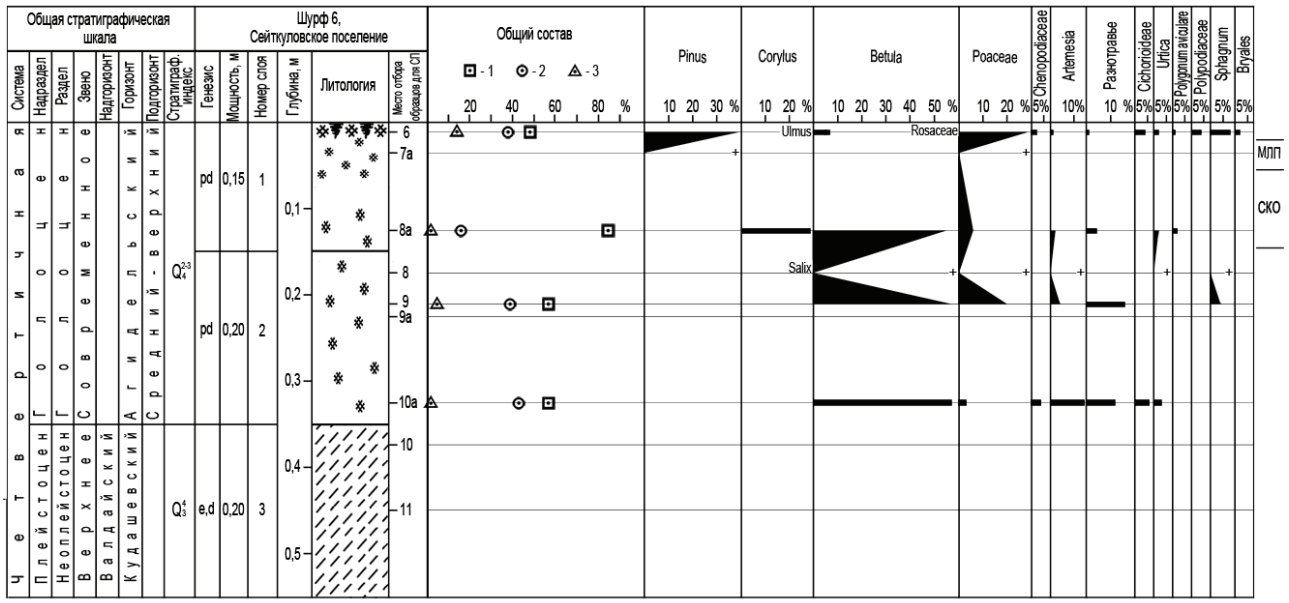


Рис. 8. Разрез верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений Сейткуловского поселения.
Fig. 8. Section of Upper Pleistocene and Holocene deposits of the Seitkulovo settlement.

ландшафтов и климата средневекового климатического пессимума, полученные дополнительно с городищ Уфа-2 и Чертово, оказались схожи. Они позволили уточнить, когда началось потепление, и охарактеризовать этот временной промежуток палинологически.

В эпоху раннего Средневековья, в период бытования населения кушнаренковской и кара-якуповской культур, как в лесостепной (Чертово городище, Романовское-2 поселение, селище Ябалаклы-3), так и в лесной зонах Южного Предуралья (городище Уфа-2 и Бирское поселение) происходило увеличение площадей сосновых лесов. Примесь широколиственных в их составе постепенно сокращалась. Разнообразие луговых растений было низким, преобладали злаки. Этот период был сопоставлен со средневековым климатическим минимумом.

По палиноспектрам из шурфов, заложенных на Чертовом городище и селище Ябалаклы-3, удалось зафиксировать начало потепления, которое ознаменовалось снижением роли сосны и увеличением площадей березовых лесов с примесью широколиственных пород. Открытые участки сначала продолжала занимать сухая злаковая растительность, позже существенно возрос вклад лугового разнотравья (селища Ябалаклы-1 и 3).

В самое благоприятное время в лесостепной зоне были распространены влажные луга (селище Ябалаклы-1), леса с березой и липой и влажные луга (селище Ябалаклы-3), ольховые, березовые и сосновые леса и влажные луга (поселение Романовское-2). В лесной зоне росли березняки и липняки (Кара-Абызское городище), сосняки и липняки (Бирское поселение).

Следующий период характеризуется повторным увеличением площадей сосновых лесов и постепенным исчезновением из их состава широколиственных элементов. Залесенность изучаемой территории, как и раньше, была неравномерной: наряду с хвойными лесами (селище Ябалаклы-3) здесь встречались обширные территории, занятые злаково-разнотравными и злаково-полынно-разнотравными растительными сообществами (селище Ябалаклы-1). Этот временной промежуток был соотнесен нами с началом малого ледникового периода. К этому же интервалу условно можно отнести палиноспектры с других памятников (Романовское-2 поселение, Кара-Абызское городище и Бирское поселение), указывающие на господство сосновых лесов и характеризующие холодные условия.

Реконструкция палеообстановок позднего Средневековья для территории горно-лесной зоны Южного Урала проведена по одному памятнику золотоордынского периода (XIII–XIV вв.), Сейткуловскому поселению. Спорово-пыльцевой спектр из нижней

части культурного слоя (СП 8а) указывает на распространение березовых лесов, по их опушкам разрасталась лещина (береза 55%, лещина 29%) (рис. 8). На открытых участках встречались злаково-полынно-разнотравные ассоциации. Климат был теплым и умеренно влажным.

Из выше- и нижележащих отложений репрезентативных спектров выделить не удалось. Верхний образец (СП 7а) содержал лишь пыльцевые зерна сосны и злаков, что в целом соответствует прохладным и сухим условиям малого ледникового периода. В нижней пробе (СП 8) была выделена пыльца березы, ивы, злаков, полыни, крапивы и споры сфагнума. Полученный состав оказался очень схожим с палиноспектрами, обнаруженными в нижней части этого же слоя (СП 9 и 10а), и, скорее всего, описывает палеообстановку эпохи бронзы.

Выводы

Благодаря проведенным исследованиям удалось изучить спорово-пыльцевые составы голоценовых отложений восьми разрезов и получить обобщенные данные о динамике растительности в пределах Южного Предуралья (лесная и лесостепная зоны) и Южного Урала (восточный склон) во время средневекового климатического оптимума, а также в более ранний и поздний периоды. Средневековой климатический оптимум Южного Урала представлял собой яркое событие, которое выразилось в увеличении площадей широколиственных насаждений: массивов липы в лесной зоне и лещины – в горно-лесной зоне, а также территорий, занятых луговой растительностью, в лесостепи. Рост теплообеспеченности и влажности климата начался, вероятно, в период с VIII в. и продолжался вплоть до XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В. Русланов Е.В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018.№ 38 (4). С. 32–42.

Голованова И.В., Сальманова Р.Ю., Демежко Д.Ю. Реконструкции климата на Урале по геотермическим данным // Геология и геофизика. 2012. Т. 53 (12). С. 1776–1785.

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 2007. 208 с.

Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В. Колебания климата за исторический период в центре русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 1. С. 89–96.

Немкова В.К., Климанов В.А. Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья / Отв. ред. М.А. Камалетдинов, В.Л. Яхимович. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 65–71.

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 88–102.

Разжигаева Н.Г., Ганзей Л.А., Гребенникова Т.А., Мохова Л.М., Корнюшенко Т.В., Кудрявцева Е.П., Белянин П.С., Копотева Т.А., Климин М.А., Арсланов Х.А., Максимов Ф.Е., Петров А.Ю. Изменение увлажнения в голоцене на юге Приморья по данным развития горных и долинных ландшафтов // Материалы V Всероссийской конференции с международным участием «Динамика экосистем в голоцене» (11–15 ноября 2019 г., г. Москва) / Отв. ред. А.Б. Савинецкий. М.: Медиа-ПРЕСС, 2019. С. 265–267.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5. С. 118–130.

Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Проценко А.С. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Т. V. Ч. II. Уфа: Башк. энцикл., 2020. 432 с.

Федоров В.М., Гребенников П.Б. Малый (средневековый) климатический оптимум голоцена и его возможные причины // Жизнь Земли. 2020. № 42(4). С. 395–405.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Хотинский Н.А., Алешинская З.В., Гуман М.А., Климанов В.А., Черкинский А.Е. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене // Известия РАН. Серия географическая.. 1991. № 3. С. 30–42.

Anderson R.K., Miller G.H., Briner J.P., Lifton N.A., DeVogel S.B. A millennial perspective on Arctic warming from 14C in quartz and plants emerging from beneath ice caps // Geophysical Research Letters. 2008. V. 35. P. 1–5.

Blyakharchuk T., Eirikh A., Mitrofanova E., Li H.Ch., Kang S.Ch. High resolution palaeoecological records for climatic and environmental changes during the last 1350 years from Manzherok Lake, western foothills of the Altai Mountains, Russia // Quaternary International. 2017. V. 447. P. 59–74.

Chen J.H., Chen F.H., Feng S., Huang W., Liu J.B., Zhou A.F. Hydroclimatic changes in China and surroundings during the medieval climate anomaly and Little ice age: spatial patterns and possible mechanisms // Quaternary Science Reviews. 2015. V. 107. P. 98–111.

Crowley T.J., Lowery T.S. How warm was the medieval warm period? // Ambio. 2000. V. 29. P. 51–54.

Davis B.A.S., Brewer S., Stevenson A.C., Guiot J. The temperature of Europe during the Holocene reconstructed from pollen data // Quaternary Science Reviews. 2003. V. 22. P. 1701–1716.

Folland C.K., Karl T., Vinnikov K.YA. Observed climate variations and change // Climate change. The Scientific assessment. Report Prepared for IPCC by Working Group 1. New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1990. P. 199–233.

Goosse H., Renssen H., Timmermann A., Bradley R.S. Internal and forced climate variability during the last millennium: a model-data comparison using ensemble simulations // Quaternary Science Reviews. 2005. V. 24. P. 1345–1360.

Hantemirov R.M., Shiyatov S.G., Gorlanova L.A., Kukarskih V.V., Surkov A.Yu., Hamzin I.R., Fonti P., Wacker L. An 8768-year Yamal Tree-ring Chronology as a Tool for Paleoecological Reconstructions // Russian Journal of Ecology. 2021. 52(5). P. 419–427.

Jensen K., Kuijpers A., Koc N., Heinemeier J. Diatom evidence of hydrographic changes and ice conditions in Igaliku Fjord, South Greenland // Holocene. 2004. V. 14. P. 152–164.

LaMarche V.C. Paleoclimate inferences from long tree-ring records // Science. 1974. V. 183. P. 1043–1048.

Lamb H.H. The early medieval warm epoch and its sequel // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 1965. V. 1. P. 13–37.

Levchenko V.A., Sungatov F.A. Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive “Bashkort” of medieval sources? // Radiocarbon. 2013. 55 (2/3). P 1278–1285.

Mann M.E., Zhang Z., Rutherford S., Bradley R.S., Hughes M.K., Shindell D., Ammann C., Faluvegi G., Ni F. Global signatures and dynamical origins of the «Little Ice Age» and «Medieval Climate Anomaly» // Science. 2009. V. 326. P. 1256–1260.

Neukom R., Steiger N., Gomez-Navarro J.J., Wang J., Werner J.P. No evidence for globally coherent warm and cold periods over the preindustrial Common Era // Nature. 2019. V. 571. P. 550–554.

Информация об авторе:

Курманов Равиль Гадельевич, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (г. Уфа, Россия); ravil_kurmanov@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, зав. отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

Русланова Рида Раисовна, кандидат исторических наук, зав. отделом археологии, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); ridushka@mail.ru

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, зав. отделом археологических исследований, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

Кадыров Ильфир Фаилович, научный сотрудник, главный хранитель фондов, МБУК «Кушнаренковский историко-краеведческий музей» (с. Кушнаренково, Россия); musei-kush@admin.ru

REFERENCES

Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2017. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Hillfort Ufa-II. Materials from the 2017 excavations).* Ufa: "Pervaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (15), 181–198 (in Russian).

Garustovich, G. N. Ovsyannikov, V. V. Ruslanov, E. V. 2018. In *Oriental Studies*. 38(4), 32–42 (in Russian).

Golovanova, I. V., Salmanova, R. Yu., Demezhko, D. Yu. 2012. In *Geologiya i geofizika (Geology and Geophysics)* 53 (12), 1776–1785 (in Russian).

Grichuk, V. P., Zaklinskaya, E. D. 1948. *Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primenenie v paleogeografii (Analysis of Fossil Pollen and Spores and its Application in Paleogeography).* Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Klimanov, V. A., Khotinsky. N. A., Blagoveshchenskaya. N. V. 1995. In *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya (Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*) (1), 89–96 (in Russian).

Nemkova, V. K., Klimanov, V. A. 1988. In Kamaletdinov, M. A., Yakhimovich, V. L. (eds.). *Nekotorye voprosy biostratigrafii, paleomagnetizma i tektoniki kaynozoya Predural'ya (Some aspects of biostratigraphy, paleomagnetism and tectonics of the Cenozoic in the Fore-Urals).* Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 65–71 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 88–102 (in Russian).

Razzhigaeva, N. G., Ganzei, L. A., Grebennikova, T. A., Mokhova, L. M., Kornyushenko, T. V., Kudryavtseva, E. P., Belyanin, P. S., Kopoteva, T. A., Klimin, M. A., Arslanov, Kh. A., Maksimov, F. E., Petrov, A. Yu. 2019. In Savinetsky, A. B. (ed.). *Materialy V Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Dinamika ekosistem v golotsene» (11–15 noyabrya 2019 g., g. Moskva). (Proceedings of the V All-Russian conference with international participation "Ecosystem dynamics in the Holocene").* Moscow: "Media-PRESS" Publ. (In Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (5), 118–130 (in Russian

Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V., Shamsutdinov, M. R., Protsenko, A. S. 2020. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2012 goda (The settlement of Ufa-II. Materials of the 2012 excavations)* Vol. 5, Part 2. Ufa: "Bashkortostan" Publ. (in Russian).

Fedorov, V. M., Grebennikov, P. B. 2020. In *Zhizn` zemli (Life of the Earth)* 42 (4), 395–405 (In Russian).

Khotinsky, N. A. 1977. *Golotsen Severnoi Evrazii (Holocene of Northern Eurasia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khotinsky, N. A., Aleshinskaya, Z. V., Guman, M. A., Klimanov, V. A. Cherkinsky. A.E. 1995. In *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya (Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*) (3), 30–42 (In Russian).

Anderson, R. K., Miller, G. H., Briner, J. P., Lifton, N. A., DeVogel, S. B. 2008. In *Geophysical Research Letters* 35, 1–5.

Blyakharchuk, T., Eirikh, A., Mitrofanova, E., Li, H. Ch., Kang, S. Ch. 2017. In *Quaternary International* 447, 59–74.

Chen, J. H., Chen, F. H., Feng, S., Huang, W., Liu, J. B., Zhou, A. F. 2015. In *Quaternary Science Reviews* 107, 98–111.

Crowley, T. J., Lowery, T. S. 2000. In *Ambio* 29, 51–54.

Davis, B.A.S., Brewer, S., Stevenson, A.C., Guiot, J. 2003. In *Quaternary Science Reviews* 22, 1701–1716.

Folland, C. K., Karl, T., Vinnikov, K. YA. 1990. *Observed climate variations and change*. New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.

Goosse, H., Renssen, H., Timmermann, A., Bradley, R. S. 2005. In *Quaternary Science Reviews* 24, 1345–1360.

Hantemirov, R. M., Shiyatov, S. G., Gorlanova, L. A., Kukarskih, V. V., Surkov, A. Yu., Hamzin, I. R., Fonti, P., Wacker, L. 2021. In *Russian Journal of Ecology* 52(5), 419–427.

Jensen, K., Kuijpers, A., Koc, N., Heinemeier, J. 2004. In *Holocene* 14, 152–164.

LaMarche, V. C. 1974. In *Science* 183, 1043–1048.

Lamb, H.H. 1965. In *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 1, 13–37.

Levchenko, V. A., Sungatov, F. A. In 2013. *Radiocarbon* 55 (2/3), 1278–1285.

Mann, M. E., Zhang, Z., Rutherford, S., Bradley, R. S., Hughes, M. K., Shindell, D., Ammann, C., Faluvegi, G., Ni, F. 2009. In *Science* 326, 1256–1260.

Neukom, R., Steiger, N., Gomez-Navarro, J. J., Wang, J., Werner, J. P. 2019. In *Nature* 571, 550–554.

About the Authors:

Kurmanov Ravil G., Candidate of Biological Sciences, Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Karl Marx St., 16/2, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ravil_kurmanov@mail.ru

Ruslanov Evgeniy V., Candidate of Historical Sciences, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Republican Historical and Cultural "Ancient Ufa" Museum-Reserve, Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Ruslanova Rida R., Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Bashkortostan, Sovetskaya St., 14, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ridushka@mail.ru

Savelyev Nikita S., Candidate of Historical Sciences, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Kadyrov Ilfir F., Kushnarenkovo Museum of History and Local Lore, Oktyabrskaya St., 59, Kushnarenkovo, 452230, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; musei-kush@admin.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.134.147

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА КОНЦА X – XII ВВ. В ТАТАРСТАНЕ И ЕГО ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

© 2025 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием культурного слоя Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана. Селище, возникло в конце X в. и существовало до второй половины XII в. Это одно из булгарских торгово-ремесленных поселений, которые возникают в нижнем течении Камы во второй половине X в. Этот археологический памятник отличается хорошей стратиграфией, четким делением на слои, датированные комплексом находок и нумизматическим материалом. Датировки подтверждены анализом по С-14. Исследования на западном и восточном побережье селища позволили определить особенности стратиграфии на этих участках поселения. Также было выяснено, что жизнь на поселении на какое-то время была прервана в результате набегов кочевников и трагической гибели его жителей. В начале раскопок на селище была зафиксирована небольшая земляная насыпь, пересекавшая поселение с севера на юг. Она не имела оборонительного характера в силу своих параметров и отсутствия рва. Высота насыпи не превышала 60 см, ширина ее – около 1,7–2 м. Она состояла из серого цвета супеси, практически без находок. Во второй половине 2000 годов, эта насыпь была изучена на двух раскопах – XIX и XX. Было выяснено, что насыпь на отдельных участках раскопов перекрывает культурный слой XI в. Также в слое, перекрывавшем эту насыпь, были обнаружены предметы, бытовавшие в Волжской Булгарии, преимущественно, в XII в. Таким образом, анализ стратиграфической ситуации позволил установить, что эта насыпь была возведена в поздний период существования селища, вероятно после разгрома этого поселения в начале XII века. Часть ее состояла из золы с углистыми прослойками от расчисток сгоревших построек, часть насыпи была из выкидов из котлованов новых хозяйственных ям. Итак, насыпь является своего рода топографическим ориентиром, отделавшим заброшенную часть поселения от восстановленной.

Ключевые слова: археология, Остолоповское селище, Волжская Булгария, булгары, стратиграфия, датировка, планиграфия.

FORMATION PECULIARITIES OF THE CULTURAL LAYER AT THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT OF THE LATE X–XII CENTURIES IN TATARSTAN AND ITS TOPOGRAPHIC CHRONOLOGY

K.A. Rudenko

The paper deals with issues related to the formation of the cultural layer at the Ostolopovo settlement in the Alekseevsk district of Tatarstan. The ancient settlement arose at the end of the XX century and existed until the second half of the XII century. This is one of the Bolgar trade and craft settlements that appeared in the lower parts of the Kama River in the second half of the X century. This archaeological site is distinguished by good stratigraphy, a clear division into layers, dated by a set of finds and numismatic material. The dates were confirmed by carbon-14 dating. Research on the western and eastern parts of the settlement made it possible to determine the peculiarities of stratigraphy in these areas of the site. It was also found out that life in the settlement was interrupted for some time as a result of raids by nomads and the tragic death of its inhabitants. At the beginning of excavations at the settlement, a small earthen mound was recorded that crossed the settlement from north to south. It did not have a defensive character due to its parameters and the absence of a moat. The height of the mound did not exceed 60 cm, its width was about 1.7 - 2 m. It consisted of gray sandy loam, with virtually no finds. In the second half of 2000, this mound was studied during two excavations – XIX and XX. It was found that the mound in some excavation areas overlays the cultural layer of the XI century. Also in the layer that covered this mound, objects that existed in Volga Bolgaria, mainly of the XII century, were discovered. Thus, an analysis of the stratigraphic situation made it possible to establish that this mound was

erected in the late period of the settlement's existence, probably after the destruction of this settlement at the beginning of the XII century. Part of it consisted of ash with carbon layers from the clearing of burnt buildings, while another part was composed of waste from new household pits. Therefore, the mound serves as a kind of topographical marker, separating the abandoned part of the settlement from the rebuilt section.

Keywords: archaeology, Ostolopovo settlement, Volga Bulgaria, Bulgars, stratigraphy, dating, planigraphy.

Введение

Остолоповское селище, расположенное в Алексеевском районе Татарстана, является одним из ярких памятников первой половины домонгольского периода Волжской Булгарии. Это было время расцвета булгарских торгово-ремесленных поселений в нижнем течении Камы, особенно в приустьевой ее части, таких, например, как Измерское или Семеновское селища (Казаков, 1991; Руденко, Казаков, 2023). Располагается селище на краю коренной террасы Камы, в левобережье р. Шенталки (Шенталы), левого притока Камы (рис. 1: 1; 2: 1). Площадка поселения, имевшая до создания Куйбышевского водохранилища в середине 1950-х гг. подтрапециевидную форму, отделена от коренного берега ложбиной (рис. 2: 1). Последняя была границей селища с юго-запада (с остальных сторон находилась пойма, затапливавшаяся в паводок). Начиная со второй половины 1950-х гг. и по сей день селище разрушается водами Куйбышевского водохранилища (рис. 3). За период с 1960-х гг. размывом разрушено более половины площади селища (рис. 2: 2) (Usmanov et al., 2021). В настоящее время мыс коренной террасы, на котором сохранился культурный слой селища, имеет треугольную форму (рис. 2: 2; 4: 2). Площадь селища ежегодно сокращается.

Материалы и методы

Уже в начале изучения Остолоповского селища, в конце 1960-х гг., Т.А. Хлебникова отметила, что его культурный слой сформировался в относительно небольшой промежуток времени – с X до XI в. (Хлебникова, 1974, с. 60; Хлебникова, 1984, с. 82). Ей были выделены четыре стратиграфических слоя культурных отложений селища (Хлебникова, 1974, с. 59). Датировку их она определяла в тех же хронологических рамках X–XI в., распространяя её на все поселение (Хлебникова, 1984, с. 82). Вместе с тем Тамара Александровна, видимо, предполагала возможность бытования на селище некоторых форм глиняной посуды и в XII в., поместив изображение одного из блюд с этого поселения в таблицу керамики I группы XII – начала XIII в. Волжской Булгарии (Хлебникова, 1984, с. 181, рис. 97.- *11*).

В силу небольшой площади раскопа Тамары Александровны детали стратиграфической картины на всем поселении, как и датировка слоёв, были во многом гипотетичными. Четкая стратиграфическая картина определилась только в начале XXI в., после двух десятилетий стационарных раскопок К.А. Руденко, которые проводились с 1997 г. (Руденко, 2012, с. 150, 151, прим. 25, 26, 27; Руденко, 2017). Стратиграфия Остолоповского селища, прослеженная на двадцати трех раскопах, с датирующими находками, зафиксированными в слоях, стала основой для решения многих вопросов изучения материальной культуры селища, а также его датировки (Руденко, 2017; Руденко, 2021). Установлено, что основание этого поселения произошло не ранее середины X в. Предположение Т.А. Хлебниковой о возможности начала этого процесса в конце IX – начале X в. (Хлебникова, 1974, с. 60) не подтвердилось. Верхняя дата этого селища не выходит за рамки XII в.

Благодаря тому, что культурный слой с обоих сторон останца вскрывался сплошной площадью (рис. 1), а также многолетним наблюдениям его обнажений в обрывах и различных ямах, оставленных туристами в разных частях селища, можно поставить вопрос о особенностях формирования накопления напластований на памятнике и, исходя из этого, его топографической хронологии.

Полученные результаты

Стратиграфия культурного слоя селища такова: первый слой – дерн; второй слой – темно-серая плотная супесь мощностью от 8 до 35–40 см; третий слой – светло-серая рыхлая супесь от 12 до 40 см вне сооружений и 60–80 см мощности в заполнении ям, выделяется нижний горизонт слоя, имеющий более плотную структуру; четвертый слой – супесчано-суглинистый грунт плотный, более темный, бурого оттенка с органическими остатками. Он образовался в результате переработки погребенной почвы. Пятый слой

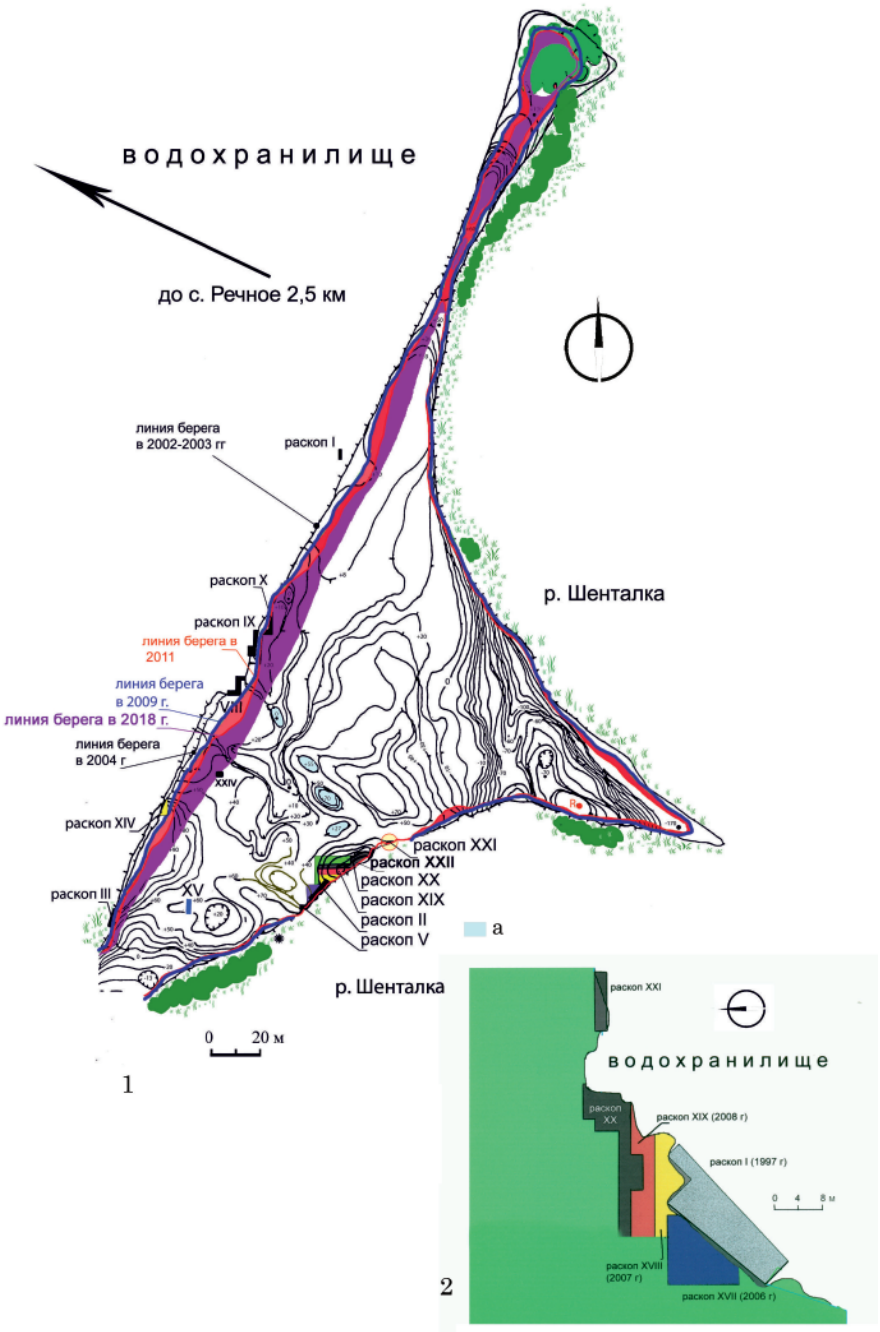


Рис. 1. Остолоповское селище. *1* – план селища с раскопами; *a* – расположение «вала» *2* – схема расположения раскопов I, XVII-XXI.
Fig. 1. Ostolopovo settlement. *1* – plan of the settlement with excavations; *a* – location of the "earthwork" *2* – layout of excavations I, XVII-XXI.

практически без находок – плотный слежавшийся чернозем: погребенная почва; ниже материк – желтый суглинок (Руденко, 2017, с. 297).

Формировались ли слои культурного слоя последовательно и одновременно на всем селище? В решении этого вопроса важны материалы раскопов XIX и XX (рис. 1: 2), работы на которых производились в 2008 и 2009 гг. (Руденко, 2009; 2011). Здесь был исследован участок невысокой земляной насыпи, которая пересекала сохранившуюся часть селища с запада на восток (рис. 4). Эта насыпь была зафиксирована нами в 1997 г. в южной части останца, в обнажении культурного слоя. Зачистка последнего показала, что насыпь состоит из рыхлой серой супеси. Находок в ней, кроме немногочисленных

	уч. 1	уч. 2	уч. 3	уч. 4	уч. 5	уч. 6	уч. 7	уч. 8	уч. 9	уч. 10	уч. 11	уч. 12	уч. 13	уч. 14	уч. 15	уч. 16	уч. 17	уч. 18	уч. 19	уч. 20	уч. 21	уч. 22
керамика	180	209	194	212	151	131	250	298	173	141	40	90	130	363	249	108	160	165	128	154	123	123
камни	31	37	29	40	36	100	48	53	51	27	4	3	44	57	148	96	94	150	66	63	49	49
кости	45	116	119	61	72	110	85	81	100	30	9	6	48	224	122	50	90	146	38	104	75	75

дробленных костей домашних животных и нескольких сильно коррозированных железных предметов, не было. На всю сохранившуюся длину насыпь была зафиксирована при топосъемке селища (рис. 1: 1). На местности она хорошо видна при боковом освещении утром или вечером (рис. 4: 1). Ее четкая локализация была установлена благодаря ортофотосъемке этого поселения (рис. 4: 2). Таким образом, было окончательно установлено наличие невысокой насыпи, проходившей через всю сохранившуюся часть селища с юго-востока на северо-запад.

Детальная съемка рельефа поверхности, как и ортофотоплан показали, что она состоит из отдельных участков вытянутой подовальной в плане формы, высотой до 40 см при ширине от 2 до 8 м. Учитывая тот факт, что селище никогда не распахивалось в силу местных поверий, а использовалось только для покосов и выпаса скота, то связывать ее с какими-либо земляными работами Нового или Новейшего времени нет оснований.

В раскопе XIX на участках 10, 11, 17 был исследован участок этой насыпи длиной 8 м (рис. 5). Стратиграфическая картина раскопа здесь соответствовала общей шкале: зафиксированы первый и второй слои, ниже – отложения третьего слоя, основой которого является серая супесь до 40 см и прослойка светло-серой рыхлой супеси, толщина которой колеблется от 10 до 30–35 см под ней (Руденко, 2009, рис. 20). На участке 17 и частично участке 10 прослойка перекрывает западину в погребенной почве глубиной до 40–45 см (рис. 5: 1). Контур ее зафиксирован на глубине -47 – -57 см от условного «0» раскопа (Руденко, 2009, рис. 22). Западина была заполнена отложениями темно-серой гуммированной супеси с включением зольных линз; максимальная толщина этих отложений составила 20–35 см. Темно-серая супесь выклинивается на участке 12, перекрывает отложения серого пестроцвета, сформировавшиеся на погребенной почве. Серый пестроцвет на этих участках имеет два субгоризонта: верхний – суглинистый пестроцвет и нижний – обычный пестроцвет.

В восточной части раскопа XX, продолжавшего раскоп XIX предыдущего года, насыпь была изучена на длину 6 м (рис. 6: 2). Был сделан и поперечный ее разрез (рис. 6: 3). Наибольшая мощность последней (на участке 12) составляет 60 см (рис. 6: 2; 7). Высота насыпи над поверхностью современной почвы около 35–40 см.

На участках 11–13 от слоя серо-буроватой супеси она отделяется прослойкой темно-серой супеси мощностью до 20 см (рис. 6: 2). Эта прослойка перекрывает слой суглинка (до 20 см), зафиксированный на участках 15 и 19 (рис. 6: 3). Одна из суглинистых линз располагается непосредственно на слое погребенной почвы и перекрывается слоем серой супеси. Последний стыкуется с прослойкой серого пестроцвета (участки 15 и 19). Слой серой супеси и линза серого пестроцвета перекрыты слоем темно-серой супеси. Этот же слой перекрывает и серую белесоватую супесь, из которой сложен валок (рис. 6: 3) (Руденко, 2011, с. 10).

Насыпь занимала участки 10, 11, 12, 13, 15, 19 раскопа XX (рис. 6: 1). Она прослеживалась с поверхности. При этом какой-либо уникальности отложения на этих участках на первой и второй выборке не имели. Здесь присутствовали III–IV слои – серая, светло-серая и темно-серая супеси с линзами пестроцвета. Практически всю вскрытую площадь раскопа

Рис. 2. Остолоповское селище. *1* – фрагмент плана Чистопольского уезда Казанской губернии 1880 г.; местность у с. Остолопово. *2* – состояние Остолоповского селища весной 2023 г. Источник: Google map.
Fig. 2. Ostolopovo settlement. *1* – fragment of the plan of the Chistopol uyezd of the Kazan province in 1880; area near the village of Ostolopovo. *2* – state of the Ostolopovo settlement in the spring of 2023. Source: Google map.

на этом уровне, в том числе и вышеуказанных участков, занимают отложения серой супеси.

Определенного рода особенности зафиксированы на уровне второго пласта на участках 11–12, где, собственно, и была наиболее высокая часть насыпи. Здесь отмечена достаточно плотная серо-бурая (белесоватая) супесь с небольшим количеством находок, что хорошо видно по статистике находок (диаграмма 1). Аналогичное по структуре и цвету пятно (100×160 см) с нечеткими контурами отмечено в южной части участка 13 на глубине -27 см. Рядом с этим пятном на глубине -27 и -38 см найдены железные ножи: № 10, 11 по плану раскопа. На участке 10, на глубине -24 см найдена половинка глиняного прясла (Руденко, 2011, рис. 77-*4,16*; 78-*12*).

На уровне третьего пласта (-42–57 см) на участках 10–12, где была насыпь, продолжался слой серого пестроцвета, переходящий в серую белесоватую супесь (на участках 11–12 (260×95 см в направлении запад-восток)), на уровень -36 см в самой высокой части. В этом слое встречаются преимущественно находки бытового характера – глиняное прясло (№ 50, -33 см, участок 11) (рис. 8: 30), мелкие обломки железных изделий (№ 69, -32 см, уч. 11) (рис. 8: 18). В целом здесь, судя по статистике,

	уч. 1	уч. 2	уч. 3	уч. 4	уч. 5	уч. 6	уч. 7	уч. 8	уч. 9	уч. 10	уч. 11	уч. 12	уч. 13	уч. 14	уч. 15	уч. 16	уч. 17	уч. 18	уч. 19	уч. 20	уч. 21	уч. 22
керамика	57	23	39	102	72	14	37	33	40	58	166	71	101	26	15	0	0	0	48	0	159	0
камни	53	16	19	63	54	22	48	40	30	115	65	81	55	8	10	0	0	0	30	0	76	0
кости	41	18	45	60	60	4	32	15	15	70	35	33	85	11	27	0	0	0	39	0	60	0

прослеживается участок погребенного культурного слоя с довольно большой концентрацией находок (диаграмма 2).

Особенно интересен пласт 4 (-58–75 см) – погребенный культурный слой: отложения серой супеси и пестроцвета на участках 11–12 (диаграмма 3). На участке 11 в слое серого пестроцвета найдена железная гирька (№ 77, 31, 33). Однако датирующих находок здесь практически нет.

Раскопы 2008 и 2009 гг. подтвердили факт того, что эта насыпь была сооружена во время функционирования селища, не ранее XII в. Она перекрывает культурный слой и объекты XI в. Насыпь никогда не была единой и формировалась в течение некоторого времени, хотя

	уч. 1	уч. 2	уч. 3	уч. 4	уч. 5	уч. 6	уч. 7	уч. 8	уч. 9	уч. 10	уч. 11	уч. 12	уч. 13	уч. 14	уч. 15	уч. 16	уч. 17	уч. 18	уч. 19	уч. 20	уч. 21	уч. 22
керамика	0	0	0	35	0	0	0	0	0	0	299	38	0	0	0	0	0	0	0	0	22	0
камни	0	0	0	96	0	0	0	0	0	0	172	7	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0
кости	0	0	0	58	0	0	0	0	0	0	250	44	0	0	0	0	0	0	0	0	11	0

-60 см) (рис. 8: 14) и корпус навесного железного замка «болгарского типа» (№ 80, -49 см) (рис. 8: 15); фрагмент ножа (черешок?) (№ 82, -50 см) (рис. 8–9). Встречаются также в небольшом количестве фрагменты круговой керамики, мелкие расколотые кости животных. Комплекс находок с этого уровня датируется XI в., то есть насыпь перекрывает этот слой и должна быть моложе его.

Отметим, что находки, выявленные чуть выше этого уровня, достаточно разнообразны: железные иглы, крючок рыболовный, стержень, свинцовое изделие, глиняное прясло и каменное точило (рис. 8: 8, 10, 11, 12, 13, в относительно небольшом хронологическом интервале. Для ее возведения использовался в небольшом объеме культурный слой из заброшенной после разорения части селища. Об этом свидетельствуют некоторые находки, например фрагмент глазурованной керамики, обнаруженный на раскопе XIX (Руденко, 2024, с. 17, 22, табл. 1.-*№7*).

Обсуждение

Изначальная длина насыпи, к сожалению, установлена быть не может, поскольку значительная часть поселения разрушена водохранилищем. Продолжалась ли она на всю длину селища или нет не установить невозможно.

1

2

Рис. 3. Остолоповское селище. *1* – юго-западное побережье. 2008 г. *2* – западное побережье. 2017 г. Фото К.А. Руденко.
Fig. 3. Ostolopovo settlement. *1* – southwestern part. 2008; *2* – western part. 2017. Photo by K.A. Rudenko.

Наиболее объективно ситуацию с насыпью на сохранившейся части селища передает глазомерный план с горизонталями через 10 см (рис. 1: 1). На нем хорошо видно, что насыпь – это череда всхолмлений разной высоты (но не выше 50 см) и конфигурации. Последнее объясняется тем, что в период функционирования селища его поверхность имела разнообразный микрорельеф, характеризовавшийся неглубокими западинами, ложками, промоинами. Помимо это присутствовали следы антропогенного воздействия: котлованы старых построек, использовавшихся для сброса мусора или пустовавших. Раскопы XIX и XX показали, что насыпь не могла быть элементом фортификации: она низкая, аморфная, с разрывами. Добавим к этому, что отсутствовал ров, из которого мог бы браться грунт, а в верхней части насыпи не было выявлено следов каких-либо сооружений, даже самых простых, например частокола или даже забора.

Заключение

Можно предположить, что насыпь на Остолоповском селище служила своего рода границей между жилой зоной и пустошью, образовавшейся после наиболее масштабного погрома селища в конце XI – первой трети XII в. В результате последнего в огне пожаров, удушья от дыма и от ран погибло много людей, оставшихся непогребенными. После прекращения пожара и ухода нападавших

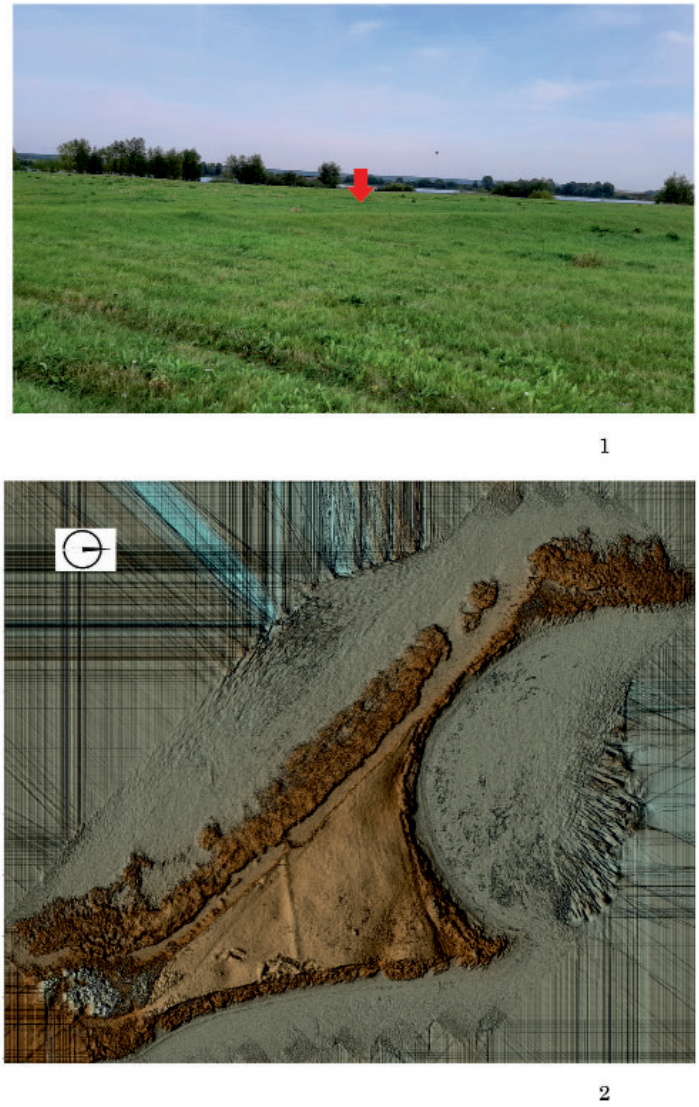
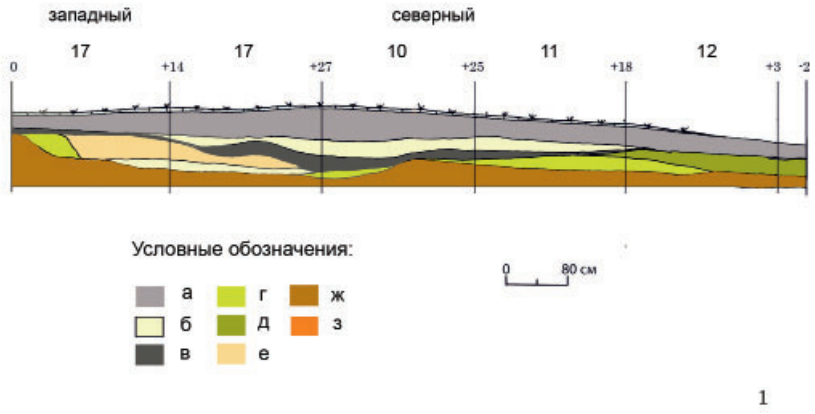


Рис. 4. Остолоповское селище. Насыпь на селище. *1* – вид с севера. 2021 г. 2 – ортофотоплан. 2022 г.
Fig. 4. Ostolopovo settlement. Mound at the settlement. *1*– view from the north. 2021; *2* – orthophoto. 2022.

тела погибших остались на своих местах. Они подверглись разложению и частично были растащены животными, вследствие чего в культурный слой попали мелкие кости скелетов, например фаланги пальцев, рёбра, позвонки и т. п. Пострадали не только люди, но и домашние животные. Например, в одной из хозяйственных ям был обнаружен скелет собаки возрастом 2,5–3 г., которая, упав в нее, не смогла выбраться и погибла. У собаки одна нога была покалечена, поэтому без помощи извне она была обречена (Галимова, Аськеев, 2011, с. 73, 74, табл. VII.-*1*). Как и у нескольких человеческих скелетов, обнаруженных в яме 5 раскопа XVIII, внутри черепа и грудной клетки собаки не было земли. Зафиксированные непогребенные останки жителей селения позволяют сделать вывод, что сразу после погрома оно не посещалось и было какое-то время заброшено.

Позже на это место вернулись люди. Они убрали оставшиеся на поверхности земли полуразложившиеся человеческие трупы, которые, видимо, уже опознать было невозможно, сбросив их в близлежащие хозяйственные ямы, засыпав останки мусором и золой из пожарищ[1]. Скорее всего, у возродивших селение обитателей все же сохранились воспоминания как об убитых людях, так и о тех, кто погиб трагически – погребенные заживо, умершие под толщей земли мучительной смертью от удушья. Отметим, что все



1

2

Рис. 5. Остолоповское селище. Раскоп XIX. Профиль участков 17, 10,11,12. *1* – западный профиль участка 17 и северный профиль участков 17, 10-12. Условные обозначения для рис. 7 и 8: *а* – серая с белесоватым оттенком супесь; *б* – светло-серая супесь; *в* – темно-серая супесь; *г* – серый пестроцвет; *д* – суглинистый пестроцвет; *е* – светло-серая с буроватым оттенком супесь; *ж* – погребенная почва, *з*- суглинок. *2* – северный профиль участков 17, 10-12. Вид с юго-запада.

Fig. 5. Ostolopovo settlement. Excavation XIX. Profile of sites 17, 10,11,12. *1* – western profile of site 17 and northern profile of sites 17, 10-12. Symbols for Fig. 7 and 8: *а* – gray sandy loam with a whitish tint; *б* – light gray sandy loam; *в* – dark gray sandy loam; *г* – gray coloured mixed soil; *д* – loamy coloured mixed soil; *е* – light gray sandy loam with a brownish tint; *ж* – buried soil, *з* – loam. *2* – northern profile of sites 17, 10-12. View from the southwest.

вышеперечисленные эпизоды были зафиксированы при раскопках (Руденко, 2010).

Расчистка пожарищ после погрома привела к перемещению части культурного слоя к мусорке, которая функционировала какое-то время на месте раскопов II, XVII и частично XVIII, как и использованию этого материала для каких-то строительных нужд, в том числе и отсыпки насыпи. Другая субстанция, зафиксированная в толще насыпи вала, представлена в основном пестроцветными и суглинистыми линзами, а также прослойками. Она образовалась в результате выбросов из котлованов сооружений, возводившихся в

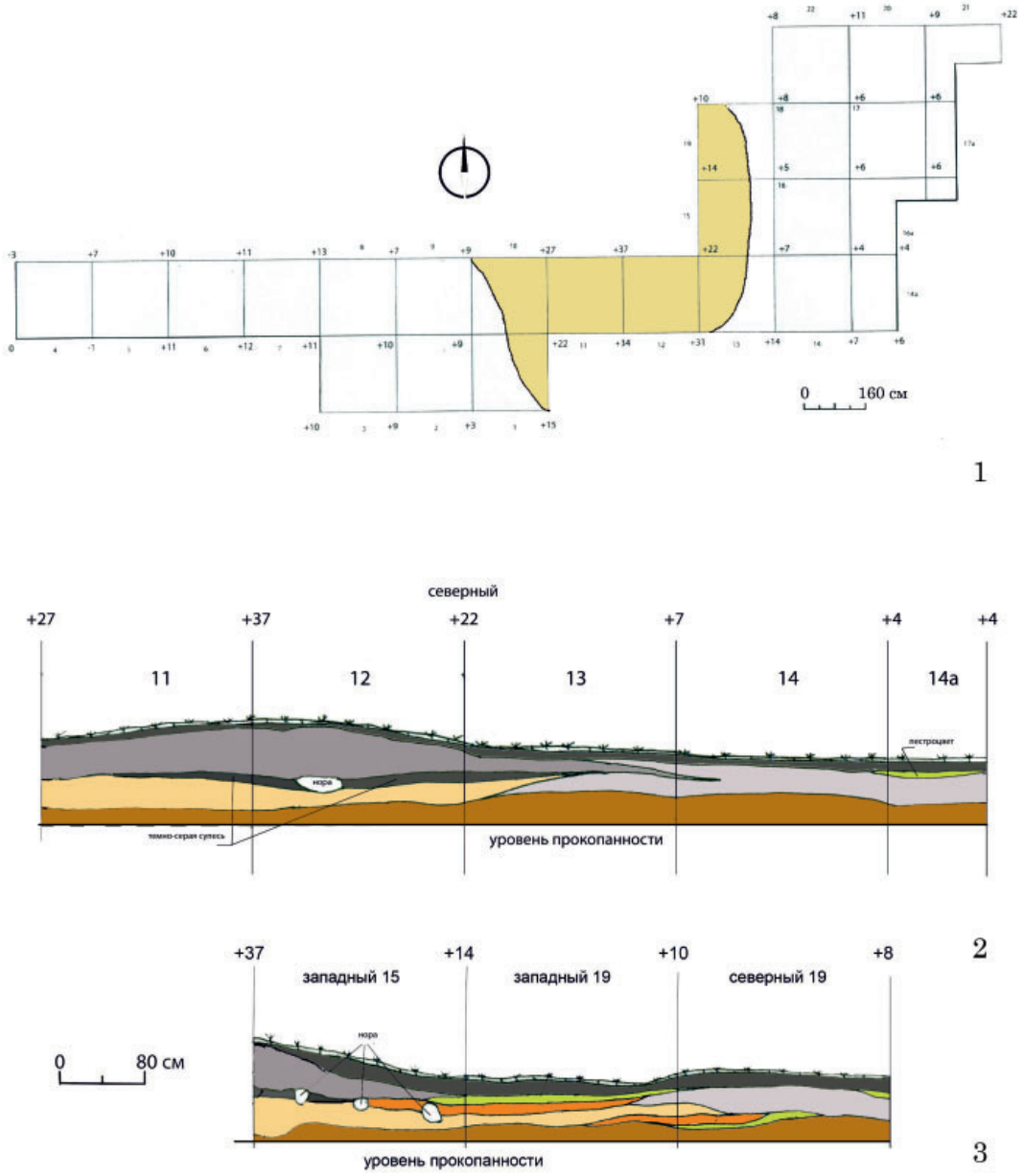


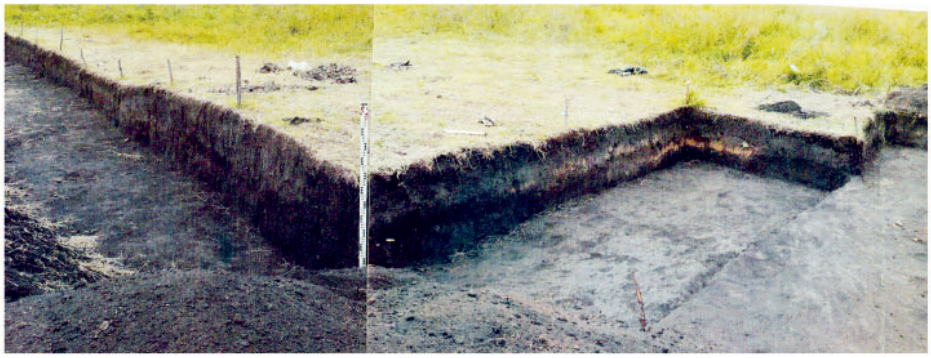
Рис.6. Остолоповское селище. Раскоп XX. *1* – план-схема раскопа с обозначением места насыпи. *2* – северный профиль участков 11-14а. *3* – западный профиль участков 15,19 и северный 19.
Fig. 6. Ostolopovo settlement. Excavation XX. *1* – plan-sketch of the excavation with the designation of the mound location. *2* – northern profile of sites 11-14a. *3* – western profile of sites 15.19 and northern 19.

XII в. в северной части селения. Судьба юго-восточной части селища сложилась иначе. Большая часть территории была заброшена. После расчистки завалов некоторые участки здесь использовались для хозяйственных нужд – для сброса мусора и бытовых отходов. Возможно, где-то восстанавливались и дома-жилища с дворовыми постройками, но таковых здесь пока обнаружить не удалось.

Примечание:

[1] Почему эти останки не были погребены на кладбище, не ясно.

1



2

3

4

Рис. 7. Остолоповское селище. Раскоп XX. *1* – северный профиль участков 9-12. Вид с юга. *2* – общий вид с юга профилей раскопа XX: участки 10-12,15,19-22. 3 – общий вид с юга профилей раскопа XX: участки 15,19-22. *4* – профиля раскопа XX: участки 10-12,15 с юга. Деталь.

Fig. 7. Ostolopovo settlement. Excavation XX. *1* – northern profile of sites 9-12. View from the south. *2* – General view from the south of the profiles of the excavation XX: sites 10-12,15,19-22. *3* – general view from the south of the profiles of the excavation XX: sites 15,19-22. *4* – profile of excavation XX: sites 10-12.15 from the south. Detail.

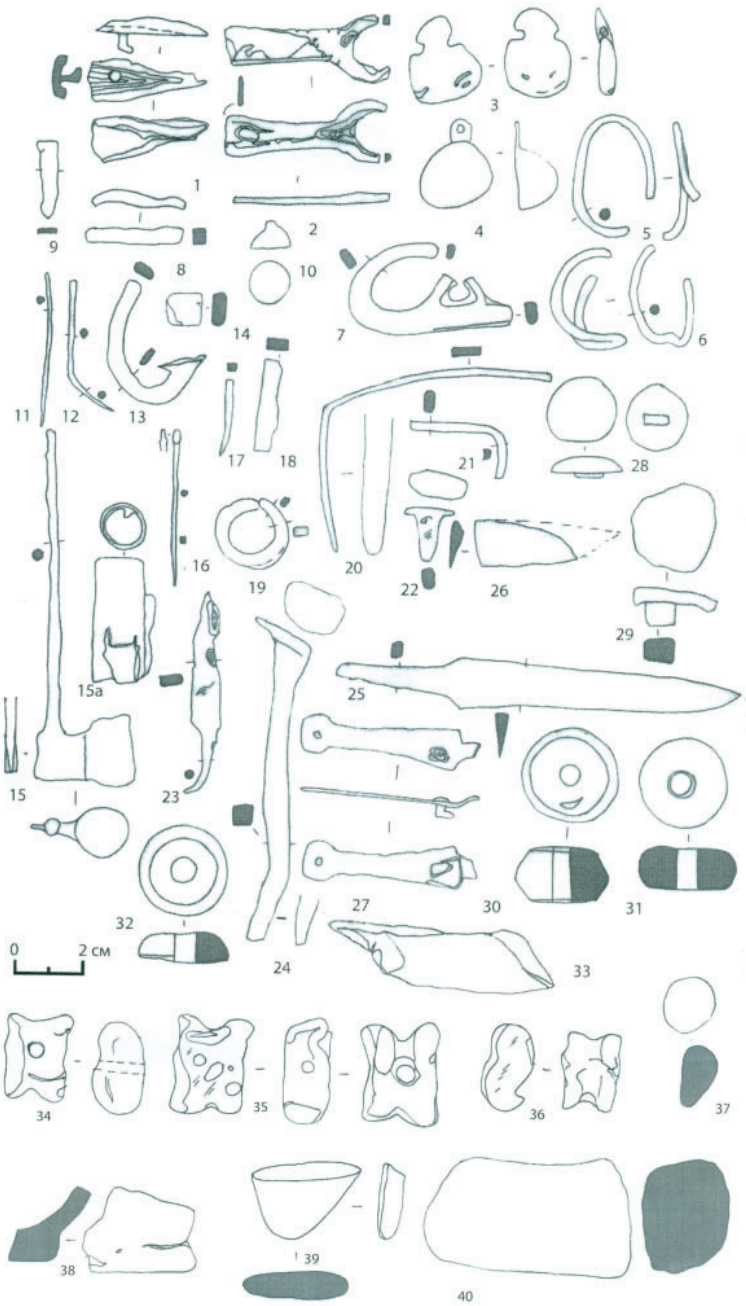


Рис. 8. Остолоповское селище. Раскоп XX. Индивидуальные находки третьего и четвертого пластов. 1- уч. 2, №54, -отвал; 2 – уч.7, №65, - 47 см; 3 – уч.10, №73,- 34 см; 4 – уч.4, №52, - 44 см; 5 – уч.4,№49, - 47 см; 6 – уч.9, №49, - 47 см; 7 – уч.13, №48, - 36 см; 8 – уч.12, №89, - 34 см; 9- уч.11, №82, - 50 см; 10 – уч.11, №84, -47 см; 11- уч.12, №91, - 49 см; 12 – уч.11, №81, - 51 см; 13 – уч.11, №86, - 56 см; 14 – уч.11, №77,- 60 см; 15 – уч.11, №8,- 49 см; 15а – уч.11, №80,-49 см; 16 – уч.3, №57, -47 см; 17- уч.14, №51, - 52 см; 18 – уч.11, №69, - 32 см; 19 – уч.6, №75, отвал; 20- уч.3, №62, - 38 см; 21 – уч.10, №74, - 34 см; 22 – уч.14, №53, - 45 см; 23 – уч.1, №60, - 41 см; 24- уч.14а, №47, отвал; 25 – уч.13, №56,отвал; 26 – уч.10,№64,- 45 см; 27- уч.7, №66, -41 см; 28- уч.8, №63, - 48 см; 29 – уч. 21, №120, - 53 см; 30- уч.11, №50, - 33 см; 31 – уч.11, №87, - 42 см; 32 – уч.6, №67, - 38 см; 33- уч.12, №93, - 48 см., 34 – уч.4,- 75 см; 35 – уч.13,№72, отвал; 36 – уч.10, №71, - 48 см; 37- уч.10,№70, - 44 см; 38 – уч.2, №58, - 46 см; 39- уч.2,№55, - 48 см; 40 – уч.8, пласт 3.

3– свинец, *4-7* – бронза; *32* – шифер; *30,31,37,38* – глина; *34- 36* – кость; *33* –окаменевшее дерево; *39,40* – камень; остальное – железо. 4 пласт: *8-15а,31,34*; остальное – пласт 3.

Fig. 8. Ostolopovo settlement. Excavation XX. Individual finds of the third and fourth layers. 1- site 2, No. 54, - dump; 2 – site 7, No. 65, - 47 cm; 3 – site 10, No. 73, - 34 cm; 4 – study 4, No. 52, - 44 cm; 5 – site 4, No. 49, - 47 cm; 6 – site 9, No. 49, - 47 cm; 7 – site 13, No. 48, - 36 cm; 8 – site 12, No. 89, - 34 cm; 9- site 11, No. 82, - 50 cm; 10 – site 11, No. 84, -47 cm; 11- site 12, No. 91, - 49 cm; 12 – site 11, No. 81, - 51 cm; 13 – site 11, No. 86, - 56 cm; 14 – site 11, No. 77, - 60 cm; 15 – site 11, No. 8, - 49 cm; 15a – site 11, No. 80, -49 cm; 16 – site 3, No. 57, -47 cm; 17- site 14, No. 51, - 52 cm; 18 – site 11, No. 69, - 32 cm; 19 – site 6, No. 75, dump; 20- site 3, No. 62, - 38 cm; 21 – site 10, No. 74, - 34 cm; 22 – site 14, No. 53, - 45 cm; 23 – site 1, No. 60, - 41 cm; 24- site 14a, No. 47, dump; 25 – site 13, No. 56, dump; 26 – site 10, No. 64, - 45 cm; 27- site 7, No. 66, -41 cm; 28- site 8, No. 63, - 48 cm; 29 – site 21, No. 120, - 53 cm; 30- site 11, No. 50, - 33 cm; 31 – site 11, No. 87, - 42 cm; 32 – site 6, No. 67, - 38 cm; 33 - site 12, No. 93, - 48 cm, 34 - site 4, - 75 cm; 35 – site 13, No. 72, dump; 36 – site 10, No. 71, - 48 cm; 37- site 10, No. 70, - 44 cm; 38 – site 2, No. 58, - 46 cm; 39- site 2, No. 55, - 48 cm; 40 – site 8, layer 3.
3 – lead, *4-7* – bronze; *32* – slate; *30,31,37,38* – clay; *34-36* – bone; *33* – petrified wood; *39,40* – stone; the rest is iron. 4 layer: 8-15a,31,34; the rest is layer 3.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова Д.Н., Аськеев И.В. Изучение скелетов Felis Catus и Canis Familiaris из средневековых археологических памятников с территории Республики Татарстан // Современная палеонтология: классические и новейшие методы / Ред. А.Ю. Розанов, А.В. Лопатин, П.Ю. Пархаев. М.: ПИН РАН, 2011. С. 71–85.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Руденко К.А. Отчет об археологических исследованиях в Татарстане в 2008 г. Казань, 2009. 46 с.// Архив ИА РАН. Р-1, № 44189.

Руденко К.А. О необычных захоронениях на Остолоповском селище X – XII вв. в Татарстане // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 202–224.

Руденко К.А. Отчет об археологических раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 2009 г. Казань, 2011. 51 с.// Архив ИА РАН. Р-1, № 39400.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 123–145.

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 296–319.

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79. DOI: 10.24852/2587-6112.2021.3.65.79

Руденко К.А. Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 7–30. DOI 10.14258/nreur(2024)2–01.

Руденко К.А., Казаков Е.П. Средневековые археологические памятники Семеновского острова в Татарстане: история изучения и некоторые итоги исследований // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 129–148. DOI: 10.24852/pa2023.4.46.129.148.

Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. №. 1. С. 58–68.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Usmanov B.M., Gainullin I.I, Gafurov A.M., Rudenko K.A., Ivanov M.A. Using multitemporal remote sensing data for evaluation of the Kuibyshev reservoir bank transformation (Laishevo and Ostolopovo archaeological sites, Tatarstan, Russia) // Proceedings of SPIE. Vol. 11863, Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII, 118630D (12 September 2021). 11 p. DOI: 10.1117/12.2599931.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Galimova, D. N., Askeev, I. V. 2011. In Rozanov, A. Yu., Lopatin, A. V., Parkhaev, P. Yu. (eds.). *Sovremennaya paleontologiya: klassicheskie i noveyshie metody (Modern paleontology: classical and new methods).* Moscow: Paleontological Institute of Russian Academy of Sciences, 71–85 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Tatarstane v 2008 g. (Report on archaeological research in Tatarstan in 2008)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 44189 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 202–224 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 2009 g. (Report on archaeological excavations of the Ostolopovo settlement in the Alekseevsk district of Tatarstan in 2009).* Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 39400 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 123–145 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 296–319 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2024. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 29 (2), 7–30 (in Russian).

Rudenko, K. A., Kazakov, E. P. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 129–148 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 58–68 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware ft he Volga Bolgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Usmanov, B. M., Gainullin, I. I, Gafurov, A. M., Rudenko, K. A., Ivanov, M. A. 2021. In *Proceedings of SPIE. Vol. 11863, Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII, 118630D (12 September 2021).* 11 p. DOI: 10.1117/12.2599931 (in English).

About the Author:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

АРХЕОЛОГИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.03/7.031 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.148.160

СТЕНА И ПОЛ ПЕЩЕРЫ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК[1]

© 2025 г. В.С. Житенёв, Ю.Д. Анисовец, Е.В. Литвинова, М.Г. Кожарина, Я.А. Малышева, Е.А. Виноградова, М.А. Статкус

профессору МГУ Н.Б. Леоновой посвящаем

На сегодняшний день на Южном Урале (на территории Башкирии и Челябинской области) известно три пещеры с настенными палеолитическими изображениями – Капова, Игнатьевская и Серпиевская-2. В период 2009-2023 гг. в ходе полевых и лабораторных исследований были выявлены свидетельства человеческой деятельности, датируемые 14-19 тыс. кал.л.н., на всех трёх памятниках. Постоянное увеличение различных свидетельств верхнепалеолитических практик стало возможным благодаря непрерывному совершенствованию методики изучения декорированных подземных полостей. Применяемый авторами подход подразумевает отношение к стенам и потолку пещер как к культурному слою палеолитических памятников. В ходе полевых работ фиксации подвергаются любые, даже мельчайшие следы человеческой деятельности. В качестве иллюстрации верности обсуждаемого подхода можно привести увеличение количества настенных рисунков и других следов художественных практик до более, чем 440 единиц в Игнатьевской пещере. Многофакторный анализ изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер указывает на относительно одновременное сосуществования на памятниках двух верхнепалеолитических стилей, которые ранее считались разновременными или вовсе не обсуждались.

Ключевые слова: археология, верхний палеолит, искусство палеолита, методика полевых исследований, Южный Урал, Капова пещера, Игнатьевская пещера, настенные изображения, красочные пигменты, микро-рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)

CAVE WALL AND FLOOR AS A CULTURAL LAYER: SPECIFICS OF THE METHODOLOGY FOR STUDYING PALEOLITHIC ARTISTIC PRACTICES[2]

V.S. Zhitenev, Yu.D. Anisovets, E.V. Litvinova, M.G. Kozharina, Ya.A. Malysheva, E.A. Vinogradova, M.A. Statkus

dedicated to N.B. Leonova, Professor at the Moscow State University

There are three caves with Paleolithic rock paintings – Kapova, Ignatievskaya and Serpievskaya-2 – in the Southern Urals (Bashkiria and Chelyabinsk region). As a result of the 2009-2023 research, new evidence of human activity in decorated underground cavities was revealed, dating back to about 14,000–19,000 cal BP. The increase in evidence of diverse practices of the Upper Paleolithic period in decorated caves became possible due to the improvement of methods for studying such sites, despite the traces of visits to which are much less pronounced compared to the usual cultural layers of ordinary sites in underground cavities. The main doctrinal thesis of the applied approach is to treat the walls and roof of caves as a cultural layer of Paleolithic sites, where

[1] Работа выполнена в рамках гранта РНФ 23-28-00468 «Разработка подхода к изучению географического происхождения (provenance) верхнепалеолитических минеральных красочных пигментов (охры) Каповой пещеры и Каменной Балки II методами аналитической химии».

[2] This research has been supported by the Russian Science Foundation within the scientific project No 23-28-00468 “Development of an approach to study the geographical provenance of Upper Paleolithic vineral color pigments (ochre) from Kapova Cave and Kamennaya Balka II using analytical chemistry methods.”

any visible to the eye, even tiny, traces of human activity are recorded during field work. One of the results of the work in the Ignatievka Cave, for example, was an increase in the number of wall paintings and other traces of artistic practices to more than 440 units. A multifactorial analysis of the pictorial ensembles of the Southern Urals caves with rock paintings indicates the relatively contemporaneous coexistence of two Upper Paleolithic styles at these sites, styles previously considered to be from different periods or not discussed at all.

Keywords: archaeology, Upper Paleolithic, Paleolithic art, field research methodology, Southern Urals, Kapova Cave, Ignatievskaya Cave, rock paintings, mineral pigments, micro X-ray fluorescence analysis (μXRF)

Стремительное развитие и расширение возможностей цифровых инструментов и прогресс физико-химических направлений анализа следов деятельности человека в пещерах с настенными изображениями позволяют в ходе многофакторных исследований получать всё более полные и объективные результаты. Однако основой археологического изучения подобных памятников остаются полевые изыскания и работы, даже если время их проведения все больше сокращается для максимального сохранения стабильности и устойчивости подземной среды и заключенного в ней археологического ансамбля.

Многие годы изысканий под влиянием пионерских работ, базировавшихся на структуралистском и статистическом анализе, превратили со временем пещеры с настенными изображениями в абстрактные «коробочки» (этим образным выражением О. Соффер обозначила узкое понимание формального подхода к пониманию и использованию термина и феномена верхнепалеолитических культур Восточной и Центральной Европы) для всеохватных теорий и поверхностных интерпретаций, как справедливо отмечает Р. Пижо (Pigeaud, 2018, p. 75; Соффер, 1999, устный комментарий, Замятнинская конференция, МАЭ РАН). И совершенно справедливо он же говорит о том, что «открытие пещер с нетронутым /образованием рыхлых отложений поверх следов деятельности палеолитического человека – *В.Ж.*/ полом, таких как Шове (Ардеш) или Кюссак (Дордонь), очень кстати напомнило парietалистам[1], что они не историки искусства, а археологи. Не впадая в удручающий релятивизм («каждая пещера разная, какой в этом смысл?»), мы все пошли по стопам Мишеля Лорбланше, который в одиночку… начал изучение малейших следов, оставленных на полу и стенах пещер Керси, чтобы попытаться обобщить их (Лорбланше, 2018)[1]» (Лорбланше, 2018).

В отечественной археологии подход, подобный обозначенному выше подходу М. Лорбланше, к пещерным памятникам с настенными изображениями формировался практически полностью, даже во многом параллельно и на собственной теоретической базе (с учетом достижений зарубежных коллег, однако в ограниченном объеме – из-за труднодоступности литературы и незначительного числа научных контактов), внутри российской школы палеолитоведения Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга. До открытия 1959 г. палеолитического изобразительного ансамбля в Каповой пещере вопросы фиксации мельчайших следов деятельности человека на памятниках открытого типа каменного века успешно разрабатывались и использовались плеядой выдающихся отечественных учёных – Г.А. Бонч-Осмоловским, С.Н. Замятниным, П.П. Ефименко, М.В. Воеводским, А.Н. Рогачевым, П.И. Борисковским, М.Д. Гвоздовер и др. Следует подчеркнуть особый вклад профессора МГУ Н.Б. Леоновой в развитие методики и практики исследований в отечественном палеолитоведении (Леонова и др., 2006). Отдельно необходимо отметить высокий уровень методики изучения изображений на стенах Каповой пещеры, применявшейся О.Н. Бадером в 1960–1970-е гг.

На основе опыта отечественной школы палеолитоведения, зарубежных специалистов и работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ в пещерах с настенными палеолитическими рисунками была разработана и внедрена новая для нашей страны методика изучения корпуса следов художественных практик и изобразительных ансамблей Каповой, Игнатьевской и Серпиевской-2 пещер. Основной доктринальный тезис концепции этой методики заключается в отношении к полу, стенам и потолку пещер как к культурному слою палеолитических памятников, где в ходе полевых работ фиксируются любые мало-мальски видимые глазу, даже крошечные, следы деятельности человека, а не только крупные объекты культурного слоя, как в современной полевой практике

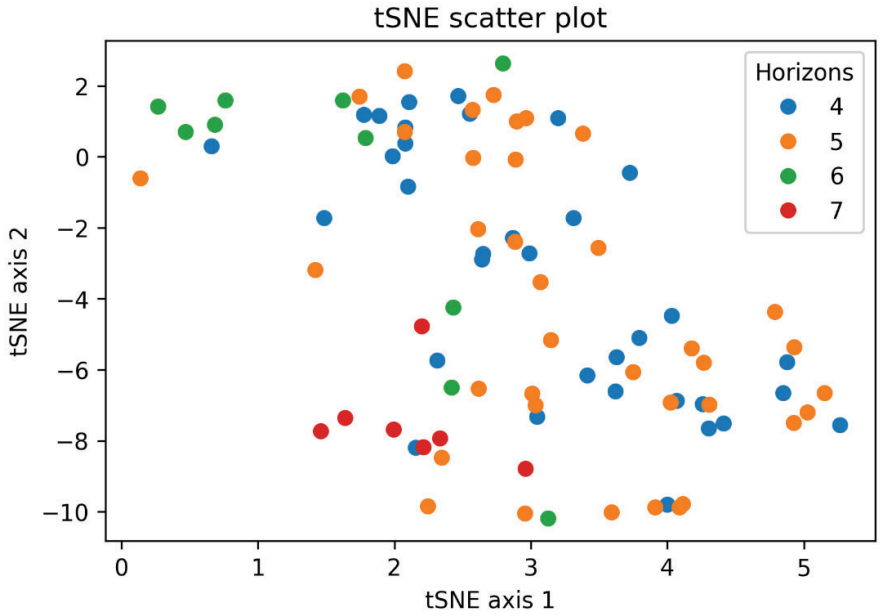


Рис. 1. Результаты кластеризации в двухмерном отображении, полученные методом стохастического вложения соседей с t-распределением (t-SNE) 88 образцов из четырёх горизонтов посещения Купольного зала Каповой пещеры.

Fig. 1. The results of clustering in a two-dimensional display obtained by the method of t-distributed stochastic neighbor embedding (t-SNE) for 88 samples from four horizons of visiting the Dome Hall of Kapova Cave.

фиксируются не только крупные целые изделия каменной индустрии, но и микродебитаж.

Выявление отдельных микроскопического размера пятен и крошек пигмента имеет ключевое значение не только для идентификации новых изображений, стертых временем или человеком, и определения последовательности нанесения изображений (микростратиграфии, в т. ч. и для отбора образцов с целью конкретизации сходств или различий в рецептуре приготовления краски), но и для фиксации широкого спектра следов художественных практик во всей совокупности их функционального аспекта – материальных остатков системных действий с краской в разном агрегатном состоянии (от порошка до жидкого раствора), включая отдельные составные элементы «производственной цепочки» в виде просыпанного порошка, следов капель и т. п. Среди микроскопических следов краски встречается и такая категория, как отдельные сохранившиеся на стене (аналогично для отдельных предметов и природных материалов из культурного слоя) крупинки, зачастую концентрирующиеся на небольшой площади. По всей видимости, это следы либо порошка для краски, либо нерастворенных мелких частиц, оставшихся в результате деятельности намеренной (выдувание, крапление, брызганье, спрыскивание и т. п.) или непреднамеренной (тесного соприкосновения/трения/истирания окрашенной одеждой, включая головной убор, или телом, включая прическу).

Малоразмерные красочные пигменты в культурном слое

Одной из особо выделяющихся категорий материалов, происходящих из пещер с настенными изображениями, являются красочные пигменты. Существует несколько контекстов их обнаружения: на современном уровне пола в виде скоплений, в культурных слоях и горизонтах посещений. Пигменты обнаруживаются в виде порошка, мазков, карандашей и т. п. Изучению красочных пигментов посвящено множество работ, однако всё более очевидной становится следующая проблема: как правило пигменты из культурных слоев памятника рассматриваются отдельно, фрагментарно, а не в качестве массового материала.

Тем не менее отдельные исследования демонстрируют, что комплексный анализ всего доступного массива пигментов из разных культурных слоев одного памятника позволяет получить значительный объем информации о разнообразии технологических

подходов к обработке материалов, а также об изменениях в стратегиях жизнеобеспечения (напр., Pradeau et al., 2014; Ronchitelli et al., 2015; Velliky et al., 2021). Наряду с археологическим изучением большая роль в подобных исследованиях принадлежит естественно-научным методам анализа (Анисовец, 2023).

В настоящее время исследования пигментов в Каповой пещере сосредоточены на красочных материалах из раскопа в Купольном зале, полученных в результате работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. В результате работ около Западной ниши этого зала выявлено 12 голоценовых и 9 позднеплейстоценовых горизонтов посещения (Житенев, 2018). Пигменты отсутствуют в голоценовых горизонтах.

Первоначально для апробации методики были изучены пигменты из первых четырёх плейстоценовых горизонтов посещения в Купольном зале, наиболее богатых красочными материалами – четвёртого, пятого, шестого и седьмого (Статкус и др., 2021).

Все образцы были изучены под бинокулярным микроскопом. Этот этап работ показал, что лишь небольшой процент отобранного в ходе полевых работ материала в действительности представляет собой пигмент. Это связано с тем, что в полевых условиях в плохо освещённых залах пещеры не всегда возможно однозначно определить, относятся ли образцы к пигменту или представляют собой естественно окрашенные камни, фрагменты кальцита или суглинка. Важным наблюдением является свойство пигментов тускнеть при высыхании. Однако важно отметить, что необходимо собирать все материалы, напоминающие собой пигменты, во избежание утраты части образцов в ходе полевых работ.

В рамках первоначального изучения пигментов из четырёх горизонтов Купольного зала Каповой пещеры были исследованы 12 образцов, имевших различный внешний вид и оттенок. По структуре и консистенции они представляют собой как плотные, так и рыхлые комки и крупинки, оставляющие или не оставляющие след при проведении по листу бумаги или камню.

Масса образцов от 0,6 мг до 108 мг, при этом масса 80% составляет менее 20 мг. Для образцов такой массы проведение классического количественного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) было невозможно, поэтому был проведен неразрушающий микро-РФА с использованием спектрометра Bruker Tornado M4+. Использована трубка с анодом из вольфрама, с коллиматором 1 мм, часть спектров снята с фильтрацией первичного излучения. В спектрах идентифицированы линии следующих 17 элементов: Al, Si, K, Ca, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Ni, Cu, Zn, Pb, Rb, Sr, Y, Zr. Так как линии Lα свинца и Kα мышьяка практически полностью перекрываются, различить эти элементы, когда они присутствуют в малых концентрациях, с помощью РФА невозможно, поэтому во всех спектрах условно линия с энергией 10,55 кэВ приписывалась свинцу. Проводилась деконволюция спектров, регистрировалась интенсивность (суммарная скорость счета за вычетом фона) для наиболее интенсивной линии каждого идентифицированного элемента. Интенсивность линии элемента нормировалась на интенсивность линии Kα железа.

Полученный таким образом массив данных обрабатывался методами кластерного анализа для выявления групп близких по химическому составу образцов. Применялся иерархический агломеративный кластерный анализ (agglomerative clustering) для построения дендрограмм и стохастическое вложение соседей с t-распределением (t-distributed stochastic neighbor embedding, tSNE) для представления многомерных данных в двухмерном отображении.

В ходе кластерного анализа не учитывались данные о том, в каком горизонте был обнаружен тот или иной образец. Предварительные результаты кластеризации указывали на то, что образцы из 4 и 5 горизонта составляют одну крупную группу, а образцы из 6 и 7 горизонтов составляют меньшие по размерам индивидуальные группы.

Однако после изучения большинства образцов из всего корпуса материалов – 88 экз., происходящих из обсуждаемых горизонтов посещений Купольного зала Каповой пещеры, картина изменилась на более сложную и неоднозначную (рис. 1), достаточно явно показывающую невозможность разделения корпуса образцов пигментов по культурным горизонтам на данном этапе аналитических исследований, что со всей очевидностью демонстрирует принципиальную необходимость изучения не отдельных образцов

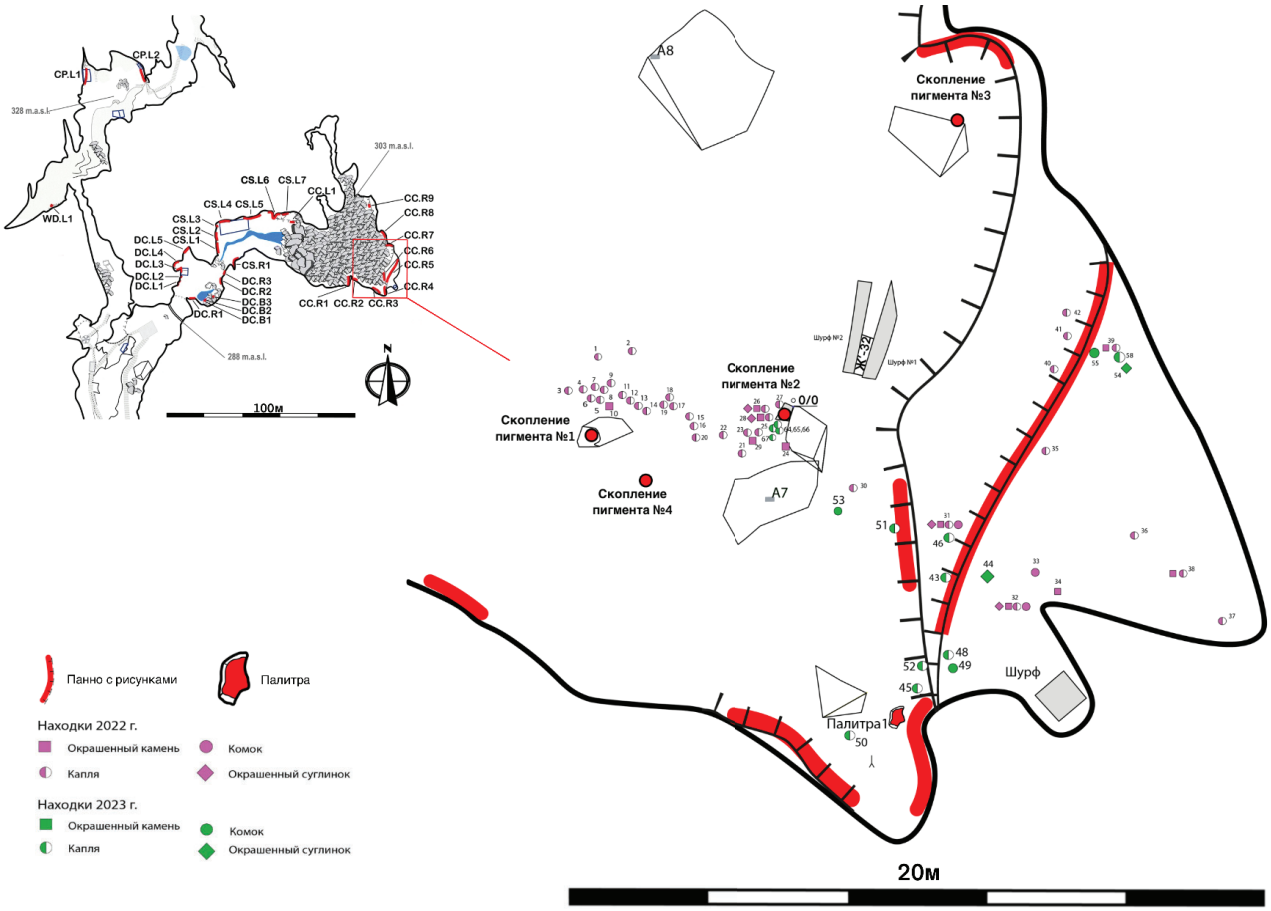


Рис. 2. Протяженная концентрация из последовательных следов красочного пигмента разной морфологии и генезиса на полу зала Хаоса, Капова пещера.
Fig. 2. Extended concentration of successive traces of mineral pigment of different morphology and genesis on the floor of the Hall of Chaos, Kapova Cave.

красочных пигментов, а всю совокупность этой категории находок как массового материала (подробное описание основ методики археологического изучения образцов пигментов и выбора естественно-научных методов анализа в зависимости от целей и задач: Житенев, Анисовец, 2023).

Малоразмерные образцы красочных пигментов на современном уровне пола

В ходе ежегодного тщательного осмотра пола Каповой пещеры, в частности в зале Хаоса, где осадконакопление в эпоху голоцена практически отсутствовало, были выявлены скопления красочного пигмента, представляющие собой центральные элементы комплексов, вокруг которых бессистемно располагались окрашенные сколы натечных кор, принесённые объемы суглинка массой до 2–3 кг и т. д. (Житенев, 2018). В ассоциации с этими комплексами, в результате нового этапа поиска следов деятельности человека в центральной части зала Хаоса (рис. 2), была обнаружена своего рода «цепочка» – протяженная концентрация из последовательных следов красочного пигмента разной морфологии и генезиса. На плане (рис. 2) представлено пространственное расположение этого сгущения пигментов (обозначение разными цветами их одинаковых морфотипов иллюстрирует результат поисковых работ двух последних лет (2022–2023 гг.) для демонстрации темпов обнаружения и фиксации подобного рода находок). Подобные остатки практик обращения с красочными материалами, но в более изолированном друг от друга контексте единично в зале Хаоса ранее уже фиксировались, как и в горизонтах посещения Купольного зала. Морфологически эта категория следов художественных практик представляют собой: отдельные капли (и брызги?) и их скопления на камнях и глыбах, узкие короткие линии и мазки на камнях и глыбах, окрашенные небольшие камни и фрагменты натечных образований красновато-розовым

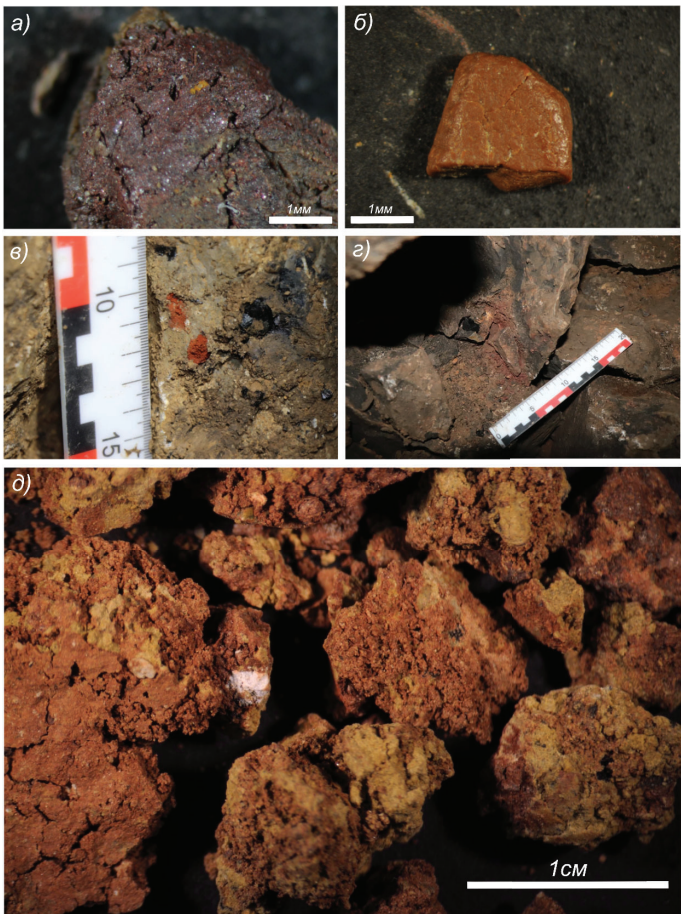


Рис. 3. Следы художественных практик в Каповой пещере: а – темно-вишневый пигмент пастообразной консистенции, зал Хаоса, Капова пещера; б – комок (?) красно-рыжего пигмента, Капова пещера, зал Рисунков, кв. ЫІ-11; в – капли густой красочной суспензии в суглинке на полу зала Хаоса, Капова пещера; г – скопление красочного минерального пигмента №4, зал Хаоса, Капова пещера; д – пигмент, смешанный с суглинком из скопления красочного пигмента №3, зал Хаоса, Капова пещера.

Fig. 3. Traces of artistic practices in Kapova Cave: a – dark cherry pigment of pasty consistency, Hall of Chaos, Kapova Cave; б – lump (?) of reddish-red pigment, Kapova Cave, Hall of the Drawings, ЫІ-11; в – drops of thick colorful suspension in loam on the floor, Hall of Chaos, Kapova Cave; г – accumulation of mineral pigment No. 4, Hall of Chaos, Kapova Cave; д – pigment mixed with loam from the accumulation of colorful pigment No. 3, Hall of Chaos, Kapova Cave.

и вишневым пигментом, пятна окрашенности на/в суглинке и на камнях, комки и сгустки пастообразной консистенции, отдельные крупинки и их скопления в виде порошкообразного пигмента (рис. 3).

Малоразмерные образцы красочных пигментов маркируют не только участки подготовки краски и нанесения настенных изображений, следы использования жидкого раствора краски в пока неидентифицируемых практиках вдали от рисунков, но и пути передвижения и отдельные их отрезки, связанные с перемещением оставляющих следы красочных материалов. Во многом внимательное отношение к подобным остаткам сравнимо со значением микродебитажа для определения места изготовления каменных или костяных предметов, направлений эвакуации отходов, выявление входов в жилища и т. п.

Малоразмерные красочные пигменты (микрообъекты) на стенах и потолке пещер

Среди микроскопических следов краски, но уже на стенах пещер, встречается и такая категория, как отдельные сохранившиеся (но это же будет аналогично и для поверхности предметов и природных материалов из культурного слоя) крупинки, зачастую концентрирующиеся на небольшой площади (до 0,3×0,4 м, как в приведенном ниже примере из Игнатьевской и Каповой пещер). По всей видимости, это следы либо порошка для краски, либо нерастворенных мелких частиц, оставшихся в результате деятельности намеренной (выдувание, крапление, брызганье,

Рис. 4. Микрообъекты рядом с рисунками на Черном панно Дальнего зала, Игнатьевская пещера.
Fig. 4. Micro-objects next to the paintings on the Black Panel of the Far Hall, Ignatievskaya Cave.

спрыскивание и т. п.) или непреднамеренной (тесного соприкосновения/трения/истирания окрашенной одеждой, включая головной убор, или телом, включая прическу).

В Игнатьевской пещере участок скопления подобных крупинок был первоначально открыт на потолке Дальнего зала над осыпью, время образования которой неизвестно. Находиться не в склоненном состоянии под потолком в этом месте подростку или взрослому человеку (вне зависимости от роста) невозможно. В этом отделе пещеры обсуждаемое скопление, как и некоторые отдельные разбросанные точки, находятся на удалении от крупных рисунков, достаточном, чтобы это скопление можно было считать самостоятельным объектом: до ближайшего красного пятна (не фигуры или рисунка) – около 0,2 м, до ближайшего крупного пятна – около 0,25 м (впрочем, первое пятно может быть частью второго).

Однако отдельные микрообъекты встречаются и совсем рядом с некоторыми рисунками на Черном панно Дальнего зала, что показывает возможность разного генезиса этой категории следов художественных практик даже на небольшом участке одного отдела подземной полости (рис. 4).

Крупинки, впаянные в тонкие пленки кальцитовых натечных образований, имеют размеры до или около 1 мм, подокруглую форму и неокатанную, но слегка сглаженную поверхность зерна. Цвет – от красного до оранжево-коричневого.

Пространственное распределение известных на сегодняшний день микрообъектов в Большом зале Игнатьевской пещеры отличается от ситуации в Дальнем зале – они расположены рядом с крупными настенными фигурами. И оттенок рисунков может отличаться от оттенка микрообъектов.

Впервые в ходе работ ЮУАЭ МГУ серийно зафиксированный в Игнатьевской пещере этот отдельный вид следов деятельности человека, связанный с художественными практиками, поставил рабочую группу в тупик из-за сложности самого памятника, в котором присутствует множество следов разных эпох, включая осколки битого кирпича Новейшего (возможно, и Нового) исторического периода. Однако при параллельном и целенаправленном изучении поверхностей панно в зале Рисунков Каповой пещеры были выявлены аналогичные по цвету, размеру и морфологической характеристике крупинки, безусловно связанные с художественными практиками палеолитического времени (рис. 5).

Более того, зафиксированы и сопряженные следы деятельности человека. Они представлены, в частности, небольшим скоплением пигмента, втертого в мелкую трещину стены (рис. 6).

Результаты изучения малых форм остатков пигмента позволяют детализировать и набор следов художественных практик на отдельных участках панно. Наглядным примером может служить предварительный итог изучения пространства над фигурой мамонта № 7 – единственной силуэтной фигурой на Западном панно зала Рисунков. Первое полное описание пространства около рисунка (высота его составляет около 50 см, длина – около 57 см) представлено в отчете О.Н. Бадера: «Над задней частью фигуры обозначились 5 разбросанных красных точек, над головой – еще 2, расположенные вертикально. Под фигурой и перед ней – постепенно расплывающийся красноватый фон» (Бадер, 1973, с. 22 – цит. по: Житенев, 2018) (рис. 7).

Однако после пристального изучения пространства над этим рисунком (в т. ч. с использованием фотограмметрических инструментов) были выявлены новые следы

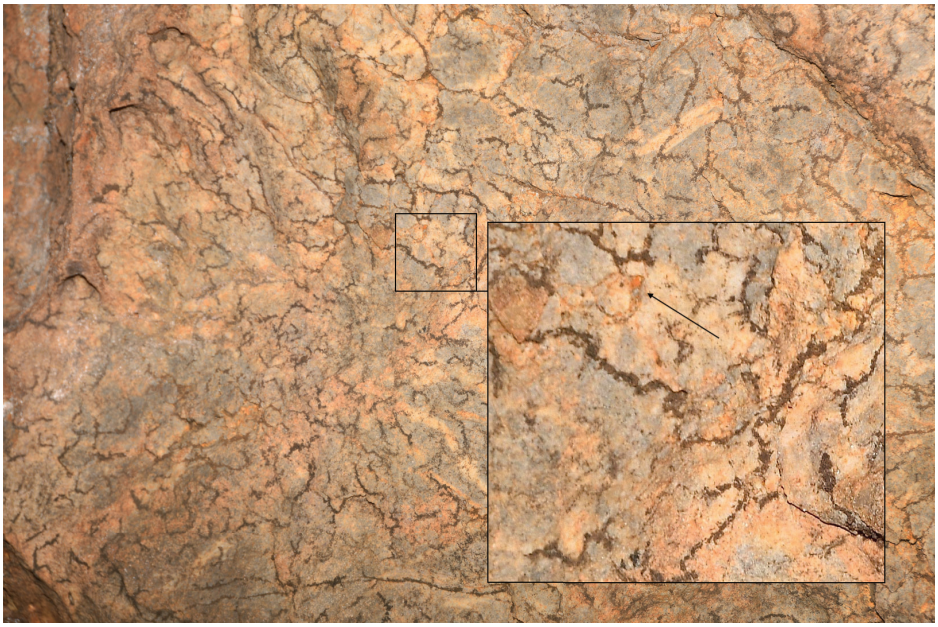


Рис. 5. Фрагменты красочных пигментов на стене в непосредственной близости от рисунков, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.
Fig. 5. Fragments of mineral pigments on the wall in close proximity to the paintings, Eastern Panel, Hall of the Drawings, Kapova Cave.

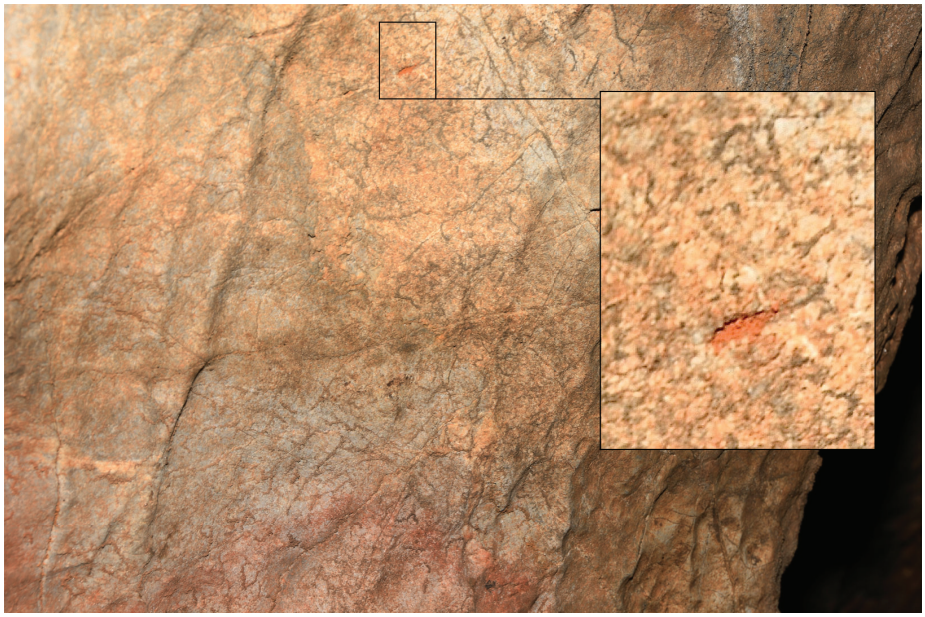


Рис. 6. Скопления пигмента, втертого в трещину стены, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.
Fig. 6. Accumulation of pigment worked into wall cracks, Eastern Panel, Hall of the Drawing, Kapova Cave.

красочного пигмента. Упомянутые О.Н. Бадером «5 разбросанных красных точек» расположены над туловищем – от горба до крупа – фигуры животного и сверху ограничены небольшой трещиной стены (А – на рис.), к которой как минимум три из этих «точек» приурочены. Вместе с тем выше них, уже, безусловно, за пределами «красноватого фона» вокруг изображения мамонта, на стене четко фиксируются остатки красного пигмента, частично расположенного поверх фрагментов натечных кор. Концентрация этого скопления следов художественной деятельности выразительно отделена (по сути – стерильным с точки зрения археологической терминологии) пространством стены без каких-либо призна-

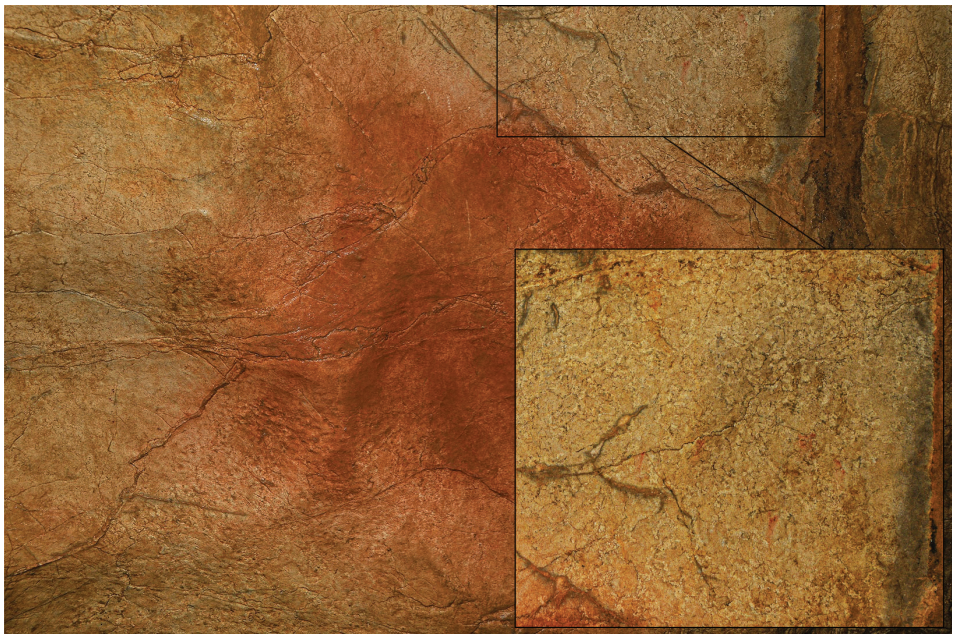


Рис. 7. Остатки красного пигмента, частично расположенного поверх фрагментов натечных кор, над фигурой мамонта №7, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.
Fig. 7. Remnants of red pigment partially located on top of the fragments of speleothems, above the figure of mammoth No. 7, Eastern Panel, Hall of the Drawings, Kapova Cave.

ков окрашенности, что дополнительно свидетельствует в пользу обособленного статуса области со следами краски как дискретной изобразительной составляющей Западного панно.

С одной стороны, описанные выше микрообъекты и пятна пигмента возможно рассматривать как остатки абсолютно неясных на сегодняшний день следов изобразительных практик, археологически синхронных основным фигурам обсуждаемых панно.

С другой стороны, «линии и пятна краски, расположенные рядом с центральными фигурами мамонтов (№ 5 и 6) Западного панно, могут свидетельствовать… о существовании ранней генерации настенных изображений, стертых не полностью» (Житенев, 2018). Новые остатки художественной деятельности человека на Западном панно зала Рисунков позволяют с ещё большей долей уверенности предполагать наличие следов раннего этапа следов художественной деятельности в Каповой пещере, что находит подтверждение и в материалах средней и нижней пачки культурных горизонтов раскопа в Купольном зале.

Основной пласт, по существу – бóльшую часть изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер, составляют именно красочные пятна, мазки, крупинки и т. п., являющиеся как остатками разрушенных палеолитических рисунков, так и отдельными, по большей части плохо сохранившимися, следами художественных практик. Например, в Игнатьевской пещере в ряде случаев микрообъекты (и капли, и крупинки) на стенах рядом с рисунками могут как отличаться, так и быть схожего цвета с ними. На сегодняшнем этапе исследований можно говорить о том, что если в Большом зале Игнатьевской пещеры микрообъекты располагаются рядом только рядом с крупными фигуративными рисунками, то в Дальнем зале – ситуация иная, а микрообъекты могут находится и в отдалении от крупных изображений.

Значение уже полученных результатов продолжающегося переисследования художественного ансамбля Игнатьевской пещеры трудно переоценить. Корпус настенных изображений красного и черного цветов в Игнатьевской пещере на первых этапах 1980–1986 и 1990-е – 2020 г. экспедициями – соответственно В.Т. Петрина и В.Н. Широкова – изучался и был опубликован, но достаточно общо, без статистических данных и практически без учета новых на те периоды развития науки подходов к исследованию пещерных настенных изображений (Петрин, 1992; Петрин, Широков, 2013).

Статистические данные по изобразительному комплексу важны для сравнительно-

го анализа как археологически синхронных, так и диахронных корпусов следов художественных практик пещерных памятников с настенными рисунками. Однако для статистики необходимо наличие информации обо всех следах изобразительных практик, а не отдельных или наиболее крупных (хорошо сохранившихся и т. п.) рисунках. Фиксация и изучение малоразмерных следов художественной деятельности, вплоть до отдельных, оставшихся на стене крупинок или пятнышек красочного пигмента, так же важны для понимания деятельности человека, как и фиксация, и изучение отходов производства каменного инвентаря, включая микродебитаж. Более того, микроследы художественных практик не менее важны для понимания изобразительной техники, а следовательно, и организации изобразительной деятельности, по сравнению и аналогии с изучением техники обработки каменного и костяного инвентаря.

На основе опыта зарубежных специалистов и работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ в пещерах с настенными палеолитическими рисунками была разработана и применена новая для нашей страны методика изучения художественного ансамбля Игнатьевской пещеры. Для примера представления предварительных результатов возьмём промежуточные итоги изучения части художественного ансамбля Игнатьевской пещеры в Дальнем зале. Общее количество рисунков: 23 крупных рисунка – пять на Красном панно (антропоморфная фигура, два «крестообразных» знака, зооморфное изображение, фигура мамонта) + линия у южной стены + пять на южной стене («стреловидное» изображение и два пятна, «якореобразное» изображение, «лестницеподобный» знак, параллельные линии, антропоморфное изображение и отдельные линии рядом с ним) + более 12 на Черном панно (пять почти утраченных черных линий, «фантастическое зооморфное» существо, «треугольник», «личина», шейно-спинная линия зооморфного изображения (лошади?), геометрический подчетырехугольный знак, горизонтальный ряд из 17 штрихов, фигура лошади, рисунок лошади без головы, изображение верблюда и знак из сдвоенных дуг, рисунок мамонта, контур зооморфной фигуры); пятна: более 129 – два (рядом с антропоморфной фигурой) + 16 (скопление слева от антропоморфной фигуры) + 14 (на участке с «крестообразными» знаками) + 22 (на участке, где рисунки черного цвета смешаны с кальцитом) + 17 (рядом с зооморфным изображением) + восемь (внутри зооморфного изображения) + более 50 (за зооморфным изображением по направлению к осыпи). Требуют дополнительного пересчета: пятна прямо у осыпи и пятна красного цвета на Черном панно. Таким образом, крупных рисунков – 24 (при этом линии на Южной стене рядом с антропоморфным изображением рассматриваются как один рисунок), отдельных пятен – более 129, микрообъектов – более 36, итого: следов художественной деятельности в Дальнем зале более 189.

Впервые можно оперировать (пока) предварительными статистическими данными по корпусу следов художественных практик в Игнатьевской пещере: всего на стенах и потолке подземной полости расположено более 440 следов изобразительной деятельности человека. Следует подчеркнуть, что отдельные элементы рисунков не учитывались при подсчетах как разные единицы, например, если изображение представляет собой изолированную «группу субпараллельных линий» (по В.Т. Петрину), располагающихся близко одна над другой, то такое изображение учитывалось как одно (например, в группе изображений № 2 – рисунки № 2 и № 5, по: Петрин, 1992). Подобные данные по изобразительному комплексу важны для сравнительного анализа изобразительных ансамблей как археологически синхронных, так и разновременных пещерных памятников с настенными изображениями.

Микростратиграфический анализ следов художественной деятельности выявил случаи наложения остатков рисунков черного цвета на красные остатки, что подтверждает и свидетельствует в пользу относительно одновременного сосуществования в позднем палеолите двух стилей, ранее считавшихся разновременными, внутри пещеры.

Монографическое исследование В.Т. Петрина не идеально с точки зрения сегодняшнего дня и этапа развития палеолитоведения (Петрин, 1992). Полевые исследования художественного ансамбля, проводившиеся в 1980–1986 гг. были основаны на методологии, а следовательно, и подходах, значительно более ранних. Кроме того, В.Т. Петрин и

его команда были больше специалистами всё-таки по изучению именно наскальных памятников первобытного искусства – писаниц, поэтому многие методы были позаимствованы именно из этой области археологии и не до конца адаптированы к изучению пещеры с настенными изображениями. Издание 2013 г. за авторством В.Н. Широкова и В.Т. Петрина ничего действительно нового не дает с точки зрения использованных методик и полученных результатов (Широков, Петрин, 2013). Базовую монографию В.Т. Петрина нельзя на современном этапе развития науки использовать в качестве единственной основы для изучения и сохранения Игнатьевской пещеры в связи с большим количеством неточностей в описании как целых групп, так и отдельных следов художественных практик. Кроме того, в 1980-е гг. не были зафиксированы многие малоразмерные следы изобразительной деятельности, являющиеся – с точки зрения сегодняшней науки – важнейшими свидетельствами активности людей в пещерах с настенными рисунками. Совокупность всех этих факторов означает необходимость публикации нового монографического издания результатов изучения художественного ансамбля памятника.

Выводы

Таким образом, подход к изучению красочных пигментов, в т. ч. малого размера, как к отдельной категории массового материала и следам деятельности человека, включая микрообъекты, на стенах и полу пещер как к культурному слою убедительно демонстрирует свою целесообразность в использовании при изучении археологических и художественных ансамблей пещерных памятников. Микрообъекты красочных пигментов существенно обогащают корпус материальных свидетельств применения охры (красочных материалов) в верхнем палеолите, использовавшейся не только в символических практиках, но и в хозяйственно-бытовых операциях (Анисовец, 2023; Анисовец и др., 2023; Житенев, Анисовец, 2023). Результаты обработки материалов работ последних лет, обсуждаемые в статье, демонстрируют верность выбранных подходов к полевой методике изучения рыхлых отложений как для пещерных памятников, так и для памятников открытого типа. Подобный подход охватывает все категории обсуждаемых археологических материалов, несмотря на наличие существенных нюансов естественного и антропогенного характера.

Многофакторный анализ изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер указывает на относительно одновременное сосуществование на памятниках двух верхнепалеолитических стилей, которые ранее считались разновременными или вовсе не обсуждались.

Основой археологического изучения пещерных памятников с настенными изображениями остаются полевые исследования. Результаты применения новых археологических подходов и методик, вдумчивого целеполагания и взвешенного планирования отбора проб для проведения естественно-научных анализов – всё это позволяет получить не только сугубо академические результаты, но и создать фундамент для последовательного совершенствования мониторинга состояния, а следовательно, и сохранения археологических и художественных ансамблей палеолитических подземных святилищ. «Изучать – значит сохранять», – этот тезис в рекомендациях ЮНЕСКО актуален не только в отношении пещер с рисунками, но и для всех памятников археологии, как и кропотливая методика поиска, фиксации и изучения красочных пигментов.

Примечание:

[1] «Неологизм «парietалисты» был предложен Норбертом Оджулатом (Norbert Aujoulat) для обозначения специалистов по палеолитическому пещерному настенному (pariétal) искусству». Вместе с другими коллегами мы принимаем его «даже при неизбежном редуцировании настоящей области научных исследований. Конечно, он не охватывает всю нашу область знаний, которая распространяется на украшения и предметы искусства малых форм, но в некоторых конкретных случаях удобно четко указать, что здесь мы говорим только об одном конкретном аспекте символического поведения доисторических людей верхнего палеолита» (Pigeaud, 2018, p. 75).

ЛИТЕРАТУРА

Анисовец Ю.Д. История естественно-научного изучения красочных пигментов верхнего палеолита Центральной и Западной Европы // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 2. С. 16–35.

Анисовец Ю.Д., Лаврова В.Д., Абдрашитова И.В., Виноградова Е.А., Статкус М.А., Житенёв В.С. Палеолитические красочные пигменты как массовый материал: предварительные результаты анализа и сравнения образцов Каповой пещеры и Каменной Балки II // Ранний верхний палеолит Европы и сопредельных территорий: взгляд из Сунгиря. Всероссийская научная конференция с международным участием, к 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.; Владимир: ИА РАН, Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2023. С. 45–46

Житенёв В.С. Капова пещера – палеолитическое подземное святилище. М.: Индрик, 2018. 296 с.

Житенев В.С., Анисовец Ю.Д. Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2023. № 4. С. 142–173.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычёва С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.: Научный мир, 2006. 342 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Статкус М.А., Абдрашитова И.В., Анисовец Ю.Д., Житенёв В.С. Красочные пигменты Каповой пещеры: кластеризация образцов на базе данных микрорентгенофлуоресцентного анализа (предварительные результаты) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2021 / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс; Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. С. 69–71.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур, 2013. 190 с.

Pigeaud R. La transparence et l'obstacle. Manipulations dans les grottes ornées // Les nouvelles de l'archéologie. 2018. №. 154. P. 75-81.

Pradeau J., Salomon H., Bon F., Mensan R., Lejay M., Regert M. Les matières colorantes sur le site aurignacien de plein air de Régismont-le-Haut (Poilhes, Hérault) : acquisition, transformations et utilisations // Bulletin de la Société préhistorique française. 2014. Vol. 111. №. 4. P. 631-658.

Ronchitelli A., Mugnaini S., Arrighi S., Atrei A., Capecchi G., Giamello M., Longo L., Marchettini N., Viti C., Moroni A. When technology joins symbolic behaviour: The Gravettian burials at Grotta Paglicci (Rignano Garganico - Foggia - Southern Italy) // Quaternary International. 2015. Vol. 359–360. P. 423–441.

*Velliky E.C., MacDonald B. L., Porr, M. Conard N. J. F*irst large-scale provenance study of pigments reveals new complex behavioural patterns during the Upper Palaeolithic of south-western Germany // Archaeometry. 2021. Vol. 63. №. 1. P. 173-193.

Информация об авторах:

Житенев Владислав Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); macober@mail.ru

Анисовец Юлия Дмитриевна, аспирант, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); aquarumnaya@gmail.com

Литвинова Елена Вадимовна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); litveloffice@yandex.ru

Кожарина Мария Георгиевна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kozharinamaria@mail.ru

Малышева Яна Алексеевна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); malyshevayanaivran@mail.ru

Виноградова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); vinogradovae@mail.ru

Статкус Михаил Александрович, доктор химических наук, кафедра аналитической химии химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); statkusma@my.msu.ru

REFERENCES

Anisovets, Yu. D. 2023. In *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* 2, 16–35 (in Russian).

Anisovets, Yu. D., Lavrova, V. D., Abdrashitova, I. V., Vinogradova, E. A., Statkus, M. A., Zhitenev, V. S. 2023. In Gavrilov, K. N. (ed.) *Ranniy verkhniy paleolit Evropy i sopredel'nykh territoriy: vzglyad iz Sungirya (Early Upper Paleolithic of Europe and adjacent regions: a view from Sungir)*. Moscow; Vladimir: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 45–46 (in Russian).

Zhitenev, V. S. 2018. *Kapova peshchera – paleoliticheskoe podzemnoe svyatilishche (Kapova Cave – Paleolithic underground sanctuary).* Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Zhitenev, V. S., Anisovets, Yu. D. 2023. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VIII. Istoriia (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria VIII. History)* 4, 142–173 (in Russian).

Leonova, N. B., Nesmeianov, S. A., Vinogradova, E. A., Voeikova, O. A., Gvozdover, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sycheva, S. A. 2006. *Paleoekologiya ravninnogo paleolita (na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoyanok Kamennaya Balka v Severnom Priazov'e) (Paleoecology of Lowland Paleolithic (using the example of the Upper Paleolithic Kamennaya Balka site complex in the Northern Azov region))*. Moscow: "Noviy mir" Publ. (in Russian).

Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Statkus, M. A., Abdrashitova, I. V., Anisovets, Yu. D., Zhitenev, V. S. 2021. In Yuminov, A. M., Ankusheva, N. N. (eds.). *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia –2021 (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy – 2021).* Miass; Chelyabinsk: South Ural State University of Humanities and Education, 69–71 (in Russian).

Shirokov, V. N., Petrin, V. T. 2013. *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale (The art of the Ice Age. Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the Southern Urals).* Ekaterinburg: "Azhur' Publ. (in Russian).

Pigeaud, R. 2018. In *Les nouvelles de l'archéologie.* 154, 75–81.

Pradeau, J., Salomon, H., Bon, F., Mensan, R., Lejay, M., Regert, M. 2014. In *Bulletin de la Société préhistorique française*. Vol. 11, no. 4, 631–658.

Ronchitelli, A., Mugnaini, S., Arrighi, S., Atrei, A., Capecchi, G., Giamello, M., Longo, L., Marchettini, N., Viti, C., Moroni, A. 2015. In *Quaternary International.* Vol. 359–360, 423–441.

Velliky, E. C., MacDonald, B. L., Porr, M., Conard, N. J. 2021. In *Archaeometry*, vol. 63, no. 1, 173–193.

About the Authors:

Zhitenev Vladislav S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; macober@mail.ru

Anisovets Yulia D., Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; aquarumnaya@gmail.com

Litvinova Elena V. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; litveloffice@yandex.ru

Kozharina Maria G. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation kozharinamaria@mail.ru

Malysheva Yana A. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; malyshevayanaivran@mail.ru

Vinogradova Ekaterina A., Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation); vinogradovae@mail.ru

Statkus Mikhail A., Doctor of Chemical Sciences, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; statkusma@my.msu.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.161.170

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КЕРАМИКИ КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ПОСУДЫ СТОЯНОК ХОМУТОВСКОЕ БОЛОТО I-II)[1]

©2025 г.Е.Л. Лычагина, Н.С. Смертина, Д.А. Демаков

В статье приводятся результаты типологического, технико-технологического и петрографического анализа керамики стоянок Хомутовское болото I-II, которые расположены в Северном Прикамье. Для памятников характерна посуда песочного и коричневого цвета, толщина стенок сосудов 8–10 мм, поверхность заглажена мягким предметом, преобладают скошенные и округлые венчики, наплыв на внутренней стенке встречается редко. Основные способы нанесения орнамента – оттискивание, прокатывание и шагание. Узоры наносились гребенчатым штампом иногда в сочетании с ямочным орнаментом. Сосуды изготавливались из незапесоченных илистых глин и глин, которые чаще использовались в сухом дробленном состоянии. Основной примесью в формовочной массе был шамот разного размера 0,5–5 мм. Приведенные описания характерны для керамики раннего этапа камской неолитической культуры. Керамические комплексы стоянок Хомутовское болото I–II, могут рассматриваться в качестве эталонных при характеристике камской гончарной традиции.

Ключевые слова: археология, неолит, верхняя Кама, камская культура, керамика, типологический анализ, технико-технологический анализ, петрографический анализ

CHARACTERISTICS OF THE KAMA NEOLITHIC CULTURE POTTERY (BASED ON A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF WARES FROM KHOMUTOVSKOE BOLOTO I-II CAMPSITES)[2]

E.L. Lychagina, N.S. Smertina, D.A. Demakov

The article presents the results of typological, technical-technological, and petrographic analyses of pottery from the Khomutovskoe Boloto I and II sites, located in the Northern Kama region. The sites are characterized by vessels in sandy and brown colors, with wall thicknesses of 8–10 mm. Vessel surfaces were smoothed with a soft object, and slanted or rounded rims predominate, while an interior rim coil (clay ridge) is rarely encountered. The primary decoration techniques are impression (stamping), rolling (dragging), and punctate stamping ("stepping"). Patterns were applied using a comb stamp, sometimes combined with pit ornamentation. Vessels were made from non-sandy silty clays and clays, most often used in a dry, crushed state. The main temper in the paste was grog of varying sizes (0.5–5 mm). The described characteristics are typical for the pottery of the early stage of the Kama Neolithic culture. The pottery assemblages from the Khomutovskoe Boloto I and II sites can be considered as standard examples for characterizing the Kama pottery tradition.

Keywords: archaeology, Neolithic; upper Kama; Kama culture; pottery; typological analysis; technical and technological analysis; petrographic analysis

Введение

Понятие «камская неолитическая культура» было введено в науку О.Н. Бадером на основе анализа материалов археологических памятников, изученных автором в зоне строительства сначала Камской, а затем и Воткинской ГЭС (Бадер, 1970, с. 57–71; Бадер, 1973, с. 100). К характерным чертам выделенной археологической культуры относилось строительство подпрямоугольных домов-полуземлянок, изготовление орудий труда из плитчатого кремня и кремневых отщепов при редком использовании пластин. Но самой яркой чертой культуры, безусловно, являлись ее керамические комплексы. Исследователь считал, что: «…керамика – это наиболее массовый и сложный элемент материальной культуры из сохранившихся до наших дней»

[1] Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/

[2] The work was supported by the RSF grant No. 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/

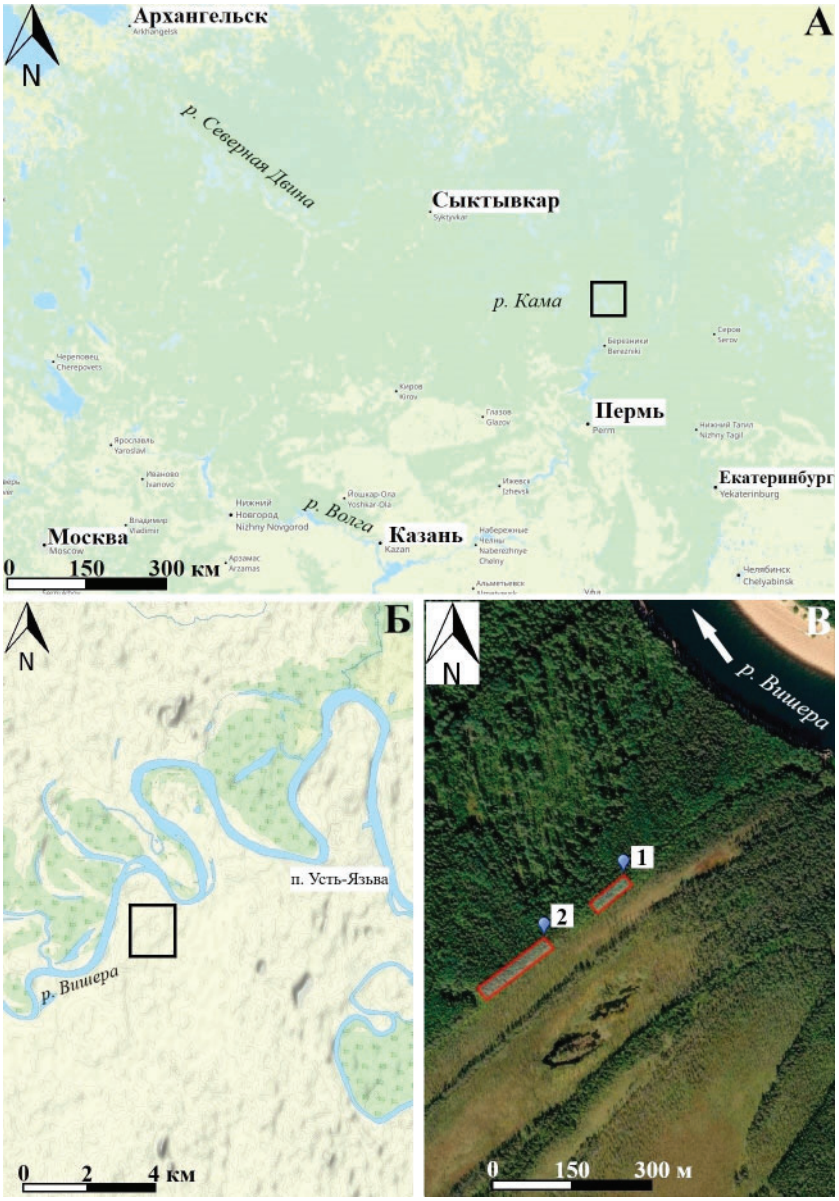


Рис. 1. А. Район исследования на территории Восточно-Европейской равнины; Б. Район исследования и р. Вишера; В. 1. Хомутовское болото I, стоянка; 2. Хомутовское болото II, стоянка.
Fig. 1. A. The research area on the territory of the East European Plain; Б. The research area and Vishera River; B. 1. Khomutovskoe Boloto I, campsite; 2. Khomutovskoe Boloto II, campsite.

(Бадер, 1973, с. 100). К характерным чертам посуды «камского типа» О.Н. Бадер отнес: полуяйцевидную форму, толстостенность, наличие наплыва на внутренней стороне венчика у, по меньшей мере, трети сосудов, примесь песка в формовочной массе, плотную орнаментацию гребенчатым штампом с зубчатыми отпечатками, к которым примешивался неглубокий ямочный орнамент. Узоры состояли из треугольников, ромбов и «шагающей гребенки» (Бадер, 1973, с. 100).

В последней четверти XX в. изучением керамики, относящейся к камской неолитической культуре, занималась И.В. Калинина. Основным объектом ее изучения стали способы орнаментации посуды. В результате, исследовательница пришла к выводу, что неолитическая керамика, распространенная на территории Нижнего Прикамья, имеет схожие способы орнаментации и принципы построения узоров с посудой Среднего Прикамья, описанной О.Н. Бадером (Калинина, 1993). Другим важным результатом работ И.В. Калининой стал вывод о том, что посуда, орнаментированная гребенчатыми и накольчатыми узорами, не является родственной

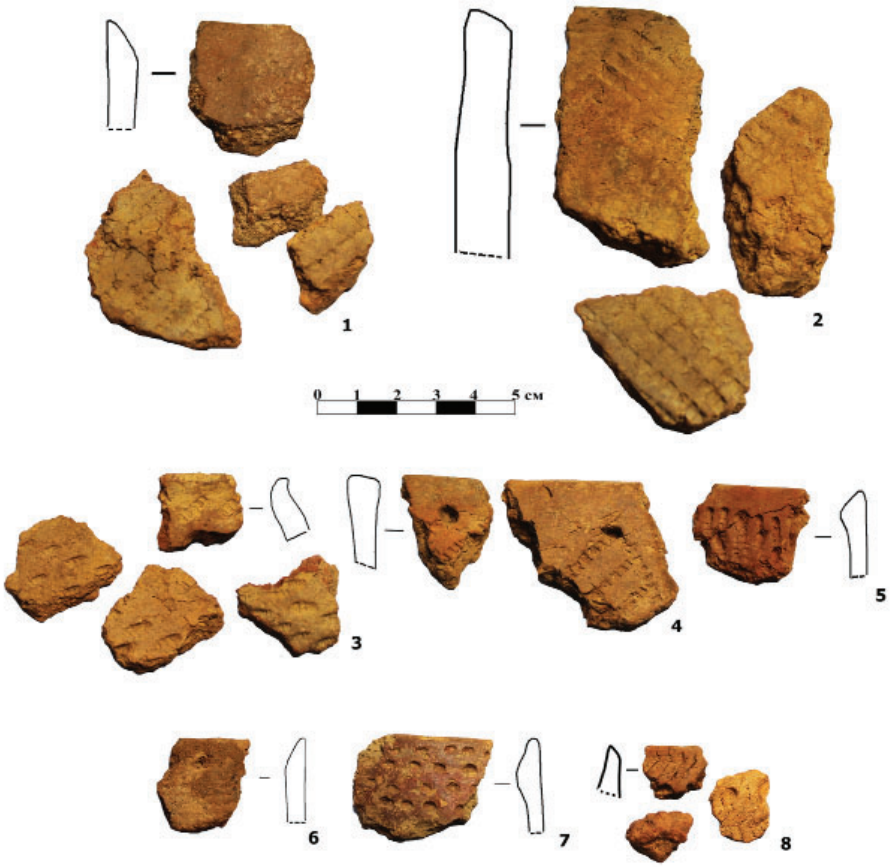


Рис. 2. Керамика стоянки Хомутовское болото II.
Fig. 2. Pottery from the Khomutovskoe Boloto II campsite.

и имеет разное происхождение (Калинина, 1979, с. 23). Её исследования показали правомерность выделения самобытных керамических комплексов с гребенчатой орнаментацией в камскую неолитическую культуру.

В последующих исследованиях, проведенных И.Н. Васильевой, данный вывод был подтвержден. Так, при изучении технологии производства камской неолитической посуды, в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978), ею были изучены способы отбора и подготовки исходного пластичного сырья (ИПС) и формовочных масс (ФМ). И.Н. Васильевой было отмечено: древние гончары для составления глиняной массы применяли незапесоченные/слабозапесоченные ожелезненные глины в дробленном состоянии, в которые замешивался в качестве искусственной примеси крупный шамот (Васильева, 2013, с. 82). Исходя из приведенной выше информации, мы видим обоснованность выделения гребенчатой керамики региона в отдельную керамическую традицию на основе как типологического, так и технико-технологического анализов.

Продолжение исследований морфологии и технологии изготовления камской неолитической посуды получило в работах Н.С. Смертиной (Батуевой). В частности, автором впервые было предложено разделить все керамические комплексы, относящиеся к камской культуре, на смешанные (где присутствует неолитическая керамика других культурных типов) и несмешанные. В результате, исследователь пришла к выводу, что предложенная И.Н. Васильевой характеристика верна только для несмешанных комплексов. Также, Н.С. Смертиной был проведен анализ результатов петрографического исследования керамики камской культуры, который дополнил описания, полученные в результате использования других методов. В частности, была подтверждена устойчивость традиции добавления разных фракций шамота в формовочную массу при использовании глинистого сырья разного происхождения (Батуева, 2023, с. 163).

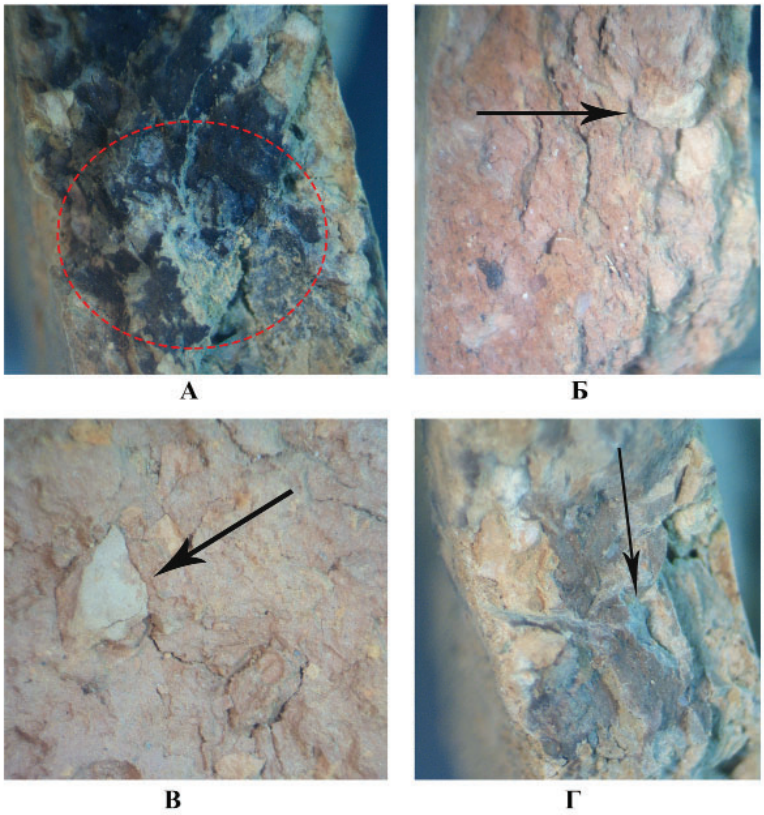


Рис. 3. Керамика стоянки Хомутовское болото II. Микрофотографии: А, Г – органические растворы; Б, В – минеральные примеси.
Fig. 3. Pottery from the Khomutovskoe Boloto II campsite. Microphotographs: A, Г – organic solutions; Б. В – mineral impurities

Таким образом, в ходе более полувекового изучения керамических комплексов камской неолитической культуры сложились основные методы их анализа. К ним мы можем отнести типологический, технико-технологический и петрографический. При этом перед исследователями ставилась задача провести полноценный анализ, в первую очередь, несмешанных и достаточно ранних керамических комплексов.

Методы и материалы

Одним из таких комплексов, являются материалы стоянок Хомутовское болото I и Хомутовское болото II, расположенных в Северном Прикамье. Памятники были открыты и изучены небольшими разведочными раскопами А.Ф. Мельничуком и Д.А. Майстренко в 2010, 2013 гг. (Денисов и др., 2013, с. 68–69). Эти работы доказали принадлежность стоянок к камской неолитической культуре и показали перспективность их дальнейшего изучения, как «чистых» памятников данной культуры (Майстренко и др., 2012, с. 105-106). Исследование обоих памятников было продолжено в 2023 г. под руководством Е.Л. Лычагиной и Д.А. Демакова (Демаков и др., 2023, с. 18). По органике в керамике со стоянки Хомутовское болото I была получена радиоуглеродная дата, позволяющая отнести время его существования к концу VI – началу V тыс. до н.э. (Лычагина и др., 2021, с. 40).

Керамическая коллекция стоянки Хомутовское болото I состоит из фрагментов 5 сосудов (3 – раскопки 2013 г.; 2 – раскопки 2023 г.). На стоянке Хомутовское болото II были обнаружены остатки 17 сосудов (9 – 2013 г.; 8 – 2023 г.).

Типологический анализ затрагивал информацию о толщине стенок, венчиков и днищ, их форме, орнаменте и способах его нанесения.

Технико-технологический анализ проводился в рамках историко-культурного подхода, который базируется на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978). Авторами использовался тринокулярный микроскоп Levenhuk ZOOM 1T, работы проходили

на базе ПГГПУ, исследования проводились по свежим изломам и поверхностям, предварительно очищенным от солевых и других наслоений.

Петрографическое изучение шлифов было проведено старшим преподавателем кафедры минералогии и петрографии ПГНИУ Е.М. Томилиной на поляризационном микроскопе Olympus BX51 (Япония) (аппаратура Центра коллективного пользования уникальным научным оборудованием ПГНИУ). Оптическая диагностика минералов, форменных компонентов, структурно-текстурных особенностей проводилась в проходящем свете с использованием методов скрещенных николей. Кроме этого, были сделаны снимки шлифов при увеличении 50х.

Петрографическому анализу были подвергнуты фрагменты 4 сосудов со стоянки Хомутовское болото II из раскопок 2023 г.

Результаты исследований

Керамика стоянки Хомутовское болото I представлена небольшой выборкой фрагментов от 5 сосудов. По результатам раскопок 2013 г. А.Ф. Мельничуком было выделено 3 сосуда. Лишь один сосуд имел венчик – с округлым торцом без наплыва на внутренней стороне стенки. Сосуды были украшены с помощью гребенчатого орнаментира в технике шагания и оттискивания (?) (Мельничук, 2013, с. 16). В результате исследований 2023 г. были найдены фрагменты с гребенчатой орнаментацией. При типологическом изучении черепков, они были разделена на два сосуда, которые имели толщину стенок от 0,8 см и более, орнаментация представлена гребенчатыми элементами, на одном из сосудов узор был нанесен в технике шагания (табл. 1).

Керамическая коллекция стоянки Хомутовское болото II более разнообразна и многочисленна. Вся посуда имеет песочные и коричневые оттенки, иногда с серым или красным пигментом. В 2013 г. были найдены фрагменты 9 емкостей. К сожалению, в коллекции имеется всего 2 венчика. Один из них имел скошенный внутрь торец без наплыва, второй – округлый торец также без наплыва на внутренней стороне. Все обнаруженные сосуды были орнаментированы гребенчатым штампом. Узор наносился в технике шагания, оттискивания и прокатывания (данный тип нанесения орнамента описан условно, по описанию А.Ф. Мельничука – это «длинные отпечатки гребенчатого/мелкозубчатого штампа» (Мельничук, 2013, с. 21-22).

В результате полевых исследований 2023 г. были обнаружены фрагменты от 8 сосудов. Вся посуда толстостенная (толщина стенок от 0,8 см и более). Венчики представлены формой со скошенным внутрь торцом без наплыва (3 сосуда / 37,5%). Остальные виды встречены единично: венчик со слегка прикрытым горлышком и заостренным торцом, с округлым торцом и наплывом на внутренней стороне стенки, прямые венчики с приостренным, округлым или уплощенным торцами. Орнаментация керамики стоянки Хомутовское болото II представлена элементами гребенчатого штампа и ямочными отпечатками (табл. 1). Чаще всего фиксировались гребенчатые орнаменты, выполненные в технике прокатывания (3 сосуда / 37,5%) и оттискивания (3 сосуда /37,5 %). При этом стоит отметить, что первый тип нанесения орнамента фиксировался без использования других техник, а оттискивание сочеталось с шаганием и ямочной орнаментацией. Шагание / «шагающая гребенка» была отмечена на двух сосудах (25%) – в первом случае в сочетании с оттискиванием гребенчатого штампа, во втором – с ямочной орнаментацией (рис. 2, табл. 1).

Технико-технологический анализ фрагментов керамики со стоянки Хомутовское болото I, показал, что исходное сырьё для изготовления посуды использовалось как в сухом, так и во влажном состоянии (табл. 1). В формовочную массу к исходному сырью замешивался шамот (табл. 1).

Для изготовления посуды стоянки Хомутовское болото II древние гончары использовали незапесоченные илистые глины (7 сосудов / 87,5%), сырье использовалось сухое дробленое (62,5%) и естественно увлажненное (37,5%). Составы формовочных масс были выделены в несмешанные однокомпонентные составы и смешанные многокомпонентные составы (по Цетлин, 2012, с.67). В однокомпонентные составы входят рецепты с шамотом. Шамот использовался мелко и крупно дробленый. Вторая группа рецептов была представлена в сочетаниях: «ИПС + органический раствор + шамот»; «ИПС + шамот + песок» и «ИПС + дробленая глина + органический раствор» (рис. 3, табл. 1).

Обработка поверхности сосудов обоих памятников отмечена бесгрунтовочными

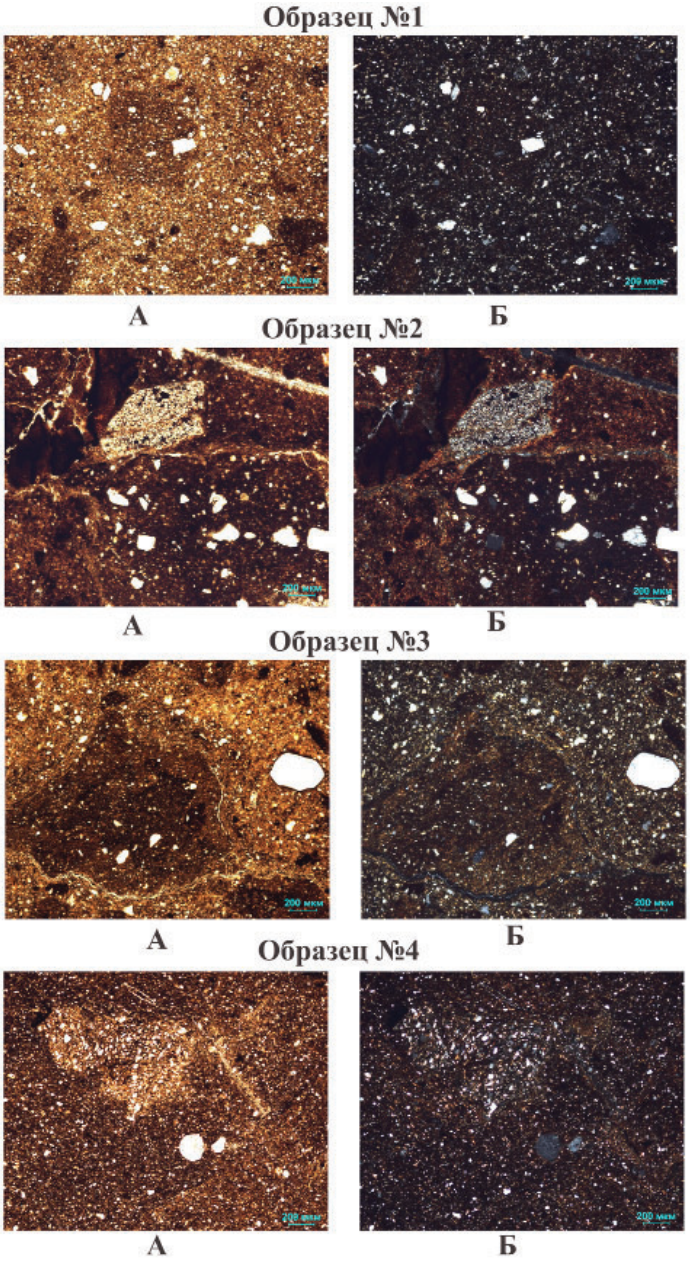


Рис. 4. Керамика стоянки Хомутовское болото II.
Петрографические шлифы: А – без анализатора; Б – в поляризационном свете.
Fig. 4. Pottery from the Khomutovskoe Boloto II campsite.
Petrographic thin sections: А – without analyzer; Б – in polarized light.

приемами (Цетлин, 2012, с.98) – заглаживанием, иногда частичным лощением.

Петрографический анализ керамики показал, что все 4 образца представлены глиной преимущественно гидрослюдистого состава (45%), алевритом и песком (35%), шамотом (10%). Алеврит и песок представлены полуокатанными, полуугловатыми, угловатыми зернами кварца, плагиоклаза, чешуйками слюды, обломками кварцита, алевролитов. Шамот представлен в виде глинистых обломков неправильной, иногда таблитчатой формы размером 0,5–5,0 мм преимущественно гидрослюдистого состава с примесью кварца и полевых шпатов. Во всех образцах наблюдаются остатки углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, некоторые волокнистого и узелкового облика.

Петрографический анализ образцов показал, что для изготовления исследованной данным методом посуды использовался один тип исходного пластичного сырья. Скорее всего, он брался из одного места. В качестве

Таблица 1. Соотношение орнаментации и рецептов ФМ керамики
Table. 1. The correlation between ornamentation and recipes for ceramic molding masses

ФМ	Орнаментация							Итого
	ШТ	ШАГ	ПР	Ямки	ШТ + ямки	ПР + ямки	ШАГ + ямки	
Стоянка Хомутовское болото I								
ИПС + Ш < 3 мм	1	1	-	-	-	-	-	**2/100%**
ВСЕГО:	**1/50%**	**1/50%**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**2/100%**
Стоянка Хомутовское болото II								
ИПС + Ш < 3 мм	-	-	-	-	-	-	1	**1/12.5%**
ИПС + Ш > 3 мм	1	-	-	1	-	-	-	**2/25%**
ИПС + ОР + Ш< 3 мм	-	-	1	-	-	1	-	**2/25%**
ИПС + ОР + Ш > 3 мм	-	-	-	-	-	-	1	**1/12.5%**
ИПС + песок + Ш	-	-	-	-	1	-	-	**1/12.5%**
ИПС + ОР + др. глина	-	-	1	-	-	-	-	**1/12.5%**
ВСЕГО:	2/25%	1/12.5%	2/25%	1/12.5%	1/12.5%	1/12.5%	2/25%	8/100%

Ш – шамот; ОР – органический раствор; ДГ – дробленая глина; ШТ - штампование; ПР – прокатывание; ШАГ – «шагающая гребенка»

искусственной примеси добавлялся шамот разной размерности от 0,5 до 5,0 мм. Наличие в формовочной массе крупных фракций шамота отличает керамику стоянки Хомутовское болото II от показателей с других памятников, проанализированных таким же методом (Батуева, Томилина, 2024). Во всех образцах были зафиксированы следы углефицированной растительной органики черного цвета неправильной формы, которые можно связать либо с добавлением органического раствора в исходное глинистое сырьё, либо с использованием илистых глин (сырья, собранного близ водоемов с естественным содержанием значительного количества органических примесей) (рис. 4).

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам выделить характерные черты керамики камской неолитической культуры. К ним можно отнести использование в качестве исходного пластичного сырья незапесоченных илистых глин / глин, чаще в сухом дробленном состоянии, добавление в качестве примесей шамота разной размерности (до 5 мм), который в ряде случаев дополнялся добавлением органического раствора. Сосуды толстостенные (8–10 мм). Внутренняя и внешняя поверхность посуды обрабатывалась мягкими инструментами (кожей?), в некоторых случаях зафиксировано лощение. Венчики имели скошенный или округлый торец, при этом наплыв на внутренней стороне венчика фиксируется редко. К основным техникам нанесения орнамента относится оттискивание, прокатывание и шагание, элементы наносились гребенчатым штампом иногда в сочетании с ямочным орнаментом.

Типологические черты посуды изученных стоянок соотносятся с характеристикой керамики раннего этапа камской неолитической культуры (несмешанные комплексы). К таким чертам мы можем отнести наличие венчиков со скошенным или округлым срезом при редком использовании наплыва на внутренней стороне, нанесение орнамента с помощью средне или мелкозубчатого орнаментира с прямоугольной формой оттиска, иногда в сочетании с ямочной орнаментацией (Лычагина, 2013, с. 52; Лычагина, 2020, с. 59–60). При изучении технологии изготовления камской неолитической посуды были выделены основ-

ные черты – использование исходного глинистого сырья в сухом дробленном состоянии и добавление в формовочную массу в качестве искусственной примеси шамота, размерностью до 3-5 мм, что подтверждает выделение камского ареала гончарных традиций (Васильева, Выборнов, 2012, с. 45).

В итоге, хотелось бы отметить, что комплексы керамики памятников Хомутовское болото I и Хомутовское болото II, при характеристике камской неолитической гончарной традиции, могут играть роль эталонных.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. № 166 / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: АН СССР, 1970. С. 157–171.

Бадер О.Н. Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172. Т. 2 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 99–106.

Батуева Н.С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2023. 420 с.

Батуева Н.С., Томилина Е.М. Посуда эпохи неолита памятников Верхнего и Среднего Прикамья: петрографический анализ // VI Северный археологический конгресс. Материалы докладов. 8-11 октября 2024 / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Сургут; Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. С. 76–78.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

Васильева И.Н. Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 33–50.

Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Батуева Н.С. Стоянки Хомутовское болото I-II: памятники классического камского неолита в нижнем течении р. Вишеры, Пермский край // Лесная зона Восточной Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы и перспективы исследований. Тезисы докладов междисциплинарной конференции, посвященной юбилею С.В. Ошибкиной / Отв. ред. Е.В. Леонова. М.: ИА РАН, 2023. С. 18.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 66–71.

Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 20 / Под ред. Б.Б.Пиотровского. Л.: ГЭ, 1979. С. 5–27.

Калинина И.В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона. Автореф. Дисс.… канд. ист. наук. СПб., 1993. 24 с.

Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 50–57.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2020. 364 с.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые данные по неолиту бассейна Камы // Вестник Пермского университета. 2021. № 1. С. 35–48.

Мельничук А.Ф. Отчет об археологических полевых работах на территории Красновишерского района Пермского края в 2013 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 450.

Майстренко Д.А. Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Чурилов Э.В., Балыбердина П.А. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 102–110.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теории и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Информация об авторах:

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); LychaginaE@mail.ru

Смертина (Батуева) Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nadiabat@yandex.ru

Демаков Денис Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); demakov-denis@mail.ru

REFERENCES

Bader, O. N. 1970. In Formozov, A. A. (ed.). *Kamennyi vek na territorii SSSR (Stone Age on the territory of the USSR).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 166. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–171 (in Russian).

Bader, O. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-cultural communities of the forest and forest-steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic era).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).

Batueva, N. S. 2023. *Traditsii otbora syr'ya i sostavleniya formovochnykh mass keramicheskikh sosudov u naseleniya Srednego Predural'ya v epokhu neolita (Traditions of selecting raw materials and preparing molding masses for ceramic vessels among the population of the Middle Urals in the Neolithic era).* Diss... Candidate of Historical sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Batueva, N. S., Tomilina, E. M. 2024. In Chairkina, N. M. (ed.). *VI Severnyy arkheologicheskiy congress (VI Northern archaeological Congress).* Surgut; Ekaterinburg: Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS, 76–78 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2013. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 73–83 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 33–50 (in Russian).

Demakov, D. A., Lychagina, E. L., Batueva, N. S. 2023. In Leonova, E. V. (ed.). *Lesnaya zona Vostochnoy Evropy v mezolite i neolite: fakty, problemy i perspektivy issledovaniy. Tezisy dokladov mezhdistsiplinarnoy konferentsii, posvyashchennoy yubileyu S.V. Oshibkinoy (The forest zone of Eastern Europe in the Mesolithic and Neolithic: facts, issues and research prospects. Abstracts papers presented at the interdisciplinary conference dedicated to the anniversary of S.V. Oshibkina).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 18 (in Russian).

Denisov, V. P., Melnichuk, A. F., Burmasov, M. S., Churilov, E. V. 2013. In Chernykh, E. M. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Historical and cultural heritage-a resource for the formation of social and historical memory of civil society (15th Bader reading): Materials of the all-Russian scientific and practical conference).* Izhevsk: Udmurt State University, 66–71 (in Russian).

Kalinina, I. V. 1979. In Piotrovsky, B. B. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Evrazii (Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 20. Leningrad: State Hermitage Museum, 5–27 (in Russian).

Kalinina, I.V. 1993. *Neoliticheskaya keramika lesnoy zony Ural'skogo regiona (Neolithic Ceramics of the Forest Ural Area)*. Diss. of Candidate of Historical sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Lychagina, E. L. 2013. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 50–57 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2020. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).

Lychagina, E. L., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* (1), 35–48 (in Russian).

Melnichuk, A. F. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii Krasnovisherskogo rayona Permskogo kraya v 2013 g (Report on archaeological field work in the Krasnovishersk district of the Perm Krai in 2013).* Archive of State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Perm Region. Fund. 3. Inv. 2., dossier 450 (in Russian).

Maistrenko, D. A. Melnichuk, A. F., Izosimov, D. A., Churilov, E. V., Balyberdina, P. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 102–110 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teorii i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient pottery. Theories and methods of the historical and cultural approach).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Lychagina Evgeniia L., Doctor of Historical Sciences, professor Perm State University. Bukireva str., 15, Perm, 614068, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; LychaginaE@mail.ru

Smertina Nadezhda S., Candidate of Historical Sciences, associate professor Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; nadiabat@yandex.ru

Demakov Denis A., Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; demakov-denis@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.171.180

ИТОГИ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕКОГО АНАЛИЗА ПОСУДЫ НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ[1]

© 2025 г. О.В. Андреева

Впервые был проведен технико-технологический анализ керамики новоильинской культуры в рамках историко-культурного подхода, предложенного А.А. Бобринским. Изучению с помощью бинокулярного микроскопа подверглось 163 сосуда со стоянок Нижнего Прикамья: Татарский Азибей II, Русский Азибей I, Дубовая Грива II и Игимская. В исследование основное внимание уделяется подготовительной стадии создания керамики: отбор и обработка исходного сырья, а также создание формовочной массы. В ходе анализа было выявлено, что на представленных стоянках керамика новоильинской культуры изготавливалась в основном из илистой глины, а сырье предпочитали применять не запесоченное. Гончары для подготовки формовочной массы использовали исходное пластичное сырье в естественном увлажненном состоянии, не применяя дробления, однако на стоянке Сауз II (опубликована ранее) прием дробления практиковали. Традиция составления формовочной массы на памятниках Нижнего Прикамья для населения новоильинской культуры является устойчивой, основной рецепт – ИПС + органический раствор + шамот, что отражает сформированность культурных традиций у населения.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, энеолит, историко-культурный подход, технико-технологический анализ, керамика, орнамент, новоильинская культура, формовочная масса, исходное сырье.

RESULTS OF THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE WARES FROM THE NOVOILYINSKIY CULTURE SITES OF THE LOWER KAMA REGION[2]

O.V. Andreeva

For the first time, a technical and technological analysis of the ceramics of the Novoilyinskiy culture was carried out within the historical and cultural approach proposed by A.A. Bobrinsky. 163 vessels from the sites of the Lower Kama region were studied using a binocular microscope: Tatar Azibey II, Russian Azibey I, Dubovaya Grivna II and Igim. The research focuses on the preparatory stage of creating ceramics: the selection and processing of raw materials, as well as the creation of a molding mass. During the analysis, it was revealed that at the campsites presented, ceramics of the Novoilyinskiy culture were made mainly from silty clay, and raw materials were preferred to be used not sanded. Potters used the initial plastic raw materials in a naturally moistened state to prepare the molding mass, without using crushing, however, crushing was practiced at the Sauz II campsite (published earlier). The tradition of making a molding mass on the monuments of the Lower Kama region for the population of the Novoilyinskiy culture is stable, the main recipe is IPRM + organic solution + grog, which reflects the formation of cultural traditions among the population.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Eneolithic, historical and cultural approach, technical and technological analysis, ceramics, ornament, Novoilyinskiy culture, molding mass, raw materials.

Новоильинская культура была открыта О.Н. Бадером в середине XX века (Бадер, 1961, с. 66). Первые стоянки изучались в устье реки Чусовой, а затем памятники с аналогичными древностями были обнаружены исследователем в зоне строительства Воткинской ГЭС в Среднем Прикамье.

В 1970–1980-х годах изучение новоильинской керамики было продолжено на территории Икско-Бельского междуречья и в райо-

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23-78-10088) "Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья".

[2] The research was supported by the RSF, grant No. 23-78-10088 "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region".

не реки Вятки такими исследователями, как Р.С. Габяшев, А.А. Выборнов, Г.Т. Обыденнова, Т.М. Гусенцова, Л.А. Наговицын, А.Ф. Мельничук (Бадер, Выборнов, 1980; Габяшев, 1978; Гусенцова, 1980; Наговицын 1984, Мельничук, 2011), а также в Башкирском Предуралье – Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1982). В 2007 году в Верхнем Прикамье под руководством Е.Л. Лычагиной была изучена стоянка Чашкинское Озеро I (Лычагина, 2008). Временной интервал бытования новоильинской культуры относиться к V тыс. до н. э. – концу IV тыс. до н. э. (Выборнов и др., 2019).

Ранее керамика новоильинской культуры изучалась на типологическом уровне, впервые материалы исследуются на предмет технологии изготовления и вводятся в научный оборот для возможности сравнительного анализа с посудой обозначенной культуры сопредельной территории, а также с керамикой предшествующих и последующих эпох. Автором в ходе изучения технологии изготовления керамики была рассмотрена новоильинская посуда со следующих стоянок Нижнего Прикамья: Татарский Азибей II, Русский Азибей I, Дубовая Грива II и Игимская.

Татарско-Азибейское II поселение было выявлено в 1958 году В.Ф. Геннингом, в 1970 и 1972 годах сотрудники Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции провели раскопки на этом памятнике, в результате была получена представительная коллекция керамики, которую можно разделить на две группы по типологическим признакам: первая группа представлена тонкостенной плоскодонной накольчатой посудой; вторая группа керамики – новоильинская. Характеризовали ее как толстостенную, плотную, хорошо заглаженную с обеих сторон, украшенную гребенчатым штампом. По развалам можно восстановить форму сосудов – они полуяйцевидные (рис. 1). Р.С. Габяшевым было выделено по венчикам около 90 сосудов. Судя по крупным фрагментам, орнамент покрывал всю внешнюю поверхность сосудов, при этом был разреженным. Он включал в себя такие композиции, как: горизонтальная ёлочка, горизонтальные пояса диагонально ориентированных оттисков гребенчатого штампа, зигзагообразные линии. В редких случаях встречались «флажки», а также пояса ямок под срезом венчика (Габяшев, 1978, с. 55–58).

Также в 1958 году В.Ф. Генинг обнаружил Русско-Азибейскую стоянку, а в период с 1970 по 1972 годы на этом памятнике проводились масштабные полевые работы. Позднее при обработке материала Р.С. Габяшев отнес одну из групп посуды к новоильинской культуре. Для новоильинской посуды характерны толстые стенки, автором раскопок выделяется в тесте минеральная примесь шамота и различные органические остатки. В основном в коллекции встречаются крупные сосуды с прикрытым округлым венчиком, единично с прямым венчиком. Посуда орнаментирована вертикальными и наклонными рядами крупнозубого гребенчатого штампа, также присутствует мотив в виде зигзага (рис. 2) (Габяшев, 1978, с. 32–34).

В ходе разведок в том же 1958 году А.Х. Халиковым была обнаружена Игимская стоянка. Памятник является многослойным, новоильинская керамика (рис. 3) залегала совместно с камской, а также выявлена гаринская и борская посуда (Халиков, 1960).

Позднее, в 1964 году, в ходе разведочных работ под руководством П.Н. Старостина была найдена стоянка Дубовая Грива II. Спустя пять лет на памятнике были проведены раскопки, в ходе которых выделен значительный комплекс новоильинской керамики (рис. 4) (Морозов, 2019).

Общая характеристика новоильинской посуды Нижнего Прикамья: сосуды полуяйцевидной формы с прямым и открытым горлом, донца – конические или округлые. Венчики округлые, скошенные внутрь. Стенки заглажены с обеих сторон, чаще всего мягким предметом, иногда внутреннюю сторону заглаживали гребенчатым штампом, толщина стенок в основном составляет от 0,8 до 1,0 см (табл. 1). Посуда украшена орнаментом, который занимает преимущественно верхнюю и среднюю часть сосуда и разделен большими неорнаментированными зонами. Превалирующим элементом орнамента является гребенчатый штамп разных размеров и форм (овальный, изогнутый, прямоугольный), на ряде сосудов присутствуют ямки под венчиком. Доминируют простые орнаменты, состоящие из горизонтальных рядов наклонных или прямо поставленных отпечатков гребенчатого штампа, зигзагов. Встречаются более сложные композиции в виде ромбов, флажка и косой решетки.

Таблица 1. Толщина стенок
Table 1. Wall thickness

Толщина стенки	Татрский Азибей II	Русский Азибей I	Дубовая Грива II	Игимская	Итого
7 мм	4/9%	-	1/3 %	3/11%	8/5%
8 мм	8/17%	11/20%	6/17%	2/7%	27/17%
9 мм	14/30%	14/26%	3/8 %	6/21%	**37/23%**
10 мм	17/37%	20/38%	19/53%	11/39%	**67/41%**
11 мм	3/7%	4/8%	3/8%	2/7%	**12/7%**
12 мм	-	2/4%	1/3%	3/11%	**6/4%**
13 мм	-	-	3/8%	1/4%	**4/2%**
14 мм	-	1/2%	-	-	**1/0,5%**
15 мм	-	1/2%	-	-	**1/0,5%**
	46/100%	53/100%	36/100%	28/100%	163/100%

Рис. 1. Стоянка Татарский Азибей II. Новоильинская керамика.
Fig. 1. Tatarskiy Azibey II campsite. Novoilinskiy pottery.

Микроскопическому анализу подверглись 163 сосуда[1], выделенные по венчикам и крупным орнаментированным стенкам. Татарский Азибей II – 46 сосудов, Русский Азибей – 53 сосуда, Дубовая Грива II – 36 сосудов, Игимская – 28 сосудов *(материалы были предоставлены Музеем археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ).*

Проведение технико-технологического анализа новоильинской керамики осуществлялось в рамках историко-культурного подхода, разработанного Александром Афанасьевичем Бобринским. Историко-культурный подход основан на бинокулярной микроскопии и экспериментах в виде физического моделирования (Бобринский, 1978; Актуальные проблемы..., 1999).

Согласно мнению А.А. Бобринского, в производстве глиняной посуды можно выделить три стадии и двенадцать этапов, при этом нами основное внимание уделено первой – подготовительной стадии (отбор исходного пластичного сырья, его обработка и составление формовочной массы), что обусловлено высокой фрагментированностью анализируемой посуды новоильинской культуры. Декорирование посуды рассматривается на типологическом уровне.

Исходное пластичное сырье (ИПС) – это природный материал, который мог использоваться как самостоятельное пластичное сырьё для изготовления посуды (Бобринский, 1999). При анализе новоильинской посуды Нижнего Прикамья были выделены два вида ИПС: глины и илистые глины. Илистая глина – это

Таблица 2. Исходное пластичное сырье и формовочная масса
Table 2. Initial plastic raw materials and molding mass

ФМ / ИПС	Глина		Илистая глина		Всего
	Среднезапесочен.	Не запесочен.	Среднезапесочен.	Не запесочен.	
Татарский Азибей II					
ИПС+ОР+Ш	*9/20%*	*10/21%*	*9/20%*	*18/39%*	*46/100%*
Русский Азибей I					
ИПС+ОР	-	-	-	6/11%	6/11%
ИПС+ОР+Ш	4/8%	7/13%	3/6%	33 / 62 %	47/89%
Итого	*4/8%*	*7/13%*	*3/6%*	*39 / 73 %*	*53/100%*
Дубовая Грива II					
ИПС+ОР+Ш	*2/6%*	*9/25%*	-	*25/69%*	*36/100%*
Игимская					
ИПС+ОР	-	-	-	6/21%	6/21%
ИПС+ОР+Ш	2/7%	4/15%	6/22%	10/35%	22/79%
Итого	*2/7%*	*4/15%*	*6/22%*	*16/56%*	*28/100%*
Всего	**17/10%**	**30/18%**	**18/11%**	**98/61%**	**163/100%**
	47/28%		116/72%		

пластичное сырьё с небольшим количеством мелких остатков перегнивших растительных тканей, отпечатками нитевидных водорослей длиной до 1–2 см, отдельными включениями чешуи или костей рыбы (Бобринский, Васильева, 1998). Природная глина представляет собой осадочную уплотнённую горную породу, залежи которой могут находиться как у водоёмов, так и в удалённых от них районах. Основное отличие глины от илистой глины заключается в полном отсутствии в первой следов и останков водной растительности и фауны (Бобринский, Васильева, 1998).

Основной критерий при выборе сырья – степень его пластичности и запесоченности. В рассматриваемых образцах керамики можно выделить по две группы: незапесоченное сырьё, которое содержит единичные включения песка до 0,5 мм в концентрации 1:9–1:10, при этом песок в основном менее 0,2 мм (пылевидный), и среднезапесоченное сырье, в котором концентрация песка более выраженная – 1:8–1:7 – и размер фракции крупнее – от 0,1 до 0,7 мм.

При изготовлении керамики новоильинской культуры Нижнего Прикамья гончары использовали исходное пластичное сырье исключительно в естественном увлажненном состоянии, в рассматриваемых образцах следов дробления не зафиксировано.

Гончары стоянки Татарский Азибей II при отборе пластичного сырья отдавали предпочтение илистой глине, она встречается в 59% изученных сосудов, 41% посуды изготовлен из глины, в аналогичной пропорции использовалось среднезапесоченное и незапесоченное сырье – 40% и 60%, соответственно.

Население стоянки Русский Азибей I в 79% отбирало для лепки илистую глину, в обоих видах сырья при этом преобладает незапесоченное сырье – 86%, лишь 14% (семь сосудов) были изготовлены из среднезапесоченного сырья.

Для носителей новоильинской керамики стоянки Дубовая Грива II ситуация остается аналогичной, предпочтение при выборе материала отдают незапесоченной илистой глине – 69%. Глина применяется при изготовлении 31% сосудов, при этом в 25% из них сырье пластичное, без признаков видимого песка.

На стоянке Игимская большинство сосудов новоильинской культуры было создано из илистой глины – 78%, и 22% из природной глины. Преобладает незапесоченное сырье – 71%.

Обобщая данные по отбору сырья, можно сделать следующие выводы (табл. 2):

– новоильинское население Нижнего Прикамья для изготовления посуды использовало два вида сырья: илистую глину (72%) и глину (28%), отдавая явное предпочтение первой;

– при отборе сырья гончары обращали внимание на его пластичность, в основном используя для лепки незапесоченную илистую глину и глину – 79%, стоит отметить, что сырье со значительной степенью запесочен-

Рис. 2. Стоянка Русский Азибей I. Новоильинская керамика.
Fig. 2. Russian Azibey I campsite. Novoilinskiy pottery.

ности (1:6–1:5) среди рассмотренных образцов не встречалось вовсе;

– вероятнее всего, предварительной обработки исходного пластичного сырья гончарами новоильинской культуры не проводилось, и оно использовалось в естественном увлажненном виде, так как признаков дробления в рассматриваемой керамике не зафиксировано.

Для создания *формовочной массы* носители новоильинской культуры к исходному пластичному сырью добавляли органический раствор и минеральную примесь – шамот. *Органический раствор* – одна из архаичных примесей, фиксируется с ранних этапов гончарной технологии. После высыхания и обжига сосуда фиксируется на сколах в качестве аморфных объемных пустот, на стенках которых может быть налет, пленка различных цветов и плотности (Васильева, 2020, с. 49). Органические растворы включали в состав формовочной массы для предания ей вязкости, а готовым изделиям прочности и влагонепроницаемости (Бобринский, 1999, с. 87). В новоильинской керамике органические растворы фиксируются в виде: 1) перламутрового налета на стенках аморфных пустот; 2) белого и светло-серого «паутинообразного» налета; 3) коричневого и черного «жирного»/«маслянистого» налета в стенках пустот на сломе черепка. *Шамот* – минеральная примесь из обожженных сосудов, которые вышли из употребления, раздробленных до состояния мелкой крошки (Васильева, 2020). Шамот фиксируется по следующим признакам: остроугольная форма; цвет включений, отличающийся от основного черепка; твердость; глинистый состав; в крупных включениях шамота содержатся иные искусственные примеси (Бобринский, 1978, с. 106–107). В новоильинской керамике Нижнего Прикамья шамот использовали в большинстве рецептов. При этом при составлении формовочной массы его использовали в разных концентрациях и с разным размером фракции (табл. 3).

Для стоянок Татарский Азибей II и Дубовая Грива II зафиксирован один рецепт составления формовочной массы: ИПС + органический раствор + шамот. В рамках единого рецепта есть отличия, для керамики со стоянки Татарский Азибей II характерно включение крупной фракции шамота (2,0–5,0 мм) в значительной концентрации 1:4 – 26%. В посуде с памятника Дубовая Грива II шамот использовался в мелкой фракции (0,5–3,0 мм), концентрация примеси преобладает 1:6 и 1:7 – 94%.

Для создания керамики население стоянки Русский Азибей I использовало два рецепта: ИПС + органический раствор + шамот (89%) и ИПС + органический раствор (11%). Минеральная примесь применялась в основном в концентрации 1:7 (49%); 1:4, 1:5, 1:6 использовались в равных долях по 17%.

Керамика на стоянке Игимская также изготавливалась по двум рецептам: ИПС + органический раствор + шамот (79%) и ИПС +

Таблица 3. Концентрация шамота
Table 3. Grog concentration

Концентрация шамота в рецепте (ИПС+ОР+Ш)	Татарский Азибей II	Русский Азибей I	Дубовая Грива II	Игимская	Итого
1:4	12/26%	8/17%	1/3%	-	**21/14%**
1:5	4/9%	8/17%	1/3%	-	**13/8%**
1:6	14/30%	8/17%	11/31%	6/28%	**39/26%**
1:7	16/35%	23/49%	23/63%	16/72%	**78/52%**
Итого	*46/100%*	*47/100%*	*36/100%*	*22/100%*	**151/100%**

Рис. 3. Стоянка Игимская. Новоильинская керамика.
Fig. 3. Igim campsite. Novoilinskiy pottery.

органический раствор (21%). Гончары использовали шамот исключительно в небольших концентрациях 1:6 (28%) и 1:7 (72%).

Переходя к анализу полученных данных по созданию формовочных масс, можно сказать следующее:

– для населения новоильинской культуры было характерно использование двух рецептов создания формовочной массы: ИПС + органический раствор (7% – 12 сосудов) и ИПС + органический раствор + шамот (93% – 151 сосуд);

– шамот вводили в четырех концентрациях – от 1:4 (на одну часть шамота четыре части исходного сырья) до 1:7, отдавая предпочтение меньшим концентрациям;

– для населения новоильинской культуры характерно использовать шамот мелкой (0,5–3,0 мм) и крупной (2,0–5,0 мм) фракции, отдавая предпочтение первой;

– на стоянке Татарский Азибей II шамот крупной фракции добавлялся в большой концентрации, что может указывать на преемственность данной традиции от населения камской культуры и на более ранний возраст стоянки.

На территории Нижнего Прикамья значительная коллекция новоильинской посуды выделена также на стоянке Сауз II, подробный технико-технологический анализ которой был опубликован ранее (Ересько, 2016). Для населения данного памятника характерно использование незапесоченного сырья (75%), что отвечает общей тенденции новоильинского гончарства. Однако при отборе сырья незначительное предпочтение отдавали природным глинам (58%), илистые глины зафиксированы реже (42%) в изученных сосудах (Ересько, 2016). Также при подготовке исходного сырья новоильинским населением

Рис. 4. Стоянка Дубовая Грива II. Новоильинская керамика.
Fig. 4. Dubovaya Griva II campsite. Novoilinskiy pottery.

стоянки Сауз II зафиксировано дробление в сухом состоянии, этот прием на памятниках, рассматриваемых в данной работе, не зафиксирован, что может говорить о разных взглядах на обработку сырья, которые бытовали у близко проживающего населения одной культуры. На стоянке Сауз II также было выявлено два рецепта формовочной массы: ИПС + органический раствор + шамот (97%) и ИПС + органический раствор (3%). Минеральная примесь превалирует в концентрации 1:4 и 1:5, при этом разреженных концентраций 1:6 и 1:7 не зафиксировано вовсе. Шамот применялся в основном мелкий (0,5–2,0 мм) – 65% (Ересько, 2016).

По результатам технико-технологического анализа керамики новоильинской культуры с сопредельной территории Среднего Прикамья можно сказать, что превалирует использование илистой глины в качестве исходного пластичного сырья (56%), также предпочтение отдается незапесоченному/пластичному сырью (94%). При составлении формовочной массы на стоянках Среднего Прикамья аналогично использовали два рецепта: ИПС + органический раствор + шамот (94%) и ИПС + органический раствор (6%) (Андреева, Батуева, 2020, с. 13–14).

Переходя к выводам, хочется отметить, что для носителей новоильинской культуры было характерно использование незапесоченого исходного пластичного сырья в естественном увлажненном состоянии, исключение представляет керамика со стоянки Сауз II. Гончары на территории Нижнего и Среднего Прикамья в большей степени отдавали предпочтение отбору илистой глины для лепки посуды. Исключение также составляет поселение Сауз II, где в незначительной степени преобладают природные глины и встречается прием дробления при подготовке сырья. На ряде стоянок средней и верхней Камы, где выделены коллекции камской керамики, был зафиксирован прием дробления исходного пластичного сырья, в том числе на стоянке Сауз II в камской керамике применяли дробление. Возможно, данный прием является архаичным для камского населения и перенимался гончарами новоильинской культуры. Применение на всей территории бытования новоильинской культуры двух рецептов со значительным преобладаем одного (ИПС + органический раствор + шамот) свидетельствует о сформированной и устойчивой традиции составления формовочной массы.

Установлена общность ключевых признаков в отборе сырья и составлении формовочной массы на всем ареале новоильинской культуры, а также можно констатировать ее преемственность с камскими гончарными традициями.

Примечание:

[1] Материалы были предоставлены Музеем археологии Республики Татарстан Института археологии им.. А.Х. Халикова Академии наук РТ.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. 233 с.

Андреева (Ересько) О.В., Батуева Н.С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1 (48). С. 5–18.

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 60–75.

Бадер О.Н., Выборнов А.А. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Прикамья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: ПИ, 1980. С. 124–137.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. С. 193–217.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 156–159.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 16–23.

Васильева И.Н. Некоторые вопросы истории культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 48–65.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Шипилов А.В., Цыгвинцева Т.А. Глава 11ю Новоильнская культура // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: АН РТ, 2021. С. 363–373.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 1 (44) С. 34–47.

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 22–39.

Габяшев Р.С. Второе Татаро-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 40–67.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Науч. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1980. С. 70–95.

Ересько О.В. Сравнение разнокультурных групп керамики поселения Сауз II на основе технико-технологического анализа // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 184–187.

Лычагина Е.Л. Стоянка Чашкинское Озеро I – новый памятник новоильинской культуры в окрестностях г. Березняки Пермского края // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы (Березники, 5-6 декабря 2008 г.). Березники: Уральский государственный экономический университет, 2008. С. 177–184.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала: лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. 328 с.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселение новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1 (15). С. 22–36.

Морозов В.В. Новоильинские памятники Нижнего Прикамья: современное состояние проблемы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 186–199.

Наговицын Л.А. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской каультуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 59-76.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпохе неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.

Информация об авторе:

Андреева Ольга Викторовна, лаборант научно-исследовательской части Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия); olgayer@mail.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. (ed.). 1999. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Study: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Andreeva, O. V., Batueva, N. S. 2020. In V*estnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 48 (1), 5−18 (in Russian).

Bader, O. N. 1961. In Bader, O. N. (ed.) *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 60–75 (in Russian).

Bader, O. N., Vybornov, A. A. 1980. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Eneolit Vostochnoy Evropy (The Eneolithic of Eastern Europe).* Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 124–137 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A., Vasilieva, I. N. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–217 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* III. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 156–159 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2018. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16–23 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2020. In Turetskiy, M. A., (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 8. Samara: "Slovo" Publ., 48–65 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Gusentsova, T. M., Shipilov, A. V., Tsygvintseva, T. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Galimova, M.Sh. (ed.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 363–373 (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Vasilieva, I. N., Mel'nichuk, A. F., Kul'kova, M. A. 2019. In V*estnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 44 (1), 34–47 (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).

Gabyashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 40–67 (in Russian).

Gusentsova, T. M. 1980. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Pamiatniki epokhi eneolita i bronzy v basseine r. Viatki (Sites of the Eneolithic and Bronze Age in the Vyatka river basin).* Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 70–95 (in Russian).

Eres'ko, O. V. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 18, no. , 205–210 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2008. In *Regional'nye, sotsiokul'turnye, politicheskie i ekonomicheskie protsessy: opyt i perspektivy (Berezniki, 5-6 dekabrya 2008 g.) (Regional, sociocultural, political and economic processes: experience and prospects (Berezniki, December 5-6, 2008)).* Berezniki: Ural State University of Economics, 177–184 (in Russian).

Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala: lesostep' i step' (Chalcolithic of Southern Ural:* forest steppe and steppe*)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mel'nichuk, A. F. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 15 (1), 22–36 (in Russian).

Morozov, V. V. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 8, 2 (27), 186–199 (in Russian).

Nagovitsyn, L. A. 1993. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 21. Ekaterinburg: Ural State University, 59–764 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniyu istorii naseleniya Srednego Povolzh'ya i Nizhnego Prikam'ya v epokhe neolita i bronzy (Materials for the study of the history of the population of the Middle Volga region and the Lower Kama region in the Neolithic and Bronze Age).* Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Marknigoizdat" Publ. (in Russian).

About the Author:

Andreeva Olga V., Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; olgayer@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 549:902(470.56) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.181.195

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ШЛАКИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ[1]

© 2025 г. М.Н. Анкушев, И.А. Файзуллин

Работа посвящена исследованию артефактов металлургии бронзового века 11 поселений Западного Оренбуржья: каменным ваннам, металлургическим шлакам, литейным формам и металлическим изделиям. Даже отдаленные от богатейших рудопроявлений медистых песчаников поселения демонстрируют интенсивную металлопроизводственную деятельность. По данным рентгенофлуоресцентного анализа и оптической микроскопии среди 163 фрагментов металлургического шлака выделены две минералого-геохимические ассоциации: Ca-Ba-Sr-Zr характерна для стекловатых и пироксеновых шлаков срубной культуры (XVIII–XV вв. до н.э.); Fe-Cr-Ni-As свойственна оливиновым шлакам, предположительно датирующихся концом III – началом II тыс. до н.э. Типологическое разнообразие металлических изделий также свидетельствует о широком хронологическом интервале металлокомплекса Западного Оренбуржья.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, древняя металлургия, Западное Оренбуржье, срубная культура, металлургические шлаки, литейные формы.

METALLURGICAL SLAGS AND METALWORKING OF THE ORENBURG FORE-URALS LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS[2]

M.N. Ankushev, I.A. Faizullin

The paper deals with the study of the Bronze Age metallurgy artifacts of 11 settlements in the Western Orenburg region: stone tubs, metallurgical slag, casting molds and metal items. Even settlements remote from the rich ore occurrences of copper sandstones demonstrate intensive metal production activity. According to the XRF and optical microscopy, two mineralogical and geochemical associations were distinguished among 163 fragments of metallurgical slag: Ca-Ba-Sr-Zr is typical of glassy and pyroxene slags of the Srubnaya culture (XVIII–XV centuries BC); Fe-Cr-Ni-As is characteristic of olivine slags, presumably dating back to the end of the III – beginning of the II millennium BC. The typological diversity of metal items also indicates a wide chronological interval of the metal complex of the Western Orenburg region.

Keywords: archaeology, Bronze Age, ancient metallurgy, Western Orenburg region, Srubnaya culture, metallurgical slag, casting molds

Введение

Первыми данными по металлургическому производству в Оренбургском Предуралье являются материалы ямной культуры раннего бронзового века. Сырьевой базой для населения служило Каргалинское месторождение медной руды. В ямной культуре Южного Предуралья отмечен широкий ассортимент металлических изделий, включающий предметы вооружения, не имеющие аналогов в других центрах металлургического производства раннего бронзового века. Производство изделий из меди в ямной культуре Волго-Уралья играло важную роль в хозяйстве (Моргунова, 2021, с. 1248).

Металлургическое производство в эпоху поздней бронзы на территории Южного Предуралья носило уже повсеместный характер.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье». Минералого-геохимические исследования металлургических шлаков выполнены в рамках бюджетной темы ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН № 125013101191-9.

[2] The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals". Mineralogical and geochemical studies of metallurgical slags were carried out within the budget theme of the SU FRC MG UB RAS No. 125013101191-9.

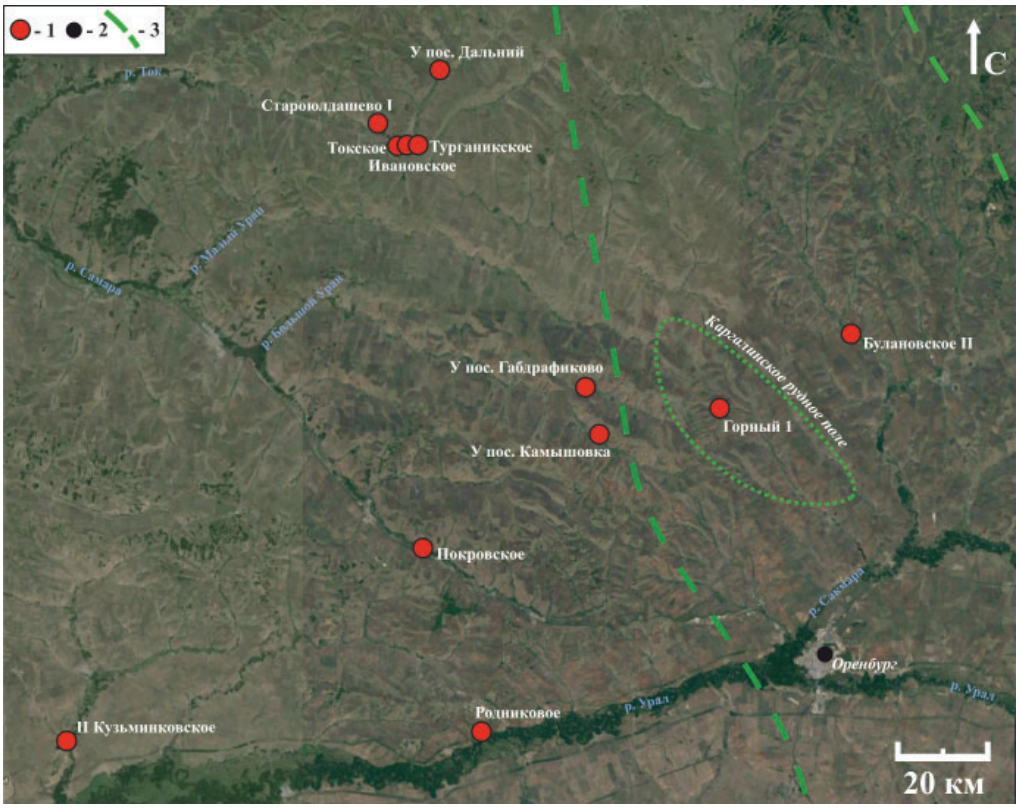


Рис. 1. Схема расположения металлопроизводящих поселений Южного Предуралья.
1 – поселения бронзового века, 2 – современный город, 3 – граница зоны распространения месторождений медистых песчаников (по: Лурье, 1988).
Fig. 1. Scheme of the metal-producing settlements location in the Southern Fore-Urals.
1 – Bronze Age settlements, 2 – contemporary city, 3 – boundary of the distribution copper sandstone deposits (according to Lurye, 1988).

Рассматриваемый регион входил в Евразийскую металлургическую провинцию (Черных, 2008). Каргалинский горно-металлургический центр являлся одной из ключевых точек провинции.

Поселение Горный является единственным исследованным памятником в регионе, где отмечена вся металлопроизводственная цепочка: от добычи руды до изготовления готовых изделий. Памятник расположен непосредственно на территории Каргалинского рудного поля, покрывающего площадь до 500 км^2. Глубина шахт горизонтальных выработок в бронзовом веке, по мнению исследователей, достигала 40–42 м, а общая длина подземных проходок составляла сотни километров (Черных, 2002, с. 8). На поселении исследованы комплексы специализированных построек, в которых зафиксированы горнопроходческие орудия, металлургические печи, шлаки, литейные формы, бронзовые изделия. Данные, полученные по колоссальному остеологическому материалу, показывают, что население не занималось скотоводством, получая животных путем обмена.

На других поселениях Западного Оренбуржья не было отмечено столь интенсивной металлопроизводящей деятельности, и они долгое время оставались в тени Горного. Эти поселения находятся на отдалении от Каргалинского рудного поля, а многие из них расположены вне полосы распространения богатых месторождений медистых песчаников (рис. 1) (Лурье, 1988). Между тем свидетельства металлургии и металлообработки были обнаружены более чем на 20 поселениях региона (здесь учитывались памятники, которые подверглись стационарным раскопкам и представительным выборкам при разведке). К сожалению, систематическим междисциплинарным исследованиям эти памятники практически не подвергались. Исключением является лишь Турганикское поселение энеолита – поздней бронзы (Моргунова и др., 2017). Целью нашего исследования является определение особенностей металлургии и

Рис. 2. Каменные ванны. 1-2 – Токское поселение; 3-4 –поселение у села Староюлдашево
Fig. 2. Stone tubs. 1-2 –Tokskoe settlement; 3-4 – settlement at the village of Staroyuldashevo

металлообработки на ряде поселений Оренбургского Предуралья, находящихся на отдалении от богатейших рудников Каргалинского рудного поля.

Материалы и методы

В работе рассматриваются артефакты горно-обогатительного цикла, металлургического производства и металлообработки с 11 поселений Оренбургского Предуралья. Проведено исследование 163 фрагментов металлургических шлаков. Геохимические особенности шлаков оценены на рентгенофлуоресцентом спектрометре Olympus Vanta, режим Geochem, время анализа 50 с. Для сравнения также использовались шлаки синташтинско-петровских поселений Южного Зауралья: Синташта, Сарым-Саклы, Левобережное, Каменный Амбар. Минералогия шлаков изучалась методом оптической микроскопии (Olympus BX 51) в 30 полированных аншлифах.

Результаты и обсуждение

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности орудий и артефактов, связанных с металлопроизводством, таких как каменные ванны, металлургические шлаки, литейные формы, сопла, готовые металлические изделия.

Каменные ванны – редкая категория массивных каменных орудий, которую мы относим к производственным изделиям-сооружениям, задействованным в металлопроизводстве. Каменные ванны изготовлены из цельного массива песчаника. В Оренбургском Предуралье известны три таких находки.

Две ванны были обнаружены на Токском поселении, в постройке специализирующейся на металлургии (Файзуллин, 2024, с. 51–56, рис. 7, 8). Ванны были обнаружены рядом с каменной кладкой колодца, вместе с фрагментами медного шлака, медной руды, костями животных, оплавленными фрагментами песчаника, ошлакованной керамикой. Одна из ванн представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Размеры ванны 0,6×1 м, глубина до 17 см, толщина стенок 8–10 см (рис. 2: 1). Рядом была найдена более мелкая ванна (рис. 2: 2), также из каменного монолита. Размеры ванны 0,3×0,56 м, толщина стенок до 8 см.

Аналогичная находка была обнаружена в 2023 году на поселении у села Староюлда-

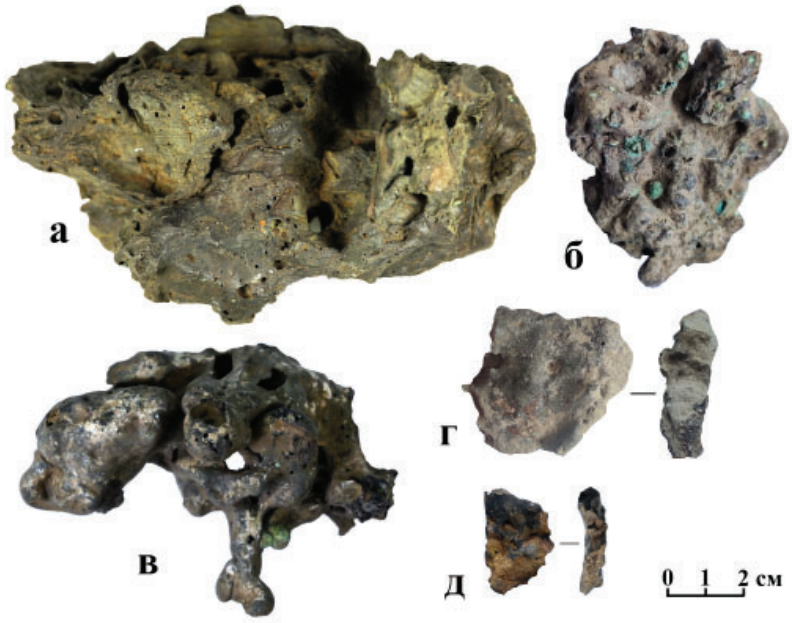


Рис. 3. Металлургические шлаки поселений бронзового века Оренбургского Предуралья. Стекловатые шлаки: а – II Кузьминковское поселение, б – Покровское поселение, в – поселение у с. Староюлдашево; оливиновые шлаки: г – поселение у с. Габдрафиково, д – Турганикское поселение.

Fig. 3. Metallurgical slags of the Orenburg Fore-Urals Bronze Age settlements. Glassy slags: а – II Kuzminkovskoe settlement, б – Pokrovskoe settlement, в – Staroyuldashevo settlement; olivine slags: г – settlement at the village of Gabdrafikovo, д – Turganikskoe settlement.

шево. Ванна имеет подквадратную форму, ее размер 0,9×0,9 м, внутри выдолблено округлое углубление диаметром 0,7 м, глубиной до 0,3 м (рис. 2: 3–4). Вес изделия определить не удалось, при погрузке его смогли поднять восемь мужчин. Оценочный вес ванны более 200 кг.

Отметим, что ни на одном поселении в сопредельных регионах пока не были обнаружены подобные изделия. Единственной прямой аналогией являются каменные ванны на поселении металлургов эпохи бронзы Пилипчатино-2 на Донбассе (Татаринов, 1988, с. 98–99). Автор раскопок интерпретировал их как ванны для промывки и обогащения руды. Единичные находки и слабая изученность пока не позволяют однозначно определить функциональное назначение каменных ванн Оренбургского Предуралья. Изделия были найдены в контексте, явно связанном с металлургией: в специализированной металлопроизводственной постройке на Токском поселении и на поселении у с. Староюлдашеево, где обнаружено большое количество металлургического шлака и несколько десятков мелких бронзовых артефактов. Поэтому пока наиболее обоснованной является версия использования ванн для подготовки (обогащения, истирания) рудной шихты. В этом случае на поверхности углубления ванны должны остаться грубые следы. На Токских изделиях они присутствуют, на ванне поселения у с. Староюлдашево отсутствуют, возможно, ей не успели воспользоваться.

Металлургические шлаки. В рамках работы были исследованы фрагменты металлургических шлаков с 11 поселений Оренбургского Предуралья (табл. 1). Для сравнения также были рассмотрены металлургические шлаки поселения Горный (Кузьминых, 2004).

Металлургические шлаки поселений Оренбургского Предуралья в большинстве случаев представляют собой комковатые, бесформенные обломки размером до 12 см (рис. 3: а–в). Крайне редко встречаются уплощенные лепешковидные разновидности (рис. 3: г–д). Цвет образцов черный, темно-бурый, редко красноватый. На поверхности часто отмечаются окисленные капли меди.

По данным рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) поверхности образцов, металлургические шлаки Оренбургского Предуралья разделились на две геохимические группы. Эти группы, за исключением редких выбросов, формируют тесные поля на диаграмме состава главных компонент (рис. 4).

Подавляющее большинство образцов поселений Булановское II, Ивановское, II Кузьминковское, Покровское, Родниковое, у с. Староюлдашево, Токское, поселений у с. Камышовка, Дальний соответствует геохимической ассоциации Ca-Ba-Sr-Zr. Также сюда входят единичные образцы шлаков с поселений Турганикское и у с. Габдрафиково. Наиболее распространенным минералогическим типом в этой ассоциации является стекловатый сульфидсодержащий (Ankushev et al., 2021a). Основная масса образцов шлака

Таблица 1. Краткая характеристика металлургических шлаков бронзового века Оренбургского Предуралья
Table 1. Brief characteristics of Orenburg Fore-Urals Bronze Age metallurgical slag

Поселение	**Культурно-хронологическая привязка поселения**	**Кол-во образцов**	**Геохимическая ассоциация**	**Минералогический тип**	**Новообразованные и *реликтовые* минералы**
Булановское II	Абашевская, срубная, ФБВ (Моргунова, Халяпин, 2003)	6	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц*, магнетит, куприт, сульфиды, *окремненная древесина*
Горный	Срубная, ФБВ (Каргалы, 2002)	35	Ca-Ba	Стекловатый сульфидсодержащий, пироксеновый	*Кварц*, пироксен, куприт, делафоссит, сульфиды, анортит, мелилит, фаялит (Кузьминых, 2024)
Ивановское	Энеолит, срубная (Моргунова, Порохова, 1989)	22	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц*, магнетит, делафоссит, сульфиды, *барит* (Ankushev et al., 2021a)
II Кузьминковское	Синташтинская, раннеалакульская, срубная, федоровская, черкаскульская (Моргунова и др., 2001)	7	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц,* сульфиды, геденбергит, магнетит, куприт, *окремненная древесина, хромшпинелиды* (Ankushev et al., 2023)
Покровское	Срубная (Порохова, 1989)	22	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц*, волластонит, диопсид, куприт, сульфиды, *окремненная древесина, единичные хромшпинелиды* (Файзуллин и др., 2023)
Поселение у с. Камышовка	Срубная (Файзуллин и др., 2024)	3	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц*, куприт, делафоссит, сульфиды, *окремненная древесина* (Файзуллин и др., 2024)
Поселение у пос. Дальний	Срубная	32	Ca-Ba-Sr-Zr	Не изучено	Не изучено
Поселение у с. Габдрафиково	Срубная (Faizullin et al., 2023)	1	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц,* пироксен, сульфиды, (Faizullin et al., 2023)
		2	Fe-Cr-Ni-As	Оливиновый хромитсодержащий	Оливин, магнетит, *хромшпинелиды, серпентинит, окремненная древесина* (Faizullin et al., 2023)
Родниковое	Абашевская, раннеалакульская, срубная, черкаскульская, ФБВ (Купцова, Файзуллин, 2012)	9	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий, пироксеновый	*Кварц*, авгит, куприт, делафоссит, магнетит, сульфиды, *окремненная древесина* (Ankushev et al., 2021б)
Поселение у с. Староюлдашево	Срубная	42	Ca-Ba-Sr-Zr	Не изучено	Не изучено
Токское	Срубная (Моргунова, Порохова, 1989)	8	Ca-Ba-Sr-Zr	Стекловатый сульфидсодержащий	*Кварц*, сульфиды, *единичные серпентинит и хромшпинелид* (Ankushev et al., 2022)
Турганикское	Энеолит, ямная, абашевская (Моргунова и др., 2017)	2	Ca-Ba-Sr-Zr	Не изучено	Не изучено
		7	Fe-Cr-Ni-As	Оливиновый хромит-сульфидсодержащий	Оливин, магнетит, *кварц*, куприт, сульфиды, *хромшпинелиды, серпентинит* (Ankushev et al., 2021a)

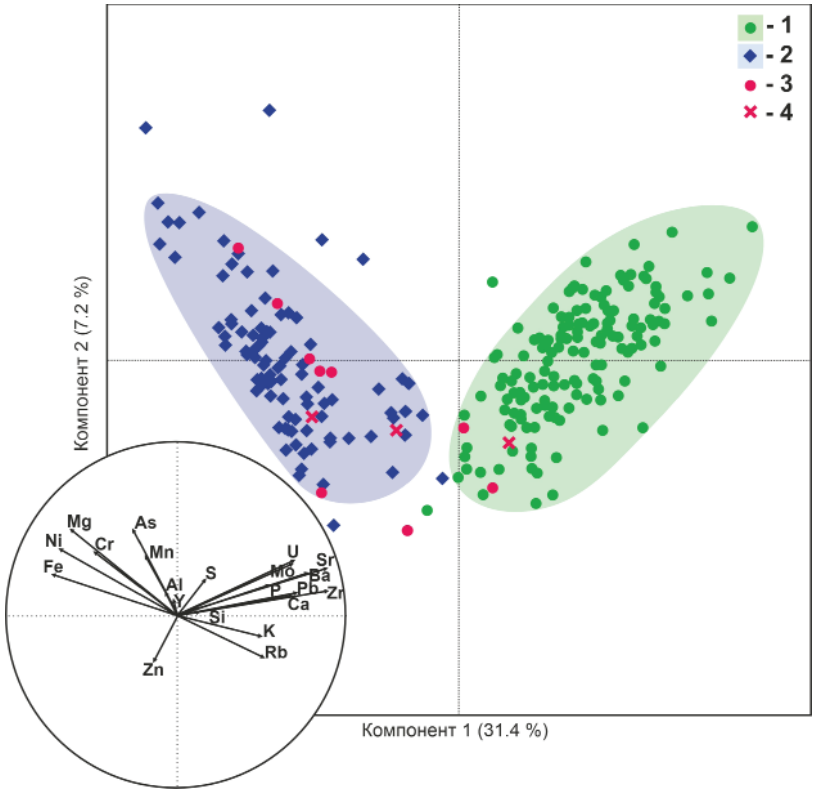


Рис. 4. Диаграмма анализа главных компонент химического состава металлургических шлаков Южного Урала по данным РФА. 1 – шлаки поселений срубной культуры Оренбургского Предуралья, 2 – шлаки синташтинско-петровских поселений Южного Зауралья, 3 – шлаки Турганикского поселения, 4 – шлаки поселения у с. Габдрафиково.
Fig. 4. PCA-plot of the chemical composition of metallurgical slags of the Southern Urals according to XRF. 1 – slag of the Orenburg Fore-Urals Srubnaya culture settlements, 2 – slags of the Southern Trans-Urals Sintashta-Petrovka settlements, 3 – slags of the Turgankskoe settlement, 4 – slags of the settlement at the village of Gabdrafikovo.

этого типа представлена стеклом с высокими примесями Ba и зачастую Cl. Минеральный состав этих шлаков является сходным (рис. 5: а–в). Реликтовые включения представлены зернами кварца, фрагментами окремненной древесины, полевых шпатов, ковеллина (частично оплавленными), единичными хромшпинелидами и фрагментами серпентинита. Новообразованные минералы представлены тонкозернистыми срастаниями сульфидов (халькозина, дигенита), купритом, делафосситом, иногда магнетитом, пироксенами, волластонитом. Менее распространены в этой ассоциации шлаки пироксенового типа. Геохимически они сходны с стекловатыми и, возможно, являются результатом кристаллизации при медленном остывании шлака. Основная масса образцов сложена скелетными кристаллами пироксенов ряда диопсит-геденбергит, авгитом, волластонитом. Остальные реликтовые и новообразованные минеральные включения аналогичны стекловатым шлакам. Металлические включения в шлаках этих типов представлены каплями меди, которая выделяется высокой чистотой, существенными являются примеси S, Ag и Pb (Артемьев и др., 2024). Зачастую капли меди по периферии покрыты рубашками из новообразованных сульфидов и куприта.

Иную геохимическую ассоциацию Fe-Cr-Ni-As демонстрируют образцы с поселений Турганикское и у с. Габдрафиково (рис. 4). Характерно, что химический состав этих образцов сходен с металлургическими шлаками поселений синташтинской и петровской культуры в Южном Зауралье. Эти шлаки относятся к оливиновому сульфидсодержащему типу, их минералогия значительно отличается от стекловатых шлаков (рис. 5: г–е). Среди реликтовых включений, кроме зерен кварца, широко распространены частично оплавленные фрагменты серпентинита и зерна хромшпинелидов. Основная масса шлака сложена новообразованными кристаллами оливина, диопсида и магнетита. Металлические включения в этих шлаках представлены каплями мышьяковой бронзы с примесями Fe и Ni, в единичных случаях медью и мышьяково-оловянными бронзами.

Металлургические шлаки Ca-Ba-Sr-Zr геохимической ассоциации наиболее широко распространены на поселениях Оренбургского Предуралья. Стратиграфически эти образцы соотносятся с культурно определимой керамикой срубной культуры. В качестве медного сырья в плавке использовались окисленно-сульфидные рудные концентраты медистых песчаников. Использование флюсов

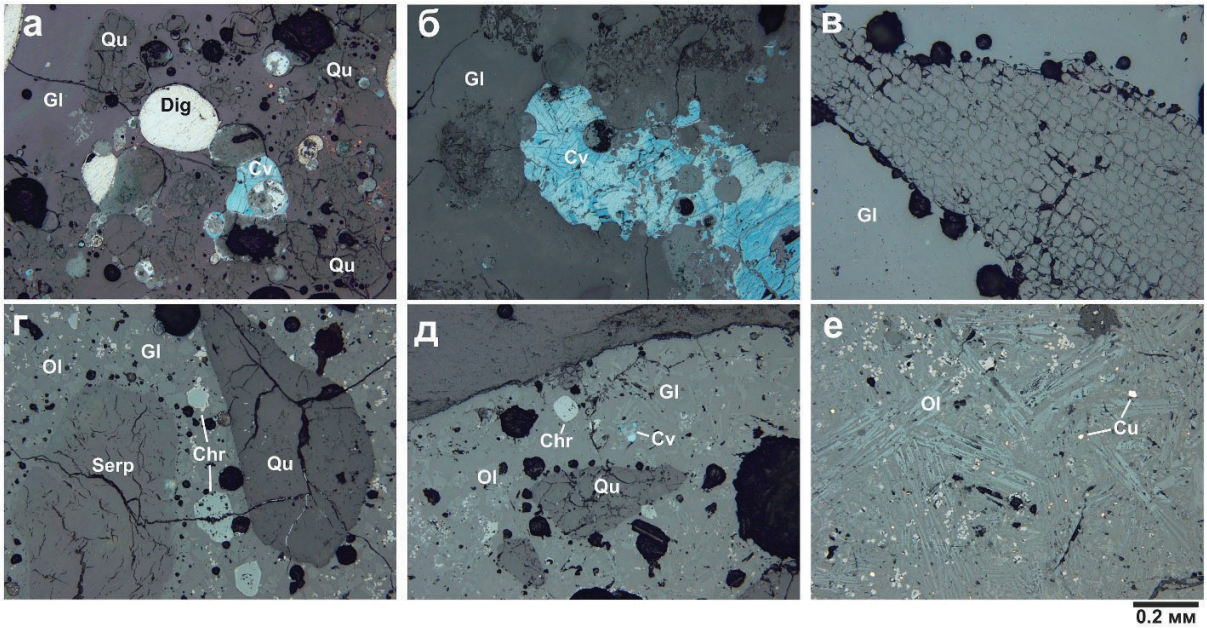


Рис. 5. Минералогия древних шлаков Оренбургского Предуралья. а-в – стекловатые шлаки, г-е – оливиновые шлаки. а – реликтовые зерна кварца (Qu) и ковеллина (Cv), капли новообразованного дигенита (Dig) в матрице стекла шлака (Gl), Ивановское поселение; б – реликт ковеллина в стекле шлака, Ивановское поселение; в – реликт окремненной древесины в стекле шлака, Покровское поселение; г – реликты серпентинита (Serp), кварца, хромшпинелидов (Chr), новообразованные кристаллы оливина (Ol) в шлаке, Турганикское поселение; д – реликты кварца, хромшпинелидов, ковеллина, новообразованные кристаллы оливина в шлаке, Турганикское поселение; е – скелетные кристаллы оливина и капли меди (Cu) в шлаке, поселение у с. Габдрафиково. Фото в отраженном свете.

Fig. 5. Mineralogy of Orenburg Fore-Urals ancient slags. а-в – glassy slags, г-е – olivine slags. a – relict grains of quartz (Qu) and covellite (Cv), droplets of newly formed digenite (Dig) in the matrix of slag glass (Gl), Ivanovskoe settlement; б – relict of covellite in slag glass, Ivanovskoe settlement; в – relict of silicified wood in slag glass, Pokrovskoe settlement; г – relics of serpentinite (Serp), quartz, Cr-rich spinel (Chr), newly formed olivine crystals (Ol) in slag, Turganikskoe settlement; д – relics of quartz, Cr-rich spinel, covellite, newly formed olivine crystals in slag, Turganikskoe settlement; e – skeletal crystals of olivine and droplets of copper (Cu) in slag, settlement at the village of Gabdrafikovo. Photo in reflected light.

в шлаках не фиксируется, в единичных образцах отмечаются крупные реликты барита, который может быть также естественной примесью в рудах (Блинов, 2020). Относительно низкое содержание железа в шлаках не позволяет также говорить об использовании железистых флюсов. Атмосфера плавки была слабо восстановительной, иногда окислительной, что подтверждает широкое развитие куприта и делафоссита в шлаках. Это приводило к большим потерям полезного компонента: медианное содержание Cu на поверхности образцов шлака – 10,2 мас. % (табл. 2). Этот показатель на порядок выше, чем у синташтинско-петровских шлаков Южного Зауралья – 1,07 мас. % (медианное значение по 96 образцам).

В случае шлаков Fe-Cr-Ni-As ассоциации источником меди также выступали окислено-сульфидные рудные концентраты медистых песчаников. Кроме меднорудной основы шихты использовались добавки: легирующие компоненты и флюсы. В качестве легирующих компонентов, вероятно, служили концентраты мышьяксодержащих минералов, позволяющие выплавлять мышьяковую бронзу методом добавки непосредственно в шихту. Эта технология на Южном Урале была распространена в XXI–XVIII вв. до н. э. в металлургии синташтинской и абашевской культур (Григорьев, 2013, с. 208–209). Также аналогичные образцы шлаков были обнаружены в заполнении металлургического горна на руднике Новотемирский в Южном Зауралье, датируемый началом II тыс. до н. э. (Ankusheva et al., 2023). В качестве флюсов в этом типе шлаков, вероятно, использовались добавки оксидов и гидроксидов железа, на что

указывает высокое содержание Fe в шлаках поселений Турганикское и у с. Габдрафиково – 23 мас. %. Это значение близко к синташтинско-петровским шлакам Южного Зауралья – 30,7 мас. % (медианное значение по 96 образцам). Потери полезного компонента в шлаках этого типа также значительно ниже, чем в стекловатых и пироксеновых – 1,1 мас. % Cu. Тем не менее к этим значениям следует относиться с большой осторожностью, так как шлаков Fe-Cr-Ni-As ассоциации к настоящему моменту зафиксировано крайне мало.

Предыдущие работы, посвященные шлакам Fe-Cr-Ni-As ассоциации, опирались исключительно на ранние датировки Турганикского поселения, поэтому оливиновые шлаки были отнесены к репинской культуре энеолита (IV тыс. до н. э) (Ankushev et al., 2021a). Учитывая многослойность Турганикского поселения и новые находки оливиновых шлаков на поселении у с. Габдрафиково, можно выдвинуть ряд критичных тезисов к этой датировке образцов:

Турганикское поселение – многослойный открытый археологический комплекс, содержащий свидетельства бытования репинской, абашевской и срубной культур (Моргунова и др., 2017).

Для энеолита Южного Урала не известны находки металлургических шлаков и свидетельства выплавки металла из руды, в металлургии этого времени предполагается использование самородной меди (Григорьев, 2013, с. 95–97).

Самые хронологически ранние изделия из металла Южного Предуралья изготовлены из меди (Дегтярева, Рындина, 2019). Металлические включения в Турганикских шлаках представлены мышьяковой бронзой, более характерной для абашевской культуры Южного Предуралья (Дегтярева, Кузьминых, 2022).

Таким образом, исследования минералого-геохимических особенностей шлаков поселений Турганикское и у с. Габдрафиково позволяют предположить их более позднюю датировку. Ориентированность на выплавку мышьяковой бронзы, использование легирующих и флюсовых добавок аналогичны технологиям абашевской культуры Южного Предуралья в XXI–XIX вв. до н. э. Тем не менее это предположение нуждается в твердой аргументации методами полевой археологии и радиоуглеродного датирования.

Литейные формы на поселениях Оренбургского Предуралья изготовлены из песчаника. На Покровском поселении обнаружены четыре обломка литейных форм. Два из них использовались для отливки ножей с листовидным лезвием (рис. 6: 1–2). Два других представляют собой фрагменты одной формы для изготовления горнопроходческого орудия (рис. 6: 3). На поселении у с. Габдрафиково была обнаружена форма для отливки тонких прутьев-заготовок для шильев, рыболовных крюков и прочих изделий (рис. 6: 5) (Faizullin et al., 2023). Недавняя находка с поселения у с. Камышовка, обнаруженная в 2023 году, является фрагментом литейной формы кайлакирки (рис. 6: 4). Литейные формы горнопроходческих орудий свидетельствуют о добыче руды населением, которые оставило данные поселения. Ближайшей аналогией являются изделия с поселения Горный (Кузьминых, 2004, с. 134–141, рис. 5.5), рудника Воровская Яма.

На поселениях Оренбургского Предуралья встречены и другие свидетельства древнего металлопроизводства. На Родниковом поселении было найдено два керамических сопла – глиняные трубки (рис. 7: 7–8), через которые закачивался воздух в медеплавильную печь или горн (Купцова, Файзуллин, 2012, с. 98, рис. 24. 5–6). Отметим, что это единственные изделия подобного типа, найденные в регионе вне поселения Горный.

Слитки и металлические изделия. Наиболее распространёнными металлическими изделиями поселений Оренбургского Предуралья являются различные по размерам и формам шилья, бытовые ножи, рыболовные крючки, скобы, а также капли, сплески и заготовки. Одной из косвенных задач исследования является приблизительная оценка культурно-хронологического интервала металлокомплекса по типологии изделий.

На Родниковом поселении в этом плане интерес представляют два ножа (Купцова, Файзуллин, 2012). Двулезвийный нож-кинжал (рис. 7: 1) имел длину 32 см и максимальную ширину 3 см. По всей видимости, в древности у кинжала была рукоять, которая в ходе использования была отломлена, ввиду этого для дальнейшего использования была затуплена часть лезвия длиной 7 см. Предполо-

Таблица 2. Содержание некоторых химических элементов в образцах металлургических шлаков Южного Предуралья по данным РФА, мас. %.
Table 2. Content of some chemical elements in samples of metallurgical slag from the Southern Fore-Urals according to XRF, wt.%.

Геохимическая ассоциация	Кол-во образцов	Mg	Al	Si	P	S	K	Ca	Fe	Cu	Ba
Ca-Ba-Sr-Zr	154	0.8-2.8 1.6(1.6)	2.1-5.7 3.4(3.3)	6.8-26 14(13.6)	0.1-1.3 0.3(0.3)	0.1-1.3 0.4(0.4)	0.4-2.8 1(0.9)	1.5-27 6.9(6.3)	1.6-22 9.3(8.9)	0.5-30.5 10.8(10.2)	0-10.5 2.5(2.2)
Fe-Cr-Ni-As	9	1.3-4.9 2.8(1.7)	1.1-3.9 2.8(2.8)	6.5-18.6 14.2(15.1)	0.1-0.7 0.2(0.2)	0.1-0.7 0.4(0.4)	0.2-1.6 0.6(0.7)	1.5-7.7 3.6(3.6)	2.7-33 21.5(23)	0.04-28.3 5.1(1.1)	-

Таблица 2 (продолжение). Содержание некоторых химических элементов в образцах металлургических шлаков Южного Предуралья по данным РФА, ppm
Table 2 (continued). Content of some chemical elements in samples of metallurgical slags from the Southern Urals according to XRF, ppm

Геохимическая ассоциация	Кол-во образцов	Cr	Mn	Ni	Zn	As	Rb	Sr	Zr	Mo	Pb
Ca-Ba-Sr-Zr	154	140-1100 410(370)	0-1700 550(530)	0-137 24(0)	0-700 110(90)	0-315 66(53)	0-75 30(30)	300-5400 1650(1680)	60-450 220(210)	0-430 160(145)	20-900 95(70)
Fe-Cr-Ni-As	9	115-3300 1900(2500)	120-1700 530(330)	0-290 170(220)	0-800 200(150)	30-1850 400(200)	0-50 15(15)	25-560 280(230)	8-100 50(50)	0-40 25(25)	0-100 30(30)

Примечание: данные в таблице приведены по: мин.знач.-макс.знач.
среднее(медиана)

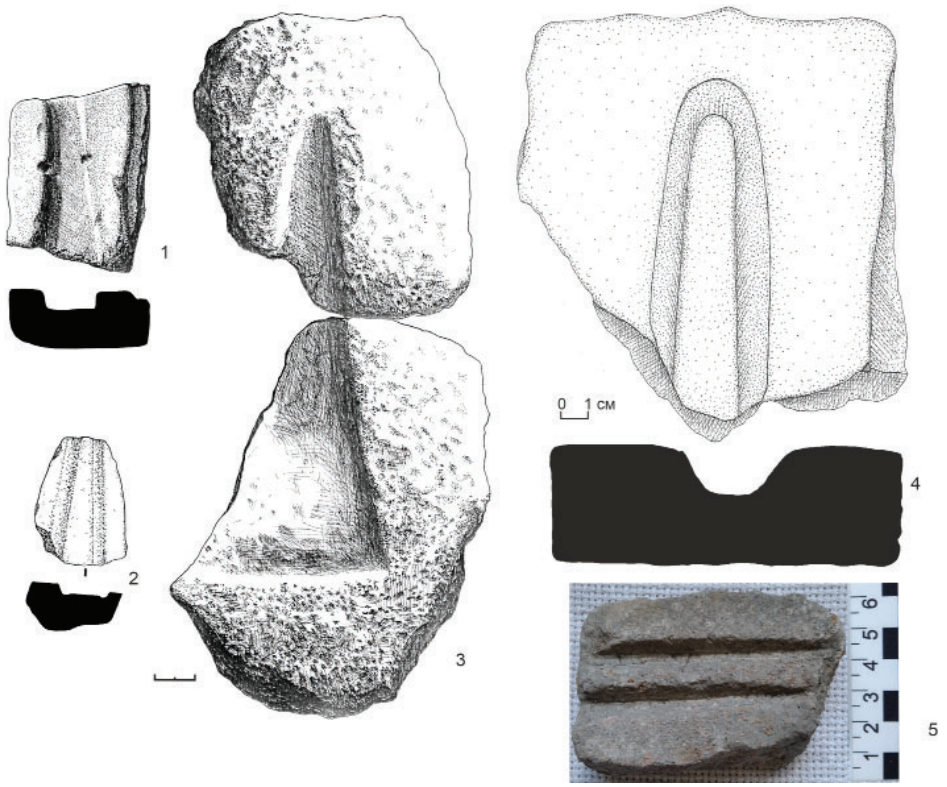


Рис. 6. Литейные формы поселений бронзового века Оренбургского Предуралья.
1-3 – Покровское поселение; 4 – поселение у с. Камышовка; 5 – поселение у с. Габдрафиково.
Fig. 6. Casting molds of the Orenburg Fore-Urals Bronze Age settlements.
1-3 – Pokrovskoe settlement; 4 – settlement at the village of Kamyshovka; 5 – settlement at the village of Gabdrafikovo.

жительно, кинжал использовался для хозяйственных нужд. Аналогия изделию была обнаружена на поселении Осиновые ямы на территории Самарского Поволжья (Агапов, Васильев, 1976, с. 113–135). Второй нож – однолезвийный, с выгнутым обухом (рис. 7: 2) – имел длину 16,5 см, ширина в районе рукояти 2 см, в средней части 2,7 см. В 2023 г. в ходе разведочных работ близкий по форме нож длиной 13,5 см и шириной в средней части 2,5 см был обнаружен на поселении у с. Камышовка (рис. 7: 3) (Файзуллин и др., 2024). Подобные изделия были найдены на поселениях Кулевчи III (Виноградов, 1981, с. 94–99) и Петровка (Зданович, 1983, с. 58), также они схожи с ножами с выделенной рукоятью и асимметричным однолезвийным клинком эпохи финальной бронзы (Петров 2023, с. 21).

На Ивановском поселении наиболее интересными являются слабоизогнутые серпы с закругленными концами и клиновидным сечением (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36–37). Длина одного из них 22,3 см, ширина 2,3 см (рис. 7: 4), длина второго – 22,8 см, ширина 3,2 см (рис. 7: 5). Авторы отнесли изделия к уральской группе серпов петровского типа, которые хронологически соответствуют синташтинской, петровской и покровской культурам первой половины II тыс. до н. э. Достаточно редкой находкой на Ивановском поселении является втульчатый крюк (рис. 7: 6), на рассматриваемой территории это единственная подобная находка. Аналогии данному изделию имеются в материалах памятников поздней бронзы Среднего Поволжья (Моечное озеро) (Алихов, 1958, с. 161–162) и Среднего Дона (Мосоловское) (Пряхин, Сагайдак, 1975, с. 179).

Не касаясь культурно-хронологической привязки металлокомплекса стоит выделить одну из новейших находок – медный слиток подквадратной формы, обнаруженный на поселении у с. Камышовка в 2023 г. (Файзуллин и др., 2024). Слиток имеет размер 15×16 см и массу 1,8 кг. На памятниках позднего бронзового века находки слитков такого размера крайне редки, за исключением кладов

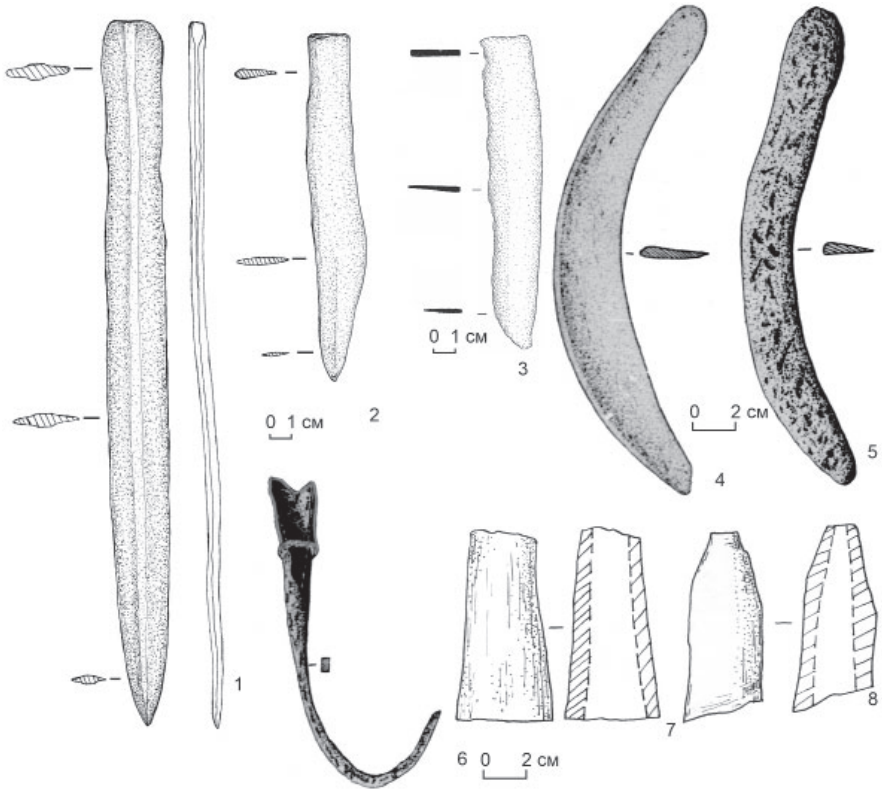


Рис. 7. Металлические изделия и сопла с поселений бронзового века Южного Предуралья.
1 – нож-кинжал, поселение Родниковое; 2 – нож с выгнутым обухом, Родниковое поселение;
3 – нож с выгнутым обухом, поселение у с. Камышовка; 4-5 – бронзовые серпы, Ивановское поселение;
6 – втульчатый крюк, Ивановское поселение; 7-8 – керамические сопла, Родинковое поселение.
Fig. 7. Metal items and nozzles from the Southern Fore-Urals Bronze Age settlements. 1 – knife-dagger, Rodnikovoe settlement; 2 – knife with a curved butt, Rodnikovoe settlement; 3 – knife with a curved butt, settlement at the village of Kamyshovka; 4-5 – bronze sickles, Ivanovskoe settlement; 6 – socket hook, Ivanovskoe settlement; 7-8 – ceramic nozzles, Rodinkovoe settlement.

Оренбургского Предуралья (Обыденнов 1996, с. 101), а также похожих артефактов с поселения Горный (Кузьминых 2004, с. 92–94, рис. 2.17).

Краткие выводы

Подводя итог, можно заключить, что металлургическое производство в Западном Оренбуржье позднего бронзового века было интенсивным даже на удалении от Каргалинского горно-металлургического центра и полосы распространения основных месторождений медистых песчаников. Указанные поселения были обеспечены множеством более мелких месторождений меди и не испытывали нехватку рудного сырья. На всех поселениях фиксируются следы металлургии и металлообработки, на некоторых присутствуют сегменты горно-обогатительного цикла (Токское, у с. Староюлдашево). Наличие специализированных построек (Токское) свидетельствуют о сильной вовлеченности населения в эту отрасль хозяйства. Высокий уровень металлургии позволил местному населению повысить уровень и других производств. К примеру, появление широкого спектра металлических орудий позволило мастерам косторезного дела в позднем бронзовом веке расширить ассортимент изготавливаемых орудий из кости.

Минералого-геохимическое исследование металлургических шлаков позволило выявить высокую унифицированность технологии выплавки меди в позднем бронзовом веке металлургами срубной культуры. Между тем на некоторых многослойных поселениях (Турганикское, у пос. Габдрафиково) фиксируются шлаки от архаичной технологии выплавки мышьяковой бронзы, предположительно относящиеся к концу III – началу II тыс. до н. э. – времени бытования абашевской, покровской, синташтинской культур в Оренбургском Предуралье. Это не противоре-

чит наблюдениям типологии металлических предметов, которые на поселениях Западного Оренбуржья охватывают широкий интервал II тыс. до н. э. Эта гипотеза должна быть доказана с привлечением методов полевой археологии, радиоуглеродного AMS-датирования и минералого-геохимических исследований.

Благодарности:

Выражаем благодарность Земцову Григорию Леонидовичу за возможность поработать с коллекциями поселений у сел Дальний и Староюлдашево, которые в настоящее время не опубликованы.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1976. С. 113–135.

Артемьев Д.А., Анкушев М.Н., Степанов И.С., Виноградов Н.Б., Алаева И.П., Анкушева П.С., Корякова Л.Н., Наумов А.М. Геохимия металлургической группы «чистой» меди: индикатор источников медной руды на Урале в позднем бронзовом - раннем железном веках // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. № 52(2). С. 74–83.

Блинов И.А. Химический и минеральный состав сульфидных конкреций из медистых песчаников Михайловского и Белоусовского древних рудников (Оренбургское Приуралье) // Минералогия. 2020. Т. 6. № 4. С. 35–45.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. № 169 / Отв. ред. И.Т.Кругликова. М.: Наука, 1982. С. 94–100.

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро, 2013. 660 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Дегтярева А.Д., Рындина Н.В. Модели цветного металлопроизводства западной и восточной зон ямной культурно-исторической области // КСИА. 2019. № 256. С. 58–74.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металл абашевской культуры Среднего Подонья // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 151–167.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 48–68.

Кузьминых С.В. Глава 2. Металл и металлические изделия // Каргалы. Т. III / Ред и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 76–100.

Купцова Л. В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 70–100.

Лурье А.М. Генезис медистых песчаников и сланцев. М.: Наука, 1988. 182 с.

Моргунова Н.Л. Металлопроизводство и его роль в культурогенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1248–1269.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 8 / Отв. ред. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, ВГУ, 1989. С. 160–172.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. (Чебоксары, 26–30 мая 2003 г.) / Ред. кол. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 225–229.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 99–126.

Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 105–123.

Петров Ф.Н. К вопросу о типологии режущих и колюще-режущих металлических орудий бронзового века Южного Зауралья // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 7–44.

Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры // СА. 1975. № 2. С. 176–187.

Татаринов С.И. Сезонное жилище горняков-металургов эпохи бронзы у села Пилипчатино в Донбассе // СА. 1988. № 4. С. 96–113.

Файзуллин И.А. Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья // Археология Казахстана. 2024. № 2(24). С. 44–69.

Файзуллин И.А., Анкушев М.Н., Блинов И.А., Артемьев Д.А. Металлургические шлаки и металлические изделия на Покровском поселении позднего бронзового века в Оренбургском Предуралье // Геоархеология и археологическая минералогия – 2023 / Отв. ред. Н.Н. Анкушнва, А.М. Юминов. Миасс-Челябинск: ЮУрГГПУ, 2023. С. 211–218.

Черных Е.Н. Каргалинский горно-металлургический комплекс // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс (Москва, 1–3 марта 2002). М: ИА РАН, 2002. С. 7–11.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, антропология и этнография Евразии. 2008. № 3(35). С. 36–53.

Ankushev M.N., Artemyev D.A., Blinov I.A., Bogdanov S.V. Bronze Age metallurgical slags from the South Urals: types, mineralogy and copper sources // Periodico di Mineralogia. 2021a. № 90. P. 173–193.

Ankushev M.N., Faizullin I.A., Blinov I.A. Metallurgical Slags of Rodnikovoe Late Bronze Age Settlement. In: Yuminov, A., Ankusheva, N., Ankushev, M., Zaykova, E., Artemyev, D. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2021б. P. 117–124.

Ankushev M.N., Faizullin I.A., Artemyev D.A., Blinov I.A. Metalworking and Metallurgical Slags in Tokskoe Late Bronze Age Settlement // Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Stepanov, I., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2022. P. 41–52.

Ankushev M.N., Faizullin I.A., Blinov I.A., Artemyev D.A. Metallurgical Slags of the II Kuzminkovskoe Bronze Age Settlement (Southern Cis-Urals). In: Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2023. P. 244–252.

Ankusheva P.S., Zazovskaya E.P., Yuminov A.M. Ankushev M.N., Alaeva I.P., Epimakhov A.V. Radiocarbon chronology of Bronze Age mines in the Southern Trans-Urals: first results // Archaeological and Anthropological Science. 2022. № 14. P. 218.

Faizullin I.A., Trukhanov V.V., Ankushev M.N., Blinov I.A. Metallurgy and Metalworking in the Late Bronze Age Settlement Near the Gabdrafikovo Village (Orenburg Cis-Urals Territory, Russia). In: Ankusheva, N.N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Ankushev, M.N., Ankusheva, P.S. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy—2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2023. P. 227–235

Информация об авторах:

Анкушев Максим Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, младший научный сотрудник, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс, Россия); ankushev_maksim@mail.ru

Файзуллин Ильдар Асхатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); ildar-1988@mail.ru

REFERENCES

Agapov, S.A., Vasiliev, I. B. 1976. In Medvedev, E. I. (ed.). *Ocherki istorii I kul'tury Povolzh'ia (Essays on the History and Culture of the Volga Region).* 2. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 113–135 (in Russian).

Artemyev, D. A. Ankushev, M. N., Stepanov, I S., Vinogradov, N. B., Alaeva, I. P., Ankusheva, P. S., Koryakova, L. N., Naumov, A. M. 2024. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 52 (2), 74–83 (in Russian).

Blinov, I.A. 2020. In *Mineralogiya (Mineralogy)*, 6 (4), 35–45 (in Russian).

Vinogradov, N. B. 1982. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 169. Moscow: "Nauka" Publ., 94–100 (in Russian).

Grigor'ev, S. A. 2013. *Metallurgicheskoe proizvodstvo v Severnoy Evrazii v epokhu bronzy (Metallurgical Production in Northern Eurasia in the Bronze Age).* Chelyabinsk: "Tsitsero" Publ. (in Russian).

Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age of Eastern Europe*). Chisinau: "Vysshaya antropologicheskaya shkola" Publ. (in Russian)

Degtyareva, A. D., Ryndina, N. V. 2019. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 256, 58–74 (in Russian).

Degtyareva, A. D., Kuz'minykh, S. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 151–167 (In Russian).

Zdanovich, G. B. 1983. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzoviy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (The Bronze Age in the Steppe Zone of the Ural-Irtysh Interfluve).* Chelyabinsk: Bashkir State University, 48–68 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly)* III. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 76–100 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Fayzullin, I. A. 2012. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 10. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 70–100 (in Russian).

Lur'ye, A.M. 1989. *Genezis medistykh peschanikov i slantsev (Genesis of copper sandstones and slates)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Morgunova, N. L. 2021. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series)* 66 (4), 1248–1269 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L., Porokhova, O. I. 1989. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Poseleniya srubnoy obshchnosti (Settlements of the Srubnaya community).* Series: *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 8. Voronezh: Voronezh State University, 160–172 (in Russian).

Morgunova, N. L., Khalyapin, M. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 225–229 (in Russian).

Morgunova, N. L., Khalyapin, M. V., Khalyapina, O. A. 2001. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 5. Orenburg: Orenburg State University, 99–126 (in Russian).

Obydennov, M. F. 1996. In Mazhitov, N. A., Obydennova, M. F. (ed). *Aktual'nye problemy drevnei istorii i arkheologii Iuzhnogo Urala (Current Issues of Ancient History and Archaeology of the Southern Urals).* Ufa: "Vostochnyi universitet" Publ., 105–123 (in Russian).

Petrov, F. N. 2023. In *Magistra Vitae* (2), 7–44 (in Russian).

Pryakhin, A. D., Sagaydak, V. I. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 176–187 (in Russian).

Tatarinov, S. I. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 96–113 (in Russian).

Fayzullin, I. A. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 24 (2), 44–69 (in Russian).

Fayzullin, I.A., Ankushev, M.N., Blinov, I.A., Artem'yev, D.A. 2023. In Ankusheva, N. N., Yuminov, A.M. (eds.). *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia – 2023 (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy – 2023).* Miass; Chelyabinsk: South Ural State University of Humanities and Pedagogy, 211–218 (in Russian).

Chernykh, E. N. 2002. *Drevnejshie jetapy gornogo dela i metallurgii v Severnoj Evrazii: Kargalinskij kompleks (Moskva, 1–3 marta 2002) (The most ancient stages of mining and metallurgy in Northern Eurasia: Kargaly mining-metallurgical complex (Moscow, March 1-3, 2002)).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 7–11 (in Russian).

Chernykh, E. N. 2008. In *Arkheologiia, ėtnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 3 (35), 36–53 (in Russian).

Ankushev, M. N., Artemyev, D. A., Blinov, I. A., Bogdanov, S. V. 2021. In *Periodico di Mineralogia* (90), 173–193 (in English).

Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Blinov, I.A. 2021. In Yuminov, A., Ankusheva, N., Ankushev, M., Zaykova, E., Artemyev, D. (eds) *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019.* Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. P. 117–124

Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Artemyev, D. A., Blinov, I. A. 2022. In Ankusheva, N., Chechushkov, I. V., Stepanov, I., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds*.). Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. P. 41–52.

Ankushev, M.N., Faizullin, I.A., Blinov, I.A., Artemyev, D.A. (2023). Metallurgical Slags of the II Kuzminkovskoe Bronze Age Settlement (Southern Cis-Urals). In: Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. P. 244–252

Ankusheva, P. S., Zazovskaya, E. P., Yuminov, A. M. Ankushev, M. N., Alaeva, I. P., Epimakhov, A. V. 2022. In *Archaeological and Anthropological Science* (14), 218 (in English).

Faizullin, I.A., Trukhanov, V.V., Ankushev, M.N., Blinov, I.A. (2023). Metallurgy and Metalworking in the Late Bronze Age Settlement Near the Gabdrafikovo Village (Orenburg Cis-Urals Territory, Russia). In: Ankusheva, N.N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Ankushev, M.N., Ankusheva, P.S. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy—2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. P. 227–235

About the Author:

Ankushev Maksim N., Candidate of geological and mineralogical sciences, junior researcher, South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ankushev_maksim@mail.ru

Fayzullin Ildar A., Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, senior researcher, ildar-1988@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902.65: 314.1(292.497)"6377" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.196.209

НАСЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В КОНЦЕ СРЕДНЕГО – НАЧАЛЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

©2025 г. Л.В. Купцова, М.Б. Медникова

Настоящая работа посвящена анализу соотношения изотопов стронция, стабильных изотопов азота и углерода в образцах из останков людей и животных, происходящих из разнокультурных памятников Оренбургского Приуралья конца среднего и начала позднего бронзового веков. Определения 87Sr/86Sr рассмотрены для 10 индивидов, ассоциированных с синташтинско-абашевским кругом памятников. Сделан вывод о том, что большинство изученных людей являлись обитателями уральской геохимической провинции. Исключение представляет мужчина из абашевского погребения Красиково 3/1, детство которого, возможно, прошло в других радиогенных условиях, на территориях, расположенных значительно западнее Приуралья. Показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ анализировалась для трех представителей культур посткатакомбного блока, двух носителей сейминско-турбинских традиций и семи представителей культур начального этапа позднебронзовой эпохи региона: южно-уральской абашевской, синташтинской, срубной. Констатировано достаточно высокое разнообразие типов питания при отсутствии каких-либо гендерных закономерностей. Наряду со «скотоводческой» диетой выявлены случаи употребления в пищу древним населением продуктов речного (или озерного) происхождения, а также варианты пониженного содержания белка в рационе.

Ключевые слова: археология, Оренбургское Приуралье, мобильность, диета, анализ изотопов, конец среднего бронзового века, начало позднего бронзового века.

THE ORENBURG URALS POPULATION FROM THE END OF THE MIDDLE TO THE BEGINNING OF THE LATE BRONZE AGE BASED ON ISOTOPIC RESEARCH [2]

L.V. Kuptsova, M. B. Mednikova

This study analyzes the ratios of strontium isotopes, and stable isotopes of nitrogen and carbon, in samples from human and animal remains originating from multicultural sites in the Orenburg Urals region dating to the end of the Middle and the beginning of the Late Bronze Age. 87Sr/86Sr values were examined for 10 individuals associated with the Sintashta-Abashevo cultural burials. It was concluded that the majority of the studied individuals were indigenous inhabitants of the Ural geochemical province. An exception is a male from the Krasikovo 3/1 burial related to the Abashevo culture, whose childhood may have occurred under different radiogenic conditions, in areas located significantly west of the Urals. The $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ values were analyzed for three representatives of Post-Catacomb cultures, two bearers of Seima-Turbino traditions, and seven representatives of cultures from the initial phase of the Late Bronze Age in the region: Southern Ural Abashevo, Sintashta, and Srubnaya. Considerable diversity in dietary patterns was noted, with no discernible gender-related patterns. Alongside a "cattle-breeding" diet, instances were identified where the ancient population consumed food of river (or lake) origin, as well as cases of reduced protein intake in the diet.

Keywords: archaeology, Orenburg Urals, mobility, diet, isotope analysis, Late Middle Bronze Age, Early Late Bronze Age.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10006, /https://rscf.ru/project/23-68-10006/ «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

[2] This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-68-10006, /https://rscf.ru/project/23-68-10006 / "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Ages in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

Изотопные исследования останков человека и животных из археологических раскопок в последние годы стали важной составляющей частью междисциплинарных исследований в археологии, позволяя проследить прижизненную мобильность людей, воссоздать особенности их питания (Kristiansen, Larsson, 2005).

Для Оренбургского Приуралья целенаправленное изучение археологических материалов с привлечением анализа изотопов является сравнительно новой тенденцией. Здесь явно прослеживается диспропорция с соседним Зауральем, где результаты изотопных исследований вкупе с их археологической интерпретацией публикуются стабильно и в большом количестве (см., например, Епимахов и др., 2023; Епимахов, Чечушков, 2023).

Цель настоящей работы – суммирование и рассмотрение имеющихся на сегодняшний день данных изотопного анализа по этому региону, полученных по материалам раскопок археологических памятников начального этапа позднего бронзового века, разрозненно представленных в разных статьях или пока еще не опубликованных. Всего было рассмотрено десять определений 87Sr/86Sr и одиннадцать определений $\delta^{13}C/\delta^{15}N$. Кроме того, приведены показатели диеты для трех индивидов, проживавших на указанной территории в предшествующую – посткатакомбную эпоху. Для сравнения в статью включены определения азота и углерода, выполненные по костям травоядных животных, также впервые введенные в научный оборот.

Анализ изотопов стронция.

Южный Урал и, прежде всего, Оренбургская область на стыке двух отдельных структурных и тектонических зон (восточноевро-

Таблица. 1. Соотношение изотопов стронция в останках человека из памятников позднего бронзового века Оренбургского Приуралья.
Table. 1. The ratio of strontium isotopes in human remains from the sites of the Late Bronze Age of the Orenburg Urals.

	место взятия образца	Культурная принадлежность	87Sr/86Sr	SE, abs	Данные по расположению памятника
1	погребение у с. Малоюлдашево ск. 1	синт.	0,707868	0,000005	с. Малоюлдашево Краногвардейского района Оренбургской обл. N52°51'46,2600"; E53°31'40,5500"
2	погребение у с. Малоюлдашево ск. 2	синт.	0,708874	0,000007	
3	погребение у с. Малоюлдашево ск. 3	синт.	0,708479	0,000006	
4	КМ Красиково 3/1	абаш.	0,710540	0,000005	с. Красиково Красногвардейского района Оренбургской обл. N52°49'45,4355"; E53°38'55,0586"
5	КМ Имангулово 7/3	абаш.	0,709630	0,000005	с. Второе Имангулово Октябрьского района Оренбургской обл. N52°08'34,1400"; E55°21'58,7400"
6	ГМ Беляевка п. 1 ск. 1	синт.	0,709791	0,000005	с. Беляевка Беляевского района Оренбургской обл. N51°24'34,9265" E56°27'29,3469"
7	ГМ Беляевка п. 1 ск 2	синт.	0,709417	0,000005	
8	ГМ Беляевка п. 10 ск 1	синт.	0,708776	0,000008	
9	ГМ Беляевка п. 10 ск 2	синт.	0,709066	0,000010	
10	ГМ Беляевка п. 12	синт.	0,709131	0,000006	

Примечание: все данные по соотношению изотопов стронция вводятся в научный оборот впервые. Археологические комплексы, из которых взяты образцы №№ 1–5, опубликованы (Моргунова и др., 2015; Моргунова и др., 2019, с. 20–21; Купцова, Евгеньев, 2022, с. 52–53).

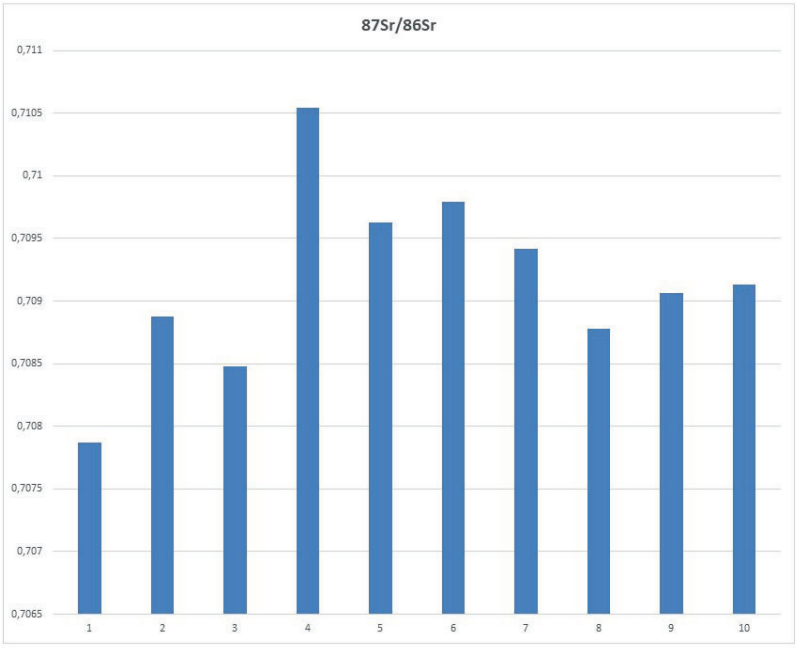


Рис. 1. Соотношение изотопов стронция в изученных образцах. Нумерация как в таблице 1.
Fig. 1. The ratio of strontium isotopes in the studied samples. The numbering is as in Table 1.

пейского кратона и Уральских гор) сегодня относятся к наиболее изученным в геохимическом отношении территориям. Ранее уже было проанализировано соотношение изотопов стронция в почве, воде и растениях из этого региона. Постоянно пополняется база данных археологических материалов, характеризующая изотопные сигналы в зубной эмали его древних обитателей (Shishlina et al., 2020; 2022; Моргунова и др., 2023). Сопоставление контрольных и археологических образцов позволяет оценить степень прижизненной мобильности населения, что особенно важно для понимания миграционных процессов в эпоху бронзы.

В нашем исследовании анализ соотношения изотопов стронция выполнялся методом масс-спектрометрии, в соответствии с ранее разработанным протоколом (Киселева и др., 2021) в Институте геологии и геохимии УРО РАН. Впервые в научный оборот вводятся результаты определений 87Sr/86Sr для десяти представителей эпохи бронзы, ассоциированных с абашево-синташтинским кругом памятников. Материалом для анализа послужили первые и вторые моляры постоянной генерации, эмаль которых запечатлела особенности геохимической ситуации на протяжении примерно первых десяти лет жизни их обладателей.

Уже первое знакомство с результатами анализа показывает значительное разнообразие значений признака (табл. 1, рис.1). Так, наиболее контрастны отличия соотношения изотопов стронция в образцах зубной эмали мужчин с поселения Малоюлдашево (скелет 1) (№ 1, табл. 1) и из раскопок Красиково (3/1) (№ 4, табл. 1), детство которых прошло в разных геохимических условиях. Из раскопок поселения Малоюлдашево происходят останки трех человек (№№ 1, 2, 3, табл. 1), и все они (двое мужчин и одна женщина) демонстрируют вариабельность значений, характеризующих среду обитания в детском возрасте. Более гомогенную группу составляют материалы из могильников Имангулово (7/3) (№ 5, табл. 1) и Беляевка (№№ 6–10, табл. 1) (п.1, скелет 1, п.1, скелет 2, п.10, скелет 2, п.12). Изотопный сигнал одного индивида из Беляевки (п.10, скелет 1) практически идентичен показателю, определенному для женщины из раскопок поселения Малоюлдашево (скелет 2).

Для понимания уровня прижизненной мобильности представителей древнего населения важно рассмотрение контрольных образцов воды, почвенных фильтратов и растений. Геологические условия Оренбургского Приуралья, как свидетельствуют предыдущие исследования в некоторых локациях, связаны с низкими значениями соотношения

изотопов стронция. Так, речные воды в районе могильника у с. Плешаново (р. Ток) характеризуются соотношением 0,707460, в окрестностях могильника у с. Каменка (р. Большой Уран) – 0,708072, в Сорочинском водохранилище на слиянии рек Самара и Большой Уран – 0,708541. Диапазоны соотношений изотопных сигналов в растительности: 0,708790–0,708924. Исключением служит завышение показателя в образцах наземной растительности, отобранных вблизи могильника у с. Каменка (0,710107), что объясняется исследователями локальным влиянием характеристик глинистой почвы (Shishlina et al., 2022). Изотопные сигналы 87Sr/86Sr в контрольных образцах травы, почвы и воды из района раскопок Болдыревского кургана варьируют в диапазоне 0,708535 - 0,709129 (Моргунова и др., 2023).

Масштабная работа по картированию биодоступного стронция в почве, растениях, воде, раковинах моллюсков на ареале, где встречены синташтинские археологические памятники, была проведена на материале 357 образцов в 73 локациях Южного Зауралья (Епимахов и др., 2023. С.1086–1088). Констатирована приуроченность зон повышенных фоновых значений к древним толщам (в среднем, 0,710) и пониженных – к более молодым формациям (средняя 0,709). В частности, отмечено резкое понижение значений показателя в Тагило-Магнитогорской мегазоне в районе г. Магнитогорска и в юго-восточной части (соотношение изотопов стронция по образцам воды 0,7089; по образцам растений и моллюсков 0,7092-0,7091; по образцам почвы – 0,7087).

Таким образом, изотопные подписи, определенные в зубной эмали большинства индивидов, анализируемых в настоящей статье, свидетельствуют об их проживании на протяжении детского возраста в пределах обширной уральской геохимической провинции. Исключением может служить индивид из раскопок курганного могильника Красиково (3/1), детство которого протекало в более радиогенных условиях с изотопным сигналом 0,71054. Впрочем, в пределах уральского региона определены области со сходными фоновыми значения стронция (Епимахов и др., 2023).

В поисках других аналогий обратимся к данным, полученным при исследовании прижизненной мобильности в среде представителей средневолжской абашевской культуры, прежде всего, к материалам коллективного захоронения в Пепкинском кургане на территории совр. Республики Мари Эл (Медникова, 2018). Эта работа опиралась на масс-спектрометрическое изучение свыше 30 образцов, в том числе контрольных образцов почв и раковин улиток *Gastropoda*, собранных в 5 местонахождениях на территории Среднего Поволжья. Изотопные сигналы были определены в зубной эмали погребенных (их накопление производилось в детстве), а также в образцах костной ткани (что может характеризовать среду обитания в последние годы жизни).

Установлено, что большинство пепкинских абашевцев – «неместные» для территории Горно-Марийского района. Примерно до 10 лет они жили в регионе с изотопными сигналами 0,710 (что также совпадает с характеристикой региона, где рос человек из Красиково). Вместе с тем, юношеские годы большинство из них провели в радиогенных условиях, соответствующих характеристикам Среднего Поволжья, где они и погибли (0,712-0,728). Гипотетическая «предковая» территория средневолжских абашевцев из Пепкино соответствует в геохимическом отношении более западной локации, в бассейне р. Оки, где в образцах из раскопок однокультурного Старшего Никитинского могильника был выявлен аналогичный изотопный сигнал. Кроме того, изотопный сигнал (0,710) был выявлен для одного из представителей доноволжской абашевской культуры из Подклетненского могильника, изученного на окраине г. Воронежа.

Ранее отмечалось, что к анализу образцов костной ткани и дентина, обладающих пористой структурой и кристаллами биоапатита меньшего размера, следует относиться с осторожностью: они могут быть загрязнены диагенетическим стронцием, поступившим из почвы на месте захоронения (Киселева и др., 2021). С этой точки зрения, гипотеза о проживании абашевцев в Среднем Поволжье на протяжении нескольких лет до гибели могла быть поставлена под сомнение. Однако она опровергается рассмотрением изотопной подписи в костной ткани одного из погребенных, которая показала низкие значения (0,708861) и, следовательно, не испытала

тафономического влияния крайне радиогенных условий на месте возведения Пепкинского кургана (локальный изотопный сигнал, определенный в почвенном фильтрате, 0.728900). Речь идет о погребенном №8, похороненном с атрибутами кузнеца-бронзолитейщика. Сопоставление значений стронция в его зубной эмали и костной ткани обнаружило, что примерно до 10 лет он рос в той же геохимической среде, что и другие абашевцы, но затем отделился от них и юношеские годы провел в другом месте, предположительно, на Южном Урале. На момент публикации цитируемой статьи мы располагали лишь данными по контрольным образцам с городища Уфа (кости животного, раковина пресноводного моллюска – 0,708461- 0,708792). На этом основании были сделаны выводы об очень широком «домашнем ландшафте» средневолжского абашевского населения, расселявшегося на восток, и поддерживавшего контакты на обширной территории, вплоть до Урала. Привлечение новых данных может подтвердить гипотезу о связи далеких территорий.

Таким образом, относительно абашевца из Красиково, судя по имеющимся изотопным сигналам, регион, где он провел свои детские годы может определяться как широко к западу от Оренбургского Приуралья – в бассейне р. Оки или в среднем течении Дона, так и к востоку от места захоронения – в Зауралье. Исходя из специфики культурной ситуации региона отметим, что в связи с тем, что погребенный был захоронен по абашевскому обряду, маловероятно, что территорией его происхождения можно считать зауральский регион. По археологическим данным известно, что абашевские традиции распространялись с запада на восток, а не наоборот (Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 42–43; Кузьмина, 2021, с. 466–468; Мимоход, 2022). В Зауралье в позднем бронзовом веке они уже были значительно переработаны синташтинской культурой (Кузьмина, 1992, с. 74–76; Виноградов, 2011, с. 78–83). Появление красиковского «пришельца» с запада в археологическом плане выглядит более обоснованным. Известно, что синташтинское население степного Приуралья (и, отчасти, Зауралья) испытывало на себе влияние доно-волжской абашевской (по другой терминологии – покровской) культуры. Особенно отчетливо оно проявлено в инвентарном комплексе: в изготовлении костяных изделий (в т.ч. псалиев), в керамике (Чечушков, Епимахов, 2010, с. 187, 188; Бочкарев, Кузнецов, 2013, с. 69; Григорьев, 2022, с. 163; Bochkarev, Kuznetsov, 2023, p. 161; Усачук, Купцова, 2024, с. 48, 53). Существует также точка зрения о том, что тесное взаимодействие синташтинских и доно-волжских абашевских (покровских) коллективов привело к возникновению потаповских памятников в Поволжье (Ткачев, 2007, с. 304), неразрывно связанных в географическом и культурном отношении с памятниками начала позднего бронзового века Приуралья. Исходя из сказанного, привлекательным видится появление человека из Красиково не просто из регионов, расположенных западнее приуральских степей, а конкретно – с территории локализации доно-волжкой абашевской культуры. Однако для того, чтобы обоснованно утверждать этот факт, на сегодняшний день пока не хватает данных, полученных как для фоновых образцов, так и по человеческим останкам.

Результаты анализа стабильных изотопов азота и углерода

Определение стабильных изотопов азота и углерода в образцах костной ткани человека и животных служит источником важной информации при реконструкции рациона питания.

А.П.Епимахов и Э.П. Зазовская (Epimakhov, Zazovskaya, 2022) проанализировали стабильные изотопы в 35 образцах, представляющих жителей Предуралья раннего и позднего бронзового веков, из них 30 определений были выполнены по коллагену костной ткани, 5 – по образцам зубов. Авторами исследования сделан важный вывод об определенных различиях значений величин признаков, характерных для периода ранней бронзы, отражающих кочевой и скотоводческий образ жизни ямной культуры, и периодом поздней бронзы с другим соотношением азота и углерода, связанным с оседлостью.

Данные, приведенные в таблице 2, позволяют дополнить эти наблюдения (на рис. 2 отражено соотношение дельта азота и углерода в останках мужчин и женщин).

Важным сравнительным фоном служат определения, выполненные по останкам травоядных животных с территории Оренбургского Приуралья (Таблица 3).

Из раскопок синташтинского грунтового могильника Беляевка проанализированы образцы костной ткани мелкого и крупного

Таблица. 2. Стабильные изотопы по костям человека. Археологические памятники конца среднего – начала позднего бронзового века Оренбургского Приуралья.
Table. 2. Stable isotopes in human bones. Archaeological sites of the Late Middle – Early Late Bronze Age of the Orenburg Urals.

№ п/п	лабор. №	место отбора образца	образец	культ. прин.	14C (BP)	Cal BC (1 sigma)	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	% Coll	C/N_{at}
Культуры посткатакомбного блока										
1	$IGAN_{AMS}$ 7692	Тамар-Уткуль VII 4/5	кость скелета (жен)	ВУКГ	3860±20	2436–2238	-21,08	10,99	10,64	3,18
2	дата – ГИН-15497, стаб. изотопы – лаб. Геохимии окр. среды РГПУ им. Герцена	Имангулово II 5/3	кость скелета (жен)	ВУКГ	3600±70	2041–1879	-19,92	8,4		1,3
3	дата – Ле-7684, стаб изотопы – лаб. Геохимии окр. среды РГПУ им. Герцена	Скворцовка 5/3	кость верхнего скелета (жен)	ВДБК	3700±90	2210–1940	-19,62	7,8		1,5
Культуры начала позднего бронзового века										
4	OxA-30990	МГБ п. 4	зуб (муж)	СТФ	3740±33	2201–2048	-20,9	14,1	-	3,3
5	OxA-30991	МГБ п. 4	зуб (муж)	СТФ	3775±34	2282–2140	-21,3	14	-	3,3
6	OxA-30992	МГБ п. 8	зуб (жен?)	СТФ	3822±33	2304–2201	-21	14,2	-	3,3
7	$IGAN_{AMS}$ 10211	ГМ Беляевка п.1 скелет 1	ребро (жен)	синт.	3550±20	1932–1881	-18,85	12,71	11,24	3,18
8	OxA-30993	МГБ п. 6	зуб (жен)	синт.	3532±34	1926–1776	-18,7	12	-	3,3
9	SPb-2224	Красиковский I КМ 3/1	кость чел (муж)	абаш.	3632±55	2042–1924	-18,57	11,97	-	3,17
10	$IGAN_{AMS}$ 7765	МГБ п. 8	ребро (жен?)	СТФ	3620±25	2026–1943	-19,11	10,57	24,05	3,21
11	$IGAN_{AMS}$ 7762	КМ Твердилово ½, скелет 1	палец руки (муж)	р. срубн.	3470±30	1876–1743	-19,41	10,3	10,03	3,11
12	$IGAN_{AMS}$ 7763	Малоюлдашево скелет 1	ребро (муж)	синт.	3575±25	1956–1886	-18,99	9,94	20,66	3,17
13	$IGAN_{AMS}$ 7761	КМ II Имангулово 7/3	ребро (муж)	абаш.	3590±30	1973–1896	-19,56	5,11	5,6	3,14

Примечания: комплексы, из которых взяты образцы, опубликованы (№ 1 – Богданов, 1998, с. 22; №№ 2, 13 – Купцова, Евгеньев, 2022, с. 49–53; № 3 – Моргунова и др., 2010, с. 49–51; №№ 4,5,6,10 – Купцова, Халяпин, 2023; № 7 - Купцова, Усачук, в печати; № 8 – Халяпин, 2005; № 9 - Моргунова и др., 2019, с. 20–21; № 11 – Файзуллин и др., 2021, с. 84–85; № 12 – Моргунова и др., 2015). №№ 1, 2, 3 – радиоуглеродные даты опубликованы (Моргунова и др., 2010, с. 70; Мимоход, 2021, с. 59), данные $\delta^{13}C$, $\delta^{15}N$ вводятся в научный оборот впервые; 4–13 данные опубликованы (Rasmussenet al., 2015; Купцова, 2022, с. 102; Моргунова, Кулькова, 2019, с. 40–41; Файзуллин и др., 2021, с. 104; Купцова, Халяпин, 2023, с. 242).

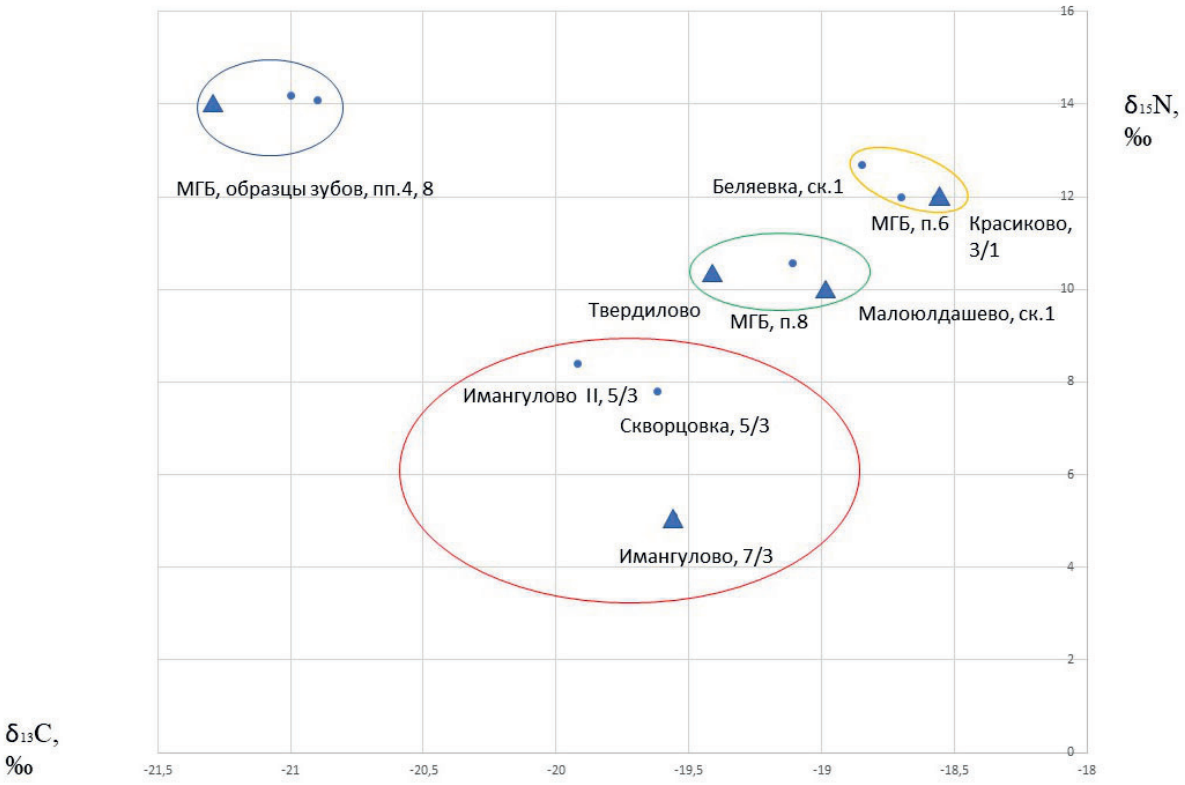


Рис. 2. Соотношение $\delta^{15}N/\delta^{13}C$ в останках разнополых погребенных.
Fig. 2. The $\delta^{15}N/\delta^{13}C$ ratio in the remains of buried individuals of different sexes.

рогатого скота, кости лошади. Об отличии в кормовой базе этих животных говорят и вариации в значениях изотопа углерода (пониженных для КРС и лошади), и – изотопа азота (повышенных у овцы и лошади). Сравнение с образцами животных раннесрубной культуры вскрывает существенное расхождение величины по азоту, очевидно, связанную с использованием других пастбищ (у «срубных» лошадей и коров дельта N отчетливо ниже).

С методической точки зрения важно сопоставление изотопных значений в образце животного (мелкий рогатый скот) и человека из одного погребения (№ 7, табл. 2 и № 1, табл. 3). Женщина из могильника Беляевка (п.1) при сходстве значений дельта углерода, характеризующего растительный компонент диеты, обнаруживает резкое завышение дельта азота. По всей видимости, в данном случае имеет место быть последствие употребления в пищу продуктов речного (озерного) происхождения, что подтверждается радиоуглеродными датами. Несмотря на то, что образцы происходят из закрытого комплекса, дата, полученная по кости человека, старше полученной по кости животного, и интервалы их некалиброванных значений не пересекаются. Данные, полученные после калибровки, в хронологическом порядке следуют друг за другом и не разделяются каким- либо значительным промежутком. Известно, что при высоком содержании в образце $\delta^{15}N$ значения $\delta^{13}C$ для речной диеты вариабельны, а удревнение возраста может варьировать от нескольких до тысяч лет (Hollund et. al., 2010, p. 2979–2981; Шишлина и др., 2015, с. 267–272; Чагаров, Добровольская, 2018, с. 395). Косвенным подтверждением факта употребления в пищу рыбы населением, оставившим Беляевский могильник, может являться не только более ранняя дата по кости человека из погребения 1, но и наличие рыболовного крючка в одном из соседних захоронений. По значениям $\delta^{15}N$ и $\delta^{13}C$ погребению из Беляевки близко абашевское захоронение из мог. Красиково (№ 9, табл. 2). В первом случае о наличии резервуарного эффекта (FRE) мы уверенно можем судить, сравнивая между собой образцы, полученные из останков человека и животных и проанализированные методом AMS. Во втором случае

Таблица. 3. Стабильные изотопы по костям животных. Археологические памятники начала позднего бронзового века Оренбургского Приуралья.
Table. 3. Stable isotopes in animal bones. Archaeological sites of the Early Late Bronze Age of the Orenburg Urals.

№ п/п	лабор. №	место отбора образца	образец	культ. прин.	14C (BP)	Cal BC (1 sigma)	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰	% Coll	C/N_{at}
1	$IGAN_{AMS}$ 10212	ГМ Беляевка п. 1	альчик МРС	синт.	3495±25	1881–1769	-18,51	7,31	19,96	3,91
2	IGAN 10379	ГМ Беляевка Р 20 ЖК 1	кость КРС	синт.	-	-	-20,11	6,04	-	3,31
3	IGAN 10378	ГМ Беляевка, ров рит. площадки 2	кость лошади	синт.	-	-	-20,13	7,35	-	3,24
4	IGAN 10381	КМ Нижнебахтиярово 1/1	кость лошади	р.сруб.	-	-	-20,84	3,98	-	3,16
5	$IGAN_{AMS}$ 10213	КМ Нижнебахтиярово 1/1	кость лошади	р. сруб.	3460±20	1872–1700	-20,81	4,12	4,94	3,23
6	$IGAN_{AMS}$ 10214	КМ Нижнебахтиярово К 4 ЖК	кость КРС	р. сруб.	3480±25	1876–1748	-19,78	5,67	16,28	3,19

Примечание: данные вводятся в научный оборот впервые.

таких весомых доказательств нет: несколько более поздняя дата здесь может быть связана и с тем, что датирование проводилось методом LSC.

Помимо захоронения в могильнике Беляевка обращает внимание обособление изотопных значений в образцах зубов из погребений 4 и 8 синташтинского могильника у горы Березовой (МГБ) (№№ 4,5,6, табл. 2). Анализу этих захоронений посвящена специальная работа (Купцова, Халяпин, 2023), в которой на основании археологических данных показано, что в этих погребениях захоронены выходцы из сейминско-турбинской среды, вероятно, мигрировавшие в Приуралье с территории Западной Сибири и влившиеся в синташтинский коллектив. Содержание в их зубах повышенных значений азота и пониженных углерода может являться следствием рыбной диеты, которой данные индивиды придерживались в детском возрасте. О влиянии, в данном случае, резервуарного эффекта свидетельствуют, в том числе, и полученные по образцам зубов С14 даты, оказавшиеся значительно древнее общепринятого интервала существования синташтинской культуры, определяемого в пределах XXI – XVIII вв. до н.э. В то же время соотношение стабильных изотопов, полученных по ребру человека из п. 8 (№ 8, табл. 2) несмотря на довольно высокое содержание $\delta^{15}N$, уже близко «скотоводческой» диете. Разница значений для зуба и кости ребра одного человека объясняется следующим образом. Как уже было показано выше, ткань зуба формирует свой состав по мере его формирования, после чего не изменяется, кости скелета, напротив, постоянно подвержены химическим и структурным изменениям до момента смерти человека. Таким образом, информация, заключенная в зубе, соответствует первым, а в костях скелета – последним годам жизни. Количество протеина в зубе и в кости ребра человека из п. 8 отличается на 4 промилле, т.е. на экологически значимую величину (Добровольская, Решетова, 2019, с. 38), что свидетельствует о проживании индивида в различных экосистемах на протяжении периода времени, достаточного для того, чтобы их влияние отразилось в тканях организма. Радиоуглеродная

дата по ребру человека из п. 8 МГБ в отличие от «зубных» образцов уже включается в интервал существования синташтинской культуры, хотя и выглядит несколько старше остальных значений С14 для однокультурных памятников Южного Приуралья.

Наконец еще одни пример резервуарного эффекта демонстрирует образец из погребения посткатакомбного времени Тамар-Уткуль VII 4/5, отнесенного Р.А. Мимоходом к волго-уральской группе культурного круга Лола (Мимоход, 2022). Здесь при высоком содержании белка фиксируется довольно низкое значение углерода (-21,08). Отметим, что наряду с образцами №№ 5 и 6 (табл. 2) (зубы из п. 4 и п. 8 МГБ) демонстрируют самые низкие значения $\delta^{13}C$ в представленной выборке. О том, что в случае с тамар-уткульской женщиной имеет место быть влияние диеты, связанной с водными ресурсами, свидетельствует и удревненная С14 дата, согласно которой захоронение датируется XXV – XXIII вв. до н.э., в то время как период бытования культур посткатакомбного блока определяется в интервале 2200–1800 CalBC (Мимоход, 2023).

Употребление в пищу рыбы не являлось основной стратегией жизнеобеспечения для скотоводов, однако, как мы видим, в том числе и по данным изотопного исследования, возможностью использования древним населением данного природного ресурса не стоит пренебрегать. Рыба, являясь ценным источником белка, вполне могла употребляться в пищу в экстремальных условиях, например, в засушливые годы или при массовом падеже скота (Бикбулатов и др., 2002, с. 72–73; Купцов, Крюкова, 2016, с. 186).

Два оставшихся образца из посткатакомбных погребений могильников Скворцовка и Имангулово II (№№ 2, 3, табл. 2) также происходят из женских захоронений (Рис.2). В данном случае фиксируются пониженные значения азота, отражающее меньшую долю белков животного происхождения в их рационе. В этом отношении к ним близок абашевский мужчина из Имангулово II, у которого встречено минимальное значение дельта азота (№ 13, табл. 2).

Более высокий уровень потребления белков животного происхождения и ограниченный – растительной пищи был характерен для погребенных из Твердилово, Малоюлдашево, могильника у горы Березовой (№№ 8, 10, 11, 12 табл. 2), что вполне соответствует типу питания скотоводов. В данных случаях «скотоводческую» диету подтверждают и нормальные для начального этапа позднебронзовой эпохи значения радиоуглеродных AMS дат.

Выводы.

Таким образом, согласно проанализированным значениям соотношения изотопов стронция, практически все индивиды, останки которых были использованы для исследования, хоть и демонстрируют разнообразные показатели 87Sr/86Sr, не являлись мигрантами из каких-либо далеких территорий. На протяжении своей жизни они проживали в пределах южно-уральской геохимической провинции, хотя, возможно и происходили из различных ее частей. Исключение составляет погребенный мужчина абашевской культуры из могильника Красиково, детство которого прошло в более радиогенных условиях. Исходя из археологических реалий изучаемой территории, на сегодняшний день осторожно можно предположить, что он является пришельцем из регионов, расположенных к западу от Оренбургского Приуралья. Данный, пока единичный, случай показывает, что следы миграционных процессов в среде древнего населения, прослеженные по данным археологии, возможно, могут быть подтверждены и данными естественнонаучных исследований.

В плане диеты можно констатировать достаточно высокое разнообразие типов питания в конце среднего – начале позднего бронзового веков при отсутствии каких-либо очевидных гендерных закономерностей. Наряду со «скотоводческой диетой» выявлены и случаи употребления в пищу древним населением продуктов речного (или озерного) происхождения. В нашей выборке такие эпизоды определяются повышенным значением азота и заниженным, либо «нормальным» значением углерода. В то же время, в методическом плане, для того, чтобы уверенно определить «речную» диету, анализа только $\delta^{15}N$ и $\delta^{13}C$ не достаточно, необходимо наличие радиоуглеродной даты, которая при влиянии эффекта FRE будет удревнена относительно общепринятого возраста археологического комплекса. Выявленные вариации питания могут являться результатом индивидуальных пищевых предпочтений, отражать происхо-

дившие в древности миграционные процессы, быть следствием выбираемых стратегий для жизнеобеспечения, зависящих от климатических и экологических условий.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность д.и.н., с.н.с. отдела бронзового века ИА РАН Мимоходу Р.А. за предоставленною возможность использования ранее не опубликованных данных.

ЛИТЕРАТУРА

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. 248 с.

Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1998. С. 17–37.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 61–79.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Григорьев С.А. Роговые и костяные псалии Евразии начала позднего бронзового века // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 1. С. 162–177.

Добровольская М.В., Решетова И.К. Изотопные маркеры образа жизни древних людей // Природа. 2019. № 1. С. 34–42.

Епимахов А. В., Чечушков И. В., Киселева Д. В., Анкушев М. Н., Анкушева П. С. Картирование биодоступного 87Sr/86Sr в Южном Зауралье // Литосфера. 2023. № 23 (6). С. 1079–1094.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Предварительные результаты изучения мобильности людей и животных бронзового века в микрорайоне Степное (Южное Зауралье) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции. Материалы II Международной междисциплинарной конференции / Отв. ред. Е.В. Куприянова. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 37–41.

Киселева Д.В., Анкушева П.С., Анкушев М.Н., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Касьянова А.В. Определение фоновых изотопных отношений биодоступного стронция для рудника бронзового века Новотемирский // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 176–187.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Учебное пособие к спецкурсу. Самара: Самарский пед. ин-т., 1992. 128 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 442–468.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–45.

Купцов Е.А., Крюкова Е.А. К вопросу о рыболовстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 159–192.

Купцова Л.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 101–103.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Предуралье) // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 49–60.

Купцова Л.В., Усачук А.Н. Пара щитковых псалиев с территории Степного Приуралья // КСИА. 2024. Вып. 275. С. 114–131.

Купцова Л.В., Халяпин М.В. Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 235–248.

Медникова М.Б. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 378–389.

Мимоход Р.А. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового в Волго-Уралье // РА. 2021. № 3. С. 52–66.

Мимоход Р.А. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 122–150.

Мимоход Р.А. Десять лет спустя, или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Л.И. Авилова, Ю.В. Лунькова. М.: ИА РАН, 2023. С. 268–288.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 64–71.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 4–38.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 39–45.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Киселева Д.В., Чечеткина О.Ю., Медникова М.Б. О статусе и избирательности детских погребений ямной археологической культуры Южного Урала (по материалам раскопок кургана 1 группы Болдырево-4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 115–128.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Усачук А.Н., Купцова Л.В. Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой (трасологический анализ и поиск аналогий) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 45–58.

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А. Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у с. Твердилово (Оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 79–123.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории Степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4 / Отв. ред. М.Н. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2005. С. 203–217.

Чагаров О.С., Добровольская М.В. Изотопы азота и углерода в реконструкции питания образа жизни среднедонского населения скифского времени (по материалам курганного могильника Терновое-Колбино) // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 390–402.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл.ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182–229.

Шишлина Н.И., Ларионова Ю.О., Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., ванн дер Плихт Й. 2015. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 262–276.

Bochkarev V. S. Kuznetsov P.F. Early Cheekpieces in Eurasia // Chariots in Antiquity. Essays in Honour of Joost Crouwel. BAR International Series. 2023. 3159. P. 151–178.

Epimakhov A.V., Zazovskaya E. P. Diet and Mobility in the Pre-Urals Bronze Age, Russia (Preliminary Results of Stable Isotope Analysis) // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. 2022. P. 117–126.

Hollund H. L., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // *JAS*. 2010. No 37. PP. 2971–2983.

Kristiansen K., Larsson T.B. The Rise of Bronze Age Society: Travels, Transmissions and Transformations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen R. et al. Early Divergent Strains of Yersinia pestis in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163. № 3. P. 571–582.

Shishlina N.I., Kiseleva D.V., Kuptsova L.V., Okuneva T.G., Soloshenko N.G., Shagalov E.S., Faizullin I.A. The Provenance of the Bronze Age Wool Textiles from the Western Orenburg Region (Russia) // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 October 2020. P. 137–150.

Shishlina N., Orfinskaya O., Kiseleva D., Mamontova A., Kuptsova L., Gozslar T. Humans, wool textiles, chronology, and provenance: A case study from the Orenburg region in the southern Urals, Russia // Exploring ancient textiles. Oxbow book, 2022. P. 69–83.

Информация об авторах:

Купцова Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований Оренбургского государственного педагогического университета; orelin.84@mail.ru.

Медникова Мария Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики ИА РАН; главный научный сотрудник отдела научных исследований Оренбургского государственного педагогического университета; e-mail: medma_pa@mail.ru

REFERENCES

Bikbulatov, N. V., Yusupov, R. M., Shitova, S. N., Fatykhova, F. F. 2002. Bashkiry. *Etnicheskaia istoriia i traditsionnaia kul'tura (The Bashkirs. Ethnic History and Traditional Culture).* Ufa: "Bashkirskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).

Bogdanov, S. V. 1998. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 2. Orenburg: "Dimur" Publ., 17–37 (in Russian).

Bochkarev, V. S., Kuznetsov, P. F. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 61–79 (in Russian).

Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Iuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd Millennium B.C. (Monuments of the Sintashta and Petrovka Type*). Cheliabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).

Grigor`ev, S. A. 2022. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 22 (1), 162–177 (in Russian).

Dobrovol`skaya, M. V., Reshetova, I. K. 2019. In *Priroda (Nature)* (1), 34–42 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Chechushkov I. V., Kiseleva D. V., Ankushev M. N., Ankusheva P. 2023. In *Litosfera (Lithosphere)* 23 (6), 1079–1094 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Chechushkov, I. V. 2023. In Kupriyanova, E. V. (ed.). *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeystvii so sredoy obitaniya: problemy istoricheskoy rekonstruktsii (Ancient and traditional cultures in relationship with their surroundings: issues of historical reconstruction).* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 37–41 (in Russian).

Kiseleva, D. V., Ankusheva, P. S., Ankushev, M. N., Okuneva, T. G., Shagalov, E. S., Kas'yanova, A. V. 2021. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 263, 176–187 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 1992. *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e (The Abashevo culture in the forest-steppe Volga-Ural region)*. Samara: Samara Pedagogical Institute (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 442–468 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Mimokhod, R. A. 2016. In Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S., Stegantsova, V. Ya. (eds.). *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.) (External and Internal Relations of the Steppe (Cattle-Breeding) Cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th – 2nd Millennia BC)).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 39–45 (in Russian).

Kuptsov, E. A., Kryukova, E. A. 2016. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 12. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 159–192 (in Russian).

Kuptsova, L. V. 2022. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 101–103 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Evgenyev, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 49–60 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Usachuk, A. N. 2024. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 275, 114–131 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Khalyapin, M. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 235–248 (in Russian).

Mednikova, M. B. 2018. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 253, 378–389 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 52–66 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 122–150 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2023. In Avilova, L. I., Lun'kova, Yu. V. (eds.). Eneolit i bronzovyy vek Tsirkumpontiyskogo regiona *(The Eneolithic and Bronze Age of the Circumpontic region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 268–288 (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. 2010. *Skvortsovskiy kurgannyy mogil'nik (Skvortsy Barrow Burial Ground*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, (in Russian).

Morgunova, N. L., Evgenyev, A. A., Kuptsova, L. V. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 43 (2), 64–71 (in Russian).

Morgunova, N. L., Evgenyev, A. A., Kryukova, E. A., Kharlamov, P. V., Faizullin, A. A., Golieva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ. C. 4–38 (in Russian).

Morgunova, N. L., Kul'kova, M. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ. C. 39–45 (in Russian).

Morgunova, N. L., Faizullin, A. A., Mustafin, Kh. Kh., Alborova, I. E., Kiseleva, D. V., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 62 (3), 115–128 (in Russian).

Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy: monografiia (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages: Monograph).* Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology (in Russian).

Usachuk, A. N., Kuptsova, L. V. 2024. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 64 (1), 45–58 (in Russian).

Faizullin, I. A., Kuptsova, L. V., Afonin, A. S., Grigoriev, A. P., Evgenyev, A. A., Kapinus, Yu. O., Kryukova, E. A., Mukhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Sverchkova, A. E`., Faizullin, A. A. 2021. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 15. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ. C. 79–123 (in Russian).

Khalyapin, M. V. 2005. In Sdykov, M. N. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 4. Uralsk: 203–217 (in Russian).

Chagarov, O. S., Dobrovol'skaya, M. V. 2018. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 253, 390–402 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Epimakhov, A. V. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes*). Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 182–229 (in Russian).

Shishlina, N. I., Larionova, Yu. O., Erlikh, V .R., Kovalev, D. S., vann der Pliht, J. 2015. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 238, 262–276 (in Russian).

Bochkarev, V. S. Kuznetsov, P. F. 2023. *Chariots in Antiquity. Essays in Honour of Joost Crouwel. BAR International Series*. 3159, 151–178 (in English).

Epimakhov, A. V., Zazovskaya E. P. 2022. In *Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*, 117–126 (in English).

Hollund, H. L., Higham, T., Belinskij, A., Korenevskij, S. 2010. In *JAS*, 37, 2971–2983 (in English).

Kristiansen, K., Larsson ,T. B. 2005. *The Rise of Bronze Age Society: Travels, Transmissions and Transformations.* Cambridge: Cambridge University Press (in English).

Rasmussen, S., Allentoft, M. E., Nielsen, R. et al. 2015. In *Cell* 163 (3), 571–582 (in English).

Shishlina, N. I., Kiseleva, D. V., Kuptsova, L. V., Okuneva, T. G., Soloshenko, N. G., Shagalov, E. S., Faizullin, I. A. 2020. In *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 October 2020,* 137–150 (in English) .

Shishlina, N., Orfinskaya, O., Kiseleva, D., Mamontova, A., Kuptsova, L., Gozslar, T. 2022. In *Exploring ancient textiles. Oxbow book,* 69–83 (in English).

About the Authors:

Kuptsova Lidiya V., candidate of Historical Sciences, Leading researcher at the Department of Scientific Research of the Orenburg State Pedagogical University; orelin.84@mail.ru

Mednikova Maria B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Department of Theory and Methodology of IA RAS; Chief Researcher at the Department of Scientific Research of Orenburg State Pedagogical University; medma_pa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.210.223

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТЕПЯХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ[1]

©2025 г. И.П. Алаева, И.В. Молчанов

В статье рассматриваются новые памятники абашевской культуры, выявленные в степной части Южного Зауралья. На поселениях Коноплянка 2-2 и Заря-1 раскопками исследованы участки культурного слоя абашевской культуры. На поселении Большая Березовая-2 в комплексе более позднего времени вычленены материалы абашевской культуры. Керамический комплекс поселений представлен сосудами абашевской культуры (в ее приуральском варианте) без черт синкретизма и без признаков синташтинской культуры. В коллекциях представлены свидетельства металлургии. Новые памятники выявлены на территории неукрепленных поселений более поздних эпох бронзового века, со спецификой размещения на других участках тех же площадок. Кроме того, в локализации поселений абашевской культуры в степной зоне Южного Зауралья отмечена проявленная закономерность в расположении на противоположном берегу, напротив укрепленных поселений синташтинского времени. Распространение памятников абашевской культуры в степях Южного Зауралья, вероятно, можно связать с поиском и освоением медных месторождений. Кратковременность существования абашевских поселков, расположенных рядом с синташтинскими укрепленными поселениями, возможно, обусловлена усилением синташтинских центров Южного Зауралья.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, степи, бронзовый век, абашевская культура, синташтинская культура, поселения, укрепленные поселения

NEW ABASHEVO CULTURE SITES IN THE STEPPES OF THE SOUTHERN TRANS-URALS[2]

I.P. Alaeva, I. V. Molchanov

The article deals with the new sites of the Abashevo culture identified in the steppe region of the Southern Trans-Urals. At the settlements Konoplyanka 2-2 and Zarya-1 the excavations identified areas of the Abashevo cultural layer. At the Bolshaya Berezovaya-2 settlement, materials from the Abashevo culture were distinguished within a assemblage of a later period. The pottery assemblage of settlements is represented by Abashevo culture wares (in its Ural variant) without features of syncretism and without signs of the Sintashta culture. These new sites were identified within the territory of unfortified settlements from later Bronze Age periods, with the specific feature of being located on different parts of the same sectors. Moreover, in the steppe zone of the Southern Trans-Urals, a distinct pattern has been noted in the location of Abashevo culture settlements: they are consistently situated on the opposite bank, directly across from fortified Sintashta-period settlements. The spread of Abashevo culture sites in the steppes of the Southern Trans-Urals can probably be linked to the search for and exploitation of copper ore deposits. The short-term existence of Abashevo settlements located near the Sintashta fortified settlements was possibly caused by the strengthening of the Sintashta centers of the Southern Trans-Urals.

Keywords: archaeology, Southern Trans-Urals, steppes, Bronze Age, Abashevo culture, Sintashta culture, settlements, fortified settlements

Введение

Ареал абашевской культуры простирается от донского региона до Уральских гор. Выделены варианты абашеской культурно-исторической общности: донно-волжский, средневолжский, южно-уральский (приуральский/

[1] Работа выполнена в рамках госбюджетной темы Института истории и археологии УрО РАН 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования» (Алаева И.П., Молчанов И.В.).

[2] The work was carried out as a part the state budget theme of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS 124032100052-6 "Cultural space of the Urals: archaeological and ethnological research" (Alayeva I.P., Molchanov I.V.).

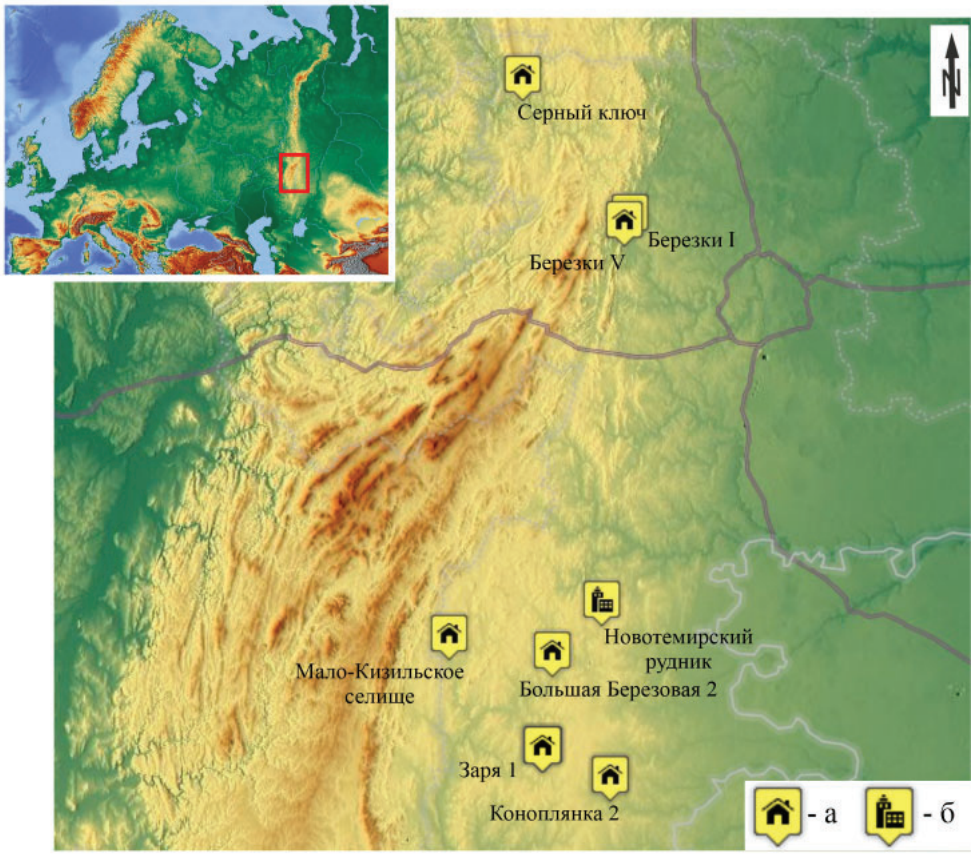


Рис. 1. Абашевские памятники Южного Зауралья (а –поселения, б -рудник).
Fig. 1. Abashevo sites of the Southern Trans-Urals (a – settlements, б – mine).

баланбашский) (Сальников, 1967; Горбунов, 1986; Пряхин, Халиков, 1987, с. 126). Признаваемый вектор распространения культуры ориентирован с запада на восток. Появление в уральском регионе (территория Башкирии и Оренбуржья) рассматривается как восточная периферия, в результате расселения.

Восточная граница абашевской культуры устанавливалась по границе уральских гор. Уральский рубеж связывался не столько с трудностью преодоления горных вершин, сколько с естественным рубежом и границей распространения широколиственных лесов. Последние рассматриваются в качестве основы жизнеобеспечения, экономики абашевской культуры (Кузьмина, 2000, с. 107, рис. 1; Епимахов, Чуев, 2011, с. 47).

Единичные памятники, перешагнувшие уральский рубеж, были выявлены в предгорной полосе Южного Зауралья - поселение Мало-Кизильское (Сальников, 1967) и в горно-лесной зоне: поселок металлургов – Серный Ключ (Борзунов и др., 2020), в этой же зоне, на берегах озера Аргази, известны и разведочные сборы керамики абашевской культуры на поселениях Березки I, Березки V (Обыденнов, Шорин, 1993). Проникновение абашевской культуры в Южное Зауралье рассматривалось как спорадическое, приуроченное к горно-лесной зоне.

Несмотря, на единичность памятников, Сальников К.В. предполагал существования отдельного локального варианта (магнитогорского) абашевской культуры в Зауралье (Сальников, 1967, с. 124-127). Но, так как за полвека не произошло существенного пополнения в списке поселений, могильников абашевской культуры, - исследователи посчитали недостаточным количество памятников для выделения отдельного локального варианта на территории Южного Зауралья (Епимахов, Епимахова, 2006, с. 52).

По результатам исследований был выявлен/атрибутирован ряд новых памятников абашевской культуры в глубине степной зоне Южного Зауралья. Этот факт позволяет вновь обратиться к проблеме абашевской культуры в Южном Зауралье: обсуждению причин появления, культурно-хронологического соотношения с синташтинскими памятниками.

Археологические материалы новых памятников абашевской культуры

В степной зоне Южного Зауралья выявлены свидетельства присутствия абашевского культурного комплекса, на площадках неукрепленных поселений бронзового века (поселения Заря-1, Коноплянка 2, Большая Березовая-2) и, вероятно, на руднике Новотемирский (рис. 1).

Поселение Коноплянка 2-2

Поселение Коноплянка 2-2 занимает площадку на слабо выраженной береговой террасе, имеющей небольшой наклон в сторону левого берега современного русла р. Карагайлы-Аят. Оно расположено в 220 м от нее и примерно в 150 м к северо-востоку от старичного озерца, на высоте 3 м над урезом воды. В 40 м к юго-западу от абашевского поселения (рис. 5, 2:а) расположена срубно-алакульская линия жилищных впадин (рис. 5,2:б).

Раскопом площадью 224 кв. м. была полностью исследована постройка 1, небольшое пространство за ее пределами, а также часть примыкающей к ней постройки 2. Котлован полностью изученной постройки имеет размеры 11х8,5 м., площадь ее составляет около 93,5 кв. м. Он был углублен в материк на 20-30 см, что указывает на наземный характер постройки и, судя по расположению столбовых ямок, каркасно-столбовой тип конструкции. В средней части постройки 1 обнаружено 3 неглубоких (до 35 см) ямы. В ее северо-восточном углу зафиксированы остатки небольшой каменной печи, сложенной из камней тальковой породы. Пол постройки неровный (рис. 2: 1).

В ходе раскопок получена коллекция вещевого материала, количество позиций которого в коллекционной описи составило 702 находки (Молчанов, Корякова, 2022). Культурная атрибуция памятника основана на типологическом сходстве керамики Коноплянки 2.2, отмеченном в оформлении верхней части сосудов (слабая профилировка, плоский прямой или слегка отогнутый венчик), наборе элементов орнамента и примеси в виде раковины, с абашевской керамикой Мало-Кизильского селища, отнесенного К.В. Сальниковым к магнитогорскому варианту абашевской культуры. Общее число фрагментов керамических сосудов в коллекции составляет 501 фрагмент, большинство которых культурно неопределимо. Тем не менее, по венчикам выделено 38 сосудов (Корякова и др., 2020). Остальной инвентарь представлен фрагментами каменных орудий и единичными находками металлических, костяных и керамических изделий (Корякова и др., 2020, с. 62, 63). В слое поселения был представлен выраженный комплекс свидетельств металлопроизводства: металлургические шлаки, сплески, керамическое сопло (рис. 3: 2), изложница, для отливки фигурного слитка (рис. 3: 3).

Поселение Заря -1

Поселение располагается в Кизильском районе Челябинской области, на левом берегу реки Зингейка. Площадка памятника приурочена к мысовидному участку берега реки, высотой 3-7 м над уровнем воды в реке (рис. 5: 1). Поселение состоит из двух групп впадин, расстояние между группами составляет 100 м. Общая площадь поселения – 2,8 га. Шурфовкой поселения в ходе археологических разведок время бытования памятника связывалось со срубно-алакульским периодом бронзового века. В ходе разведки 2015 г., в шурфе на склоне берега, одним из авторов был обнаружен археологически целый сосуд уральской абашевской культуры (рис. 3, 14). В сезоне 2023 года в зоне шурфа 1 с абашевским сосудом был заложен раскоп, площадью 272 кв. м (рис. 3: 1). Раскоп был вытянут по склону, с перепадом высот в 2,5 метра. Вытянутая конфигурация раскопа обусловлена необходимостью связать шурф 1 и часть впадины (предполагаемого жилища) на ровной площадке террасы.

Общая мощность напластований в раскопе составила 70-80 см и была представлена темно-серым гумусированным грунтом. В северной, нижней части, на склоне, погребенная почва не была срезана. На уровне древней поверхности локализовались скопления камней с термическим воздействием. Области скопления (объект 1 и объект 3) определены в качестве «каменок» (отопительных сооружений). Рядом с объектом 3 (каменкой) были обнаружены развалы двух археологически целых сосудов, крупных банок, объемов в 6-9 литров (рис. 3: 14, 15). В 4 метрах к западу от этой инсталляции (каменка плюс сосуды) в борту раскопа локализовался очаг с золой в небольшом углублении (рис. 3: 1).

В южной части раскопа, на ровной площадке надпойменной террасы древний почвенный горизонт был срезан до материка. По линии 11 выявлены две структуры: углубле-

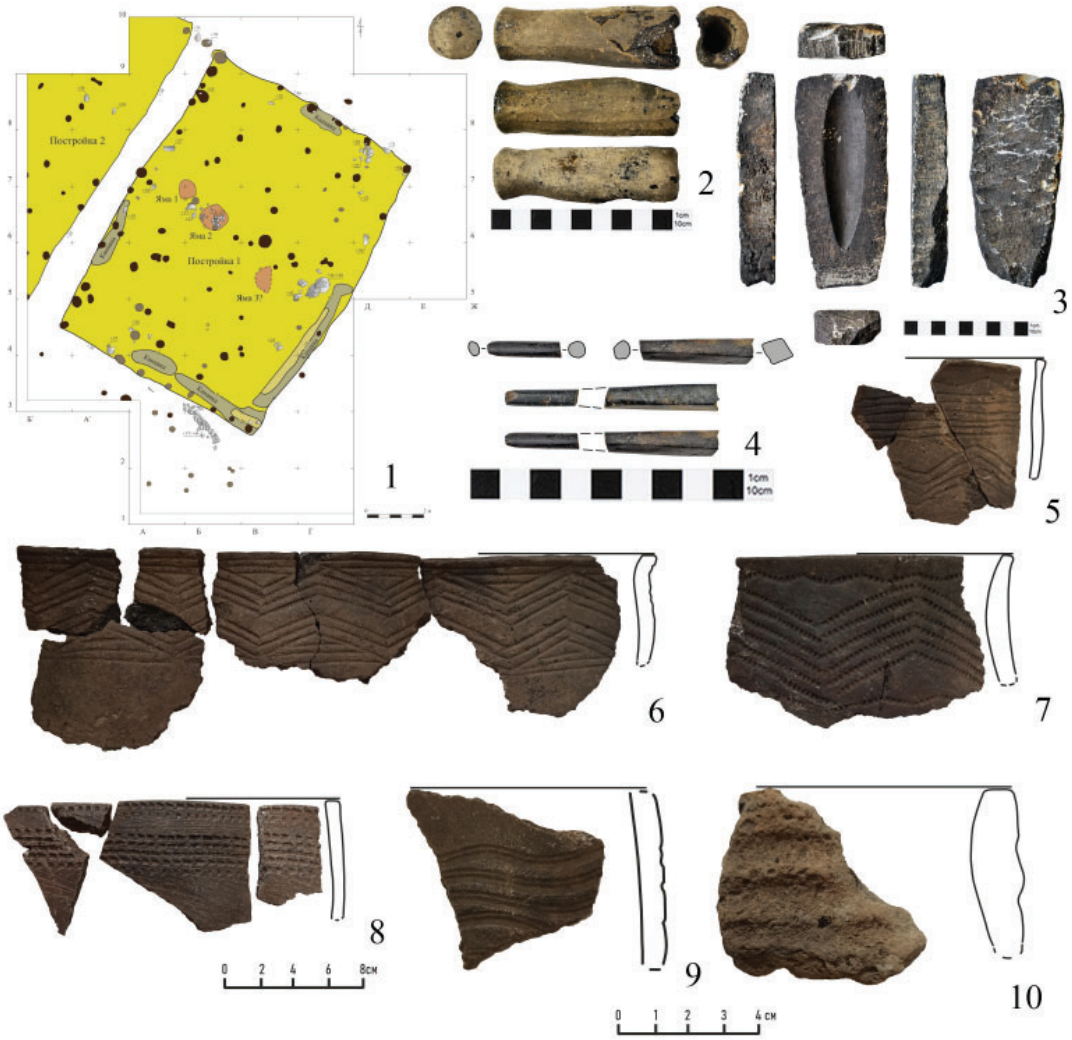


Рис. 2. Поселение Коноплянка 2-2: 1 – постройка на плане раскопа 2019, 2021 гг., 2 – керамическое сопло; 3 – каменная изложница; 4 – костяная проколка; 5-10 – фрагменты керамики из раскопа (фото: Булакова Е.А.).
Fig. 2. Konoplyanka 2-2 settlement: 1 – building on the plan of the excavation in 2019, 2021, 2 - ceramic nozzle; 3 – stone mold; 4 – bone borer; 5 - 10 – ceramic fragments from the excavation (photo by Bulakova E.A.).

ние в материк и котлован постройки (структура 1). Зафиксированы 50 ямок от столбов, вытянутых в линии, вдоль структур 1 и 2. На краю постройки 1 расчищены обугленные плахи (вероятного перекрытия/крыши), ориентированные в продольном направлении, в сторону продолжения постройки. На дне второго углубления (структура 2) обнаружены пятна прокаленного грунта. На уровне материка, и в пределах структур выявлены фрагменты сосудов абашевской культуры (рис. 3: 2-13).

Специфика раскопа, заложенного в пределах жилого и внежилого пространства, обусловила и специфику материала. В раскопе зафиксировано 1087 единиц фрагментов керамики, с зонами концентрации в нижней и верхней части площадки. Значительную часть керамического комплекса составляла коллекция сильно измельченных фрагментов: 87% всей керамики имели размер до 4×4 см, более половины из них составляли фрагменты с площадью поверхности менее чем 2×2 см. Измельченность керамического материала, вероятно, определяет характер археологизации – за пределами постройки, на улице, на склоне к реке.

Помимо керамики в коллекции были представлены 300 единиц кремня (сколы, отщепы, изделия), россыпи камней с термическим воздействием, кости животных (68 единиц) и мелкие кальцинированные кости животных.

В керамическом комплексе поселения Заря-1 было выделено две стилистические группы. К первой группе отнесены баночные сосуды, с красным цветом поверхно-

сти, и с каннелюрами по шейке (рис. 3: 2-5). Целые сосуды, обнаруженные около каменки на склоне берега, относились именно к этой группе (рис. 3: 14-15). Сосуды второй группы более разнородны по цвету и составу формовочной массы, но имеют другой отличительный признак – использование помимо каннелюр геометрических композиций и крупно-гребенчатого штампа (рис. 3: 6-13). Большая часть сосудов второй группы была приурочена непосредственно к зонам построек по линии 10 и 11.

По результатам исследований 2023 г. можно заключить, что на площадке памятника зафиксированы свидетельства жизнедеятельности абашевской культуры в виде остатков построек и хозяйственно-бытовой зоны на склоне реки. В коллекции 2023 года практически все сосуды принадлежали абашевской культуре, фрагменты иных культур (несмотря на близость расположения) выявлены не были.

Поселение Большая Березовая-2

Неукрепленное поселение расположено в Нагайбакском районе Челябинской области на берегу реки Гумбейка. Памятник занимает площадку трапециевидного мыса, высотой 3-4 м над урезом воды в реке. Визуально на поверхности фиксировались 3 впадины, организованные в два ряда. Общая площадь поселения составляла около 3000 кв. м. В 2006-2011 г. на территории памятника был заложен раскоп площадью 756 кв.м, была вскрыта южная линия состоящая из трех построек (Алаева, 2014). Все три постройки, две из которых были сблокированы длинными сторонами и располагались параллельно друг другу, были возведены в традициях алакульской культуры. В керамической коллекции, состоящей из 3000 фрагментов керамики, около 90 процентов сосудов принадлежало алакульской культуре, частично с влиянием срубной культуры.

Между тем, за пределами построек, в зоне переотложенного слоя был обнаружен ряд предметов, которые позволительно связать с абашевской культурой (рис. 4, I). К абашевской культуре принадлежали фрагменты керамического сосуда с прямыми стенками и широкими желобками по шейке (рис. 4, II: 5-6). Ниже под прочерченной полосой был нанесен ряд наклонных оттисков и двухрядный зигзаг. Поверхность сосуда пористая, в тесте обильная примесь раковины. Сосуд был представлен не менее чем 7 фрагментами керамики, которые не состыковались между собой.

При последующем разборе коллекции нами было выдвинуто предположение, что часть предметов из переотложенного слоя может также соотноситься с абашевским культурным комплексом. Предположительно к этому комплексу можно отнести: створки керамической литейной формы для отливки металлического крестовидного навершения булавы (рис. 4, II:1). Реконструкция навершия (рис. 4, II:2), отлитого по слепку с формы, оказалась очень близка каменным крестовидным изделиям памятников, связанных с абашевской культурой: поселения Мало-Кизильское, Тюбяк (Бахшиев, 2007; Епимахов, 2013, с. 31). Хотя именно металлическое крестовидное навершие известно только в погребении раннесрубной культуры (Малов, 1991). Также к абашевскому комплексу можно отнести единственное на памятнике изделие из мышьяковистой бронзы – рыболовный крючок (рис. 4, II: 3) и фрагмент ножки плавильной чаши со следами воздействия высоких температур (рис. 4, II: 4). Плавильные чаши с характерной ножкой как отдельная категория находок встречается в бронзовом веке Южного Урала только в памятниках абашевской культуры (Халиков и др., 1966, с. 68; Горбунов, 1986, с. 85).

Обнаруженные в переотложенном слое алакульского поселения предметы абашевского круга, вероятно, могут указывать на существовании на этой же площадке освоенного пространства в более ранний период бронзового века.

Кроме того, в верхних слоях заполнения постройки 3 был обнаружен небольшой фрагмент шейки с характерным «косым срезом» синташтинской культуры (рис. 4, II: 5, 7). Обнаружение на поселении синташтинской керамики служит дополнительным аргументом к освоению площадки памятника в более раннее время, чем срубно-алакульский период.

Рудник Новотемирский

Вероятно, к кругу свидетельств абашевского культурного комплекса можно добавить и материалы Новотемирского рудника, выявленного в Чесменском районе на берегу реки Темир-Зингейка (рис. 1). Рудник разрабатывался на протяжении всего бронзового века (Анкушева и др., 2022а; Ankusheva и др., 2022с). На площадке рядом с карьером был обнаружен очаг, на дне которого вместе

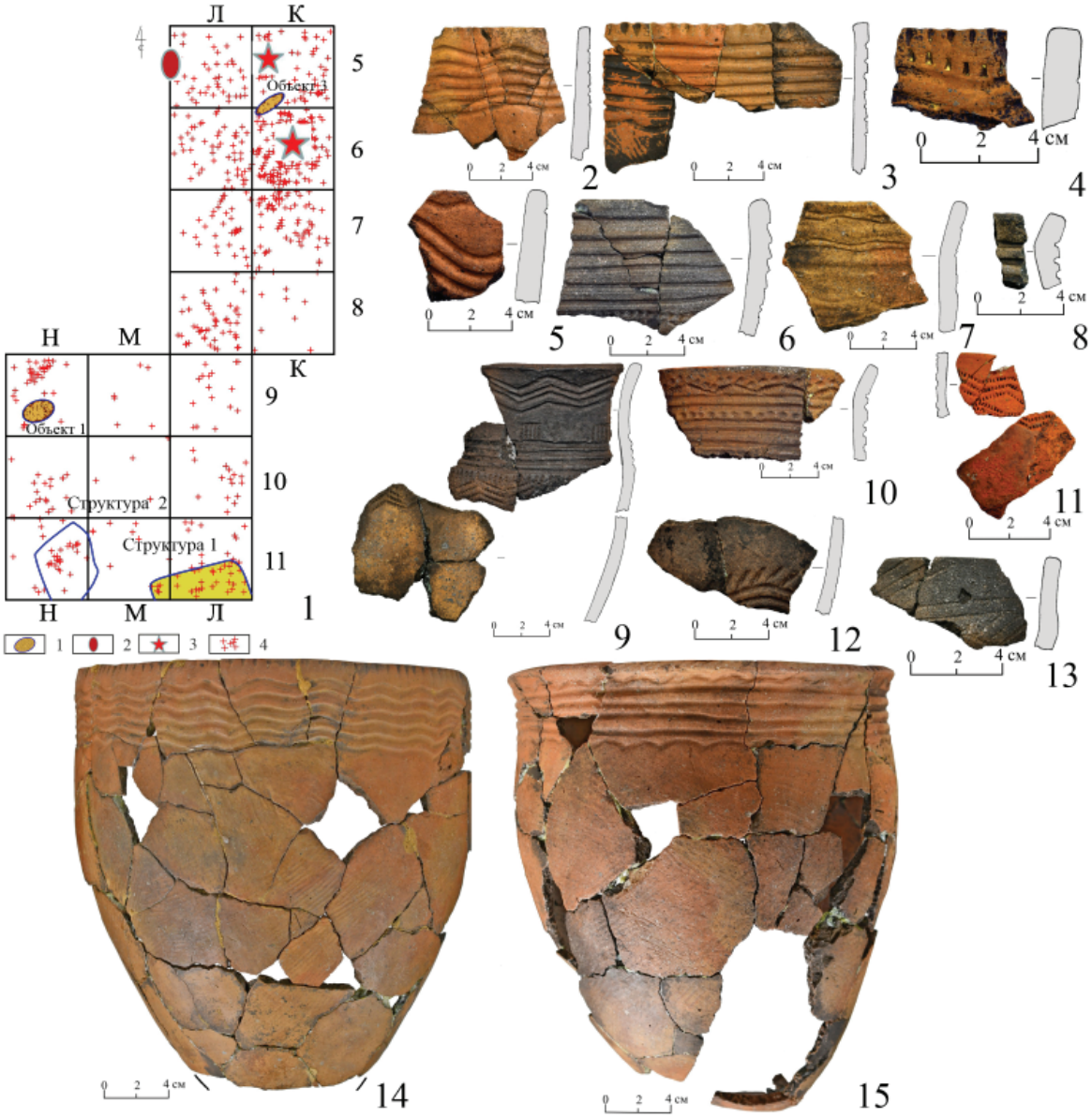


Рис. 3. Поселение Заря 1. 1 – План раскопа 2023 г.: *1* – очаги-каменки, *2* – очаг с золой, *3* – точки локализации целых сосудов, *4* – распространение фрагментов керамики; 2 – 13 – фрагменты керамических сосудов из раскопа; 14 – целый сосуд из квадрата 6 К; 15 – целый сосуд из квадрата 5 К.

Fig. 3. Zarya 1 settlement. 1 – Plan of the excavation in 2023: *1* – hearth-stones, *2* – hearth with ashes, *3* – points of localization of intact vessels, *4* – distribution of ceramic fragments; 2 - 13 – fragments of ceramic vessels from the excavation; 14 – intact vessel from square 6 K; 15 – intact vessel from quadrant 5 K.

с металлургическим шлаком обнаружены фрагменты керамики с примесью раковины в тексте. Минералогические особенности шлаков указывали на их сходство с отходами металлургического производства абашевской культуры. Датировка угля из металлургического очага подтверждает возможную связь со временем существования абашевских и синташтинских памятников (Анкушева и др., 2022б). Приведенные данные могут указывать на вероятное участие абашевского населения в разработке медных рудников на территории степей Южного Зауралья.

Обсуждение результатов и дискуссии

В представленных памятниках абашевского культурного комплекса в степях Южного Зауралья можно отметить ряд отличительных черт.

Новые памятники были обнаружены на площадках, занятых более поздними поселками алакульской, срубной культуры и культурами заключительного этапа бронзового

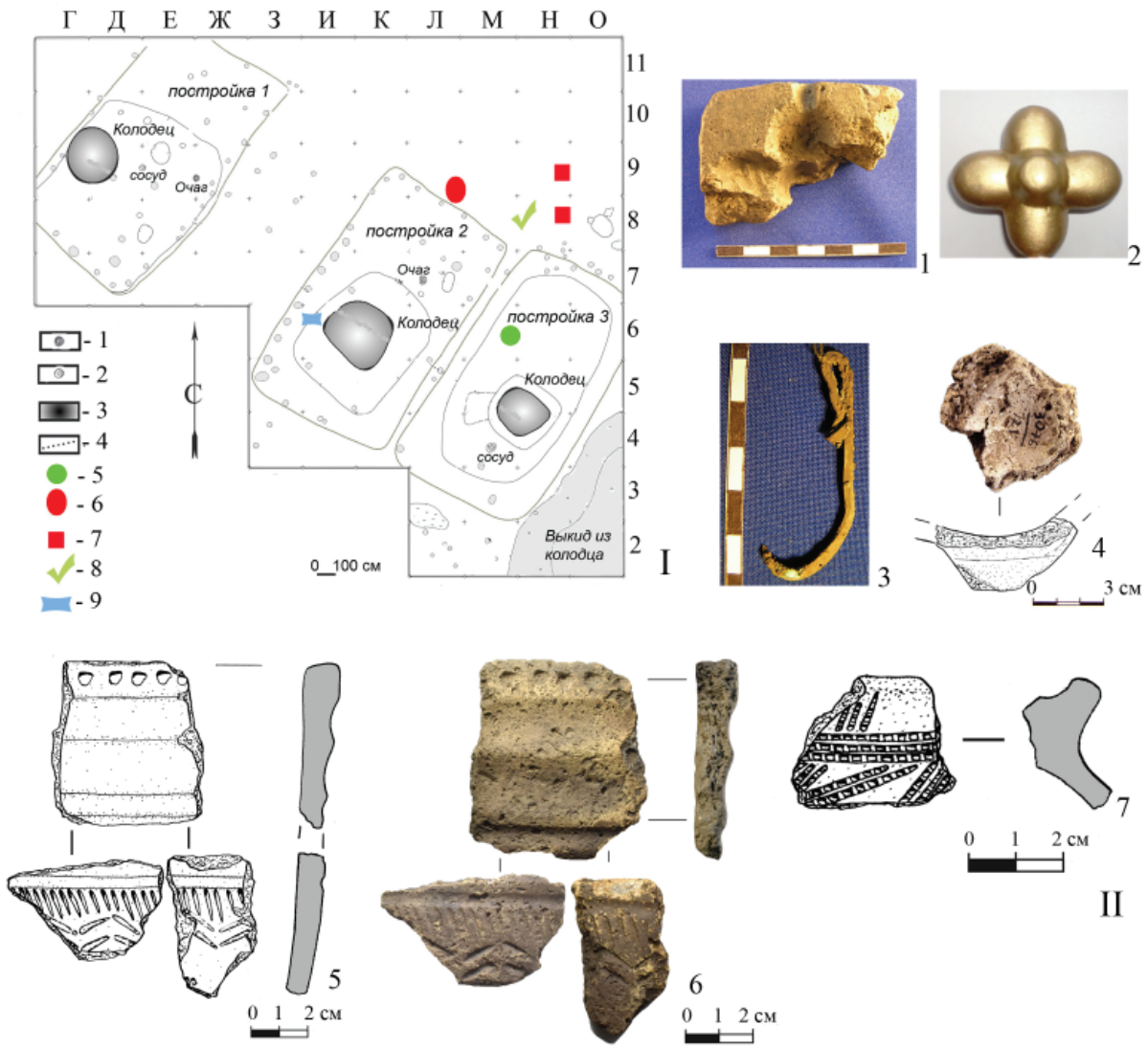


Рис. 4 Поселение Большая Березовая-2. Предполагаемый абашевский комплекс на площадке алакульского поселения. I – План раскопа поселения с локализацией предметов абашевского комплекса: 1 – ямки от столбов, 2 – очаги, 3 – колодцы, 4 – границы построек, 5 – фрагмент синташтинской керамики, 6 – фрагменты сосуда абашевской культуры, 7 – створки керамической литейной формы для отливки крестовидной булавы, 8 – рыболовный крючок из мышьяковистой бронзы, 9 – фрагмент ножки плавильной чаши; II – Предметы: 1 – фото створки литейной формы металлической булавы (фото Н.Б. Виноградова), 2 – фото реконструкции крестовидной булавы, 3 – фото рыболовного крючка из мышьяковистой бронзы (фото Н.Б. Виноградова), 4 – фрагмент ножки плавильной чаши, 5 – фрагменты сосуда абашевской культуры (рисунок), 6 – фото фрагментов абашевского сосуда; 7 – фрагмент шейки синташтинской культуры.

Fig. 4. Bolshaya Berezovaya-2 settlement. Presumed Abashevo complex on the site of the Alakul settlement. I – Excavation plan of the settlement with localization of the Abashevo complex objects: 1 – pits from the posts, 2 – hearths, 3 – wells, 4 – boundaries of buildings, 5 – fragment of Sintashta pottery, 6 – fragments of Abashevo culture vessel, 7 – details of a ceramic casting mold for casting a cross-shaped mace, 8 – fishing hook from arsenic bronze, 9 – fragment of a melting-pot; II – Objects: 1 – detail of the metal mace casting mold (photo by N.B. Vinogradov), 2 – photo of the cross-shaped mace reconstruction, 3 – photo of the fishing hook made of arsenic bronze (photo by N.B. Vinogradov), 4 – fragment of the foot of the melting-pot, 5 – fragments of the Abashevo culture vessel (drawing), 6 – photo of the Abashevo vessel fragments; 7 – fragment of the neck of the Sintashta culture.

века. Но, при этом зона освоения абашевского времени и более поздних эпох фактически не пересекалась. На поселении Коноплянка 2, абашевский поселок находился в другой части площадки (рис. 5: 2) На поселении Заря-1, постройка абашевской культуры зани-

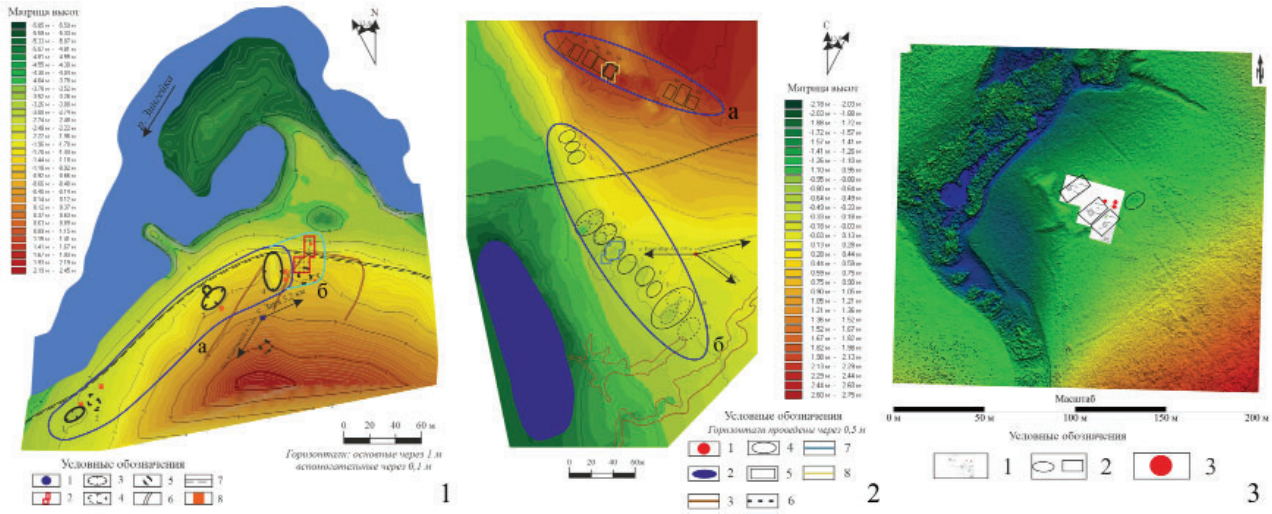


Рис. 5 Топография площадок неукрепленных поселений с локализацией участков с абашевским культурным комплексом.1 – Поселение Заря-1, топографический план площадки с границами поселений (а – граница площадки с впадинами позднего и заключительного этапа бронзового века, б – границы участка с абашевским культурным слоем): 1 – точка съемки, 2 – раскоп 2023 года, 3 – впадины, 4 – вероятные впадины, 5 – курган Заря-3, 6 – дорога, 7 – траншея опашки, 8 – шурфы разных лет; 2 – Поселение Коноплянка 2, топографический план площадки с границами поселений (а – граница построек срубно-алакульской и черкаскульской культуры, б – ряд построек абашевской культуры): 1 – точка съемки, 2 – старичное озеро; 3 – овраг; 4 – граница жилищных впадин, фиксируемых на поверхности; 5 – граница жилищных впадин, выявленных магнитометрией; 6 – предполагаемые границы жилищных впадин; 7 – граница раскопа 1 (2018-2021 гг.); 8 – граница раскопа 2 (2019, 2021 гг); 3 – Поселение Большая Березовая-2, цифровая модель поверхности: 1 – раскоп 2006-2011 г., очертания построек и впадин, 3 – точки локализации материала абашевской культуры.

Fig. 5. Topography of the sites of unfortified settlements with localization of areas with the Abashevo cultural complex. 1 – Zarya-1 settlement, topographic plan of the site with settlement boundaries (a – boundary of the site with hollows of the late and final stage of the Bronze Age, б – boundaries of the site with the Abashevo cultural layer): 1 – survey point, 2 – 2023 excavation, 3 – hollows, 4 – probable hollows, 5 – Zarya-3 barrow, 6 – road, 7 – planking trench, 8 – test pits of different years; 2 – Konoplyanka 2 settlement, topographic plan of the site with settlement boundaries (a – boundary of structures of the Srubnaya-Alakul and Cherkaskul cultures, б – a number of the Abashevo culture buildings): 1 – survey point, 2 – oxbow lake; 3 – ravine; 4 – boundary of dwelling hollows fixed on the surface; 5 – boundary of dwelling hollows revealed by magnetometry; 6 – presumed boundaries of dwelling hollows; 7 – boundary of excavation 1 (2018-2021); 8 – boundary of excavation 2 (2019, 2021). 3 – Bolshaya Berezovaya-2 settlement, digital surface model: 1 – 2006-2011 excavation, outlines of buildings and hollows, 3 – localization points of Abashevo culture material.

мала самый край площадки поселения (рис. 5: 1). На поселении Большая Березовая- 2 слой абашевской культуры еще не обнаружен, так как полевые работы по выявлению структуры памятника еще не проведены.

Отсутствие свидетельств наложения абашевского и последующего срубно-алакульского культурного слоя на совместных площадках поселений Южного Зауралья, возможно, связано с меандрирующими руслами степных рек. Геоморфологические особенности долин степных рек обуславливают довольно частое изменение русла. Так для участка реки Гумбейка в месте локализации поселения Большая Березовая-2 на аэрофотоснимке 1956 г. отмечено значительное отклонение русла реки от площадки памятника в сравнении с современным руслом, вплотную примыкающего к поселению. Абашевский поселок Коноплянка 2-2 также локализовался на берегу старого русла, в отличие от срубно-алакульского, расположенного близко к современному руслу. Возможно, именно изменение русла рек обусловили приуроченность поселков к разным участкам берега. Либо выбор площадки был обусловлен спецификой хозяйственно-бытовых запросов.

Мы лишь можем свидетельствовать, что этот выбор площадки абашевским населением отличался от предпочтений срубно-алакульского. Возможно, именно поэтому выявление абашевского культурного слоя на памятниках Южного Зауралья происходит эпизодично.

На сегодняшний день в степной зоне раскопками исследовано три поселенческих памятника абашевской культуры: Мало-

Кизильское селище (три раскопа 1949, 1950 гг.), Коноплянка 2-2 (два раскопа 2019, 2021 гг.) и поселение Заря I (раскоп 2023 г.). Сравнительный анализ параметров насыщенности культурного слоя трех памятников указывает на сходство слоев поселений с некоторыми отличиями (Таблица 1). Для всех трех поселений отмечена сходная степень насыщенности слоя керамическими сосудами: на 1 кв. м. на всех поселениях устойчиво приходится 0,1 сосуда. Выявлено наличие металлургических шлаков, изделий из камня и металла. Отличия заключаются в насыщенности слоя костями животных. В раскопе поселения Коноплянки 2-2 выявлено значительное количество костей животных (2979 ед.), что объясняется концентрацией пищевых остатков в постройках. Количество костей животных поселения Мало-Кизильское было ограничено – 153 ед. В раскопе 1 поселения Заря-1, расположенного вне построек, количество костей незначительно (68 ед.), но при этом слой оказался насыщен мелкими пережженными костями (155 ед.).

Кроме того, коллекция поселения Заря-1 состояла из многочисленных измельченных сплески, сопло, изложница. При этом, в раскопе 2023 г. на поселении Заря-1 свидетельства металлургии практически не были проявлены (были обнаружены лишь фрагменты керамического шлака). Вероятно, специфика слоя поселения Заря-1 обусловлена закладкой раскопа на склоне берега реки, вне жилого пространства.

В целом, насыщенность находками культурного слоя абашевской культуры несколько уступала насыщенности слоев поселений бронзового века Южного Зауралья: синташтинского, срубно-алакульского периодов (по данным полевых отчетов авторов раскопок).

Одной из отличительных черт новых памятников можно назвать - атрибуцию поселений в качестве абашевских, без синкретизма и примеси синташтинских черт. Керамические комплексы поселений Южного Зауралья находят точные аналогии в комплексах Приуралья по составу формовочных масс, форме сосудов, элементам и технике орнаментации. В керамике поселений Заря-2, Коноплянка 2-2, Большая Березовая-2 не зафиксировано проявления черт синташтинской культуры.

Таблица 1 Параметры насыщенности слоя находками на поселениях абашевской культуры Южного Зауралья
Table 1 Parameters of the layer artifact density at Abashevo culture settlements in the Southern Trans-Urals

Параметры сравнения	**Мало-Кизильское** (1949 г., 1950 г.)	**Коноплянка 2-2** (2019 г., 2021 г.)	**Заря-1** (2023 г.)
S раскопа (в кв. м)	426 км. м	224 кв.м	272 кв.м
Количество фрагментов керамики	1270 (за 1950 г.)	501	1087
Количество выделенных сосудов	50+ сосудов	38 сосудов	25 сосудов
Количество костей животных	153 ед.+ костяки КРС	2979 ед.	68 ед.
Обожженные кости	?	+	155 ед.
Металлургические шлаки	+	+	?
Изделия из металла	+	+	-
Изделия из камня	+	+	+

фрагментов керамики, локализующихся за пределами жилого пространства. Вероятно, различия в количестве костей животных, в степени фрагментации керамики в слоях абашевских поселений можно объяснить разницей участков поселений попавших в зону раскопов.

Помимо костей и керамики, в коллекциях поселений представлены и свидетельства металлургического производства: шлаки,

В результате картографирования новых памятников была обнаружена локализация абашевских поселений напротив и рядом с синташтинскими укрепленными центрами (рис. 6, 7). Геопозиция площадок синташтинского времени находилась ниже, чем высота площадок абашевских поселений.

Абашевский поселок Коноплянка 2-2 располагался на противоположном берегу реки в 600 м от укрепленного поселение Коно-

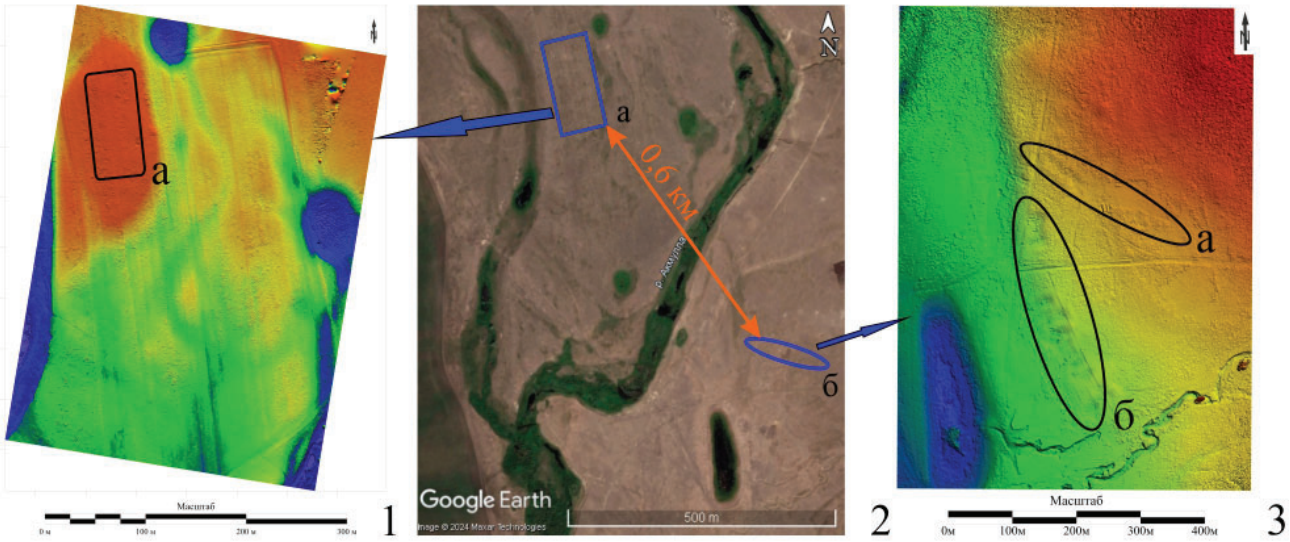


Рис. 6 Локализация абашевского поселения Коноплянка 2-2 напротив укрепленного поселения Коноплянка. 1 – Цифровая модель поверхности укрепленного поселения Коноплянка (а– границы укреплений); 2 – расположение укрепленного поселения Коноплянка (а) и поселения Коноплянка 2-2 на карте (снимок Google); 3 – Цифровая модель поверхности поселения Коноплянка 2 с участками поселка позднего времени (б) и поселка абашевской культуры (а).

Fig. 6 Localization of the Abashevo settlement Konoplyanka 2-2 opposite the fortified settlement Konoplyanka. 1 – digital model of the surface of the Konoplyanka fortified settlement (a– boundaries of the fortifications); 2 – location of the Konoplyanka fortified settlement (a) and the Konoplyanka 2-2 settlement on the map (Google image); 3 – digital model of the surface of the Konoplyanka 2 settlement with areas of the late time settlement (б) and the Abashevo culture settlement (a).

плянка (рис. 6: 2). Если укрепленное поселение Коноплянка занимало возвышенность на террасовом острове, в 2–2,5 м выше уровня уреза воды, то неукрепленное поселение Коноплянка 2-2 занимало площадку на более высокой геопозиции, на уровне 3 –4 метров (Корякова и др. 2020, с. 63).

Поселение Заря-1 локализовалось на противоположном берегу, рядом с укрепленным поселением Сарым-Саклы (рис. 7). Площадка с выявленным культурным слоем абашевской культуры на Заре- 1 локализовалась на высоком берегу, на уровне 3-5 метров от берега. В 1,5 км к востоку от поселения, на противоположном берегу и на мысу, высотой 2 м над уровнем современной поймы, было расположено укрепленное поселение Сарым-Саклы (рис. 7: 3)

На сегодняшний день, значительная часть исследователей разделяют мнение о синхронизации существования синташтинских и абашевских, в том числе, и синкретичных (синташтинско-абашевских) памятников на территории Предуралья и Южного Зауралья (Епимахов, 2020; Епимахов, Чуев, 2011, с. 47; Купцова, Евгеньев, 2019, с. 221).

Особенность расположения выявленных поселений абашевской культуры напротив укрепленных поселений синташтинского времени, с учетом свидетельств хронологического сосуществования памятников абашевской и синташтинской культуры, может быть названа не случайной. Обустройство поселений абашевской и синташтинской культур на разных площадках при условии частичной синхронизации, вероятно, указывает на преднамеренное дистанцирование друг от друга. В то же время, отсутствие синташтинских черт в керамическом комплексе абашевских поселений, как и свидетельства чуть более раннего существования абашевского поселка Коноплянка 2-2 (XXI–XIX вв. до н. э.) в сравнении с синташтинским укрепленным поселением Коноплянка (XX–XIX вв. до н. э.) (Корякова и др., 2020, с. 69), возможно указывает на более раннее, самостоятельное появление абашевской культуры в степной части Южного Зауралья.

Свидетельства присутствия абашевского субстрата в синташтинском комплексе, вероятно, появляются немногим позднее, во время функционирования укрепленных поселений.

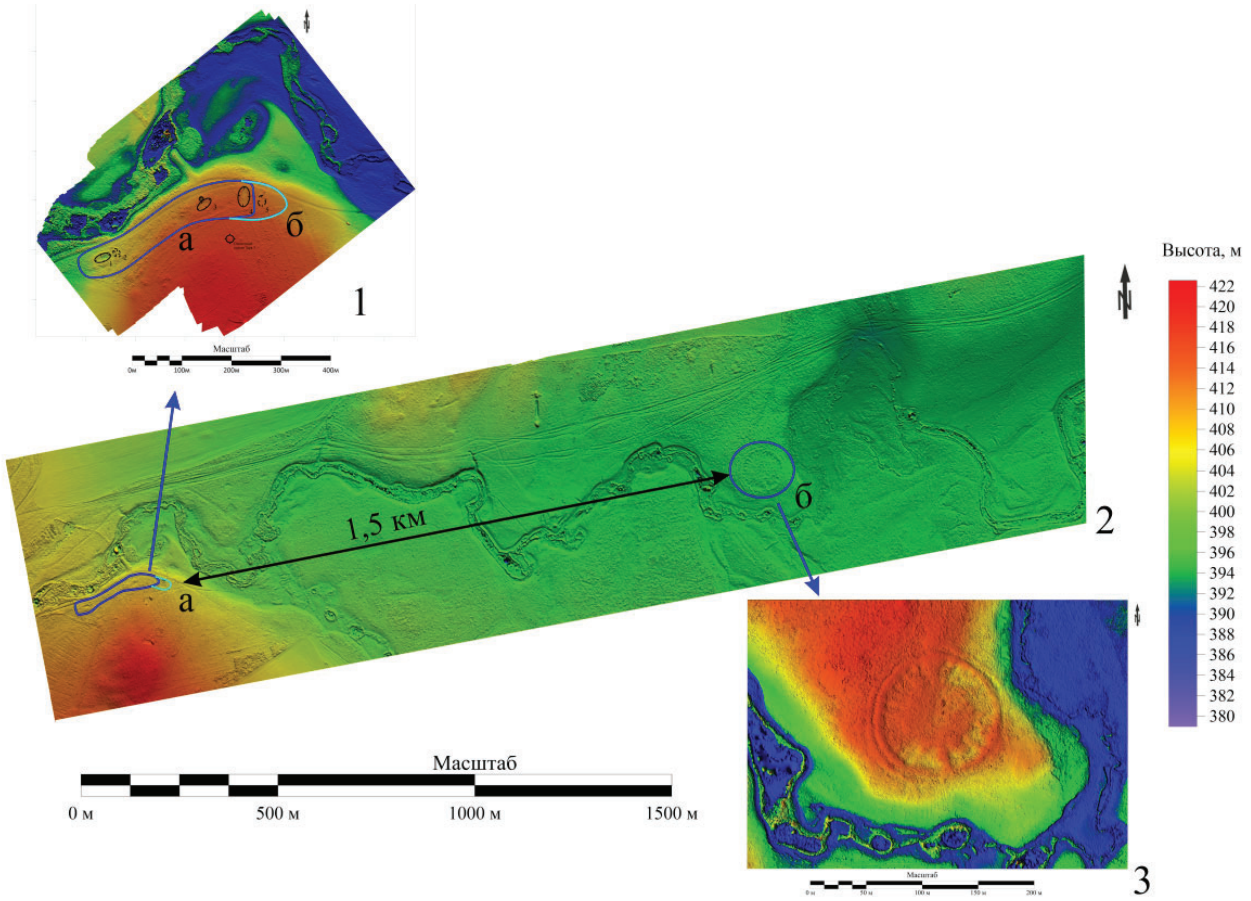


Рис. 7 Локализация поселения Заря-1 напротив укрепленного поселения Сарым-Саклы. 1 – Цифровая модель поверхности поселения Заря -1 (а – граница площадки позднего бронзового века, б – граница абашевского культурного слоя); 2 – Цифровая модель долины реки Зингейка с участками расположения поселений: Заря -1 (а) и Сарым-Саклы (б); 3 – Цифровая модель поверхности укрепленного поселения Сарым-Саклы.
Fig. 7 Localization of the Zarya-1 settlement opposite the Sarym-Sakly fortified settlement. 1 – digital model of the surface of the Zarya -1 settlement (a – boundary of the Late Bronze Age site, б – boundary of the Abashevo cultural layer); 2 – digital model of the Zingeika River valley with settlement location areas: Zarya -1 (a) and Sarym-Sakly (b); 3 – digital model of the surface of the Sarym-Sakly fortified settlement.

Абашевские признаки (форма, элементы орнамента, раковина в тесте сосуда) и влияние в синташтинской керамике отмечались в керамическом комплексе укрепленных поселений: Куйсак, Аркаим, Устье (Малютина, Зданович, 2004; Алаева и др., 2013, с. 157–158). Исследователями выделена отдельная категория памятников синкретичные абашево-синташтинские памятники на территории Южного Зауралья и на территории Оренбургского Предуралья (Епимахов, Чуев, 2011).

Причины расселения носителей абашевской культуры в Южное Зауралье рассматривались неоднократно, исследователи связывают этот процесс с целью освоения рудных источников. В историографической традиции устойчиво существуют представления о разработке абашевским населением как западных месторождений Приуралья (медистые песчаники), так и восточных, зауральских, основанные на данных спектрального анализа металлических изделий и руды из абашевских памятников Приуралья и Зауралья (Сальников, 1967, с. 67; Черных,1970, с. 109; Горбунов, 1986, с. 56; Горбунов В., Горбунов Ю., 2022; Русланов, 2014).

Заключение

Расширение зоны поселенческих памятников абашевской культуры в степях Южного Зауралья, вероятно, можно связать с освоением медных месторождений, на последнее, прямо указывает обнаружение фрагментов керамики с раковиной в тесте и специфических шлаков на дне горна Новотемирского рудника (Анкушева и др., 2022), выраженный металлургический характер поселков Мало-

Кизильское (Сальников, 1967), Коноплянка 2-2 (Корякова и др., 2020), Серный Ключ (Борзунов и др., 2020).

Синхронизация абашевской и синташтинской культуры в Южном Зауралье позволяет предполагать конкурентный характер взаимоотношений между ними. Расположения поселков напротив друг друга, разведение площадок заселения, вкупе с отсутствием синкретичных комплексов в керамике зауральских абашевских поселений, – указывают на попытку сохранения абашевских традиций, противостоянии попыткам ассимиляции. Впрочем, вероятно, последующее распространение абашевского субстрата в керамическом комплексе синташтинского времени может связываться с успешными действиями «синташтинских конкурентов» и растворении абашевского населения в культурном комплексе «страны городов».

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА. 2014. № 233. С. 33–45.

Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Анкушева П.С., Алаева И.П., Анкушев М.Н., Батанина Н.С., Блинов И.А., Рассомахин М.А., Чикунова И.Ю., Юминов А.М. Доисторические технологии горного дела: рудник Новотемирский в Южном Зауралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2022а. № 76. С. 166–179.

Анкушева П.С., Анкушев М.Н., Алаева И.П., Фомичев А.В., Блинов И.А., Артемьев Д.А. Медеплавильный горн на древнем руднике Новотемирский // Поволжская археология. 2022б. № 1 (39). С. 34–48.

Бахшиев И.И. К проблеме типологии крестовидных булав эпохи неолита – поздней бронзы археологических культур степной полосы Евразии и Северного Кавказа (историография вопроса) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 157–160

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. Серный Ключ – памятник абашевской “экспедиции” в горно-лесную зону Среднего Урала // РА. 2020. № 1. С. 117–131.DOI: 10.31857/S086960630003392-0

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: БГПИ, 1986. 95 с.

Горбунов Ю.В. Металлопроизводство у племен уральской абашевской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. XXI. С. 325–331.

Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. Рудные источники Южного Приуралья и их связь с поселенческими памятниками уральской абашевской культуры// Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 218–224.

Епимахов А.В. К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности каменных навершй булав бронзового века // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 29–36.

Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 51–60.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века / Отв.ред. Т. Г. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2006. С. 53-65.

Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 47–56.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелеева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 61–73. DOI:10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 65–134.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II / Отв. ред. А.В. Поляков, Е. С. Ткач СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 219–222

Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1991. С. 15–42.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82

Молчанов И.В., Корякова Л.Н. Орудия труда с поселения Коноплянка 2-2// Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 2. С. 341-351.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. университет, 1995. 196 с.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 124–130.

Русланов Е.В. Роль месторождений и рудопроявлений меди в формировании Береговского археологического микрорайона эпохи бронзы (Башкирское Приуралье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 23-34.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) / Труды МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 69 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172-1. М.: Наука, 1970. 180 с.

Ankusheva P.S., Zazovskaya E.P., Yuminov A.M., Ankushev M.N., Alaeva I.P., Epimakhov A.V. RADIOCARBON CHRONOLOGY OF BRONZE AGE MINES IN THE SOUTHERN TRANS-URALS: FIRST RESULTS // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. Т. 14. № 11. С. 1-24.

Информация об авторах:

Алаева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); alaevaira@mail.ru

Молчанов Иван Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); kolis@mail.ru

REFERENCES

Alaeva, I. P. 2014. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 233, 33–45 (in Russian).

Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals).* Chelyabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).

Ankusheva, P. S., Alaeva, I. P., Ankushev, M. N., Batanina, N. S., Blinov, I. A., Rassomakhin, M. A., Chikunova, I. Yu., Yuminov, A. M. 2022. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 76, 166–179 (in Russian).

Ankusheva, P.S., Ankushev, M.N., Alaeva, I.P., Fomichev, A.V., Blinov, I.A., Artemyev, D.A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 34–48 (in Russian).

Bakhshiev, I. I., 2007. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 157–160 (in Russian).

Borzunov, V. A., Stefanov, V. I., Beltikova, G. V., Kuzminykh, S. V. 2020. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 117–131 (in Russian).

Gorbunov, V. S. 1986. *Abashevskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya (Abashevo Culture of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute (in Russian).

Gorbunov, Yu. V. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* XXI, 325–331 (in Russian).

Gorbunov, V. S., Gorbunov, Yu. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 218–224 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2013. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 231, 29–36 (in Russian).

Epimakhov, A.V. 2020. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 4 (69), 51–60 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Epimakhova, M. G. 2006. In Obydennova, T. G. (ed.). *Uralo-Povolzhskaya lesostep' v epokhu bronzovogo veka (Ural-Volga forest-steppe during the Bronze Age).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 53–65 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Chuev, N. I. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2 (15), 47–56 (in Russian).

Koryakova, L. N., Krause, R., Panteleeva, S. E., Stolyarchik. E., Bulakova, E. A., Soldatkin, N. V., Rassadnikov, A.Yu., Molchanova, V. V., Ankushev, M. N., Molchanov, I.V., Yakimov, A.S., Fedorova, N.V., Noskevich, V.V. 2020. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 4 (69), 61–73 (in Russian).

Kuzmina, O.V. 2000. In *Drevnie obshchestva yuga Vostochnoy Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) (Ancient Societies at the South of Eastern Europe in Palaeometallic Epoch (early complex societies and the issues of cultural transformation)).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 65–134 (in Russian)

Kuptsova, L. V., Evgeniev, A. A. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) (Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; "Nevskaya Tipografiya" Publ., 219–222 (in Russian).

Malov, N. M. 1991. In Mironov, V. G. (ed.). *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 15–42 (in Russian).

Malyutina, T.S., Zdanovich, G.B. 2004. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 67–82 (in Russian).

Molchanov, I. V., Koryakova, L. N. 2022. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 2 (22), 341–351 (in Russian).

Obydennov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of the Ancient Ural Population (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).

Pryakhin, A. D., Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 124–130 (in Russian).

Ruslanov, E.V. 2016. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 15, 23–34 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimova, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiia Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172-1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ankusheva, P. S., Zazovskaya, E. P., Yuminov, A. M., Ankushev, M. N., Alaeva, I. P., Epimakhov, A. V. 2022. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 14 (11), 1–24 (in Russian).

About the Authors:

Alaeva Irina P, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation alaevaira@mail.ru

Molchanov Ivan V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; kolis@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.224.238

ОПЫТ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В ПРЕДУРАЛЬЕ[1]

© 2025 г. В.В. Овсянников

В статье рассматриваются результаты палинологического исследования культурных отложений на памятниках правобережья р. Белой в её среднем течении. В хронологическом отношении памятники относятся к периоду от финальной бронзы до развитого средневековья. Из 15 исследованных памятников на восьми получены представительные палинологические спектры. Основная часть данных относится к периоду существования кара-абызской культуры. Выделено восемь этапов смены растительности в исследованном регионе. Наиболее полные данные получены по второму – пятому этапам, относящимся к периоду IX-II вв. до н.э. Изменения растительности коррелируются с изменениями климата и культурно-историческими процессами. На основании проведенных исследований делается вывод о рукотворности лесостепных ландшафтов на правобережье среднего течения р. Белой в эпоху раннего железа, а также некотором сдвиге границ растительных зон в южной части исследованной территории.

Ключевыеслова: археология, Предуралье, финальная бронза, ранний железный век, эпоха средневековья, городище, поселение, культурный слой, палинология.

THE EXPERIENCE OF PALEOECOLOGICAL STUDY OF IRON AGE SETTLEMENTS IN THE FOREST-STEPPE FORE-URALS[2]

V.V. Ovsyannikov

The paper discusses the results of a palynological study of cultural deposits on the monuments of the right bank of the Belaya River in its middle part. Chronologically, the monuments belong to the period from the Late Bronze Age to the High Middle Ages. Representative palynological spectra were obtained from 8 out of the 15 studied sites. The main part of the data relates to the period of existence of the Kara-Abyz culture. Eight stages of vegetation change in the studied region have been identified. The most complete data were obtained for the second to fifth stages, dating back to the period of the IX–II centuries BC. Vegetation changes correlate with climate changes and cultural and historical processes. Based on the conducted research, a conclusion is made about the anthropogenic (human-made) nature of forest-steppe landscapes on the right bank of the middle part of the Belaya River in the Early Iron Age, as well as some shift in the boundaries of vegetation zones in the southern part of the studied area.

Keywords: archaeology, Fore-Urals, Late Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, hillfort, settlement, cultural layer, palynology.

Введение. Несколько лет назад межотраслевой группой сотрудников Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) были проведены естественно-научные исследования культурных слоев археологических памятников правобережья р. Белой в её среднем течении (рис. 1). По результатам исследований был опубликован ряд работ (Овсянников, Курманов, 2018; Овсянников, 2018; Савельев и др., 2018; Воробьева, 2018; Курманов и др., 2019; Проценко, Курманов, 2019). В этих статьях приводятся палинологические спектры, на основании которых реконструируются древние ландшафты. В целом используемые в данной работе этапы смены ландшафтов в древности уже были представлены в совместной публикации (Курманов и др., 2019). Однако в ней упор делался на периодизации по климатической шкале Блитта-Сернандера. В данной работе в основу хронологии выделенных этапов положена их синхронизация с культурными отложениями археологических памятников, откуда происходят пробы грунта.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01627 «Многослойные городища лесостепного Предуралья: ландшафтно-климатические изменения и культурно-исторические процессы»

[2] This research was prepared by the support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01627 "Multi-layered settlements of the forest-steppe Fore-Urals: landscape and climatic changes and cultural and historical processes"

Данные, полученные с памятников археологии, были скоррелированы с диаграммами отложений из разрезов торфяников и пойменных речных террас с территории Южного Предуралья. В качестве промежуточного результата были выделены этапы смены растительности и климатав период верхнего голоцена в Южном Предуралье (Курманов и др., 2019). Эта работа стала продолжением исследований начатых в 60-х гг. прошлого столетия (Немкова, 1976; Матюшин и др., 1976). Тогда упор был сделан на памятниках мезолита – эпохи бронзы, по региональной геологической стратиграфии это периоды нижнего и среднего голоцена (Данукалова, 2010), а по климатической шкале Блитта-Сернандера – периоды бореала, атлантика и суббореала (Курманов и др., 2019, с. 37).

*Описание исследования.*Современные исследования были сосредоточены на памятниках эпохи раннего железа – Средневековья, что по геологической стратификации относится к верхнему голоцену (Данукалова, 2010), а по климатической периодизации – субатлантику (Курманов и др., 2019, с. 37).

В настоящем исследовании приведены сводные данные по 15 памятникам правобережья среднего течения р. Белой, где были взяты пробы на палинологию (рис. 1). Пробы брались из шурфов, которые были заложены в 2017 г. (Овсянников, 2018). Представительные спектры были получены на восьми из исследованных объектов. Это, как правило, многослойные памятники либо с мощностью культурного слоя 50 и более сантиметров. Для удобства исследованные памятники разделены на три территориальных группы: северную, центральную и южную. В культурно-хронологическом плане памятники охватывают период от финальной бронзы (межовская культура) до позднего Средневековья (чияликская культура). Наиболее представительны памятники с культурными отложениями периода кара-абызской культуры (табл. 1).

Объединенные в северную территориальную группу памятники «Бирское поселение» и «городище Кара-Абыз» отличаются мощным культурным слоем и многослойностью. Это обусловило достаточную информативность полученных из их отложений палинологиче-

Таблица 1. Культурно-хронологическая характеристика исследованных памятников
Table 1. Cultural and chronological features of the studied archaeological sites

№	Памятник	Эпоха / даты	Культура
1	Бирское поселение	Финальная бронза	межовская
2	Бирское поселение	Ранний железный век VIII-VI вв. до н.э.	курмантау
3	АкбердиноI поселение		курмантау
4	Курмантаево 8/9 поселение		курмантау
5	**Стоянка им. М.И. Касьянова**		курмантау
6	**Бирское поселение**		Постмаклашеево/ранняя шнуровая
7	**Кара-Абыз городище**	Ранний железный век IV/III вв. до н.э. –II/III вв. н.э.	кара-абызская
8	Ново-Александровка селище		кара-абызская
9	**АкбердиноII городище**		кара-абызская
10	**Шипово городище**		кара-абызская
11	**Охлебинино II городище**		кара-абызская
12	Мончазы городище		кара-абызская
13	Курмантаево 8/9 поселение		кара-абызская
14	**Курмантаево городище**		кара-абызская
15	Шипово городище	Эпоха великого переселения	мазунинская
16	Бирское поселение	Раннее средневековье V-VII вв. н.э.	бахмутинская, кушнаренковская
17	**Кара-Абыз городище**		Мазунинская, бахмутинская
18	Вотикеево селище и городище		бахмутинская
19	Шиповское городище	Ранее средневековье VIII-IX вв. н.э.	караякуповская
20	**Кара-Абыз городище**	Позднее средневековье X-XV/XVI вв. н.э.	чияликская
21	Мончазы городище		чияликская

Примечание: полужирным шрифтом выделены памятники, где собраны представительныепалинологические спектры

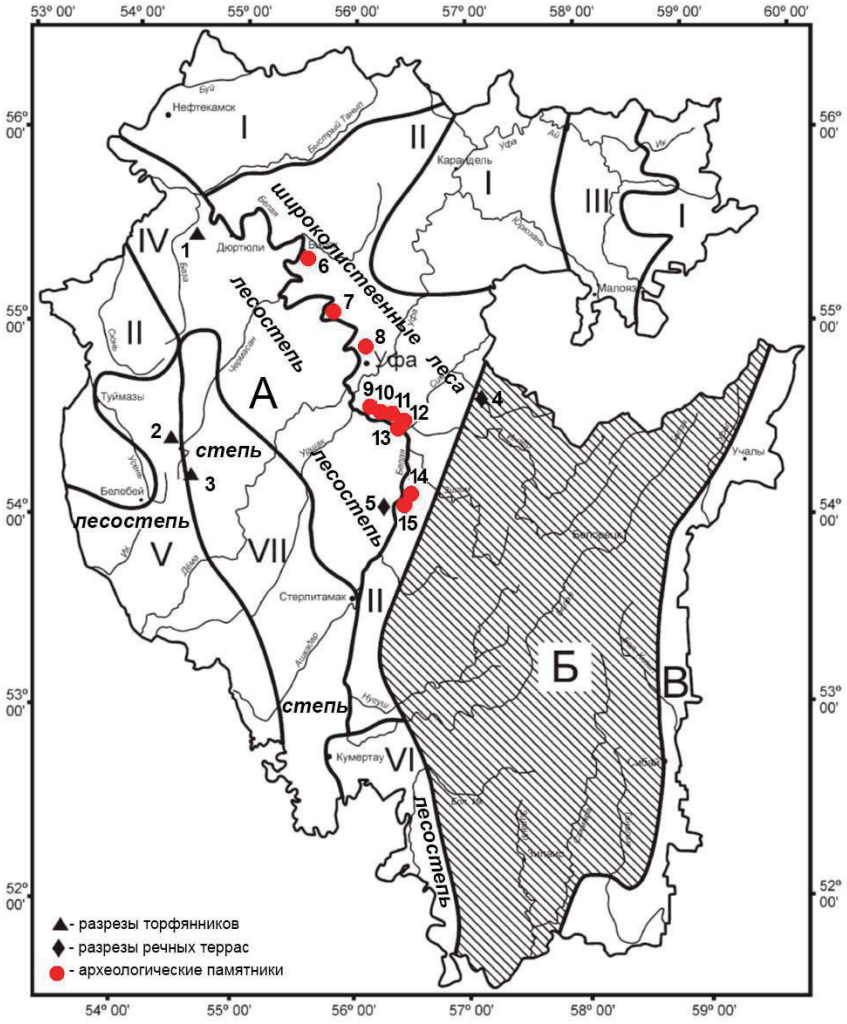


Рис. 1. Карта расположения исследованных памятников в современных ландшафтных зонах. А – Южное Предуралье, Б – горный Урал, В – Зауралье. *Современные ландшафтные зоны*: I – районы широколиственно-темнохвойных лесов, II – районы смешанных широколиственных лесов, III – Месягутовская лесостепь, IV – Предбельская лесостепь, V – лесостепной район юго-восточной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, VI – лесостепной район башкирской части Общего Сырта, VII – Давлекановский степной район. *Разрезы торфяников:* 1 – Ишкарово, 2 – Таллы-Кулево, 3 – Курятмасово. *Разрезы речных террас:* 4 – Зоренька, 5 – Утеймуллино-I. *Разрезы на археологических памятниках:* 6 – Бирское поселение, 7 – городище Кара-Абыз, 8 – Ново-Александровское селище, 9 – АкбердинскоеII городище, 10 – АкбердинскоеI поселение, 11 – Шиповское городище, 12 – Мончазинское городище, 13 – ОхлебининскоеII городище, 14 – Курмантаевское городище, 15 – Касьяновское городище.

Fig. 1. Map of the location of the studied sites in modern landscape zones. А – Southern Fore-Urals, Б – mountainous Urals, В – the Trans-Urals. *Modern landscape zones:* I – areas of broadleaf dark coniferous forests, II – areas of mixed broadleaf forests, III – Mesyagutovo forest-steppe, IV – forest-steppe of the Fore-Belaya River region, V – forest-steppe region of the southeastern part of the Bugulma-Belebey upland, VI – forest-steppe region of the Bashkir part of the Obshchiy Syrt, VII – Davlekanovo steppe region. *Peat bog sections:* 1 – Ishkarovo, 2 – Tally-Kulevo, 3 – Kuryatmasovo. *Sections of river terraces*: 4 – Zorenka, 5 – Uteymullino-I. *Sections of archaeological sites*: 6 – Birsk settlement, 7 – Kara-Abyz hillfort, 8 – Novo-Aleksandrovka settlement, 9 – Akberdino II hillfort, 10 – Akberdino I settlement, 11 – Shipovo hillfort, 12 – Monchazy hillfort, 13 – Okhlebinino II hillfort, 14 – Kurmantayevo hillfort, 15 – Kasyanovskoye hillfort.

ских спектров. На Бирском поселении пробы были взяты из стенки раскопа 1978 г. Хронология и периоды существования поселения на данном участке определены по керамическому материалу (Овсянников, Курманов, 2018). Особо нужно отметить вопрос о датировке керамического материала типа курмантау. Хронологическая позиция этого культурного

типа до сих пор остается спорной. Это связано как с объективными причинами (стратиграфическая ситуация на памятниках типа курмантау), так и с субъективными (отсутствие, за небольшим исключением, качественных публикаций материалов поселений). Аргументы в пользу отнесения керамики типа курмантау к раннему железному веку изложены в ряде публикаций (Овсянников, 2017; Овсянников, 2020).

На городище Кара-Абыз пробы были взяты из стенки раскопа 1977 г., заложенного В.А. Ивановым на цитадели городища. Раскоп площадью 60 м^2 имел мощность культурного слоя 1,5 м. Также информативные спектры получены из шурфа 2017 г. Находки из раскопа и шурфа относились к трем культурно-хронологическим периодам: кара-абызскому (1977/СП 8-10; 2017/СП 1–5), мазунинско-бахмутинскому (1977/СП 11–14) и чияликскому (2017/СП 7). Датировка кара-абызского периода основывается на керамическом материале. Согласно данным А.В. Шмидта, с площадки городища происходят бронзовые секира ананьинского типа и чекан, датируемые в целом VI-V вв. до н. э. (Шмидт, 1929). Однако места их находок, как и привязки к горизонтам, неизвестны. Обнаружение чекана аржанского типа на святилище Акбердинского II городища, где основной материал не выходит за рамки III–I вв. до н. э., не позволяет учитывать секиру и чекан для определения ранней даты существования городища Кара-Абыз. К тому же кара-абызская керамика, происходящая из раскопов и шурфов на городище, не имеет черт, присущих для ранней кара-абызской керамики. Орнамент посуды городища Кара-Абыз довольно скуп, имеются лишь ряды ямок. В коллекции присутствует значительное количество неорнаментированной керамики. Шнуровая посуда отсутствует. Встреченная в раскопах керамика гафурийского типа имеет поздние признаки: примесь раковины, обедненный и упрощенный орнамент. Также в коллекциях не встречена посуда убаларского типа. Данный состав керамической коллекции характерен для периода рубежа III–II вв. до н. э. – рубежа эр. Коллекция бронзовых наконечников стрел из шурфов 2015 и 2017 гг. подтверждают эту дату (Проценко, 2018, рис. 1, 3–4).

К эпохе раннего Средневековья относятся мазунинский и бахмутинский керамические комплексы. Единственный датирующий предмет, относящийся к этому периоду, – железная фибула II–III вв. н. э. (Проценко, 2017, рис. 5,1). Этот период в целом можно датировать III–VII вв. н. э.

Чияликский культурный горизонт представлен немногочисленной лепной керамикой с гребенчато-шнуровым орнаментом. Датирующими предметами служат серебрянная монета-«чешуйка», бронзовый перстень и подвеска-пуговица (Проценко, 2018, рис. 1, 6–7), в целом дающие дату XII–XIV вв.

Корреляция палинологических спектров и культурных горизонтов указанных поселений взаимно дополняет друг друга и позволяет выделить восемь этапов смены растительности в междуречье Бири и Уфы – правых притоков реки Белой с финальной бронзы до современности (табл. 2). Площадка Бирского поселения на момент возникновения была занята липово-вязовым лесом. В процессе функционирования вокруг поселения увеличивались открытые пространства, занятые синантропной растительностью. Цитадель городища Кара-Абыз была основана уже на площадке, имеющей небольшие открытые пространства, окруженные липово-вязовыми лесами. На Бирском поселении выявлен краткий период аридизации климата в период IX–VIII вв. до н. э. На городище Кара-Абыз в обоих локациях зафиксирован продолжительный период аридизации в период III–II вв. до н. э. Обращает внимание на себя тот факт, что, несмотря на смену климата и растительности, открытые пространства вокруг функционирующих поселений сохраняются.

Центральная группа является наиболее представительной и включает четыре археологических памятника. Наиболее ранним является Акбердинское I поселение[1]. На основной площадке, где были заложены шурфы, был собран материал культуры курмантау, а также найдена литейная форма, позволяющая довольно узко датировать поселение VI–V вв. до н. э. (Овсянников, 2020). Позднее Н.С. Савельевым были продолжены исследования поселения, и на основании сочетания разнокультурного керамического материала эта дата получила подтверждение (Савельев, Яблонский, 2014, с. 483; Овсянников, 2017, с. 81). Акбердинское II, Шиповское и Охлебининское II городища исследовались неоднократно. Материал этих поселений хорошо

представлен в литературе (Пшеничнюк, 1973; Пшеничнюк, 1976; Овсянников, Савельев, 2019).

Исследования 2017 года на Охлебининском II и Шиповском городищах позволили, кроме палинологических данных, также получить новый археологический материал. По результатам исследований Охлебининского II городища из нижнего горизонта шурфа 2017 г. была получена калиброванная радиоуглеродная дата: Le-11873: 2390 ± 105BP (550–330 BC). Это позволяет относить время основания поселения к VI–V вв. до н. э., что согласуется с материалами Охлебининского могильника, где одним из ранних погребений является захоронение мужчины с бронзовым кельтом (Пшеничнюк, 1968, рис. 7,3). Однако полученную дату не удалось сопоставить с палинологическими данными, так как нижние горизонты содержали большое количество золы. Последняя исключает содержание спор и пыльцы растений. Представительные палинологические спектры были получены лишь в верхних горизонтах, которые соотносятся с функционированием на памятнике некрополя чияликской культуры.

В ходе исследований 2017 года на Шиповском городище была выявлена раннее неизвестная «цитадель», отделенная от основной площадки глубокой ложбиной. Шурфовка цитадели показала здесь наличие, кроме материалов кара-абызской культуры, артефактов мазунинской и караякуповской культур (Савельев и др., 2018). С материалами последней согласуется полученная здесь калиброванная радиоуглеродная дата Le-11702: 1420 ± 80 (540–680 AD).

На основе корреляции палинологических спектров выявлено восемь этапов смены растительности и климата (табл. 3). Датировка и продолжительность этапов получены с помощью археологических материалов. Акбердинское I поселение основано в окружении сосново-березовых лесов на небольшом открытом пространстве с синантропной растительностью (СП 1–2). То есть площадка на момент возникновения поселения уже использовалась человеком. На позднем этапе существования поселения его окружали березовые и липово-вязовые леса (СП 3–4), что говорит об увлажнении климата. Данный процесс синхронно фиксируется также и на Бирском поселении (СП 6–7), только без присутствия березы. Последнее говорит о более влажных условиях существования Бирского поселения.

Акбердинское II городище основано на участке сосново-липового леса. В дальнейшем открытые пространства вокруг поселения увеличивались в процессе функционирования. В период второй половины IV–III вв. до н. э. зафиксировано сильное усушение (аридизация) климата, что вкупе с антропогенной нагрузкой влекло за собой активное формирование лесостепных ландшафтов в окрестностях городища.

Основная площадка Шиповского городища была основана на участке сосново-березового леса в условиях начавшегося усушения климата. В результате усилившейся аридизации сосна исчезает из флоры, окружающей поселение, и формируются лесостепные ландшафты: сочетание березовых колков с открытыми синантропизированными пространствами.

Таким образом, начало аридизации на памятниках центральной группы прослеживается с середины IV в. до н. э., что несколько раньше, чем аналогичный процесс прослежен в отложениях городища Кара-Абыз.

Наиболее южными памятниками, где были взяты пробы на палинологию, стали Курмантаевское городище и поселение Курмантау 8/9. Последнее было открыто и исследовано С.Л. Воробьевой в 2012–2014 гг. (Воробьева, 2018). Раскопки показали, что площадка памятника использовалась как производственная площадка для цветной металлообработки. Нижние горизонты содержат материалы культуры курмантау, верхние – кара-абызской культуры. Между горизонтами выявлена стерильная прослойка. К кара-абызскому горизонту относятся находки железных и бронзовых предметов, связанных с некими ритуальными действиями, возможно связанными с производственными ритуалами. Среди предметов, происходящих с памятника, наиболее информативными является представительная коллекция металлических поясных крючков. В целом эта группа застежек датируется в пределах V–IV вв. до н. э. (Овсянников, 2023). Вероятно, в этих хронологических рамках можно определить период существования площадки в кара-абызский период. С горизонтом курмантау сложнее, раскопки не дали сколько-нибудь выразительный материал. Однако площадка Курмантау 8/9 явля-

Таблица 2. Этапы смены растительности по материалам северной группы памятников
Table 2. Stages of vegetation change based on the materials of the northern group of archaeological sites

	Бирское поселение	Кара-Абыз городище (раскоп 1977 г.)	Кара-Абыз городище (шурф 2017)	Археологические культуры	даты	Характеристики климата
8	Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропи-зированные открытые пространства (СП 13)		Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропизирован-ные открытые пространства (СП-8)			Современный (конец субатлантика)
7	Лесостепь: сосновые и липовые леса, небольшие синантропи-зированныеоткрытые пространства (СП 12.)		Лесостепь: липовые и березовые леса, небольшие синатропизированные открытые пространства (СП-7). Культурный слой	Чияликская культура	XII-XIV вв.	Влажный и холодный (середина суб-атлантика)
6	Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропи-зированные открытые пространства (СП 11). Культурный слой.	Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропизи-рованные открытые пространства (СП 11-14). Культурный слой.		Мазунинская Бахмутинская Кушнаренковская Караякуповская культуры	III-VIII вв.	Сухой и холодный (середина суб-атлантика)
5		Лесостепь: березовые леса, синантропизи-рованные открытые пространства (СП 10) Культурный слой.	Лесостепь: березовые леса, небольшие синантропизирован-ные пространства (СП 3-5). Культурный слой	Кара-абызская культура	III-II вв. н.э.	Теплый и сухой. Признаки аридизации. (начало субатлантика)
4		Лесостепь: липовые и березовые леса, синантропизи-рованные открытые пространства (СП 8-9). Культурный слой.	Лесостепь: липовые и березовые леса, небольшие синантро-пизированные открытые пространства (СП-1). Культурный слой		IV-III вв. до н.э.	Теплый и влажный (начало субатлантика) Климат становится суше
					V-IV вв. до н.э.	Увлажнение (начало субатлантика)
3	Лесостепь: липово-вязовые леса, небольшие синантропи-зированные открытые пространства (СП 8). Культурный слой.	Лесостепь: липовые леса, синантропизиро- ванные открытые пространства (СП 7). Слои без находок.		Постмаклашеевская / раннекара-абызская	VI-V вв. до н.э.	влажный и теплый (переход от суббореала к субатлантику)
2	Лесостепь: липово-вязовые и сосновые леса, небольшие синантропи-зированные открытые пространства (СП 6-7). Культурный слой.	Лесостепь: синантропизи-рованные открытые пространства, небольшие участки липово-вязовых лесов (СП-1-6). Слои без находок.		Культура курмантау с примесью раннешнуровой керамики	VII-VI вв. до н.э.	Начало увлажнения климата (вторая половина суббореала)
				Маклашеевская/курмантау культуры	IX-VIII вв. до н.э.	Признаки аридизации климата (вторая половина суббореала)
1	Широколиственный лес: липово-вязовые леса (СП 5). Культурный слой.			Межовская/ маклашеевская культуры	XII-IX вв. до н.э.	Влажный (вторая половина суббореала)

Таблица 3. Этапы смены растительности по материалам центральной группы памятников
Table 3. Stages of vegetation change based on the materials of the central group of archaeological sites

	Акбердино I поселение Шурфы 2017 г.	АкбердиноII городище Шурф 2005 г.	Шиповское городище Шурф 4 2017 г.	Охлебинино II городище Шурф 2017 г.	Археологические культуры	даты	Характеристики климата
8		Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропизированные открытые пространства (СП 13)	Лесостепь: сосново-березовые леса, небольшие синантропизированные открытые пространства (СП 9)	Открытые пространства (СП 8)			Современный (конец субатлантика)
7		Лесостепь: сосновые и липовые леса, синантропизированные открытые пространства (СП 12)		Лесостепь: сосновые леса, синатропизированные открытые пространства (СП 6-7)	Чияликская культура	XII-XIV вв.	Влажный и холодный (середина субатлантика)
6		Лесостепь: сосновые леса, небольшие синантропизированные открытые пространства (СП 11).			Мазунинская Бахмутинская Кушнаренковская Караякуповская культуры	III-VIII вв.	Сухой и холодный (середина субатлантика)
5		Лесостепь: липовые и березовые, синантропизированные открытые пространства (СП 6-10) Культурный слой.	Лесостепь: березовые леса, небольшие синантропизированные открытые пространства (СП 3-4). Культурный слой		Кара-абызская культура	Втор. Пол. IV-II вв. н.э.	Теплый и сухой. Признаки аридизации (начало субатлантика)
4		Смешанные леса: сосна и липа (СП 1-5) Культурный слой.	Смешанные леса: сосна и береза (СП 2). Погребенная почва			Пер. пол. IV вв. до н.э.	Теплый и влажный (начало субатлантика) Климат становится суше
3					Постмаклашеевская / раннекара-абызская	VI-V вв. до н.э.	влажный и теплый (переход от суббореала к субатлантику)

2	Березовые и липово-вязовые леса, не-большиесинатропизированные про-странства (СП 3-4). Культурный слой			Культура курмантау/ранне-шнуровая керамика	VII-VI вв. до н.э.
1	Сосново-березовые леса, небольшие синатропизированные пространства (СП 1-2). Предматериковый слой			Маклашеевская/курмантау культуры	IX-VIII вв. до н.э.
					Влажный (вторая половина суббореала)

ется периферией хорошо известной в литературе стоянки им. М.И. Касьянова. Здесь был собран материал, датируемый VII–VI вв. до н. э. (Васильев и др., 1985). Эту дату можно принять как наиболее вероятную для Курмантау 8/9.

Палинология показала, что поселение возникло на месте липового леса (СП 1–2), затем в процессе освоения начинают формироваться открытые пространства с синантропной растительностью (СП 3–4). Сведение лесов происходило, вероятно, в связи с интенсивным металлургическим производством. Кара-абызский горизонт содержал спектры, соответствующие лесостепным ландшафтам: открытые пространства в сочетании с липовыми лесами (СП 5–6) (Воробьева, 2018).

Курмантаевское городище открыто в 1953 г. Исследовалось в 1954–1956 гг. Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1959). На площадке городища выявлено три культурно-хронологических горизонта: эпохи бронзы, курмантау и кара-абызской культуры. В шурфе, заложенном С.Л. Воробьевой в 2013 г., был выявлен лишь слой кара-абызской культуры, относящийся к периоду IV–II вв. до н. э. (Воробьева, 2017). Спектры, полученные в данном шурфе, продолжают колонку, полученную на Курмантау 8/9.

Исследованная часть городища (шурф был заложен с напольной стороны вала) была освоена несколько позже основной площадки. Под культурным слоем выявлены спектры, характеризующие открытые пространства с синантропной растительностью (СП 1–3).

Нижние горизонты культурного слоя, содержащие гафурийскую керамику ранних типов, сочетаются со спектрами лесостепного ландшафта: сочетание открытых пространств с луговой и степной растительностью со смешанными сосново-березовыми лесами (СП 4–5). Наличие в травянистых фракциях засухостойких растений, говорит о значительной аридизации климата в этот период.

Верхним горизонтам, содержащим поздние типы гафурийской керамики, соответствуют спектры с преобладанием древесной растительности, преимущественно березы, в сочетании с усиливающимися признаками антропогенной нагрузки. Остеологический материал верхних штыков отличается крайней измельченностью фрагментов костей. Также здесь начинают фиксироваться кости

Таблица 4. Этапы смены растительности по материалам южной группы памятников
Table 4. Stages of vegetation change based on the materials of the southern group of archaeological sites

	Курмантаевское городище Шурф 2013 г.	Поселение Курмантау 8/9 Шурф 2013 г.	Археологические культуры	даты	Характеристики климата
8					Современный (конец субатлантика)
7	Лесостепь: сосновые и дубовые леса, синантропизированные лугово-степные сообщества (СП 11)		Чияликская культура	X-XIV вв.	Влажный и холодный (середина субатлантика)
6	Синантропизированные открытые пространства (СП 10).		Мазунинская Бахмутинская Кушнаренковская Караякуповская культуры	III-VIII вв.	Сухой и холодный (середина субатлантика)
5	Березовые леса (СП 6-8). Признаки увеличения антропогенной нагрузки. Культурный слой.		Кара-абызская культура	III-II вв. н.э.	Теплый и сухой.. (начало субатлантика)
4	Синантропизированные открытые пространства с луговой и степной растительностью (СП 4-5). Культурный слой.			IV-III вв. до н.э.	Теплый и влажный (начало субатлантика) Признаки аридизации
3		Лесостепь: широколиственные леса и синантропизированные открытые пространства с луговой и степной растительностью (СП 5-6). Культурный слой	Постмаклашеевская / раннекара-абызская	VI-IV вв. до н.э.	влажный и теплый (переход от суббореала к субатлантику)
2		Лесостепь: липовые леса, синантропизированные открытые пространства (СП 3-4). Культурный слой	Культура курмантау с примесью раннешнуровой керамики	VII-VI вв. до н.э.	Начало увлажнения климата (вторая половина суббореала)
1		Липовые леса (СП 1-2). Предматериковый слой без находок.	Межовская/ маклашеевская культуры	XII-IX вв. до н.э.	Влажный (вторая половина суббореала)

рыб (Воробьева, 2017, с. 108). Максимальное использование мясной пищи и появление в рационе рыбы говорит о продовольственном кризисе у населения городища на поздних этапах его существования.

В верхнем почвенном слое также получены лесостепные спектры (СП 10–11). Здесь встречен слой с мелкими фрагментами костей животных, без керамического материала, отделенный от слоев раннего железного века стерильной прослойкой.

Полученные сведения об этапах изменения растительности и климата по трем территориальным группам памятников были сведе-

ны в одну таблицу (табл. 5). Несмотря на ряд лакун, удалось проследить общие тенденции в смене растительности по всему правобережью среднего течения р. Белой.

Основные результаты. Для **первого этапа** (XII–IX вв. до н. э.) характерен влажный климат, способствующий распространению по правобережью р. Белой широколиственных липовых и липово-вязовых лесов. В этих условиях проходила жизнедеятельность носителей межовской культуры и начавших заселять нижнее Прибелье представителей маклашеевской традиции.

В начале **второго этапа** (IX–VI вв. до н. э.) фиксируется непродолжительное усушение климата, которое зафиксировано в отложениях Бирского поселения. Затем начинается процесс увлажнения, что иллюстрируется сочетанием липово-вязовых лесов с сосновыми и березовыми включениями. При этом в окрестностях поселений продолжают развиваться открытые пространства, занятые синантропной растительностью. В этот период фиксируется миграция различных групп населения из нижнего и среднего Прикамья. При этом остатки межовского населения сдвигаются на юг вдоль долины р. Белой, а часть носителей маклашеевской традиции трансформируются в культуру курмантау.

Изменение растительности на **третьем этапе** (VI–V вв. до н. э.) связано с дальнейшим увлажнением и потеплением климата, что характерно для перехода от суббореала к субатлантику. Данная тенденция способствовала распространению широколиственных лесов с преобладанием липы и вяза при сохранении значительных открытых пространств в окрестностях исследованных поселений. При этом в ареале южной группы памятников прослеживается формирование степных растительных сообществ. В этих условиях на основе постмаклашеевской культурной традиции начинается формироваться раннекара-абызская традиция.

В начале **четвертого этапа** (V–III вв. до н. э.) продолжается процесс увлажнения климата. Во второй половине фиксируется начало усушения, что способствовало распространению сосновых и березовых небольших лесных массивов в центральной и северной частях правобережья среднего течения р. Белой. При этом сохраняется тенденция расширения открытых пространств с синантропной растительностью. На юге рассматриваемой территории фиксируется сдвиг границы степных сообществ на север. В историко-культурном отношении этот период характеризуется формированием и развитием кара-абызской культуры, для которой данная территория становится основным ареалом бытования. В этот же период фиксируется усиление контактов со степным населением, вплоть до переселения части кочевников на правобережье Белой в ареал оседлого населения.

Пятый этап (III–II вв. до н. э.) связан с усилением аридизации, что вело к расширению открытых пространств и преобладанию среди древесных сообществ березы. Причем признаки аридизации более четко и значительно раньше проявляются в отложениях памятников южной и центральной групп. На севере ареала в отложениях городища Кара-Абыз следы аридизации выявляются позже и не так четко. В этот период часть кара-абызского и гафурийского населения сдвигается на север. Возможно, именно с этим процессом связано появление памятников центральной группы, где памятники кара-абызской культуры расположены очень плотно.

Шестой этап (III–VIII вв. н. э.) связан с сухим и холодным климатом, что привело к распространению сосновых лесов в окрестностях поселений центральной и северной групп. На юге территории, несмотря на смену климатических условий, сохраняются открытые пространства. Хронологические границы периода определены условно, так как на большинстве исследованных памятников культурные отложения данного этапа отсутствуют. Для уточнения дат требуются дальнейшие исследования.

Седьмой этап (XII–XIV вв. н. э.) характеризуется влажным и холодным климатом. Наряду с сосной начинают распространяться липа и береза, а на юге – дуб. При этом ландшафт в окрестностях поселений сохраняет лесостепной характер. На ряде поселений данный этап сочетается с материалами чияликской культуры. Однако для уточнения границ периода требуются дальнейшие исследования.

Восьмой этап связан с современным периодом. В настоящее время на правобережье Белой сохраняются лесостепные ландшафты со значительными степными и луговыми пространствами на юге.

*Таблица 5.*Этапы смены растительности на правобережье среднего течения р. Белой
*Table 5.*Stages of vegetation change on the right bank of the middle part of the Belaya River

	Северная группа	Центральная группа	Южная группа	Археологические культуры и даты	Характеристики климата
8	Сосновые леса, небольшие синантро-пизированные откры-тые пространства	Сосновые и сосново-березовые леса, небольшие синантро-пизированные открытые пространства			Современный Конец субатлантика
7	Сосновые, липовые и березовые леса, не-большие синантропи-зированные открытые пространства.	Сосновые и липовые леса, синантропизи-рованные открытые пространства	Сосновые и дубо-вые леса, синантро-пизированные лугово-степные сообщества	Чияликская культура X-XIV вв.	Влажный и холодный. Середина субатлантика
6	Сосновые леса, небольшие синантро-пизированные от-крытые пространства	Сосновые леса, небольшие синантро-пизированные открытые пространства	Синантропизирова-нные открытые пространства	Бахмутинская Кушнаренковская культуры V-VIIвв	Сухой и холодный. Середина субатлантика
5	Березовые леса, си-нантропизированные открытые пространства	Липовые и березовые, синантропизирован-ные открытые пространства	Березовые леса	Кара-абызская культура III-II вв. до н.з.	Теплый и сухой. Аридизация. Начало субатлантика
4	Липовые и березовые леса, синантропизи-рованные открытые пространства	Смешанные леса: сосна и береза	Синантропизированные открытые пространства с луговой и степной растительностью	Кара-абызская культура IV-III вв. до н.э.	Теплый и влажный Начало субатлантика Началоусушения
				Кара-абызская культура V-IV вв. до н.э.	Увлажнение. Начало субатлантика
3	Липово-вязовые леса, небольшие синан-тропизированные открытые пространства		Широколиственные леса и синантропи-зированныеоткры-тые пространства с луговой и степной растительностью	Постмаклашеевская / раннекара-абызская VI-V вв. до н.э.	Влажный и теплый. Переход от суббореала к субатлантику
2	Липово-вязовые и сосновые леса, небольшие синан-тропизированные открытые пространства	Березовые и липово-вязовые леса, небольшие синатропизированные пространства	липовые леса, синантропизированные открытые пространства	Культура курмантауи раннешнуровая керамика VII-VI вв. до н.э.	Начало увлажнения климата. Вторая половина суббореала
		Сосново-березовые леса, небольшие синатропизированные пространства		Маклашеевская/курмантау культуры IX-VIII вв. до н.э.	Признаки аридизации климата. Вторая половина суббореала
1	Широколиственный лес: липово-вязовые леса		Липовые леса	Межовская/ маклашеевская культуры XII-IX вв. до н.э.	Влажный. Вторая половина суббореала

Обсуждение. Таким образом, более или менее четко установлены хронологические границы второго – пятого этапов смены растительности и климата на территории правобережья р. Белой. Также установлена связь климатических изменений с культурно-историческими процессами в эти периоды. Соответственно, продолжительность и хронологические границы более раннего и поздних этапов требуют дальнейших уточнений и дополнительных исследований.

Наиболее ранние из исследованных поселений основаны на лесных площадках. Открытые пространства и лесостепные ландшафты начинают формироваться в процессе функционирования поселений и увеличения антропогенной нагрузки. На пятом этапе аридизация климата и приток нового населения, особенно в центральной группе памятников, усилил процесс формирования лесостепных ландшафтов.

Таким образом, лесостепные палинологические спектры, выявленные в отложениях культурных слоев поселений, носят антропогенный характер. Открытые пространства формировались только вокруг поселений в процессе хозяйственной деятельности человека. За пределами освоенной округи поселений основным видом растительного ландшафта на правобережье р. Белой в верхнем голоцене были широколиственные или смешанные леса. Преобладание того или иного вида древесной растительности зависело от климатических колебаний. Подобная ситуация зафиксирована также в культурных отложениях городища Уфа II, основные границы функционирования которого определены в пределах II–VII вв. н. э. (Курманов, 2018; Белявская и др., 2022, с. 105–107).

Формирование естественных лесостепных ландшафтов с элементами степных сообществ на правобережье р. Белой в эпоху раннего железа можно отметить лишь в южной части исследованной территории в окрестностях горы Курмантау. Данное смещение границ растительных зон связано с климатическими изменениями IV–III вв. до н. э., зафиксированными в культурных отложениях поселенческих памятников всех трех территориальных групп.

Примечание:

[1] В литературе этот памятник также именуется как Акбердино-3 поселение.

ЛИТЕРАТУРА

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: БГПИ, 1985. С. 21–40.

Воробьева С.Л. Результаты археологических исследований 2013 года на Курмантаевском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 101–113.

Воробьева С.Л. Палинологическое исследование металлургической площадки эпохи поздней бронзы – раннего железа Курмантау-8/9 // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2018. С. 34–39.

*Данукалова Г.А.*Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18, № 3. С. 1–18.

Курманов Р.Г. Природные и культурные ландшафты Городища Уфа-II (обобщение палинологических материалов) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / Отв.ред. А.И. Уразова. Уфа: Мир печати, 2018. С. 227–233.

Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.

Матюшин Г.Н., Немкова В.К., Яхимович В.Л. Радиоуглеродная хронология и периодизация мезолита и более молодых культур Предуралья, Южного Урала и Нижнего Прикамья // Актуальные вопросы современной геохронологии / Ред. А.П. Виноградов и др. М.: Наука, 1976. С. 244–258.

Немкова В.К. История растительности Предуралья за позднe- и послеледниковое время // Актуальные вопросы современной геохронологии / Ред. А.П. Виноградов и др. М.: Наука, 1976. С. 259–275.

Овсянников В.В. Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.

Овсянников В.В. Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 232–234.

Овсянников В.В. Новые материалы с памятников культуры курмантау // Путь в археологии длиною в жизнь: Памяти ученого-археолога, педагога Михаила Федоровича Обыденнова / Науч. ред. И.М. Ягафарова. Уфа: Инеш, 2020. С. 93–105.

Овсянников В.В. Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода // Исторические Исследования. 2023. № 18. С. 42–56.

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 88–102.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на АкбердинскомII городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–133.

Проценко А.С. Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 240–242.

Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33. № 4 (96). С. 62–71.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: Башкир.Кн. изд-во, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018.С. 242–244.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук: (Предварительный отчёт о работах 1928 г.) / Хозяйство Башкирии. № 8–9. Прилож. № 2. Уфа: Октябрьский натиск, 1929. 28 с.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

REFERENCES

Belyavskaya, O. S., Proenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2022. *Gorodishche Ufa-II. Materialy arkheologicheskikh raskopok 2017 goda (The hillfort of Ufa-II. Materials of archaeological excavations in 2017).* Ufa: “Pervaya tipografiya” Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Ivanov, V. A., Obydennov, M. F. 1985. In Kosarev, M. F. (ed.). *Bronzovyi vek Iuzhnogo Priural'ia (Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 21–40 (in Russian).

Vorob'eva, S.L. 2017. In *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Surgut State Pedagogical University)* 49 (4), 101–113 (in Russian).

Vorob'eva, S. L. 2018. In Kamaleev, E. V. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnis Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 34–39 (in Russian).

Danukalova, G. A. 2010. In *Stratigrafiya. Geologicheskaya Korreliatsia (Stratigraphy. Geological Correlation)* 18 (3), 1–18 (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2018. In Urazov, A. I. (ed.). *Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur (Eurasia Ancient and Medieval Communities: cultural crossroad)*. Ufa: "Mir pechati" Publ., 227–233 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Galeev, R. I. 2019. In *Geologicheskii vestnik (Geological Bulletin)* (1), 35–44 (in Russian).

Matyushin, G. N., Nemkova, V. K., Yahimovich, V. L. 1976. In Vinogradov, A. P. et al. (eds.). *Aktual'nye voprosy sovremennoy geokhronologii (Current issues of modern geochronology).* Mosocw: "Nauka" Publ., 244–258 (in Russian).

Nemkova, V. K. 1976. In Vinogradov, A. P. et al. (eds.). *Aktual'nye voprosy sovremennoy geokhronologii (Current issues of modern geochronology).* Mosocw: "Nauka" Publ., 259–275 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 70−88 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 232–234 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2020. In Yagafarova, I. M. (ed.). *Put' v arkheologii dlinoyu v zhizn': Pamyati uchenogo-arkheologa, pedagoga Mikhaila Fedorovicha Obydennova (A life-long path in archaeology: In memory of the scientist-archaeologist, teacher Mikhail F. Obydennov: Collected scientific papers).* Ufa: "Inesh" Publ., 93–105 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2023. *Istoricheskie Issledovaniya (Historical Research)* 18, 42–56 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. 2018. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 88–102 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savelev, N. S. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 127–133 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 240–242 (in Russian).

Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2019. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* Vol. 33, no 4 (96), 62–71 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). A*rkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazitov, N. A. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162−243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Savelev, N. S., Yablonskiy, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical*

Fate). Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 478–504 (in Russian).

Savelev, N.S., Kurmanov, R.G., Sulejmanov, R.R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 242–244 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1929. *Arkheologicheskie izyskaniya Bashkirskoy ekspeditsii Akademii Nauk: (Predvaritel'nyy otchet o rabotakh 1928 g.) (Archaeological surveys of the Bashkir expedition of the Academy of Sciences: (Preliminary report on the works in 1928))*. Series: Khozyaystvo Bashkirii (Bashkiria's economy) 8–9, app. 2. Ufa: “Oktyabr'skiy natisk” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054 Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902/904+902.01+902.26 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.239.257

ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ БРОНЗЫ – НОВОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРИУСТЬЕВОЙ ЧАСТИ Р. КАНА[1]

© 2025 г. Е.В. Русланов, Н.С. Савельев, Р.Г. Курманов

Приводятся данные по всем известным к настоящему времени поселенческим памятникам эпохи бронзы – Нового времени, расположенным в приустьевой части р. Кана (горно-лесная зона южной части Уральской горной страны, крупный правый приток р. Белая), частично изученным в 2018 г. Южно-Уральской комплексной археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН. Судя по полученным археологическим и палеоэкологическим данным установлено, что долина р. Белая, фактически пересекающая по диагонали горы Южного Урала, не являлась «трансуральской магистралью», как это умозрительно представлялось ранее. Динамика освоения горной долины р. Белая подчинялась общим принципам, прослеженным как минимум с энеолита до этнографического времени, которые оставались неизменными – тип ее освоения может быть назван ресурсным. Археологически одновременно фиксируется продвижение в долину реки разнородного населения с трех основных направлений – из зауральских лесостепных предгорий (вниз по течению, вероятно, из района г. Белорецк), с границы степи и южной лесостепи Приуралья, через вход в горный каньон (вверх по течению) и из степей Зауралья (напрямую с востока, по правым малым притокам Белой).

Ключевые слова: археология, Южный Урал, горно-лесная зона, динамика освоения, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, средневековье, Новое время, палеоэкология.

DEVELOPING DYNAMICS IN THE MOUNTAIN-FOREST ZONE OF THE SOUTHERN URALS FROM THE BRONZE AGE TO THE EARLY MODERN TIME, BASED ON INTERDISCIPLINARY RESEARCH AT THE MOUTH OF THE KAN RIVER[2]

E.V. Ruslanov, N.S. Savelev, R.G. Kurmanov

Data is presented on all currently known settlement sites from the Bronze Age to the Modern Period, located in the mouth area of the Kana River (a mountain-forest zone in the southern part of the Ural Mountains, a major right tributary of the Belyia River). These sites were partially studied in 2018 by the South Ural Complex Archaeological Expedition of IIYaL UFIC RAN. Based on the obtained archaeological and paleoecological data, it has been established that the Belaya River valley, which essentially diagonally traverses the Southern Urals Mountains, did not function as a "Trans-Ural highway," as had been previously speculated. The dynamics of the development of the mountain valley of the Belaya River adhered the general principles traced at least from the Eneolithic to the Ethnographic time, which remained unchanged – the type of its development can be described as resource-based. Archaeologically, at the same time, the movement of a diverse population into the river valley is recorded from three main directions – from the Trans-Ural forest-steppe foothills (downstream, probably from the Beloretsk area), from the border of the steppe and the southern forest-steppe of the Urals, through the entrance to the mountain canyon (upstream) and from the steppes of the Trans-Urals (directly from the east, on the right small tributaries of the Belaya River).

Keywords: archaeology, Southern Urals, mountain forest zone, developing dynamics, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, Modern time, paleoecology.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

[2] The research was supported by the Russian Science Foundation as a part of the project № 23-78-10057 "The dynamics of cultural development and developing the Southern Urals from antiquity to its incorporation into Russia (IV century BC – XVI century): interdisciplinary archaeological research

Введение

Археологические данные по заселению и освоению южной части горно-лесной зоны Южного Урала (под которой понимается та часть горной области, которая лежит южнее полосы высокогорий и дренирована в основном р. Белой) в древности и Средневековье до сих пор являются крайне отрывочными. Несмотря на ряд разведочных обследований, в настоящее время можно говорить о понимании только лишь отдельных и наиболее общих или ярких моментов истории этой до сих пор труднодоступной территории (Древности…, 2018).

Ареал известных памятников горно-лесной зоны Южного Урала расположен на стыке трех подпровинций – низкогорной широколиственной Инзерско-Бельской, вытянувшейся узкой полосой по западному краю гор, и низко- и среднегорных со светлохвойной тайгой Уфимско-Бельской и Прибельско-Уралтауской, находящихся восточнее. С юга к ним примыкает горно-лесостепная подпровинция Южно-Уральского пенеплена (Зилаирского плато) (ФГРБ, 1964). Физико-географическая сложность данной территории, относительно небольшая ширина самой горной страны (порядка 140 км в средней части и не более 70 км на южной оконечности), примыкание с запада к южной лесостепи, а с востока – к степи вплоть до настоящего времени являются причинами крайней ландшафтной мозаичности южной части горно-лесной зоны Южного Урала, где чересполосно расположены участки светлохвойной тайги, широколиственных лесов, сочетающиеся с различными по размеру остепненными и луговыми участками (Савельев, 2017). Привлечение палеоэкологических данных показывает, что ранее природная мозаичность была выражена значительно сильнее и современная горно-лесная зона (во всяком случае – ее южная часть) еще в I тыс. до н. э. фактически являлась горной лесостепью с большими открытыми пространствами (Савельев, 2004; 2015).

В последние 10–20 лет в ряде работ, в том числе и авторов, было наглядно показано, что Южный Урал как регион имеет значительные отличия от окружающих территорий. Именно осевое для региона положение горной зоны и ее относительно небольшая ширина привели к сильной трансформации ландшафтных зон на прилегающих к горам территориях. Меридиональное положение ландшафтных зон – степи, южной и северной лесостепи, вытянутых узкой полосой вдоль края гор, на протяжении последних тысячелетий постоянно приводило к смешению – порой и парадоксальному – самых разнородных северных и южных компонентов в Южно-Уральском регионе. Важно, что эти факты смешения надежно документируются археологическими материалами, и все коллеги, работающие на территории Южного Урала, это хорошо знают и просто не могут не учитывать в любых своих построениях (Савельев, 2011, с. 42–70; 2015, с. 62–84; 2018, с. 24–42).

Сами же горы практически до последнего времени просто исключались из территории распространения тех или иных культур, так как считалось, что кроме единичных находок и небольших памятников в горах больше ничего нет. Такой подход не позволял определить и сами принципы освоения горной зоны Южного Урала. Частично причиной, а частично и следствием этого подхода являлось крайне слабое обследование горной зоны. Без учета удаленных внутригорных районов, 99% которых не обследованы до сих пор, очень показательны данные по разведочному обследованию долин крупных и относительно крупных горных рек. Так, за исключением единичных посещений, никогда не обследовались горные долины рек Сакмары, Касмарки, Крепостной Зилаир, Большой и Малый Сурень, Каны, Зилим, Зиган, Большой и Малый Инзер, Лемезы, Урюк, Урюш. Немногим лучше обследованы долины рек Уфа, Ай и Юрюзань, однако полученные данные настолько разрозненны и отрывочны, что пока можно учитывать только информацию по отдельным исследованным памятникам (Румянцев, Котов, Савельев, 2015, с. 522–524; Русланов и др., 2020, с. 395–398).

Методы

Наиболее исследованными территориями в пределах горно-лесной зоны Южного Урала являются долины рек Белой и Нугуш, и полученные данные уже опубликованы в коллективной монографии 2018 года (Древности…, 2018). Необходимо отметить, что впервые обследование всей горной долины Нугуша (протяженность более 100 км) проведено в 2017 году, а разведки по Белой имеют очень длительную и богатую историю, начало которой относится к 1961 году. Однако

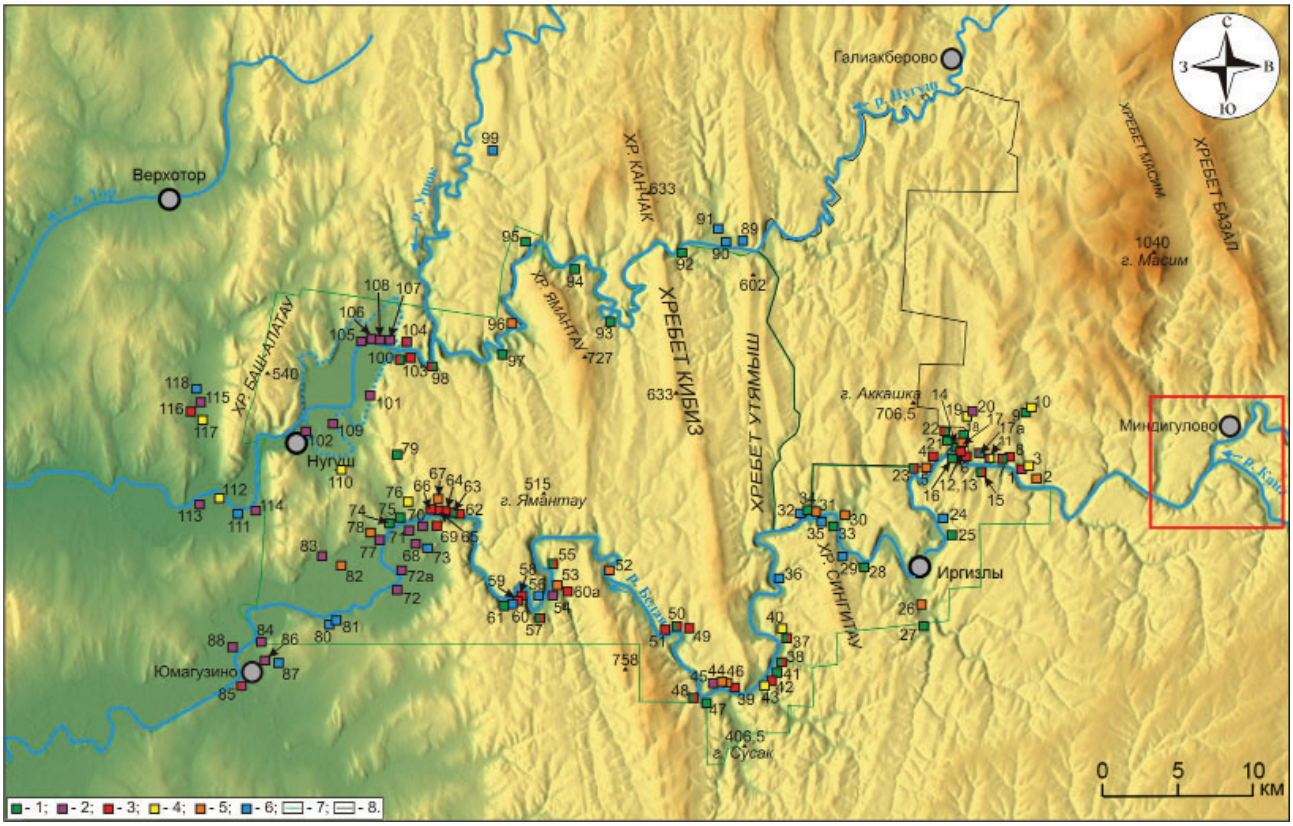


Рис. 1. Карта памятников юго-западного края горно-лесной зоны Южного Урала и расположение приустьевой части р. Кана (красный прямоугольник). По: Древности…, 2018. Рис. в.13

Fig. 1. Map of sites of the southwestern edge of the Southern Ural mountain-forest zone and the location of the mouth area of the Kana River (red rectangle). By: Antiquities..., 2018. Fig. в.13

это в первую очередь относится к нижней части горного течения Белой протяженностью 90 км – от Каповой пещеры до выхода реки из горного каньона. С одной стороны, это было связано с открытием палеолитических рисунков в этой пещере и повышенным вниманием к данной территории, с другой – планами строительства Иштугановского/Юмагузинского водохранилища, что привело к нескольким крупным разведочным обследованиям этой части долины в 1970–1990-е гг., а также и раскопкам ряда самых крупных памятников. Средняя часть горного течения (Белорецк – Капова), протяженностью около 250 км, обследовалась только в 1961–1962 гг. разведочным отрядом А.П. Шокурова, а верхнее течение реки (более 100 км) до сих пор остается неизученным (Савельев, 2011; Древности…, 2018; Русланов, 2023).

Такой новой территорией, благодаря необходимости обследования участка хозяйственного освоения, проведенного ИИЯЛ УФИЦ РАН в 2018 г., стала приустьевая часть р. Каны, впадающей в Белую в 25 км выше по течению от Каповой пещеры. Протяженность ее 94 км, течет с востока, исток расположен практически на краю низкогорного залесенного Зилаирского плато, в 10 км к западу от долины р. Сакмары, протекающей по краю степной зоны Южного Зауралья. Линейный характер объекта обследования, идущего практически на всем протяжении вдоль края береговых террас, позволил обследовать 2,6 км вдоль р. Белой и 4,5 км – в долине р. Каны. Всего на этом участке было заложено 47 шурфов, что позволило выявить четыре ранее не известных памятника (селища Миндигулово-3, -4 и Атиково-2, -3), а также получить достаточные сведения по особенностям осадконакопления в обследованном участке долин Белой и Каны (Русланов и др., 2020, с. 396–397). Дополнительно к этому из шурфов на селищах Атиково-2 и -3 были получены две колонки, по которым проведены спорово-пыльцевые анализы.

Ранее, в 1961–1962 гг., в долине р. Белой в непосредственной близости от устья р. Каны

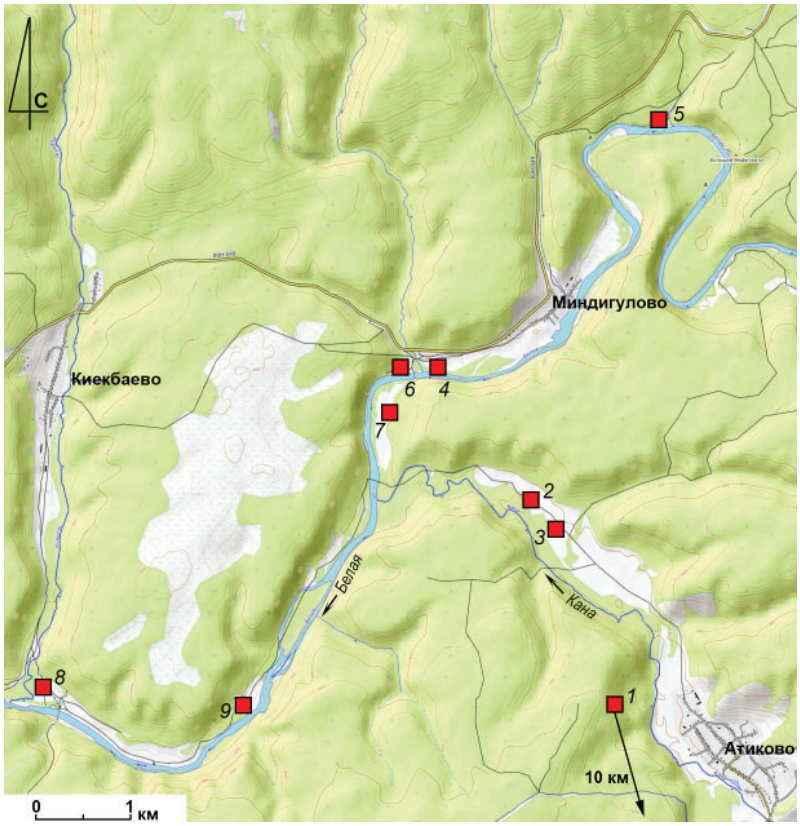


Рис. 2. Горно-лесная зона Южного Урала. Памятники в приустьевой части р. Кана. 1 – Атиково-1; 2 – Атиково-2; 3 – Атиково-3; 4 – Миндигулово-1; 5 – Миндигулово-2; 6 – Миндигулово-3; 7 – Миндигулово-4; 8 – Киекбаево-1; 9 – Ново-Усмановская (1, 5, 8, 9 – стоянки; 2–4, 6, 7 – селища)

Fig. 2. Southern Ural mountain-forest zone. Archaeological sites in the mouth area of the Kan River. 1 – Atikovo-1; 2 – Atikovo-2; 3 – Atikovo-3; 4 – Mindigulovo-1; 5 – Mindigulovo-2; 6 – Mindigulovo-3; 7 – Mindigulovo-4; 8 – Kiyekbaevo-1; 9 – Novo-Usmanovskaya (1, 5, 8, 9 – campsites; 2-4, 6, 7 – settlements)

было выявлено четыре памятника – селище Миндигулово-1, стоянки Миндигулово-2, Киекбаево-1 и Ново-Усмановская (Археологическая…, 1976, с. 172, № 1531–1534; Савельев, 2011, с. 48–50), которые позже никогда не осматривались. В 2012 г. по информации от местных жителей была выявлена и обследована стоянка Атиково-1, расположенная в 10 км к юго-востоку от д. Атиково (Савельев, 2015, с. 63, рис. 1; 2: 18, 19). Таким образом, в приустьевой части р. Каны и примыкающем участке р. Белой (общие размеры территории около 9×13 км) сейчас зафиксировано девять памятников. Так как за исключением участка р. Белой, достаточно плотно обследованного в 2018 г., остальная часть обследовалась только в 1961–1962 гг., а долина Каны выше д. Атиково вообще не обследовалась, предварительно можно говорить о том, что на всей рассматриваемой территории выявлено не более половины археологических памятников. Однако значительная монотонность ландшафта и устойчивые закономерности в типах и расположении памятников (о чем ниже), а также выполненные ранее авторами палинологические анализы в других частях горной долины р. Белой позволяют сделать ряд важных заключений и обобщений уже на имеющемся уровне источниковой базы.

Результаты

Археологические объекты

Ново-Усмановская стоянка расположена на правом берегу р. Белой, в 5 км к юго-западу от центра д. Миндигулово. Памятник находится у подножья гор, на краю полностью распахивавшейся высокой поймы, имеющей высоту 4–5 м от уреза воды в реке, в устье небольшой балки. По информации А.П. Шокурова, на поверхности и в зачистке обнажения найдены «кремни и обломки глиняных сосудов андроновского типа», а судя по единственному рисунку, приводимому в его отчете, эта керамика относится к межовской культуре (рис. 3: 3). Площадь

памятника не превышает 2400 м^2 (порядка 80×40 м).

Стоянка Киекбаево-1 находится на небольшом покатом мысу правого берега р. Белой, при впадении небольшого притока – р. Курыгас, в 2,3 км к западу от Ново-Усмановской стоянки и в 3,5 км к югу от центра с. Киекбаево. Максимальные размеры площадки 30×50 м, высота мыса над урезом воды в реке 6 м. В заложенном шурфе найдены «кремни и два обломка глиняных сосудов андроновского типа».

Селище Миндигулово-1 расположено в западной части современной деревни, на невысоком четырехметровом пойменном мысу, образованном правым берегом р. Белой и левым берегом ее небольшого притока – ручья Большие Майгашты. На момент выявления площадка памятника полностью распахивалась, в настоящее время застроена. По данным А.П. Шокурова, «…на поверхности пашни и в шурфе 1×1 м нами найдены дробленые кости домашних животных и обломки глиняных сосудов ананьинского времени. В обломках глиняных сосудов имеется примесь сланца и речных раковин». Судя по конфигурации мыса, размер селища не превышает 40×40 м. Сохранившаяся коллекция (три фрагмента керамики) по примеси раковины и характерной орнаментации относится к курмантауской культуре (рис. 3: 6) (Савельев, 2011, с. 48–49).

Стоянка Миндигулово-2 находится северо-восточнее деревни, примерно в 3 км вверх по течению р. Белой, на десятиметровом мысу правого берега реки при впадении небольшого родника. Размеры мыса около 100×60 м. Находки – пять кремневых изделий и три фрагмента керамики – происходят из шурфа 1×1 м. Вся керамика по примесям органики и раковины, а также характерному ямочно-насечковому орнаменту (Савельев, 2011, с. 49–50) относится к курмантауской культуре эпохи раннего железа (рис. 3: 4, 5).

Селище Миндигулово-3 расположено в 0,2 км западнее площадки селища Миндигулово-1, на мысу противоположного, правого берега ручья Большие Майгашты, высотой 7 м над урезом воды. Размер мыса 110×70 м, по пяти заложенным шурфам размер памятника составляет не более 70×50 м, культурный слой вытянут вдоль берегового обрыва. Находки представлены керамикой (все – неорнаментированные стенки) курмантауской – с примесью раковины в тесте – и гамаюнской – с примесью в тесте кварцитовой дресвы, дробленого талька и шамота – культур эпохи раннего железа, непосредственно под дерном – колотые кости животных и куски глиняной обмазки, относящиеся к позднему Средневековью или Новому времени.

Селище Миндигулово-4 расположено в 0,6 км к югу от селища Миндигулово-3 и в 2 км к юго-западу от центра деревни. Занимает узкую покатую площадку левого берега реки, окруженную с трех сторон крутыми склонами гор. Максимальные размеры площадки 140×50 м, высота над поймой, имеющей здесь ширину 200 м, составляет 5 м. В четырех заложенных шурфах и на поверхности найдены единичные фрагменты керамики срубной культуры эпохи поздней бронзы (рис. 3: 1) и курмантауской культуры эпохи раннего железа (рис. 3: 7).

Стоянка Атиково-1 находится в 10 км к юго-востоку от д. Атиково, в 13 км по прямой от долины р. Белой, у истока ручья, впадающего в приток р. Каны, на высоте 200 м от уровня последней (около 550 м БС). На краю сенокосной поляны после нахождения керамики в полосе противопожарной опашки пятью шурфами была определена площадь распространения находок – не более 7×3 м. Мощность рыхлых отложений составляет 0,15 м, ниже начинается скальное основание. Всего найдено 20 фрагментов керамики, относящихся к трем сосудам (рис. 3: 8, 9), два из них представлены единичными фрагментами, а третий – графически реконструируемой средней частью шаровидного тулова диаметром 35 см с широким горлом. Орнамент – каннелюры по шейке, косая резная решетка, треугольные фестоны с наколами внутри и многорядные резные треугольники. Примесь к тесту в обоих орнаментированных сосудах – большое количество талька, в тесте третьего сосуда – шамот и дресва из мягкого белого камня. Все эти характеристики позволяют отнести керамику со стоянки Атиково-1 к кочевническому «раннепрохоровскому» тальковому комплексу, примерное время сложения которого – конец V – начало IV в. до н. э. (Савельев, 2015, с. 72, 73).

Селище Атиково-2 расположено в 3,3 км к северо-западу от д. Атиково, на краю мысовидного выступа высокой поймы (высота

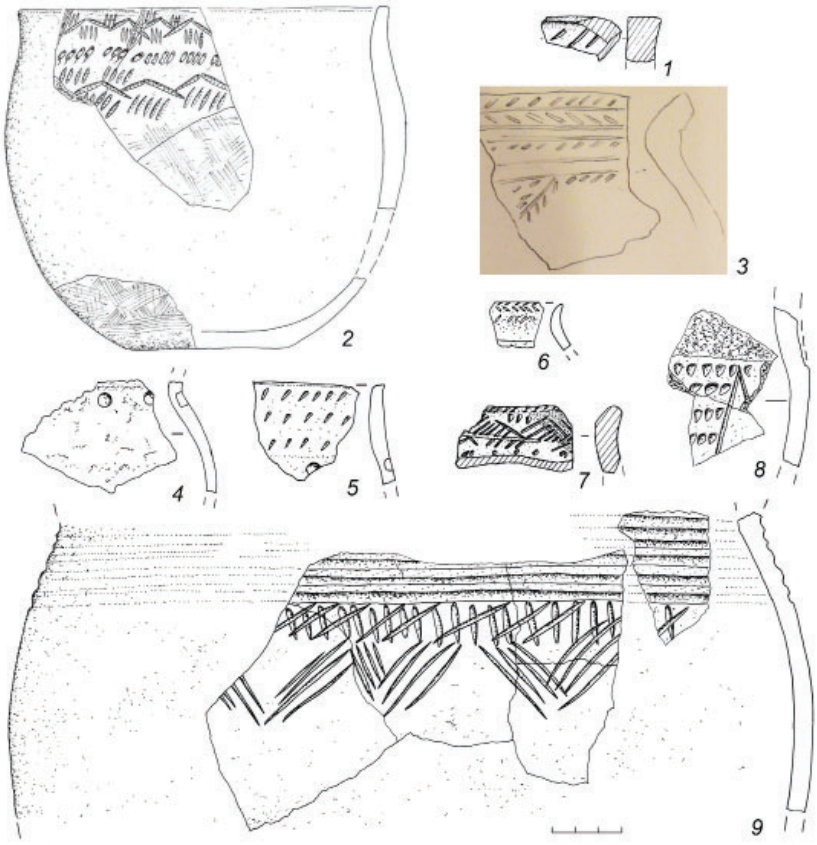


Рис. 3. Горно-лесная зона Южного Урала. Приустьевая часть р. Кана. Материалы эпохи бронзы (1–3) и раннего железа (4–9). 1, 7 – Миндигулово-4; 2 – Атиково-3; 3 – Ново-Усмановская; 4, 5 – Миндигулово-2; 6 – Миндигулово-1; 8, 9 – Атиково-1 (1 – срубная культура; 2, 3 – межовская культура; 4–7 – курмантауская культура; 8, 9 – раннесарматская культура). 3 – без масштаба

Fig. 3. Southern Ural mountain-forest zone. The mouth area of the Kana River. Materials of the Bronze Age (1–3) and Early Iron Age (4–9). 1, 7 – Mindigulovo-4; 2 – Atikovo-3; 3 – Novo-Usmanovskaya; 4, 5 – Mindigulovo-2; 6 – Mindigulovo-1; 8, 9 – Atikovo-1 (1 – Srubnaya culture; 2, 3 – Mezhovskaya culture; 4-7 – Kurmantau culture; 8, 9 – Early Sarmatian culture). 3 – without scale

над влажной поймой 1,5–2 м) правого берега р. Каны, в 1,7 км к востоку от ее впадения в р. Белую. Установленные шурфами (девятью) максимальные размеры памятника составляют 90×60 м (основная концентрация находок – около 45×30 м). Памятник однослойный, находки залегают непосредственно под дерном, представлены колотыми костями животных, кусками глиняной обмазки (10), в т. ч. и с одной выровненной и побеленной стороной, фрагментами двух железных ножей (черешковый с косым обухом и одним спуском на клинке и складной типа бритвы – рис. 4: 20) и чугунных котлов (10), обувной набойкой (рис. 4: 23) и каменным пряслицем (рис. 4: 22). Ниже культурного слоя – слой речных наносов (0,35–0,4 м), которые перекрывают погребенный луговой чернозем мощностью до 0,45 м.

Селище Атиково-3 находится в 0,25 км к юго-востоку от селища Атиково-2, на основании соседнего мыса ровной высокой поймы правого берега р. Каны. Высота мыса от уровня поймы 3–5 м, по его пологому юго-восточному краю протекает небольшой ручей Байгутук. Размеры памятника определены по данным девяти шурфов и составляют 160×50–150 м. Детальный сбор подъемного материала (ранее площадка распахивалась) показал, что размеры пятна максимальной концентрации находок – не более 35×20 м. Стратиграфические данные аналогичны селищу Атиково-2, только в ряде шурфов, расположенных ближе к склону, слой аллювия значительно более мощный (шурф № 76 – 1,1 м). Основной культурный слой (всего 87 ед.) также залегает в верхних 20–25 см. Помимо находок, встречающихся на соседнем селище, здесь также

найдены (рис. 4: 1–19, 21, 24, 25) медные монеты 1798 и 1801 гг., каменные бусы (5), кольцевидная и прямоугольная железные пряжки, железные ножи (5), железный наконечник стрелы ромбической формы, шарообразные свинцовые пули (2), 14 фрагментов чугунных котлов, клинья для топоров (5), в т. ч. и из фрагментов полотна кос-литовок (2), фрагмент топора, квадратное в сечении долото, фрагмент косы-литовки, куски глиняной обмазки (34), в т. ч. с одной выровненной и побеленной поверхностью (4), фрагментами толстостенных четырехугольных штофов из темно-зеленого стекла (3) и т. д. Учитывая нахождение крупного фрагмента котла (рис. 4: 25) – т. н. «азиатской чаши» (диаметр по венчику 50 см, глубина 19 см; венчик коленчато отогнут и немного расширен, на 1 мм ниже среза венчика сохранилась крупная горизонтальная ручка сегментовидной формы) производства южноуральских чугунолитейных заводов (Куса, Златоуст, Касли и др.), наиболее ранней подтвержденной датой данного комплекса материальной культуры может быть середина XVIII в. (Савельев и др., 2023, с. 309, 314–315). В целом по имеющимся данным, в т. ч. и по незначительной мощности верхнего культурного слоя, селище Атиково-3, как и селище Атиково-2, могут быть датированы XVIII – началом XIX в. Близость обоих памятников определяется практически единым комплексом материальной культуры, а также едиными типами найденных предметов. Так, все шесть черешковых ножей имеют одинаковые признаки – длинный сужающийся черешок, уступы с двух сторон в месте перехода к клинку, одна плоская сторона (на всю длину ножа), односторонний спуск на лезвие, начинающийся прямо от обуха, толстый наклонный обух, относительно узкий клинок (рис. 4: 6–10). Различия касаются только размеров ножей. Это свидетельствует о том, что найденные ножи относятся к одному устойчивому типу и являются местным ремесленным производством.

В шурфе № 75, расположенном в самой высокой точке мыса и уже за пределами пятна максимальной концентрации на поверхности находок Нового времени, под слоем намывного аллювия (0,4 м), на контакте погребенного чернозема (0,25 м) и нижележащего темно-коричневого тяжелого суглинка найден неполный развал лепного сосуда эпохи финальной бронзы (рис. 3: 2). Глубина его залегания от современной поверхности 0,92–0,95 м. Высота сосуда 14,8 см, диаметр горла 16 см, максимальный диаметр по тулову 17,5 см, диаметр уплощенного дна 6,5 см. Толщина стенок в нижней части сосуда 0,5 см, на плечиках – 1,0 см. Цвет поверхностей черный с серыми пятнами, в тесте примесь талька и кварцитового песка. Орнамент нанесен на верхнюю треть сосуда, представлен двумя горизонтальными штампованными зигзагами с группами вертикальных или слабо наклонных вдавлений сверху и снизу от зигзага. Верхний и нижний зигзаги отделены друг от друга горизонтальным пояском неглубоких вдавлений овальной формы. Верхняя часть шейки на ширину 1–1,5 см и все пространство ниже орнаментированной части покрыты расчесами.

Пространственные и топографические особенности

Наиболее характерное местоположение поселенческих памятников в горно-лесной зоне Южного Урала – это мысы надпойменных террас и высоких пойм в месте впадения небольших притоков (от небольших рек до малых ручьев), как правило закрытые с одной или двух тыльных сторон склонами гор. К этому типу относятся селища Миндигулово-1, -3, стоянки Миндигулово-2 и Киекбаево-1, т. е. практически все памятники, расположенные в долине Белой. Селища Миндигулово-1 и -3 расположены друг напротив друга, на мысах разных берегов ручья Большие Майгашты, впадающего здесь в Белую.

В отличие от Миндигулово-3, расположенного на мысу надпойменной террасы, селище Миндигулово-1 находится на невысоком (не более 4 м) пойменном мысу – и оно не прикрыто горами, т. к. ширина поймы здесь составляет около 200 м. Такое же положение занимает и Ново-Усмановская стоянка. Этим они близки другому, значительно более редкому типу поселенческих памятников горно-лесной зоны, где принципиально важной была приуроченность к широкой ровной площадке, как правило – пойменной (стоянки Акбута-2, Акбулатово-2 и Ново-Акбулатово-1) (Древности…, 2018, с. 80, 89, 123–124).

Расположение селища Миндигулово-4 – на узкой пологой площадке, окруженной с трех сторон крутыми склонами гор, над широкой поймой и без наличия бокового притока – совершенно не характерно для горно-лесной

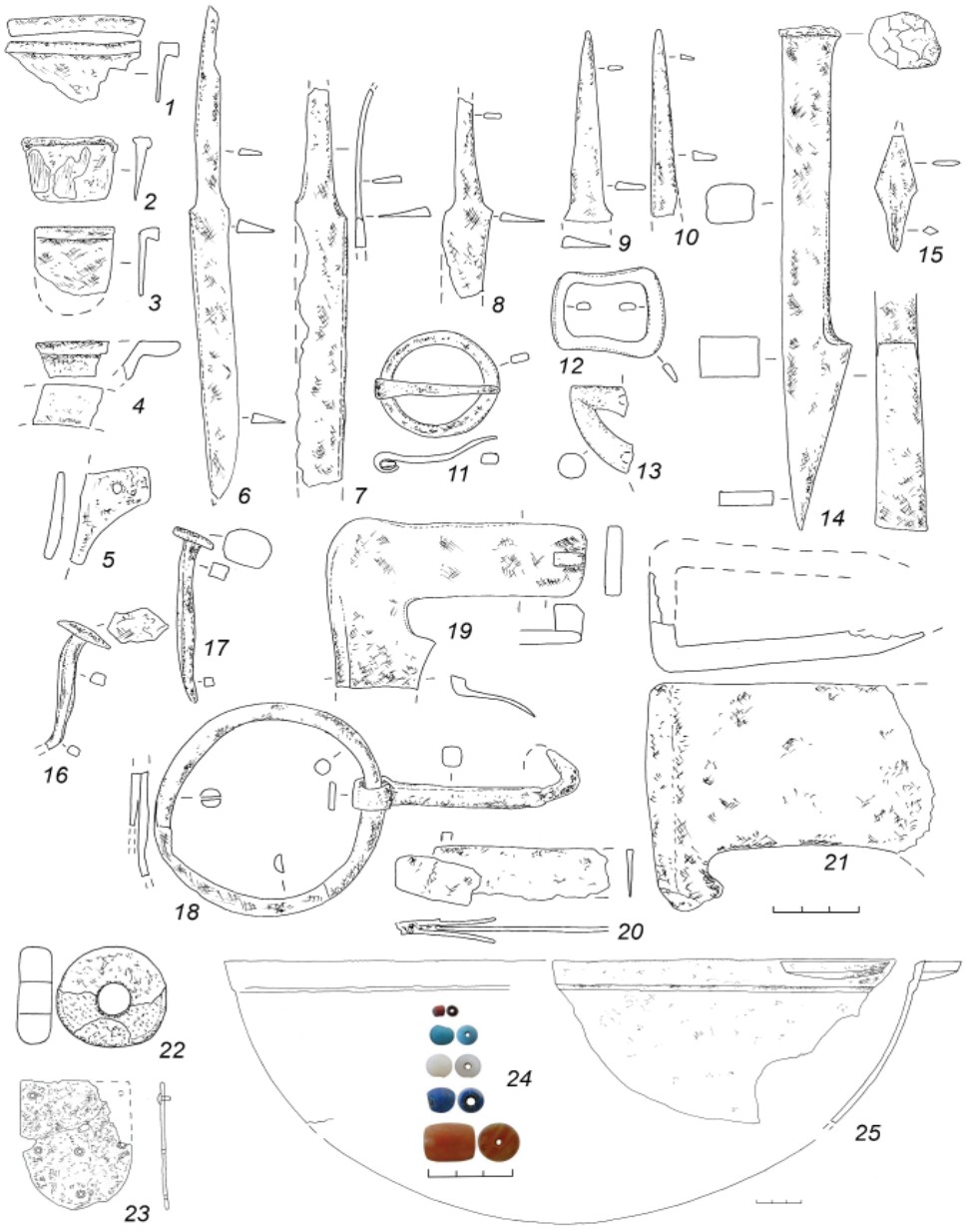


Рис. 4. Горно-лесная зона Южного Урала. Приустьевая часть р. Кана. Комплекс материальной культуры Нового времени с селищ Атиково-2 (20, 22, 23) и -3 (1–19, 21, 24, 25). 1–3 – клинья для топоров; 4, 5, 13, 25 – фрагменты чугунных сосудов; 6–10 – фрагменты ножей; 11, 12 – пряжки; 14 – зубило; 15 – наконечник стрелы; 16, 17 – кованые гвозди; 18 – фрагмент удил; 19 – фрагмент косы-литовки; 20 – фрагмент складной бритвы; 21 – фрагмент топора; 22 – пряслице; 23 – набойка на каблук; 24 – бусы. 22 – камень (серый сланец); 24 – стекло; остальное – железо

Fig. 4. Southern Ural mountain-forest zone. The mouth area of the Kana River. The set of material culture of the modern era from the settlements of Atikovo-2 (20, 22, 23) and Atikovo-3 (1-19, 21, 24, 25). 1-3 – axe wedges; 4, 5, 13, 25 – fragments of cast-iron vessels; 6-10 – fragments of knives; 11, 12 – buckles; 14 – chisel; 15 – arrowhead; 16, 17 – forged nails; 18 – fragment of a bit; 19 – fragment of a scythe; 20 - fragment of a folding razor; 21 – fragment of an axe; 22 – spindle whorl; 23 – heel plate; 24 – beads. 22 – stone (gray slate); 24 – glass; the rest – iron

зоны. Вероятно, такие местоположения ранее просто не обследовались.

Более характерно для открытых степей и лесостепей Южного Урала расположение селищ Атиково-2 и -3 – на мысах высокой поймы вне привязки к притокам с проработанными долинами. И если селище Атиково-2 занимает весь мысовидный выступ, но при этом рядом нет никаких водотоков, а р. Кана (современное русло) расположена

на расстоянии 200 м, то Атиково-3 занимает самую возвышенную площадку у основания мыса, сбоку же от него протекает небольшой поверхностный ручей Байгутук. Расстояние от площадки памятника до русла р. Каны составляет 300 м. Этим данное селище похоже на два памятника горно-лесной зоны – поселения Азануй и Каргисаар-1 (Древности…, 2018, с. 143–144, 150, 153–155).

Совершенно особый тип памятника – раннекочевническая стоянка Атиково-1, расположенная у истока притока второго порядка р. Каны, на вершине плато. Единичность подобных памятников связана с большими сложностями при их поиске, но в целом данный тип известен среди других кочевнических стоянок, в основном относящихся к скифо-сарматскому и этнографическому времени.

Палинологические данные

Проведение спорово-пыльцевых исследований древних почв для горно-лесной зоны Южного Урала имеет уже богатую историю, а в последнее десятилетие ни одни археологические раскопки на этой труднодоступной и мозаичной в ландшафтном отношении территории не проводятся без отбора палинологических колонок. Во всяком случае, для горной долины р. Белой применение этого метода позволило в общих чертах получить информацию по скорости и направленности географических, экологических, ландшафтных и климатических изменений (Савельев, 2015). Проведение исследований в районе устья р. Каны также сопровождалось отбором и изучением спорово-пыльцевых данных. В значительной степени причиной этому являлись работы в широких пойменных комплексах, на которых авторами в горах уже и ранее фиксировали погребенные черноземы, в т. ч. и с археологическими материалами (Древности…, 2018, с. 80, 103, 104), но подтвержденная необходимыми данными объяснительная модель этому явлению отсутствовала. Также необходимо отметить, что все ранее проводившиеся в горной долине р. Белой спорово-пыльцевые анализы брались из памятников, расположенных в пещерах, гротах или на террасах (Yakovlev et al., 2006, p. 117; Danukalova et al., 2011, p. 30; Еремеев, Курманов, 2011, с. 84; Курманов, 2012, с. 28; Danukalova et al., 2017, p. 36; Danukalova et al., 2020, p. 93, 100), колонки же из памятников, приуроченных к поймам, отсутствовали.

В рамках исследований в приустьевой части р. Каны произведен отбор проб с селищ Атиково-2 (шурф № 24) и Атиково-3 (шурф № 75). Шурф № 24 расположен на никогда не распахивавшемся краю мыса, над влажной поймой со следами замытых стариц. Шурф № 75 расположен в 0,35 км к юго-востоку от шурфа № 24, в центре мыса, на расстоянии около 100 м от влажной поймы и на три метра выше предыдущего шурфа от ее уровня (4,5 и 1,5 м соответственно). В связи с тем, что поверхность мыса селища Атиково-3 полностью распахивалась, в шурфе № 75 образцы взяты только из слоя погребенного чернозема. В качестве дополнительного разреза привлечены данные из шурфа № 56, заложенного в центре большой окруженной скалами пойменной поляны (т. н. «Куалломатская поляна») левого берега р. Белой, в 16 км к западу от селищ Атиково-2 и -3 или в 20 км вниз по течению р. Белой. Высота места заложения шурфа над урезом воды 5,5 м, минимальное расстояние до современного берега 160 м.

Шурф № 24. Атиково-2

Всего исследовано 10 образцов, отбор осуществлялся через 10 см снизу вверх (рис. 5: 2). Получено четыре репрезентативных спорово-пыльцевых спектра (табл. 1), в остальных шести образцах содержание пыльцы и спор низкое (2–15 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В составе образца светло-коричневого суглинка (сл. 4, гл. 0,9 м, СП 1) из нижней части разреза идентифицирована единичная пыльца *Corylus avellana,* Asteroideae*,* Nymphaeaceae и споры папоротников Polypodiaceae.

В пробах из нижней части слоя погребенной почвы (сл. 3, гл. 0,7–0,8 м, СП 2 и 3) обнаружены лишь единичные пыльцевые зерна лугово-степных (Poaceae, *Filipendula* sp., *Urtica* sp.), водных (Nymphaeaceae и *Typha* sp.) и болотных растений (*Sphagnum* sp.). В пробе из верхней части слоя 3 (гл. 0,6 м, СП 4) выделен спорово-пыльцевой спектр с доминированием пыльцы травянисто-кустарничковых растений (67%). В группе отмечены пыльцевые зерна *Filipendula* sp. (37%), Nymphaeaceae (18%), Poaceae (8%) и Cichorioideae (4%). Споровые (20%) представлены папоротниками (Polypodiaceae, *Botrychium lunaria*) и зелеными мхами (Bryales). Среди древесно-кустарниковых растений (14%) выделены

зерна *Pinus sylvestris* (12%) и единичная пыльца *Rubus* sp.

Выше по разрезу в образце светло-коричневого суглинка (сл. 2, гл. 0,5 м, СП 5) идентифицированы редкие пыльцевые зерна *Pinus sylvestris*, *Filipendula* sp., *Geranium* sp., Nymphaeaceae и споры Polypodiaceae. Выделенный состав схож с вышеописанным спектром.

В образце из средней части слоя 2 (гл. 0,4 м, СП 6) обнаружен палиноспектр с доминированием пыльцы деревьев (68%), в основном *Betula* sp. (56%). Также в группе отмечены пыльцевые зерна хвойных (*Pinus sylvestris* и *Picea* sp.) и широколиственных пород (*Corylus avellana*). Среди травянистых растений (24%) идентифицированы зерна *Filipendula* sp. (11%), Nymphaeaceae (9%), *Centaurea scabiosa, C. jacea* и *Typha* sp. (единично). Споровые растения (8%) представлены папоротниками (Polypodiaceae и *Botrychium lunaria*).

В пробах бурой супеси (сл. 1, гл. 0,2–0,3 м, СП 7 и 8) отмечены лишь единичные зерна *Pinus sylvestris*, *Betula* sp., *Artemisia* sp., Asteroideae и *Filipendula* sp.

Выше по разрезу в образце бурой супеси (сл. 1, гл. 0,1 м, СП 9) выделен спектр с доминированием пыльцы деревьев и кустарников (75%): *Betula* sp. (64%), *Pinus sylvestris* (8%) и *Ulmus* sp. (3%). Группа травянисто-кустарничковых растений (22%) представлена преимущественно Nymphaeaceae (16%). Единично отмечены пыльцевые зерна луговых (Scrophulariaceae, Asteroideae) и синантропных растений (Chenopodiaceae, *Artemisia* sp.). Также единично идентифицированы споры папоротников *Botrychium lunaria* и плаунов *Lycopodium* sp.

В поверхностной пробе (СП 10) обнаружен спектр с преобладанием пыльцы древесно-кустарниковых растений (56%). Доминирует пыльца *Pinus sylvestris* (44%). В примеси выделены зерна *Betula* sp., *Ulmus* sp. и *Tilia cordata*. Среди трав и кустарничков (30%) отмечены Nymphaeaceae (10%), Asteroideae и *Urtica* sp. (по 6%), Poaceae, *Inula* sp., *Angelica archangelica* и *Polygonum persicaria* (единично). Споровые (14%) представлены папоротниками: Polypodiaceae (12%) и *Botrychium lunaria* (единично).

Единичные находки пыльцы и спор характеризуют распространение преимущественно лугово-степных и прибрежных ландшафтов с заболоченными участками (СП 1–3). Позже на смену открытым пространствам приходят лесостепи с небольшими по площади сосновыми лесами (СП 4, 5), а затем лесные ландшафты, представленные березовыми лесами с примесью сосны, ели, вяза и лещины (СП 6–9). В спектрах, характеризующих конец этого периода (СП 7, 9), отмечена небольшая доля синантропных растений (маревые, полынь). Спектр поверхностной пробы (СП 10) характеризует распространение сосновых лесов с примесью березы, липы и вяза. Опушки зарастают папоротниками. Открытые пространства занимают злаково-разнотравные ассоциации. Присутствует высокая доля водных растений.

Шурф № 75. Атиково-3

Всего исследовано три образца (рис. 5: 3), отбор осуществлялся через 20 см снизу вверх, его задачей было получить образец с уровня нахождения развала сосуда, ниже него и выше него в пределах слоя погребенного чернозема. В результате спорово-пыльцевого анализа получен один репрезентативный спорово-пыльцевой спектр, в двух пробах содержание пыльцы и спор низкое (5–6 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В пробах из нижней и верхней части слоя погребенной почвы (сл. 3, гл. 1,02–1,07 м, СП 1 и гл. 0,57–0,67 м, СП 3) обнаружены лишь единичные пыльцевые зерна *Pinus sylvestris*, *Betula* sp., Asteroideae, *Filipendula* sp. и Nymphaeaceae.

В образце из средней части слоя 3 (гл. 0,9–0,92 м, СП 2) выделен палиноспектр с доминированием пыльцы трав и кустарничков (66%). В группе идентифицирована пыльца луговых растений: *Filipendula* sp. (50%), *Inula* sp. (14%) и *Serratula* sp. (единично). Среди древесно-кустарниковых растений (14%) отмечены *Pinus sylvestris* (12%), *Betula* sp. (6%) и *Tilia cordata* (единично). Споровые (14%) представлены Polypodiaceae.

Палиноспектр с уровня нахождения развала сосуда (СП 2) характеризует распространение значительных открытых пространств, занятых луговой растительностью. В составе небольших лесных массивов преобладает сосна. В примеси отмечены береза и липа. На опушках встречаются папоротники. В вышележащей пробе (СП 3) кроме единичных зерен сосны, березы, сложноцветных и лабазника обнаружена пыльца водных растений.

Таблица 1. Селище Атиково-2. Шурф № 24. Вертикальное распространение спор и пыльцы
Table 1. Atikovo-2 settlement. Test pit No. 24. Vertical distribution of spores and pollen

порядковый № образца	СП1	СП2	СП3	СП4	СП5	СП6	СП7	СП8	СП9	СП10
Содержание AP, %	-	-	-	14	-	68	-	-	75	56
Содержание NAP, %	-	-	-	67	-	24	-	-	22	30
Содержание SP, %	-	-	-	20	-	8	-	-	3	14
Пыльца деревьев и кустарников (AP), %										
Pinus sylvestris				11,8	+	9,2		+	7,5	44,0
Picea sp.						1,3				
Tilia cordata										4,0
Ulmus sp.									3,0	2,0
Corylus avellana	+					1,3				
Betula sp.						56,6		+	64,2	6,0
Rubus sp.				2,0						
Пыльца трав и кустарничков (NAP), %										
Poaceae		+		3,9						2,0
Chenopodiaceae									1,5	
Artemisia sp.							+		1,5	
Asteroideae	+						+		1,5	6,0
Cichorioideae				7,8						
Centaurea scabiosa						1,3				
Centaurea jacea						1,3				
Inula sp.										2,0
Filipendula sp.			+	37,3	+	10,5		+		
Geranium sp.					+					
Scrophulariaceae									1,5	
Angelica archangelica										2,0
Urtica sp.			+							6,0
Polygonum persicaria										2,0
Nymphaeaceae	+	+		17,6	+	9,2			16,4	10,0
Typha sp.			+			1,3				
Споры (SP), %										
Polypodiaceae	+			10	+	6,6				12,0
Botrychium lunaria				4		1,3			1,5	2,0
Lycopodium sp.									1,5	
Sphagnum sp.			+							
Bryales				6						

+ - единичные находки пыльцы и спор

Стратиграфические данные показывают, что к слою погребенной почвы относятся два информативных палиноспектра – СП 2/Атиково-3 (низ слоя) и СП 4/Атиково-2 (Атиково-2). Они схожи по содержанию пыльцы деревьев (20–14%), трав (66–67%) и спор (14–20%), а также практически равным (12 и 11,8%) долям пыльцы сосны. Отличия – в присутствии в СП 2/Атиково-3 небольшого количества пыльцы березы (6%) и липы (2%), немного большем количестве пыльцевых зерен *Filipendula* sp. (50 и 37,3%) и отсутствии пыльцы водных растений – кувшинок (в СП 4/Атиково-2). По находке межовско-черкаскульского сосуда нижняя часть погребенного черноземного слоя может быть датирована последними веками II тыс. до н. э., верхняя часть – эпохой раннего железа (середина – вторая половина I тыс. до н. э.), т. к. именно для этого времени фиксируется снижение количества пыльцы березы, а также сам факт существования погребенных черноземов (Савельев, 2015, с. 76).

Верхняя часть разреза Атиково-2, для спектров (СП 9–10) которой характерно резкое падение количества пыльцы березы и такой же резкий рост пыльцы сосны, может быть скоррелирована с верхними слоями шурфа

№ 56, где данную смену палеообстановок удалось исследовать более детально.

Шурф № 56 (фоновый). Куалломатская поляна

Всего исследовано семь образцов, отбор осуществлялся через 10 см снизу вверх (рис. 5: 1). Получено четыре репрезентативных спорово-пыльцевых спектра, в трех образцах содержание пыльцы и спор низкое (1–16 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В пробах светло-коричневого суглинка (сл. 2, гл. 0,5–0,6 м, СП 1 и 2) и бурой супеси (сл. 1, гл. 0,4 м, СП 3) из нижней части разреза идентифицированы единичные зерна *Pinus sylvestris, Betula* sp., Chenopodiaceae, Asteroideae*, Filipendula* sp., Nymphaeaceae, Polypodiaceae и Bryales.

В образцах бурой супеси из средней части слоя 1 (гл. 0,3–0,4 м, СП 4 и 5) выделены спектры с доминированием пыльцы деревьев и кустарников (77–79%). Мелколиственные породы представлены *Betula* sp. (55–64%), *Salix* sp. (единично); широколиственные – *Corylus avellana* (9–16%); хвойные – *Pinus sylvestris* (4–5%), *Pinus* s/g Haploxylon и *Picea* sp. (единично). Среди кустарников отмечены единичные пыльцевые зерна *Rubus* sp. В группе споровых (12–17%) преобладают споры папоротников: Polypodiaceae (8–13%) и *Botrychium lunaria* (3–4%). Спорадически отмечены единичные зерна зеленых и сфагновых мхов (Bryales и *Sphagnum* sp.). Группа трав и кустарничков (6–9%), несмотря на невысокую долю в спектрах, довольно разнообразна (*Filipendula* sp., Poaceae, Asteroideae, *Inula* sp., Cichorioideae, Brassicaceae и *Urtica* sp.).

Выше по разрезу в образце бурой супеси (сл. 1, гл. 0,1 м, СП 6) выявлен палиноспектр с преобладанием пыльцы древесно-кустарниковых растений (75%). При этом отмечено увеличение доли хвойных пород *Pinus sylvestris* (34%). Содержание пыльцевых зерен широколиственных пород остается прежним: *Corylus avellana* (9%) и *Tilia cordata* (единично). Доля пыльцы *Betula* sp. уменьшается до 31%. Среди трав преобладают Poaceae (6%) и Nymphaeaceae (3%). Единично идентифицированы пыльцевые зерна Asteroideae, Cichorioideae и *Urtica* sp. Споровые (14%) представлены Polypodiaceae (9%), *Botrychium lunaria* (3%), *Lycopodium* sp. и Bryales (единично).

В поверхностной пробе (СП 7) также доминирует пыльца древесных пород (88%): *Pinus sylvestris* (82%), *Betula* sp. (4%) и *Pinus* s/g Haploxylon (единично). Споровые (10%) включают Polypodiaceae и *Botrychium lunaria* (по 4%), *Sphagnum* sp. (единично). Среди трав отмечены лишь единичные пыльцевые зерна Nymphaeaceae.

Единичные находки пыльцы и спор (СП 1–3) характеризуют лесостепные ландшафты с сосново-березовыми лесами и лесными полянами. Лесостепи начального этапа сменяются лесными ландшафтами. Широкое распространение получают березовые леса с примесью лещины, сосны и ели (СП 4, 5). Опушки занимают папоротники и малина. На небольших открытых пространствах встречаются лугово-степные сообщества со злаково-разнотравной растительностью. В конце указанного периода (СП 5) появляются прибрежно-водные и болотные растения (ива, сфагновые и зеленые мхи).

Затем березняки сменяются сначала на сосново-березовые леса с примесью лещины и липы (СП 6), а затем на сосняки (СП 7). Площади открытых пространств уменьшаются. Травянистая растительность представлена преимущественно злаками и водными растениями. Опушки зарастают папоротниками и плаунами. На небольших заболоченных участках встречаются зеленые и сфагновые мхи. Доля синантропных растений (маревые, цикориевые, крапива) в верхних спектрах (СП 3–6) крайне невысокая.

Сопоставление данных по шурфам № 56 (Куалломатская поляна) и № 24 (селище Атиково-2) показало, что, учитывая залегание культурного слоя XVIII – начала XIX в., период резкого роста площадей сосновых лесов в бассейне горного течения р. Белой приходится максимум на последние 200–300 лет. Фактически этот этап развития растительных сообществ в горах начался после завершения достаточно длительного (порядка 1500 лет) периода высоких паводков, когда горные долины были практически непригодны для длительного постоянного проживания.

Обсуждение и выводы

Судя по имеющимся данным, начало заселения горной долины р. Белой относится еще к среднему палеолиту. Говоря в целом об эпохе камня, минимально в горной зоне представлены мезолитические памятники. В районе

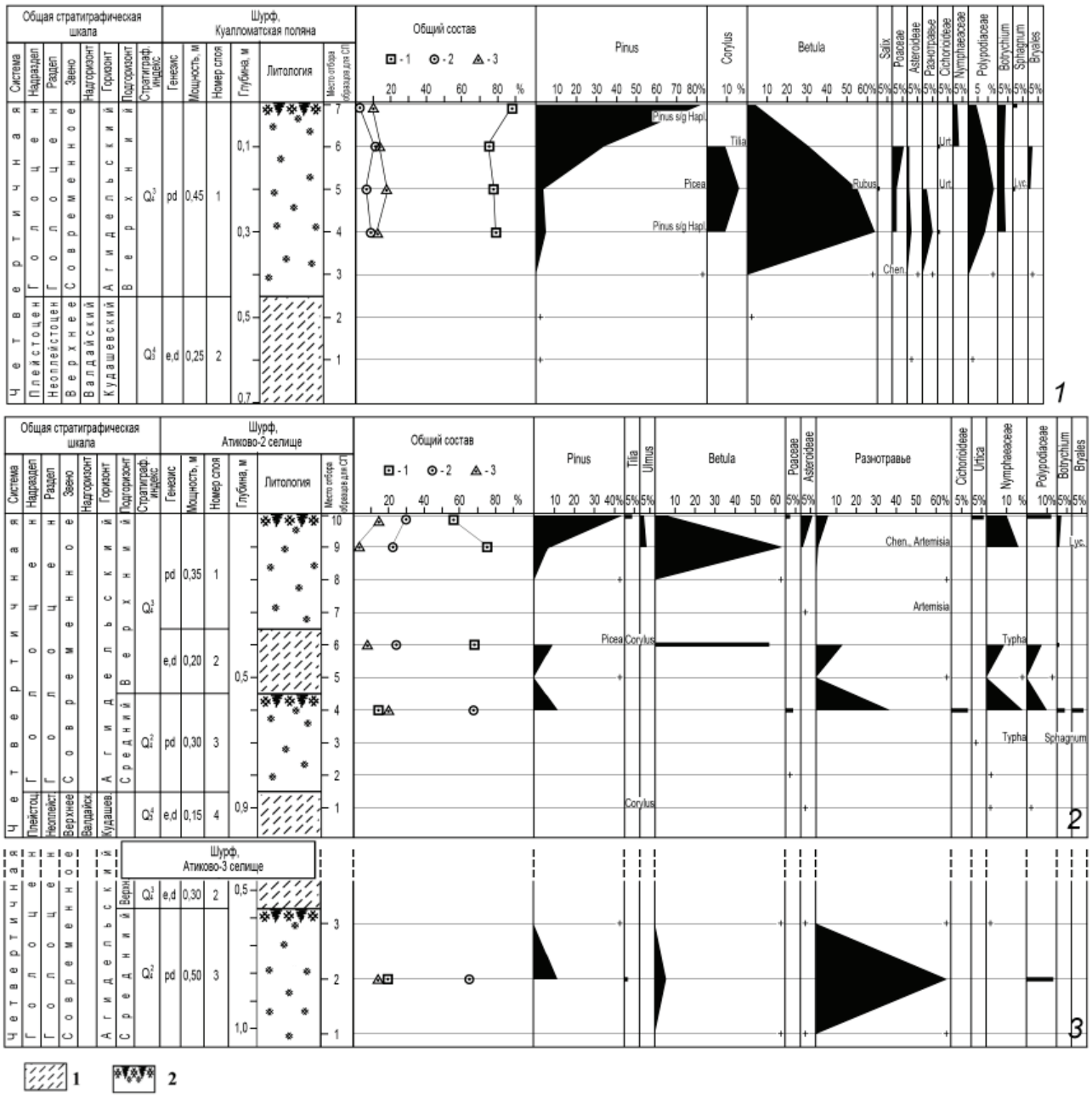


Рис. 5. Горно-лесная зона Южного Урала. Спорово-пыльцевые диаграммы по долинам рек Белая и Кана (1 – шурф № 56, Куалломатская поляна; 2 – шурф № 24, селище Атиково-2; 3 – шурф № 75, селище Атиково-3). *Условные обозначения:* 1 – пыльца деревьев и кустарников, 2 – пыльца трав и кустарничков, 3 – споры, + - единичные находки пыльцы и спор. *Литология:* 1 – суглинок; 2 – почва.

Сокращения: Плейстоц. – плейстоцен, Неоплейст. – неоплейстоцен, Валдайск. – валдайский, Кудашев. – кудашевский, Верхн. – верхний. Сокращенные названия растений: Picea – *Picea* sp., Pinus s/g Hapl. – *Pinus* s/g Haploxylon, Tilia – *Tilia cordata*, Corylus – *Corylus* sp., Rubus – *Rubus* sp., Chen. – Chenopodiaceae, Artemisia – *Artemisia* sp., Urt. – *Urtica* sp., Typha – *Typha* sp., Lyc. – *Lycopodium* sp., Sphagnum – *Sphagnum* sp.

Fig. 5. Southern Ural mountain-forest zone. Spore-pollen diagrams from the valleys of the Belaya and Kana rivers (1 – test pit No. 56, Kuallomatskaya polyana; 2 – test pit No. 24, Atikovo-2 settlement; 3 – test pit No. 75, Atikovo-3 settlement). Symbols: 1 – pollen of trees and shrubs, 2 – pollen of grasses and shrubs, 3 – spores, + - single finds of pollen and spores. Lithology: 1 – loam; 2 – soil.

Abbreviations: Плейстоц. – Pleistocene, Неоплейст. - Neopleistocene, Валдайск. – Valdai, Кудашев. – Kudashevsky, Верхн. – the upper one. Abbreviated names of plants: Picea – *Picea* sp., Pinus s/g Hapl. – *Pinus* s/g Haploxylon, Tilia – *Tilia cordata*, Corylus – *Corylus* sp., Rubus – *Rubus* sp., Chen. – Chenopodiaceae, Artemisia – *Artemisia* sp., Urt. – *Urtica* sp., Typha – *Typha* sp., Lyc. – *Lycopodium* sp., Sphagnum – *Sphagnum* sp.

устья р. Каны единичные находки эпохи камня присутствуют на селище Миндигулово-1.

Памятники ранней и средней бронзы как в горной долине р. Белой, так и в целом в горной части Южного Урала либо отсутствуют, либо пока не выявлены. К заключительному периоду этого этапа относятся находки абашевской керамики и следов металлургии на крайнем юге рассматриваемого региона (поселение Азануй в месте выхода Белой из гор и пещера Неолитовая на р. Нугуш). В эпоху поздней бронзы горная долина Белой заселялась населением срубной (из Приуралья) и алакульской (из Зауралья) культур. Картографирование показывает, что если срубное население проникало в горы через вход в горный каньон р. Белой, то алакульское – напрямую с востока, из бассейна р. Сакмары. В районе устья Каны в небольшом количестве, но все же известны материалы как срубной (Миндигулово-4, Старосубханкулово-2, Ташмуруновский грот), так и алакульской (Старосубханкулово-1 и -2, Киекбаево-1) культур.

Относительно слабо освоенной представляется горная долина Белой (о других территориях ничего сказать нельзя в связи с полным отсутствием данных) в эпоху финальной бронзы. Межовские (именно приуральские) материалы представлены на поселениях Азануй, Максютово-2 и в святилище в Каповой пещере (Котов, Савельев, 2021). Также известна находка межовского горшка на Ново-Усмановском поселении, но что-либо определенное о его происхождении сказать нельзя, т. к. он известен только по схематичной прорисовке 1962 года (рис. 3: 3). К зауральскому ареалу межовской культуры, судя по примеси талька, относится ряд сосудов с Азануя (Гарустович, Савельев, 2004, с. 110, рис. 12: 5), а также сосуд с Атиково-3. Точнее, по форме и орнаментации последний может быть назван межовско-черкаскульским (Алаева, 2015, с. 474–484). Ближайшие аналогии ему происходят с Тавлыкаевского поселения на р. Сакмаре (Морозов, 1983, с. 19–40, рис. 4: 9–18), расположенного в 20 км к юго-востоку от истока р. Каны. Также на поселении Максютово-2 присутствует несколько сосудов саргаринской культуры (Древности…, 2018, с. 117, рис. 2.78: 6, 7), что дополнительно свидетельствует именно о зауральском векторе проникновения части населения в это время.

Для начального этапа эпохи раннего железа фиксируется освоение горной долины р. Белой двумя группами населения – гамаюнской культуры с севера и курмантауской – с юга. Наличие смешанных форм (Акаваз-1, Сакаска) свидетельствует об их частичной синхронности в пределах VII–VI вв. до н. э., однако курмантауское население, судя по имеющимся данным, начало проникать в горы несколько раньше.

В районе устья р. Каны гамаюнские материалы известны на селище Миндигулово-3, курмантауские – на всех четырех памятниках около Миндигулово. Все они являются кратковременными стоянками.

Как ранее было показано одним из авторов, кочевники скифо-сарматского времени осваивали горную долину Белой и окружающие плато примерно с конца V в. до н.э. (Савельев, 2015). Памятники представлены как кратковременными кочевническими, так и промысловыми стоянками. Это хорошо показывает характер освоения кочевниками горной зоны Южного Урала. Материалы свидетельствуют, что если раннее освоение шло из Зауралья, то позднее, в III–I вв. до н. э., – из Приуралья. Стоянка Атиково-1 хорошо иллюстрирует начальный этап проникновения кочевников скифо-сарматского времени в горы напрямую из восточных предгорий Южного Урала.

Отсутствие в горной долине р. Белой хотя бы относительно крупных комплексов, датируемых от рубежа эр и до середины II тыс. н. э. (при наличии единичных находок) свидетельствует о том, что горы в эти полторы тысячи лет только эпизодически посещались людьми. Вероятно – с теми же промысловыми целями.

Также в горах, в т. ч. и в долине Белой, отсутствуют памятники золотоордынского и постордынского времени. Списать это только на пресловутую «недостаточность обследования» сложно, т. к. памятников других эпох выявлено достаточно. Возможно, что наиболее раннее для эпохи позднего Средневековья освоение было направлено на вершины плато и малые водотоки, а долина Белой, как было сказано выше, практически не использовалась (как и долины других относительно крупных рек). Однако башкирские шежере содержат огромный массив данных о присутствии башкирского населения (племена кыпсак и бурзян) в горах в эпоху Средневековья. К сожалению, пока археологические материалы

этого времени отсутствуют, и мы можем только предполагать, что освоение данной территории в это время было ресурсным и кратковременным. В значительной степени это подтверждают и купчие грамоты середины XVIII века, где указывается, что первоочередно в долине Белой были расположены различные промысловые угодья. Объяснение данной коллизии, которая частично осознавалась и ранее, было получено в 2018 году именно по материалам селищ Атиково-2 и -3.

Установлено, что разреженные лесостепные ландшафты и маловодье эпохи бронзы и раннего железа (данные по поселению Ново-Акбулатово-1, где в погребенном черноземе залегали гамаюнские находки) примерно на рубеже эр сменяются нарастанием облесенности и резким ростом обводненности всего бельского бассейна, связанного с периодом весенних паводков, что подтверждается проведенными палинологическими анализами.

Последнее привело к практической невозможности долговременного и устойчивого использования этой огромной территории. Точных данных о времени окончания описанного катастрофического периода пока нет, но примерно к середине XVIII века он уже заканчивается. Это наглядно подтверждают шурфы на селищах Атиково-2 и -3, зафиксировавшие древние черноземы, погребенные под мощными слоями наносного аллювия. Вероятно, именно снижение базиса эрозии и позволило башкирскому населению Зауралья (т. к. в данном случае речь идет именно о районе устья р. Каны) начать активное переселение в горную зону.

Оба выявленных атиковских селища могут быть определены как башкирские летовки относительно небольшого размера. Вероятно, это были места установки юрт с наружными обмазанными глиной и побеленными очагами – печами. Материальная культура характеризуется сочетанием заводских изделий (чугунные котлы, косы-литовки, бусы, штофы) и изделий местного производства, а также полным отсутствием глиняной посуды, что также подтверждается и ее отсутствием в школьном музее д. Атиково.

Заключение

Таким образом, полученные в ходе разведочных работ данные по южной части горного течения р. Белой сводятся к ряду важных положений, отражающих специфику и динамику освоения горно-лесной зоны Южного Урала с конца эпохи камня до Нового времени. Во-первых, река Белая в своем горном течении не являлась «трансуральской магистралью», как это умозрительно представлялось нам ранее. Во-вторых, общие принципы освоения горной долины р. Белой как минимум с энеолита до этнографического времени оставались неизменными – тип ее освоения может быть назван ресурсным. В-третьих, одновременно фиксируется продвижение в долину реки разнородного населения с трех основных направлений: из зауральских лесостепных предгорий (вниз по течению реки, вероятно из района современного г. Белорецка), с границы степи и южной лесостепи Приуралья, через вход в горный каньон (вверх по течению реки) и из степей Зауралья (напрямую с востока, по левым малым притокам Белой).

Что же касается памятников типа селищ Атиково-2 и -3, можно отметить, что выявлена и изучена археологическими и естественно-научными методами площадка летников (яйляу), вероятно относящихся к ближайшему населенному пункту д. Атиково (3–3,3 км к юго-востоку, также в долине р. Каны), основанному не позже середины XVIII в. и входившему в состав Бурзянской волости Уфимского наместничества (Асфандияров, 2009, с. 43–44). Впервые для горно-лесной зоны Южного Урала получен чистый и очень яркий комплекс материальной культуры второй половины XVIII в. – рубежа XVIII–XIX вв. (чугунные и железные изделия, бусы, монеты, предметы вооружения и быта); хозяйство населения основывалось на разведении лошадей, крупного рогатого скота и в меньшей мере – овец. На основе анализа стратиграфических данных установлено, что плотное и долговременное заселение башкирами гор Южного Урала началось после окончания длительного периода повышенной обводненности бассейна р. Белой (малого ледникового периода), во время которого долины Белой и ее притоков были невозможны для постоянного проживания человека вследствие высоких сезонных паводков. Полученный комплекс материальной культуры свидетельствует о полном исчезновении керамического производства (переход на кожаную и деревянную посуду), а также включении местного населения в формирующийся единый товарный рынок Российской Империи.

Фактически мы имеем хорошо датированный этнографический комплекс материальной культуры башкир второй половины XVIII в. – рубежа XVIII–XIX вв., показывающий сочетание местных и общероссийских элементов в условиях достаточной географической удаленности, сохранения основных элементов традиционной культуры, сочетающихся с развитием товарно-денежных отношений. Для данной части горно-лесного Урала этот процесс, вероятно, был многократно усилен со строительством Вознесенского завода фон Сиверса (1750-е гг.), расположенного в устье р. Иргизлы, всего в 25 км по прямой к югу от Атиково.

Тем не менее, как и любые широкие реконструкции, в значительной степени полученные выводы требуют проверки временем и новыми материалами, в том числе и с окружающих территорий. Именно поэтому каждая новая систематизированная информация из горно-лесной зоны Южного Урала имеет очень высокую научную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое (Сборник статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай; Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2015. С. 474–484.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 93–118.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н. С. Савельев. Уфа: Информреклама. 2018. 216 с.

Еремеев А.А., Курманов Р.Г. Палинологическая характеристика голоценовых и верхненеоплейстоценовых отложений пещеры Шульган-Таш // Проблемы современной палинологии: Материалы XIII Российской палинологической конференции. Т. 2. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2011. С. 84–87.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Святилище с человеческими останками в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 239–263. DOI: https://doi. org/10.31833/uav/2021.21.2.005

Курманов Р.Г. История широколиственных лесов горно-лесной зоны Южного Урала в позднем неоплейстоцене и голоцене по палинологическим данным // Современная палеонтология: классические и новейшие методы / Ред. А.В. Лопатин, П.Ю. Пархаев, А.Ю. Розанов. М.: Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, 2012. С. 28–29.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.

Румянцев М.М., Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М: ИА РАН, 2015С. 522–524.

Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 260 с.

Русланов Е.В., Савельев Н.С., Овсянников В.В., Котов ВГ., Румянцев М.М., Николаев С.Ю., Ахметова Е.А., Лясович В.И. Работы Южно-Уральской комплексной археологической экспедиции в Башкирии // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 395–398.

Савельев Н.С. Ландшафтно-экологическая обусловленность освоения кочевниками Южного Урала изолированных территорий в эпоху раннего железа // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 181–188.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы Регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А.П. Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 62–84.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Памятники гамаюнской и курмантауской культур юго-западной оконечности Уральской горной страны // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 24–42. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.003

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Савельева А.Г., Сулейманов Р.Р., Хурмаев А.А., Кунгурцев А.Я. Комплекс материальной культуры башкир Южного Урала XVIII–XIX вв. (по данным селища Имсяк-Тау-1 в горно-степном Зауралье) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 300–319. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.009

ФГРБ: Физико-географическое районирование Башкирской АССР / Ученые записки. Т. XVI. Серия географическая. № 1. Уфа: БашГУ, 1964. 210 с.

Danukalova G., Kosintsev P., Yakovlev A., Yakovleva T., Osipova E., Kurmanov R., van Kolfschoten Th., Izvarin E. Quaternary deposits and biostratigraphy in caves and grottoes located in the Southern Urals (Russia) // Quaternary International. 2020. Vol. 546. P. 84–124.

Danukalova G., Yakovlev A., Osipova E., Kurmanov R., Yakovleva T. Palaeoenvironment of the Late Holocene at the Tushmurun and Archaeologists Grottos archaeological sites of the Belaya River valley (the Southern Urals, Russia) // Resumes. XXI-eme colloque international du GMPCA. UMR 6566 «CReAAH» Archeologie, Archeosciences, Histoire. 18-21 avril 2017. Rennes (France). 2017. P. 36.

Danukalova G., Yakovlev A., Osipova E., Yakovleva T., Kosintsev P. Biostratigraphy of the Upper Pleistocene (Upper Neopleistocene) – Holocene deposits of the latitude current of the Belaya river valley of the Southern Urals region (Russia) // Quaternary International. Vol. 231. 2011. P. 28–43.

Yakovlev A., Danukalova G., Kosintcev P., Alimbekova L. & Morozova (Osipova) E. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of "Bajslan-Tash cave" (the Southern Urals) // Quaternary International. Vol. 149. 2006. P. 115–121.

Информация об авторах:

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

Курманов Равиль Гадельевич, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); ravil_kurmanov@mail.ru

REFERENCES

Alaeva, I. P. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya step': chast' i tseloe (Ancient Turgay and the Great Steppe: part and whole).* Kostanai; Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 474–484 (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Asfandiyarov, A. Z. 2009. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territoriy (The history of rural settlements of Bashkortostan and adjacent areas).* Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N., Savelev, N. S. 2004. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 93–118 (in Russian).

Savelev, N. S. (ed.). 2018. *Drevnosti Bashkirskogo Urala (Antiquities of the Bashkir Urals).* Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).

Eremeev, A. A., Kurmanov, R. G. 2011. In *Problemy sovremennoy palinologii: Materialy XIII Rossiyskoy palinologicheskoy konferentsii (Issues of modern palynology: Proceedings of the XIII Russian palynological*

conference) 2. Syktyvkar: Institute of Geology of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 84–87 (in Russian).

Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2021. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (2), 239–263 (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2012. In Rozanov, A. Yu., Lopatin, A. V., Parkhaev, P. Yu. (eds.). *Sovremennaya paleontologiya: klassicheskie i noveyshie metody (Modern paleontology: classical and new methods)*. Moscow: Paleontological Institute of Russian Academy of Sciences, 28–29 (in Russian).

Morozov, Yu. A. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 19–40 (in Russian).

Rumyantsev, M. M., Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 522–524 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. *Arkheologicheskie mikrorayony Yuzhnogo Urala: teoriya i praktika nauchnogo izucheniya (Archaeological microdistricts of the Southern Urals: theory and practice of scientific study).* Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ruslanov, E. V., Savelev, N. S., Ovsyannikov, V. V., Kotov, V. G., Rumyantsev. M. M., Nikolaev, S. Yu., Akhmetova, E. A., Lyasovich, V. I. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2018 g. (Archaeological Discoveries of 2018).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 395–398 (in Russian).

Savelev, N. S. 2004. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 181–188 (in Russian).

Savelev, N. S. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 42–70 (in Russian).

Savelev, N. S. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 62–84 (in Russian).

Savelev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 114–129 (in Russian).

Savelev, N. S. 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 18, 24–42(in Russian).

Savelev, N. S., Nikolaev, S. Yu., Rumyantsev, M. M., Ruslanov, E. V., Saveleva, A. G., Suleimanov, R. R., Khurmaev, A. A., Kungurtsev, A. Ya. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2 (23), 300–319 (in Russian).

1964. *Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Bashkirskoj ASSR (Physical and geographical zoning of the Bashkir ASSR).* In Uchenye zapiski. T. XVI. Seriya geograficheskaya. № 1 (Scientific notes. Vol. XVI. Geographical series. No. 1). Ufa: BashSU (in Russian).

Danukalova, G., Kosintsev, P., Yakovlev, A., Yakovleva, T., Osipova, E., Kurmanov, R., van Kolfschoten, Th., Izvarin, E. 2020. In *Quaternary International* 546, 84–124.

Danukalova, G., Yakovlev, A., Osipova, E., Kurmanov, R., Yakovleva, T. 2017. In *Resumes. XXI-eme colloque international du GMPCA. UMR 6566 «CReAAH» Archeologie, Archeosciences, Histoire. 18-21 avril 2017. Rennes (France)*, 36.

Danukalova, G., Yakovlev, A., Osipova, E., Yakovleva, T., Kosintsev, P. 2011. In *Quaternary International* 231, 28–43.

Yakovlev, A., Danukalova, G., Kosintsev, P., Alimbekova, L. & Morozova (Osipova), E. 2006. In *Quaternary International* 149, 115–121.

About the Authors:

Ruslanov Evgenij V. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation; butleger@mail.ru

Savelev Nikita S. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Kurmanov Ravil G. Candidate of Biological Sciences, Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx St., 16, Building 2, Ufa, 450077, Russian Federation; ravil_kurmanov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.24(470.342)”5/7”(045) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.258.271

РЕМЕННЫЕ ГАРНИТУРЫ ТАТ-БОЯРСКОГО МОГИЛЬНИКА VI–VIII ВВ. В БАССЕЙНЕ Р. ВЯТКИ

© 2025 г. Н.А. Лещинская

В статье рассматриваются материалы поясной, обувной гарнитуры из погребений раннесредневекового вятского Тат-Боярского могильника еманаевской археологической культуры. Ременные гарнитуры анализируются с точки зрения конструктивных, декоративных особенностей. В результате выделено шесть групп ременных наборов, каждая из которых характеризуется своей стилистикой изделий. Приводимые в статье аналогии к тат-боярским материалам позволяют обосновать хронологическую позицию каждой группы изделий и, в целом, аргументировать датировку Тат-Боярского могильника в рамках VI–VIII вв., возможно начала IX в. Хронологический диапазон погребений памятника впервые позволяет проследить преемственность между позднеазелинскими древностями и вятскими погребальными памятниками VIII–X вв. в рамках единого культурного пространства.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, бассейн р. Вятки, погребальный памятник, ременные гарнитуры, атрибуция.

BELT SETS FROM TAT-BOYARY BURIAL GROUND OF THE VI–VIII CENTURIES IN THE VYATKA RIVER BASIN

N.A. Leshchinskaya

The paper deals with artefacts of belt and shoe sets from burials of the early medieval Vyatka Tat-Boyary burial ground attributed to the Emanayevo archaeological culture. The belt sets are analysed through design and decorative features and grouped. Each of six groups features its own stylistics. The analogues to the Tat-Boyary artefacts submitted in the paper allow us to justify a chronological position of each group and, on the whole, to give reasons for the dating of the Tat-Boyary burial ground within VI–VII centuries, perhaps to the beginning of IX century. The chronological range of the ground burials lets us for the first time trace the succession of Late Azelino antiquities to Vyatka burial monuments of VIII–X centuries within a single cultural space.

Keywords: archaeology, early Middle Ages, Vyatka River basin, burial monument, belt sets, attribution.

Тат-Боярский могильник расположен на окраине с. Тат-Бояры Кильмезского района Кировской области. Могильник занимает незначительное всхолмление 10–12-метровой террасы коренного правого берега р. Лобани, правого притока р. Кильмези, левого притока р. Вятки. Памятник открыт в 1988 г. разведотрядом Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ) Удмуртского госуниверситета (Денисова, 1988). Стационарные раскопки произведены в 1988, 1990 гг. КВАЭ под руководством Р.Д. Голдиной (Голдина, 1988) и Н.А. Лещинской (Лещинская, 1990). Общая вскрытая площадь памятника составила около 1270 кв. м, исследовано 54 погребения и одна яма (рис. 1).

Материалы Тат-Боярского могильника представляют значительный интерес с точки зрения информационного ресурса по раннесредневековому периоду в археологии Волго-Вятского междуречья. На сегодняшний день наиболее близкие Тат-Боярскому некрополю погребальные памятники представлены материалами Концовского, Шор-Унжинского могильников, Антонковскими находками VI–VII вв., погребением у д. Старый Узюм, Безводновским кладом VI в. Единого мнения о культурной принадлежности этого круга памятников на данный момент не сложилось. По одной точке зрения, четко фиксируемые азелинские традиции в погребальном инвентаре могильников позволяют рассматривать их как поздне- или постазелинские памятники (Д.Г. Бугров), формирующие поздний этап азелинской культуры. Другое мнение – раннесредневековые могильники вместе с синхронными и культурно близкими поселенческими памятниками, занимающими компактную территорию бассейна р. Вятки, верховья рр. Илети, Кокшаги – левобережных притоков р. Волги, можно выделить в самостоятельную еманаевскую археологическую

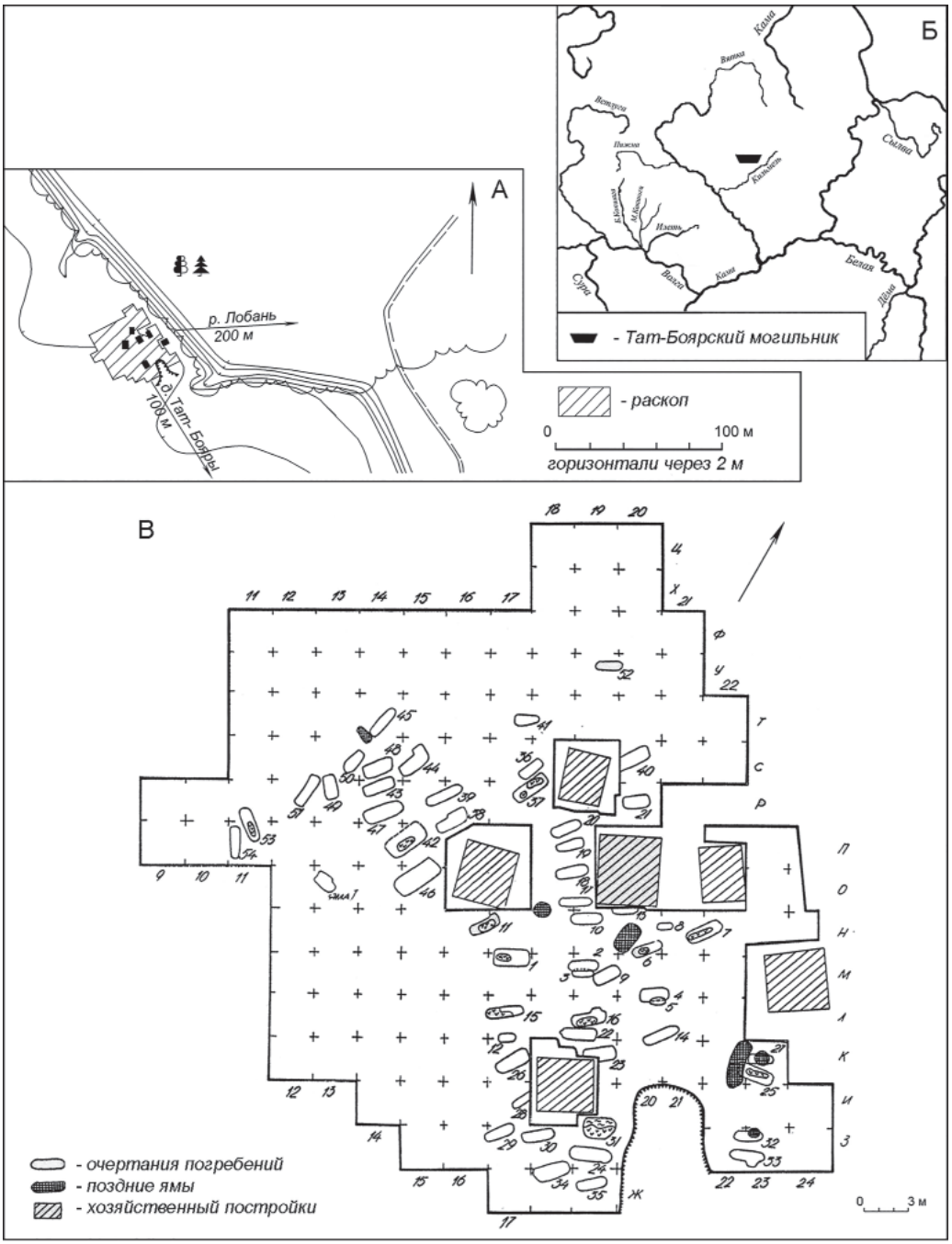


Рис. 1. Тат-Боярский могильник: А – топографический план памятника; Б – карта-схема расположения памятника; В – общий план раскопа.
Fig. 1. Tat-Boyary burial ground: A – topographic plan of the site; Б – sketch-map of the site location; B – general plan of the excavation.

культуру, сформированную на позднеазелинской платформе (Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская).

Своеобразие Тат-Боярского могильника по сравнению с другими погребальными памятниками еманаевской культуры – более широкий хронологический диапазон погребений: помимо захоронений VI–VII вв. зафиксированы комплексы VIII в., возможно начала IX в. Это, в свою очередь, впервые позволяет проследить преемственность между позднеазелинскими древностями и вятскими погребальными памятниками VIII–X вв. (Юмский, Лопьяльский могильники VIII–X вв., Вятский могильник VIII–IX вв.) (Лещинская, 2022, с. 566).

В обосновании датировок погребений Тат-Боярского могильника особыми возмож-

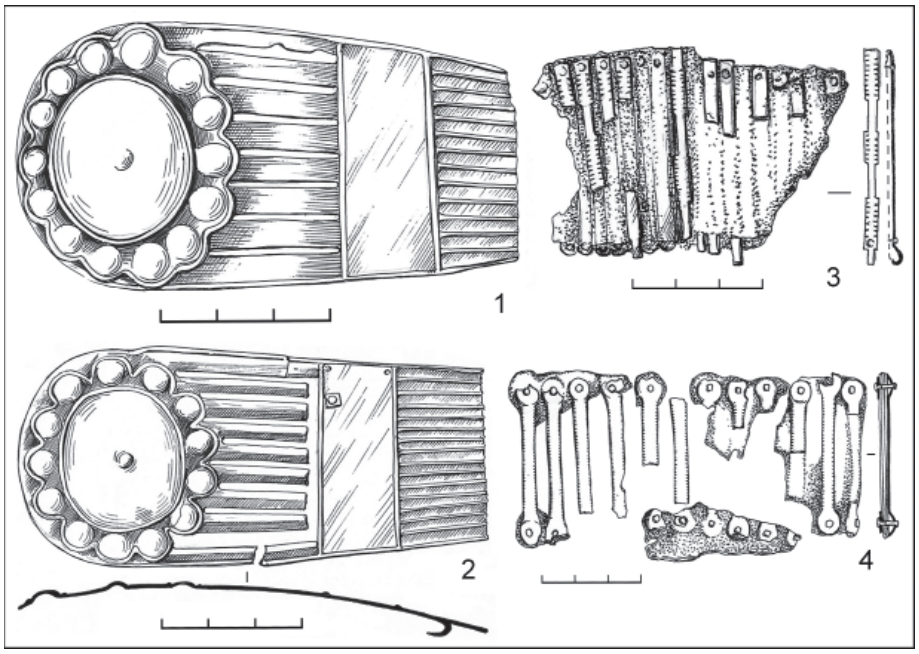


Рис. 2. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из разрушенных погребений: 1, 2 – эполетообразные застежки; 3, 4 – фрагменты поясов с накладками. 1, 2 – бронза, 3, 4 – кожа, бронза.
Fig. 2. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from destructed burials: 1, 2 – epaulette-shaped clasps; 3, 4 – fragments of belts with plates. 1, 2 – bronze, 3, 4 – leather, bronze.

ностями обладают ременные гарнитуры памятника, которые представлены элементами как поясных, так и обувных наборов, изредка портупейного пояса. При этом реконструировать полный облик, особенно поясных наборов, в большинстве случаев не представляется возможным, учитывая особенности размещения погребального инвентаря. Детали одного пояса могут располагаться разрозненно в погребении, и в засыпи, и на дне.

В статье с учетом стилистики конструктивных особенностей деталей ременных гарнитур намечено несколько групп.

Группа I включает элементы поясной гарнитуры постазелинского облика, которые происходят из погребений Тат-Боярского могильника, разрушенных в ходе строительных работ на территории памятника. В коллекции, собранной местным населением, находились:

1) фрагмент кожаного пояса шириной 5 см с нанизанными бронзовыми т. н. «пильчатыми» накладками из согнутой пополам узкой (до 4 мм) пластины, охватывающей пояс на всю ширину. Внешняя сторона пластины декорирована фасетировкой и насечками, место сгиба слегка выпуклое. Вверху и внизу накладка скреплялась с ремнем бронзовыми штырьками с небольшими заклепками (рис. 2: 3). Аналогичные накладки, иногда с привесками, происходят с Шор-Унжинского могильника (Никитина, 1999, рис. 71: 10), из разрушенного погребения у д. Старый Узюм (Бугров, 2015, рис. 6: А, Б), двух погребений Младшего Ахмыловского могильника (Никитина, 1999, рис. 16: 14). Ранние варианты пильчатых накладок – характерный элемент азелинских женских погребений III–V вв. (Лещинская, 2014, табл. 84: 3; 90: 19; 100: 7);

2) фрагменты кожаного пояса шириной около 5,5 см с бронзовыми накладками из узкой (5 мм) длинной пластины с округло-выпуклыми расширениями на концах. Боковые грани основного поля накладок декорировались насечками. К ремню накладки крепились бронзовыми штырьками с мелкими заклепками в области овалов (рис. 2: 4). Близкие по форме основы накладки встречены в староузюмском комплексе (Бугров, 2015, рис. 3, 4), Шор-Унжинском могильнике (Никитина, 1999, рис. 71: 9).

Комплексы, включающие накладки, аналогичные тат-боярским, содержали изделия позднеазелинского типа (эполетообразные застежки, арочные шумящие подвески) и инвентарь, не выходящий за рубеж VI в.

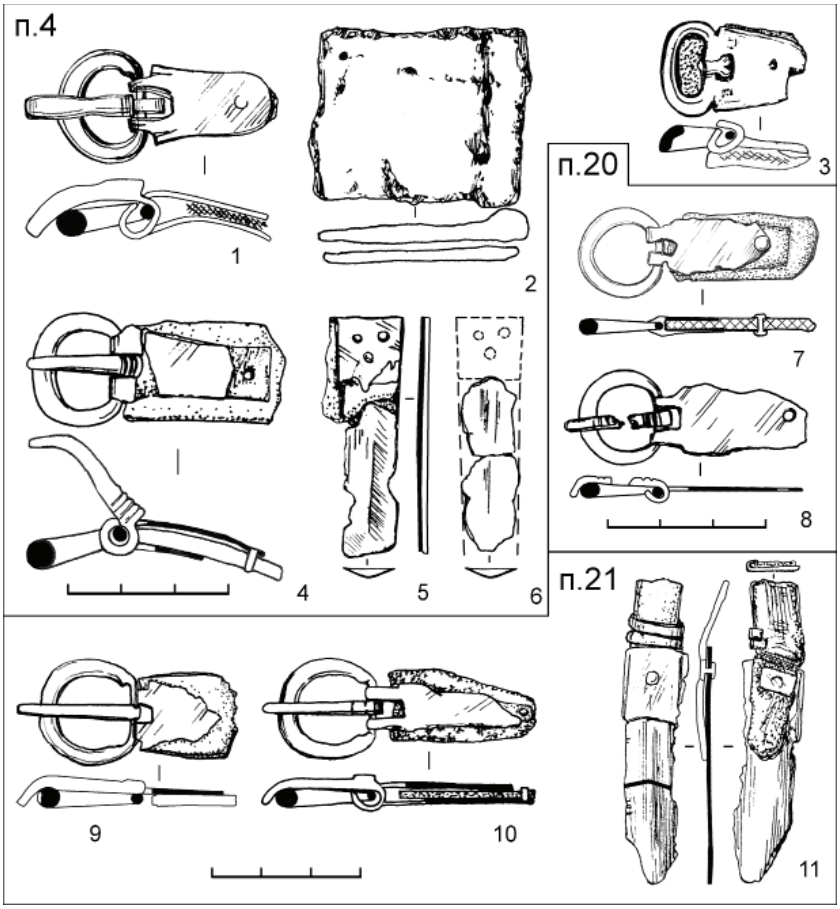


Рис. 3. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из пп.4, 20, 21: 1, 3, 4, 7-10 – пряжки; 2, 5, 6, 11 – наконечники ремней; 1, 3-11 – бронза; 2 – железо.
Fig. 3. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from burials 4, 20, 21: 1, 3, 4, 7-10 – buckles; 2, 5, 6, 11 – belt endpieces; 1, 3-11 – bronze; 2 – iron.

(Бугров, 2015, рис. 1, 2; Никитина, 1999, рис. 16, 71).

Из разведочного сбора Тат-Боярского могильника происходят три цельнолитые эполетообразные застежки позднеазелинского типа (рис. 2: 1, 2), которые условно можно соотнести с вышеупомянутыми фрагментами тат-боярских поясов.

Группа II включает комплекс пряжек с хоботковидными язычками, имеющими выступ у основания, на язычках нередко фиксируется декор из глубоких поперечных насечек (желобков). К единичному целому экземпляру относится простая бронзовая рамчатая пряжка от пояса: округлая рамка (D 2,5 см) с утолщением в передней части, с длинным нависающим язычком, со сглаженным орнаментом из крестовидной и поперечных насечек у основания (рис. 4: 5). Чаще встречаются трехсоставные пряжки с обоймой из согнутой пополам пластины. Среди них преобладают обувные бронзовые пряжки: 1) с узким прямоугольным щитком (1–1,5×2,5–3,5 см), округлыми рамками (D 1,7–2 см), выступами-площадками у основания язычков (рис. 3: 9, 10) или орнаментацией поперечными желобками (рис. 3: 8); 2) с подтрапециевидным щитком (1–2×3,5 см), массивной овальной (2,5×2 см), утолщенной спереди рамкой, нависающим язычком с уступом и орнаментацией поперечными желобками (рис. 3: 4). Скорее всего, от портупейного крепления происходит трехсоставная пряжка с подпрямоугольным щитком (1,4–2×3,5 см), имеющим овальное оформление края, массивную утолщенную спереди овальную рамку (2,5×2 см), нависающий язычок с уступом (рис. 3: 1). В составе жертвенного комплекса обнаружена крупная пряжка с, возможно, подпрямоугольным щитком, с массивной овальной (3×2,5 см) утолщенной спереди рамкой, длинным язычком с уступом (рис. 4: 1).

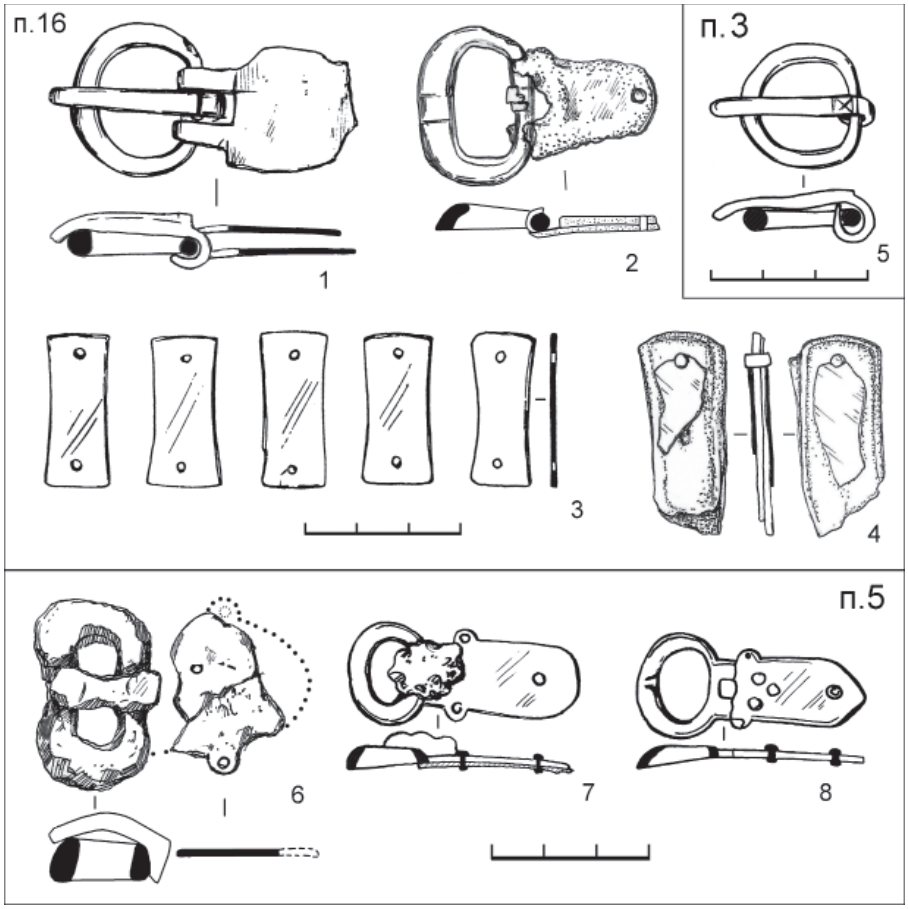


Рис. 4. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из пп.3, 5, 16: 1, 2, 5-8 – пряжки; 3 – накладки; 4 – фрагмент наконечника ремня. 1-5, 7, 8 – бронза; 6 – железо.
Fig. 4. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from graves 3, 5, 16: 1, 2, 5-8 – buckles; 3 – plates; 4 – belt tip fragment. 1-5, 7, 8 – bronze; 6 – iron.

В обувных наборах с пряжками идут наконечники ремней из бронзовой подпрямоугольной пластины (длиной не менее 4,5–4,7 см, шириной 1,2–1 см), крепившейся к кожаному ремешку при помощи шпеньков. В верхней части наконечника фиксируется с разной степенью отчетливости прямоугольная площадка, в нижней – слабо выраженное вертикальное ребро жесткости по центру (рис. 3: 5, 6, 11). Стилистическое и локальное своеобразие наконечников «с выраженной площадкой в верхней части» обозначено в статье И.О. Гавритухина, А.Г. Иванова, где прикамские, башкирские, поволжские изделия объединены в рамках «бирско-безводнинской» серии с началом функционирования не ранее середины VI в., с возможным употреблением и в VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 114–117). Тат-боярский вариант наконечников более близок верх-саинским наконечникам из курганных погребений первой половины VI в., где они коррелируют с пряжками, близкими обувным тат-боярским экземплярам (Голдина и др., 2018, с. 132, табл. 21: 1–4; 31: 3, 4, 7; 75: 2, 3), бирским наконечникам, соответствующим по результатам сериации ременных гарнитур Южного Приуралья О.С. Белявской третьему этапу V–VI вв. (Белявская, 2023, рис. 67: 21, 30). Не противоречит датировке тат-боярских пряжек и наконечников VI в. встречаемость с ними в одних комплексах железного наконечника ремня-коробочки в виде согнутой пополам пластины с овальным утолщением (рис. 3: 2), простых прямоугольных поясных накладок (рис. 4: 3). Подобное сочетание элементов ременных гарнитур характерно для верх-саинской стадии неволинской культуры (Голдина и др., 2018, табл. 428; 430; 431: 18), митинской стадии (VI в.) харинского периода ломоватовской культуры (Голдина, 2022, рис. 17), гыркесшурской стадии (VI в.) поломской культуры (Голдина,

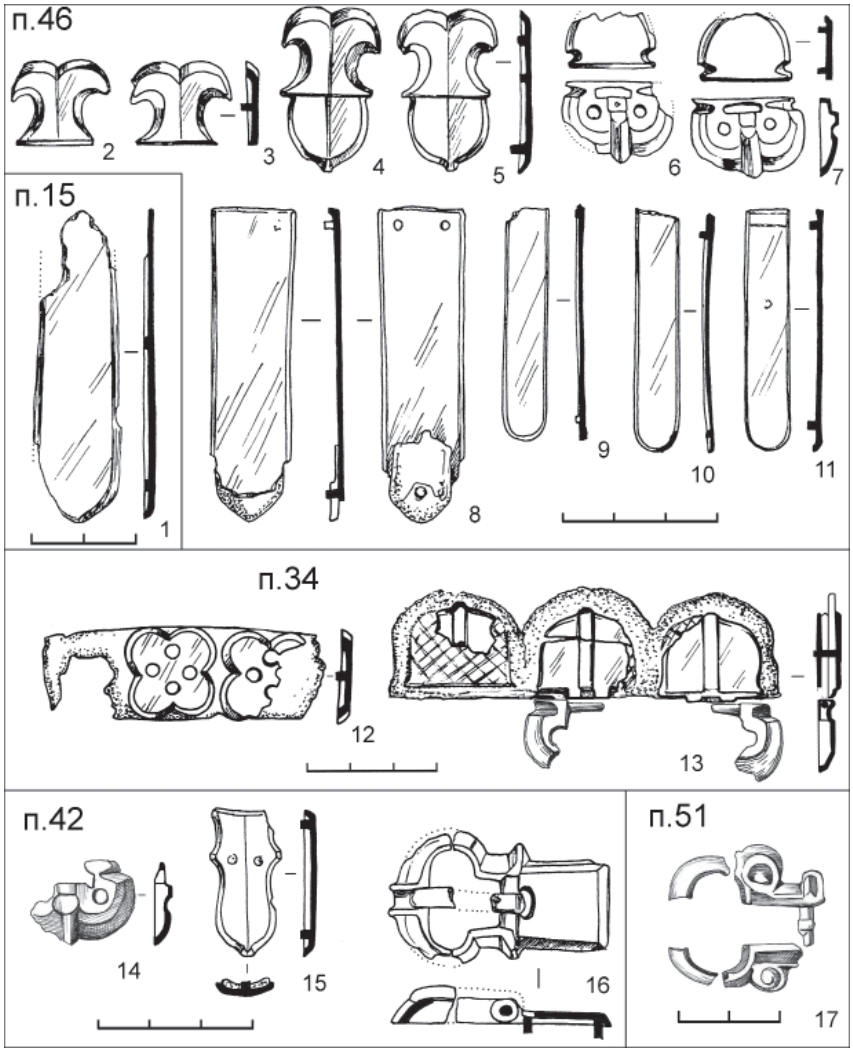


Рис. 5. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из пп.15, 34, 42, 46, 51: 1, 8 – наконечники ремней; 2-7, 9-15 – накладки; 16, 17 – пряжки. 1-11, 14-17 – бронза; 12, 13 – кожа, бронза.
Fig. 5. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from burials 15, 34, 42, 46, 51: 1, 8 – belt endpieces; 2-7, 9-15 – plates; 16, 17 – buckles. 1-11, 14-17 – bronze; 12,13 – leather, bronze.

2022а, рис. 10), погребальных комплексов V–VI вв. памятников бассейна р. Белой (Белявская, 2023, рис. 67), захоронений второй половины V – первой половины VI вв. памятников безводнинско-ахмыловского типа (Грибов, 2022, с. 591, рис. 5).

Отдельно стоит отметить наличие в погребальных комплексах с хоботковыми пряжками единичных экземпляров пряжек с полыми рамками: в п. 16 это поясная трехсоставная пряжка с крупной овальной рамкой, ложем для язычка и оттиском на коже от небольшого подтрапециевидного щитка (рис. 4: 2) в наборе с простыми прямоугольными накладками и фрагментом наконечника из двух пластин (рис. 4: 3–4); в п. 4 – небольшая цельнолитая пряжка с овальной рамкой и подтрапециевидным щитком со слегка скошенными гранями (рис. 3: 3).

Небольшая цельнолитая пряжка с овальной полой рамкой и, возможно, подпрямоугольным щитком с округлым концом (рис. 3: 3) относится к комплексу п. 4 с вышерассмотренной ременной гарнитурой VI в.

Группа III включает три пряжки из п. 5, объединенные одним стилистическим признаком – наличием округлых выступов на щитке с отверстиями, в том числе и для крепления. Поясная пряжка, скорее всего трехсоставная, выполнена из железа, с В-образной рамкой, фрагментом округлого (?) щитка с двумя (тремя?) фиксируемыми выступами (рис. 4: 6). Наиболее вероятные аналогии – это бронзовые трехсоставные пряжки: с полой

В-образной рамкой из Бирского могильника (Мажитов, 1968, табл. 5: 26), с округлыми рамками из Младшего Ахмыловского (Никитина, 1999, рис. 21: 12; 26: 4; 27: 7), Подвязьевского (Грибов, 2018, рис. 2: 9) могильников с комплексами, не выходящими за рубеж VI в.

К обувному набору тат-боярского п. 5 относятся две цельнолитые пряжки (4,5×1,5–2 см) с округлой полой рамкой, подпрямоугольным щитком с округлым или подтреугольным концом, с двумя выступами у основания щитка (рис. 4: 7, 8).

Среди памятников, аналогичных Тат-Боярскому могильнику, близкий комплекс пряжек, имеющих щиток с выступами, происходит из погребений Концовского некрополя (Иванова, 1988, рис. 5: 1; 15: 8) в сочетании с поясными прямоугольными накладками и обувными пластинчатыми наконечниками ремней. Принцип оформления щитков пряжек округлыми выступами широко встречается в комплексах VI в. в памятниках Пермского Предуралья, Поволжья, Приаралья, Кавказа и других территорий Восточной Европы (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, рис. 18: 6, 7; Богачев, 2010, с. 157–158, табл. I, часть 3, 4, рис. 1: 3, 9, 14; 2: 1, 2, 4, 8; Голдина, 2012, табл. 8: 1, 3; Бернц, Пастушенко, 2012, рис. 4: 12, 13, 15, 16; Комар, 2000, с. 37–38, рис. 3: 27, 28, 29).

Группа IV объединяет ременные гарнитуры «геральдического» стиля. Набор элементов поясной гарнитуры из п. 46 включал: простые и двухчастные роговидные накладки с сильно профилированными «рогами», две псевдопряжки с В-образной полой рамкой, с двумя круглыми прорезями и имитацией язычка, которые, возможно, комбинировались с двумя полуовальными накладками; наконечник ремня вытянутой подпрямоугольной формы, скорее всего с приостренным концом; три небольшие подпрямоугольные накладки с округлым концом от подвесных ремешков (рис. 5: 2–11). В п. 34 зафиксирован вариант псевдопряжек с подвесной рамкой к щитку геральдической формы с вертикальным ребром (рис. 5: 13), которые идут в комплексе с четырехлепестковыми накладками (рис. 5: 12). Фрагмент псевдопряжки без щитка в п. 42 (рис. 5: 14) комбинируется: с концевой накладкой с боковыми выступами и фиксируемым ребром (рис. 5: 15), цельнолитой пряжкой с овальной полой рамкой, фиксированным ложем для язычка и небольшим подпрямоугольным «геральдическим» щитком (рис. 5: 16).

В качестве единичных находок в погребениях встречаются украшения подвесных ремешков: мечевидные накладки с ребром вертикальной симметрии (рис. 6: 10, 14, 15), накладки с боковыми выступами разных пропорций и орнаментации (рис. 6: 2, 3, 9), подпрямоугольная накладка с округлым концом и продольным вырезом (рис. 6: 1), Т-образные накладки (рис. 6: 5). К поясным изделиям можно отнести полуовальную накладку с прорезным орнаментом (рис. 6: 7), круглую накладку с насечками на боковых скосах (рис. 6: 19), двухчастную накладку со слабовыраженным роговым верхом, сердцевидной нижней частью и прорезным орнаментом (рис. 6: 21), есть следы на кожаном ремешке маленьких квадратных накладок (рис. 6: 20).

В целом весь «геральдический» комплекс ременной гарнитуры Тат-Боярского могильника по стилистике близок поясной гарнитуре памятников агафоновской стадии ломоватовской культуры, бартымской стадии неволинской культуры, варнинской стадии поломской культуры конца VI–VII вв. (Голдина, 2022, рис. 18; Голдина, 2022а, рис. 21; Голдина, 2022б, рис. 11).

В тат-боярском ременном комплексе более раннюю хронологическую позицию, скорее всего, занимает п. 14. Здесь такие элементы, как наконечник ремня из длинной согнутой пополам пластины с валиковым расширением на конце (рис. 6: 20), простые прямоугольные накладки (рис. 6: 16), характерные для комплексов не позднее VI в. (Белявская, 2023, рис. 73: 13; Никитина, 1999, рис. 38: 6), сочетаются с круглой накладкой, имеющей аналогии в погребениях VI в. Верх-Саинского могильника (Голдина и др., 2018, табл. 32: 1, 2; 431: 19) и двумя геральдическими накладками с активной прорезной орнаментацией, более характерной для конца VI – первой половины VII вв.

Для поясной гарнитуры пп. 34, 42, 46 более вероятна дата середины – второй половины VII в. Ременные комплексы погребений объединяет присутствие псевдопряжек, типы которых в прикамском, поволжском ареалах (варианты типа 1 по: Гавритухин, 1996) более характерны для середины – второй половины

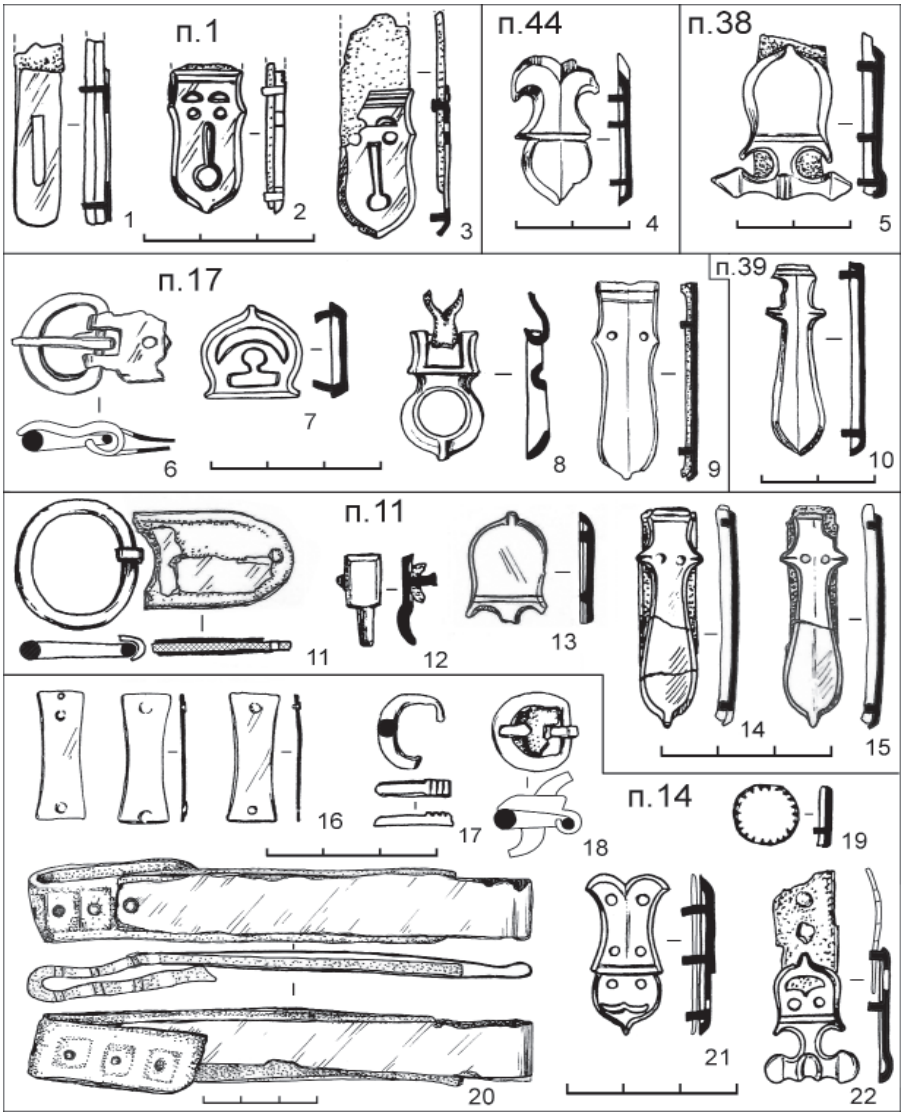


Рис. 6. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из пп.1, 11, 14, 17, 38, 39, 44: 1-5, 7, 9, 10, 12-16, 19, 21, 22 – накладки; 6, 11, 17, 18 – пряжки; 8 – пряжка-колечко; 20 – наконечник ремня. 1-22 – бронза.
Fig. 6. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from burials 1, 11, 14, 17, 38, 39, 44: 1-5, 7, 9, 10, 12-16, 19, 21, 22 – plates; 6, 11, 17, 18 – buckles; 8 –buckle-ring; 20 – belt endpiece. 1-22 – bronze.

VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 33–34, 93; Гавритухин, 2001, с. 32). Не противоречит данному хронологическому периоду и сочетание псевдопряжек в п. 34 с четырехлепестковыми накладками, наибольшее распространение которых в Прикамье, по мнению И.О. Гавритухина, приходится на конец VI – середину VII вв. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106–108), по хронологии Верх-Саинского могильника – на первую половину VII в. (Голдина и др., 2018, табл. 432: 36).

К группе V можно отнести детали поясного набора из п. 32, выполненные в салтовской стилистике ременных гарнитур. Сохранились разрозненные фрагменты кожаного ремешка с небольшими (1×1,5–2 см) вертикально вытянутыми полуовальными накладками, с узкой подпрямоугольной или широкой овальной прорезью внизу (рис. 7: 2–7) – упрощенные варианты бляшек салтовских поясных наборов горизонта I/II (780–800 гг.), по исследованиям А.В. Комара (Комар, 1999, табл. 4: 12–17), близки бляшкам из склепа 303а салтовского горизонта второй половины VIII–IX вв. Скалистинского могильника в Крыму (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 197–198, рис. 42: 5–14), изредка встречаются в комплексах последней четверти VIII – первой четверти IX вв. неволинских, ломоватовских могильников (Голдина, 2012, табл. 44: 14; Голдина,

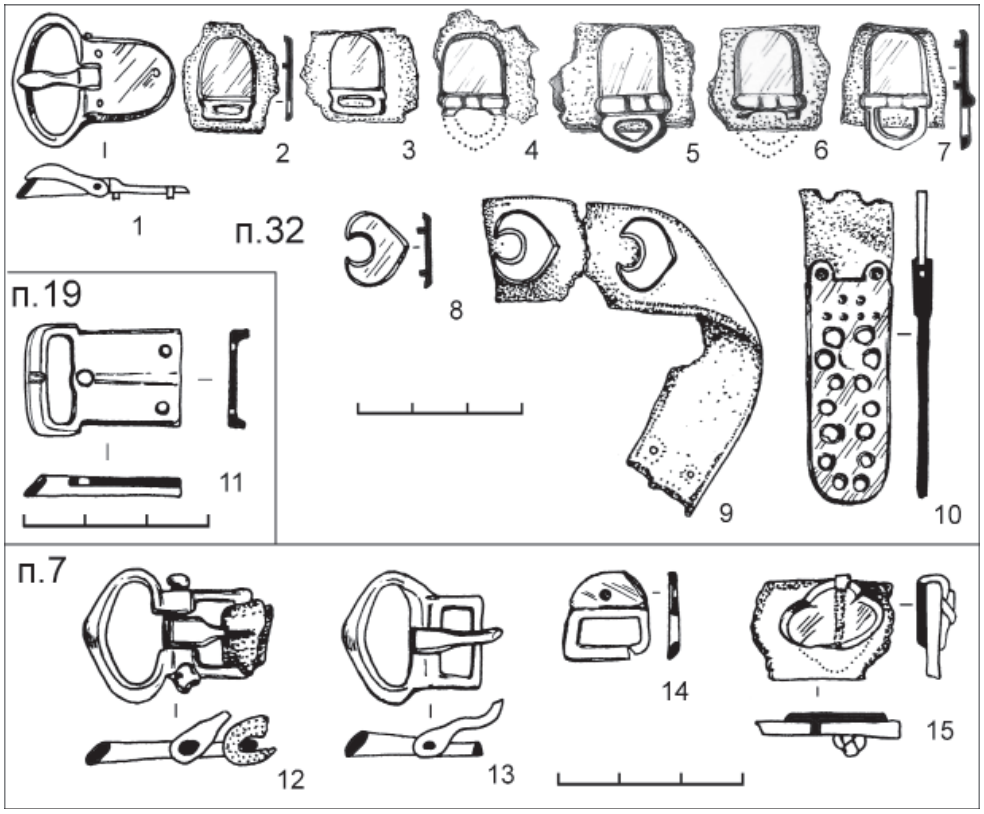


Рис. 7. Тат-Боярский могильник. Элементы поясной гарнитуры из пп.7, 19, 32. 1-10 – фрагменты пояса: 1 – пряжка; 2-9 – накладки; 10 – наконечник ремня. 11-13 – пряжки; 14, 15 – фрагменты накладок. 1, 11, 13, 14 – бронза; 2–10, 12, 15 – бронза, кожа.

Fig. 7. Tat-Boyary burial ground. Belt set components from burials 7, 19, 32. 1-10 – belt fragments: 1 – buckle; 2-9 – plates; 10 – belt endpiece. 11-13 – buckles; 14, 15 – fragments of plates. 1, 11, 13, 14 – bronze; 2-10, 12, 15 – bronze, leather.

1985, табл. XII: 57). Аналогичный фрагмент тат-боярскому наконечнику ремня салтовского стиля с простым геометрическим прорезным орнаментом (рис. 7: 10) происходит из позднеломоватовского Каневского могильника (Голдина, 1985, табл. XIII: 35). Цельнолитая пряжка с шарнирным язычком (рис. 7: 1), сердцевидные накладки (рис. 7: 8, 9) – распространенные типы поясной гарнитуры второй половины VIII – первой четверти IX вв. на значительной территории Восточной Европы, включая прикамские культуры. В этот же период массовой находкой становятся восьмеркообразные пряжки (рис. 7: 12, 13).

Отдельную стилистическую группу (**группа VI**) ременной гарнитуры Тат-Боярского могильника составляют штампованные изделия из тонкого бронзового листа, украшенные рельефным тисненым орнаментом. Полный поясной комплект (рис. 8: 1) происходит из жертвенного комплекса п. 33 VIII – возможно, начала IX в. (более подробно см: Лещинская, 2021): двойной кожаный ремень, свернутый в пять оборотов, длиной примерно 117 см, с накладками-обоймами (2,5×1 см), орнаментированными рельефными двойными окружностями в два ряда по четыре элемента (рис. 8: 3); наконечник ремня из согнутой пополам тонкой пластины (размеры сторон 4×2 см), украшенный рельефными окружностями, линейным горизонтальным и мелкопуансонным орнаментом (рис. 8: 4); рамчатая прямоугольная бронзовая пряжка (2,2×2 см), плоская в сечении, с тонким уплощенным язычком, прогнутым в середине и слегка заходящим за рамку, рамка и язычок пряжки украшены насечками (рис. 8: 2). Подобная поясная гарнитура зафиксирована в п. 25 Тат-Боярского могильника (рис. 8: 5, 6), в материалах разрушенного Лопьяльского некрополя VIII–IX–X (?) вв. (ОАК за 1897 г. 1900, с. 61; ОАК за 1904 г. 1907, с. 136–137), в коллекции случайных находок с Болгарского городища (Руденко, 2015, с. 404–407, 409–411).

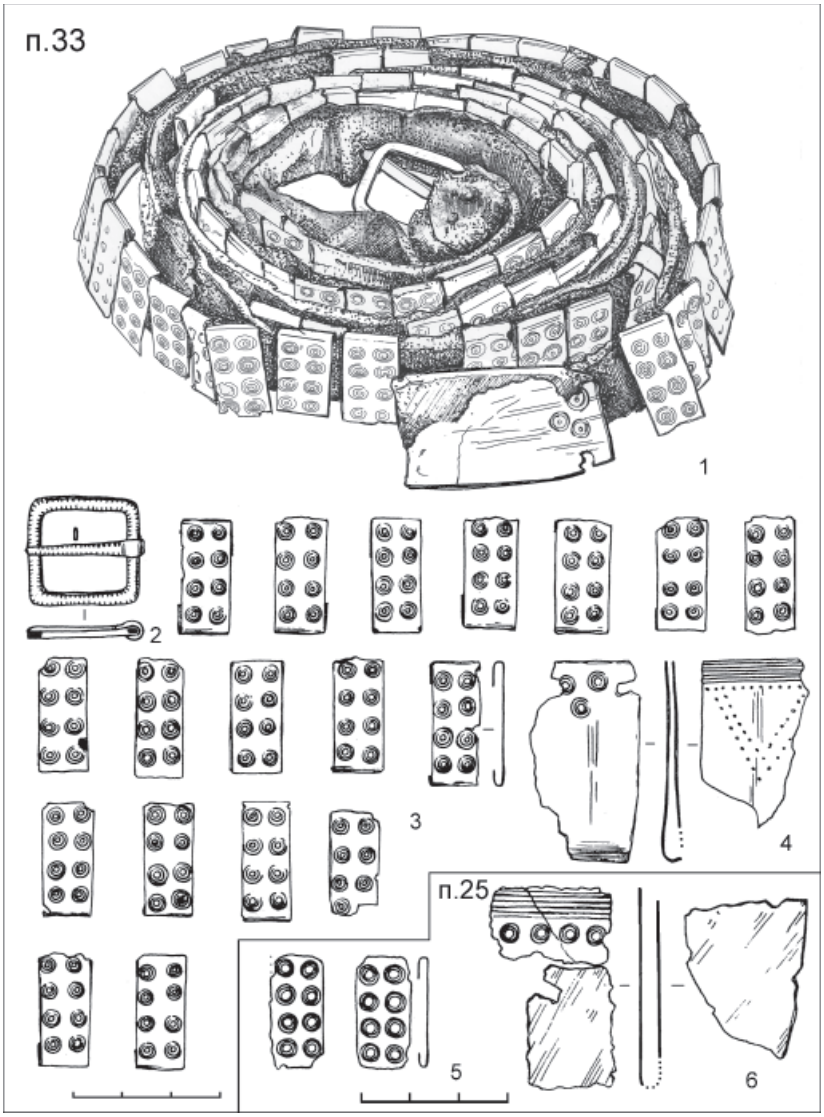


Рис. 8. Тат-Боярский могильник. 1 – общий вид пояса из п.33; 2-4 – элементы поясной гарнитуры: 2 – пряжка; 3 – накладки; 4 – наконечник ремня. 5-6 – элементы поясной гарнитуры из п.25: 5 – накладки; 6 – наконечник ремня. 2-6 – бронза.

Fig. 8. Tat-Boyary burial ground. 1 – general view of belt from burial 33; 2-4 – belt set components: 2 – buckle; 3 – plates; 4 – belt endpiece. 5-6 – belt set components from burials 25: 5 – plates; 6 – belt endpiece. 2-6 – bronze.

В целом на Тат-Боярском могильнике зафиксировано 30 захоронений (из 54), сопровождающихся элементами ременных гарнитур разной степени сохранности. Для 26 погребений выявлена их корреляция с выделенными стилистическими группами ременных гарнитур: группа 2 – восемь погребений, группа 3 – одно, группа 4 – тринадцать, группа 5 – два, группа 6 – два. С учетом хронологической оценки групп можно предполагать, что основное время функционирования Тат-Боярского могильника VI–VII вв. и только небольшая часть захоронений была совершена в VIII – возможно, начале IX в.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 133–275.

Белявская О.С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс… канд. ист. наук. Уфа, 2023. 599 с.

Бернц В.А., Пастушенко И.Ю. Важгортский II могильник эпохи средневековья в Коми-Пермяцком округе // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция // МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 415–426.

Богачев А.В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 155–168.

Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7–29.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова Думка, 1993. 201 с.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 31–86.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Грибов Н.Н. Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.

Грибов Н.Н. Могильники безводнинско-ахмыловского типа // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 583–595.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Отчет об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 г. // Архив учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского госуниверситета. Ф. 2. Д. 273а. 14 л.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012.. С. 203–285.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИКВАЭ. Т. 19. Ижевск: УдмГУ, 2018. 720 с.

Голдина Р.Д. Верхнее Прикамье в конце IV–IX вв. (ломоватовская культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 508–538.

Голдина Р.Д. Бассейн р. Чепцы в конце IV–IX вв. (поломская культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 539–565.

Голдина Р.Д. Сылвенско-Иренское поречье в конце IV–IX вв. (неволинская культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022б. С. 471–507.

Денисова Т.В. Отчет о разведочных работах в Кильмезском районе Кировской области, проведенных летом 1988 г. // Архив учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского госуниверситета. Ф. 2. Д. 278а. 6 л.

Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 2–24.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 19−54.

Лещинская Н.А. Отчет об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 г. Ижевск, 1991 // Архив учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского госуниверситета. Ф. 2. Д. 303. 26 л.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдмГУ, 2014. 472 с.

Лещинская Н.А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-Боярского могильника еманаевской культуры: информационный потенциал // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 4. С. 668–682.

Лещинская Н.А. Бассейн р. Вятки в VI–IX вв. (еманаевская археологическая культура) // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 566–582.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1897г. СПб., 1900. 192 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1904г. СПб., 1907. 185 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Информация об авторе:

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); nadin.lsk@gmail.com

REFERENCES

Akhmedov, I. R., Belotserkovskaya, I. V. 2007. In Gavritukhin, I. O., Lopatin, N. V., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the Ist Millennium AD).* Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 133–275 (in Russian).

Belyavskaya, O. S. 2023. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Fore-Urals of III – turn of VII and VIII centuries)* Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Bernts, V. A., Pastushenko, I. Yu., 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 415–426 (in Russian).

Bogachev, A. V. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Ofort Publ., 155–168 (in Russian).

Bugrov, D. G., 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 7–29 (in Russian).

Veimarn, E. V., Aibabin, A. I. 1993. *Skalistinskiy mogil'nik (Skalistoye burial ground).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gavritukhin, I. O. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 31–86 (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. 1996. In Afanas'ev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 99–159 (in Russian).

Gribov, N. N. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 191–199 (in Russian).

Gribov, N. N. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 583–595 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goldina, R. D. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 g. (Report on the Archaeological Excavations of the Tat-Boyary Burial Ground in the Kilmez' District, Kirov Oblast, Summer of 1988).* Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 273 (in Russian).

Goldina, R. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 203–285 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E.V. 2018. *Mogil'nik VI–IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi (Burial ground of 6th – 9th centuries near the village Verkh-Saya in Kungur forest-steppe)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 19. Izhevsk: Udmurt State University. (in Russian).

Goldina, R. D. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 508–538 (in Russian).

Goldina, R. D. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 539–565 (in Russian).

Goldina, R. D. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 471–507 (in Russian).

Denisova, T. V. 1988. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Kil'mezskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennykh letom 1988 g. (Report on the reconnaissances conducted in the Kilmez district of the Kirov Oblast during the summer of 1988).* Archive of the study room of the Department of History of Udmurtia, Archaeology and Ethnology of the Udmurt State University. Fund 2, dossier 278a (in Russian).

Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2–24 (in Russian).

Komar, A. V. 1999. In *Vita antiqua.* 2, 111–136 (in Russian).

Komar, A. V. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages).* 1. Donetsk: Donetsk National University, 19−54 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 goda (Report on the Archaeological Excavations on the Tat-Boyary Burial Ground, Kil'mez' District, Kirov Region, Summer 1990).* Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 303 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st — 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2021. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii (Yearbook of Finno-Ugric Studies*) 15 (4), 668–682 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2022. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 566–582 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).

1900. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1897 g. (Report of the Archaeological Commission from 1897).* Saint Petersburg (in Russian).

1907. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1904 g. (Report of the Archaeological Commission from 1904).* Saint Petersburg (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar). Vol. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

About the Author:

Leshchinskaya Nadezhda A., Candidate of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; nadin.lsk@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902 (470.51) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.272.280

СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ВАРНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ПРИМЕРЕ ДАТИРОВАННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ[1]

© 2025 г. Т.М. Сабирова

В статье представлены результаты элементного анализа изделий из цветных металлов Варнинского могильника конца IV –X в. (поломская археологическая культура). Памятник расположен на правом берегу р. Чепцы в ее верхнем течении (Удмуртская Республика). Целью работы является изучение среза одномоментно используемых цветных сплавов разных хронологических этапов развития поломской культуры. Для этого из массива проанализированных находок (150) отобраны материалы пяти закрытых погребальных комплексов. В работе использована методика неразрушающего поверхность образцов электронно-зондового анализа поверхности изделий. Исследование показало максимальное разнообразие использованных рецептур цветных металлических сплавов в рамках ранней (V– первая половина VI в.) и поздней (конец VIII – IX в.) стадий. Это соотносится с активностью торгово-экономических и культурных контактов населения в это время. Состав ранних находок коррелирует с ассортиментом прикамских и вятских материалов середины I тыс. н. э. Средние стадии отличаются большим содержанием олова в сплавах. Отличительной особенностью поздней стадии стало появление в многокомпонентных сплавах серебра в значительной концентрации.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, поломская культура, бассейн реки Чепцы, цветной металл, сканирующий электронный микроскоп.

COMPOSITION OF NON-FERROUS METAL FROM THE VARNI BURIAL GROUND ON THE EXAMPLE OF DATED BURIAL ASSEMBLAGES[2]

T.M. Sabirova

The paper presents the results of elemental analysis of non-ferrous metal items from the Varni burial ground of dating from the late IV – X centuries (Polom archaeological culture). The site is located on the right bank of the Cheptsa River in its upper reaches (Udmurt Republic). The aim of the study is to examine a cross-section of contemporaneously used non-ferrous alloys across different chronological stages of the Polom culture's development. For this purpose, materials from five closed burial assemblages were selected from the array of analyzed finds (150 items). The work uses the technique of non-destructive electron microprobe microanalysis of the surface of samples. The research revealed the greatest diversity of non-ferrous metal alloy compositions during the early (V – first half of the VI centuries AD) and late (late VIII – IX centuries AD) stages. This correlates with the intensity of trade-economic and cultural contacts among the population during these periods. The composition of early finds correlates with the range of materials from the Kama and Vyatka regions dating to the mid-I millennium AD. The middle stages are distinguished by a high tin content in the alloys. A distinctive feature of the late stage was the appearance of silver in significant concentrations within multicomponent alloys..

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Polom culture, Cheptsa River basin, non-ferrous metal, scanning electron microscope.

Варнинский могильник располагается на правом берегу р. Чепцы в ее верхнем течении на северной окраине д. Варни Дебесского района Удмуртской Республики (рис. 1). Памятник был открыт в 1970 г. В. А. Семеновым (Семенов, 1980) и на протяжении 17 полевых сезонов исследовался силами археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы (г. Ижевск) (Сабирова, Красноперов, 2024). Могильник

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10184, https://rscf.ru/project/23-28-10184/

[2] The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10184, https://rscf.ru/project/23-28-10184/

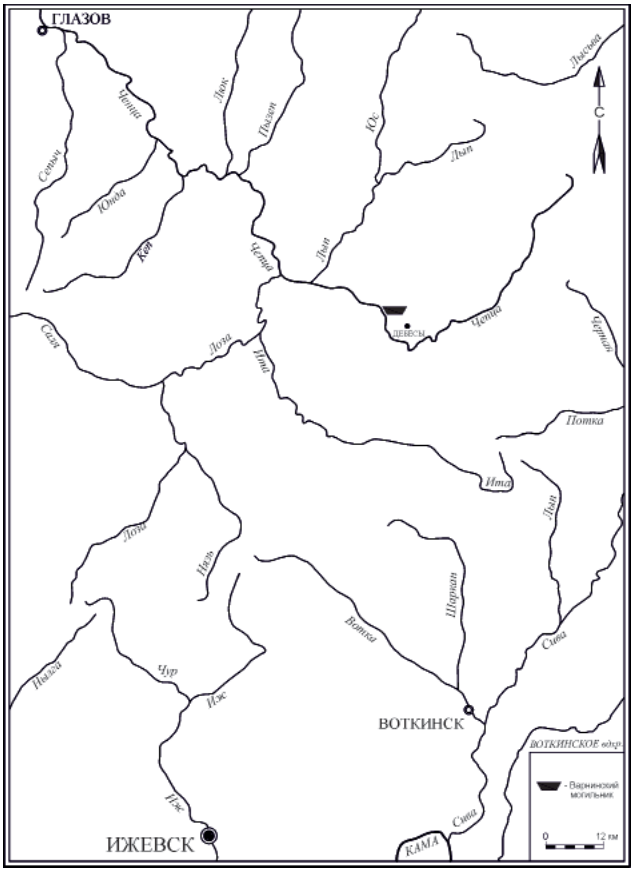


Рис. 1. Расположение Варнинского могильника на карте-схеме
Fig. 1. Location of the Varni burial ground on the sketch- map

является памятником поломской археологической культуры с широкой датировкой (конец IV – X в.) и большим количеством вскрытых погребальных комплексов (на 2024 г. – 699 захоронений). По объему исследованных комплексов он превышает всю совокупность других могильников поломской культуры. Датировка Варнинского могильника перекрывает хронологический диапазон функционирования поломской культуры (V–IX вв.). Он содержит комплексы, относящиеся к периоду освоения верхнего течения р. Чепцы, и погребения, характеризующие трансформацию поломской культуры в последующую чепецкую (конец IX – XIII в.). Таким образом, исследование материалов Варнинского могильника имеет важнейшее значение для реконструкции культурно-исторических процессов, протекающих в бассейне р. Чепцы в эпоху раннего средневековья.

Многолетние исследования состава археологического металла Камско-Вятского междуречья, проводившиеся для материалов разных хронологических периодов, охватывают период с начала нашей эры по V в. и с IX по начало XIII в. Коллекция Варнинского могильника по своей хронологии закрывает имеющуюся лакуну. В 2023 г. была начата работа по изучению элементного состава изделий из цветных металлов Варнинского могильника. Целью проекта является получение первичной характеристики сплавов цветных металлов, использовавшихся населением для изготовления элементов костюмного комплекса. Для получения комплексной информации на основе ограниченного количества анализов была разработана методика определения выборки (Сабирова, 2023). Согласно ей, весь массив находок был отсортирован по степени сохранности, также из него исключены находки из межмогильного пространства и заполнения погребений. Установлен ряд категорий инвентаря, обладающих наиболее информативными хронологическими и типологическими характеристиками. При отборе образцов учитывалось также их совокупное нахождение в одном комплексе. Таким образом, для проведения анализа отобрано 150 артефактов из более чем 35 погребений. Полученная совокупность выборки обладает большим исследовательским потенциалом, позволяющим охарактеризовать хронологическое развитие категорий находок и получить данные об одномоментно использовавшихся сплавах.

Методика проведения анализа поверхности уже неоднократно отработана на средневековых материалах севера Удмуртии. Анализ осуществлялся энергодисперсионным спектрометром Octane Elite Plus (EDAX), который интегрирован в растровый электронный микроскоп Quattro S (Thermo Fisher Scientific). Расчет результатов проводился по безэталонной ZAF методике с использованием стандартного программного обеспечения EDAX (Сабирова, Бельтюков, 2024). Место взятия пробы с поверхности каждого образца зафиксировано графической меткой на его изображении, а полученные данные внесены в аналитическую таблицу, содержащую информацию о процентном соотношении сплавообразующих компонентов и паспортные данные археологических находок – номер погребения и индивидуальный шифр. В отдельной графе «Компоненты сплава» указан список элементов, отсортированный в порядке уменьшения

их процентной представленности. Результаты уже частично введены в научный оборот (Сабирова, Бельтюков, 2024). Выявлен ассортимент сплавов цветных металлов, среди которых – бронзы, цинковые бронзы, латуни, оловянные сплавы.

Целью данного исследования является анализ погребальных комплексов, относящихся к разным этапам функционирования поломской культуры. Это позволит сравнить ассортимент и рецептуру использованных в разное время сплавов и предположить причины происходивших изменений. Поломская археологическая культура имеет четыре хронологических стадии: гыркесшурская (V–VI вв.), варнинская (конец VI – VII в.), каравалесская/весьякарская (конец VII – VIII в.), мыдланьшайская (конец VIII – IX в.) (Иванов и др., 2004, с. 46–52). Для сравнения было отобрано пять погребений, имеющих хронологически выразительный ассортимент находок. Все они находятся в средней части могильника (рис. 2), имеющего сложную планиграфическую структуру: именно в средней части памятника идет чередование и частичное наложение погребений разных хронологических групп. Частично их можно разделить по ориентировке могильных ям, а также по хронологии вещевых комплексов.

Материалы **гыркесшурской** стадии отображены в комплексе погребения 70 Варнинского могильника, датированного В. А. Семеновым V – первой половиной VI в. (Семенов, 1980, с. 56). Для анализа взяты две подвески (круглая и трапециевидная), пряжка (установлен состав каждой из ее структурных частей – щитка, язычка и дужки), две поясные накладки (табл. 1, рис. 3). Трапециевидная подвеска (ан. 89) выполнена из двухкомпонентной латуни с содержанием цинка 12,8 %. Круглая подвеска (ан. 88) изготовлена из многокомпонентной бронзы с примесью цинка (2,5%) и значительным содержанием олова (19,2%). Пряжка из погр. 70 имеет три структурных элемента, два из которых – язычок и дужка (ан. 90Б, 90В) выполнены одномоментно из свинцово-оловянистой латуни с содержанием цинка в сплаве 15,0–15,1%. Основа сплава щитка пряжки (ан. 90А) – медь (89,5%); остальные элементы (цинк, олово, свинец) представлены в концентрации 1,4–4,2%. По типологии, принятой в исследовании массива находок Варнинского могильника, последний сплав относится к категории цинковые бронзы. Они являются результатом неоднократных плавок металлического лома, с каждой из которых процентное содержание цинка уменьшалось. Несмотря на то, что его значение в таком сплаве выше порогового значения (1%), его нельзя относить к легирующим компонентам, а сам сплав – к латуням (Сабирова, Бельтюков, 2024, с. 116).

Среди погребений **варнинской** стадии, датированной Р. Д. Голдиной концом VI – VII в. (Голдина, 2012, с. 401), выразителен комплекс захоронения 236, содержащий проанализированные привески височных подвесок, две шумящие подвески с круглой основой, ажурная солярная бляха (табл. 2, рис. 4). Бляха (ан. 122) и одна из шумящих подвесок (ан. 121) выполнены из рецептурной оловянисто-свинцовой бронзы с максимально схожим процентным соотношением элементов (медь – 53,4–56,7 %, олово – 36,7–41,2 %, свинец – 5,4–6,5 %). Такой сплав с высоким содержанием олова обладает легкоплавкостью и

Таблица 1. Варнинский могильник, погребение 70.
Элементный состав изделий из цветных металлов
Table 1. Varni burial ground, burial 70. Elemental composition of non-ferrous metal items

№ ан. An. №	Наименование Name	Шифр Marks	Компоненты сплава Alloy Components	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Au	Pb
88	подвеска	19/1361	CuSnPbZn	0.9	66.3	2.5			19.2		4.6
89	подвеска	19/1362	CuZn		86.8	12.8					
90А	пряжка: щиток	19/1371	CuPbSnZn	1.3	89.5	1.4			2.3		4.2
90Б	пряжка: язычок		CuZnPbSn	0.8	74.5	15.0			2.2		3.8
90В	пряжка: дужка		CuZnPbSn	0.9	74.3	15.1			1.9		3.5
91	накладка	19/1378	SnCuZnPb		35.3	2.4			50.8		1.7
96	накладка	19/2341	Cu		99.6						

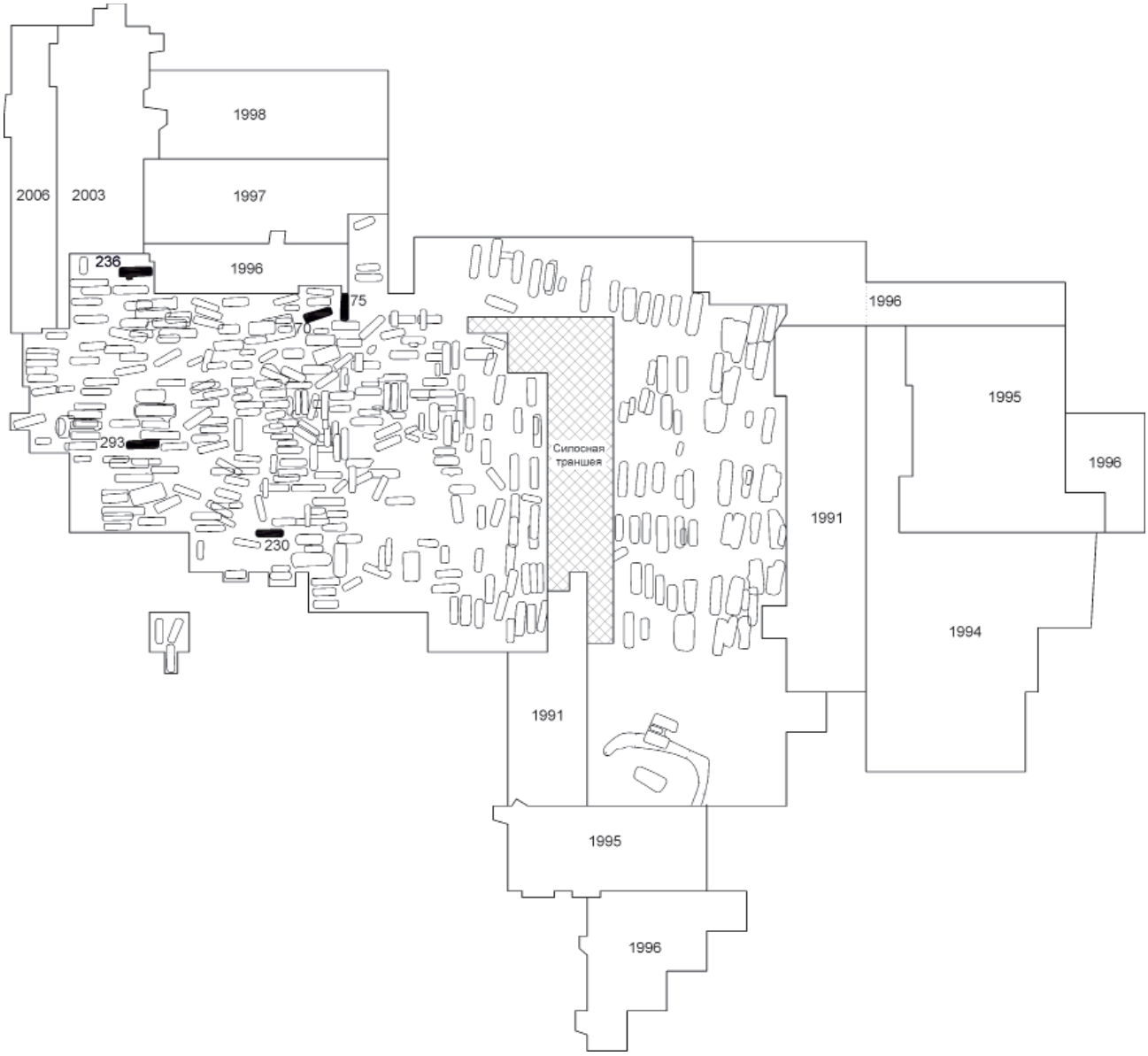


Рис. 2. Варнинский могильник. Выбранные погребения на общем плане могильника
Fig. 2. Varni burial ground. Selected burials on the general plan of the burial ground

Таблица 2. Варнинский могильник, погребение 236.
Элементный состав изделий из цветных металлов
Table 2. Varni burial ground, burial 236.
Elemental composition of non-ferrous metal items

№ ан. An. №	Наименование Name	Шифр Marks	Компоненты сплава Alloy Compo-nents	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Au	Pb
121	подвеска	43/1164	CuSnPb		56.7				36.7		6.5
122	бляха	43/1165	CuSnPb		53.4				41.2		5.4
123	подвеска	43/1195	CuZnAgSnPb		53.6	2.1		1.4	37.4		5.5
124	височная подвеска	43/1551	CuZnSnPb		61.8	0.7			32.1		5.4
125	височная подвеска	43/1795	CuZnSnPb		61.5	2.1			30.6		5.7

Таблица 3. Варнинский могильник, погребения 230, 293.
Элементный состав изделий из цветных металлов
Table 3. Varni burial ground, burials 230, 293.
Elemental composition of non-ferrous metal items

№ ан. An. №	Наименование Name	Шифр Marks	Компоненты сплава Alloy Components	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Au	Pb
173	накладка	43/5834	SnCuPb		33.4				38.0		28.6
174А	накладка: покрытие	43/5835	SnCuPbZn		22.5	1.1			60.8		15.7
174Б	накладка: основа		SnCuPb		29.0				61.3		9.8
179	накладка	43/7385	PbSnCu		14.0				17.1		69.0

имеет красивый цвет поверхности (Голдина и др., 2012, с. 346). Височные подвески (ан. 123, 124) и вторая шумящая подвеска (ан. 123) изготовлены из многокомпонентной бронзы с небольшим (до 2,1 %) включением цинка и, в одном случае (ан. 123) серебра (1,4 %).

Каравалесская/весьякарская стадия поломской культуры (конец VII – VIII в.) в выборке представлена не так широко: для сравнительного анализа выбран материал погребений 230 и 293, представленный типичными для VIII в. поясными накладками прямоугольной, арочной, Ж-образной форм (Голдина, 2012, с. 402) (табл. 3, рис. 5). Элементный анализ выявил довольно устойчивую рецептуру, включающую в себя в качестве легирующих компонентов олово, свинец и медь в разных пропорциях. В одном случае основой сплава выступает олово (поясная накладка, ан. 174А, 174Б), концентрация которого составляет 60,8–61,3 %. У другой накладки (ан. 179) основным компонентом является свинец (69,0%). Накладка из погр. 230 (ан. 173) содержит медь, олово и свинец почти в равных пропорциях, с небольшим преобладанием олова (38,0%).

Материалы **мыдланьшайской** стадии (конец VIII – IX в.) иллюстрирует комплекс погребения 75, представленный височной подвеской с утолщением на ободке, плоской монетовидной подвеской, обувной пряжкой, поясной пряжкой и наконечником ремня (табл. 4, рис. 6). Ассортимент используемых в погребении рецептур довольно широк: анализами выявлены сплавы на основе серебра, цинковые бронзы, практически чистую медь. Из последней выполнен поясной набор – пряжка (ан. 158А, 158Б, 158В) и наконечник ремня (ан. 159). Помимо меди, в металле пряжки содержится незначительная (0,7–3,0%) концентрация цинка. Наконечник же выполнен из технически чистой меди без примесей других легирующих компонентов. Анализ всех структурных компонентов височной подвески из погр. 75 (ан. 155А шарик, 155Б дужка, 155В привеска) показал использование многокомпонентного сплава на основе серебра, содержание которого варьирует в пределах 59,3–80,5 %. По всей видимости, к нему в виде лома цветного металла добавлена многокомпонентная цинковая бронза с содержанием олова и/или олова и свинца. Монетовидная подвеска выполнена из двух разных

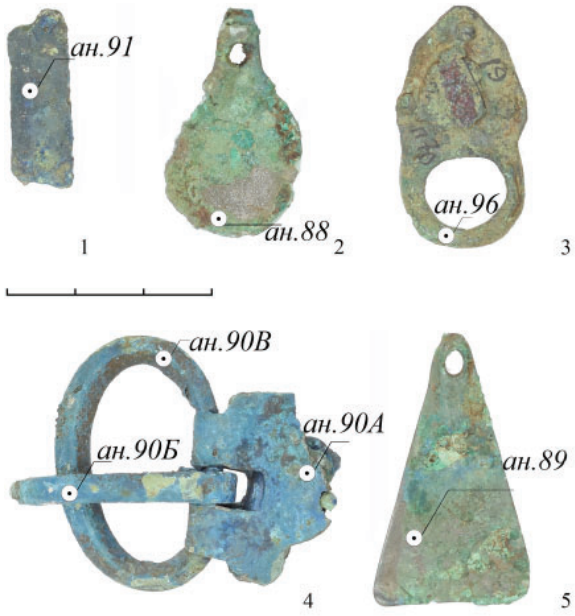


Рис. 3. Варнинский могильник. Погребение 70:
1, 3 – накладки; 2, 5 – подвески; 3 – пряжка
Fig. 3. Varni burial ground. Burial 70:
1, 3 – belt plates; 2, 5 – pendants; 3 – buckle

Таблица 4. Варнинский могильник, погребение 75.
Элементный состав изделий из цветных металлов
Table 4. Varni burial ground, burial 75.
Elemental composition of non-ferrous metal items

№ ан. An. №	Наименование Name	Шифр Marks	Компоненты сплава Alloy Components	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Au	Pb
155А	височная подвеска: шарик	19/1681	AgCuPbSnZn		19.3	3.2		59.3	7.3		9.1
155Б	височная подвеска: дужка		AgCuPbSnZn		13.7	1.9		72.2	5.1		7.1
155В	височная подвеска: привеска		AgCuSnZn		13.8	2.1		80.5	3.6		
156А	подвеска: основа	19/1712	CuPbSnAgZn		47.3	2.9		15.5	16.3		18.1
156Б	подвеска: заклепка		CuPbZn		82.4	3.8					13.9
156В	подвеска: петля		CuPbZn		81.0	4.5					14.6
157А	застежка: заклепка	19/1923	CuSnPbZn		60.6	6.3			21.7		11.5
157Б	застежка: щиток		CuSnPbZn		67.9	3.4			19.3		9.4
158А	пряжка: рамка	19/1924	CuZn		97.0	3.0					
158Б	пряжка: язычок		CuZn		99.3	0.7					
158В	пряжка: дужка		CuZn		99.2	0.8					
159	наконечник ремня	19/1960	Cu		99,9						

сплавов: для изготовления круглой плоской основы (ан. 156А) использовали многокомпонентный сплав, половину которого (47,3%) составляет медь, а другую половину – свинец, олово, серебро и цинк. Петля (ан. 156Б) и заклепка (ан. 156В) изготовлены одномоментно, о чем свидетельствует одинаковый состав и соотношение компонентов – меди (81,0–82,4%), свинца (13,9–14,6%) и цинка (2,9–3,8%). Состав металлических частей обувной застежки из погр. 75 (щитка и заклепки, ан. 157А, 157Б) идентичен: более половины сплава медь (60,6–67,9 %), 19,3–21,7% олова, 9,4–11,5 % свинца и 4,5–6,3% цинка.

Для эпохи раннего Средневековья, к которой относится и время бытования Варнинского могильника, уже нельзя применять классическую методику интерпретации результатов элементного анализа цветных металлов, применяющуюся при изучении эпохи палеометаллов. Изучение микроконцентрации элементов, которые могут указать на предполагаемый источник происхождения руды, актуально только для узкого круга памятников, отвечающих многим факторам, главный среди которых – датировка в пределах энеолита, медного и бронзового веков. С распространением и развитием технологий цветной металлообработки, каждое сообщество, даже не имеющее доступа к первоначальному сырьевому источнику, начинает формировать собственный ассортимент рецептур металлических сплавов.

По мере приближения к концу раннего железного века все чаще украшения и элементы костюмного комплекса изготавливались из многокомпонентных сплавов на основе меди путем переплавок старых, сломанных украшений или добавления такого лома к имеющемуся «слиточному» металлу. Все большее значение при изучении таких выборок уделяется анализу так называемых рецептурных сплавов, имеющих определенные компоненты без следов повторной переплавки. Также важную роль в характеристике сплавов цветных металлов имеет наличие и концентрация цинка. С одной стороны, месторождения цинка сильно удалены от территории Прикамья, с другой – при каждой переплавке такой сплав теряет до 10% концентрации цинка. Таким образом, наличие в выборке классических двойных (медь и цинк) и тройных (медь, цинк, олово/свинец/мышьяк) латуней может свидетельствовать о неместном происхождении изготовленных из них предметов.

Данные анализов состава металла изделий из отобранных погребений четырех хронологических стадий показывают изменения в

Рис. 4. Варнинский могильник. Погребение 236: 1, 3 – подвески; 2, 4 – височные подвески; 5 – бляха
Fig. 4. Varni burial ground. Burial 236: 1, 3 – pendants, 2, 4 – temple pendants; 5 – badge

цветной металлообработке населения поломской культуры. Разнообразие рецептур, характерное для погребения 70 гыркесшурской стадии (V – первая половина VI в.), согласуется с историческим своеобразием этого периода. В середине I тыс. н. э. происходит фактическое освоение верхнего течения р. Чепцы, где на ранее незаселенной территории встречаются переселенцы из Удмуртского Прикамья, Пермского Прикамья и из бассейна р. Вятки. Каждая из групп приходит со своим сырьевым запасом и традициями обработки цветного металла: в рамках одного погребального комплекса выявлены изделия из классической двойной латуни, высокоцинковистой свинцово-оловянной латуни, многокомпонентной цинковой бронзы с повышенным (до 19%) содержанием олова, технологически чистой меди. Погребение 236, относящееся к следующей, варнинской стадии (конец VI – VII в.), уже более однородно в составе цветного металла. В его материалах по-прежнему фиксируется наличие цинковой бронзы с большим (30,6%) содержанием олова, а также оловянисто-свинцовая бронза, исполь-

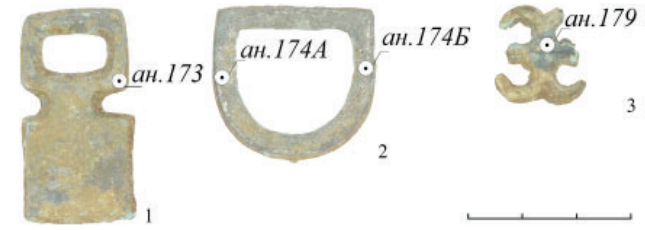


Рис. 5. Варнинский могильник. Погребения 230, 293: 1–3 – накладки
Fig. 5. Varni burial ground. Burials 230, 293: 1–3 – belt plates

Рис. 6. Варнинский могильник. Погребение 75: 1 – височная подвеска, 2 – застежка, 3 – подвеска, 4 – наконечник ремня, 5 – пряжка
Fig. 6. Varni burial ground. Burial 75: 1 – temple pendant, 2 – clasp, 3 – pendant, 4 – belt endpiece

зование которой зафиксировано в Прикамье еще в первых веках нашей эры. В материалах каравалесской/весьякарской стадии (конец VII – VIII в.), количество которых по сравнению с другими этапами на Варнинском могильнике представлено меньше всего, зафиксировано устойчивое сочетание олова, свинца и меди в качестве легирующих компонентов. При этом количество олова в изделии может доходить до 61,3%. Мыдланьшайская стадия развития поломской культуры (конец VIII – IX в.) отличается появлением в многокомпонентных сплавах значительной доли серебра (до 80,5%), до тех пор встречающегося в сплавах цветных металлов единично и в малой концентрации. Также два изделия из этой выборки изготовлены из меди с минимальными включениями других компонентов.

Исследование цветного металла Варнинского могильника в целом подтверждает и углубляет представление о развитии поломской культуры, представители которой на всем протяжении своего существования имели разнообразные торгово-экономические связи с ближними, а через них и с дальними соседями. Территория бассейна р. Чепцы располагается в зоне залегания медистых песчаников и единственным доступным цветным металлом для поломцев является чистая медь. Несмотря на это, на всем протяжении V–IX вв. они активно пользовались изделиями с содержанием олова, свинца, цинка – как импортными, так и местного производства. Появление серебра в многокомпонентных сплавах совпадает по времени с многочисленными местонахождениями серебряных гривен глазовского типа.

ЛИТЕРАТУРА

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 399–414.

Голдина Р.Д., Перевощиков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II–III вв. н.э. на Средней Каме // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдГУ, 2012 С.341–362.

Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.

Сабирова Т.М. Принципы отбора изделий из погребений Варнинского могильника для определения состава металлических сплавов // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 217–220.

Сабирова Т.М., Бельтюков А.Н. Электронно-зондовый микроанализ археологического цветного металла (на примере находок V–VI вв. н. э. из погребений Варнинского могильника) // Химическая физика и мезоскопия. 2024. Т. 26, № 1. С. 112–119.

Сабирова Т.М., Красноперов А.А. Археологические работы в Дебесском районе // Археологические открытия в Удмуртии – 2023 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдмГУ, 2024. С. 20–21.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Науч. ред. В.Г. Генинг. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. УдАССР, 1980. С. 5−135.

Информация об авторах:

Сабирова Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия); lemelon@inbox.ru

REFERENCES

Goldina, R. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).

Goldina, R. D., Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2012. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings

and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University, 341–362 (in Russian).

Ivanov, A. G., Ivanova, M. G., Ostanina, T. I., Shutova, N. I. 2004. *Arkheologicheskaya karta severnykh rayonov Udmurtii (Archaeological map of the northern regions of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ. (in Russian).

Sabirova, T. M. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. eds.). XVI Baderovskie chteniya *(16th Bader Readings).* Perm: Perm State National Research University, 217–220 (in Russian).

Sabirova, T. M., Beltyukov, A. N. 2024. In *Khimicheskaya fizika i mezoskopiya (Chemical Physics and Mesoscopy)* 26 (1), 112–119 (in Russian).

Sabirova, T. M., Krasnoperov, A. A. 2024 In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2023 (Archaeological discoveries in Udmurtia – 2023).* Izhevsk: Udmurt State University, 20–21 (in Russian).

Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

About the Author:

Sabirova Tatiana M. Candidate of Historical Sciences, Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Tatiana Baramzina st., 34, Izhevsk, Udmurt Respublic, Russian Federation; lemelon@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.281.297

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ И ПЕЧНЫЕ УСТРОЙСТВА ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА КОНЦА X – XII ВВ. В ТАТАРСТАНЕ

© 2025 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются жилые постройки Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана. Это было одно из торгово-ремесленных поселений волжских булгар, возникших во второй половине – конце X в. Особенностью данного селища было то, что оно имело естественные границы: пойма реки Шенталка и ее старое русло. Поэтому селище застраивалось в очень короткий промежуток времени – в конце X века – второй половине XI столетия. К этому промежутку времени относятся и изученные в ходе раскопок, жилища. Лучше всего сохранилось 6 жилищ. Это были деревянные постройки, вероятно, из бревен, диаметром около 20-25 см. При этом, у всех этих построек имелся котлован, вырытый в земле на глубину от 0,7 до 1,7 м. Войти в дом можно было по земляным ступенькам. Их было две-три. Слева от входа была печь, сложенная из камней. Как правило, использовался известняк, хотя встречается песчаник и гораздо реже, ракушечник. Крупные камни имели следы обработки. Печь была кубической формы или же в виде параллелепипеда. Размер ее – ширина 1метр, длина 1 – 1,2 м, высота 0,6 м. Топочная часть, в среднем, была шириной 0,5 м., высотой 0,4 см. Устье печи шириной 0,35–0,5 метра, всегда обрамлялось двумя крупными камнями, поставленными вертикально. Верх печи был открытым и формовался он из глины. Глиной была обмазана и внешняя сторона печи, обращенная внутрь помещения. У почти всех изученных печей были трубы. Они делались на каркасе из жердей диаметром 0,07 м. устанавливавшихся в верхней части печи, которая делалась из глины. Жерди вставлялись в ямки соответствующего диаметра, глубиной до 10 см, сделанные в виде полукруга. Жерди, вероятно, переплетались прутьями и обмазывались глиной. Наличие труб у печей такого типа зафиксировано у волжских булгар впервые. Описанная в статье конструкция печи и способ ее сооружения, благодаря уникальной сохранности их на Остолоповском I селище, также делается впервые.

Ключевые слова: археология, Остолоповское селище, Волжская Булгария, булгары, жилища, датировка, печи, домостроение.

RESIDENTIAL BUILDINGS AND STOVES OF THE OSTOLOPOVO SETTLEMENTS (LATE X – XII CENTURIES) IN TATARSTAN

K.A. Rudenko

The article examines the residential structures of the Ostolopovo settlement in the Alekseevsk district of Tatarstan. This was one of the trade and craft settlements of the Volga Bolgars, established in the second half to the end of the X century. A distinctive feature of this settlement was its natural boundaries: the floodplain of the Shentalka River and its old riverbed. Consequently, the settlement was built up within a very short timeframe – from the late X century to the second half of the XI century. The dwellings studied during the excavations also date to this period. Six dwellings are the best preserved. These were wooden structures, likely made of logs approximately 20-25 cm in diameter. All these buildings featured a pit dug into the ground, ranging in depth from 0.7 to 1.7 m. Entry into the house was via earthen steps, numbering two or three. To the left of the entrance was a stove constructed of stones. Limestone was typically used, though sandstone is also found, and shell rock much more rarely. Large stones showed traces of working. The stove was cubic or parallelepiped in shape, measuring approximately 1 m in width, 1–1.2 m in length, and 0.6 m in height. The firebox averaged 0.5 m in width and 0.4 m in height. The stove mouth, 0.35–0.5 m wide, was always framed by two large stones set vertically. The top of the stove was open and shaped from clay. The outer side of the stove, facing the interior of the dwelling, was also coated with clay. Nearly all the stoves studied had chimneys. These were constructed on a framework of poles (0.07 m in diameter) installed in the upper clay part of the stove. The poles were inserted into matching holes (about 10 cm deep, semicircular in form). The poles were likely interwoven with twigs and then plastered with clay. The presence of chimneys in stoves of this type has been documented among the Volga Bolgars for the first time. Furthermore, the stove construction and building method described

in the article, made possible by their unique state of preservation at Ostolopovo I settlement, are also presented here for the first time.

Keywords: archaeology, Ostolopovo settlement, Volga Bolgaria, Bolgars, dwellings, dating, stoves, house-building.

Введение

Остолоповское I селище, расположенное в Алексеевском районе Татарстана, – одно из торгово-ремесленных булгарских поселений, существовавших в конце X – середине XII в.; расцвет его приходится на XI в. (Хлебникова, 1984, с. 82; Казаков, 1991, с. 163; Руденко, 2002). Селище интенсивно размывается Куйбышевским водохранилищем. Охранно-спасательные раскопки на нем проходили в 1969 г. и в 1997–2017 гг. (Руденко, 2024, с. 11, рис. 1). В ходе исследований были выявлены уникальной сохранности жилища.

Материалы и методы

На селище было изучено шесть жилищ, сохранившихся полностью или с частичными утратами (табл. 1), и еще три оказались практически полностью разрушенными (рис. 1) (Руденко, 1998, л. 123, рис. 66). Одно жилище было раскопано Т.А. Хлебниковой, остальные К.А. Руденко (Хлебникова, 1974, с. 59; Руденко, 2006, с. 240–242) (рис. 1; табл. 1). Кроме того, была изучена ремесленная мастерская (Руденко, 2008). На селище зафиксировано несколько очагов (Руденко, 1998, л. 61–63, рис. 78–82), из которых как минимум два можно соотнести с наземными жилищами. Поблизости от жилищ располагались хозяйственные постройки и ямы-кладовки (рис. 2). Почти во всех жилых постройках сохранились печи.

Жилища рассматриваемого поселения относятся к двум отделам: наземные без котлована[1] и наземные постройки с жилым котлованом (Енукова, 2007, с. 58; Руденко, 2003; 2006а; Руденко, 2007). Остановимся на последних. Датируются все изученные сооружения XI в., скорее всего второй его половиной, а заполнение котлована мусором и бытовыми отходами – первой половиной XII в. (Руденко, 2002, с. 35, 36, рис. 3; Руденко, 2006, с. 244–251; Руденко, 2009, с. 318–320, рис. 13; 14).

Полученные результаты

Жилища Остолоповского I селища относились к типу двухкамерных (сени и жилая часть). У них была наземная (верхняя) часть

Таблица 1. Характеристика жилищ с углубленным котлованом Остолоповского I селища
Table 1. Characteristics of dwellings with a deep trench of the Ostolopovo I settlement

№ п/п	Размер (м)	Ориентировка котлована	Глубина котлована (м)	Ориентировка входа	Расположение печи по отношению ко входу	Год исследования, № раскопа; исследователь
1	4,8×4,8	северо-запад – юго-восток	0,7	северо-запад	справа	1969, р.1, Т.А. Хлебникова
2	3,8×3,4-(1,2)*	север-юг	0,35	север (?)	слева	1997, раскоп I, К.А. Руденко
3	3,5×3,5	Северо-северо-восток-юго-запад	0,6-0,7	юг	слева	2001, раскоп VI/VII, К.А. Руденко
4	3,2×3,2	север-юг	0,6	запад	слева	2006/7, раскопы II/XVII/XVIII, К.А. Руденко
5	4,4×4 (1,2)*	запад-восток	1,6	юг	слева**	2008, раскоп XIV, К.А. Руденко
6	3,6×4*	север-юг	1,2	север	слева**	2017, раскоп XXIV, К.А. Руденко

*- жилища, частично разрушенные водохранилищем
**- печь не сохранилась
В круглых скобках указана зафиксированные параметры частично разрушенной постройки

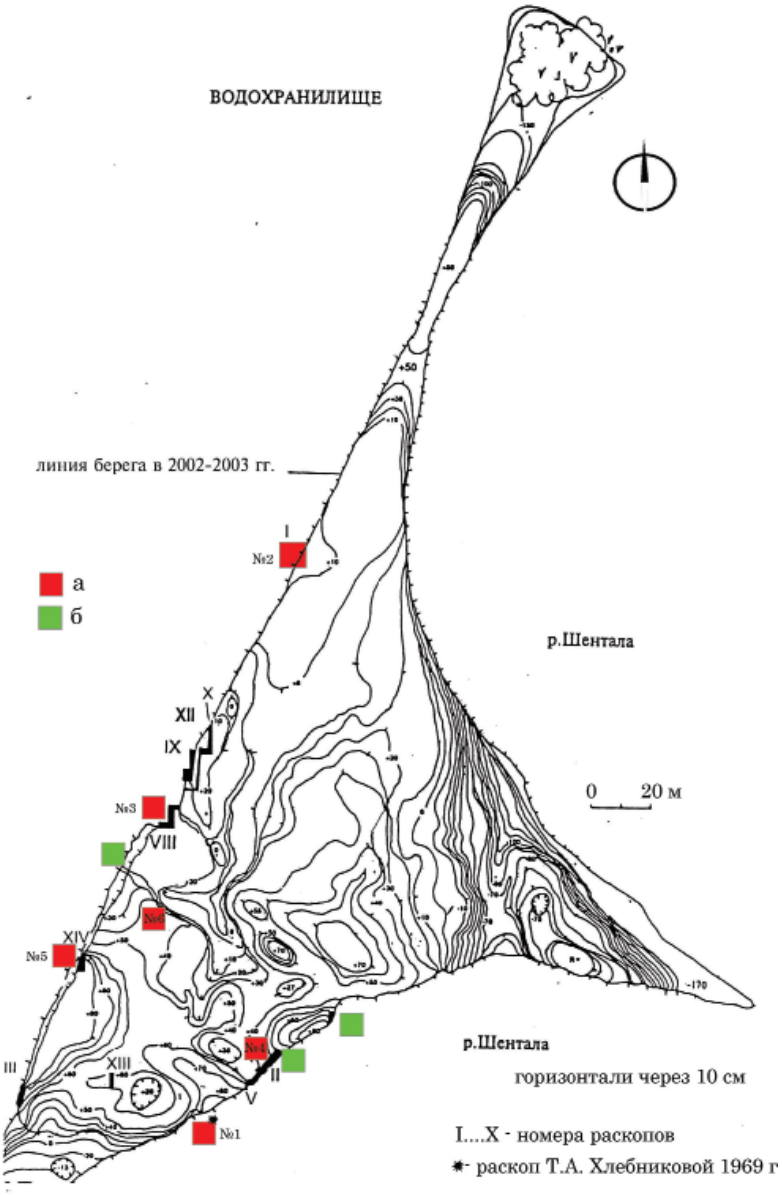


Рис. 1. Остолоповское селище. План 2003 г (съемка К.А. Руденко) с указанием расположения исследованных жилищ; *а* – жилища, зафиксированные в раскопах; *б* – разрушенные жилища.
Нумерация раскопанных жилищ, соответствует №№ в таблице 1.
Fig. 1. Ostolopovo settlement. 2003 plan (survey by K.A. Rudenko) indicating the location of the studied dwellings; a – dwellings recorded in the excavations; б – destroyed dwellings.
The numbering of the excavated dwellings corresponds to the numbers in Table 1.

и заглубленный котлован (нижняя часть постройки). Сохранились котлованы таких построек размером в среднем 3,5×3,7–4 м (рис. 3; 4; 6: 2). Таким образом, площадь жилого пространства составляла 13–14 м^2. От наземной части, скорее всего сруба (Мыльников, 2008, с. 19; Енукова, 2007, с. 23), остались следы в виде отложений древесного тлена и бурой рыхлой супеси шириной 20–30 см, зафиксированные в 0,6–0,8 м от внешнего контура котлована (рис. 5). В целом длина земляной лестницы и есть ширина отступа срубной части жилища от котлована.

Котлованы построек глубиной до 1,5 м, имели вертикальные стенки, как правило обшитые деревом. Для этого использовались доски, горбыль или плетеные из прутьев щиты турлучного плетения. Такой прием широко использовался в булгарском домостроении. Например, обшивка стен котлована досками, горбылем и бревнами зафиксирована в жилищах и хозяйственных постройках

Рис. 2. Остолоповское селище. Жилище №3: схема расположения на раскопах VI-VII. Значками на схеме показаны глубины находок индивидуальных артефактов.
Fig. 2. Ostolopovo settlement. Dwelling No. 3: layout scheme for excavations VI-VII. The depths of individual artifact finds are indicated by icons on the diagram.

на Болгарском городище и в Биляре (Полубояринова, 2016, с. 15; Хузин, 1979, с. 88). Облицовка досками стенок котлована применялась в домонгольское время финским населением Предуралья (Кушманский, 2021, с. 47). Вход в котлован осуществлялся по земляным ступенькам шириной от 0,8 до 1,5 м, укрепленным колышками и переплетенными прутьями (рис. 6: 2). В одном случае (табл. 1, *№ 1*) ступенька была одна (рис. 3).

В двух случаях в котлованах жилищ (табл. 1, *№ 4, 6*) выявлены угловые столбы диаметром 25–30 см и глубиной до 40 см. (Руденко, 2011, с. 192, рис. 10). В других постройках угловых столбов не было; иногда в центре имелись ямы от каких-то столбовых конструкций.

Для постройки дома население селища использовало бревна диаметром 0,3 м и 0,17–0,2 м при длине 2,1 и 2,5 м, квадратный в сечении брус 0,22×0,25 м, слеги диаметром 0,08–0,1 м при длине не менее 0,4 м и жерди (рис. 7: 2) диаметром 0,12–0,14 м. Кроме этого, применялись колья диаметром 0,15

Рис. 3. Остолоповское селище. Жилище №1. План. Раскопки Т.А. Хлебниковой 1969 г.
Fig. 3. Ostolopovo settlement. Dwelling No. 1. Plan. Excavations by T.A. Khlebnikova in 1969.

м, прутья диаметром 0,012–0,015 м, а также доски. Последние (рис. 7: 1), в зависимости от назначения, имели ширину 0,17 и 0,25–0,3 м; длину[2] 0,6–1,0 м при толщине до 6 см; также зафиксированы доски меньшей ширины – 0,2–0,23 м (Руденко, 2002, с. 35; Руденко, 2006, с. 247; Руденко, 2009, с. 317, рис. 12; Руденко, 2019, рис.3.-*3*).

Печи без значительных разрушений сохранились в четырех постройках Остолоповского I селища. Они находились в большинстве случаев слева от входа (табл. 1), челом всегда внутрь дома, то есть к противоположной от входа стороне. Все печи стандартного размера – 1×1 м или 1×1,2 м и высотой около 0,6 м. Как правило, они устанавливались на дно котлована на одном уровне с полом, без каких-либо дополнительных конструкций. Исключение составляют три постройки. В жилище № 1 (табл. 1, *№ 1*) печь располагалась справа от входа (рис. 3) и была поставлена на глиняную платформу (1,5–1,6×1,4 м) из материковой глины высотой 30 см, смыкавшуюся со ступенькой (Руденко, 2006, с. 241). Эта платформа была специально оставлена при рытье котлована. В жилище № 3 (рис. 4: 2; табл. 1, *№ 3*), печь (1×1 м) находилась в неглубокой яме, специально вырытой в погребенной почве и материковом суглинке (Руденко, 2006, с. 249, рис. 5). После окончании строительства печи, сложенной из крупных камней (рис. 8), и выравнивания пола остатки двух стенок этой

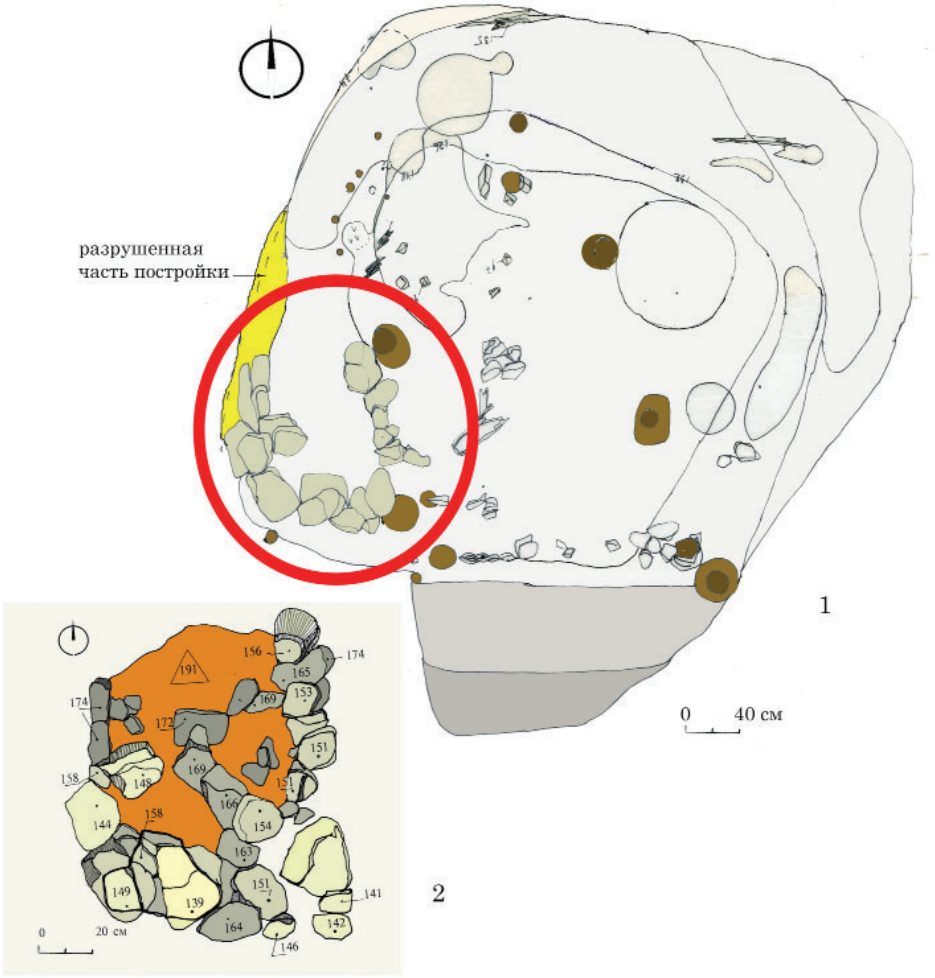


Рис. 4. Остолоповское селище. Жилище №3. *1* – схема расположения печи в жилище; *2* – печь из жилища №3. Раскопки К.А. Руденко.
Fig. 4. Ostolopovo settlement. Dwelling No. 3. 1 – diagram of the stove location in the dwelling; 2 – stove from dwelling No. 3. Excavations by K.A. Rudenko.

ямы были срыты (Руденко, 2002а, с. 15, 16, рис. 70*а-н*). В жилище № 2 (рис. 9: 2; 3*;* табл. 1, *№ 2*) печь (0,96×1 м), сложенная из песчаника и известняка на глиняном растворе (рис. 10), была заглублена в материковый суглинок на 16 см. Под печи располагался ниже, чем дно котлована постройки; предпечной ямы не было (Руденко, 1998, л. 58, рис. 19–22).

Таким образом, все остолоповские печи сложены из камней (известняк, песчаник, ракушечник) на глиняном растворе. В среднем на строительство печи требовалось свыше 40 камней крупного и среднего размера. Небольшие камни составляли только 2% (Руденко, 2006, с. 250). У некоторых камней края были подтесаны (Руденко, 2002, с. 35). Одной стороной камни топочной части врезались в земляную стенку котлована (рис. 11: 5, 6). Правая (восточная) сторона так же у стенки котлована не примыкала к нему, а отстояла на 10 см. Это пространство в дальнейшем забивалось мелким камнем и забутовывалось мягкой глиной (Руденко, 2009, с. 320). Топочная часть сложена из достаточно крупных каменных блоков (рис. 11: 6), причем боковая стенка, обращенная внутрь помещения, выкладывалась в два слоя из плоских средних размеров известняковых камней, скрепленных глиняным раствором.

Размеры топочной части варьировались – от 50×80 до 60×90 см при высоте в среднем 40 см (Руденко, 2002, с. 36). Устье (чело) печи было сделано из двух массивных камней, поставленных на ребро и чуть выступающих за внутреннюю стенку. Ширина его в среднем 35 см, хотя в постройке № 3 (табл. 1,

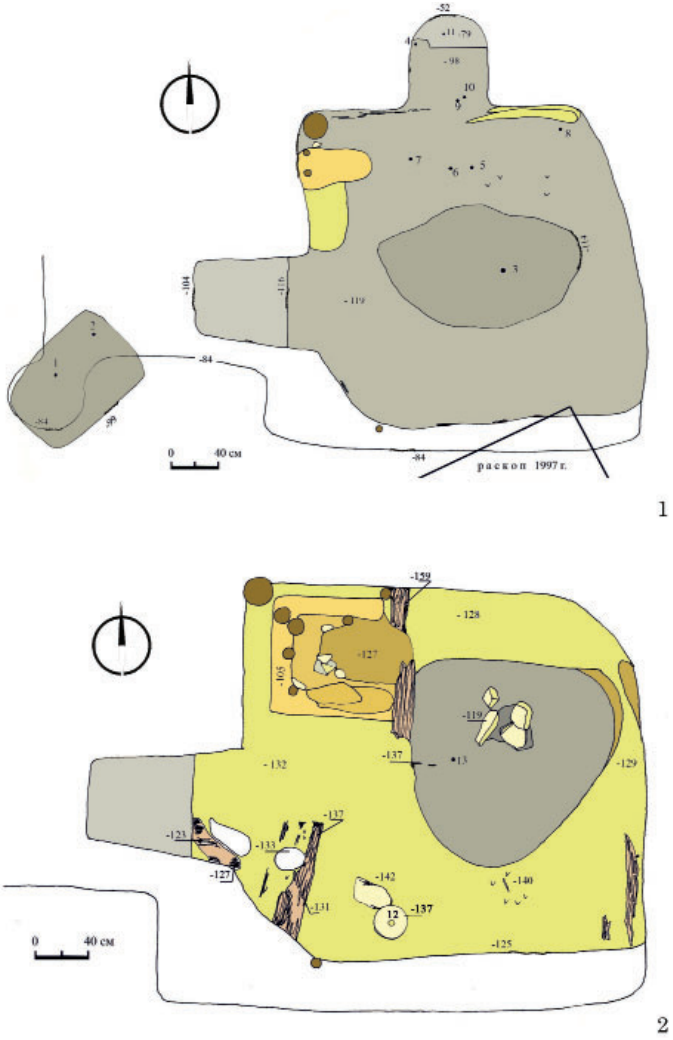


Рис. 5. Остолоповское селище. Раскоп XVII/XXVIII. Жилище №4. План. ***1.* – уровень первый**: глубина -81 - -109 см. На плане цифрами обозначены: *1* – железная пластина, -100 см.; *2* – конкреция глиняная, -97 см; 3 – медная накладка,-120 см; *4* – железный ключ 9фрагмент),-76 см; *5* – конкреция глиняная, -101 см; *6* – астрагал, -105 см; *7* – железный ключ, -97 см; *8* – астрагал, -100 см; *9* – железное изделие, -95 см; *10* – железная пластина от доспеха, -90 см; *11* – шарик из глины, -69 см. ***2.* – уровень второй**: глубина – 126-142 см. На плане цифрами обозначены: *12* -жернов каменный (ракушечник), - 137 см; *13* – железная шарнирная накладка, -135 см.
Fig. 5. Ostolopovo settlement. Excavation XXVII/XXVIII. Dwelling No. 4. Plan. ***1***. – **first level**: depth -81 - -109 cm. The following are designated by numbers on the plan: *1* – iron plate, -100 cm; *2* – clay concretion, -97 cm; *3* – copper plate, -120 cm; *4* – iron key (fragment), -76 cm; *5* – clay concretion, -101 cm; *6* – astragalus, -105 cm; *7*– iron key, -97 cm; *8* – astragalus, -100 cm; *9* – iron item, -95 cm; *10* – iron plate from armor, -90 cm; *11* – clay ball, -69 cm. **2** – **second level**: depth - 126-142 cm. On the plan, the numbers indicate: 12 – stone quernstone (shell rock), - 137 cm; 13 – iron hinge plate, -135 cm.

№ 3) ширина устья составляла 50 см (Руденко, 2006, с. 247). В одном случае зафиксирован шесток (печь в жилище на раскопе XVII/XVIII) (Руденко, 2009, рис. 12).

Верхняя часть печи делалась в двух вариантах. Первый – верхняя часть топки была открытой, но благодаря широким плоским каменными плиткам из известняка и песчаника, уложенным на край, отверстие сужалось до размера, пригодного для установки кухонных горшков (рис. 8: а; 9: 3). При этом плоскодонные горшки относительно небольшого размера могли ставиться в топку печи, которая была достаточно большой (рис. 11: 5, 6). Топилась печь этого вида по-черному. Аналогии таким печам имеются в древностях Восточной Европы I тыс. н. э. Ближайшие из них обнаруживаются в неволинской культуре

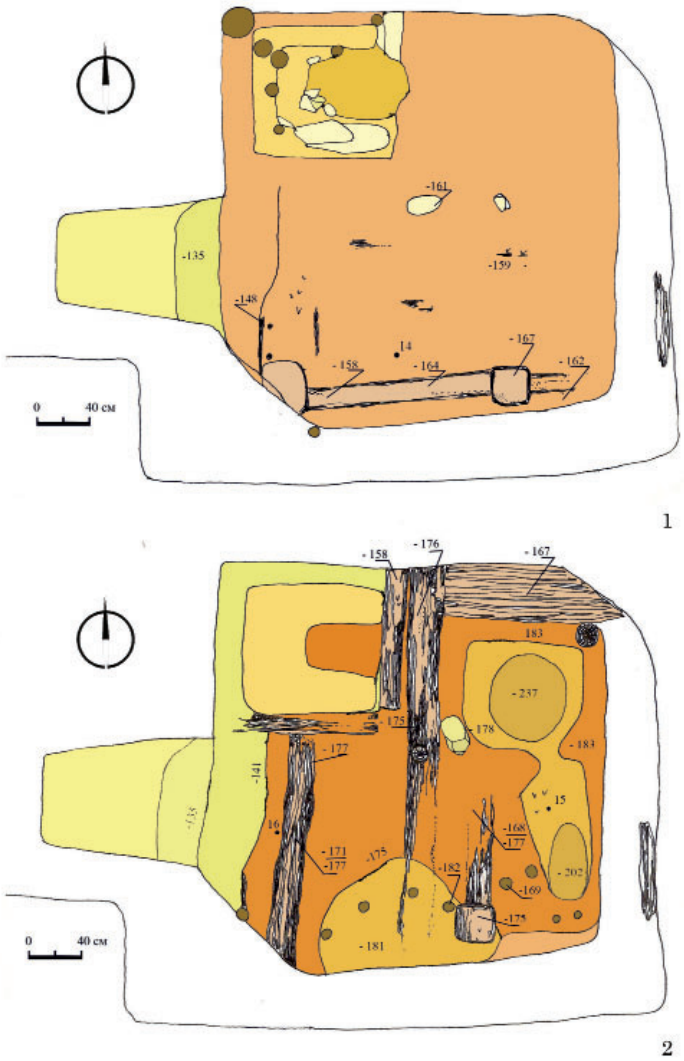


Рис.6. Остолоповское селище. Раскоп XXVIII. Жилище №4. План. ***1*** – уровень третий: глубина – 143-164 см. На плане цифрами обозначены: 14 – прясло глиняное ½, - 158 см. ***2*** – уровень четвертый и пятый: глубина – 164-183 см. На плане цифрами обозначены: *15* – прясло глиняное, -152 см; *16* - астрагал обработанный, -153 см.
Fig. 6. Ostolopovo settlement. Excavation XXVIII. Dwelling No. 4. Plan. ***1*** – third level: depth - 143-164 cm. On the plan, the numbers indicate: *14* – clay spindle whorl ½, - 158 cm. **2** – fourth and fifth levels: depth - 164-183 cm. On the plan, the numbers indicate: *15* – clay spindle whorl, -152 cm; *16* – processed astragalus, -153 cm.

конца IV – первой половины IX в., хотя печи здесь сложены только из камней (Черных, 2008, рис. 44.-*3,4*).

У второго вида печей верх был вылеплен из глины и на нем установлена труба. Такой тип печи зафиксирован в жилище № 4 (рис. 11; 12; табл. 1, *№ 4*). Для крепления каркаса трубы сооружался специальный глиняный бортик (рис. 11: *2)*, в котором были сделаны ямки для кольев каркаса трубы. Ямки имели глубину до 30 см, диаметр 12–18 см; в сечении они конусовидные. Аналогичные ямки делались и в материковом суглинке, в который была врезана одна из сторон печи (рис. 11: 5; 12: 2). Колья были основой трубы (рис. 12: 1). По этнографическим материалам, печная труба, сделанная из кольев, в нижней части имела форму полуцилиндра, а вверху была цилиндрической формы. Колья от основания переплетались лозой или связывались лыком и обмазывались глиной (Руденко С., 2018, с. 182, 199, 200, рис. 200, 201). У остолоповских печей этой конструкции был открытый верх, обмазанный глиной. Края отверстия были аккуратно заглажены и скруглены (рис. 11: 4) (Руденко, 2009, с. 318–321). Топилась такая печь по-белому. Внешняя поверхность печи обмазывалась толстым слоем глины (рис. 11:

Рис. 7. Остолоповское селище. Раскоп XXIV. *1* – деревянные доски в жилище №6. Вид с юга. *2* – деревянная плаха из жилища №6. Деталь. Вид с юга. Фото К.А. Руденко.
Fig. 7. Ostolopovo settlement. Excavation XXIV. Ostolopovo settlement. Excavation XXIV. *1* – wooden boards in dwelling № 6. View from the south. *2* – wooden chopping block from dwelling №6. Detail. View from the south. Photo by K.A. Rudenko.

3, 4), которая затем высушивалась и обжигалась. Печь первого варианта могла легко быть переделана в печь с трубой.

Печи Остолоповского I селища не имели ни предпечных, ни подпечных ям и устанавливались всегда на твердое материковое основание. На булгарских селищах предпечная яма, связанная с глинобитной печью, были выявлена только на Больше-Пальцинском селище XII в. (Хлебникова, 1958, с. 217).

Обсуждение

Жилища с заглубленным в землю котлованом известны у булгар в домонгольский период (Хузин, 2001, с. 267). На Билярском городище в них были впущены срубы, но, как правило, без печных устройств (Хузин, 1979, с. 71–81; Хузин, 2001, с. 267, типы II-А, Б). На Болгарском городище таких построек пока не выявлено (Полубояринова, 2016, с. 8, 9). На Тигашевском городище жилище имело котлован размером 3,6×4,4 м, глубиной 70 см, но без входа и печи (Федоров-Давыдов, 1962, с. 53, 54, рис. 4). Наземный дом с земляным полом, углубленным в грунт на 0,4 м, с печью, сложенной из камней, располагавшейся справа от входа, исследован на городище Муром-

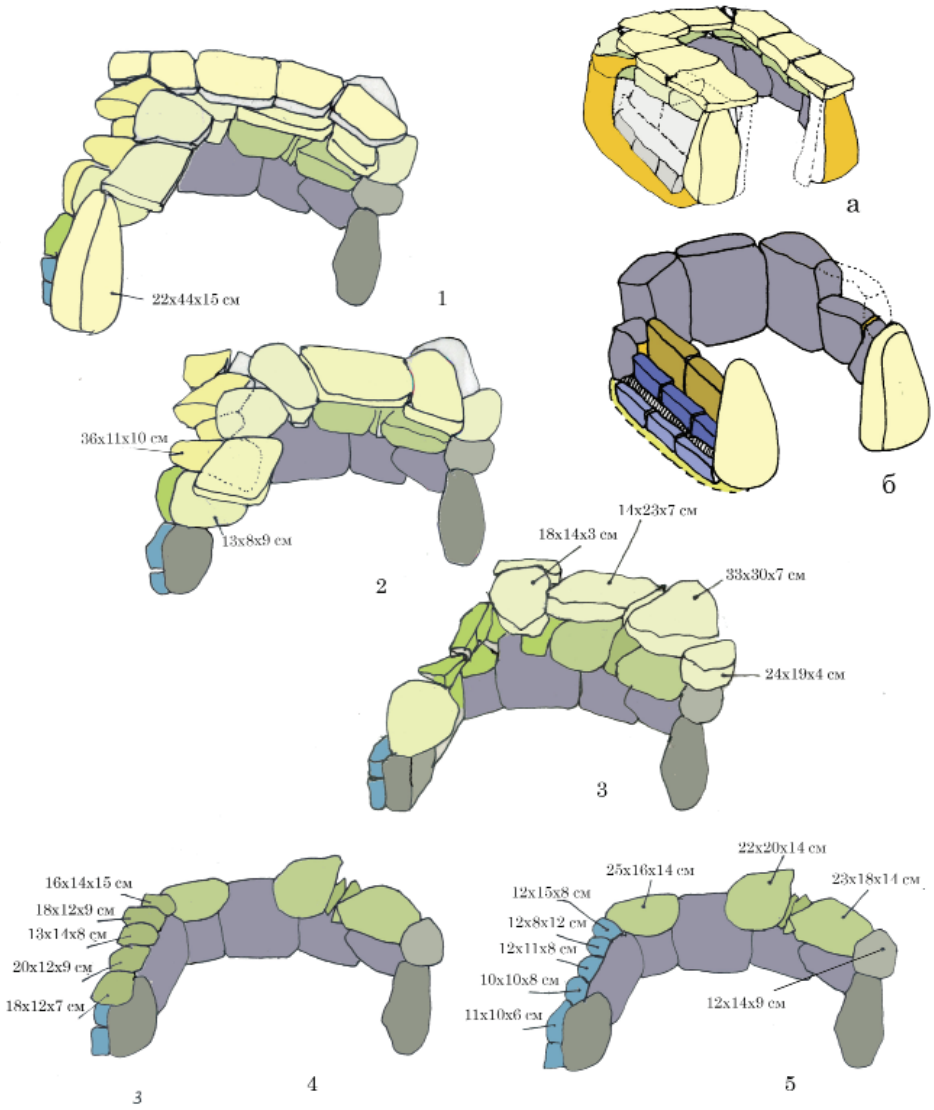


Рис. 8. Остолоповское селище. Раскоп VII–VIII. Жилище №3. *1-5*: схема укладки камней в печи; *а, б* – реконструкция печи.

Fig. 8. Ostolopovo settlement. Excavation VII–VIII. Dwelling №3. *1-5*: diagram of stone laying in the stove; *а, б* – reconstruction of the stove

ский городок (Кочкина, 2005, с. 100, рис. 1). Исключение составляет городище Кашан I, где практически все девять жилищ, изученных в 2015 г., конструктивно близки остолоповским: у них заглубленный земляной котлован и печь из камней и глины. Датируются они XI–XII вв. (Перескоков, 2014, с. 279–282, рис. 2). На булгарских домонгольских селищах – Криушском, Рождественском, Измерском I, IV Старо-Куйбышевском, IV Кожаевском (Тухтина, 1960, с. 146; Генинг и др., 1962; Казаков, 1991, с. 35–41; Кавеев, 2003) – раскопаны жилища иной конструкции, за исключением построек на Кожаевском IV и Старо-Куйбышевском IV и V селищах (Казаков, 1984, с. 40, рис. 1).

Предшественником жилищ Остолоповского селища с заглубленным котлованом можно считать жилые постройки начала X в. на левобережном Мало-Иерусалимском селище (Старостин, 2007, с. 140, 141; Шарифуллин, 1993, с. 68, 69). Жилища с жилым котлованом существовали и в ордынское время (Смирнов, 1960, с. 156, рис. 2). Правда, отличаются они рядом конструктивных элементов и печами иной конструкции (Полубояринова, 2016, с. 17, 18).

Заключение

Таким образом, на Остолоповском I селище выявлены жилища практически одного вида – срубные дома с заглубленным в землю жилым котлованом глубиной от 0,7 до 1,5 м.

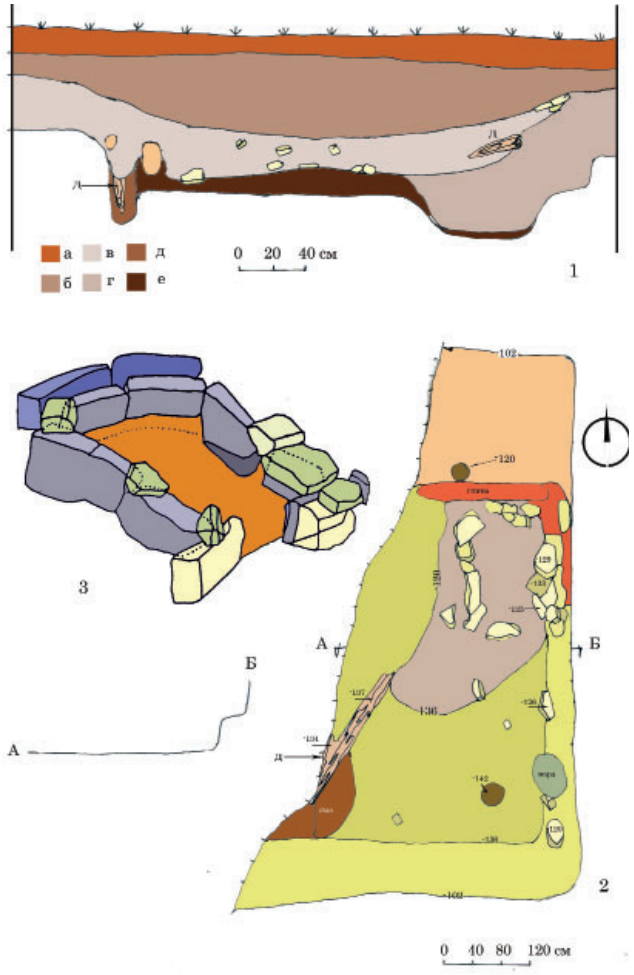


Рис. 9. Остолоповское селище. Раскоп I. Жилище №2. *1* –фиксация котлована жилища в обрыве берега; *а* – дерн; *б* – слой серой супеси; *в* – светло-серая супесь с обильным включением золы, углей камней и обломков обугленных бревен; *г* – серая рыхлая супесь; *д* – древесный тлен и труха; е – слой угля и темно-серой супеси; *2* – план жилища №2; *д* – обугленное бревно; *3* – реконструкция печи из жилища №2.

Fig. 9. Ostolopovo settlement. Excavation I. Dwelling №. 2. ***1*** – recording of the dwelling pit in the riverbank section:; *а* – turf; *б* – layer of gray sandy loam; *в*– light gray sandy loam with abundant inclusions of ash, coals of stones and fragments of charred logs; *г* – gray loose sandy loam; *д*– ashes of wood and dust; *е* – layer of coal and dark gray sandy loam; ***2*** – plan of dwelling № 2; *d* – carbonized log; ***3*** – reconstruction of the stove from dwelling № 2.

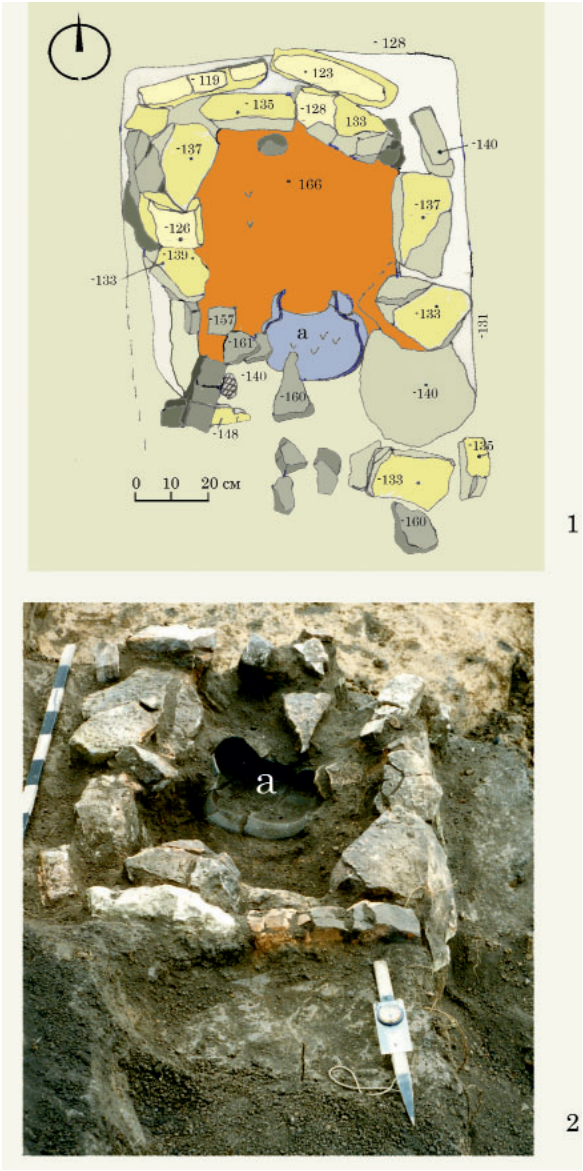


Рис. 10. Остолоповское селище. Раскоп I. Жилище №2. *1* – план печи; *2* – расчистка печи. Вид с севера. Фото К.А. Руденко. *а* – развал сосуда типа «постпетрогром».

Fig. 10. Ostolopovo settlement. Excavation I. Dwelling No. 2. *1* – stove plan; *2* – cleaning of the stove. View from the north. Photo by K.A. Rudenko. *а* –the vessel of the “post-petrogrom” type.

Во всех постройках были печи, сложенные из камней крупного и среднего размера, скрепленные глиной. Часть из них была с трубами. Печи располагались непосредственно у входа, примыкая одной из боковых сторон почти вплотную к стенке котлована. Большинство изученных жилищ Остолоповского I селища было стандартным по размеру и конструкции. Небольшие вариации были связаны с перестройкой или обновлением жилищ, а также с индивидуальными подходами к кладке печей или строительства дома. Судя по стратиграфии и находкам из культурного слоя и сооружений, можно предположить, что изначаль-

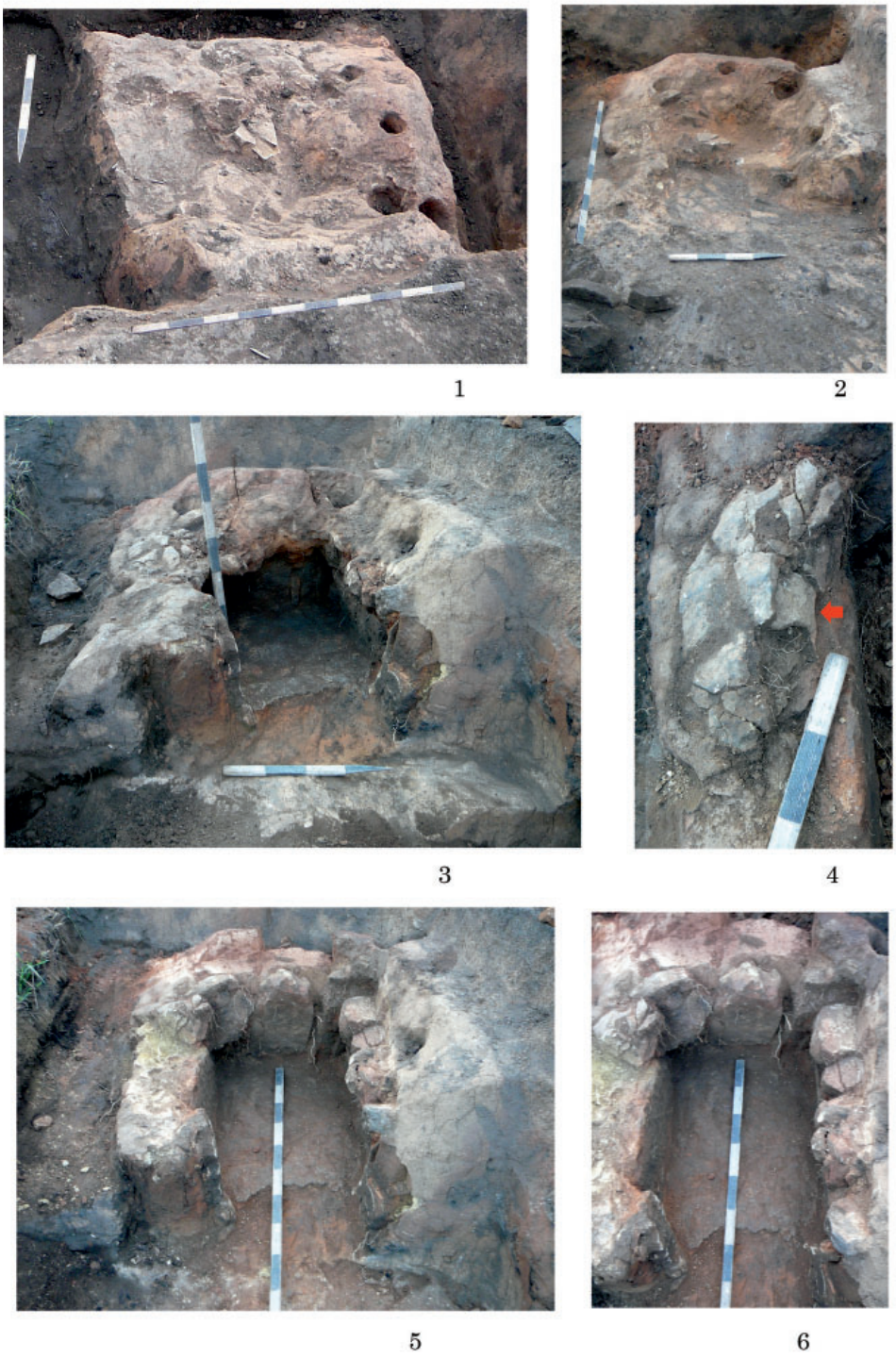


Рис. 11. Остолоповское селище. Раскоп XVII–XVIII. Печь в жилище №4 в процессе расчистки. *1,2*: печь до начала расчистки; *3* – печь в процессе разборки южной стенки; *4* – фрагмент края верхней части печи; *5* – топочная часть печи; *6* – под печи. *1*: вид с севера; *2* – 6: вид с востока. Фото К.А. Руденко.

Fig. 11. Ostolopovo settlement. Excavation XVII–XVIII. Stove in dwelling № 4 during cleaning. *1,2*: stove before cleaning; *3* – stove during dismantling of the southern wall; *4* – fragment of the edge of the upper part of the stove; *5* – firebox of the stove; *6* – hearth of the stove. *1*: view from the north; *2–6:* view from the east. Photo by K.A. Rudenko.

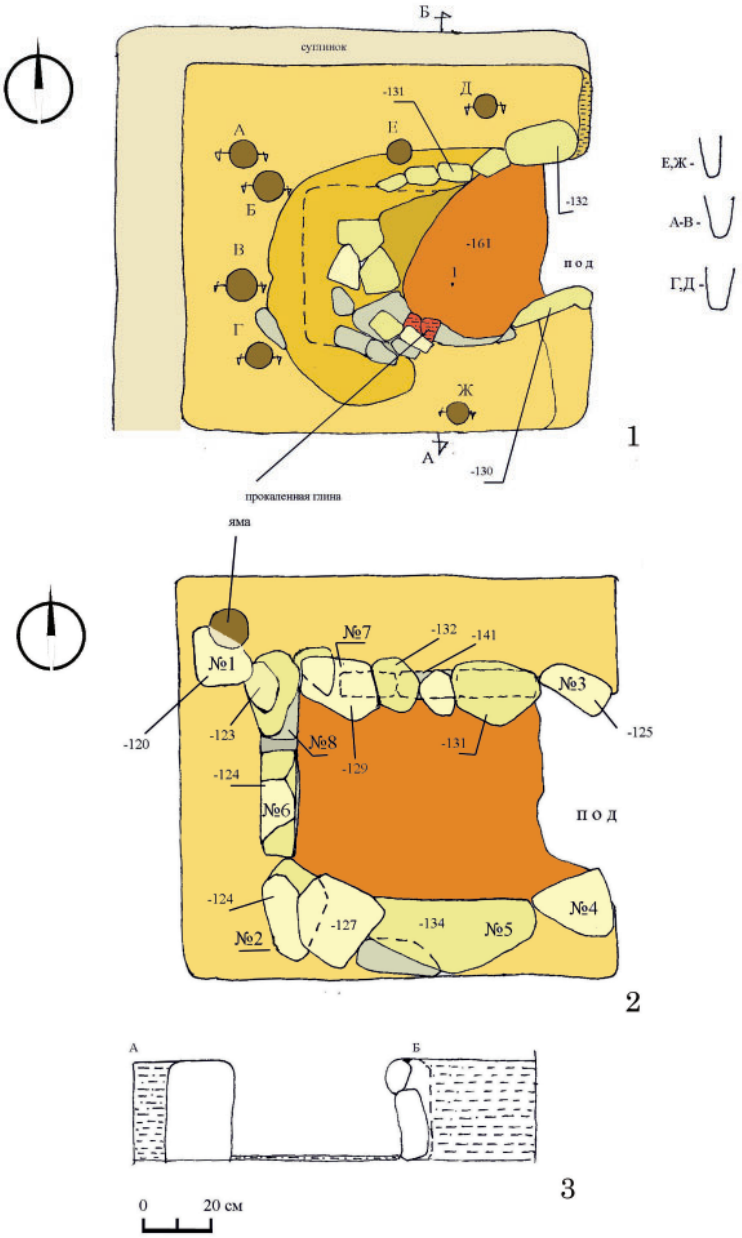


Рис. 12. Остолоповское селище. Раскоп XVII–XVIII. Печь в жилище №4. План. *1* – расчистка 1. На плане цифрой обозначено: 1 – глиняное изделие, -149 см. *2* – расчистка 2.
Fig. 12. Ostolopovo settlement. Excavation XVII-XVIII. Stove in dwelling №4. Plan. ***1*** – cleaning 1. On the plan, the number indicates: *1* – clay item, -149 cm. ***2*** – cleaning 2.

ная застройка территории поселения велась в конце X – второй половине XI в. Наземная постройка с земляным котлованом, скорее всего, была древнейшей у волжских булгар. Жилища Остолоповского селища являются усовершенствованной формой ранних булгарских полуземлянок.

Примечания:

[1] В данной статье их мы не рассматриваем.

[2] Указана сохранившаяся длина. Могли быть доски и более длинные.

ЛИТЕРАТУРА

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер В.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Казан. ун-т, 1962. 128 с.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX – XIII вв. Курск: Изд. ун-та, 2007. 220 с.

Кавеев М.М. Некоторые итоги исследования булгарских селищ // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ, 2003. С. 171–182.

Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.

Казаков Е.П. Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. из-во, 1991. 176 с.

Кочкина А.Ф. К истории домостроительства в Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (по материалам Муромского городка) // Древности Поволжья: эпоха Средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции / Ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 98–108.

Кушманский комплекс памятников IX – XIII вв.: реконструкции и интерпретации / Отв. ред. И.В. Журбин. М.: ТАУС, 2021. 160 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 364 с.

Перескоков М.Л. Некоторые итоги исследования городиша Кашан I в республике Татарстан в 2013 г. // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры », посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14-16 мая 2014 г.) / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 278–284.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 5–192.

Руденко К.А. Отчет об исследованиях археологических памятников в Татарстане в 1997 году. Казань, 1998. 153 л.// Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1.

Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы круглого стола / Отв. ред. М.А. Усманов Часть II, Казань: ИИ АН РТ, 2002. С. 31−52.

Руденко К.А. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 2001 году. Казань, 2002а. 122 л. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25467.

Руденко К.А. Методические и практические вопросы натурной реконструкции в музейной экспозиции (на примере реконструкции жилища XI в. по археологическим материалам) // Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 14-16 мая 2002 г. / ред. Т.Б. Купряшина, Ю.М. Смирнов. Муром: Стерх, 2003. С. 52–57.

Руденко К.А. Три жилища с Остолоповского селища XI — XII вв. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27-30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 238–262.

Руденко К.А. Вопросы методики реконструкции жилища XI — XII вв. в музейной экспозиции по археологическим данным // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев / Труды ГИМ. Вып. 160 / Отв. ред. Л. И. Скрипкина. М.: ГИМ, 2006а. С. 42–50.

Руденко К.А. Возможности археолого-этнографических реконструкций сельских жилых построек и интерьера эпохи средневековья (XI-XII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред. Н.А. Томилов, С. Ф. Татауров, Л.В. Татаурова. Одесса; Омск: ОмГПУ; Наука, 2007. С. 124–127.

Руденко К.А. Некоторые вопросы использования археологических материалов в музейной экспозиции // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всеросс. науч. конф. посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции / гл. ред. Р.Д. Голдина; отв. ред., сост. И.Г. Шапран. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2008. С. 291–300.

Руденко К.А. К вопросу о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в

древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию Е. П. Казакова / Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 309–352.

Руденко К.А. Исследования жилища на раскопе XIV Остолоповского селища // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции. V Халиковские чтения, посвященной 80-летию со дня рождения А. Х. Халикова (27-30 мая 2009 г. Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11/ Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 184–202.

Руденко К.А. Новые данные о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 95–110. DOI: 10.244.11/2587-6112-2019-00082

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79. DO I: 10.24852/2587-6112.2021.3.65.79.

Руденко К.А. Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 7–30. DOI 10.14258/nreur(2024)2–01.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2018. 376 с.

Смирнов К.А. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 155–158.

Старостин П.Н. Остатки Древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 140–145.

Тухтина Н.В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 145–154.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.

Хлебникова Т. А. Пальцинские селища X - начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 203–220.

Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. №. 1. С. 58–68.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1979. С. 62–99.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X - начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / МИКВАЭ. Т. 16. Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.

Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XIII вв.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: НЦАИ ИИ АН РТ, 1993. С. 63–76.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, V. S. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near Rozhdestveno Village).* Kazan: Kazan State University (in Russian).

Enukova, O. N. 2007. *Domostroitel'stvo naseleniya mezhdurech'ya Seyma i Psla v IX – XIII vv. (House-building of the population between the Seim and Psla rivers in the IX – XIII centuries).* Kursk: Kursk State University (in Russian).

Kaveev, M. M. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs "Shkola" Publ., 171–182 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–64 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kochkina, A. F. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 98–108 (in Russian).

Zhurbin, I. V. 2021. (ed.). *Kushmanskiy kompleks pamyatnikov IX – XIII vv.: rekonstruktsii i interpretatsii (Kushmansky complex of monuments of the IX – XIII centuries: reconstructions and interpretations)*. Moscow: "Taus" Publ.(in Russian).

Myl'nikov, V. P. 2008. *Derevoobrabotka v epokhu paleometalla (Severnaya i Tsentral'naya Aziya) (Woodworking in the Paleometal era (Northern and Central Asia))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and issues of archaeological research)*. Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 278–284 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–192 (in Russian).

Rudenko, K. A. 1998. *Otchet ob issledovaniyakh arkheologicheskikh pamyatnikov v Tatarstane v 1997 godu (Report on the research of archaeological sites in Tatarstan in 1997)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1, R-1 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (The Great Volga Route: Formation and Development History)* 2. Kazan: Institute for History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 31−52 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. *Otchet o raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 2001 godu (Report on the excavations of the Ostolopovo settlement in the Alekseevsk district of Tatarstan in 2001)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1, R-1, dossier 25467 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. In Kupryashina, T. B. Smirnov, Yu. M. (ed.). *Uvarovskie chteniya-V (V Uvarov Readings)*. Murom: "Sterkh" Publ.б 52–57 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maia 2004 g.) (Historical and Culturel Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Kazan: "Shkola" Publ., 238–262 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2006. In Skripkina, L. I. (ed.) *Nauchnye rekonstruktsii v sovremennoy ekspozitsionnoy i obrazovatel'noy deyatel'nosti muzeev (Scientific reconstructions in modern exhibition and educational activities of museums)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 160. Moscow: State Historical Museum, 42–50 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2007. In Tomilov, N. A., Tataurov, S.F., Tataurova, L. V. (eds). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Odessa; Omsk: "Nauka" Publ., 124–127 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2008. In Shapran, I. G. (ed.). *Arkheologicheskaia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediia Evrazii (Archaeological Expedition: Latest Achievements in the Study of the Historical and Cultural Heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Udmurt State Univerdity, 291–300 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 309–352 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: Arkheologiia

Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 184–202 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 95–110 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2024. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 29 (2), 7–30 (in Russian)

Rudenko, S. I. 2018. *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki (The Bashkirs: Historical and Ethnographical Sketches)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. A. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 155–158 (in Russian).

Starostin, P. N. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* II. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 140–145 (in Russian).

Tukhtina, N. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 145–154 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 49–89 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 2. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 203–220 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 58–68 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware ft he Volga Bolgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh.1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 62–99 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings of the Kama River region (Iron Age))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 16. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Sharifullin, R. F. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 63–76 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.298.308

ОСОБЕННОСТИ ЛУКА И СТРЕЛ РЕГИОНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2025 г. М.М. Мифтахов, Л.Ф. Недашковский

В статье представлены результаты исследования особенностей комплекса золотоордынского оружия дальнего боя (в первую очередь железных наконечников стрел) в различных регионах Улуса Джучи (Северо-Западное Причерноморье, Приазовье, степное Прикубанье, Подонье, Нижнее Поволжье, Среднее Поволжье, Приуралье и Южный Урал, Центральный и Восточный Казахстан, лесостепной Алтай). На основе этого были высказаны предположения о возможных факторах, определивших тенденции развития элементов оружия дальнего боя. Было также рассмотрено соотношение между собственно монгольскими типами наконечников стрел и образцами, характерными для покоренных монголами народов, и дано объяснение причин различий этого соотношения в отдельных регионах Золотой Орды, по которым есть достаточно представительные археологические данные.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, оружие дальнего боя, региональная специфика.

FEATURES OF THE BOW AND ARROWS OF THE GOLDEN HORDE REGIONS

M. M. Miftakhov, L. F. Nedashkovsky

The paper deals with the results of a study on the features of the Golden Horde long-ranged weapon set (primarily iron arrowheads) in different regions of the Ulus of Jochi (Northwestern Black Sea, Azov Sea, Steppe Kuban, Don River, Lower Volga, Middle Volga, Ural River and Southern Urals, Central and Eastern Kazakhstan, forest-steppe Altai). Based on this analysis, hypotheses were proposed regarding the possible factors that determined the developmental trends of long-range weaponry elements. The study also examined the ratio between authentically Mongol types of arrowheads and types characteristic of the peoples subjugated by the Mongols. An explanation is provided for the reasons behind the differences in this ratio across specific regions of the Golden Horde for which sufficiently representative archaeological data exists.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, Golden Horde, long-ranged weapons, regional variation.

Исследование развития оружия дальнего боя Улуса Джучи может помочь понять процессы контактов и взаимоотношений между монголами и покоренными народами, в частности процессы восприятия материальной культуры.

Основу силы золотоордынской армии составляли кочевники тюркского происхождения и собственно завоеватели-монголы. Это были конные воины, вооруженные луком и стрелами. Причины подобного характера ведения боя с противником объясняются несколькими факторами: 1) доступность материала; 2) важная роль охоты в хозяйстве, соответственно значительное применение лука и стрел в быту; 3) особенности военного дела и тактики. По результатам изучения кочевнических погребений можно предположить, что конные лучники составляли около 86,7% воинов (Иванов, 2011, с. 74–75). Набор лучника включал в себя лук, стрелы и колчан. Стрела, в свою очередь, состояла из древка, наконечника, свистунка, оперения и ушка. Лук был сложносоставным, его кибить собиралась из нескольких частей.

В последнее время значительно увеличилось число находок предметов вооружения золотоордынского времени, в том числе и оружия дальнего боя. Ввиду того, что Золотая Орда занимала огромную территорию, интересным для рассмотрения является вопрос о локальных особенностях комплекса оружия дальнего боя в различных регионах. Наибольший интерес в плане выявления региональных особенностей представляют наконечники стрел. В тексте статьи типы наконечников стрел указаны по монографии А.Ф. Медведева (Медведев, 1966а). Мы условно называем типы наконечников 26–27, 38, 49, 57, 60, 66–73 монгольскими, поскольку они распространились в Восточной Европе из Центральной Азии не ранее времени монгольского нашествия (Медведев, 1966а, с. 61, 64, 69, 72–73, 75–78; 1966б, с. 55-60).

Северо-Западное Причерноморье и Поднепровье

На территории Северо-Западного Причерноморья (Добролюбский, 1986, с. 84–88, 91–93, 98, 101–103, 105, 108, 111, 116, 118, табл. II, *14–15*, V, *3–9, 11, 15–27*, VIII, *2–6, 8–9*, X, *11, 13, 15*, XII, *3*; Добролюбский, Гребенников, 1991, с. 227–229, рис. 2, *2–5, 13–17*; Добролюбский, Дзиговский, 1981, с. 141) из 50 наконечников, которые удалось классифицировать, 35 относятся к собственно монгольским (70%), из них наиболее распространен тип 67 (60% монгольских). В регионе присутствует значительное монгольское влияние, но представлены и немонгольские образцы.

Ряд находок обнаружен в Нижнем Поднепровье. При раскопках укреплений поселения Малая Хортица найдены железные ромбовидные (тип 49) и бронебойные наконечники, на селище Гавриловка обнаружен железный ромбовидный наконечник (Ельников, 2015, с. 480, 497). В кургане у с. Каменское (Тихомолова, 1992, с. 80) найден железный наконечник ромбовидной формы.

Приазовье

В Северо-Восточном Приазовье при раскопках могильника Ляпинская балка найдены железные наконечники стрел: один пламевидной формы с круглым сечением, один фрагментированный с подквадратным сечением и один бронебойный с ромбическим сечением; обнаружены лук (видимо, простой) и берестяной колчан с расширением к верху (Евглевский, Кульбака, 2003, с. 364, 366–367, 370, 372, 385, рис. 4, *11*, 5, *2, 15–16*). В кургане у с. Новониколаевка обнаружены два железных наконечника стрел с четырехгранным сечением, а также ромбовидной формы с плоским сечением, вытянутыми верхними и короткими нижними гранями (тип 41), две колчанные костяные петли с отверстием по центру и следами черной краски (Евглевский, 1992, с. 108–109, рис. 1, *4–6*). В кургане у с. Чугуно-Крепинка найден железный наконечник в виде лопаточки (тип 67) и колчанные костяные накладки (Евглевский, 1992, с. 108–109, рис. 1, *12*). В кургане у п. Житенко обнаружены железный черешковый наконечник с короткими верхними и длинными нижними гранями (тип 67), костяная колчанная петля, семь гладких костяных накладок от колчана (Евглевский, 1992, с. 111, 113, рис. 3, *1–2, 8*). В кургане у с. Зрубное найдены два массивных наконечника ромбовидной формы (близки к типам 41 и 69), колчанная костяная петля и костяные обкладки колчана сегментовидного сечения (Евглевский, 1992, с. 112–113, рис. 3, *10–13*). Курган могильника Бабья Могила (Евглевский, 1992, с. 112, 114, рис. 4, *8*) дал два железных наконечника листовидной формы (тип 63). Фрагмент железного плоского наконечника стрелы найден в кургане у Шахтерска (Евглевский, 1992, с. 113). В погребении кургана группы Попов Яр 2 обнаружены накладки лука, колчан с костяными накладками, петлей и тремя железными наконечниками типа 49 (Кравченко, 2015, с. 423). В комплексе у с. Кировское обнаружен фрагмент костяной петли колчана, в погребении у п. Раздольное – костяная петля налучья (Кравченко, 2015, с. 424–425, 429, рис. 7, *6*, 8, *2*).

В Приазовье есть как собственно монгольские наконечники (типы 49, 67, 69), так и не относящиеся к завоевателям (типы 41 и 63); монгольские типы составляют 38%.

Северный Кавказ

Для кочевников Северного Кавказа XIII–XIV вв. известен ряд находок. Наконечники стрел найдены в погребении у х. Пролетарского (один из них четырехгранный, второй в форме срезня (близок типу 70), третий двухлопастной), здесь были обнаружены и остатки колчана (Нарожный, 2005, с. 104, 110, рис. 21, *14–16*). В кургане 1 могильника Кривуша-84 (Нарожный, 2005, с. 110, 112, рис. 47, *1–12, 21*) обнаружены треугольный (тип 37), бронебойные один килевидный (близок типу 81), по два ланцетовидных с квадратным сечением (тип 77) и пулевидных с круглым сечением (тип 102), шесть узких пирамидальных и шиловидных с квадратным сечением (тип 95). Наконечники линзовидного и ромбического сечения (типы 43 и 63, по 2 экз.) имелись в погребении 2 кургана 1 группы 4 Калиновского могильника (Нарожный, 2005, с. 111–112, рис. 47, *13–14, 22–23*). При раскопках кургана 10 Калиновского могильника найден берестяной колчан, в котором находились четыре железных наконечника (Чхаидзе, Дружинина, 2008, с. 83–84, рис. 3, *10–13*): два – плоские ромбические в форме срезня с удлиненной верхней частью (тип 53), один плоский в виде срезня с округлой нижней частью и ровно срезанной верхней (тип 54), еще один – вытянутый шиловидный ромбического сечения (тип 94). Находка из кургана 1 под с. Новосе-

лицкое (Нарожный, 2005, с. 111–112, рис. 47, *15*), является фрагментом черешка, вставленным в насадку из кости (свистунок).

В группе «Молоканова щель» найдены два колчанных набора (Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 606, 613, 618–619, рис. 4, *2–3*, 10, *2–5*). Первый включает 12 наконечников: десять с плоским пером (один пулевидной формы с короткой боевой частью) и два трехлопастных с кунжутолистными лопастями (тип 26). Второй содержит четыре железных черешковых наконечника с плоским пером, один интересен сквозным вырезом в срединной части, стороны которого параллельны внешним контурам, возможно, что такие наконечники использовались в качестве зажигательных.

У с. Верхний Алкун в захоронении начала XV в. содержался колчан с 30 стрелами (Чахкиев, Нарожный, 1990, с. 131–132). Колчан представлял собой деревянный каркас, обтянутый кожей, имевший сегментовидную форму. Найдены остатки налучья из кожи, внутри которого помещался сложносоставной лук (сохранилась рукоять деревянной основы и фрагменты роговых накладок). Наконечники: плоские – крупный ромбовидный, ромбовидные (4 экз.), двурогий, вытянуто-ромбические (4 экз.), килевидный (1 экз.), граненые – копьевидные с ромбическим сечением и округлой шейкой (6 экз.), вытянуто-пирамидальные с квадратным сечением (7 экз.), весловидные с круглой шейкой и четырехгранной головкой (3 экз.), килевидный с ромбическим сечением, кинжаловидные с ромбическим сечением (2 экз.).

На Северном Кавказе распространение получают плоские ромбические и различные бронебойные наконечники стрел, приживаются монгольские колчаны, однако проявляется и местная домонгольская специфика; происходил синтез местных и монгольских традиций изготовления оружия.

На территории степного Прикубанья в захоронении группы Старонижнестеблиевский I (Чхаидзе, Дружинина, 2010б, с. 111–112, рис. 1А, *4–5*) найдены два железных наконечника (типы 61 и 102). В погребении Греки обнаружена костяная накладка на лук, колчанные скобы и три накладки с циркульным орнаментом, встречены девять наконечников типов 33, 60.2, 61.1 и 63 (Чхаидзе, Дружинина, 2010б, с. 112–114, рис. 2, *8–11, 19–22, 24–26*). В погребении Лебеди найден колчан с двумя скобами и деревянным каркасом, обклеенным берестой, пять наконечников типов 60.2, 63, 90.1, 102 (Чхаидзе, Дружинина, с. 115–116, рис. 3, *15–21*). Погребение Пилипенковский содержало четыре наконечника стрел типов 33, 60.2 и 63 (Чхаидзе, Дружинина, 2010б, с. 117–118, рис. 4А, *6, 11–13*). В могильнике Коллекторский в одном погребении найдены остатки колчана (скоба, накладки, заклепки, пластины, крюк) и четыре наконечника типа 66, в другом – остатки берестяного колчана с крюком, двумя пластинами с железными штырями, фрагментом скобы, три наконечника типов 63, 66, 72 (Чхаидзе, Дружинина, 2010б, с. 119–123, рис. 5, *2–4, 12*, 6, *5–9*). В кургане у ст. Ладожской обнаружены остатки лука с костяными украшениями и наконечники стрел; в кургане у п. Праздничный найдены три дисковидные серебряные накладки на колчан и железные наконечники: два плоских подпятиугольных типа 63, два ограненных вытянутых подромбических, близких типам 52.3 и 78.1, ромбовидный с пологими плечиками типа 61.2, с ромбическим сечением и овально-вытянутым пером типа 41.2 (Чхаидзе, 2010, с. 154–156, 162, рис. 3, *5–14*). Погребение у с. Лосево содержало остатки лука с костяными накладками, колчана с костяными и серебряной накладками, железными пластинками и петлей, шесть железных наконечников (Чхаидзе, Дружинина, 2010а, с. 428, 431–432, рис. 4, *3–10, 12–14, 16, 19–22*), четыре из них лавролистные (тип 63), один близок предыдущим, один является шиловидным (тип 94).

Для черкесских воинов XIII–XIV вв. характерен сложносоставной лук, рукоять и рога которого обклеивались костяными накладками. Формы наконечников стрел близки монгольским – плоские ромбы, которые могут быть как симметричными, так и ассиметричными, двурогие или долотовидные срезни (эти разновидности меньше монгольских по размерам), трехлопастные или граненые пробойники. Колчаны делятся на два типа: в виде расширяющегося книзу узкого пенала из бересты и в виде плоской сумки небольшой длины. Черкесы восприняли от монголов устье-приемник с округлым верхом и украшение костяных накладок гравировкой, причем орнамент в большинстве случаев самобытен (Горелик, 2017, с. 283–284). Примером могут служить лук и колчан, найденные при раскоп-

ках Белореченского могильника (Горелик, 2013, с. 222–225, табл. 3). Берестяная основа колчана оклеена кожей, замшей и китайской парчовой тканью с цветочным узором, на крышке приемника крупная чеканная серебряная бляха в форме четырехлепестковой розетки, украшенная вихревой розеткой и снабженная петелькой с подвижным колечком.

В степном Прикубанье большинство найденных наконечников представлены домонгольскими формами, к привнесенным завоевателями можно отнести двурогие срезни типа 60, веслообразный тип 66 и кунжутолистный тип 72. Из 39 наконечников – не более девяти (23%) монгольских, причем наиболее распространен тип 66 (5 экземпляров, 56%).

Среднее Подонье

На территории Среднего Дона найдена шелковая тетива в кожаном налучье с накладками из серебряных пластин и восемь берестяных колчанов (Кравец, 2005, с. 35, рис. 4, *1, 8–10*). Наконечники стрел найдены в количестве 31 (30 железных и деревянный черешковый ромбический с подовальным сечением), среди классифицируемых железных представлены (Кравец, 2005, с. 35–36, рис. 5, *1–9*) листовидный (тип 63), три листовидных с наибольшим расширением у острия (65), веслообразный (66), восемь срезней (67), шесть ромбических с удлиненной нижней частью (69), в виде широкой лопаточки с тупоугольным острием (70), два кунжутолистных (72), трехгранный пирамидальный (76), два узких шиловидных (95). Большая часть наконечников относится к монгольским (72%) (типы 66 (6%), 67 (44%), 69 (33%), 70 (6%) и 72 (11%)), можно говорить о значительном преобладании традиций завоевателей.

Волго-Донские степи

На территории Волго-Донских степей исследовано 148 погребений, содержащих колчаны, почти все из них берестяные, но встречаются и колчаны из кожи; большинство – длинные полые футляры с узкой горловиной, расширением к низу и овальным сечением (Мыськов, 2015, с. 131–156). Отдельные находки декорированы прямыми продольными или косыми волнистыми линиями черного или коричневого цвета. 55 погребений содержат колчаны с костяными накладками, окрашенными красной, черной и зеленой (или синей) красками. Остатки луков представлены в 18 погребениях кибитями и костяными накладками с расширениями на концах, в одном случае сохранилось кожаное налучье (Мыськов, 2015, с. 122). Наконечники стрел обнаружены в 176 погребениях (Мыськов, 2015, с. 122–128), из 255 железных наконечников 56% являются срезнями в виде узкой вытянутой лопаточки (тип 67), 8% – кунжутолистные (тип 72), 7% – ромбовидные (тип 49), 4% – треугольные срезни (тип 54), 1% – секторовидные срезни (тип 68), 1% – пламевидные (тип 71), 1% – двурогие срезни (тип 60), 13% –- листовидные и ланцетовидные (тип 62), 9% – бронебойные, из них больше половины пулевидные (тип 102). К монгольским типам относится 74% наконечников, зафиксировано значительное вытеснение монгольским комплексом вооружения дальнего боя наконечников стрел местных традиций.

Саратовское Поволжье

С Увекского городища известны орнаментированные накладки на колчан, костяное кольцо для натягивания тетивы и наконечники стрел типов 33, 40 (3 экз.), 41, 46, 49, 67 (2 экз.), 69, 84 (Nedashkovsky, 2004, p. 38, 187, 189, fig. 6, 8). В округе Увекского городища с селища Подгорное известен костяной наконечник с ромбическим сечением, с поселения Подстепное – железные наконечники типов 48 и 67 (Nedashkovsky, 2004, p. 38, 215, fig. 46, *1, 9–10*). На Хмелевском I селище обнаружены четыре наконечника двух типов – три срезня, имеющие вид вытянутой лопаточки (тип 67), и бронебойный четырехгранный с ромбическим сечением (тип 85) (Недашковский, Шигапов, 2018, с. 161–162, 167, рис. 1, *3–6*; Nedashkovsky, 2004, p. 38, 215, fig. 46, *11–14*). С Багаевского селища происходят пять наконечников типа 67, по одному типов 76, 80, 84 (раскопки 2020 г.) и 85 (Недашковский, Шигапов, 2019, с. 169–171, рис. 1, *4–10*). Из 26 железных наконечников Саратовского Поволжья к монгольским типам относятся 13 (50%), из них тип 67 составляет большинство (85%).

Среднее Поволжье

Железные наконечники из Среднего Поволжья, которые могут относиться к XIII–XIV вв., представлены рядом типов (Руденко, 2003): 28, 29 (3 экз.), 32 (11 экз.), 33 (13 экз.), 35 (5 экз.), 37 (40 экз.), 38 (3 экз.), 40 (3 экз.), 41 (2 экз.), 43 (18 экз.), 44 (3 экз.), 46 (5 экз.), 49, 52 (17 экз.), 53 (4 экз.), 54 (14 экз.), 60 (5 экз.), 61 (4 экз.), 63 (7 экз.), 66 (3 экз.), 67 (60

экз.), 68 (4 экз.), 72 (3 экз.), 77, 78 (17 экз.), 81 (10 экз.), 84 (21 экз.), 86 (10 экз.), 87 (11 экз.), 88 (9 экз.), 91 (34 экз.), 93 (10 экз.), 101 (2 экз.), 102 (5 экз.). В золотоордынское время на территории Среднего Поволжья получают распространение характерные для завоевателей и близкие к ним типы железных наконечников стрел – 38, 49, 60, 66–68, 72 (79 экз., 22%). Из них наиболее часты срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (60 экз., 76%), на втором месте двурогие срезни с упором (5 экз.). Сохраняются и наконечники, использовавшиеся до нашествия.

На Наровчатском городище были найдены наконечники типов 37 (3 экз.), 40 (3 экз.), 41 (1 экз.), 44 (1 экз.), 60 (1 экз.), 90 (1 экз.), 91 (1 экз.), 97 (1 экз.) и арбалетный наконечник типа 11 (Средневековый город…, 2021, с. 79–81, рис. 60).

При исследованиях позднезолотоордынского Торецкого селища найдено 35 черешковых наконечников стрел, костяной типа 7 и железные, 30 из которых разделяются на типы (Валиулина, 2009, с. 17–22): 4, 18 (3 экз.), 32, 37 (4 экз.), 40 (9 экз.), 41, 44, 61, 63 (3 экз.), 65, 66, 93 (2 экз.), 97, арбалетный болт типа 15. Из монгольских типов наконечников лишь один экземпляр типа 66 (3%), что может показаться удивительным, если сравнить это с находками с других поселений. Однако, если учесть датировку памятника, можно предположить, что мы наблюдаем окончание перехода от использования специализированных наконечников (предназначенных для поражения бронированных целей и для рассечения) к так называемым универсальным (для стрельбы по незащищенному или слабо защищенному противнику).

Южный Урал и Приуралье

На территории Южного Урала и Приуралья обнаружено 74 инвентарных золотоордынских захоронения (Иванов, Кригер, 1988, с. 29). Они характеризуются железными наконечниками стрел (Иванов, Кригер, 1988, с. 11, 41) типов 51 (2 экз.), 54 (4 экз.), 60, 67 (34 экз.), 68 (4 экз.), 69 (9 экз.), 72 (1 экз.), 102 (4 экз.) и костяными черешковыми листовидными наконечниками (6 экз.). Среди железных наконечников подавляющее большинство относится к монгольским типам (49 экз., 83%). Из них наиболее распространены были срезни в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью и с двумя короткими ударными гранями, смыкающимися под тупым углом (34 экз., 69%) и широкие срезни (9 экз., 18%). В погребениях Приуралья найдены 33 берестяных колчана (Иванов, Кригер, 1988, с. 18), для них характерна конусовидная форма с суженной верхней частью; обнаружены железные и костяные петли, железные крючки с плоским щитком. Семь колчанов украшены костяными накладками с геометрическим или растительным орнаментом, залитым черной, зеленой и красной красками.

Одной из представительных коллекций предметов оружия дальнего боя на Урале являются находки на местонахождении XIV в. у д. Брик-Алга (Гарустович, 2012, с. 55–62). Обнаружены два колчанных крюка, 31 стрела, из них 26 наконечников и пять обломков либо заготовок. Имеется один втульчатый наконечник типа 8, остальные черешковые типов 43 (5 экз.), 45, 53, 67 (9 экз.), 69, 72 (3 экз.), 76 (2 экз.), 83, 87 и 94. Монгольские типы наконечников составляют 50% (13 экз.), причем из них наиболее распространен тип 67 (69%).

Центральный и Восточный Казахстан

На востоке кипчаки занимали земли Центрального и Восточного Казахстана. Зафиксирован лук со срединными боковыми накладками, который был широко распространен у тюркоязычных кочевников в конце I тыс. н. э. (Худяков, 1997, с. 107–108). Кипчаки использовали как железные, так и костяные наконечники стрел. Железные представлены черешковыми (Худяков, 1997, с. 108–113): типы 37, 40 (8 экз.), 54 (3 экз.), 60, 63 (3 экз.), 67 (6 экз.), 68 (2 экз.), 70 (15 экз.) и 97 (2 экз.). Костяные наконечники также относятся к черешковым и подразделяются на 1 группу (ромбовидные), которая делится на удлиненно-ромбические (2 экз.) и удлиненно-треугольные (1 экз.). Наиболее распространенными были плоские наконечники, направленные на поражение незащищенного панцирем врага. Бронебойные наконечники были мало распространены и представлены линзовидными, четырехгранными и прямоугольными формами. Из 41 железного наконечника 24 (59%) относятся к монгольским, из них 15 (63%) – типа 70. Колчаны использовались берестяные с цилиндрическим приемником.

Интересны результаты раскопок могильника Карасыур (Усманова, Дремов, Панюшкина, Колбина, 2018, с. 109), где обнаружены

пять железных наконечников стрел типа 67, три костяных листовидных, три берестяных колчана, две фронтальные накладки на лук и колчанный крюк.

Алтай

Ю.С. Худяковым приведены железные наконечники стрел XIII–XIV вв. с территории степного Алтая (Худяков, 1997, с. 64–69): типы 32, 44 (2 экз.), 52, 53 (5 экз.), 54 (4 экз.), 60, 68 (4 экз.), 72 (3 экз.) и 75 (2 экз.). Костяные наконечники представлены трех- и четырехгранными удлиненно-ромбическими, пяти- и шестигранными асимметрично-ромбическими (Худяков, 1997, с. 67–69). Из железных наконечников стрел к монгольским типам относятся восемь (35%), самым многочисленным является тип 68, к которому относится половина наконечников таких типов.

Железные наконечники стрел кармацкой культуры в Лесостепном Алтае (Горбунов, 2006, с. 29, 34–37, 39, 41–43, 137–140) представлены типами 14, 38, 48 (2 экз.), 51 (20 экз.), 53 (2 экз.), 54 (7 экз.), 60 (4 экз.), 66, 67 (58 экз.), 68 (6 экз.), 72 (2 экз.), 79 (2 экз.) и 84. Из железных наконечников к монгольским типам относятся 79 (74%), самым многочисленным из них является тип 67 (73% монгольских наконечников). Бытовали луки с костяными накладками (Горбунов, 2006, с. 20). В монгольскую эпоху все луки были сложносоставные длиной 120–135 см и менее (Горбунов, 2006, с. 24–26).

Выводы

Комплекс вооружения армии Золотой Орды формировался на основе как традиций народов Центральной Азии, так и традиций покоренных народов. Результаты изучения 1273 кочевнических погребальных комплексов на территории евразийских степей показали, что 37,4% всех погребений содержат предметы вооружения, из них 84,1% содержат оружие дальнего боя (стрелы, лук, колчан) (Иванов, 2020, с. 254). Доминирующим был лук центральноазиатского (монгольского) типа с костяными накладками (Измайлов, 2020, с. 286).

На территории Улуса Джучи был наиболее распространен колчан в виде узкого коробапенала, в котором стрелы могли поместиться целиком. Располагались они наконечниками вверх. Приемник был закрытым и расширялся к верху, который зачастую был веерообразным. Данный тип колчанов характерен для территории Центральной Азии, откуда его принесли с собой монгольские завоеватели. С наружной стороны колчаны облицовывались костяными пластинами, которые богато украшены гравированными узорами, среди которых преобладают растительные и зооморфные мотивы. Наиболее роскошно украшенные экземпляры могли иметь подвески и облицовку из золоченого серебра. В конце XIV – начале XV в. центральноазиатский тип колчана вытесняется другим, также принесенным монголами. Он представлял собой подпрямоугольный плоский футляр, стрелы размещались в нем оперением вверх и лишь на половину длины древка. Накладками из кости и металла украшались налучья из кожи. Необходимо отметить и специальные кольца с выступами (в основном костяные), применявшиеся для натягивания лука.

В Золотой Орде в качестве основного материала при изготовлении наконечников использовались железо и кость. О костяных наконечниках необходимо отметить, что зона их распространения – это прежде всего территория лесостепей и прилегающих к ним регионов (характерным примером является Алтай). Из железных наконечников, которые являются наиболее характерными для государства Джучидов, самым распространенным был тип 67 (табл. 1).

В XIII–XIV вв. продолжается снижение числа трехлопастных наконечников стрел и возрастание числа плоских, среди которых растет доля широколопастных массивных наконечников. В итоге наибольшее распространение получили два вида наконечников: плоские, предназначенные для нанесения рассекающих повреждений незащищенному или слабо защищенному противнику и лошадям, и граненные бронебойные для пробития защищенных целей.

Говоря о региональной специфике материалов, можно проследить определенные тенденции (табл. 1). Наибольшее распространение именно привнесенных монгольских элементов мы видим в Нижнем Поволжье, Подонье, на Южном Урале и в Приуралье, в Северо-Западном Причерноморье, в Центральном и Восточном Казахстане и в лесостепном Алтае. На ряде территорий (Северный Кавказ, Приазовье, Среднее Поволжье) можно наблюдать своеобразный синтез монгольской и местных традиций, выразившийся в принятии многих

Таблица 1. Сравнение регионов по распространению монгольских типов наконечников стрел
Table 1. Comparison of regions by the distribution of Mongol arrowheads types

Регион	Процент наконечников монгольских типов	Наиболее частый монгольский тип
Северо-Западное Причерноморье	70	67
Приазовье	38	49
Прикубанье	23	66
Среднее Подонье	72	67
Волго-Донские степи	74	67
Саратовское Поволжье	50	67
Среднее Поволжье	22	67
Южный Урал и Приуралье	83	67
Центральный и Восточный Казахстан	59	70
Лесостепной Алтай	74	67

компонентов монгольского оружия дальнего боя с одной стороны, но с адаптацией их к местным условиям и сохранением локальных элементов вооружения.

Территория Нижнего Поволжья была центром золотоордынской государственности, где кочевала ханская ставка, что приводило к концентрации здесь собственно завоевателей-монголов. Кипчаки Нижнего Поволжья и прилегающих к нему регионов Подонья и Приуралья, находившиеся под полным контролем монголов и составлявшие основу золотоордынской армии, довольно быстро переняли новшества в оружии дальнего боя. Относительно лесостепного Алтая необходимо сказать, что данная область одной из первых стала частью зарождающейся Монгольской империи, однако впоследствии она быстро оказалась на периферии Золотой Орды, ввиду чего здесь можно наблюдать некоторые архаичные черты в области оружия дальнего боя (в первую очередь немалое количество костяных наконечников стрел).

Интересна ситуация с Северо-Западным Причерноморьем: хотя данная территория располагалась на значительном удалении от центра страны, на ней можно проследить значительное распространение монгольских типов наконечников стрел. Объяснение может заключаться в том факте, что в последней трети XIII в. Северо-Западное Причерноморье являлось владением могущественного беклярибека Ногая, который порой по своему влиянию и силе не уступал самим золотоордынским ханам. То есть, хоть и на короткое время, на данной территории появился довольно значимый центр золотоордынского государства, который должен был притягивать к себе представителей ордынской элиты и воинов, которые, в свою очередь, в значительной мере были представлены потомками завоевателей и воспринявшими монгольскую военную организацию местными кочевниками.

На всей территории Золотой Орды в той или иной степени происходил процесс усвоения покоренными народами монгольского комплекса оружия дальнего боя.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза, 2021. 250 с.

Валиулина С.И. Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 16-23.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Бурнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Предметы престижно-репрезентативного круга из кургана 1 Белореченского могильника // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 220–243.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 280–302.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов-кочевников XIII-XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань-Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 599–639.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 140 с.

Добролюбский А.О., Гребенников Ю.С. Группа памятников кочевой знати первой половины XIV в. в Северо-Западном Причерноморье // Древности юго-запада СССР (I – середина II тыс. н.э.) / Отв. ред. П.П. Брыня. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 224–240.

Добролюбский А.С., Дзиговский А.Н. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте) // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. П.О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1981. С. 134-144.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1 / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 107–116.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 363–404.

Ельников М.В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Казань-Симферополь-Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 479–508.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, ИИ АН РТ, 2011. С. 72–77.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 253–278.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 279–300.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 184 с.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966б. № 2. С. 50–60.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир: АГПУ, 2005. 210 с.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Металлические изделия и керамика с Хмелевского I селища // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17. № 1. С. 160-176.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // Stratum Plus. 2019. № 5. С. 167–177.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Тихомолова И.Р. Курганный могильник у с. Каменское // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 3 / Под ред. Г.Н. Тощева Г.И. и др. Запорожье, 1992. С. 70−82.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 106–113.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков, В.А. Плотников. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1990. С. 129–140.

Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в Степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИАСК. Вып. 11. / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПУ, 2010. С. 154–164.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // Археологический журнал. 2008. № II. С. 79–88.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV в. у села Лосево в Степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2010а. С. 425-436.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010б. № 1. С. 110–125.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

Информация об авторах:

Мифтахов Максим Марселевич, магистрант. Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); maks27052002@mail.ru

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

REFERENCES

Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Valiulina, S. I. 2009. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 151, book 2, part 1, 16-23 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. *Sled velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga) (Trace of the Great Troubles (Site of the XIV century at the village Brik-Alga))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naselenija Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (The military affairs of the population of Altai in the 3rd-14th centuries. Vol. 2. Offensive weapons).* Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2013. In Stepanenko, V. P., Iurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* (*From the Onon to the Thames. Chingissids and their Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky).* Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ, 220–243 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 280–302 (in Russian).

Dmitriev, A. V., Narozhny, E. I. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 599–639 (in Russian).

Dobrolyubskii, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya (Nomads of the North-Western Black Sea Region in the Middle Ages).* Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).

Dobrolyubsky, A. O., Grebennikov, Yu. S. 1991. In Brynya, P. P. (ed.). *Drevnosti yugo-zapada SSSR (I – seredina II tys. n.e.)* (*Antiquities of the South-West of the USSR (II – middle of the II millennium AD))*. Chisinau: Shtiintsa, 224–240 (in Russian).

Dobrolyubsky, A. S., Dzigovsky, A. N. 1981. In Karyshkovsky, P. O. (ed.). *Pamyatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Monuments of ancient cultures of the Northwestern Black Sea region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 134–144 (in Russian).

Evglevsky, A. V. 1992. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection of Papers)*. Donetsk: "Avers Co LTD" Publ., 107–116 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Kul'baka, V. K. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 363–404 (in Russian).

El'nikov, M. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol, Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 479–508 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 72–77 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 253–278 (in Russian).

Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.). (Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th –14th cc.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Izmaylov, I. L. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 279–300 (in Russian).

Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 50–60 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Narozhnyi, E. I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Medieval nomads of the North Caucasus).* Armavir: Armavir State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2018. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17 (1), 160–176 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2019. In *Stratum Plus* (5), 167–177 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1992. In Toshchev, G. N. et al. (eds.). Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma *(Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* 3. Zaporozh'e, 70−82 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 106–113 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Chahkiev, D. Yu., Narozhny, E. I. 1990. In Khudyakov, Yu. S., Plotnikov, V. A. (eds.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 129–140 (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2010. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 11. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical University, 154−164 (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2008. In *Arkheologicheskii zurnal (Archaeological Journal)* II, 79−88 (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 425–436 (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* (*Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)*. (1), 110–125 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. Series: BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress.

About the Authors:

Miftakhov Maxim M. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maks27052002@mail.ru

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.309.319

ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 70 ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАЯЧНЫЙ БУГОР II: АНАЛИЗ, РЕКОНСТРУКЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2025 г. Л.Э. Макласова, Д.В. Васильев

Данная работа представляет ранее не привлекавшиеся к анализу материалы могильника Маячный Бугор II (Красноярский район Астраханской области). В статье приведены результаты исследования берестяных фрагментов головного убора боктаг найденных в парном погребении 70. В ходе археологических работ в погребении были обнаружены предметы вооружения, личного и хозяйственного назначения, по монетам установлена точная датировка – начало XIV в. В статье рассмотрены фрагменты бересты, установлены конструктивные составляющие сохранившихся деталей, предложен вариант кроя утраченных деталей, проведен анализ-сравнение памятников с подобными конструктивно-технологическими решениями. С помощью анализа, синтеза и поиска аналогий нами была предложена версия реконструкции головного убора, а использование моделирования и фактической реконструкции позволило построить графические развертки кроя каркаса, тем самым верифицировав его.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, погребение, боктаг, береста, каркас, ствол, капитель, конструкция, реконструкция.

HEADDRESS FROM BURIAL 70 OF THE MAYACHNY BUGOR II BURIAL GROUND WITHOUT MOUNDS: ANALYSIS, RECONSTRUCTION, INTERPRETATION

L.E. Maklasova, D.V. Vasiliev

This study presents previously unpublished materials from the Mayachny Bugor II burial ground (Krasny Yar district, Astrakhan region). The article details the findings from the examination of birch bark fragments of a gugu hat found in a twin burial 70. During archaeological excavations, the burial yielded weapons alongside personal and household items; coins provided an exact dating to the early XIV century. The article examines the birch bark fragments, identifies the structural components of the preserved parts, proposes a pattern for the lost elements, and conducts a comparative analysis with monuments featuring similar structural and technological solutions. Through analysis, synthesis, and an analogical search, we propose a version for the headdress reconstruction. The use of modeling and physical reconstruction enabled the creation of graphical shape.

Keywords: archaeology, Golden Horde, burial, gugu hat, birch bark, frame, trunk, capital, construction, reconstruction.

С приходом в первой половине XIII в. на территорию Восточной Европы монгольских кочевников здесь начались активные социально-политические изменения, в частности формирование новых городов и поселений в Нижнем Поволжье. Во второй половине XIII в. в северо-восточной части дельты Волги, у места разделения рек Маячная и Бузан возникает новый город, который начинает играть значительную роль в судьбе Улуса Джучи. На левом берегу р. Маячной появляется городское кладбище. В настоящее время они известны как Красноярское городище и грунтовый могильник Маячный бугор. Возможно, городище связано с местом расположения первой ставки Бату – городом Сараем (Васильев, 2011, с. 436–445). С началом правления хана Узбека население города растет, а сам он расширяется. Растёт и площадь могильника – в XIV в. могильник, по мнению Е.М. Пигарёва, переходит на правобережную часть (Пигарев, 2016, с. 164–175). Мы же склонны считать, что могильник на правом берегу возникает в результате освоения руин города после его разрушения и происходит это не ранее XV столетия. Дело в том, что захоронения на правом берегу реки Маячной располагаются в городских кварталах разреженно, они не образуют плотного могильника. Могилы пробивают более ранние сырцовые конструкции. Всё это характерно именно для кладбища, возникшего в город-

ских развалинах после того, как основная часть населения покидает город.

В целом Красноярское городище окружено целой системой кладбищ на бэровских буграх в окрестностях. Крупнейшими и наиболее значительными из них являются грунтовые могильники Маячный бугор, а также Вакуровский бугор – I, Вакуровский бугор – II, Соляной бугор, Калмыцкий бугор, Мечетный бугор – I, Мечетный бугор – II, Черёмуха-I, Черёмуха-II. Кроме того, известны поселения и некрополи на бэровских буграх к северу от Красноярского городища – вплоть до реки Кигач. Многочисленные бугры, окружающие Красноярское городище, покрытые его городскими кладбищами, выдают размеры и плотность населения этого средневекового города (Васильев, Гречкина, 2021, с. 135, 136).

Исследования в окрестностях Красноярского городища начаты с разведок П.В. Казакова в 1988 г. В 1989 г. С.А. Котеньковым был открыт могильник Маячный бугор. Огромнейший по площади могильник Маячный бугор располагается на бэровском бугре сложной конфигурации в 400 м к северу от райцентра Красный Яр Астраханской области. Бугор делится глубокими ложбинами на четыре части, которые получили наименования Маячный-I (центральная часть), Маячный-II (северная и северо-восточная часть), Маячный-III (восточная часть), Маячный-IV (западная часть) (Васильев, Гречкина, 2021, с. 162). Первые раскопки на бугре Маячный-I были проведены П.В. Казаковым в 1989 г.[1], в 1990 г. к ежегодным раскопкам и разведочным исследованиям здесь приступила Астраханская археологическая экспедиция Госдирекции охраны памятников истории и культуры Астраханской области под руководством С.А. Котенькова (рис. 1: 1).

В 1999 году П.В. Казаковым на могильнике Маячный бугор II были проведены самодеятельные исследования без получения открытого листа – обстоятельства требовали срочного доисследования ряда разрушенных погребений, которые обнажились в бортах карьеров. Помимо прочего, было обнаружено интересующее нас парное погребение № 70 (Казаков, 1999), в котором были похоронены мужчина и женщина.

Цель данной работы – частичное введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов с памятника, а также анализ сохранившихся фрагментов от женского головного убора, интерпретация сохранившихся и утраченных деталей. Кроме того, мы хотим обосновать свою версию реконструкции берестяного каркаса боктаг, в том числе в комплексе с другими сохранившимися предметами из погребения. Это необходимо для более полного понимания образа и социальной принадлежности погребенной женщины.

Разрушенное погребение было найдено при осмотре площадки, расположенной над северо-восточной частью большого карьера, уничтожившего юго-западный склон бугра «Маячный II». Ориентировка погребенных – головой на ЮЮВ. Погребальный инвентарь включал множество разноразмерных фрагментов бересты, в основном от колчана, а внутри колчана – наконечник стрелы; фрагменты металлических деталей предметов неясного назначения; стремя; удила; бронзовое зеркало диаметром около 5 см с остатком ручки; глиняный кувшин; фрагменты деревянной чаши; фрагменты кожаных сапог; около черепа женщины обнаружена береста от боктаг. Общая длина убора при его обнаружении в погребении составляла 23 см, длина крышки капители сапожка составляла 21 см. (рис. 1: 2). Помимо бересты в комплекс деталей боктаг входили фрагменты деревянного прутика, бронзовая проволочная шпилька и бронзовые крепления из согнутой проволоки. Между плечевой костью левой руки погребенного и ребрами был обнаружен бронзовый предмет в форме четырехлепесткового цветка. Это украшение: скорее всего, это нашивка с боктаг (предмет утрачен). Здесь же, в захоронении, были найдены деревянный гребень, а также металлические предметы – фрагменты ручек сундука, фигурные подвески. Помимо этого, были найдены монеты из белого металла[2] – три монеты во рту погребенного мужчины и на дне могильной ямы под его нижней челюстью[3] и три монеты под костями кисти правой руки[4]. Погребение датируется первой четвертью XIV в. Судя по особенностям расположения инвентаря, можно предположить, что, возможно, погребальный обряд был совершен по буддийским традициям. Об этом говорит, в частности, наличие монет во рту (Васильев, 2009, с. 143–145). Вероятно, погребенные принадлежали к элитарной части оседлого населения Красноярского городища.

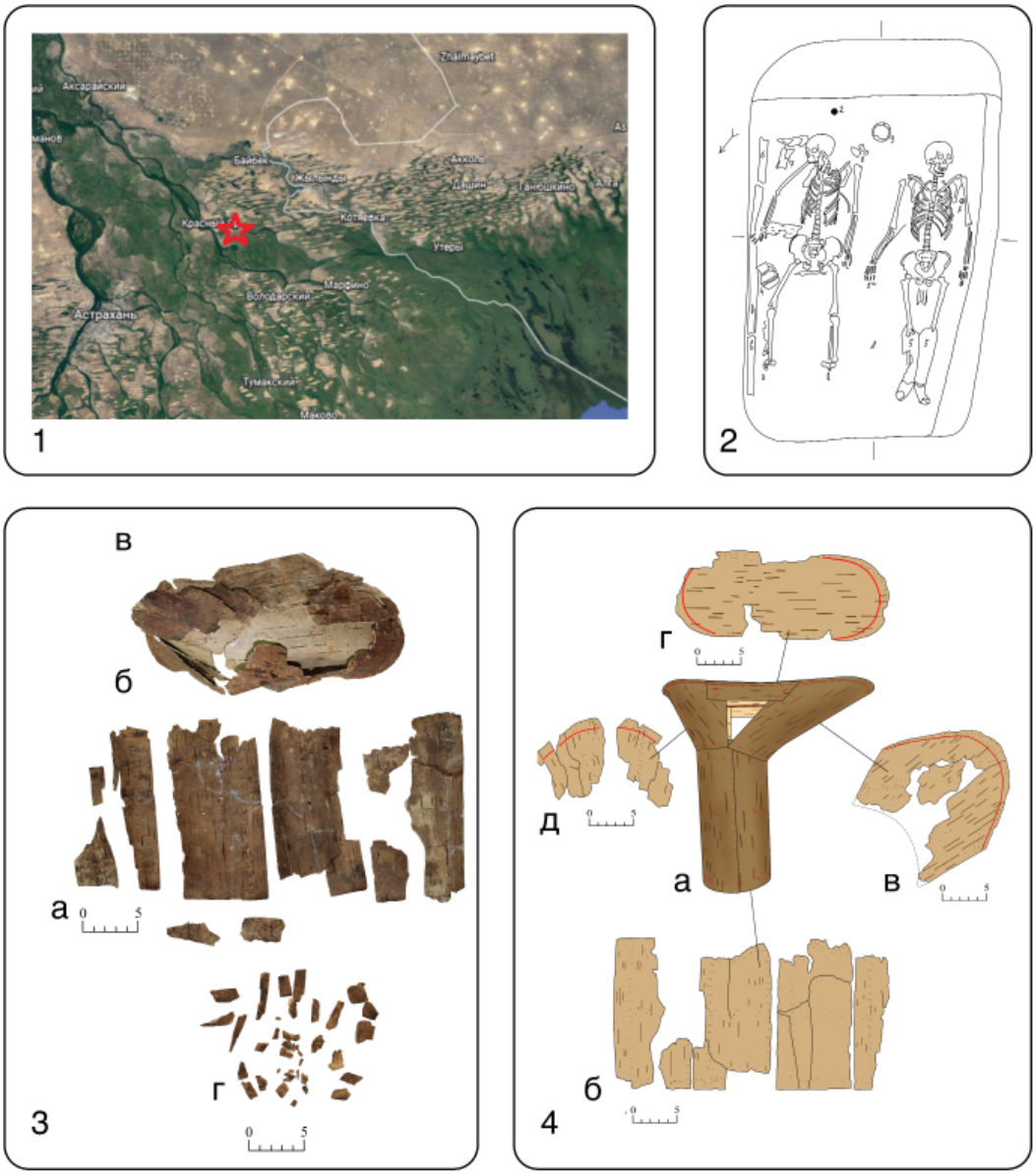


Рис. 1. Маячный Бугор II, погребение 70. 1 – карта расположения памятника; 2 – прорисовка погребения; 3 – некоторые детали каркаса: а – ствол, б, в – крышка и части капители, г – небольшие фрагменты бересты; 4 – развертка кроя берестяного каркаса боктаг: а – графическая реконструкция каркаса; б – ствол; в – передняя часть капители; г – крышка; д – задняя часть капители.

Fig. 1. Mayachny Bugor II, burial 70. 1 – map of the location of the site; 2 – drawing of the burial; 3 – some details of the frame: a – trunk, б, в – cover and parts of the capital, д – small fragments of birch bark; 4 – shape of gugu hat: a – graphical reconstruction of the gugu hat shape; б – trunk; в – front part of the capital; г – cover; д – back of the capital.

До этого на могильнике Маячный Бугор было раскопано семь погребений с головным убором боктаг: фрагментами каркасов, нашивных украшений, тканей обтяжки – пять на Маячном бугре I (№ 103, 104, 106, 188, 224) и два на Маячном бугре II (№ 51, 60) (Котеньков, 1993; Котеньков, 1996; Котеньков, 2011, с. 200, 205, 208). В погребениях 103, 104, 106, 51, 60 головной убор имел Г-образное строение каркаса и широкий диаметр ствола, остальные боктаг имели схожее строение, но узкий ствол. В ряду всех исследованных нами берестяных каркасов с широким диаметром ствола с территории Золотой Орды головной убор из погребения 70 сильно выделяется.

После проведения полевых работ коллекция долгие годы хранилась у исследователя, отчёт не был предоставлен в Институт архе-

ологии РАН. В 2019 году коллекция находок в разрозненном состоянии была передана для дальнейшей обработки в археологическую лабораторию Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева. В период, когда коллекция проходила подготовку к передаче на постоянное хранение в музей, нами были впервые осмотрены фрагменты бересты из данного погребения. За 20 лет нахождения в коробке фрагменты перемешались и начали ломаться на мелкие фракции. Первыми задачами стали разделение, подбор фрагментов между собой и приблизительное определение конструкции. В процессе анализа мы установили, что в коробке находились остатки боктаг и фрагменты колчана. Оснований для данного утверждения было несколько: 1) выбранная береста имела толщину от 2 до 3 мм, что приемлемо для изготовления колчанов, но не подходит для изготовления боктаг по ряду причин; 2) расположение и диаметр отверстий (для сшивания деталей между собой и пришивания планок), диаметр 2–4 мм, шаг стежка мог превышать 5 см; 3) на некоторых фрагментах просматривались следы клея; 4) направление чечевичек («дыхательных пор») на бересте. При раскрое изделий горизонтальное направление (такое же, как на стволе березы) наблюдается у колчанов (из-за их размеров и высот), вертикальное направление чечевичек у боктаг (разрыв часто идет именно по ним и для минимизации риска в крое наиболее длинные стороны должны идти параллельно рисунку бересты).

Остальная береста, сохранившаяся с утратами и относящаяся к боктаг, была нами собрана в детали одного головного убора: ствол, крышка капители, передняя и задние части капители; утраченными оказались самые маленькие детали – боковые горизонтальные планки. Предварительная сборка помогла нам определить количество деталей, приблизительные размеры каркаса[5], тип боктаг и произвести графическую развертку всей конструкции (рис. 1: 3а–г). На сегодняшний день весь сохранившийся материал передан на хранение в Музей археологии и этнографии Алтая (г. Барнаул). На момент написания данной статьи предметы и отчёт ещё не были приняты на постоянное хранение в музей и им ещё не были присвоены музейные шифры.

По части восстановления конструкции каркаса особое внимание привлекает ствол боктаг, от которого сохранилось множество фрагментов разного размера, собирающихся в четыре составные части. По сохранившимся отверстиям от швов соединения можно понять, что части были одинакового размера. Две части сохранились почти полностью (размер 8,5×17 см), остальные во фрагментах (размер 3,5×5,5 и 15×4 см), перехлест на шов составил 2 см на каждой составной части (рис. 1: 4б). Ширина берестяного полотна ствола около 32 см, высота около 18 см. В данном головном уборе выделяется самая широкая крышка из всех исследованных нами боктаг размером 24×9,8 см (рис. 1: 3г). На детали имеются небольшие утраты по краям, в центре по всей длине есть отверстия от пришивания навершия к крышке. Передняя деталь капители сохранилась в трех фрагментах, собирающихся в деталь размером 16×16,5 см. Задняя деталь капители сохранилась в пяти фрагментах, собирающихся в две составные части размером 8×8 и 9×7,5 см (рис. 1: 3в, д). Расчетный диаметр ствола около 10 см, приблизительная высота головного убора 25 см, но возможно, он был выше (рис. 1: 4а).

Конструкция усиливалась прутиками, на внутренней поверхности бересты от них остались только отпечатки/оттиски: на стволе отпечатки от трёх колец еле просматриваются (верхний и нижний шов, середина), по окружности шва на крышке (с отступом от края 0,5–1 см), в верхней части задней и передней детали капители, также имеются парные отверстия для крепления прутиков (без их отпечатков на бересте), сами прутики сохранились отдельно, в небольших фрагментах (рис. 2: а–з).

Головной убор с похожей конструкцией ствола, совпадающий по диаметру, количеству составных частей и усилению прутиками, был найден во Внутренней Монголии, в хошуне Дурбэд (Су Донг, 2001, с. 99–100) (рис. 3: 1). Территориально ближайшую аналогию можно встретить на Северном Кавказе, в материалах погребения 10 могильника Новопавловск (Охонько, 2010, с. 88–96; Макласова, 2020, с. 26–28). Подобная технология усиления конструкции использовалась при изготовлении головных уборов в Китае эпохи династии Юань, что может говорить о преемственности двух типов боктаг (Макласова, 2018, с. 300–305). Боковые горизонтальные планки на боктаг подобной конструкции можно

встретить в памятниках Царев 61, Линевский I, курган 5, Солодовка II, курган 7, Маячный бугор II, погребения 60 и 51 (Мыськов, 2015, с. 300, 310–313; Иванов, Кригер, 1988, с. 92; Мамонова, 2012, с. 122–126; Котеньков, 1993, с. 200; Котеньков, 1996, с. 205).

Касаемо остальных необходимых технологических процессов, таких как обтяжка, украшение жемчужными и бисерными композициями, ювелирными украшениями и пр., мы можем только выдвинуть некоторые предположения, проведя аналогии со схожими головными уборами. Первая обтяжка каркаса осуществлялась тканью полотняного переплетения – красной, с печатным золотым рисунком. Это самая распространенная технологическая операция. Фрагменты от первой обтяжки (либо отпечатки золотой краски на бересте) встречаются во многих погребениях: Увек, пог. 1; Солодовка, кур. 48, пог. 2; Солодовка I, кур. 8, пог. 2; Маячный бугор I, пог.188; Маячный бугор II, пог. 51, др. (Кротков, 1915, с. 111–133; Мыськов, 2015, с. 484; Глухов, 2003, с. 32–35; Котеньков, 1993, с. 200; Васильев, 1998, с. 101–112). В нашем случае ткань с неё не сохранилась. Верхняя обтяжка, по нашему предположению, скорее всего, отличалась от классической юаньской (одним отрезом полотна шелка, с зашитой в складках на стволе боктаг «лишней тканью») и могла производиться двумя отрезами ткани. Сначала прямоугольным узким полотнищем обтягивалась капитель, затем ствол обтягивался прямоугольным отрезом полотна, равным площади ствола. При таком способе ткани расходуется немного меньше, складок и наслоений шелка на каркасе нет, и не будет перекоса в свисающих «ушах» по бокам капители. Для верхней обтяжки использовался тонкий красный шелк, его небольшие фрагменты сохранились на крышке капители (с неравномерной толщиной нитей основы и утка, слабого кручения) (рис. 3: 2). Этот способ обтяжки подходит и для некоторых золотоордынских боктаг с широким диаметром ствола и большой крышкой капители, например: Маячный бугор II, пог. 51; Молчановка III (Васильев, 1998, с. 101–112; Синицын, 1960, с. 129–130). Дополнительной пришивной тканевой деталью, помимо обязательных лент для фиксации на голове, могла быть тонкая, возможно газовая, «фата», пришитая к нижнему краю ствола в задней его части.

Следующий необходимый технологический процесс – это украшение боктаг нашивными элементами. Но так как среди инвентаря погребения № 70 не зафиксировано бисера и жемчуга, то, возможно, либо он был полностью утрачен, либо его не было изначально. По аналогиям с широкого круга памятников можно предположить некоторые декоративные решения. Еще один элемент, точно пришитый к головному убору, это навершие под перьевую систему. Скорее всего, оно было деревянным, покрашенным или позолоченным. Оно имело вид розетки с невысоким перпендикулярным султаном и расходящимся перекрестьем лучей. Аналогий подобному украшению достаточно, в том числе в Увеке, Солодовке I, на Маячном бугре I и II, в могильнике Три Брата I, Бахтияровке II и др. (Кротков, 1915, с. 111–133; Глухов, 2003, с. 32–35; Котеньков, 1993, с. 200; Васильев, 1998, с. 101–112; Шилов, 2009, с. 128–129; Кригер, 1983, с. 28–30, 31–33).

По нашему мнению, внешний вид головного убора мог быть таким: достаточно высокий боктаг красного цвета, с просматриваемым сквозь газ золотым рисунком, по бокам капители свисали тканевые «уши», на крышке прикреплено деревянное навершие, из которого торчит перьевая композиция (женщины использовали перья павлина, зимородка, утки). Ниже, по верхнему краю капители, возможно, шла вышивка стеклянным или жемчужным бисером (жемчуг – это важный, а порой и основной декор головного убора) (Доде, 2008, с. 52) по аналогии с боктаг из фонда Марджани (Горелик, 2014, с. 75–262) и с портретов юаньских императриц (Ван Яо-тин, 2005, с. 298–411). Так как в данном погребении не найдено никаких других украшений, разумно было бы предположить, что они были выполнены из органических материалов и полностью деградировали. В таком случае можно представить амулетницу, подобную найденной в 5 Глазуновском погребении Волгоградской области, в виде деревянного цилиндра с тканевым украшением и нашитым стеклянным кабошоном в оправе (Кравец, 2005, с. 129–130). Найденная нашивка в форме четырехлепесткового цветка около мужчины, скорее всего, деталь украшения с боктаг, но из-за утраты самого предмета сейчас сложно сказать о конкретной форме и месте расположения украшения. Четырёхле-

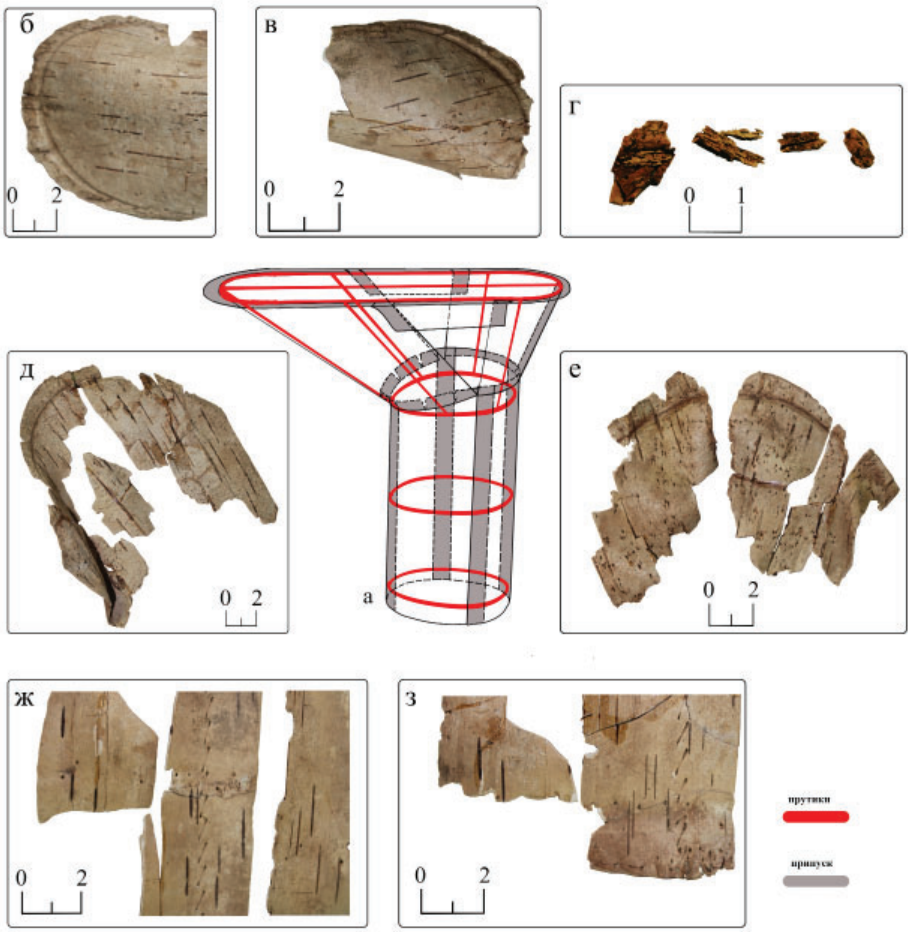


Рис. 2. Внутреннее усиление: а – расположение путиков на каркасе; б, в – крышка; г – фрагменты прутиков; д, е – передняя и задняя части капители; ж, з – ствол.
Fig. 2. Internal reinforcement: a – location of the rods on the frame; б, в – cover; г – fragments of rods; д, е – front and back of the capitals; ж, з – trunk.

пестковые нашивки нам известны из материалов Новопавловского погребения (Охонько, 2010, с. 93).

Завершался образ шапочками – нижней и верхней. Археологических источников, которые могли бы служить аналогиями нижней шапочки, мало: найдены ленты с нашивками в Новопавловском и Бережновском погребениях, а также три шапочки неплохой сохранности хранятся в музеях Китая, Катара и России (Синицын, 1960, с. 40; Охонько, 2010, с. 88–96; Горелик, 2014, с. 151, 154). В основном в погребениях фиксируются только берестяные ромбики (или другие формы), обшитые жемчугом (как в погребении Царев 61) (Мыськов, 2015, с. 300, 310–313), либо нашивки, выполненные из драгоценных металлов (как в Брик-Алгинском или в Новопавловском кладах) (Гарустович, 2011, с. 33–42, Охонько, 2010, с. 88–96). Верхних шапочек сохранилось больше, поэтому можно предложить крой, схожий с тканевыми уборами из Царёва 64 или Дёмочкина (Мыськов, 2015, с. 484; Лисицын, 1967, с. 3–4, 8, 11) (рис. 3: 3). Поэтому мы вправе дополнить внешний реконструируемый образ боктаг следующим образом. Из-под верхней шапочки, выполненной из узорчатой ткани, выглядывали ленты с нашивными ромбиками, обшитыми жемчугом. На задней стороне верхней шапочки сверху донизу проходил ряд завязанных лент. Поверх них располагались ленты, зафиксированные таким образом, чтобы складки боковых «лопастей» шапочки красиво лежали, мягко обрамляя и открывая лицо хозяйки, а из-под нижнего края всей этой композиции спускалась часть «фаты» (рис. 3: 4).

Изучение головных уборов боктаг как неотъемлемой части костюма знатной замужней кочевницы позволяет более детально

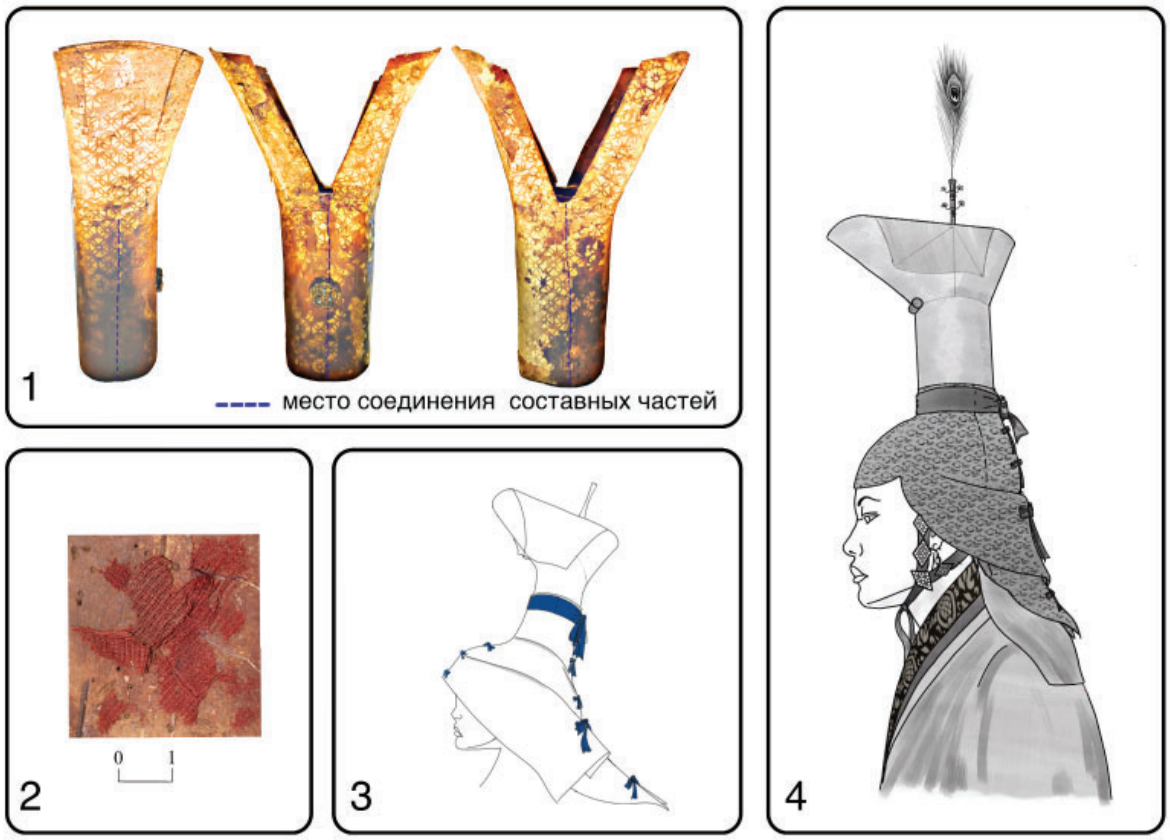


Рис. 3. Аналоги, версии и реконструкция. 1 – головной убор, найденный во Внутренней Монголии, хошун Дурбэд; 2 – сохранившийся фрагмент верхней обтяжки; 3 – возможный вариант верхней шапочки; 4 – графическая реконструкция гипотетического образа женщины в головном уборе.
Fig. 3. Analogues, versions and reconstruction. 1 – headdress found in Inner Mongolia, Dorbod Banner; 2 – preserved fragment of the upper cover; 3 – possible version of the upper cap; 4 – graphic reconstruction of a hypothetical image of a woman in a headdress.

восстановить образ средневековой золотоордынской женщины и чуть глубже погрузиться в изучаемую эпоху. Боктаг из погребения № 70 выделяется некоторыми конструктивными решениями в ряду изученных нами головных уборов, найденных на данном памятнике. К примеру, технология изготовления схожа с работами мастерских Китая эпохи правления династии Юань. Береста, использованная для изготовления боктаг не местного происхождения. Скорее всего, для некоторых знаковых элементов костюма (таких, как боктаг) или вооружения (к примеру, колчан) применяли привозную бересту из северных регионов. Местная береста слишком тонкая, с малой площадью «полотна». Использовали её более рационально, одну деталь могли сделать наборной из нескольких частей. Возможно, этот головной убор – переходный тип.

В целом мы не очень много знаем обо всех технологиях изготовления такого головного убора. Каждый новый изученный памятник привносит что-то ранее нам не встречавшееся – новое конструктивное решение или подход к изготовлению боктаг. Возможно, некоторые местные мастера использовали «подсмотренную» технологию, другие пользовались «комбинированной техникой», а кто-то применял свои «наработки». Но все вместе показывает разнообразие и берестяных каркасов, и методов их изготовления на территории Золотой Орды.

Примечания:

[1] Исследование, начатое П.В. Казаковым, продолжено в 90-х и начале 2000-х гг. рядом археологов: Е.В. Шнайдштейн, С.А. Котеньковым, С.Б. Артемьевым, С.И. Четвертиковым, В.А. Никоновым, А.Д. Юрьевым, В.И. Гордеевым, Э.Д. Зиливинской и др. (Пигарев, 2016, с. 166-168).

[2] Все монеты были определены и датированы д.и.н. А.Г. Мухамадиевым (г. Казань).

[3] Чекан Мухши. 718 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами. 2. Чекан Укек. 704 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами «Властью Бога// Тохтагу (хан?) // справедливый». 3. Чекан Сарай. 707 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами «Султан// Тухту // справедливый //год 7».

[4] Чекан Укек. 704 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами «Властью Бога// Тохтагу (хан?) // справедливый». 2. Чекан Укек. 704 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами. 3. Чекан Укек. 707 год хиджры. На аверсе и реверсе надписи арабскими буквами «Султан// Тухту // справедливый».

[5] Измерение деталей производились в деформированном состоянии бересты, так что некоторые размеры могут немного отличаться после реставрации каркаса боктаг.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Яо–тин. Изображение монгольских правителей в китайской живописи династии Юань // Чингисхан и его наследники. Бонн. Мюнхен, 2005. S. 298–411. (на нем. языке)

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности волго-донских степей. Вып. 6/ Науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 101–112.

Васильев Д.В. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 436–445.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Астраханский университет, 2009а, 178 с.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Словарь-справочник по астраханской археологии. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2021. 424 с.

Гарустович Г.Н. Самый богатый клад золотоордынского времени в Башкирском Предуралье (Брик-Алгинское местонахождение) // Проблемы востоковедения. 2011. № 3 (53). С. 33–42.

Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Волгоградской области в 2003 г. // Архив ГУК ОНПЦ, Волгоград, б/н.

Горелик М.В. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI-XIV вв. из частных собраний. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 75–262.

Доде З.В. К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4. С. 52–63.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Казаков П.В. Отчёт об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный бугор» в Красноярском районе Астраханской области в 1999 году. Астрахань, 2019.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный бугор I» Красноярского района в 1993 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. №13247.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный I» и «Маячный II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г. Астрахань, 1997 // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. №14967.

Котеньков И.С. К вопросу об этнической принадлежности головного убора – бокки // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 200–205.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГНУ, 2005. 225 с.

Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10342а; Архив ВОКМ. № 73а.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 111–133.

Лисицын И.П. Отчет о работе археологического отряда ОДЭТС летом 1967 г. в Ленинском районе Волгоградской области. Ф-1. Р-1. № 3800. 90 л., 91 ил.

Макласова Л.Э., Макласов В.Ю. Преемственность форм берестяных каркасов бокк // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 300–305.

Макласова Л.Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 26–28.

Мамонова А.А., *Лантратова О.Б., Орфинская О.В.* Бокка из захоронения №51 могильника Маячный бугор-II (Астраханская область) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. №1. С. 122–126.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Охонько Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 88–96.

Пигарёв Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 164–181.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954– 1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

Су Донг. Головной убор Династии Юань. Внутренняя Монголия. Культурные реликвии и археология // Хух-Хото. 2001. № 2. С. 99–100. (на кит. языке)

Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 304 с.

Информация об авторах:

Макласова Людмила Эдуардовна. Научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

Васильев Дмитрий Викторович. Кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», ГБУК АО «Астраханский музея-заповедник» (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

Wang Yao-ting. 2005. In *Genghis Khan and His Heirs*. Bonn. Munich, 298–411 (in German).

Vasiliev, D. V. 1998. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 4. Volgograd: Volgograd State University, 101–112 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)". March 17, 2009.)* 1. Kazan: "Fan" Publ., 436–445 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2009. *Islamizatsiya i pogrebal'nye obryady v Zolotoy Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie (Islamization and Funerary Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2021. *Slovar'-spravochnik po Astrahanskoj arheologii (Dictionary – reference book on Astrakhan archaeology)*. Astrakhan: «R. V. Sorokin» Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N. 2011 In *Problemy vostokovedeniia (The Issues of Oriental Studies)*. 53 (3), 33–42 (in Russian).

Glukhov A.A. 2003. *Otchet o rabote arkheologicheskogo otryada «Gyulistan» Volzhskogo gumanitarnogo instituta Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta na territorii Volgogradskoy oblasti v 2003 g (Report on the work of the archaeological team "Gulistan" of the Volzhsky Humanitarian Institute of the Volgograd State University on the territory of the Volgograd region in 2003).* Volgograd Archive of State Cultural Institution "Regional Scientific and Practical Center for the Preservation of Historical and Cultural Monuments" (in Russian).

Gorelik, M. V. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 13. Donetsk: Donetsk National University, 75–262 (in Russian).

Dode, Z. V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 52–63 (in Russian).

Ivanov, V. A., Kriger, V. A. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) *(Barrows of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th –14th cc.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, P. V. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Mayachnyy bugor» v Krasnoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1999 godu (Report on archaeological excavations at the burial ground without mounds Mayachny Bugor in the Krasny Yar district of the Astrakhan region in 1999).* Astrakhan (in Russian).

Koten'kov, S. A. 1993. *Otchet ob issledovaniiakh gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi bugor-I» Krasnoiarskogo raiona v 1993 g. (Report on the Study of the "Mayachni Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District in 1993).* Astrakhan. Astrakhan Museum-Reserve. The Archaeology collection. Fund HB, no. 13247 (in Russian).

Koten'kov, S. A. 1997. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na berovskikh bugrakh «Maiachnyi-I» i «Maiachnyi-II» Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1996 g. (Report on the Archaeological Research on the Baer's Hillocks "Mayachni-I" and "Mayachni-II" Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1996).* Astrakhan. Astrakhan Museum-Reserve. The Archaeology collection. Fund HB, no. 14967 (in Russian).

Kotenkov, I. S. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). D*ialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 200–205 (in Russian).

Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Kriger, V. A. 1983. *Otchet o raskopkakh Bakhtiyarovskogo mogil'nika v Leninskom raione Volgogradskoi oblasti v 1983 godu (Report on the Excavations of Bakhtiyar Burial Ground in the Leninsky District of the Volgograd Region in 1983).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 10342; Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. dossier 73a (in Russian).

Krotkov, A. A. 1915. *Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 32. Saratov, 111−133 (in Russian).

Lisitsyn I.P. 1967. *Otchet o rabote arkheologicheskogo otryada letom 1967 g. v Leninskom rayone Volgogradskoy oblasti (Report on the work of the archaeological team in the 1967 summer in the Leninsk district of the Volgograd region).* F-1. R-1. No. 3800. 90 p., 91 ill (in Russian).

Maklasova, L. E., Maklasov, V. Yu. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 300–305 (in Russian).

Maklasova, L. E. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* III. Samara: Samara State Pedagogical University, 26–28 (in Russian).

Mamonova, A. A., Lantratova, O. B., Orfinskaya, O. V. 2012. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)* (1), 122–126 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. K*ochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Okhon'ko, N. A. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)* (1), 88–96 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 164–181 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* 2 Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

Su Dong. 2001. In *Hohhot*. 2, 99–100 (in Chinese).

Shilov, V. P. 2009. *Drevnie skotovody kalmytskikh stepey (Ancient pastoralists of the Kalmyk steppes).* Elista: "Gerel" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Maklasova Lyudmila E. Research Associate, Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikova, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Vasiliev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan Museum-Reserve, Tatishchev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.320.330

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АН РТ ПО СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ)

©2025 г. Е.В. Пашина, И.Ю. Мирсияпов

Статья посвящена деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в сфере сохранения объектов археологического наследия. Рассмотрен 10-летний период с создания Института в 2014 г. по 2023 г. включительно. Предметом анализа является проектная деятельность по разработке документаций (разделов документаций), обосновывающих меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия. Территориально исследование ограничено границами г. Казани и участками городского культурного слоя, находящегося под охраной в виде достопримечательных мест. Целью работы является анализ динамики проектной деятельности, удельной доли Института по данному направлению сохранения памятников археологии. Оценка территориального распределения техногенной нагрузки на культурный слой г. Казани. Институт археологии является ведущей научной организацией региона в сфере охраны памятников, при этом фиксируется значительный рост активности в указанной сфере коммерческих организаций.

Ключевые слова: археология, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Республика Татарстан, Казань, 2014 - 2023 гг., объекты культурного наследия, археологический культурный слой, обеспечение сохранности, проектная деятельность, документация или разделы документации, обосновывающие меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия.

PROJECT WORKS BY THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES ON PRESERVING ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES (CASE STUDY OF KAZAN)

E.V. Pashina, I.Yu. Mirsiyapov

The article deals with the works by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in the field of preserving archaeological heritage sites. The period under consideration spans 10 years, from the establishment of the Institute in 2014 to 2023 inclusive. The subject of analysis is project activities related to the development of documentation (documentation issues) that substantiate measures to ensure the preservation of cultural heritage objects. Geographically, the study is limited to the boundaries of the city of Kazan and areas of the urban cultural layer that are protected as places of interest. The aim of the work is to analyze the dynamics of project activities and the specific share of the Institute in this area of archaeological heritage preservation. It also includes an assessment of the territorial distribution of technogenic load on the cultural layer of Kazan. The Institute of Archaeology is the leading scientific organization in the region in the field of monument protection, while there is a significant increase in the activity of commercial organizations in this area.

Keywords: archaeology, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, Republic of Tatarstan, Kazan, 2014 – 2023, cultural heritage sites, archaeological cultural layer, ensuring safety, project activities, documentation or documentation issues justifying measures to ensure preserving a cultural heritage site

В апреле 2024 года исполнилось 10 лет Институту археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Приурочивая данную публикацию к этой дате, следует подвести итоги деятельности научного учреждения по одному из направлений, находящегося в ведение отдела охранных исследований – это организация и проведение спасательных археологических полевых исследований на территории города Казани. Усилиями сотрудников отдела обеспечивается потребность столицы Республики Татарстан в

разработке Документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического) наследия регионального (республиканского) значения, которая должна содержать оценку воздействия хозяйственных и иных работ, проводимых в границах объекта культурного наследия[1].

История Казани имеет тысячелетнюю историю, в разные эпохи город был частью Волжской Булгарии, Золотой Орды, Московского государства, Российской Империи и СССР. Благодаря богатой истории в нем располагается значительное количество объектов культурного наследия. В настоящее время насчитывается около 500 объектов, имеющих историко-культурное значение федерального, регионального и местного уровней. С каждым годом их число неуклонно растет, поскольку одним из видов государственной политики в области охраны объектов культурного наследия, является проведение их постоянного мониторинга, т.е. выявление, учет, контроль, сохранение и пр. памятников, имеющих историческую и культурную ценность для народов Российской Федерации.

Виды объектов культурного наследия, как и вопросы, связанные с их законодательным и правовым регулированием, определены федеральным законом от 25.06.2002 № 73–ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и последующими его редакциями. «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации <…> относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» (Федеральный закон, 2002, гл. 1, ст. 3). Во-первых, это памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями; мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия. Во-вторых, ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия. В третьих, достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места (Федеральный закон, 2002, гл. 1, ст. 3).

Как видим, объекты археологического наследия выделены в отдельную группу. В Законе от 25.06.2002 также дается пояснение этого понятия: «под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки» (Федеральный закон, 2002, гл. 1, ст. 3). Имеются ввиду такие памятники археологии как

городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, остатки древних укреплений, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои и др.

На территории Республики Татарстан подобные предметы ведения основываются также на положениях, прописанных в местном законе от 1.04.2005 № 60–ЗРТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан» и последующих его редакциях. Постановлениями же Кабинета Министров Республики Татарстан от 15.02.2010 № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани», от 30.09.2010 № 774 «О внесении изменения в Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15 февраля 2010 года № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани»», к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательных мест отнесено 4 участка распространения археологического культурного слоя на территории города Казани:

«Культурный слой исторического центра города Казани XI–XVIII вв.»;

«Культурный слой слобод Заречья города Казани XV–XVIII вв.»;

«Культурный слой Кизической слободы города Казани XVII–XVIII вв.»;

«Культурный слой Ново-Татарской слободы города Казани XVII–XVIII вв.» (Постановление, 2010, № 79; Постановление, 2010, № 774)[2].

Культурный слой – это слой, находящийся в земле или под водой, который содержит следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, и включает археологические предметы.

Земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные виды работ (на глубине более 0,3 м) на земельном участке, располагающемся в границах территории объекта культурного наследия (в данном контексте, достопримечательного места) или же непосредственно связанным с ним, проводятся при наличии в проектной документации разделов или документаций об обеспечении сохранности указанного объекта культурного наследия или о проведении спасательных археологических полевых работ или проекта обеспечения сохранности указанного объекта культурного наследия либо плана проведения спасательных археологических полевых работ, включающих оценку воздействия проводимых работ на указанный объект культурного наследия, и получивших положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы, впоследствии согласованных с региональным органом охраны объектов культурного наследия (Федеральный закон, 2002, гл. 6, ст. 36) – Комитетом Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия, созданным 28.06.2018 (до 2018 г. – структурные подразделения Министерства культуры РТ).

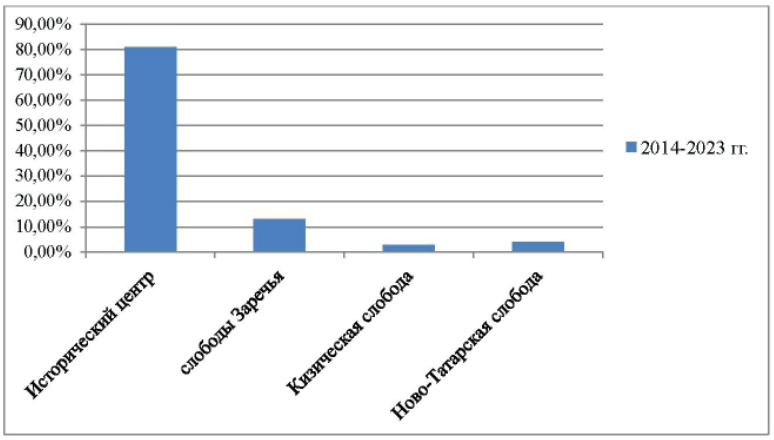
Методологические вопросы разработки Документации по обеспечению сохранности объектов культурного наследия поднимались в статье архитектора Ольги Грининой, которая на примере города Казани описала базовую структуру подобных проектов, ссылаясь при этом на некоторые нормативно-правовые документы, действующие на территории Республики Татарстан (Гринина, 2021, с. 40–43). Деятельность государственных органов и общественных организаций в области охраны памятников истории и культуры России и Республики Татарстан, в частности, рассмотрена в диссертациях Ю.А. Егорушкина, Д.В. Муратовой, Н.М. Топал (Егорушкин, 2019; Муратова, 2020; Топал, 2021). В этих исследованиях показан процесс формирования и развития государственной системы ТАССР и Республики Татарстан по сохранению объектов культурного наследия с 1950х гг. до начала XXI вв. В 2024 году вышла статья Е.В. Пашиной о роли картографических источников в проектной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ по сохранению объектов культурного (археологического) наследия на примере г. Казани (Пашина, 2024). Однако, работы, специально посвященные деятельности Академии наук Республики Татарстан в рамках разработки Документаций по сохранению объектов археологического наследия, отсутствуют.

Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ разработка «Документаций, обосновывающих меры по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического)

Таблица 1. Разработанные Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Разделы/Документации, обосновывающие меры по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического) наследия регионального (республиканского) значения – Достопримечательное место «Культурный слой города Казани …», за период 2014–2023 гг.[3]

Table 1. Issues/Documentation substantiating measures to ensure preserving a cultural (archaeo-logical) heritage site of regional (republican) significance – place of interest "Cultural layer of Kazan City…", for the period 2014–2023 worked out by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences.

Годы	«Культурный слой исторического центра города Казани XI–XVIII вв.»	«Культурный слой слобод Заречья города Казани XV–XVIII вв.»	«Культурный слой Кизической слободы города Казани XVII–XVIII вв.»	«Культурный слой Ново-Татарской слободы города Казани XVII–XVIII вв.»
2014	7	2	1	0
2015	14	3	0	0
2016	13	3	1	3
2017	16	2	0	1
2018	11	0	1	0
2019	18	4	0	0
2020	9	2	1	1
2021	12	0	0	0
2022	10	2	0	0
2023	10	0	0	1
ВСЕГО: 148	120	18	4	6



наследия регионального (республиканского) значения – Достопримечательное место «Культурный слой города Казани …»» ведется с 2005 г. Первоначально эту работу проводил Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, который в 2014 г. был реорганизован в самостоятельный Институт археологии им. А.Х. Халикова. За первый год количество подобных научно-исследовательских проектов, в то время именовавшихся Разделами по охране археологического наследия проектов строительства, составило всего 6, все они разрабатывались на земельные участки, расположенные в историческом центре Казани. Однако, уже с 2006 г. их число стало расти. Всего Институтом археологии им. А.Х. Халикова в период с 2014 по 2023 гг. разработано 148 Разделов/Документаций (подробно см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, значительная доля проведения спасательных археологических полевых работ приходится на исторический

центр города Казани, в границах которого распространяется культурный слой XI–XVIII вв.: с 2014 по 2023 гг. было разработано 120 Разделов/Документаций. Описываемое Достопримечательное место локализуется в Вахитовском районе и включает территорию ханского времени (Кураишева и Армянская слободы, Старое городище, Арское поле), большинства русских слобод, основанных после присоединения города к Российскому государству в октябре 1552 г. (Новая или Богоявленская, Архиепископская, Преображенская, Петровская, Вешнякова, Глядкова, Мокрая, Засыпкина, Федоровская, Красная, стрелецкие слободы и пр.), а также Старой Татарской слободы.

Второе место по количеству обращений на создание научно-исследовательских проектов по обеспечении сохранности объекта культурного наследия занимает «Культурный слой слобод Заречья города Казани XV–XVIII вв.»: 18 за период 2014–2023 гг. Территория Заречья находится в Кировском районе и занимает историческую часть деревни Биш-балты, Ягодной, Адмиралтейской и Пороховой слобод.

Культурные слои Кизической и Ново-Татарской слобод Казани XVII–XVIII вв. локализуются в Московском и Кировском, Вахитовском (на юго-западе от автовокзала на ул. Девятаева) районах соответственно. В «культурный слой» Кизической слободы входит территория слободы Гривка (ул. Яруллина, Поперечно-Гривская, Одностороннка Гривки, Гривская) и Козьей слободы (ул. Декабристов). Ново-Татарская же слобода располагалась вдоль совр. ул. Мазита Гафури. По количеству разработанных Разделов/Документаций на рассматриваемые Достопримечательные места приходится малая доля: 4 и 6 за 2014–2023 гг.

В первые годы становления процесса исследования и сохранения археологического наследия, а также регламента Разделов/Документаций, рассматриваемые научно-исследовательские проекты были не совершенны, поскольку не имели четко прописанной законодательной и правовой основы. В большей степени это относится к текстуальному и графическому оформлению, упорядоченности глав и параграфов, а также недостаточной источниковой и литературной базе. В настоящее время по-прежнему нет соответствующих документов и четкого понимания структуры проектов по обеспечению сохранности объектов археологического наследия. Однако, принято и рекомендовано при составлении проектов опираться на требования Приказа Департамента культурного наследия г. Москвы от 18.04.2016 № 241 «О разделах проектной документации об обеспечении сохранности объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия и проектах обеспечения сохранности объекта культурного наследия, подлежащих разработке при проведении земляных и иных работ».

За все время существования Разделов/Документаций, в их основе можно выделить базовые блоки. В наименовании проекта должны быть указаны: вид объекта культурного наследия, тип проектируемых работ и адрес земельного участка (или земельных участков) с обозначением кадастрового номера. На титульном листе, как правило, фиксируются данные исполнителя проекта (организация, авторы), заказчика, место (город) и дата (год). Далее следует «Лист согласования», в котором после утверждения проекта должны поставить подписи заказчик и исполнитель в лице директоров (в случае их отсутствия – заместителей), а также председатель Комитета Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия (обязательно с указанием даты: число, месяц и год, и печатей). На третьем листе приводится оглавление или содержание.

Во «Введении» обозначается первичная информация о Заказчике, земельном участке, юридической основе разработки Разделов/Документаций, кратком содержании проекта. Далее следует блок «Общая характеристика земельного участка», в котором освещаются более подробные сведения локализации рассматриваемого участка: его месторасположение в административном, историческом, археологическом и геоморфологическом отношениях, а также описание планируемой хозяйственной деятельности. Для составления общей характеристики частично используются проектные материалы, предоставленные Заказчиком: материалы технического отчета по результатам инженерно-геологических изысканий, выполненных на объекте, генеральный план строительства, сводный план инженерных сетей и др. Археологов в первую очередь интересуют предполагаемые хозяй-

ственные работы (как правило, устройство фундаментов зданий и траншей под прокладку инженерных коммуникаций), находящиеся в подземной части.

Следующий блок – «Состав и содержание предпроектных исследований», отвечающий за пояснение цели предпроектных исследований (оценка состояния объекта культурного (археологического) наследия регионального (республиканского) значения – Достопримечательное место «Культурный слой города Казани …» в границах территории, отведенной под хозяйственное освоение, его историко-археологической ценности и разработка плана охранных мероприятий в связи с планируемой хозяйственной деятельностью), структуры комплексных предпроектных исследований (архивно-библиографические изыскания; визуальное обследование участка с фиксацией его современного состояния; анализ данных, полученных в результате предшествующих археологических работ, выполненных либо на территории исследуемого участка, либо ближайшей округе), количественных показателей использованных при написании Раздела/Документации источников (архивные документы, исторические карты и планы г. Казани), научно-исследовательской литературы, материалов предшествующих археологических работ (в основе лежат отчеты по итогам археологических изысканий), научно-технической документации, представленной Заказчиком. Иными словами, блок представляет собой пояснительные и статистические данные.

Затем идет самый большой по объему научно-исследовательских работ и содержательный блок, который именуется как «Результаты предпроектных исследований». Он состоит из трех пунктов, первый из которых посвящен описанию технического состояния земельного участка. Здесь указывается кадастровая площадь рассматриваемого землеотвода и результат его натурного осмотра со ссылкой на фотофиксацию, приложенную к Разделу/Документации. Вторым пунктом приводится историческая характеристика, в котором даются краткие исторические сведения об объекте исследования. При написании этой части авторы проекта обычно опираются не только на научную литературу, но и картографические, и иные архивные источники. Значительное число карт и схем города Казани имеется в свободном доступе интернет ресурсов, а также ряда российских архивов (РГАДА, РГВИА, ГА РТ). Как правило, все они берут свое начало со второй половины XVIII столетия. В Государственном архиве Республики Татарстан имеется богатый материал, свидетельствующий о застройке земельных участков Казани, начиная с XIX в. В архиве исследователи также могут получить сведения о владельцах участков, размерах собственности и постройках на разных этапах строительства с прикреплением карты-схемы их месторасположения на территории двора. К сожалению, в силу ряда обстоятельств не всегда бывает возможность воспользоваться услугами ГА РТ и зачастую авторы вынуждены опираться на научно-справочный аппарат.

Третий пункт посвящен характеристике предшествующих археологических работ, проведенных непосредственно в границах рассматриваемого земельного участка, или же, при отсутствии таковых, в близлежащей округе. Материалы археологических отчетов, которые хранятся в научном фонде Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, необходимы для прогнозирования основных характеристик культурных напластований на данной территории (мощности залегания культурного слоя и его хронологии).

Подводя итог по результатам предпроектных исследований, пишутся «Выводы», в которых фиксируются краткие, но самые значительные выдержки из предшествующих пунктов, и дается заключение о том, могут ли ухудшить/не ухудшить состояние объекта археологического наследия планируемые земляные работы. В случае возникновения необходимости проведения спасательных археологических полевых работ, авторы Раздела/Документации выделяют наиболее перспективные участки для исследования и обосновывают выбор вида археологических изысканий (раскопки и/или наблюдения). Более подробные сведения об этом содержит следующий блок «Программа проведения археологических полевых работ», состоящий из общих положений; видов, объема и состава археологических полевых работ; порядке проведения археологических полевых работ.

Завершает Раздел/Документацию список Приложений, в котором в большинстве своем

размещаются графические материалы (исключение – используемые источники и литература, заявка на разработку проекта и архивная справка): кадастровый, ситуационный, генеральный и топографический планы, выписки из утвержденных эскизных проектов, планы строительных котлованов и проектируемых инженерных сетей, материалы технического отчета по результатам инженерно-геологических изысканий, граница территории культурного (археологического) наследия регионального (республиканского) значения – Достопримечательное место «Культурный слой …» с указанием объекта исследования, фрагменты исторических планов, фотофиксация земельного участка/земельных участков, план археологической изученности и историко-культурный опорный план к Разделу/Документации (с нанесением результатов предпроектных исследований и локализацией мест рекомендованных спасательных археологических полевых исследований). Авторы также могут прикреплять к проекту другие дополнительные сведения и материалы, необходимые для их успешной работы.

После завершения согласования программы проведения археологических работ или же отсутствия ее необходимости руководителем организации исполнителя Раздела/Документация передается на государственную историко-культурную экспертизу. Для написания акта ГИКЭ требуется один эксперт, который либо утверждает проект, либо не утверждает и отправляет ее авторам на доработку/корректировку.

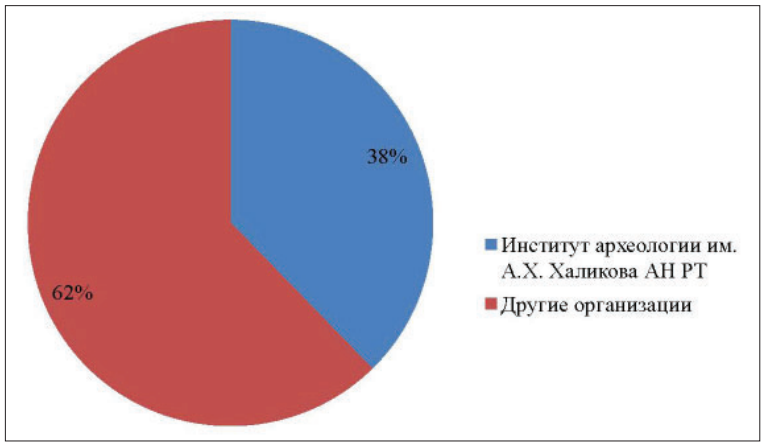
Следует отметить, что все подобные научно-исследовательские проекты, разработанные сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова, получили положительное заключение ГИКЭ и прошли общественное обсуждение в течение 15 дней на официальном сайте Комитета Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия – https://okn.tatarstan.ru. Перечислим ряд масштабных проектов строительства, на которые Институт археологии разрабатывал Разделы/Документации: жилой дом «Clover house» на Щербаковском переулке, 7 (2008 г.); «Детская городская поликлиника № 4» на ул. Лукницкого, 4 (2012 г.); КНС «Заречная» (2014 г.); «Экологическая реабилитация пруда «Адмиралтейский» (2015 г.); парк «Черное озеро» (2016 г.); музей «Адмиралтейская верфь» на ул. Клары Цеткин, 36 (2017 г.); реконструкция Шамовской больницы на ул. Калинина, 5/24 (2017 г.); строительство архивохранилища ГА РТ на ул. Декабристов, д. 4 (2018 г.); благоустройство озера Нижний Кабан (2018 г.); жилой комплекс на ул. Столбова, 1/3 (2018 г.); многофункциональный комплекс “Espace Kazan” на ул. Бутлерова, д. 11 (2020 г.); реконструкция «Казанского завода точного машиностроения» на ул. Гафури, 71 (2020 г.); it-парк им. Б. Рамеева и административно-производственный корпус ООО «Газпром трансгаз Казань» на ул. Спартаковская, 2 (2022 и 2023 гг.) и др.

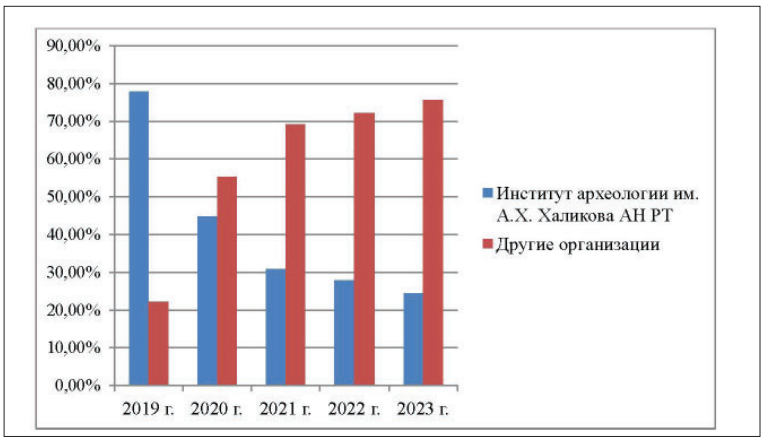
Впоследствии Раздел/Документация, акт ГИКЭ и другие запрашиваемые для проведения хозяйственной деятельности документы передаются Заказчиком в Комитет Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия. При этом по одному экземпляру проекта остается у Заказчика, исполнителя и утверждающего органа – Комитета, который в письменном варианте просит Заказчика внести в состав проектных материалов по проведению хозяйственной деятельности Раздел/Документацию и создать условия для выполнения мер по обеспечению сохранности ОКН.

Конечно, Институт археологии им. А.Х. Халикова не единственная организация, которая ведет свою деятельность в этом направлении. После вступления в силу Приказа Министерства культуры Республики Татарстан от 13.03.2017 № 218од «Об утверждении границ территории, предмета охраны и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения г. Казань» разработка Разделов/Документаций получила новый толчок развития, поскольку основная мысль документа гласит, что при проведении каких-либо работ в границах исторического поселения в большинстве случаев требуется разработка Раздела/Документации. В связи с этим на территории Республики ведут свою деятельность более 5 учреждений, занимающихся составлением проектов обеспечения сохранности ОКН.

Для понимания роли Института археологии им. А.Х. Халикова в деле сохранения объектов культурного (археологического) наследия по исследованию культурного слоя города Казани, следует обратить внимание на стати-

Таблица 2. Разработка Документаций/Разделов по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия регионального (республиканского) значения - Достопримечательное место "Культурный слой города Казани …" с 2019 по 2023 гг.
Table 2. Elaboration of Documentation /Issues on ensuring the preservation of cultural (archaeological) heritage site of regional (republican) significance – place of interest "Cultural layer of Kazan City ..." from 2019 to 2023.





стические сведения, которые показывают, что он занимает ведущее место в этом направлении. Так, за период 2019–2023 гг.[4] сотрудниками НИИ было написано 69 научно-исследовательских проектов (38 % от общего числа), в то время как другими организациями – 114, т.е. 62 % за последние 4 года (см. подробно табл. 2).

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ успешно реализует одно из направлений своей деятельности: разработку научно-исследовательских проектов (Разделов/Документаций), призванных оценить меры воздействия хозяйственных и иных работ на культурный (археологический) слой и рекомендовать программу спасательных археологических полевых исследований с целью сохранения объекта культурного наследия. Именно он является первым, кто начал активно вовлекаться в процесс сохранения археологического наследия путем создания специальных проектов и программ, предшествующих каким-либо земляным работам в границах ОКН, которые могли бы оказать негативное воздействие на культурный слой, содержащий в себе бесценную историческую информацию. С самого начала (2005 г.) по настоящее время Институт археологии занимает ведущее место в создании подобных проектов, что говорит о профессионализме сотрудников, доверии общества и государственных структур.

Примечания:

[1] Также могут встречаться под наименованием «Разделы, обосновывающие меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия …».

[2] В Постановлениях дается текстуальное и картографическое описание границ территорий достопримечательных мест с указанием поворотных точек, приведенных в соответствие с местной (МСК) и всемирной геодезической системе координат 1984 г. (WGS-84).

[3] В Таблице 1 приведены статистические данные отложившихся в Архиве Института археологии Разделов/Документаций в печатном и/или электронном виде. До 2015 года их систематизация и хранение велось в хаотичном порядке. В Таблицу вошли и Корректировки Разделов/Документаций, т.е. внесение изменений или дополнений в разработанный ранее проект в связи с обращением Заказчика (например, из-за увеличения/уменьшения подземной части проектируемого строительства или же устройства инженерных сетей и коммуникаций).

[4] Хронологические рамки выбраны в качестве примера, исходя из представленных списков Разделов/Документаций и их Корректировок на сайте Комитета Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия (http://okn.tatarstan.ru) за полный годовой период.

ЛИТЕРАТУРА

Егорушкин Ю.А. Реализация государственной политики ТАССР в сфере сохранения объектов культурного наследия (1950-е–1990-е гг.). Дисс. … канд. истор. наук. Казань, 2019. 190 с.

Закон Республики Татарстан от 01.04.2005 № 60–ЗРТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан».

Муратова Д.В. Формирование и деятельность системы охраны памятников в Республике Татарстан (вторая половина XX – начало XXI вв.). Дисс. … канд. истор. наук. Казань, 2020. 196 с.

Пашина Е.В. Роль картографических источников в проектной деятельности по сохранению объектов культурного наследия // Геодезия и картография. 2024. № 10. С. 22–31.

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15.02.2010 № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани».

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.09.2010 № 774 «О внесении изменения в Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15.02.2010 № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани»».

Приказ Департамента культурного наследия г. Москвы от 18.04.2016 № 241 «О разделах проектной документации об обеспечении сохранности объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия и проектах обеспечения сохранности объекта культурного наследия, подлежащих разработке при проведении земляных и иных работ».

Приказ Министерства культуры Республики Татарстан от 13.03.2017 № 218од «Об утверждении границ территории, предмета охраны и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения г. Казань».

Топал Н.М. Государственная политика по сохранению историко-культурного наследия в Татарской, Чувашской, Марийской Республиках в 1960-х–1980-х гг. Дисс. … канд. истор. наук. Казань, 2021. 180 с.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73–ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Информация об авторах:

Пашина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); eka11pa@mail.ru

Мирсияпов Ильнур Юсупович, заведующий отделом охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); i_mirsiyapov@mail.ru

REFERENCES

Egorushkin, Yu. A. 2019. *Realizatsiya gosudarstvennoy politiki TASSR v sfere sokhraneniya ob"ektov kul'turnogo naslediya (1950-e–1990-e gg.) (Implementation of the state policy of TASSR in the field of preservation of cultural heritage sites (1950s–1990s)).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Zakon Respubliki Tatarstan ot 01.04.2005 № 60–ZRT «Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya v Respublike Tatarstan» (Law of the Republic of Tatarstan dated 04/01/2005 No. 60–ZRT "On cultural heritage sites in the Republic of Tatarstan") (in Russian).

Muratova, D. V. 2020. *Formirovanie i deyatel'nost' sistemy okhrany pamyatnikov v Respublike Tatarstan (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.) (Formation and activity of the monument protection system in the Republic of Tatarstan (the second half of the XX – beginning of the XXI centuries)).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Pashina, E. V. 2024. In *Geodeziya i kartografiya (Geodesy and Cartography)* 10, 22–31 (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 15.02.2010 № 79 «Ob otnesenii k ob"ektam kul'turnogo naslediya regional'nogo (respublikanskogo) znacheniya v vide dostoprimechatel'nogo mesta kul'turnogo sloya goroda Kazani» (Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 02/15/2010 No. 79 " On classifying the cultural layer of the city of Kazan as a cultural heritage site of regional (republican) significance in the form of a place of interest") (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 30.09.2010 № 774 «O vnesenii izmeneniya v Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 15.02.2010 № 79 «Ob otnesenii k ob"ektam kul'turnogo naslediya regional'nogo (respublikanskogo) znacheniya v vide dostoprimechatel'nogo mesta kul'turnogo sloya goroda Kazani»» (Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 30.09.2010 No. 774 "On amending the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 15.02.2010 No. 79 "On classifying the cultural layer of the city of Kazan as an object of cultural heritage of regional (republican) significance in the form of a place of interest") (in Russian).

Prikaz Departamenta kul'turnogo naslediya g. Moskvy ot 18.04.2016 № 241 «O razdelakh proektnoy dokumentatsii ob obespechenii sokhrannosti ob"ekta kul'turnogo naslediya, vyyavlennogo ob"ekta kul'turnogo naslediya i proektakh obespecheniya sokhrannosti ob"ekta kul'turnogo naslediya, podlezhashchikh razrabotke pri provedenii zemlyanykh i inykh rabot» (Order of the Moscow Department of Cultural Heritage dated 04/18/2016 No. 241 "On issues of the project documentation on ensuring the safety of the cultural heritage object, the identified cultural heritage object and projects to ensure the safety of the cultural heritage object to be worked out during excavation and other works") (in Russian).

Prikaz Ministerstva kul'tury Respubliki Tatarstan ot 13.03.2017 № 218od «Ob utverzhdenii granits territorii, predmeta okhrany i trebovaniy k gradostroitel'nym reglamentam v granitsakh territorii istoricheskogo poseleniya regional'nogo znacheniya g. Kazan'» (Order of the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan dated 13.03.2017 No. 218od "On approval of the boundaries of the area, the subject of protection and requirements for urban planning regulations within the boundaries of the area of the historical settlement of regional significance in Kazan") (in Russian).

Topal, N. M. 2021. *Gosudarstvennaya politika po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya v Tatarskoy, Chuvashskoy, Mariyskoy Respublikakh v 1960-kh–1980-kh gg. (State policy on the preservation of historical*

and cultural heritage in the Tatar, Chuvash, and Mari Republics in the 1960s and 1980s.). Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 № 73–FZ «Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law No. 73–FZ of 06/25/2002 "On cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation") (in Russian).

About the Authors:

Pashina Ekaterina V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences. Baturin St., 7A, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ; eka11pa@mail.ru

Mirsiyapov Ilnur Yu., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation;; i_mirsiyapov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01/903.02 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.331.349

КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК 2023 ГОДА НА ГОРОДИЩЕ КЕН-БУЛУН (КЫРГЫЗСТАН)[1]

©2025 г. В.А. Кольченко, А.А. Зиновьева

В статье представлены итоги исследования массовой керамики из двух раскопов на городище Кен-Булун в 2023 году. На обоих раскопах преобладает керамика ремесленного производства, ранее выделенная в группы 1 и 2. Группа 1 в основном представлена столовой посудой, группа 2 – кухонной и тарной. В рамках продолжения изучения технологии изготовления керамики выявлен еще один способ составления формовочных масс – из смеси двух природных глин во влажном состоянии, одна из которых ожелезненная, другая – слабоожелезненная. Но преобладающей является традиция использования одной ожелезненной глины. В группе 1 преобладают три рецепта: глина без добавок, глина+органика, глина+органический раствор. В группах 2 и 3 преобладает рецепт глина+дресва+органический раствор. Помимо основной массы керамики, которая укладывается в ранее представленную классификацию, имеются фрагменты сосудов и изделия, выходящие за ее рамки. К таковым относятся фрагменты кувшинов с декором в виде потёков краски, сосуды, изготовленные из чистой глины без минеральных включений, с обточенной и лощеной поверхностью, а также дисковидные изделия с вырезами в форме креста.

Ключевые слова: археология, средневековье, Центральная Азия, керамика,; посуда, технология гончарства, глина, примеси

POTTERY FROM THE 2023 EXCAVATIONS AT THE KEN-BULUN SETTLEMENT (KYRGYZSTAN)[2]

V.A. Kolchenko, A.A. Zinovyeva

This paper deals with the results of the study of frequent pottery from two excavation areas at the Ken-Bulun settlement in 2023. In both sections, there is a predominance of handcrafted ceramics, previously divided into groups 1 and 2. Group 1 is mainly represented by tableware, group 2 — by kitchen and transport ware. During study the technology of making ceramics, another way of preparing molding paste has been revealed — using a mixture of two natural clays in a wet state, one of which contains a large amount of iron oxide, the other contains a very small amount of it. However, the prevailing tradition is to use only red clay. Three recipes prevail in group 1: clay without temper, clay + organic, clay + organic solution. In groups 2 and 3, the clay+soil +organic solution recipe prevails. In addition to the bulk of pottery, which fits into the previously presented classification, there are fragments of vessels and products that go beyond its scope. These include fragments of jugs decorated with streaks of paint, vessels made of pure clay without mineral inclusions, with a smoothed and polished surface, as well as disc-shaped items with cross-like cutouts

Keywords: archaeology, Middle Ages, Central Asia, pottery/ceramics, tableware, pottery technology, clay, inclusions

В 2023 году в рамках совместной экспедиции Института археологии им. А. Халикова АН РТ и Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР было продолжено исследование городища Кен-Булун под руководством В.А. Кольченко и Д.К. Тулуша. Городище расположено в Иссык-Атинском районе Чуйской области, в 40 км к востоку от г. Бишкек (Кыргызстан). Как и в предыдущем сезоне, археологические работы велись на двух раскопах – 1 и 2. По монетным данным верхние слои относятся примерно к середине XI – началу XII вв., нижележащие конструкции – к первой поло-

[1] Работа выполнена в рамках государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)» и гранта Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) №22/2022 на 2022–2023 гг.

[2] The work was carried out as a part of the State program "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020-2024)" and the grant of the International Institute for Central Asian Studies (ICAI) No. 22/2022 for 2022-2023.

Рис.1. Кен-Булун. Раскоп 1. Фотоплан
Fig.1. Ken-Bulun. Excavation 1. Airplan

вине - середине XI в. Поскольку исследования на городище еще продолжаются, нижняя хронологическая граница памятника пока не установлена.

В ранее опубликованных работах были обозначены базовые технологические аспекты неполивной керамики Кен-Булуна и представлена её первичная классификация. Так, в качестве исходного сырья в основной массе керамики было зафиксировано использование ожелезнённых слабо- и среднезапесоченных глин с естественными кварцевыми и карбонатными включениями. В одном случае мы зафиксировали использование лёсса. В формовочных массах обнаружена примесь дресвы и органики. В зависимости от способа формообразования выделено три группы керамики. В группе 1 зафиксированы признаки формообразования целиком на гончарном круге, в группе 2 – навыки скульптурной лепки в сочетании с частичной профилировкой верхних частей сосудов на круге и машинным заглаживанием, в группе 3 – только ручная лепка (Куклина, Кольченко, 2024, с. 28–36).

Цель настоящей работы – публикация данных по итогам исследований 2023 года. Подавляющее количество находок не дает представление о формах сосудов, но позволяет изучить особенности технологии изготовления. Для получения более подробной информации об исходном сырье и формовочных массах была сделана выборка образцов, которые затем были исследованы с помощью микроскопа в соответствии с методикой А.А. Бобринского (Бобринский, 1978, с. 79–108).

Несмотря на фрагментарность большей части керамики, было накоплено некоторое количество вариантов одного из видов кухонной посуды – котлов. По конструкции дна выделяется 3 варианта: круглодонные, плоскодонные и с уплощённым дном. Гораздо большее разнообразие имеется среди венчиков котлов. По итогам двух лет собрано несколько полных профилей, которые позволяют соотнести круглодонную конструкцию и округлый венчик с наплывом на внешней стороне с плавным переходом от венчика к тулову без перегибов (Куклина, Кольченко, 2024, рис. 2. 2). Подобные котлы известны по материалам городищ Красная речка (Кожемяко, 1967, с. 61, рис. 3: 11-13), Ак-Бешим (Кызласов, 2006, рис.

93: 32) и Новопокровское-2 (Кольченко, Ротт, 2017, рис.5: 6,7), а также по памятникам Южного Казахстана – в Таразе и Сюткенте (Агеева, Пацевич, 1958, С. 36-37). Котлы с плоским и уплощенным дном в собранных нами материалах имеют скошенный внутрь край венчика, а также чётко выраженный переход от верхней части к тулову – в виде перегиба линии контура. Котлы с подобным профилем также известны по городищу Красная речка (Торгоев, Кольченко, 2010, с. 305, рис. 4). Дальнейшие работы на городище Кен-Булун позволят более точно соотнести устройство венчиков котлов с конструкцией дна.

Раскоп 1 (рис. 1)

На всей площади Раскопа 1 был вскрыт строительный горизонт 1, делящийся на 3 слоя. В отдельных местах прослеживался нижележащий слой 4, относящийся к горизонту 2. При расширении Раскопа 1 к северу и югу, за пределами помещений велся учет по слоям. Общее количество керамики, полученной из раскопа – 294 фрагмента.

Дерновый слой (слой 1)

Из слоя происходит 71 фрагмент керамики, представленной группами 1, 2 и 3, а также двумя фрагментами черепицы. Количество фрагментов каждой группы, а также доля фрагментов с ангобом и лощением представлены в таблице (табл. 1). Как уже упоминалось выше, целых форм довольно мало, так что в процессе обработки материала мы могли опираться лишь на профильные части сосудов. Ниже представлены результаты по количеству таких фрагментов в группах.

Таблица 1. Керамика групп 1-3 в дерновом слое Раскопа 1
Table 1. Pottery groups 1-3 in turf layer of Excavation 1.

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%[1])	14 (20,28%)	49 (71%)	4 (5,79%)
с ангобом	2 (14,28%)	4 (8,16%)	0
с лощением	1 (7,14%)	2 (4,08%)	0

В группе 1 – 2 фрагмента кувшинов и 1 фрагмент столового горшка. В группе 2 имеются хумы (7 фр.), котлы (6 фр.), крышка хума (1 фр.), миска (1 фр.), чаша (1 фр.). В группе 3 – 2 фрагмента крышек и 1 фрагмент тандыра. Примечательно, что в формовочную массу тандыра, вместо обычной дресвы замешана галька размером до 18 мм.

Два фрагмента сосудов (2,89%), в силу небольших размеров, не удалось отнести к определённой группе.

Слой 2

Всего из слоя получено 14 фрагментов керамики (табл. 2), 1 фрагмент черепицы и 8 кирпичей. Черепица сероглиняная, полуцилиндрическая, относится к изделиям, характерным для китайской культуры (Бернштам, 1950. с. 139). Среди кирпичей – 4 квадратной формы (размеры: 27,4×27×5; 25,6×25×5,5; 21,5×21,5×4; 21,5×21×4), один из них с отпечатком лапы собаки (рис. 2: 1). Из остальных кирпичей два целые прямоугольные (размеры 33,5×16×4; 26×13×5) и два фрагмента прямоугольных (размеры 18×14×6; 18×16×5,5+), один из них с отпечатком лапы и ошлакован (рис. 2: 2).

Таблица 2. Керамика групп 1-3 в слое 2 Раскопа 1
Table 2. Pottery groups 1-3 in layer 2 of Excavation 1

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	4 (28,57%)	7 (50%)	1 (7,14%)

В группе 1 имеется фрагмент кувшина, в группе 2 – 2 фрагмента котлов и 1 фрагмент верхней части кувшина с орнаментом в виде двух рядов вертикальных «насечек» по основанию горловины, в группе 3 – 1 фрагмент крышки. Два фрагмента (14,28%) не удалось отнести к определённой группе. Ангобированные и лощеные сосуды отсутствуют.

Слой 3

Из слоя происходит 40 фрагментов керамики (табл. 3). В группе 1 кувшины (2 фр.) и чашевидный сосуд (1 фр.), в группе 2 кувши-

Таблица 3. Керамика групп 1-3 в слое 3 Раскопа 1
Table 3. Pottery groups 1-3 in layer 3 of Excavation 1

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	10 (25%)	22 (55%)	3 (7,5%)
с ангобом	1 (10%)	3 (13,63%)	1 (33,33%)

ны (8 фр.), хумы (2 фр.), котёл (1 фр.), в группе 3 – фрагменты крышки, тандыра и тувака.

Помимо этого 5 фрагментов сосудов (12,5%) не удалось отнести к определённой группе.

Слой 4

Из слоя получено 5 фрагментов керамики: в группе 1 – фрагмент кувшина и фрагмент

Таблица 4. Керамика групп 1-3 в слое 4 Раскопа 1
Table 4. Pottery groups 1-3 in layer 4 of Excavation 1

	группа 1	группа 2
кол-во фр.(%)	4 (80%)	1 (20%)

чашки; группа 2 представлена 1 фрагментом хума (табл. 4).

Во всех слоях керамический материал не имеет принципиальных различий. Самую большую и разнообразную по составу форм часть составляет группа 2, за ней следом по количеству – группа 1, самую малую часть составляет лепная керамика (группа 3). Фрагменты сосудов с ангобом немногочисленны во всех группах, в группе 1 изредка встречаются фрагменты сосудов с лощением.

Помещение 1

Из заполнения помещения получено 68 фрагментов керамических сосудов и 1 фрагмент черепицы китайского типа.

В группе 1 – 2 фрагмента кувшинов, в группе 2 – хумы (5 фр.), миски (3 фр.), котлы (14 фр.), чашевидный сосуд (1 фр.). В группе 3

Таблица 5. Керамика групп 1-3 из помещения 1 Раскопа 1
Table 5. Pottery groups 1-3 from Room 1 of Excavation 1

	группа 1	**группа 2**	**группа 3**
кол-во фр.(%)	4 (5,88%)	39 (57,35 %)	10 (14,7%)
с ангобом	0	17 (43,58%)	0

– крышки (3 фр.), кружки (2 фр.), 1 фрагмент светильника и 1 фрагмент тандыра (табл. 5).

Остальные 15 фрагментов (22,05%) не удалось отнести к определённой группе. Среди них имеются фрагменты венчика с ручкой и стенок лепного широкогорлого кувшина (или кувшинов) с декором в виде потёков красной краски, которые идут от венчика по горловине, по стенкам, захватывая и внутреннюю поверхность (рис. 2: 3). На стенках имеется резной орнамент в виде многорядных линий и полуарок. На ручке кувшина имеется налеп в верхней части и округлые вдавления в нижней части. Лепные широкогорлые кувшины (с диаметром венчика 7-8 см) встречаются на Краснореченском городище в горизонте VIII–X вв. (Кожемяко, 1989, с. 43). Традиция использования красной и коричневой краски для декорирования сосудов была распространена как в конце I тыс.н.э. (Распопова, 1960, с.142), так и в начале II тыс.н.э. (Агеева, Пацевич, 1958, с.39, рис.5). Декор в виде пятен и потёков ангоба, нанесённого на верхнюю часть сосудов (горшков, кувшинов, хумов), известен в частности по материалам городища Актобе (Максимова, Мерщиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 153, рис. 22: 10). В целом, можно сказать, что подобный прием украшения поверхности сосудов оказался довольно живучей традицией, поскольку он известен в среднеазиатском гончарстве вплоть до начала XX века (Пещерева, 1958, с.161).

Интересна здесь также ручка кувшина с налепом на верхней части и орнаментом, представляющим собой вертикальную линию из рядов коротких черточек, нанесенных штампом (рис. 6: 1).

Фрагмент венчика кувшина был исследован с помощью микроскопа (табл.8, образец 1.2), в результате чего было определено, что кувшин изготовлен из ожелезненной слабозапесоченной глины с примесью мелкой дресвы и органики (рис. 3: 2)

Помимо этого, для исследования был отобран ещё один фрагмент придонной части сосуда не определённой группы (табл. 8, образец 1.1, рис. 3: 1).

Яма 23-2

Яма 23-2 была выявлена на площади помещения 1 после снятия дернового слоя. Таким образом, материал из ямы относится к более позднему времени (условно «горизонту 0»).

Из заполнения ямы происходит 6 фрагментов керамики: 1 фрагмент сосуда группы 1 (16,66%), 4 фрагмента группы 2 (66,66%). В группе 2 – фрагменты кувшина и двух котлов.

Один фрагмент дна сосуда не удалось отнести к определённой группе (16,66%). Он выполнен из ожелезнённой слабозапесоченной глины с примесью мелкой дресвы и органического раствора, который фиксировался в

виде изоморфных пор с желтоватым налётом (табл. 8, образец 1.6, рис. 3: 6).

Помещение 2

В заполнении помещения 58 фрагментов керамики (табл. 6). В группе 1 представлены столовые горшки (2 фр.), чашка (1 фр.), кувшин (1 фр.), а также фрагмент водопро-

Таблица 6. Керамика групп 1-3 из помещения 2 Раскопа 1
Table 6. Pottery groups 1-3 from Room 2 of Excavation 1

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	14 (24,13%)	27 (46,55%)	6 (10,34%)
с ангобом	8 (57,14%)	11 (42,3%)	1 (16,66%)
с лощением	1 (7,14%)	0	0
с ангобом и лощением	1 (7,14%)	0	0

водной трубы. Труба представляла собой цилиндр диаметром 13 см. Подобные трубы, изготовленные на гончарном круге, известны по материалам Чуйской долины (Бернштам, 1950, с. 134).

В группе 2 присутствуют котлы (7 фр.), чашевидные сосуды (2 фр.), хум (1 фр.), кувшины (2 фр.), мискообразный сосуд (1 фр.).

В группе 3 – фрагменты котла, горшковидного сосуда, крышки и тандыра. Фрагмент горшковидного сосуда представляет собой верхнюю часть с ручкой (рис. 2: 4). Ручка примыкает к верхней трети горловины, сверху имеется конический налеп. Такой же налеп имеется на плечике сосуда. Диаметр венчика 25 см. По всей видимости, ручек было как минимум две. Наиболее близкой аналогией этой находке является лепной горшковидный сосуд с грибообразными налепами на четырёх ручках и налепами-«жемчужинами» на плечиках с городища Талгар, датируемый X–XII вв. (Кузнецова, 2006, с. 75–76, рис. 1).

У 11 фрагментов сосудов (18,96%) группа не определена. Среди них имеется ручка кувшина, овальная в сечении, с орнаментом из двойных рядов насечек (или, возможно, отпечатков штампа), расположенных таким образом, что они образуют знак, напоминающий букву Y (рис. 6: 2).

Для технико-технологического анализа был отобран 1 фрагмент венчика чашевидного сосуда группы 2 (диаметр 24 см) – табл. 8, образец 1.3, рис. 3: 3.

На площади помещения 2 в слое 2 были выявлены ямы 23-1 и 23-4.

Яма 23-1

Из ямы получен 1 фрагмент чашевидного сосуда группы 2.

Яма 23-4

Из ямы происходит 1 фрагмент венчика сосуда, у которого затруднительно определить группу.

Помещение 3

Из заполнения помещения происходит 17 фрагментов керамики.

В группу 1 входит фрагмент кувшина, в группу 2 – кувшины (2 фр.), котёл (1 фр.), хум (1 фр.), группа 3 представлена 1 фрагментом крышки (табл. 7).

Часть фрагментов (5 фр. – 29,41%) не удалось отнести к определённой группе. Среди них имеется фрагмент крупного изде-

Для технико-технологического анализа был отобран 1 фрагмент венчика чашевидного сосуда группы 2 (диаметр 24 см) – табл. 8, образец 1.3, рис. 3: 3.

На площади помещения 2 в слое 2 были выявлены ямы 23-1 и 23-4.

Яма 23-1

Из ямы получен 1 фрагмент чашевидного сосуда группы 2.

Яма 23-4

Из ямы происходит 1 фрагмент венчика сосуда, у которого затруднительно определить группу.

Помещение 3

Из заполнения помещения происходит 17 фрагментов керамики.

В группу 1 входит фрагмент кувшина, в группу 2 – кувшины (2 фр.), котёл (1 фр.), хум (1 фр.), группа 3 представлена 1 фрагментом крышки (табл. 7).

Часть фрагментов (5 фр. – 29,41%) не удалось отнести к определённой группе. Среди них имеется фрагмент крупного изде-

Таблица 7. Керамика групп 1-3 из помещения 3 Раскопа 1
Table 7. Pottery groups 1-3 from Room 3 of Excavation 1

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	4 (23,52%)	7 (41,17 %)	1 (5,88%)
с ангобом	0	4 (57,14%)	0
с ангобом и лощением	0	1 (14,28%)	0

Рис.2. Кен-Булун. Раскоп 1. Неполивная керамика
Fig.2. Ken-Bulun. Excavation 1. Non-glazed pottery

Таблица 8. Сырье и формовочные массы керамики с Раскопа 1
Table 8. Raw materials and molding clay of pottery from Excavation 1

№ образца	группа	сырьё	ФМ
1.1	?	сл/зап.глина.с мелк.минер.вкл.	глина+орг.р-р
1.2	?	сл/зап.глина	глина+дресвы (0,2-0,7 мм) 1:3+органика
1.3	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-1,2 мм) 1:5 +органика
1.4	2	сл/зап.глина с мелк.карб.включ.	глина+дресва (0,5-0,7 мм) 1:5+органика
1.5	3	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-0,7 мм) 1:6+орг.р-р
1.6	1 или 2	Сл/зап.глина	глина+дресва (07-0,8 мм)1:6+орг.р-р

Подытоживая обзор керамики из Раскопа 1, стоит отметить, что во всех помещениях преобладает группа 2. Примечательно, что в помещении 1 лепная керамика представлена большим числом изделий, чем керамика полностью вытянутая на круге. Два других помещения примерно сопоставимы по соотношениях керамики трех групп.

Раскоп 2 (рис. 4)

На Раскопе 2 все помещения начали вскрывать в 2022 году, поэтому материалы 2023 года из помещений, за одним исключением, относятся к слою 3 первого строительного горизонта (1-я половина – середина XI в.). Исключение составляет помещение 12, относящееся ко второму строительному горизонту.

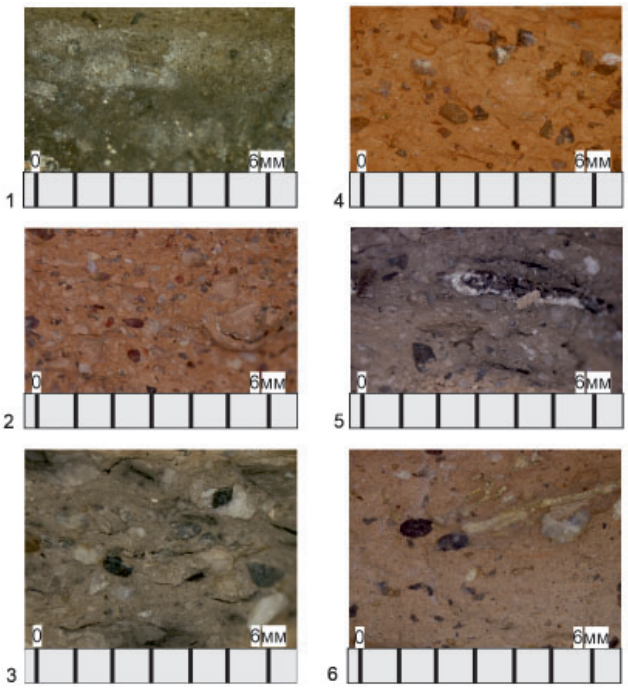


Рис.3. Кен-Булун. Раскоп 1. Образцы керамики
Fig.3. Ken-Bulun. Excavation 1. Pottery samples

Стратиграфическая привязка ям к слоям пока затруднительна и будет представлена в итоговой публикации по материалам проекта.

Общее количество фрагментов керамики и реконструированных (склеенных из фрагментов) сосудов – 1132 шт.

Помещение 1

Из заполнения помещения происходит 104 фрагмента неполивной керамики, представленной группами 1, 2 и 3 (табл. 9). В группе 1 представлены фрагменты кувшинов (9 шт.), тагора (1 шт.) и 1 фрагмент чашевидного сосуда. В группе 2 – хумы (3 фр.), кувшины (5 фр.), котлы (3 фр.), крышки (6 фр.). Интересной находкой являются фрагменты кувшина(ов) с декором в виде полос/потёков, нанесённых красно-коричневой краской (рис. 5: 2). Всего здесь обнаружено 3 таких фрагмента, на двух из них гребёнкой нанесён орнамент в виде фестонов-полуарок. В отличие от подобной находки с Раскопа 1, эти фрагменты имеют следы обработки на гончарном круге. В группе 3 из форм отмечены котлы (6 фр.), корчаги (одна в виде развала нижней части и вторая в виде 1 фр.).

Таблица 9. Керамика групп 1-3 из помещения 1 Раскопа 2.
Table 9. Pottery groups 1-3 from Room 1 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	30 (28,8%)	33 (31,7 %)	41 (39,4%)
с ангобом	12 (40%)	11 (33%)	15 (36,58%)
с ангобом и лощением	0	1 (3%)	0

Для технико-технологического анализа было отобрано 13 фрагментов: из группы 1 – фрагмент кувшина и неопределённого сосуда (табл. 24, образцы №№2.1, 2.2, рис. 7: 1), из группы 2 были отобраны фрагменты кувшинов с краской и фрагмент хума (табл. 24, образцы №№ 2.3-2.5, рис. 7: 2), из группы 3 были отобраны образцы от 3 крышек и 5 сосудов (табл. 24, образцы №№ 2.6-2.13, рис. 7: 3).

Помещение 2

Из данного помещения происходит 102 фрагмента керамики (табл. 10). Керамика группы 1 представлена кувшинами (10 фр.) и кружками (2 фр.). В группу 2 входят котлы (30 шт.), крышки (4 шт.), кухонный горшок (1 шт.), кувшин (1 фр.), корчага (1 фр.), чашевидный сосуд (1 фр.). Среди керамики группы 3 – котлы (11 шт.), крышки (6 шт.), тандыр (1 шт.).

Таблица 10. Керамика групп 1-3 из помещения 2 Раскопа 2
Table 10. Pottery groups 1-3 from Room 2 of Excavation 2

	группа 1	**группа 2**	**группа 3**
кол-во фр.(%)	19 (18,62%)	48 (47,05 %)	31 (30,39%)
с ангобом	11 (63%)	28 (58,33%)	13 (41,93%)
с ангобом и лощением	0	1 (3%)	0

Небольшую часть сосудов (4 фр. – 3,94%) не было возможности отнести к определённой группе. Среди них имеется развал кувшина без верхней части (рис.5:1), технология формовки которого соответствует группе 1, однако в формовочной массе много мелкой дресвы, что не характерно для этой группы. В верхней трети тулова имеется орнамент: два ряда горизонтальных линий, между которыми помещены диагональные линии, расположенные крест-накрест. Также здесь присутствует

Рис.4. Кен-Булун. Раскоп 2. Фотоплан
Fig.4. Ken-Bulun. Excavation 2. Airplan

ручка кувшина с орнаментом в виде 3 рядов коротких вертикальных линий, нанесенных штампом (рис. 6: 3). Поверх двух боковых рядов нанесены линии красно-коричневой краски. В нижней части ручки имеются три округлых вдавления. Таким образом, эта ручка напоминает ручки кувшинов из Раскопа 1 (помещения 1 и 2).

Для технико-технологического анализа было отобрано 10 образцов. Из группы 1 – фрагмент кружки и двух кувшинов (табл. 24, образцы №№ 2.14-2.16, рис. 7: 4), из группы 2 отобрано 4 образца – крышки, кувшина, корчаги и котла (табл. 24, образцы №№ 2.17-2.20, рис. 7: 5), из группы 3 отобраны фрагменты двух котлов и одного неопределенного сосуда (табл. 24, образцы №№ 2.21-2.23, рис. 7: 6).

Помещение 12

Под полом помещения 2 были обнаружены 4 хума – 1 в сезоне 2022 г., и 3 – в 2023 г. Хумы, найденные в 2023 г. сохраняли свою форму, но были растресканы. На венчике одного из хумов имеется надпись на согдийском языке. Пространство с хумами было обозначено как помещение 12, относящееся ко второму строительному горизонту.

Таблица 11. Керамика групп 1-3 из помещения 12 Раскопа 2
Table 11. Pottery groups 1-3 from Room 12 of Excavation 2

	группа 1	**группа 2**	**группа 3**
кол-во фр.(%)	10(30,3%)	10(30,3%)	6 (18,18%)
с ангобом	7 (70%)	9 (90%)	2 (33,33%)

Всего в заполнении помещения в 2023 г. найдено 33 керамических изделия и их фрагменты (табл. 11).

Среди керамики группы 1–3 фрагмента кувшинов, в группе 2 – три хума, а также один фрагмент жаровни, в группе 3 – крышки (3 фр.), фрагмент котла и корчага, сохранившаяся почти на полную высоту, за исключением верхней части.

7 фрагментов (21,21%) не были распределены по группам. Также в заполнении помещения имелся 1 предмет из ожелезненной пластичной глины без примесей, изготовленный, по всей видимости, путём вырезания фрагмента из круглого диска (рис. 9: 1). Таким образом, один край предмета дуговидный, а другой имеет посередине прямоугольный

Рис.5. Кен-Булун. Раскоп 2. Неполивная керамика
Fig.5. Ken-Bulun. Excavation 2. Non-glazed pottery

«зубец» и два выступа, отходящих примерно под прямым углом от его основания. У основания «зубца» видны следы прорезей от инструмента. С обеих сторон предмет покрыт светлым ангобом. Размеры – 13×6,5×1,5 см. При реконструкции изделия до полного получается, что фигура вырезана в форме прямого равноконечного креста.

Помимо этого, среди керамики имеется круглый предмет, изготовленный из стенки сосуда, диаметром 2 см.

Для анализа было отобрано 2 образца. Один от предмета в виде вырезанного из диска фрагмента (табл. 24, образец 2.24, рис. 7: 7). Второй образец от лепной крышки (табл. 24, образец 2.25, рис. 7: 8).

Помещение 6

Из помещения происходит 41 фрагмент керамики (табл. 12) и 1 кирпич. В керамике группы 1 отмечены кувшины (3 фр.) и 1 фрагмент чашки. В группе 2 – котлы (11 фр.), крышки (3 фр.) и хум (1 фр.). В группе 3 – фрагменты крышек (6 шт.), мисок (2 шт.) и курильницы.

Среди керамики был также фрагмент дна (диаметр 8 см) тонкостенного сосуда с обточенной и залощенной поверхностью, который

Таблица 12. Керамика групп 1-3 из помещения 6 Раскопа 2
Table 12. Pottery groups 1-3 from Room 6 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	14(34,14%)	18(43,9%)	8 (19,51%)
с ангобом	7 (50%)	12 (66,6%)	6 (66,6%)

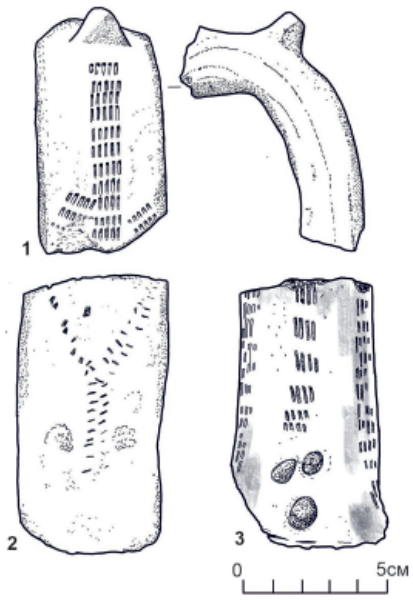


Рис.6. Кен-Булун. Ручки кувшинов с орнаментом из насечек
Fig.6. Ken-Bulun. Handles of jugs with impressed patterns

не относится ни к одной из трех групп керамики.

Для технико-технологического анализа были отобраны 3 образца. Первый образец – от дна сосуда группы 1 (табл. 24, образец 2.26). Еще два образца – от мисок группы 3 (табл.24, образцы №№ 2.27, 2.28).

Составными частями помещения 6 следует считать условно выделявшиеся в 2022 г. помещения 4 и 5, которые являются суфами; материалы из них, соответственно, хронологически более ранние.

Суфа северная (помещение 4)

Всего обнаружен 101 фрагмент керамики (табл.13). В группе 1 были кувшины (11 фр.) и чаши (2 фр.), в группе 2 – разнообразный состав форм: котлы (24 фр.), миски (6 фр.), крышки (20 фр.), хумы (6 фр.), горшок (1 фр.), тагора (1 фр.), в группе 3 – крышки (6 фр.).

Таблица 13. Керамика групп 1-3 из северной суфы
Table 13. Pottery groups 1-3 from the northen sufa

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	19(18,81%)	62(61,38%)	7 (6,93%)
с ангобом	9 (47,36%)	40 (64,51%)	0
с лощением	0	1 (1,61%)	0

Особенностью данной выборки является то, что два фрагмента крышек и два фрагмента хума были необожжёнными и, по всей видимости, являлись продукцией местного гончара. Они изготовлены из светло-коричневой глины с мелкими минеральными остроугольными включениями (табл. 24, образец 2.29, рис. 8: 1).

Остальные 13 фрагментов (12,87%) не удалось точно определить, среди них фрагмент тонкостенного чашевидного сосуда с залощенной поверхностью с диаметром венчика 11 см, дна – 9 см.

Суфа восточная (помещение 5)

Присутствовало 2 фрагмента керамики: один – от сосуда с ангобом группы 1, второй – фрагмент стенки хума с ангобом (группа 2).

Яма 22-4 расположена в помещении 6, в полу её восточной суфы. Основная часть была

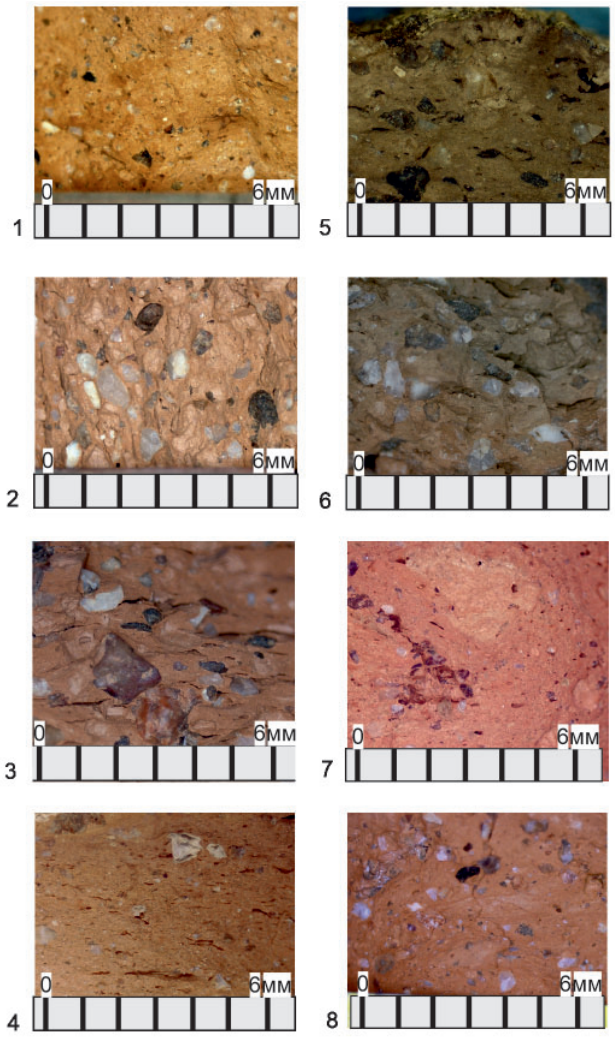


Рис.7. Кен-Булун. Раскоп 2. Образцы керамики
Fig.7. Ken-Bulun. Excavation 2. Pottery samples

Таблица 14. Керамика групп 1-2 из ямы 22-4 Раскопа 2
Table 14. Pottery groups 1-2 from Pit 22-4 of Excavation 2

	группа 1	группа 2
кол-во фр.(%)	4 (57,14%)	2 (28,57%)
с ангобом	1 (25%)	0

расчищена в 2022 году, добиралась – в 2023 году.

Всего в яме в 2023 г. было взято 7 фрагментов: группы 1, включающей 2 фрагмента кувшинов, группы 2, включающей фрагмент котла и крышки (табл. 14), а также 1 фрагмент кувшина неопределенной группы (14,28%).

Для технико-технологического анализа были отобраны 2 образца – фрагмент кувшина с красным ангобом (табл.24, образец 2.46, рис.8:7), фрагмент котла (табл. 24, образец 2.47, рис. 8: 8).

Стены помещения 6 перерезают ямы 23-4 и 23-5. Следовательно, материал из них хронологически более поздний.

Яма 23-4

Из заполнения ямы происходит 36 фрагментов (табл. 15). Группа 1 представлена кувшинами (21 фр.), кружкой (1 фр.) и фрагментом цилиндрической трубы с двумя вдавлениями пальцев на внешней поверхности. В группу 2 входят котлы (3 фр.), крышки (3 фр.), хумы (2 фр.). Группа 3 представлена 1 фрагментом крышки.

Таблица 15. Керамика групп 1-3 из ямы 23-4 Раскопа 2
Table 15. Pottery groups 1-3 from Pit 23-4 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	24 (66,66%)	11 (30,55%)	1 (2,77%)
с ангобом	4 (16,66%)	5 (45,45%)	1 (100%)

Для технико-технологического анализа было отобрано 5 образцов: 2 фрагмента сосудов 1 группы (табл. 24, образцы №№ 2.48-2.49) и 3 фрагмента группы 2 (табл. 24, образцы №№ 2.50-2.52).

Яма 23-5

Всего в заполнении ямы 7 фрагментов керамики (табл. 16). Группа 1 представлена 1 фрагментом кувшина, в группе 2 фрагмент миски и фрагмент котла, группа 3 представлена 2 фрагментами крышек. У одного фрагмента группа не определена.

Таблица 16. Керамика групп 1-3 из ямы 23-5 Раскопа 2
Table 16. Pottery groups 1-3 from Pit 23-5 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	1 (14,28%)	3 (42,85%)	2 (28,57%)
с ангобом	4 (16,66%)	2 (66,66%)	0

Один фрагмент (14,28%) не удалось отнести к определённой группе .

Двор (помещения 3, 7, 8)

Помещения 3, 7 и 8, условно выделявшиеся в 2022 г., были объединены в единое пространство, обозначенное как «Двор».

Общее количество фрагментов керамики – 347 шт. (табл. 17). В группу 1 входят кувшины (10 фр.), чашки (4 фр.), кружки (3 фр.), чаши (2 фр.), 1 фрагмент блюда и 1 фрагмент ручки миниатюрного сосуда. В группе 2 – фрагменты котлов (18 шт.), крышек (33 шт.), горшков (11 шт.), мисок (3 шт.), хума (1 шт.) и чаши (1 шт.). В группе 3 – крышки (8 фр.), жаровни (4 фр.), 2 фрагмента тандыра, 1 фрагмент миски и 1 фрагмент котла, две очажных подставки. Миска примечательна тем, что с внутренней стороны на дне имеется граффити – прочерченное изображение в виде длинной тонкой линии, проходящей по центру дна, и нескольких линий расположенных почти перпендикулярно ей (рис. 5: 3).

Таблица 17. Керамика групп 1-3 из помещений 3,7,8 (Двор) Раскопа 2
Table 17. Pottery groups 1-3 from Rooms 3, 7, 8 (Yard) of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	194(56,39%)	105 (30,52%)	22 (6,39%)
с ангобом	113 (59,16%)	69 (65,71%)	0
с лощением	2 (1,03%)	0	0
с ангобом и лощением	12 (6,18%)	0	0

Остальную часть керамики составляют фрагменты, которые не удалось отнести к группам (23 фр. – 6,68%), а также два предмета, один край которых дуговидный, а другой с вырезанным «зубцом» – как в помещении

12 (рис. 9: 2). Сюда также входит фрагмент тонкостенного сосуда с обточенной поверхностью в виде стенки и подпрямоугольной в сечении ручки (рис. 5: 4).

Для технико-технологического анализа было отобрано 7 образцов. Из группы 1 – фрагменты 3 кувшинов. Исходное сырьё практически одинаковое, за исключением того, что в одном образце обнаружена прослойка более «чистой» глины, не содержащей минеральных включений. Возможно, это признак смешивания двух глин (табл. 24, образцы №№ 2.30-2.32, рис. 8: 2). Из группы 2 отобраны образец горшка и три образца сосудов с декоративными налепами в виде жгутов с вдавлениями (либо горшков, либо котлов) (табл. 24, образцы №№ 2.33-2.36, рис. 8: 3-4). Образец 2.36 отличается от прочих наличием признаков дробления исходной глины.

На территории Двора были выявлены ямы 23-1 и 23-2.

Яма 23-1

Общее количество керамики – 15 фрагментов (табл.18), из которых 6 (40%) затруднительно отнести к определённой группе.

В группе 2 – фрагмент котла и фрагмент хума, в группе 3 – фрагмент крышки и котла.

Таблица 18. Керамика групп 1-3 из ямы 23-1 Раскопа 2
Table 18. Pottery groups 1-3 from Pit 23-1 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	1 (6,66%)	6 (40%)	2 (13,33%)
с ангобом	0	5 (83,33%)	2 (100%)

Из группы 2 для технико-технологического анализа был отобран образец крупного сосуда (диаметр венчика 25 см) с ручкой-налепом (табл. 24, образец 2.42)

Яма 23-2

Из ямы происходит 83 фрагмента керамики (табл.19).

Группа 1 включает кружки (10 фр.), кувшины (21 фр.), чашу (1 фр.), горшок (1 фр.), группа 2 – мискообразные сосуды (5 фр.), котлы (3 фр.)., крышки (2 фр.), тагора (1 фр.), группа 3 – крышки (8 фр.), фрагмент курильницы в виде чаши на трёхногом основании (рис. 5: 5) и миниатюрный горшковидный сосуд с диаметром венчика около 4 см, дна – 5 см (рис. 5: 6). Примечателен фрагмент вертикальной ручки от крышки с округлым углублением в центре и граффити в виде стебля и веточек (рис. 5: 7).

Один фрагмент не удалось отнести к определённой группе (1,2%).

Таблица 19. Керамика групп 1-3 из ямы 23-2 Раскопа 2
Table 19. Pottery groups 1-3 from Pit 23-2 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	45 (54,21%)	25 (30,12%)	12 (14,45%)
с ангобом	20 (44,44%)	12 (48%)	0
с ангобом и лощением	2 (4,44%)	0	0

Для технико-технологического анализа было отобрано 3 образца: 1 фрагмент котла (табл. 24, образец 2.43), фрагмент сосуда (табл. 24, образец 2.44) и фрагмент курильницы (табл. 24, образец 2.45).

Помещение 9

В заполнении помещения 17 фрагментов керамики (табл. 20). В группе 1 – 5 фрагментов кувшинов, в группе 2 – 5 фрагментов крышек, 2 фрагмента жаровен, 2 фрагмента котлов, в группе 3 – фрагмент крышки и фрагмент очажной подставки.

Таблица 20. Керамика групп 1-3 из помещения 9 Раскопа 2
Table 20. Pottery groups 1-3 from Room 9 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	5 (29,41%)	10 (58,82%)	2 (11,76%)
с ангобом	4 (90%)	7 (70%)	0

Помещение 10

В помещении 12 фрагментов керамики (табл. 21): в группе 1 – фрагмент кувшина, в группе 2 – 1 фрагмент котла, 1 фрагмент горшка, 1 фрагмент миски, в группе 3 – фрагмент крышки.

Остальную часть (3 фр. – 25%) не удалось отнести к определённой группе. В этой части присутствуют фрагменты двух тонкостенных сосудов, обточенных ножом и покрытых лощением. По результатам исследования одного из этих фрагментов, было выяснено, что он изготовлен из ожелезнённой среднезапесоченной глины (песок алевритовой размерно-

Таблица 21. Керамика групп 1-3 из помещения 10 Раскопа 2
Table 21. Pottery groups 1-3 from Room 10 of Excavation 2

	группа 1	**группа 2**	**группа 3**
кол-во фр.(%)	3 (25%)	5 (41,66%)	1 (8,33%)
с ангобом	1 (33,33%)	4 (90%)	1 (100%)

сти) с единичными карбонатными включениями. В небольшом количестве имеются следы органики (табл. 24, образец 2.37, рис. 8: 5). В публикации по результатам исследований предыдущего года мы упоминали находку в виде небольшого комка глины, полученного из ямы Я-22-4. Микроскопическое исследование данного образца дало весьма схожую характеристику глинистого сырья с образцом 2.37 (Куклина, Кольченко, 2024, с. 30).

Помещение 13

Всего 111 фрагментов керамики (табл. 22). В группе 1 представлены кувшины (31 фр.) и чашка (1 фр.), в группе 2 – котлы (13 фр.), тагора (4 шт.), хум (1 фр.), горшок (1 фр.), крышка (1 фр.), в группе 3 – фрагмент крышки.

Таблица 22. Керамика групп 1-3 из помещения 13 Раскопа 2
Table 22. Pottery groups 1-3 from Room 13 of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	37 (33,33%)	45 (40,54%)	3 (2,7%)
с ангобом	17 (45,94%)	30 (66,6%)	1 (33,33%)
с лощением	3 (8,1%)	0	0
с ангобом и лощением	3 (8,1%)	1 (2,22%)	0

Остальные фрагменты (23 шт. – 20,72%) не удалось отнести к группам.

В заполнении помещения также присутствовали три предмета в виде фрагментов дисков с вырезами (рис. 9: 3–5).

Для анализа были отобраны 2 фрагмента сосудов группы 2 (табл.24, образцы №№ 2.38-2.39).

Траншея

Шурф-траншея выполнялся у западного борта раскопа, на площади Двора, для лучшего понимания стратиграфии.

Из траншеи происходит 104 фрагмента керамики (табл. 23), в том числе 1 кирпич, 1

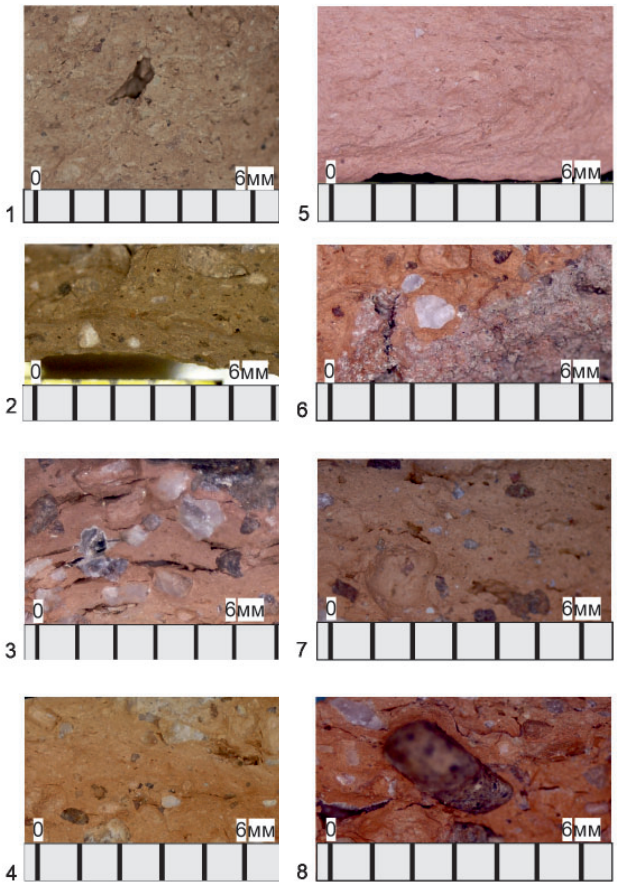


Рис.8. Кен-Булун. Раскоп 2. Образцы керамики
Fig.8. Ken-Bulun. Excavation 2. Pottery samples

фрагмент в виде половины диска с крестообразным вырезом (рис. 9: 6) и ещё один фрагмент подобного предмета.

В группе 1 присутствуют фрагменты от кувшинов (15 фр.), чаш (2 фр.), кружки (1 фр.), в группе 2 – крышки (6 фр.), котлы (2 фр.), тагора (2 фр.), горшки (2 фр.), в группе 3 – чашевидный сосуд (1 фр.), крышка (1 фр.), очажная подставка (1 фр.).

Таблица 23. Керамика групп 1-3 из Траншеи Раскопа 2
Table 23. Pottery groups 1-3 from Trench of Excavation 2

	группа 1	группа 2	группа 3
кол-во фр.(%)	56 (55,44%)	37 (36,63%)	4 (3,96%)
с ангобом	32 (57,14%)	18 (48,64%)	0
с ангобом и лощением	6 (10,71%)	0	0

Остальная часть керамики (4 фр. – 3,96%) – фрагменты сосудов, которые не удалось отнести к группам.

Для технико-технологического анализа был отобран фрагмент тагора (табл. 24, образец 2.40, рис. 8: 6) и фрагмент крышки (табл. 24, образец 2.41).

В завершении обзора керамики с Раскопа 2 можно отметить, что, хотя в целом по всему раскопу керамики группы 1 больше, чем двух других групп, ее доля в каждом отдель-

Таблица 24. Сырье и формовочные массы керамики с Раскопа 2
Table 24. Raw materials and molding clay of pottery from Excavation 2

№ образца	группа	сырьё	ФМ
2.1	1	сл/зап.глина с минеральными остроугольными включениями (0,1-0,5 мм), редкие мелкие карбонатные вкл.	глина
2.2	1	сл/зап. глина с редкими мелкими минеральными остроугольными вкл.+ фракция – 0,5-1 мм, карбонаты – мелкие и более крупные – 1,1 мм	глина+органика
2.3	2	сл/зап. глина с мелкими минеральными остроугольными вкл. и редкими карбонатными вкл	глина+ дресва (0,2-0,5 мм) 1:4 + органика
2.4	2	сл/зап.глина с мелкими минеральными остроугольными вкл. и редкими крбонатными вкл	глина+ дресва (0,2-0,5 мм) 1:4 + органика
2.5	2	сл/зап.глина с мелк.карб. и мелк.остроуг. минер.вкл.(0,1-0,5 мм). Глина дробилась в сухом виде.	глина
2.6	3	сл/зап. глина	глина+ дресва (0,5-1,2 мм) 1:3-1:4
2.7	3	сл/зап. глина	глина+ дресва (0,5-1,2 мм) 1:3-1:4
2.8	3	ср/зап. глина с мелкими карб.вкл.	глина+ дресва (1-1,5 мм) 1:4
2.9	3	ср/зап.глина	глина+ дресва (1,5-2 мм) 1:4+ орг.р-р
2.10	3	сл/зап. глина с мелкими карб.вкл.	глина+ дресва(0,5-1,5 мм) 1:4+органика
2.11	3	сл/зап. глина	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:4 + орг.р-р
2.12	3	сл/зап. глина с мелкими карб.вкл.	глина+ дресва (0,2-0,5-1 мм) 1:4 + орг.р-р
2.13	3	сл/зап. глина с мелкими карб.вкл.	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:3-1:4+ орг.р-р
2.14	1	сл/зап.глина с мелкими остроуг.минер.вкл-ми	глина+орг.р-р
2.15	1	сл/зап.глина с мелкими остроуг.минер.вкл-ми	глина+органика
2.16	1	сл/зап.глина с мелк. и круп.(до 2 мм) карбонатн.и мелкими остроуг.минер.вкл-ми	глина+органика
2.17	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:4 +орг.р-р
2.18	2	сл/зап.глина с мелкими остроуг.минер.вкл-ми и отдельные крупные вкл-я (1,5-5 мм)	глина+орг.р-р
2.19	2	сл/зап.глина с мелк.карб.вкл. и минер.остроуг. вкл.	глина+дресва (1 мм) 1:5+орг.р-р
2.20	2	сл/зап.глина. с мелк.остроуг.минер.вкл.	глина+дресва (0,5-1 мм, отд.круп.вкл.до 5 мм) 1:4 + органика
2.21	3	сл/зап.глина, дробление глины в сухом виде	глина+ дресва (0,5-0,7 мм) 1:5 +орг.р-р.

2.22	3	сл/зап.глина с отдельными крупными окатанными вкл. (до 5 мм)	глина+мелкая дресва 1:4+орг.р-р
2.23	3	сл/зап.глина, дробление глины в сухом виде	глина+дресва (1-1,2 мм) 1:4+орг.р-р
2.24	-	смесь глин: ожел.сл/зап.+ слабоожел.,мелкие минер.вкл.	смесь глин+органика
2.25	3	смесь глин: ожел.сл/зап.+ слабоожел.,мелкие минер.вкл.	смесь глин+дресва (0,5-01,5мм) 1:5+орг.р-р
2.26	1	сл/зап.глина с мелк.минер.остроуг.вкл.	глина+орг.р-р
2.27	3	сл/зап.глина с мелк.минер.вкл.	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:4+ орг.р-р
2.28	3	сл/зап.глина с мелк.минер.вкл.	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:5+ орг.р-р
2.29	2	сл/зап.глина с мелк.минер.остроуг.вкл.	глина+?
2.30	1	ср/зап.с редкими мелк.остроуг.минер.вкл.	глина
2.31	1	ср/зап. глина, мелкие минер.вкл.	глина+орг.р-р
2.32	1	ср/зап.глина, мелк.минер.вкл.+пласт.глина во влаж.состоянии(?)	смесь глин+органика
2.33	2	сл/зап.глина с мелк.минер.остроугольн.вкл.	глина+дресва (0,5-0,7 мм, единич.вкл. 2 мм) 1:4 + орг.р-р
2.34	2	сл/зап.глина. с мелк.карб.вкл	глина+дресва (0,5-1 мм) 1:5.
2.35	2	сл/зап.глина с крупн.окат.вкл. (4 мм)	глина+дресва (1-1,5 мм) 1:4+ орг.р-р
2.36	2	сл/зап.глина с мелк.минер.вкл. дробление глины в сухом состоянии	глина+дресва (0,5-1 мм) 1:5, орг.р-р
2.37	?	ср/зап.глина с единичн. карб..вкл.	органика?
2.38	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:5-1:6
2.39	2	сл/зап.глина с мелк.минер.остроуг.вкл.	глина+дресва (0,5-1,5 мм) 1:4
2.40	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-1,2 мм) 1:5+орг.р-р
2.41	3	ср/зап.глина, мелк.минер.вкл.и мелк.карб.	глина+дресва (1-1,5 мм) 1:5+ орг.р-р
2.42	2	ожел.слабозапесоч.глина с примесью слабоожелезн. во влаж.сост.	смесь глин+дресва (1,5-3 мм) 1:4
2.43	2	сл/зап.глина с мелк.минер.вкл.	глина+дресва (0,5-1 мм, отд.вкл. 2 мм) 1:5+орг.р-р
2.44	3	сл/зап. глина	глина+дресва (0,5-1 мм) 1:4+ орг.р-р
2.45	3	сл/зап. глина	глина+ дресва (0,5-1,5 мм) 1:3
2.46	?	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-1,2 мм) 1:6+орг.р-р
2.47	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,7-1,5 мм) 1:4+орг.р-р
2.48	1	ср/зап.глина с мелк.минер.остроуг.вкл, мелк. карб.	глина+органика
2.49	1	сл/зап.глина с мелкими минер.остроуг.вкл. 0,1 мм и отд.крупн.вкл. до 1 мм	глина
2.50	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-0,7 мм) 1:5-1:6+ органика
2.51	2	ожел.сл/зап.глина+слабоожел.глина	смесь глин+дресва (0,2-0,5 мм) 1:5+органика
2.52	2	сл/зап.глина	глина+дресва (0,5-2 мм) 1:4+ орг.р-р

ном помещении/яме ниже, чем группы 2 – за исключением двора, траншеи и ям 23-2, 22-4 и 23-4. Помимо этого выделяется помещение 1 – единственное, где преобладает лепная керамика. Керамика с ангобом составляет примерно половину во всех группах, встречаются единичные фрагменты с ангобом и лощением и только с лощением – лишь в группах 1 и 2.

Таким образом, исследованный материал в основном представлен тремя группами керамики, по всей видимости, местного производства, а также включает небольшую

Рис.9. Кен-Булун. Раскоп 2. Дисковидные изделия
Fig.9. Ken-Bulun. Excavation 2. Disk-shaped items

часть сосудов, представляющих иные традиции. Керамика группы 1 и группы 2 занимает самый большой объем. При этом на Раскопе 2 доля керамики группы 1 (40,81%) в два раза выше, чем на раскопе 1 (19,04%). И напротив, группа 2 на раскопе 1 составляет большую долю, чем на раскопе 2 (53,7% и 37,89% соответственно). Группа 3 составляет 8,5% на раскопе 1 и 12,72% на раскопе 2, т.е. сравнительно равные части. Такое соотношение круговой и лепной керамики характерно для слоёв начала II тыс.н.э. (Кожемяко, 1989, с.15).

Что касается разнообразия форм, то на Раскопе 2, в силу значительно большего количества керамики, оно гораздо выше. Тем не менее, на обоих раскопах в группе 1 преобладают кувшины, а в группе 2 – котлы и хумы. Примечательно здесь, пожалуй, большое количество крышек на Раскопе 2 – 79 фрагментов (на Раскопе 1 – только один фрагмент). В группе 3 на обоих раскопах преобладают крышки; имеются также фрагменты тандыров и единичные сосуды (миски, котлы) и изделия типа курильниц и очажных подставок.

Во всех группах наблюдается определённое технологическое разнообразие: в проанализированной выборке было зафиксировано по несколько рецептов формовочных масс, при этом исходная глина более-менее однородная. Во всех группах зафиксированы случаи смешения двух глин. Известно, что данный приём был распространён в Средней Азии в XI–XII вв. (Сайко, 1965, с. 163). В группе 1 преобладают три рецепта: глина без добавок, глина+органика, глина+органический раствор. В группах 2 и 3 преобладает рецепт глина+дресва+органический раствор. Результаты проведенного технико-технологического

анализа показали также отличия на видовом (концентрация) и подвидовом (размер частиц) уровнях формовочных масс.

Пока что остается открытым вопрос о характере проникновения керамики, которая осталась за пределами выделенных нами групп: это фрагменты кувшинов с красочным декором, а также тонкостенные сосуды с обточенной и лощеной поверхностью. В первом случае, помимо краски, необычно использование дресвы в качестве компонента формовочной массы, которая, как правило, для кувшинов не применяется, и в основном фиксируется в обломках котлов, горшков и крышек. В остальном, насколько позволяют судить отобранные образцы, глина мало чем отличается от сырья остальной керамики. Сам декор в виде пятен и потёков краски представляют довольно распространённую традицию, в том числе и в X–XII вв. (Агеева, Пацевич, 1958. с. 88-189, рис.105). Второй случай (тонкостенные сосуды), помимо способа обработки поверхности, примечателен исходным сырьем – чистой глиной практически без инородных включений. Пока что мы можем предположить, что либо это иной источник сырья, а керамика изготовлена здесь же, либо она привезена из другого места. Представляется, что исследование месторождений глины в округе Кен-Булуна может пролить свет на этот вопрос.

Пожалуй, самыми загадочными находками с Раскопа 2 являются керамические изделия в виде фрагментов дисков с крестообразными вырезами (рис. 9). В 2023 году было обнаружено 8 таких предметов: на территории Двора – 2 шт., в помещении 13 (которое примыкает к Двору с севера) – 3 шт., в траншее (на территории Двора) – 2 шт. Аналогий им пока что не найдено. Вероятно, данные изделия относятся к некому специфическому инструментарию.

Примечание:

[1] В первой строке указана доля керамики групп 1-3 в % от общего количества керамики (включая те фрагменты,что не удалось отнести к той или иной группе), в строчках «с ангобом» , «с лощением» указан процент от количества фрагментов каждой группы керамики.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. V / Отв. ред. В.Ф. Шахматов, К.А. Акишев. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1958. С. 157–215.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. На Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1967. С. 53–90.

Кожемяко П.Н. Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962-1963 гг.// Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции) / Ред. В.А. Лившиц, В.М. Плоских, В.Д. Горячева. Фрунзе: Илим, 1989. С. 29–68.

Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. Городище Новопокровское-2: О стратиграфии участка жилой застройки с внешней стороны крепостных стен // Эпоха Юсуфа Баласагуни: История, литература, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию Юсуфа Баласагуни. Бишкек, 2017. С. 202–215.

Кузнецова О.В. Интересные находки керамики из Северо-Восточного Жетысу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2006. № 1. С. 75–77.

Куклина А.А., Кольченко В.А., Тулуш Д.К. О керамике из раскопок на городище Кен-Булун в Чуйской долине Кыргызстана // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 117–122.

Куклина А.А., Кольченко В.А. Итоги исследования массовой керамики с раскопов 2022 г. на средневековом городище Кен-Булун (Чуйская долина, Кыргызстан) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 26–42

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. М.: Вост.лит., 2006. 360 с.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг В.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 262 с.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.: АН СССР, 1959. 398 с.

Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4 / Ред. Г.Ф. Дебец. М.: АН СССР, 1960. С. 138–163.

Сайко Э.В. Технология керамики средневековых мастеров // Археология и естественные науки / МИА. № 129 / Ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1965. С.161–166.

Торгоев А.И., Кольченко В.А. К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева. СПб: Инфо-ол, 2010. С. 301–310.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» / МИА № 14 / Сост.под рук. А.Н. Бернштама. М.-Л: АН СССР, 1950. 160 с. + XCV табл

Информация об авторах:

Кольченко Валерий Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (г. Бишкек, Кыргызстан); archak@gmail.com

Зиновьева Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In Shakhmatov, V. F., Akishev, K. A. (eds.). *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* V. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 157–215 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Kozhemyako, P. N. 1967. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Drevnyaya i rannesrednevekovaya kul'tura Kirgizstana (Ancient and Early Medieval culture of Kyrgizstan).* Frunze: "Ilim" Publ., 53–90 (in Russian).

Kozhemyako, P. N. 1989. In Livshits, V. A., Ploskikh, V. M., Goryacheva, V. D. (eds.). *Krasnaya Rechka I Burana (Materialy I issledovaniya Kirgizskoi arkheologicheskoy ekspeditsii) (Red River and Burana (Proceedings and searching of Kyrgyz archaeological expedition)*. Frunze: "Ilim" Publ., 29–68 (in Russian)

Kolchenko, V. A., Rott, F. G. 2017. In *Epoha Yusufa Balasaguni: Istoriya, literatura, material'naya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyaschennoj 1000-letiyu Yusufa Balasaguni (Yusuf Balasaguni's epoch: history, literature, material culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 1000th anniversary of Yusuf Balasaguni)*. Bishkek, 202-215 (in Russian)

Kuzhetsova, O.V. 2006. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences Series)* 1, 75–77 (in Russian).

Kuklina, A. A., Kolchenko, V. A., Tulush, D. K. 2023. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Materialy VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii (Proceedings of the 7th All-Russian Lower Volga Archaeological Conference).* Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 117–122 (in Russian)

Kuklina, A.A., Kolchenko, V.A. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 48 (2), 26–42 (in Russian)

Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaia tsivilizatsiia Sredinnoi i Severnoi Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniia (Urban Civilization of Central and Northern Asia: Historical and Archaeological Studies).* Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Weinberg, V. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary (arkheologicheskiye issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishca (Antiquities of Chardara (archaeological research in the Chardara reservoir area))* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian)

Peshchereva, E. M. 1959. *Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii (Pottery production in Central Asia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Raspopova, V. I. 1960. In Debets, G. F. (ed.). *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of Kyrgiz Archaeological and Ethnographic expedition)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 138–163 (in Russian).

Saiko, E. V. 1965. In Kolchin, B. A. (ed.). *Arkheologiia i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 129. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 161–166 (in Russian).

Torgoev, A. I., Kolchenko, V. A. 2010. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Drevnie kul'tury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint-Petersburg: “Info-ol” Publ., 301–310 (in Russian).

Bernshtam, A. N. (ed.). 1950. *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. «Chuyskaya dolina» (Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition. "Chui Valley").* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 14. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Kolchenko Valerii A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.J. Jamgerchinov, National Academy of Sciences of Republic of Kyrgyzstan. Chui Avenue, 265a, Bishkek, the Republic of Kyrgyzstan; archak@gmail.com

Zinovyeva Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.
Статья принята к публикации 01.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВДИ – Вестник древней истории
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИКЭ – государственная историко-культурная экспертиза
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗРТ – Закон Республики Татарстан
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН– Институт истории материальной культуры РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КНС – Канализационная насосная станция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МСК – местная система координат
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ОКН – объект культурного наследия
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СНВ – Самарский научный вестник
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФЗ – Федеральный закон

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 27.06.2025
Дата выхода в свет 30.06.2025
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,92
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+